№ 5.

ИЗДАНІЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Май, 1902 г.

АБАЗА К. К. Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

АЛЬМИНСКІЙ, П. Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія въ 5-ти частяхъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

АННЕНСКАЯ, А. Н. Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Своимъ путемъ. Повѣсти и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Мои двѣ племянницы. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Фритіофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портр. и 40 рис. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.

Братъ и сестра. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-ое. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Маленькій оборвышъ. Романъ Д. Гринвуда. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

АННЕНКОВЪ, К. Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и общая часть. 2-е изданіе. Спб. 1899 г. Цѣна 4 р. Т. II: Права вещныя. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. III: Права обязательственныя. 2-е изд. Спб. Ц. 3 руб. Т. VI: Право наслѣдованія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

БАРАЦЪ, С. М. Коммерческая корреспонденція. Изд. 3-е. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

БАРСУКОВЪ, НИКОЛАЙ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 16-ая. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к. Имѣются въ продажѣ первыя 15 книгъ. Цѣна каждой 2 р. 50 к

БЕРЕЗИНЪ, В. П. Сочиненія. Т. II и III. Романы, повѣсти и разсказы. Спб. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к.

БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Пятый томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова, п. р. и съ примѣчаніями издателя. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к. (Первые четыре тома—по 1 р. 25 к.).

ВЕРБИЦКАЯ, А. Сны жизни. Изд. 3-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

ВИНАВЕРЪ, М. Очерки объ адвокатурѣ. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 25 к.

ВИНОГРАДОВЪ, П. Г. Борьба за школу на Скандинавскомъ сѣверѣ. Публичная лекція, читанная въ Москвѣ, 2-го ноября 1901 года, въ пользу „Московск. Педагогич. О—ва“. Спб. 1902 г. Ц. 25 к.

ВОЛЖСКІЙ. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к.

ГАРШИНЪ, ВСЕВОЛОДЪ. Разсказы. Съ біографіею, написанною А. М. Скабическимъ, и тремя портретами. Изд. 8-е, Литературнаго Фонда. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Въ пяти томахъ. Съ объясненіями. Спб. Т. I: ст. 1—276; т. II: ст. 277—504; т. III: ст. 505—718; т. IV: 719—936; т. V: ст. 937—1106. Спб. 900 г. Ц. всѣхъ пяти томовъ—5 руб. Проектъ безъ объясненій. Спб. Цѣна 1 р.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 8-ми томахъ. Вышли тт. I, II, III, IV, V, VI-й и VII-го часть 1-я. Цѣна I-го тома—2 р. 50 к.; II-го, III-го и V-го—по 3 р.; IV-го—4 р.; VI-го—3 р.; тома VII части 1-ой—ц. 2 руб.

Подписка продолжается. Подписная цѣна на все собраніе сочиненій 15 р. Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ и по 2 р. при полученіи первыхъ шести томовъ. Томы VII и VIII выдаются подписчикамъ безплатно. Пересылка по почтовой стоимости.

ГРЕБНЕРЪ, В. Ф., и ДОБРОВОЛЬСКІЙ, А. А. Практика бывшаго 4-го и судебнаго департаментовъ и второго общаго собранія Правительственнаго Сената по торговымъ дѣламъ съ 1889 г. по 1901 г. включ. Судопроизводство по исковымъ дѣламъ.—Администрація.—Несостоятельность.—Векселя. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М. Пѣсни старости. Спб. Ц. 1 р.; въ изящномъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Стихотворенія. Два тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобіографическимъ очеркомъ. Спб. Ц. 3 р.; въ перепл. 3 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Средніе вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлено по Demogeot, Aubertin'y, Gidel'ю, Littré, Lenient и другимъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КАВЕЛИНЪ, К. Д. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ большихъ томахъ въ два столбца. Цѣна за четыре тома—10 р. Въ отдѣльной продажѣ: Т. I—ц. 3 р. 50 к.; т. II—3 р. 50 к.; т. III—4 р.; т. IV—4 р.

КАРѢЕВЪ, Н. И. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 2-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 30 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ истор. картами Спб. 1900. Ц. 1 р. 10 к.

Учебная книга древней исторіи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ). Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.

Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Спб. Цѣна 35 коп.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр.

Идеалы общаго образованія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. Ц. 4 р.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб. Ц. 1 р.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Спб. 1901 г. Цѣна 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е. Спб. Ц. 50 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.

Отзывъ о сочиненіи проф. Корелина подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“. Спб. Ц. 30 к.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. Ц. 2 р.

МИХАЛОВСКІЙ, Д. Л. Иностранные поэты въ переводѣ. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

НОВИКОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ. Записки земскаго начальника. Спб. 1899 г. Ц. 1 50 к.
Записки о сельской школѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

ПОЗНЯКОВЪ, Н. И. Святочные разсказы. Съ рис. В. П. Овсяникова и портретомъ автора. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.
На память дѣткамъ. Разсказы и стихотворенія. Съ рис. Третье изд. Спб. 1902. Ц. 2 руб.
Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

ПРЕССЪ, АРКАДІЙ. Писатели XIX вѣка. (Характеристики). Книга первая Съ пятью портретами. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПРУТКОВЪ, КОЗЬМА. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, facsimile и біографич. свѣдѣніями. Изд. 8-ое. Спб. Ц. въ папкѣ 2 руб.

ПЫПИНЪ, А. Н. Исторія русской литературы. 4 тома. Изданіе 2-е печатается. Цѣна всѣхъ четырехъ томовъ—8 рублей
Исторія русской этнографіи. 4 тома. Ц. 10 р.; каждый томъ отдѣльно 3 р.
М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова. Журнальная дѣятельность 1863—1864. Библіографическая замѣтка. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Сводный старообрядческій синодикъ. Спб. Ц. 1 р.
Характеристики литературныхъ мнѣній. Спб. Ц. 3 р. 50 к.
Для любителей книжной старины. Москва. Ц. 1 р.
Изъ исторіи народной повѣсти. Спб. Ц. 75 к.
Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Историческіе очерки. Изд. 3-е, съ дополненіями. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

РОЗЕНГЕЙМЪ, М. Стихотворенія. Изданіе 6-е, дополненное, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, въ двухъ частяхъ. Спб. 1901 г. Цѣна за обѣ части—3 руб.

СЕРГѢЕНКО, П. Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

СКРЕБИЦКІЙ, А. И. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II-го, четыре тома въ пяти книгахъ, 5.382 страницы. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р.

СЛОНИМСКІЙ, Л. З. Экономическое ученіе Карла Маркса. (Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. В. I—III. 1867—94). Изложеніе и критическій разборъ. Въ приложеніи: Письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
Основные вопросы политики. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательныя реформы. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

СПАСОВИЧЪ, В. Д. Сочиненія. Т. IX: Послѣднія работы въ девяностыхъ годахъ XIX вѣка. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.
Имѣются въ продажѣ первые восемь томовъ: тт. I и II—по 1 р. 50 к.; остальные томы по 2 р.

СТАСЮЛЕВИЧЪ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ. 2-ое изданіе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771 г. Изд. 3-е. Спб. Ц. 2 р. Т. II. Періодъ второй. Отъ Карла Великаго до крестовыхъ походовъ. 771—1096 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. Т. III. Періодъ третій. Отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки. 1096—1492 г. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р.

ТОЛСТОЙ, Л. Н., гр. Полное собраніе сочиненій въ 16 томахъ. Цѣна 11 р. 35 к., въ семи переплетахъ цѣна 15 руб. 25 к., въ 16 перепл. цѣна 17 р. 75 к. Тоже, роскошное изданіе въ 14 большихъ томахъ, цѣна 25 руб., въ переплетѣ—37 руб.
Подписка съ разсрочкой не принимается.

ТРАЧЕВСКІЙ, АЛЕКСАНДРЪ, проф. Учебникъ древней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 52 рис. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ средней исторіи. Третье, исправленное изданіе. Съ 111 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Новая исторія. Т. I (1500—1750 гг.). Реформація и возрожденіе католичества (1500—1600). Реакція и абсолютизмъ (1600—1750). 2-ое исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1900 г. Ц. 3 р., въ изящномъ перепл. 3 р. 75 к.

Учебникъ Русской исторіи. Въ двухъ частяхъ. Ч. I. Древняя Россія. Съ 25-ью рис. Ч. II. Новая Россія. Съ 47-ю рис. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. завед. Министерства. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ. Спб. 1900 г. Цѣна 2 р. 50 к. Въ изящномъ переплетѣ 3 р. 25 к. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

УМАНЕЦЪ, С. И. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

УТИНЪ, ЕВГ. И. Письма изъ Болгаріи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историч. очерки. Спб. Ц. 2 р.

Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. Въ 2 томахъ. Спб. Ц. 3 р.

ЦЕРТЕЛЕВЪ, Д. Н., князь. Стихотворенія. 1883—1901 г. Спб. Цѣна 1 руб.

ЧИСТОВИЧЪ, И. А. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ. 2-е изд. Спб. Цѣна 2 р.

ШЕПЕЛЕВИЧЪ, Л. Ю. Наши современники. Историко-литературные очерки. Бурже. — Мопассанъ. — Гауптманъ. — Эчегарай.—Сенкевичъ—какъ психологъ-романистъ.—Историческіе романы Сенкевича.—Романы Хуана Валеры.—Три романа Золя. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

ШТОЛЬ, Г. В. Великіе греческіе писатели. Очеркъ классической литературы грековъ въ біографіяхъ. Перев. съ нѣмецк. П. О. Морозова. Спб. Ц. 2 р.

ШТЮРМЕРЪ, Л. Л. Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ.—Войско.—Общество и главные дѣятели.—Военно-историческій очеркъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ЩЕРБАТОВЪ, М. М., князь. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. I—II. Изданіе кн. Б. С. Щербатова. Редакція И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 1901 г. Ц. 6 р. Тамъ же продаются: Сочиненія кн. М. М. Щербатова, въ двухъ томахъ. Томъ I: Политическія сочиненія. Подъ редакціей И. П. Хрущова. Съ портретомъ. Спб. Ц. 4 р. Томъ II: Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. Цѣна 6 рублей.

ЯНЖУЛЪ, Е. Н. Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Приложенія: I. Что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ въ дѣлѣ народнаго образованія (изъ исторіи американской школы). II. Этика, какъ предметъ обученія въ школахъ. III. Клубъ юныхъ натуралистовъ. Спб. 1901 г. Цѣна 2 руб. Департаментомъ Мин. Нар. Просв. опредѣлено рекомендовать означенную книгу для фундам. библіотекъ всѣхъ средн. уч. заведеній Министерства, мужск. и женск., а также для учит. библ. и учит. институт., семин. и проф. школъ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

Поэзія есть богъ въ святыхъ
мечтахъ земли

Жуковскій

БѢЛЕВСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ
Учреждена
1858 г. въ память поэта В. А.
ЖУКОВСКАГО
БИБЛІОТЕКИ

См. «Общественную Хронику».

Михаилу Матвѣевичу Стасюлевичу
нынѣшнему редактору „Вѣстника Европы"
Портретъ прежняго (1808-10 г.)
посылаетъ въ знакъ дружбы и почтенія
Докторъ Карлъ Зейдлицъ

Дерптъ, Январь 1883 г.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
Преемн. Н. Каминскій.

Вѣлевской публичной библіотеки
Учреждена 1858 г. въ память поэта В. А. Жуковскаго.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XXXVII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1808.

См. ниже „Общественную Хронику“.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ, 1808.

No 1.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо изъ уѣзда къ Издателю (*).

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностію Журналиста! Наши провинціалы обрадовались, когда услышали отъ меня, что ты готовишься быть Издателемъ Вѣстника Европы; всѣ предсказываютъ тебѣ успѣхъ; одинъ угрюмый, молчаливый Стародумъ качаетъ головою и говоритъ: молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! подумалъ ли за какое дѣло берешся! шутка ли выдавать Журналъ!

Ты знаешь Стародума — чудакъ, котораго мнѣніе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются; онъ никогда не споритъ, никогда не вмѣшивается въ общій разговоръ, но слушаетъ и замѣчаетъ, — говоритъ мало и отрывисто, когда матерія для него непривлекательна — краснорѣчиво и съ жаромъ, когда находитъ въ ней пріятность.

(*) Это „Письмо“, приводимое нами въ извлеченіи, хотя и не подписано В. А. Жуковскимъ, но оно было написано имъ самимъ, и замѣняло собою программу новой редакціи, съ изложеніемъ взглядовъ новаго редактора на обязанности журналиста, задачи критика и т. п.—*Ред.*

Вчера Стародумъ и нѣкоторые изъ общихъ нашихъ пріятелей провели у меня вечеръ, ужинали, пили за твое здоровье, за столомъ разсуждали о Вѣстникѣ и Журналахъ, шумѣли, спорили; Стародумъ по обыкновенію своему сидѣлъ спокойно, на всѣ вопросы отвѣчалъ: да, нѣтъ, кажется, можетъ быть! Наконецъ спорщики унялись, разговоръ сдѣлался порядочнѣе и тише; тутъ оживился безмолвный геній моего Стародума: онъ началъ говорить — сильно и съ живостію; Литтература его любимая матерія. Мало по малу всѣ замолчали, слушали; я не проронилъ ни одного слова, и записалъ для тебя, что слышалъ.

„Друзья мои — говорилъ Стародумъ — желаю искренно пріятелю нашему успѣха; не хочу ихъ предсказывать, опасаясь прослыть худымъ пророкомъ, но буду радоваться имъ отъ добраго сердца; люблю Словесность и Рускую особенно: въ этомъ случаѣ не стыжусь пристрастія. Всякая хорошая Руская книга есть для меня сокровище. Я подписывался и буду подписываться на всѣ Рускіе Журналы. Нѣкоторые читаю, другіе просматриваю, а на другіе только *смотрю*, поставляя излишнимъ искать въ нихъ хорошаго содержанія. До сихъ поръ Вѣстникъ Европы — скажу искренно — былъ моимъ любимымъ Рускимъ Журналомъ; что будетъ впередъ, не знаю: помоги Богъ нашему общему пріятелю!

„Рускіе — говоря только о тѣхъ, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ, и слѣдственно должны ограничить себя одною отечественною Литтературою — любятъ читать; но естьли судить по выбору чтенія и тѣмъ книгамъ, которыя, предпочтительно предъ другими, печатаются въ типографіяхъ, читаютъ единственно для разсѣянія; подумаешь, что книгою обороняются отъ нападеній скуки. Разкройте Московскія Вѣдомости! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и прочее, и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда

почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство. Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой.... Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи! пускай оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми — и то и другое, равно необходимы! въ обществѣ мертвыхъ друзей становишься достойнѣе живыхъ, — то и другое требуетъ строгаго выбора!... О, друзья мои! какъ далеко отъ такой благородной дѣятельности духа сіе ничтожное, унизительное разсѣяніе, которое обыкновенно мы называемъ чтеніемъ книгъ!

„Дѣло идетъ о Журналахъ! Въ Россіи — при такой сильной охотѣ читать, и такомъ нестрогомъ выборѣ чтенія — хорошій Журналъ могъ бы имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствія. Обязанность Журналиста—подъ маскою занимательности и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчисленны: къ его услугамъ богатства Литтературы чужестранной и собственной, искуства и науки; бери что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе — разборчивость!... *Политика* въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти Правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство.... *Критика* — но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь дочери изобилія: а мы еще не Крезы въ Литтературѣ! Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки Морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ! А много ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу разкрыться нашимъ геніямъ; потомъ уже, указывая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и Автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ! Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики—однимъ словомъ, въ Рускомъ

Журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста, и я не совѣтую молодому пріятелю нашему вооружаться бичемъ Аристарха, хотя не запрещаю иногда обращать вниманіе читателя на нѣкоторыя новыя, замѣчательныя — и потому самому рѣдкія — явленія Словесности.... Конечно, пріятно было бы въ Рускомъ Журналѣ находить одно Руское, собственное, незанятое; но можно ли этого требовать?....

„Мой другъ—сказалъ онъ мнѣ съ любезнымъ простосердечіемъ — пожелай отъ меня щастія общему нашему пріятелю. Онъ посвятилъ себя такому званію, которое уважаю. Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь ими, умѣть ихъ изображать, стремиться къ нимъ самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ—вотъ благородное назначеніе Писателя! Щастливъ, когда Провидѣніе, наградивши его талантомъ, одарило и сердцемъ, способнымъ любить высокое, чуждымъ привязанностей унизительныхъ. Скажи молодому пріятелю нашему о томъ, что слышалъ отъ меня; онъ вѣрно уважитъ совѣты старика, въ глазахъ котораго ни лѣта, ни опытность, не обезобразили міра, который съ радостнымъ чувствомъ, съ волненіемъ участія слѣдуетъ глазами за пылкимъ юношею, который — воспаленный духомъ, влекомый надеждою, наполненный желаніемъ дѣйствовать для собственнаго и чужаго добра — смѣло бросается въ открытое, для него еще новое и можетъ быть опасное поприще....“

СОДЕРЖАНІЕ:

Январь, 1808 г., № 1.

ЛИТТЕРАТУРА И СМѢСЬ.

	стран.
I.—Письмо изъ уѣзда къ Издателю (В. А. Жуковскаго)	5
II.—Подарокъ на Новый годъ	25
III.—Густавъ	30
IV.—Романсъ: Дубрава шумитъ,—Сбираются тучи!	39
V.—Къ Амуру, который прицѣливается стрѣлою	40
VI.—Къ Издателю Журнала. Стихи на заданныя риѳмы	—
VII.—Характеръ Маркъ-Аврелія. Гиббонъ	41
VIII.—Меланхолическая пѣсня Маріи Стюартъ. Коцебу	43
IX.—Отрывокъ разговора на балѣ. ***ъ	49
X.—Мысли. ***ъ	52
XI.—Смѣсь: Анекдоты; Новости	55
XII.—Изъясненіе картинки Караффы: «Судьба и Жизнь»... (Гравюра въ концѣ книги)	65

ПОЛИТИКА.

XIII.—Судьба Копенгагена. Письмо очевидца. Изъ Нѣм. журнала.	—
XIV.—Обозрѣніе прошедшаго (1807) года	82—92

ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ ПОРТРЕТУ Жуковскаго.

Помѣщенный выше портретъ Василія Андреевича Жуковскаго снятъ у насъ въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ сравнительно съ оригиналомъ, который былъ высланъ Жуковскимъ изъ-за границы въ г. Дерптъ одному изъ его ближайшихъ друзей, доктору К. К. Зейдлицу, съ собственноручною надписью поэта: «Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли»... Д-ръ Зейдлицъ († 1885 г.) подарилъ мнѣ этотъ портретъ по слѣдующему случаю. Въ 1883 г., моя типографія вновь отпечатала извѣстную біографію Жуковскаго *), составленную Зейдлицемъ и дополненную имъ ко времени исполнившагося въ томъ году столѣтія со дня рожденія поэта (29 января 1783 г.); при этомъ авторъ поручилъ мнѣ предложить Спб. городской Думѣ принять весь чистый доходъ отъ изданія этого труда на сооруженіе бюста Жуковскаго съ установкою его въ городскомъ Александровскомъ саду. Городская Дума приняла это пожертвованіе и, дополнивъ его изъ своихъ средствъ, поставила бронзовый бюстъ Жуковскаго въ той части Александровскаго сада, которая обращена къ Зимнему дворцу. Въ память всего этого покойный Зейдлицъ и сдѣлалъ мнѣ тотъ вышеупомянутый подарокъ, какъ принимавшему участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ полагалъ, что самый портретъ былъ снятъ съ Жуковскаго въ Венеціи въ 1839 году, когда, слѣдовательно, поэту было 56 лѣтъ отъ рожденія. Но въ то время можно было снимать портретъ только дагерротипомъ; если же Жуковскій прислалъ Зейдлицу фотографію, которая появилась въ употребленіи не ранѣе 1849 года, то надобно предполагать, что эта фотографія могла быть снята позже съ дагерротипа, въ 1850 или 1851 году.—*М. С.*

12 апрѣля 1902 г.

*) *Зейдлицъ*, К. К.: „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. 1783—1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ, съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. А. Висковатаго. Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“. Спб. Январь, 1883“.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ CCCLXXXIX. — 1/14 МАЯ 1902.

Сист. 05

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр. Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

3147

РОССІЯ

и

ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРІАРХІЯ

ПОСЛѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

1856—1860 гг.

По неизданнымъ матеріаламъ [1]).

IV.—Церковно-народное собраніе и главныя черты намѣченной имъ реформы.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за дѣятельностью константинопольскаго церковно-народнаго собранія. Постановленія послѣдняго интересуютъ насъ не съ точки зрѣнія каноническаго права, а лишь поскольку, касаясь жизненныхъ отправленій константинопольской церкви и православнаго населенія, они тѣмъ самымъ затрогивали существенные интересы русской политики на Востокѣ. Для императорской миссіи важно было, чтобы занятія собранія не были нарушаемы никакимъ посторонним вмѣшательствомъ. Въ этомъ отношеніи условія были вполнѣ благопріятны. Какъ Порта, такъ и западныя державы были заняты первостепенными политическими вопросами, въ сравненіи съ которыми реорганизація внутренняго управленія одной изъ мѣст-

[1]) См. выше: апр., 549 стр.

ныхъ церквей представлялась дѣломъ, не имѣвшимъ общаго значенія. Князь Лобановъ неоднократно свидѣтельствовалъ о безусловномъ невмѣшательствѣ Порты [1]). Собранію приходилось, однако, считаться съ интригами, возникавшими среди лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ его работахъ, каковыми были, напримѣръ, геронты. Зато въ лицѣ русскаго посланника оно встрѣчало самое полное сочувствіе. Въ предстоявшихъ реформахъ князь Лобановъ склоненъ былъ видѣть новую эру не только для восточной церкви вообще, но и въ частности для православныхъ славянскихъ народностей Турціи [2]). Въ этомъ убѣжденіи его укрѣпляли упомянутые выше члены церковно-народнаго собранія, часто посѣщавшіе русскую миссію.

Несмотря на то, что члены обязаны были держать въ полной тайнѣ все, что происходило на засѣданіяхъ, правило это плохо соблюдалось. Отъ него отступали какъ приверженцы преобразованія, искавшіе поддержки въ русской миссіи, такъ и противники его, сообщавшіе геронтамъ о ходѣ дѣлъ.

Митрополитъ артскій Софроній, „одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и вліятельныхъ церковныхъ членовъ совѣта, засѣдающаго въ патріархіи“, принесъ князю Лобанову акты совѣта съ просьбой сообщить ихъ довѣрительнымъ образомъ нашему святѣйшему синоду, чтобы узнать его мнѣніе. Преосвященный Софроній желалъ разсѣять предубѣжденіе, съ которымъ, по его свѣдѣніямъ, русскіе іерархи относились къ реформамъ, задуманнымъ въ Константинополѣ. По мнѣнію артскаго митрополита, это предубѣжденіе было основано на неточныхъ свѣдѣніяхъ, приходившихъ въ Россію. „Совѣтъ нашъ,—говорилъ онъ,—не хочетъ ничего *измѣнять* и не желаетъ *нововведеній*; наша единственная цѣль—это искоренить *возмутительныя злоупотребленія* и привести къ *примиренію* всѣ племена, исповѣдующія православіе въ Турціи“ [3]). Исполняя просьбу артскаго митрополита, князь Лобановъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражалъ надежду, что нашъ синодъ не откажетъ „въ нѣсколькихъ словахъ одобренія и поощренія

---

[1]) Dépêche du pr. Lobanow. Bujukdéré, le 15 (27) août 1859. № 109.

[2]) ...je crois entrevoir dans les réformes actuelles une nouvelle ère non seulement pour l'église d'Orient en général, mais en particulier pour les populations slaves orthodoxes de la Turquie. (Lettre du pr. Lobanow au prince Gortchakow, Péra, le 13 (25) Décembre 1858).

[3]) Notre conseil ne veut rien *changer*, ni *innover*; notre seul but est de déraciner des *abus scandaleux* et d'amener une *réconciliation* entre toutes les races qui professent la religion orthodoxe en Turquie. (Lettre du prince Lobanow. Péra le 31 Janvier (12 Fèvrier) 1859).

дѣйствительно полезному и благотворному дѣлу, предпринятому патріаршимъ совѣтомъ [1]).

Воздѣйствіе со стороны нашей миссіи не осталось безъ вліянія на измѣненіе первоначальнаго проекта. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что общее направленіе нашей политики въ этомъ вопросѣ исходило изъ различныхъ источниковъ; точки зрѣнія дипломатическая и церковная должны были согласоваться въ дѣйствіи черезъ одинъ и тотъ же органъ—императорскую миссію въ Константинополѣ.

Въ преобразованіи были двѣ непосредственно заинтересованныя стороны: церковная іерархія и паства. Имѣлось въ виду положить предѣлъ злоупотребленіямъ высшаго духовенства, отъ которыхъ страдали міряне. Но это была лишь отрицательная часть задачи. Чтобы выполнить ее, надо было установить такого рода порядокъ, при которомъ прежнія злоупотребленія были бы невозможны, и была бы возстановлена нарушенная правильность въ церковной жизни. Изъ этого общаго взгляда исходили представители какъ русской дипломатіи, такъ и русской церкви, но въ способѣ осуществленія понятой такимъ образомъ цѣли реформы—мнѣнія расходились. Императорская миссія испытала на себѣ всю горечь столь незаслуженнаго недовѣрчиваго къ ней отношенія со стороны духовенства вселенской патріархіи; кромѣ того, въ новыхъ явленіяхъ народной жизни на Востокѣ она замѣчала пробужденіе съ особой силой народнаго самосознанія. Это послѣднее движеніе пользовалось церковью лишь какъ законнымъ знаменемъ, вокругъ котораго можно было сплотить стремленія, исходившія вовсе не изъ религіозныхъ основъ. Сила ускользала отъ пастырей и переходила къ вожакамъ изъ мірянъ. Дипломатія наша старалась зорко слѣдить за этимъ новымъ факторомъ, боясь выпустить изъ рукъ то вліяніе на единовѣрныя намъ народности, которое составляло всегда плоть и кровь русской политики на Востокѣ. Все это склоняло императорскую миссію къ мысли, что уступки свѣтскому элементу въ задуманномъ преобразованіи будутъ благопріятствовать установленію утраченнаго равновѣсія въ церкви. Въ своемъ оптимизмѣ князь Лобановъ предсказывалъ новую эру для православныхъ народностей Турціи. Наше духовное вѣдомство далеко не раздѣляло того же довѣрія къ самостоятельнымъ трудамъ константинопольскаго собранія. Однако оно съ удовольствіемъ встрѣчало со стороны гре-

[1]) ...quelques paroles d'approbation et d'encouragement pour l'oeuvre réellement utile et bienfaisante que poursuit le conseil du patriarche (тамъ же).

ческихъ іерарховъ попытки къ сближенію съ нами. Пересылая митрополиту Филарету доставленные княземъ Лобановымъ акты, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода писалъ: „нельзя не радоваться тому, что греческіе іерархи обращаются къ русскимъ за содѣйствіемъ или совѣтомъ и что русской церкви открывается возможность сказать слово въ пользу многострадальной церкви греческой и принять участіе въ рѣшеніи важнаго вопроса“ [1]).

Ознакомившись съ трудами константинопольскаго собранія, митрополитъ Филаретъ неодобрительно отнесся къ участію, которое получалъ свѣтскій элементъ въ церковномъ управленіи согласно проекту устава.

Въ вопросѣ о патріаршихъ выборахъ церковно-народное собраніе вначалѣ хотѣло предоставить вновь учреждаемому органу—постоянному народному смѣшанному совѣту—рѣшающее значеніе. Совѣтъ долженъ былъ утверждать одного изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ ему соборомъ епископовъ. Митрополитъ Филаретъ находилъ этотъ способъ избранія въ патріархи нарушающимъ не только церковные каноны, но всѣ основы церковнаго благоустройства. По правиламъ вселенскихъ соборовъ, всякое избраніе епископа, дѣлаемое мірскими начальниками, должно считаться недѣйствительнымъ. Участіе свѣтскихъ лицъ въ патріаршихъ выборахъ послѣ завоеванія турками византійской имперіи имѣло свое оправданіе въ новомъ характерѣ представителя христіанскаго народа передъ Портою, присвоенномъ вселенскому патріарху. Съ предположеннымъ отдѣленіемъ свѣтской власти отъ духовной и сохраненіемъ за патріархомъ чисто церковнаго характера, надлежало бы совершенно устранить свѣтскихъ избирателей, или же предоставить имъ участіе въ такомъ размѣрѣ, при коемъ не былъ бы подавленъ церковный выборъ [2]).

Самая власть и авторитетъ вселенскаго патріарха были стѣснены новыми постановленіями, которыя значились въ проектѣ устава. Такъ, патріарху запрещено было входить въ частныя сношенія съ каждымъ изъ членовъ синода отдѣльно. „Какое сильное выраженіе недовѣрія къ лицу, котораго сану принадлежитъ высшая степень довѣрія отъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ дѣлахъ вѣры и совѣсти“,—восклицаетъ митрополитъ Филаретъ [3]).

Россія всегда поддерживала авторитетъ вселенскаго патріарха:

---

[1]) Графъ А. П. Толстой—митрополиту Филарету. 10 марта 1859 г. (см. Собран. отзыв. митр. Филарета, стр. 15).

[2]) Записка митрополита Филарета отъ 11-го декабря 1858 г. (см. Собраніе стр. 12, VI).

[3]) Записка отъ 31-го марта 1859 г. (Собр., стр. 22, XIII).

ей легче было осуществлять свое вліяніе на церковь и православныя народности константинопольской патріархіи, когда во главѣ послѣдней стояло отвѣтственное лицо, пользующееся, благодаря нашему содѣйствію, сильной и самостоятельной властью.

Отчужденіе отъ насъ вселенскаго патріарха происходило вслѣдствіе его слабости и затруднительнаго зависимаго положенія, созданнаго рядомъ допущенныхъ неправильностей въ церковномъ управленіи. Московскій митрополитъ ожидалъ, что предстоящее преобразованіе устранитъ эти неправильности и развяжетъ руки патріарху. На дѣлѣ выходило иначе. „Прежде связывали патріарха злоупотребленіями; теперь хотятъ связать его законами“ [1]).

Замѣчанія высокопреосвященнаго Филарета возъимѣли дѣйствіе. Избраніе патріарха въ послѣдней инстанціи было предоставлено собору епископовъ, и статья, содержавшая унизительныя ограниченія, была выключена изъ проекта. Тѣмъ не менѣе, новый уставъ въ существенныхъ постановленіяхъ сохранилъ печать недовѣрчиваго отношенія къ патріарху и оставилъ за его личной иниціативой не столько дѣятельное, сколько представительное значеніе.

Всѣ распоряженія по духовному управленію должны были дѣлаться патріархомъ не иначе, какъ совмѣстно съ синодомъ, и этому коллективному учрежденію усвоялась высшая духовная власть въ церкви.

Собраніе полагало отмѣнить учрежденіе непремѣнныхъ членовъ синода—геронтовъ. Члены синода должны были избираться изъ совокупности епархіальныхъ архіереевъ. Съ этой цѣлью предположено было установить особую очередь для епархій, распредѣливъ ихъ по разрядамъ. Каждый годъ половина членовъ синода подлежала замѣнѣ новыми; срокъ пребыванія въ должности члена синода былъ двухгодичный.

Этимъ преобразованіемъ хотѣли достигнуть упраздненія олигархическаго строя управленія, но впадали въ другую, не менѣе гибельную крайность: церковная власть лишалась всякой устойчивости. Организація высшаго церковнаго управленія путемъ періодической смѣны членовъ синода можетъ быть практичной въ томъ случаѣ, если церкви не приходится бороться съ свѣтской властью за свободу своего вѣроисповѣданія и паства не раздѣлена между собой племенными раздорами. Таково, напримѣръ, положеніе церкви въ Россіи. Иначе дѣло обстоитъ на Востокѣ,

[1]) Тамъ же, стр. 23.

гдѣ православіе тѣснятъ со всѣхъ сторонъ мусульманское правительство и иновѣрныя пропаганды, а сама церковь терзается внутренней борьбой различныхъ народностей. Для управленія церковными дѣлами здѣсь нужна твердая единая власть, положеніе которой было бы поставлено внѣ партій и выше ихъ.

Такой должна быть по самому названію своему власть вселенскаго патріарха. Церковно-народное собраніе не сознало предстоявшей ему задачи укрѣпленія авторитета патріарха, и, стремясь положить предѣлъ злоупотребленіямъ церковной власти, оно вмѣстѣ съ тѣмъ ослабило ее. Когда въ послѣдовавшіе годы константинопольской патріархіи пришлось выдерживать жестокую борьбу, вызванную греко-болгарскимъ вопросомъ, недостатки новаго устава сказались въ этомъ отношеніи съ большой силой.

Отсутствіе единства и слабость церковной власти оказались гибельными для церковныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вредно отозвались на нашихъ религіозно-политическихъ интересахъ. Какъ показалъ дальнѣйшій опытъ, представленія, дѣлаемыя нами во вселенской патріархіи, часто не имѣли желаемаго успѣха, благодаря отсутствію одного отвѣтственнаго церковно-административнаго органа. Патріархъ ссылался на невозможность дѣйствовать безъ согласія синода; съ другой стороны, постоянно мѣняющійся составъ послѣдняго препятствуетъ упроченію нашего вліянія на его членовъ. Митрополитъ Филаретъ предвидѣлъ неудобства, сопряженныя съ полнымъ уничтоженіемъ института постоянныхъ членовъ. Съ введеніемъ періодической смѣны всѣхъ членовъ, синодъ, по его мнѣнію, никогда не будетъ имѣть въ своей средѣ людей опытныхъ въ высшемъ церковномъ управленіи, и этому учрежденію трудно будетъ стяжать себѣ должное уваженіе духовенства и народа. Указанный недостатокъ могъ бы быть устраненъ, еслибы въ синодѣ засѣдало ежегодно хоть два постоянныхъ члена, чередующихся, по истеченіи года, съ другими двумя также постоянными членами. Для этого слѣдовало опредѣлить четыре ближайшихъ къ Константинополю епархіи, которыя при указанномъ порядкѣ не страдали бы отъ долговременнаго отсутствія своихъ епископовъ. Предложеніе митрополита Филарета было отклонено собраніемъ, которое слишкомъ боялось возстановленія въ томъ или другомъ видѣ геронтіи.

Равнымъ образомъ не было принято съ должнымъ вниманіемъ энергическое возраженіе его противъ способа смѣщенія вселенскаго патріарха. По проекту устава, въ случаѣ нарушенія натріархомъ его обязанностей, духовныхъ или гражданскихъ, требовалось два почтительныхъ замѣчанія ему со стороны синода или постоян-

наго смѣшаннаго совѣта, а послѣ совокупнаго третьяго замѣчанія этихъ подчиненныхъ органовъ, Порта, по ходатайству ихъ, смѣщала вселенскаго патріарха. „Еслибы какое другое должностное лицо,—писалъ Филаретъ,—полагалось, послѣ трехъ замѣчаній, безъ суда отрѣшить отъ должности, вѣроятно нашлись бы люди, которые сказали бы, что это неправильно. Не паче ли осторожно поступить должно съ лицомъ, котораго паденіе, нѣкоторымъ образомъ, оскорбительно для достоинства церкви“? [1])

Не принявъ въ должное вниманіе необходимость твердо обосновать высшую церковную власть, константинопольское собраніе вводило въ церковную администрацію новый органъ, въ которомъ свѣтскій элементъ игралъ преобладающую роль, а именно постоянный народный смѣшанный совѣтъ. Согласно уставу, учрежденіе это, состоящее изъ четырехъ духовныхъ лицъ, по опредѣленію синода, и восьми свѣтскихъ—по выбору константинопольской паствы, имѣетъ своимъ предсѣдателемъ патріарха, или, въ отсутствіе его, старшаго изъ духовныхъ членовъ. Къ вѣдѣнію совѣта отходятъ всѣ дѣла гражданской юрисдикціи, принадлежащія, въ силу султанскихъ фирмановъ, власти вселенскаго патріарха. Помимо этого, въ совѣтѣ сосредоточено завѣдываніе общеполезными учрежденіями, принадлежащими церкви, финансовая администрація столичныхъ церквей и наблюденіе за управленіемъ имѣній монастырей, подвѣдомственныхъ патріархіи.

Сообщая министерству иностранныхъ дѣлъ о проектѣ организаціи смѣшаннаго совѣта, кн. Лобановъ высказывалъ, что точно опредѣленныя проектомъ функціи этого учрежденія разсѣиваютъ сомнѣніе въ существованіи у Порты и свѣтскихъ членовъ собранія намѣренія лишить церковь принадлежащихъ ей правъ гражданской юрисдикціи. Правда, осуществленіе этихъ правъ будетъ отнынѣ принадлежать смѣшанному совѣту, но послѣдній іерархически подчиненъ вселенскому патріарху.

„Даже въ вопросахъ чисто свѣтскаго характера, каковы финансовое управленіе церквами и монастырями, подвѣдомственными патріархіи, собраніе сдѣлало широкія уступки духовенству, предоставивъ постоянному совѣту лишь право простого наблюденія, которое исключаетъ всякое вмѣшательство мірянъ во взиманіе и распредѣленіе доходовъ церкви“ [2]). По мнѣнію

[1]) Тамъ же, 24, XVI.

[2]) Il n'y pas jusqu'aux questions purement temporelles — telles que l'administration financière des églises et couvents dépendants du patriarcat—où l'assemblée n'ait fait de larges concessions au clergé, en n'accordant au conseil permanent que le droit de simple surveillance qui exclut toute ingérence des laïques dans la per-

нашего посланника, разграниченіе между духовною и свѣтской стороной въ управленіи церковномъ, путемъ учрежденія постояннаго совѣта, не только не умалитъ значеніе церковной власти, но соотвѣтствуетъ ея интересамъ, прочно устанавливая принципъ невмѣшательства мірянъ въ вопросы чисто духовнаго порядка [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, митрополитъ Филаретъ совершенно разошелся съ императорской миссіей въ сужденіи о постоянномъ смѣшанномъ совѣтѣ. Отнесеніе въ число обязанностей совѣта наблюденія за хозяйственнымъ управленіемъ столичныхъ церквей и патріаршихъ монастырей онъ находилъ нарушеніемъ каноническаго права, правилъ святыхъ апостолъ (именно 38 и 42), преданій и вѣковыхъ привилегій церкви.

„Говорятъ, что собраніе сдѣлало *уступку* духовенству, предоставивъ себѣ *только контроль* и *наблюденіе*,—писалъ митрополитъ, очевидно, разумѣя приведенное мѣсто изъ депеши кн. Лобанова.—Но, во-первыхъ, правило не просто говоритъ: *да управляетъ епископъ церковнымъ имѣніемъ*, но прибавляетъ: да управляетъ *властительски*. Если послѣднее слово употреблено не безъ значенія, то оно значитъ: да управляетъ безъ посторонняго вмѣшательства, безъ контроля.

„Во-вторыхъ, что значитъ *наблюденіе*? Неужели совѣтъ будетъ только смотрѣть, что дѣлается, и ничего не будетъ дѣлать? Для чего бы и домогаться такого наблюденія? А если онъ, найдя какія-нибудь распоряженія духовенства несогласными съ своею мыслью, будетъ требовать инаковыхъ распоряженій, то наблюденіе непримѣтно сдѣлается высшимъ управленіемъ“ [2]).

Не входя въ разборъ учрежденія постояннаго совѣта съ точки зрѣнія каноническаго права, нельзя не согласиться съ послѣднимъ доводомъ митрополита Филарета, указывающимъ на нѣкоторую неискренность въ постановкѣ вопроса проектомъ устава. Составители его, очевидно, желали провести незамѣтнымъ образомъ передачу всего хозяйственнаго управленія церкви изъ рукъ духовной власти въ руки мірянъ. Это должно было сдѣлать и безъ того слабую церковную власть еще болѣе зависимою. При томъ положеніи, которое создано было вселенскому патріарху проектомъ устава, іерархическое подчиненіе ему совѣта не предоставляло высшему начальству церкви никакихъ серьезныхъ

ception et l'emploi des revenus de l'église (Dépêche du pr. Lobanoff au pr. Gortchakow. Péra, le 21 Mars (2 Avril) 1859, № 39).

[1]) Тамъ же.

[2]) Записка отъ 16 мая 1859 г. (Собр. отз. митр. Филар., 30).

средствъ воздѣйствія на это учрежденіе. Съ точки зрѣнія интересовъ нашей политики такое дробленіе функцій высшей церковной власти было крайне невыгодно, ибо, помимо патріарха, приходилось считаться еще съ двумя учрежденіями, слабо объединенными. Независимо отъ того, самый составъ свѣтскихъ членовъ совѣта одинаково не соотвѣтствовалъ какъ потребностямъ правильнаго церковнаго управленія, такъ и нашимъ интересамъ. Члены эти выбирались исключительно изъ жителей Константинополя и его окрестностей. Такой составъ не могъ считаться вѣрнымъ выразителемъ нуждъ и желаній разноплеменной паствы всей патріархіи. Наоборотъ, открывался широкій доступъ происканъ главарей столичныхъ партій, которые были лично заинтересованы въ общемъ направленіи церковныхъ дѣлъ. Мы видѣли, что одна изъ главныхъ задачъ задуманнаго преобразованія, состоявшая, по словамъ артскаго митрополита, въ „примиреніи всѣхъ православныхъ племенъ въ Турціи“, вызывала самыя большія надежды у нашего посланника. Тѣмъ болѣе жалко, что послѣдній не усмотрѣлъ въ составѣ постояннаго смѣшаннаго совѣта опасность вторженія въ высшее церковное управленіе крайняго и вреднаго эллинизма константинопольскихъ политиковъ. Недостатокъ этотъ вскорѣ сказался съ большой силой. Когда произошелъ расколъ въ церкви, вызванный болгарскимъ движеніемъ, и начались переговоры между патріархіей и болгарами, въ члены смѣшаннаго совѣта стали попадать исключительно греки, нерѣдко оказывавшіе самое вредное вліяніе на попытки къ примиренію. Быть можетъ, нашей миссіи представлялась возможность повліять на собраніе въ смыслѣ сохраненія за патріархомъ большихъ прерогативъ въ хозяйственномъ управленіи, а также допущенія въ составъ постояннаго смѣшаннаго совѣта представителей епархій. Этого послѣдняго желали нѣкоторые члены константинопольскаго собранія, но такъ какъ предположенія ихъ были связаны съ стремленіемъ чрезмѣрно расширить компетенцію совѣта, то онѣ не нашли поддержки со стороны русскаго представителя. Что касается мнѣнія кн. Лобанова о желательности привлечь свѣтскій элементъ къ хозяйственному управленію церкви, то оно объясняется печальнымъ экономическимъ положеніемъ, въ которомъ находилась константинопольская церковь, вслѣдствіе плохого управленія ея финансами.

Въ 1850 г. императоръ Николай Павловичъ, всегда такъ близко принимавшій къ сердцу все, что касалось положенія православія на Востокѣ, возъимѣлъ намѣреніе погасить весь долгъ

патріархіи, тяжелымъ бременемъ тяготѣвшій надъ нею; притомъ онъ хотѣлъ произвести погашеніе совершенно негласнымъ образомъ, такъ, чтобы не было извѣстно, откуда пришло щедрое пожертвованіе. Намѣренію этому, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ архивахъ нашего константинопольскаго посольства, не суждено было осуществиться, вѣроятно, вслѣдствіе вскорѣ послѣдовавшихъ затѣмъ событій.

Вопросъ о способѣ регулированія патріаршаго долга и содержанія духовенства былъ однимъ изъ самыхъ сложныхъ и жгучихъ вопросовъ, затронутыхъ въ церковно-народномъ собраніи. Рѣшеніе его касалось насущныхъ интересовъ и духовенства, и паствы.

Поборы клира были причиною многочисленныхъ жалобъ и неудовольствія мірянъ. Патріархія находилась въ бѣдственномъ положеніи и принуждена была заключать въ разное время значительные займы. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, турецкое правительство категорически высказалось въ „гатти-гумайюнѣ“ за принципъ жалованья. Въ сущности, затаенной мечтою Порты въ этомъ вопросѣ было добиться, подъ благовиднымъ предлогомъ, секуляризаціи церковныхъ имуществъ и доходовъ. Этой мѣрой турецкая казна обогатилась бы на счетъ церкви и одновременно получила бы въ свои руки могущественнѣйшее орудіе воздѣйствія на церковныя дѣла. Противъ жалованья должны были стоять за-одно всѣ благонамѣренные члены собранія, какъ духовные, такъ и свѣтскіе. Планамъ турецкаго правительства была безусловно враждебна русская миссія, которая не могла допустить подобнаго порабощенія церкви мусульманскими властителями. Въ этомъ вопросѣ она могла быть увѣрена въ полномъ своемъ единомысліи съ нашимъ духовнымъ вѣдомствомъ и митрополитомъ Филаретомъ, который стоялъ за полное огражденіе самостоятельности церкви въ матеріальномъ отношеніи.

Общая задолженность вселенской патріархіи равнялась отъ семи до восьми милліоновъ піастровъ, что, по тогдашнему курсу, составляло, приблизительно, четыреста тысячъ рублей серебромъ на наши деньги.

Такъ какъ не существовало точной переписи населенія, то общее число исповѣдующихъ православную вѣру въ Турціи полагали равнымъ, приблизительно, семи милліонамъ человѣкъ или же одному милліону семей. На этомъ основаніи разсчитывали, для полнаго погашенія патріаршаго долга, обложить каждую семью по десяти піастровъ (50 коп. по тогдашнему курсу), съ

тѣмъ, чтобы взносъ этотъ былъ произведенъ единовременно или съ разсрочкой на пять-шесть лѣтъ.

Что касается содержанія духовенства, константинопольское собраніе почти единодушно возставало противъ принципа жалованья, и намѣревалось выработать бюджетъ съ точнымъ опредѣленіемъ источниковъ и размѣровъ требуемыхъ суммъ. На содержаніе центральнаго управленія патріархіи предполагалось назначить одинъ милліонъ піастровъ. Средства должны были доставляться изъ доходовъ ставропигіальныхъ монастырей, главнымъ образомъ изъ монастыря Погоніани, имѣнія котораго приносили до двадцати-пяти тысячъ дукатовъ ежегодно.

На содержаніе архіереевъ, по разсчетамъ собранія, должно было хватить епархіальныхъ доходовъ, такъ какъ, съ уничтоженіемъ эфорій, епископы не будутъ обременены непосильными подношеніями. Для регулированія доходовъ архіереевъ полагалось установить максимальную норму во всѣхъ епархіяхъ. Въ случаѣ бѣдности и малочисленности населенія какой-либо епархіи, содержаніе архіерея предполагалось пополнять изъ центральной кассы.

Средства послѣдней должны были составиться изъ взносовъ монастырей св. Гроба Господня, Аѳона и Синайской горы. Центральная касса будетъ содержать общеполезныя учрежденія, подвѣдомственныя патріархіи въ Константинополѣ и главныхъ городахъ.

V. — Вопросъ о содержаніи духовенства. — Интриги геронтовъ.

Замыслы константинопольскаго церковно-народнаго собранія не замедлили вооружить противъ себя іерусалимскаго патріарха Кирилла. Усмотрѣвъ въ нихъ посягательство на доходы его церкви и на ея самостоятельность, бл. Кириллъ сталъ въ число противниковъ всего предпринятаго преобразованія и привлекъ на свою сторону антіохійскаго патріарха.

Впрочемъ, съ самаго начала, оба эти іерарха съ недоброжелательствомъ отнеслись къ церковно-народному собранію. Іерархи и вліятельные міряне въ Константинополѣ сходились во мнѣніи, что Порта, поручивъ вселенскому патріарху созвать собраніе, обращалась, въ лицѣ его, ко всему православному народу, коего онъ былъ признанный глава. Мнѣніе это было основано на томъ соображеніи, что, въ силу „гатти-гумайюна“, христіанскимъ общинамъ предоставлялся пересмотръ ихъ организаціи не только въ

церковномъ, но и въ гражданскомъ отношеніяхъ: вслѣдствіе этого патріархія полагала, что собранію предстоитъ заняться не только дѣлами мѣстной церкви, но и вопросами, въ которыхъ заинтересовано все православное населеніе Турціи. На этомъ основаніи было исходатайствовано согласіе Порты на оповѣщеніе о предстоящемъ собраніи автокефальныхъ церквей: александрійской, антіохійской, іерусалимской, равно какъ и архіепископовъ кипрскаго и синайскаго, вмѣстѣ съ приглашеніемъ прислать въ Константинополь делегатовъ. Приглашеніе константинопольской церкви не встрѣтило, однако, сочувствія въ духовенствѣ восточныхъ церквей. Издавна вселенская патріархія высказывала притязанія на нѣкоторое подчиненіе ей прочихъ православныхъ автокефальныхъ церквей Турціи. Въ сороковыхъ годахъ была даже съ ея стороны попытка принципіально обосновать свои права, но попытка эта не удалась. Духовенство каждой изъ восточныхъ патріархій ревниво оберегало самостоятельное управленіе своей церкви, и въ каждомъ посягательствѣ на его свободу видѣло нарушеніе церковныхъ каноновъ. Въ этомъ отношеніи оно было совершенно право, ибо, возставая противъ посторонней опеки, оно опиралось на каноническія основанія, подобныя тѣмъ, какія приводились въ Константинополѣ противъ учрежденія геронтіи и эфоріи. Приглашеніе участвовать въ собраніи было отклонено іерусалимскимъ и антіохійскимъ патріархами подъ тѣмъ предлогомъ, что они считаютъ себя некомпетентными для сужденія о дѣлахъ и распорядкѣ другой церкви и боятся, какъ бы ихъ вмѣшательство не было нарушеніемъ правъ и привилегій вселенскаго престола.

Осторожный и дипломатическій отвѣтъ обоихъ патріарховъ вызвалъ разочарованіе въ Константинополѣ: тамошніе церковники ясно усмотрѣли въ немъ заявленіе, что за актами церковно-народнаго собранія можетъ быть признана сила только для вселенской патріархіи, и всякое постановленіе, выходящее за предѣлы одной этой мѣстной церкви, будетъ сочтено посягательствомъ на каноническую свободу и самостоятельность прочихъ церквей. Константинопольское собраніе не оставило уклончивый отвѣтъ патріарховъ безъ возраженія. Имъ вновь были отправлены посланія: одно—отъ вселенскаго патріарха, другое—отъ собранія, съ приглашеніемъ присоединиться къ его работамъ лично или чрезъ делегатовъ. Собраніе настаивало на томъ, что его дѣло есть дѣло всей православной „націи“, и что, уклоняясь отъ участія, патріархи нарушаютъ національное единство православнаго народа—румъ-милета. Только дружно сплотившись, пра-

вославный народъ можетъ оказать дѣятельный отпоръ натиску инославной пропаганды. Народное собраніе далеко отъ мысли нарушить права и преимущества другихъ церквей. Въ своихъ занятіяхъ оно руководится постановленіями „гатти-гумайюна", который предоставилъ народу выработать мѣропріятія, имѣющія значеніе для всѣхъ православныхъ, касающіяся улучшеній въ области не только церковнаго, но и общаго устройства и народнаго просвѣщенія. Сколько разъ въ прежнія времена іерархи восточныхъ церквей, вынужденные обстоятельствами, прибѣгали къ вселенской патріархіи какъ въ вопросахъ частнаго мѣстнаго характера, такъ и въ тѣхъ, которые затрогивали интересы всего православнаго народа. Имъ никогда не было отказано въ помощи и дѣятельномъ покровительствѣ. Если, забывъ звенья, связующія православный народъ въ одну націю, патріархи останутся при своемъ намѣреніи не участвовать въ общемъ дѣлѣ національныхъ преобразованій, собраніе съ глубокимъ прискорбіемъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія произойти отъ сего послѣдствія [1]).

Воззваніе константинопольскаго собранія къ національно-православному чувству восточныхъ патріарховъ не поколебало рѣшимости послѣднихъ не принимать участія въ трудахъ его [2]). Оставаясь въ сторонѣ, іерусалимскій патріархъ, тѣмъ не менѣе, съ тревогой слѣдилъ за ходомъ дѣла. Онъ боялся, что въ своихъ постановленіяхъ константинопольское собраніе превыситъ свою компетенцію и, чтобы найти исходъ стѣсненному матеріальному положенію вселенской патріархіи, будетъ стараться посягнуть на доходы богатыхъ имѣній святогробскаго братства. Какъ мы видѣли, опасенія эти не были лишены основанія. Не меньше тревоги внушала блаженному Кириллу мысль, какъ бы, съ уничтоженіемъ геронтіи, которая всегда сдерживала и ограничивала значеніе вселенскаго патріарха, власть послѣдняго не усилилась настолько, чтобы стать опасной для свободы прочихъ автокефальныхъ церквей. Вотъ почему, хотя, въ силу устава іерусалимской церкви, патріархъ Кириллъ пользовался значительной властью надъ своимъ духовенствомъ, онъ противодѣйствовалъ установленію такого же порядка во вселенской патріархіи и заступался за геронтовъ. Послѣдніе, сплотившись въ оппозицію,

[1]) Депеша кн. Лобанова. Пера, 7 (19) марта 1859 г., № 32, и приложенія къ ней.

[2]) Митрополитъ Филаретъ неодобрительно отнесся къ отказу восточныхъ церквей принять участіе въ константинопольскомъ собраніи. „Поелику требованіе правительства относится до всѣхъ православныхъ, то они обязаны принять участіе въ исполненіи сего требованія" (Записка отъ 9 апрѣля 1859 г. Собр. отз., 26).

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

всѣми средствами старались помѣшать дѣлу преобразованія. Вопросъ о содержаніи церкви и духовенства представлялъ удобную почву для козней, такъ какъ намѣренія собранія противорѣчили „гатти-гумайюну", планамъ Порты и задѣвали интересы іерусалимскаго патріарха.

Въ одномъ изъ засѣданій церковно-народнаго собранія логоѳетъ Аристархи [1]) сдѣлалъ, отъ имени султана, неожиданное заявленіе. „Его величество, — сказалъ онъ, — узнавъ, что однимъ изъ препятствій къ осуществленію его предначертаній относительно православной общины служитъ тяжелый долгъ, обременяющій константинопольскую церковь, выразилъ намѣреніе принять этотъ долгъ на счетъ оттоманскаго правительства".

Извѣстіе о намѣреніи султана было встрѣчено всеобщимъ несочувствіемъ. Члены собранія усмотрѣли въ немъ настойчивое намѣреніе правительства вынудить отъ нихъ постановленіе о жалованьѣ духовенству. Предложеніе погасить долгъ на счетъ государства не могло имѣть другого значенія, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно было критическое положеніе турецкой казны, которой не откуда было достать денегъ, чтобы удовлетворить самыя настоятельныя потребности государства.

13 (25) марта 1859 г. собраніе приступило къ рѣшенію вопроса. Логоѳетъ Аристархи, игравшій все время двоедушную роль и желавшій одновременно проводить интересы Порты и не

[1]) Логоѳетъ — первый свѣтскій сановникъ патріархіи. Должность эта существовала уже въ эпоху византійской имперіи. Въ сложной и многочисленной іерархіи патріаршихъ чиновъ насчитывали до девяти пентадъ (см. L. Clugnet, „Les offices et les dignités ecclésiastiques dans l'église grecque". Paris, 1899). Хотя логофетъ не принадлежалъ къ первой пентадѣ чиновъ, тѣмъ не менѣе съ раннихъ поръ должность его пріобрѣла громадное значеніе. По мнѣнію профессора Барсова, онъ былъ дѣлопроизводителемъ патріаршаго „секрета", чрезъ руки котораго проходили всѣ бумаги, требовавшія по своему существу извѣстнаго канцелярскаго производства (Барсовъ, „Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью", Петербургъ, 1878 г.). Послѣ взятія Константинополя турками, логоѳетъ сталъ посредникомъ между церковью и правительствомъ. На эту должность выбирали членовъ наиболѣе извѣстныхъ православныхъ фамилій Константинополя. Логоѳетъ возводится въ свой санъ патріархомъ чрезъ возложеніе рукъ (χειροθεσία) и чтеніе особо установленной молитвы.

При всякомъ посвященіи въ санъ архіерея и опредѣленіи на епархіальную каѳедру, новопосвященному выдается особое удостовѣреніе отъ синода, Πράξις, для предъявленія паствѣ. Документъ этотъ долженъ быть подписанъ патріархомъ, членами синода, а также великимъ логоѳетомъ, который получаетъ за это извѣстную плату — отъ двухъ до шести лиръ, въ зависимости отъ разряда, къ которому относится епархія.

Когда патріархъ служитъ литургію, логоѳету полагается мѣсто рядомъ съ патріаршимъ тономъ (Παραθρόνιον); онъ читаетъ символъ вѣры и „Отче нашъ".

вооружать противъ себя высшаго духовенства, сталъ осторожно защищать принципъ жалованья. Предлагая установить опредѣленные размѣры содержанія для духовенства, правительство султана, по его словамъ, имѣло въ виду удовлетворить многочисленныя ходатайства православнаго населенія, жаловавшагося на поборы, которымъ оно подвергается. Вотъ почему онъ, съ своей стороны, стоитъ за жалованье, въ случаѣ если это не противорѣчитъ церковнымъ канонамъ, о чемъ логоѳетъ признавалъ себя некомпетентнымъ судить.

Въ отвѣтъ на рѣчь логоѳета Аристархи, вселенскій патріархъ заявилъ, отъ имени всѣхъ духовныхъ членовъ собранія, что, согласно ихъ убѣжденію, принципъ жалованья духовенству дѣйствительно противорѣчитъ канонамъ, постановленіямъ апостольскимъ, преданіямъ и привилегіямъ церкви и представляется для духовенства унизительнымъ.

Мнѣніе патріарха стали горячо поддерживать нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ свѣтскихъ членовъ, въ томъ числѣ Стефанъ Каратеодори.

Послѣ оживленныхъ преній, приступили къ голосованію. Только шесть членовъ высказались за жалованье. Изъ нихъ трое поступили такъ, явно подчиняясь указаніямъ Порты; остальные трое были славянскіе депутаты въ полномъ своемъ составѣ: двое—отъ Болгаріи и одинъ—отъ Босніи.

Послѣдній въ яркихъ краскахъ изобразилъ бѣдственное положеніе церкви въ Босніи; въ запискѣ, поданной имъ собранію, онъ, въ сущности, не столько отстаивалъ принципъ жалованья духовенству, сколько требовалъ точной регламентаціи его доходовъ и уничтоженія вопіющихъ злоупотребленій и поборовъ мѣстныхъ архіереевъ и священниковъ, отъ которыхъ терпитъ населеніе. Боснійскій депутатъ выставлялъ при этомъ рядъ желательныхъ преобразованій, какъ-то: знаніе архіереемъ языка, распространеннаго среди его паствы; поднятіе образовательнаго уровня приходскаго духовенства, открытіе школъ и т. д. [1]).

Нѣкоторыя изъ этихъ преобразованій признавались желательными и самимъ собраніемъ, передовые члены котораго понимали необходимость сдѣлать уступки пробуждавшемуся народному движенію въ славянскихъ земляхъ. Можно пожалѣть только, что патріархія своевременно не поняла всей важности и силы возникшаго движенія, которое тогда только начиналось; удовлетво-

[1]) Записка боснійскаго депутата Гавріила Вучковича, прочтенная на засѣданіи собранія 20 марта (1-го апрѣля), препровождена въ Петербургъ при депешѣ отъ 11 (23) апрѣля 1859 г., № 52.

ряя въ слабой степени справедливымъ требованіямъ славянъ, патріархія лишь усиливала готовность къ борьбѣ ихъ вожаковъ; требованія послѣднихъ росли, по мѣрѣ достиженія ими отдѣльныхъ незначительныхъ уступокъ.

Но возвратимся къ преніямъ собранія. Результатъ голосованія былъ сообщенъ турецкому делегату, Серверу-эффенди, присутствовавшему на засѣданіяхъ. Ему было заявлено, что принципъ жалованья отвергнутъ большинствомъ голосовъ, какъ противный церковнымъ канонамъ, и потому собраніе ходатайствуетъ о разрѣшеніи приступить къ обсужденію другихъ, болѣе подходящихъ способовъ устраненія существующихъ недостатковъ.

Серверъ-эффенди отвѣтилъ, что самъ онъ, какъ мусульманинъ, не считаетъ себя вправѣ высказывать личнаго мнѣнія по затронутому вопросу; онъ обращаетъ, однако, вниманіе собранія на то обстоятельство, что „гатти-гумайюнъ“, въ постановленія котораго включена и статья о жалованьѣ, былъ обнародованъ турецкимъ правительствомъ по предварительномъ соглашеніи съ державами; съ другой стороны, ему извѣстно, что въ Россіи и Греціи православное духовенство содержится на жалованьѣ, что̀ врядъ-ли допущено было бы въ этихъ государствахъ, еслибы это противорѣчило церковнымъ канонамъ. Впрочемъ, турецкій делегатъ, въ случаѣ упорства собранія, не противился назначенію коммиссіи для составленія доклада Портѣ по возникшему вопросу.

Заявленіе Сервера-эффенди вызвало расколъ въ собраніи. Большинство предлагало, въ томъ же засѣданіи, назначить коммиссію, но логоѳетъ Аристархи, желая затормазить рѣшеніе, отказался принять участіе въ этой коммиссіи. Его примѣру послѣдовали и другіе. Патріархъ закрылъ засѣданіе, обѣщая спѣшно заняться этимъ дѣломъ.

Вскорѣ послѣ засѣданія вселенскій патріархъ посѣтилъ русскаго посланника. Въ отношеніяхъ константинопольской церкви съ русской миссіей со времени открытія собранія успѣла произойти большая перемѣна. Этому во многомъ способствовало значительное улучшеніе, происшедшее въ общемъ политическомъ положеніи Россіи со времени парижскаго мира. Благодаря осторожной и послѣдовательной политикѣ, Россіи удалось черезъ три года послѣ тяжелой войны вновь пріобрѣсти на Западѣ подобающее ей вліяніе. Успѣхи эти не преминули, въ свою очередь, выгодно отозваться и на положеніи Россіи на Востокѣ. Вопреки представленіямъ французскаго посла въ Константинополѣ, тюльерійскій кабинетъ дорожилъ сближеніемъ съ нами и помогалъ

косвенно нашей дипломатіи въ ея усиліяхъ возсоздать прежній престижъ Россіи. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-паша говорилъ нашему посланнику, что султанъ желалъ бы совершенно изгладить слѣды минувшихъ разногласій между обоими государствами. Приближенные падишаха увѣряли кн. Лобанова, что его величество неоднократно высказывалъ въ тѣсномъ своемъ кругу, что война съ Россіей произошла противно его желанію и что онъ желалъ бы возвращенія тѣхъ сердечныхъ отношеній, которыя существовали между его отцомъ султаномъ Махмудомъ и императоромъ Николаемъ Павловичемъ [1]).

„Настоящій моментъ для насъ особенно благопріятенъ,— писалъ кн. Лобановъ:—Порта идетъ на встрѣчу намъ, и если только мы желаемъ пользоваться обстоятельствами, мы *можемъ* постепенно возстановить наше положеніе такимъ, каковымъ оно должно быть“ [2]).

Успѣхи, достигнутые Россіей, побуждали вселенскаго патріарха побороть робкое и недовѣрчивое отношеніе, которое встрѣтилъ съ его стороны русскій представитель послѣ пріѣзда. Къ тому же полный достоинства образъ дѣйствій императорской миссіи, державшейся въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было происковъ, исключалъ всякое подозрѣніе. Какъ и слѣдовало ожидать, первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ тѣми, кому оно было болѣе необходимо, т.-е. представителями церкви. Вначалѣ миссію посѣщали вліятельные члены духовенства и міряне. Они находили здѣсь указанія и поддержку, которой искали. Наконецъ и вселенскій патріархъ вспомнилъ, какого могущественнаго союзника и покровителя всегда имѣла восточная церковь въ лицѣ русскаго представителя. Въ трудныя минуты, которыя наступили для вселенскаго престола, патріархъ естественно обратился за помощью къ Россіи. Съ этого момента и кн. Лобановъ считаетъ возможнымъ нѣсколько выйти изъ своего строго сдержаннаго и наблюдательнаго образа дѣйствій. Онъ не могъ болѣе оставаться простымъ зрителемъ совершавшихся событій, передаточной инстанціей между церковно-народнымъ собраніемъ и святѣйшимъ синодомъ. Вслѣдствіе медленности почтовыхъ сообщеній отзывы митрополита Филарета приходили слишкомъ поздно, чтобы ихъ можно было всегда дожидаться для принятія какихъ-либо мѣръ. Въ пер-

[1]) Lettre confidentielle du pr. Lobanow. Péra, le 28 Mai (9 Avril) 1859.

[2]) Le moment actuel nous est particulièrement favorable: la Porte va maintenant au devant de nous, et, pour peu que nous voulions profiter des circonstances, nous *pouvons* rétablir progressivement notre position telle qu'elle doit être“ (Lettre du pr. Lobanow. Péra, le 25 Avril (7 Mai) 1859).

вый періодъ спокойныхъ занятій собранія этотъ недостатокъ былъ уже чувствителенъ, хотя не въ той же мѣрѣ,—но въ разгаръ занятій собранія, когда пренія коснулись вопроса о жалованьѣ и дѣло было близко къ развязкѣ, императорской миссіи приходилось дѣйствовать на свой страхъ.

Пріѣхавъ къ кн. Лобанову, патріархъ Кириллъ повѣрилъ ему свои опасенія и надежды. Партія оппозиціи въ собраніи утверждала, что только установленіемъ жалованья могутъ быть устранены въ будущемъ злоупотребленія провинціальнаго духовенства. Патріархъ собирался противопоставить этимъ аргументамъ бюджетъ, основанный на точномъ вычисленіи сбора съ селеній въ каждой епархіи. Но у турокъ, по его словамъ, вѣскимъ доводомъ служило постоянное указаніе на примѣръ Россіи, гдѣ духовенство получаетъ жалованье отъ правительства. Передавая свой разговоръ съ патріархомъ министерству, кн. Лобановъ сознавался въ невѣдѣніи того, на какихъ основаніяхъ обстоитъ дѣло въ Россіи, и, какъ всегда, обращался за указаніями и поддержкой къ св. синоду [1]).

Между тѣмъ митрополитъ Софроній Артскій представилъ въ собраніе докладъ, составленный по его порученію. Въ немъ, на основаніи текстовъ священнаго писанія и церковной практики, доказывалось, что принципъ жалованья противорѣчитъ церковнымъ канонамъ и духу православнаго вѣроученія. Нѣкоторые изъ аргументовъ, приведенныхъ греческимъ іерархомъ, любопытны тѣмъ, что они отражаютъ на себѣ то *византійское* православіе, которымъ доселѣ проникнуты даже выдающіеся представители восточной церкви и которое такъ склонно приравнивать форму къ содержанію въ религіи. Указывая на то, что ни въ первые вѣка христіанства, ни въ эпоху византійской имперіи, ни послѣ взятія Константинополя, духовенство вселенской патріархіи не содержалось на жалованьѣ, митрополитъ артскій продолжаетъ: „это есть нововведеніе въ церковной дисциплинѣ, тогда какъ извѣстно, что православію всегда свойственно было, есть и будетъ—избѣгать всякаго нововведенія не только въ догматахъ, но также въ нравахъ, обычаяхъ и даже во внѣшнихъ формахъ обряда“.

Изо всѣхъ доводовъ, приведенныхъ въ докладѣ, въ устахъ представителя вселенской патріархіи это былъ одинъ изъ наиболѣе вѣскихъ. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о жалованьѣ по существу, преосвященный Софроній говоритъ, что „мысль

[1]) Письмо отъ 21 марта (2 апрѣля) 1859 и депеша отъ того же дня № 39.

похитить у небеснаго Мздовоздаятеля, единственнаго, верховнаго начальника церкви, право воздаянія, которое есть духовное установленіе, и передать это право людямъ, каково бы ни было достоинство сихъ послѣднихъ,—эта мысль близко граничитъ съ нечестіемъ“ [1]).

„Нечестивая мысль“, противъ которой съ чисто византійскимъ риторствомъ возставалъ преосвященный артскій, не возбудила никакого негодованія въ митрополитѣ Филаретѣ. Любопытно, что въ своемъ отзывѣ послѣдній не касается характеристики православія, которую даетъ Софроній. Быть можетъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что нѣкоторыя характерныя византійскія особенности религіознаго пониманія восточныхъ іерарховъ никогда не были чужды и представителямъ русской церкви. Но если даже въ принципѣ московскій митрополитъ сочувствовалъ неприкосновенности внѣшнихъ церковныхъ формъ, онъ тѣмъ не менѣе никогда не могъ приравнивать этихъ формъ къ религіозному содержанію, и потому считалъ невѣрнымъ утвержденіе константинопольскаго іерарха, будто установленіе жалованья духовенству противорѣчитъ священному писанію и канонамъ церкви. Самую постановку вопроса въ докладѣ митрополита Софронія онъ находилъ неправильною, ибо это давало туркамъ вѣское право ссылаться на примѣръ Россіи, гдѣ духовенство получаетъ жалованье. „Мнѣніе преосвященнаго артскаго,—писалъ митрополитъ Филаретъ,—противъ жалованья духовенству основано на невѣрныхъ умозаключеніяхъ. Изъ того, что служащіе церкви имѣютъ небеснаго Мздовоздаятеля, не слѣдуетъ, что имъ не должно давать хлѣба, или денегъ на покупку хлѣба... Дѣло въ томъ, что апостольскимъ правиламъ не противно назначеніе духовенству жалованья отъ правительства, какъ это дѣлается въ Россіи, а противно правиламъ взятіе въ свѣтское распоряженіе церковныхъ имѣній, какъ это хотятъ сдѣлать въ Турціи, чтобы изъ церковныхъ имѣній извлечь жалованье духовенству. Въ Россіи правительство даетъ жалованье духовенству; но власть распоряжаться церковными имѣніями и доходами у епископовъ не отнята, и слѣдственно правила апостольскія не нарушены“.

Въ сущности, доводы артскаго митрополита нельзя принимать за полное выраженіе убѣжденія какъ его самого, такъ и всего собранія. Дѣло въ томъ, что, предлагая установить жалованье духовенству, турецкое правительство выбрало самую выгодную

---

[1]) Записка митрополита артскаго препровождена въ Петербургъ при депешѣ отъ 28 марта (9 апрѣля) 1859 г., № 43.

для себя почву: оно вовсе не высказывало главнаго своего намѣренія, которое имѣло при этомъ въ виду, а именно—секуляризацію церковныхъ имуществъ. И хотя для всѣхъ было несомнѣнно, что если церковь согласится на принципъ жалованья, то тѣмъ самымъ она обречетъ себя на отобраніе ея имуществъ государственной казной,—тѣмъ не менѣе патріархія лишена была возможности прямо ссылаться на этотъ аргументъ.

Къ счастію для церкви, нѣкоторыя соображенія побуждали турецкое правительство не настаивать слишкомъ упорно на проектѣ жалованья духовенству. Соображенія эти были слѣдующія. Либеральные турецкіе дѣятели, стоявшіе въ то время во главѣ правленія, стремились во что̀ бы то ни стало создать правительству султана извѣстный престижъ въ глазахъ Европы, пріобрѣсти ему нѣкоторыя права на уваженіе съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ вѣчныхъ упрековъ въ существующихъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ и отклонить настойчивыя требованія реформъ. Лучшимъ средствомъ для этого было исполнить хоть малую часть широкой программы, намѣченной „гатти-гумайюномъ“, существованіе котораго кололо глаза турецкимъ министрамъ. Созывъ церковно-народнаго собранія въ Константинополѣ былъ однимъ изъ немногихъ практическихъ результатовъ злополучнаго для Турціи акта. Вотъ почему Порта дорожила этимъ доказательствомъ искренности своихъ побужденій и желала, чтобы преобразованіе церковнаго строя, въ которомъ она мало была заинтересована, осуществилось безпрепятственно.

Правда, секуляризація церковныхъ имуществъ казалась крайне желательною мѣрою въ виду бѣдственнаго положенія государственной казны. Тѣмъ не менѣе, передъ энергичнымъ отпоромъ великой церкви турецкіе политики рѣшились отступиться отъ своихъ требованій, чтобы не тормазить преобразованіе церкви, починъ котораго принадлежалъ правительству. Съ другой стороны, Портѣ было извѣстно, что императорская миссія въ вопросѣ о содержаніи духовенства всецѣло стоитъ за огражденіе правъ церкви. Желая сохранить хорошія отношенія съ Россіей и въ то же время не давать этой державѣ случая выступить въ благодарной роли заступницы за православную церковь, турецкое правительство находило болѣе выгоднымъ сдѣлать такъ, чтобы уступка его константинопольскому собранію не казалась вынужденною чьимъ-либо постороннимъ вмѣшательствомъ.

23 марта (4 апрѣля) депутація, составленная изъ свѣтскихъ членовъ собранія, съ докторомъ Степ. Каратеодори во главѣ, отправилась къ министру иностранныхъ дѣлъ Фуаду-пашѣ. Де-

путація заявила министру, что хотя проектъ жалованья духовенству пользуется поддержкой правительства, тѣмъ не менѣе собраніе находитъ его столь противнымъ канонамъ и преданіямъ церковнымъ, что оно рѣшилось войти въ Порту съ представленіемъ объ его отмѣнѣ.

Выслушавъ внимательно объясненія, предложенныя вслѣдъ за тѣмъ депутаціей, Фуадъ-паша отвѣчалъ съ полной благосклонностью. Онъ сказалъ, что правительство султана всегда признавало въ лицѣ церковныхъ іерарховъ не только высшихъ представителей православнаго духовенства, но и начальниковъ православной націи; что въ этомъ качествѣ оно причисляло ихъ къ высшимъ чинамъ имперіи, состоящимъ на государственной службѣ. Порта возъимѣла намѣреніе присвоить жалованье епископамъ, желая обезпечить за ними независимое положеніе, соотвѣтствующее ихъ высокому достоинству, и съ тѣмъ вмѣстѣ положить предѣлъ слишкомъ часто повторяющимся жалобамъ православнаго населенія на своихъ пастырей. Но разъ предложеніе правительства противорѣчитъ религіознымъ основаніямъ православной церкви, собраніе вольно приступить безпрепятственно къ обсужденію другихъ средствъ для достиженія той цѣли, которую только и имѣла въ виду Порта [1]).

Отзывъ Фуада-паши не обезнадежилъ противниковъ преобразованія. Потерпѣвъ неудачу въ происках, клонившихся къ тому, чтобы возстановить Порту противъ церковно-народнаго собранія, геронты перемѣнили тактику, стараясь въ самомъ собраніи создать неурядицу, затормазить его занятія и выиграть время для торжества своихъ козней.

Согласно предложенію Фуада-паши, константинопольское собраніе занялось разработкой проекта содержанія духовенству. Принципъ жалованья устранялся; предполагалось точно опредѣлить окладъ содержанія каждаго архіерея; вмѣсто произвольныхъ поборовъ, каждое селеніе должно было подлежать равномѣрному обложенію. Взиманіе слѣдуемаго епископу сбора предполагалось предоставить ему самому, вмѣняя въ его обязанность ежегодно совершать объѣздъ своей епархіи. Такой проектъ существовалъ съ самаго начала занятій собранія, и объ немъ уже говорилъ кн. Лобанову вселенскій патріархъ.

Сначала геронты ополчились противъ новаго проекта. Обвиняя духовныхъ членовъ собранія въ измѣнѣ интересамъ церкви, они надѣялись поселить раздоръ между ними и свѣтскими членами.

---

[1]) Депеша кн. Лобанова отъ 28 марта (9 апрѣля) 1859 г., № 43.

Однако, видя, что происки ихъ остаются безуспѣшными, и не встрѣчая поддержки со стороны Порты, геронты стали выражать притворную готовность подчиниться рѣшенію собранія, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ основу финансоваго проекта были приняты вѣдомости о доходахъ каждой епархіи, по предварительномъ истребованіи таковыхъ отъ архіереевъ.

Планъ геронтовъ былъ разсчитанъ на слѣдующее: делегаты провинціальныхъ епархій уже давно тяготятся долговременнымъ пребываніемъ въ столицѣ. Пока епархіи доставятъ свои вѣдомости, пройдетъ не мало времени; провѣрка всего этого матеріала также не можетъ быть скоро произведена. Терпѣніе делегатовъ истощится, они начнутъ разъѣзжаться, и народное собраніе принуждено будетъ закрыться до окончанія своихъ трудовъ.

Хитрый замыселъ противниковъ реформы не ускользнулъ отъ вниманія собранія. Оно изъявило согласіе на пересмотръ епархіальныхъ вѣдомостей, но постановило начать съ разслѣдованія вѣдомостей самихъ геронтовъ въ ожиданіи, пока болѣе отдаленныя епархіи пришлютъ, въ свою очередь, отвѣтъ на запросъ.

Увидѣвъ, что планъ ихъ нарушенъ, геронты заявили категорически, что они не представятъ вѣдомостей раньше, чѣмъ получатъ отъ собранія формальное обязательство, что пересмотру будутъ подвергнуты не основные и постоянные ихъ доходы, а лишь второстепенные и мѣняющіеся, какъ, напримѣръ, сборы за освященіе храмовъ, поставленіе священниковъ и т. п.

Тѣмъ временемъ, путемъ всевозможныхъ интригъ, геронтамъ удалось расположить въ свою пользу вселенскаго патріарха. Слабохарактерный и непостоянный, Кириллъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ одного изъ нихъ, личнаго своего друга, митрополита Герасима Халкедонскаго. Подчиняясь его внушеніямъ, патріархъ сталъ оттягивать время и мѣшать правильному ходу занятій, не являясь даже на засѣданія. Такое поведеніе предсѣдателя церковно-народнаго собранія вскорѣ истощило терпѣніе его членовъ, которые рѣшили поступить энергично. Собравшись въ количествѣ семнадцати человѣкъ, они составили петицію Портѣ, въ которой жаловались на патріарха, намѣренно препятствующаго исполненію благихъ предначертаній турецкаго правительства относительно православныхъ его подданныхъ; почему члены собранія ходатайствовали передъ Портой оказать воздѣйствіе на ихъ предсѣдателя, чтобы онъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствій.

Узнавъ о рѣшеніи, принятомъ членами собранія, геронты и тутъ поспѣшили воспользоваться обстоятельствами. Даже зару-

чившись поддержкой патріарха, они мало разсчитывали на него, зная нерѣшительный характеръ Кирилла. Его расположеніе имъ нужно было только для того, чтобы поселить разногласіе между собраніемъ и его предсѣдателемъ.

Въ числѣ сторонниковъ геронтіи были митрополитъ салоникскій Неофитъ и нѣкто Адоссиди. Оба они были членами собранія. Геронты рѣшили провести перваго изъ нихъ на постъ вселенскаго патріарха. Какъ только члены собранія подали петицію министру иностранныхъ дѣлъ, Адоссиди отправился къ Фуадупашѣ интриговать въ пользу смѣщенія патріарха и назначенія салоникскаго митрополита мѣстоблюстителемъ вселенскаго престола; онъ доказывалъ, что это—единственный практическій способъ удовлетворить ходатайству собранія.

Всѣ эти интриги доходили до свѣдѣнія вселенскаго патріарха. Утомленный постоянной борьбой съ всевозможными затрудненіями, святѣйшій Кириллъ подалъ въ отставку. Порта склонна была принять ее, хотя Фуадъ-паша далъ уклончивый отвѣтъ членамъ собранія, подавшимъ петицію, ссылаясь на необходимость доложить дѣло великому визирю.

Князю Лобанову не было еще извѣстно объ интригахъ геронтовъ, но до него дошли слухи, будто сами члены собранія, подававшіе петицію министру иностранныхъ дѣлъ, устно ходатайствовали передъ нимъ о смѣщеніи вселенскаго патріарха.

При первомъ же свиданіи съ великимъ визиремъ русскій посланникъ обратился къ нему съ конфиденціальнымъ вопросомъ о томъ, насколько слухъ о предстоящемъ смѣщеніи Кирилла заслуживаетъ довѣрія. Аали-паша отвѣчалъ, что Порта дѣйствительно получала представленія въ этомъ смыслѣ отъ членовъ народнаго собранія, а также прошеніе самого патріарха, но еще не приняла никакого рѣшенія, желая зрѣло обсудить положеніе дѣлъ. Пользуясь откровенностью своего собесѣдника, кн. Лобановъ замѣтилъ, что съ своей стороны находитъ ходатайство членовъ собранія о смѣщеніи патріарха по меньшей мѣрѣ несвоевременнымъ. Нельзя приступать къ избранію замѣстителя святѣйшему Кириллу раньше, чѣмъ не будетъ окончательно выработанъ и утвержденъ Портою новый уставъ о патріаршихъ выборахъ. Отставка вселенскаго патріарха скомпрометтировала бы результаты работъ церковно-народнаго собранія въ глазахъ православнаго населенія, для котораго участіе патріарха въ преобразованіи, въ качествѣ предсѣдателя собранія, представляетъ залогъ успѣха. Эти соображенія побуждали русскаго посланника совѣтовать Портѣ поддержать вселенскаго патріарха,

какъ ни чувствителенъ былъ недостатокъ у святѣйшаго Кирилла нѣкоторыхъ качествъ, столь необходимыхъ для его высокаго поста.

Къ полному удовольствію князя Лобанова, Аали-паша сказалъ ему, что вполнѣ раздѣляетъ его взгляды. Сдѣлавъ, вслѣдъ затѣмъ, мѣткую характеристику церковныхъ дѣятелей и членовъ синода, великій визирь открылъ кн. Лобанову средство, которое онъ считалъ самымъ практическимъ выходомъ изъ затрудненій. По его мнѣнію, нужно было внушить патріарху, чтобы онъ удалилъ четырехъ наиболѣе строптивыхъ геронтовъ изъ Константинополя, предложивъ имъ отбыть въ свои епархіи, какъ это дѣлали и въ прежнія времена въ подобныхъ обстоятельствахъ предшественники святѣйшаго Кирилла.

VI.—Высылка геронтовъ изъ Константинополя.

Предложенная великимъ визиремъ мѣра удаленія геронтовъ изъ столицы встрѣтила полное сочувствіе кн. Лобанова. Онъ былъ убѣжденъ, что „оппозиція геронтовъ, которые съумѣли создать себѣ въ синодѣ ненормальное положеніе, есть единственная серьезная помѣха къ выполненію задачи, предпринятой совѣтомъ на благо церкви“. Нашъ посланникъ надѣялся „что съ устраненіемъ тайныхъ воздѣйствій, окружавшихъ патріарха, послѣдній не замедлитъ вернуть себѣ свободу дѣйствій, и согласіе, на мгновеніе нарушенное между патріархомъ и членами совѣта, будетъ вскорѣ возстановлено“ [1]).

Чтобы повліять на святѣйшаго Кирилла, великій визирь обратился къ посредничеству логоѳета Аристархи, оффиціальное положеніе котораго въ патріархіи облегчало ему и раньше исполненіе всякаго рода порученій Порты. Аристархи передалъ Кириллу совѣтъ Порты удалить геронтовъ изъ Константинополя. Вселенскому патріарху и самому хотѣлось найти такой исходъ изъ затрудненій, при которомъ онъ могъ бы сохранить свой постъ, не компрометтируя достоинства. Удаленіе геронтовъ вполнѣ отвѣчало этой цѣли, но не въ характерѣ Кирилла было бы принять столь рѣшительную мѣру на свою личную отвѣтственность. На дѣлавшіяся ему оффиціальныя внушенія онъ отвѣчалъ, что ни въ какомъ случаѣ не обратится къ Портѣ съ ходатайствомъ объ удаленіи геронтовъ, и скорѣе пред-

[1]) Депеша кн. Лобанова, Буюкдере 13-го (25-го) іюня 1859 г., № 77.

почтетъ свою собственную отставку. „Что касается правительства,—добавилъ онъ,—то многочисленныя жалобы, которыя къ нему поступаютъ, на злоупотребленія, чинимыя нѣкоторыми изъ членовъ синода, даютъ ему право вмѣшаться въ дѣло. Пусть Порта прикажетъ мнѣ выслать геронтовъ въ ихъ епархіи, и я не поколеблюсь немедленно исполнить это приказаніе“ [1]).

Такимъ образомъ, наравнѣ съ своими соперниками вселенскій патріархъ призывалъ мусульманскую власть вмѣшиваться во внутреннее церковное дѣло. Въ оправданіе его кн. Лобановъ замѣчалъ, что самое право геронтовъ постоянно пребывать въ столицѣ было установлено не церковью, а султанскимъ правительствомъ, и, слѣдовательно, послѣднее могло и отнять его у геронтовъ.

Велико было, однако, безсиліе церковной власти, если патріархъ, несмотря на желаніе свое раздѣлаться съ геронтами, не рѣшался примѣнить къ нимъ основное каноническое правило, въ силу котораго ни одинъ епископъ не можетъ пребывать въ епархіи другого безъ его согласія.

Турецкое правительство приняло во вниманіе представленія вселенскаго патріарха. Отъ имени султана его отставка была отвергнута, и ему въ оффиціальной бумагѣ предписано было продолжать исполненіе своихъ обязанностей. Святѣйшему Кириллу поставлено было также на видъ, что занятія церковно-народнаго собранія должны быть приведены къ скорому и успѣшному окончанію, въ виду горячаго участія, принимаемаго его величествомъ въ дѣлѣ преобразованія. Патріаршій кризисъ миновалъ на этотъ разъ благополучно, и святѣйшій Кириллъ едва ли не всецѣло обязанъ былъ этимъ заступничеству русскаго посланника. Наканунѣ свиданія послѣдняго съ великимъ визиремъ, отставка патріарха была почти рѣшеннымъ дѣломъ. Князь Лобановъ не преминулъ довести до свѣдѣнія святѣйшаго Кирилла о своемъ участіи въ отклоненіи грозившей ему опасности и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы посовѣтовать патріарху не злоупотреблять своимъ вліяніемъ для личной мести противъ нѣкоторыхъ членовъ собранія, которыхъ онъ хотѣлъ бы также удалить. Между этими противниками святѣйшаго Кирилла были нѣсколько мірянъ и салоникскій митрополитъ, который, считая паденіе патріарха несомнѣннымъ, не стѣснялся въ собраніи дерзко отзываться о немъ.

Вскорѣ послѣ того, князь Лобановъ имѣлъ свиданіе съ ми-

[1]) Депеша кн. Лобанова. Буюкдере, 20-го іюня (2-го іюля) 1859 г., № 81.

нистромъ иностранныхъ дѣлъ. Фуадъ-паша заявилъ, что Порта не допуститъ удаленія кого-либо изъ членовъ народнаго собранія, ибо подобная мѣра, быть можетъ пріятная патріарху, повлечетъ за собою дезорганизацію собранія и невыгодно отразится на выполненіи его задачи. Что касается геронтовъ, то патріарху вскорѣ предложено будетъ пригласить нѣкоторыхъ изъ нихъ отбыть въ свои епархіи,—въ виду того, замѣтилъ министръ, что „самыя каноническія установленія не дозволяютъ никакому епископу пребывать внѣ своей епархіи болѣе трехъ лѣтъ, тогда какъ нѣкоторые члены синода незаконно оставались въ столицѣ болѣе десяти лѣтъ“ [1]).

Передавая содержаніе этой бесѣды въ Петербургъ, князь Лобановъ отмѣчалъ, что иниціатива ея принадлежала самому Фуаду-пашѣ. Въ такомъ поступкѣ оттоманскаго министра русскій посланникъ видѣлъ признаніе Портой законности оффиціальнаго участія русской миссіи въ дѣлахъ патріархіи [2]).

Патріархъ не замедлилъ получить предписаніе Порты о высылкѣ геронтовъ. Вѣрный самому себѣ, святѣйшій Кириллъ и въ этомъ случаѣ поступилъ съ свойственнымъ ему слабодушіемъ. Явившись въ Порту въ сопровожденіи іерусалимскаго патріарха, котораго геронты подговорили присутствовать при свиданіи Кирилла съ турецкими министрами, вселенскій патріархъ обратился къ великому визирю и министру иностранныхъ дѣлъ съ упреками, почему они не спросили его мнѣнія раньше, чѣмъ принять рѣшеніе относительно геронтовъ. Хитрый умыселъ патріарха, желавшаго обѣлить себя въ глазахъ геронтовъ, былъ отлично понятъ турецкими министрами, и они отвѣчали, что его святѣйшество долженъ былъ бы скорѣе извиняться передъ ними, что самъ раньше не просилъ о принятіи мѣры, соотвѣтствующей давнишнимъ желаніямъ православнаго народа.

На увѣдомленіе патріарха о распоряженіи Порты геронты отвѣчали, что готовятся къ выѣзду. Вмѣстѣ съ тѣмъ они медлили подчиниться приказанію, надѣясь добиться его отмѣны. Главнымъ образомъ они разсчитывали на содѣйствіе французскаго посла Тувенеля. Незадолго до того, находясь въ отпуску, Тувенель писалъ изъ Парижа первому драгоману французскаго посольства, г. Утрэ, замѣщавшему его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, что императоръ Наполеонъ выразилъ ему полное одобреніе за сношенія, которыя посолъ поддерживалъ съ Фана-

[1]) Депеша кн. Лобанова. Буюкдере, 27-го іюня (9-го іюля) 1859 г., № 85.

[2]) Тамъ же: „Cette démarche spontanée de sa part implique en quelque sorte la consécration de notre ingérence officieuse, à l'avenir, dans les affaires du patriarcat“.

ромъ. Съ своей стороны Тувенель отзывался весьма сочувственно о рѣшеніи папскаго делегата въ Константинополѣ завязать со вселенскимъ патріархомъ отношенія, которыя являются возобновленіемъ давней политики святѣйшаго престола. „При случаѣ передайте отъ меня новому делегату комплиментъ за его мудрое поведеніе“,—добавлялъ Тувенель [1]).

Князь Лобановъ зналъ о намѣреніи геронтовъ обратиться за содѣйствіемъ къ французскому послу, и потому собирался поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но Тувенель самъ предупредилъ его желаніе. „Меня преслѣдуютъ личности, которыя приходятъ отъ нѣкоихъ митрополитовъ просить заступничества за нихъ передъ Портой,—сказалъ онъ князю Лобанову.—Я велѣлъ имъ отвѣчать, что не принадлежу къ ихъ исповѣданію; что въ Константинополѣ имѣется представитель ихъ религіи, который болѣе меня компетентенъ, чтобы составить сужденіе о предметѣ ихъ жалобъ, и что еслибы русскій посланникъ призналъ, что привилегіи греческой церкви дѣйствительно нарушены, то я былъ бы готовъ въ согласіи съ нимъ сдѣлать тѣ представленія, которыя мы сочтемъ нужными, но что безъ него я ничего не хочу дѣлать“ [2]). „Ну, а теперь,—добавилъ онъ,—не можете ли вы мнѣ сказать, каково ваше мнѣніе, ибо, по совѣсти, я не могу составить себѣ никакого мнѣнія на основаніи того, что̀ передавали мнѣ эти личности“.

Откровенныя и, казалось бы, прямодушныя заявленія французскаго посла не вязались съ поощреніями, которыя онъ давалъ чрезъ своего временнаго замѣстителя папскому делегату. Заявленія эти не вполнѣ согласовались также съ отношеніями самого посла съ Фанаромъ. Разгадка такого страннаго на пер-

[1]) Cette approbation (говорится о Наполеонѣ) s'est appliquée également à mes relations avec les dignitaires du Phanar. Point n'est besoin de vous dire, dès lors, que je suis enchanté de celles que monseigneur Brunoni a ouvertes avec le patriarche, et qui constituent une reprise de l'ancienne politique du Saint-Siège. Dans l'occasion, faites compliment, de ma part, au nouveau délégué de sa sage conduite“ (Lettre de M. Thouvenel a M. Outrey, le 9 Décembre 1858 (см. L. Thouvenel, 328).

[2]) Je suis persécuté, m'a-t-il dit, par des individus qui viennent de la part de certains mitropolitains, me demander d'intercéder en leur faveur auprès de la Porte. Je leur ai fait répondre que je n'étais pas de leur rit; qu'il y avait à Constantinople un représentant de leur religion plus à même que moi de porter un jugement sur l'objet de leurs plaintes, et que si le ministre de Russie reconnaissait qu'en effet les privilèges de l'Eglise grecque ont été violés j'étais tout prêt de faire de concert avec lui telles démarches que nous croirions convenables, mais que sans lui je ne voulais rien faire. (Dépêche du pr. Lobanow. Bujukdere, le 15 (27) Août 1859, № 109).

вый взглядъ поведенія содержится въ томъ же письмѣ къ г. Утрэ.

Письмо это было написано въ декабрѣ 1858 года, слѣдовательно, незадолго до франко-австрійской войны, закончившейся въ октябрѣ 1859 г. Въ немъ намѣчались общія основанія французской политики на Востокѣ во время предстоявшихъ осложненій и характеризовался способъ веденія дѣлъ съ мѣстными иностранными представителями. Говоря о хитромъ образѣ дѣйствій англійскаго посла Бульвера [1]), Тувенель совѣтовалъ не показывать ему неудовольствія на его поступки, которые могутъ быть непріятны Франціи. „Есть люди,—продолжалъ онъ,—которыхъ можно обуздать, принимая видъ искреннихъ ихъ друзей. Сэръ Генри Бульверъ принадлежитъ къ этому разряду. Остерегайтесь также Лобанова и играйте съ нимъ ту же игру. Императоръ имѣетъ идею составить, если возможно, тріумвиратъ въ Европѣ изъ Франціи, Англіи и Россіи. Въ ожиданіи, пока идея эта осуществится, или... будетъ оставлена, намъ нужно, волей-неволей, придерживаться равновѣсія, съ *недоступнымъ для невооруженнаго глаза оттѣнкомъ* въ пользу Россіи. Я вамъ повторяю, что въ настоящее время Востокъ рѣшительно не входитъ въ наши разсчеты“ [2]).

Слова Тувенеля вполнѣ объясняютъ образъ дѣйствій его въ церковномъ вопросѣ по возвращеніи въ Константинополь. Если ему и было желательно „обуздать Лобанова“, то въ данномъ случаѣ ему это не удалось. Зато онъ вполнѣ успѣшно достигъ другой цѣли, оставивъ на своемъ собесѣдникѣ впечатлѣніе искренняго прямодушія. Князь Лобановъ горячо поблагодарилъ его за откровенность и лояльность, которой онъ только-что далъ столь блестящее доказательство, и вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ причины, которыя привели къ необходимости удалить геронтовъ. Онъ не отказался также удовлетворить просьбѣ посла, давъ ему опредѣленное понятіе о характерѣ занятій церковно-народнаго собранія и выработанныхъ уже результатовъ. „Я не встрѣтилъ

[1]) Характеризуя замѣну сэра Стр. Рэдклиффа Бульверомъ, Тувенель напоминалъ свое предсказаніе, что это будетъ замѣна льва змѣею.

[2]) Il y a des gens que l'on bride en ayant l'air d'être leurs amis intimes, et sir H. Bulwer est de cette race-la. Prenez garde aussi à Lobanoff et jouez le même jeu avec lui. L'idée de l'empereur est de former, si c'est possible, un triumvirat que cette idée compose de la France, de l'Angleterre et de la Russie. En attendant que cette idée se réalise ou qu'elle passe, il nous faut, bon gré mal gré, nous tenir en équilibre, avec une nuance insaisissable à l'oeil nu en faveur de la Russie. Je vous répète que, actuellement, l'Orient n'est pour rien dans nos calculs. (L. Touvenel, loco cit. 327).

къ тому препятствій,—замѣчалъ князь Лобановъ,—какъ для того, чтобы не выказать г. Тувенелю незаслуженнаго недовѣрія, такъ и съ цѣлью обнаружить неточность доставляемыхъ ему доселѣ свѣдѣній и предостеречь противъ тѣхъ, которыя онъ впредь можетъ получить".

Интриги геронтовъ не встрѣтили успѣха ни въ церковно-народномъ собраніи, ни въ Портѣ, ни у иностранныхъ представителей. Они принуждены были подчиниться приказанію выѣхать изъ Константинополя; но, передъ отъѣздомъ, пятеро изъ нихъ, а именно, митрополиты ефесскій, гераклейскій, кизическій, никомедійскій и халкедонскій, обратились къ вселенскому патріарху съ рѣзкимъ протестомъ противъ незаконности принятой относительно нихъ мѣры. Протестъ этотъ, написанный митрополитомъ кизическимъ Іоакимомъ, содержалъ двоякаго рода аргументы: каноническіе и историческіе. „Искони великая церковь управляется патріархомъ и синодомъ, который его окружаетъ",—утверждали геронты.—„Синодъ этотъ не есть начальство, образуемое случайно и изъ случайныхъ членовъ, но онъ составляется изъ опредѣленныхъ представителей, пожизненно исполняющихъ свои обязанности, а именно изъ 8-ми первыхъ въ іерархическомъ порядкѣ архіереевъ, причемъ вовсе не исключаются прочіе архіереи, случайно находящіеся въ столицѣ; учрежденіе это издревле опредѣлено было оффиціальными установленіями церкви, освящено временемъ и закрѣплено неоднократными султанскими постановленіями, какъ одна изъ главнѣйшихъ привилегій церкви.

„Всякій разъ когда одному или двумъ изъ постоянныхъ членовъ синода надлежало на нѣкоторое время отбыть въ свою епархію, это дѣлалось по предложенію патріарха и съ вѣдома всего синода. Одновременная высылка всѣхъ постоянныхъ членовъ синода никогда не имѣла мѣста, ибо таковая была бы распущеніемъ синода и, слѣдовательно, попраніемъ всѣхъ привилегій и правъ церкви, и никакой патріархъ, пекущійся о достоинствѣ и пользѣ церкви, не допускалъ этого. Если высылка геронтовъ рѣшена турецкимъ правительствомъ безъ предварительнаго оповѣщенія патріарха, то и въ этомъ случаѣ на обязанности послѣдняго по отношенію къ правительству султана было разъяснить сущность принимаемой мѣры. Такъ долженъ былъ бы поступить патріархъ, въ качествѣ посредника между правительствомъ и православнымъ народомъ, одинаково отвѣтственный передъ ними обоими.

„Но если его святѣйшество, введенный въ заблужденіе, полагаетъ, что удаленіе геронтовъ принесетъ не вредъ, а пользу

дѣлу церкви, то митрополиты считаютъ себя въ правѣ спросить, чѣмъ до сихъ поръ заслужили они такое порицаніе? Не этотъ ли самый синодъ прошелъ черезъ огонь и воду при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и, благодаря своему терпѣнію и постоянству, соблюлъ нерушимымъ священное наслѣдіе отцовъ? Не онъ ли былъ вѣрнымъ помощникомъ патріарха въ церковномъ водительствѣ и исполненіи предначертаній султанскаго правительства относительно православнаго народа? И если клевета возмогла затемнить въ настоящую минуту истину, если нѣкоторые, встрѣчая въ синодѣ неодолимое препятствіе для своихъ своекорыстныхъ разсчетовъ, оклеветали и оболгали его и тѣмъ вызвали его распущеніе, то да будетъ стигматъ матереубійцы возмездіемъ за ихъ народоубійственный поступокъ".

Обращаясь далѣе къ стоящему на очереди дѣлу церковнаго преобразованія, геронты, въ своемъ качествѣ архіереевъ и подданныхъ султана, спрашиваютъ, почему они одни не могутъ принимать участія въ общемъ дѣлѣ, и ихъ не только не увѣдомляютъ о работахъ церковно-народнаго собранія, но высылаютъ изъ столицы? Развѣ они не суть епископы и члены той самой церкви, которую подвергаютъ преобразованію? Не они ли отъ имени всей іерархіи выбрали духовныхъ членовъ собранія, поручивъ имъ представительство священнаго клира? Не надлежитъ ли въ настоящее время, чтобы эти духовные члены, передъ удаленіемъ митрополитовъ изъ столицы, отдали имъ отчетъ въ томъ, что сдѣлано доселѣ собраніемъ?

При созывѣ собранія, правительство постановило, что въ составъ его не могутъ войти члены синода. Почему же нынѣ считаютъ возможнымъ замѣнить геронтовъ въ синодѣ епископами, засѣдающими въ собраніи? За что изо всѣхъ подданныхъ султана одни только геронты лишены права пользоваться благодѣтельными постановленіями „гатти-гумайюна"?

По всѣмъ этимъ причинамъ геронты приписываютъ свое удаленіе дѣйствію злонамѣренныхъ интригъ, и въ распущеніи синода они усматриваютъ нарушеніе основныхъ привилегій и правъ церкви и разстройство установленнаго порядка церковнаго управленія. Они считали бы себя отвѣтственными передъ всею церковью, еслибы при такихъ условіяхъ сохранили молчаніе; прежде всего они протестуютъ противъ равнодушнаго отношенія патріарха къ уничтоженію привилегій церкви и требуютъ отъ него дѣятельной ихъ защиты. Кромѣ того, геронты заявляютъ, что преобразованія, которыя вырабатываются въ настоящее время церковно-народнымъ собраніемъ, будутъ приняты

ими лишь послѣ того, какъ они признаютъ соотвѣтствіе ихъ съ канонами и практикой церкви и привилегіями, дарованными султанами. Соблюденіе этого соотвѣтствія они ставили условіемъ sine qua non, когда выбирали духовныхъ делегатовъ отъ имени всего клира.

Въ заключеніе, геронты обращались къ патріарху съ просьбой выдать каждому изъ подписавшихъ протестъ засвидѣтельствованную съ него копію, чтобы никто не могъ въ будущемъ упрекнуть ихъ, что они оставались безмолвны при нарушеніи церковныхъ установленій.

Протестъ геронтовъ, въ связи съ удаленіемъ ихъ изъ Константинополя, произвелъ сильное впечатлѣніе во всемъ православномъ мірѣ. Одни осуждали патріарха, вызвавшаго подобную мѣру со стороны турецкаго правительства, и защищали геронтовъ, пострадавшихъ вслѣдствіе вторженія мірской стихіи въ область церковнаго управленія; другіе, наоборотъ, одобряли святѣйшаго Кирилла и сочувствовали дѣлу преобразованія. Церковно-народное собраніе не сочло возможнымъ оставить протестъ геронтовъ безъ возраженія. Въ концѣ августа 1859 г. въ патріаршей типографіи напечатана была брошюра, въ которой помѣщенъ былъ протестъ пяти геронтовъ и пространный отвѣтъ на него. Въ этомъ отвѣтѣ доводы геронтовъ были подвергнуты тщательному разбору, и въ полномъ соотвѣтствіи съ ними опроверженіе основано было на данныхъ каноническаго права и исторіи церковной практики. Прежде всего церковно-народное собраніе останавливается на утвержденіи геронтовъ, будто синодъ долженъ быть непремѣнно составленъ изъ нихъ, и что высылка геронтовъ есть распущеніе синода. Въ противность этому собраніе доказываетъ на основаніи священнаго писанія и соборныхъ каноновъ, что всѣ епископы безусловно равны между собой въ степени усвоенной имъ духовной власти, и стремленіе какихъ-либо епископовъ выдѣлить себѣ исключительныя прерогативы въ области церковнаго управленія противно духу православной церкви. Почетныя отличія нѣкоторыхъ епископовъ, выраженныя въ особо-присвоенныхъ имъ титулахъ, не даютъ имъ права утверждать превосходство свое въ духовной власти надъ другими епископами. Въ принципѣ управленіе мѣстной церкви принадлежитъ собору всѣхъ ея епископовъ, періодически для того созываемому. Требованія и условія соціальной и политической организаціи церкви въ государствѣ принудили къ образованію въ главномъ городѣ данной церковной области постояннаго учрежденія, въ основѣ котораго, однако, лежитъ то же соборное

начало. Такъ создались синоды, члены которыхъ суть всѣ епархіальные архіереи, но вызываемые по очереди въ городъ, признанный средоточіемъ церковнаго управленія. Епископу такого города издревле присвоено было почетное первенство и постоянное предсѣдательство синода. Такимъ образомъ участіе въ церковномъ управленіи нѣсколькихъ епископовъ опредѣленныхъ епархій, съ выключеніемъ изъ него остальныхъ архіереевъ, есть нарушеніе соборнаго начала церковнаго управленія, установленнаго вселенскими соборами.

Въ сущности аргументація эта сводилась къ отрицанію *олигархическаго* управленія церковью. Идея соборнаго начала казалась свѣтскимъ членамъ собранія сродною съ одушевлявшими многихъ изъ нихъ демократическими тенденціями, которыя они надѣялись провести въ управленіе церкви. Свои конечные выводы о каноническихъ основахъ церковнаго управленія они формулируютъ слѣдующимъ образомъ: 1) „Образъ іерархическаго устройства не есть ни монархическій, ни аристократическій, но это есть духовное сообщество, составляемое изъ членовъ, равныхъ по рангу, власти, голосу и, такъ сказать, связанныхъ союзомъ. 2) Епископъ митрополіи, или занимающій первую каѳедру въ епархіи, не есть властелинъ и повелитель, но первый между равными (primus inter pares), т.-е. предсѣдатель епископовъ епархіальной церкви, ни въ чемъ не отличающійся отъ прочихъ собратьевъ, кромѣ почетнаго предхожденія и права утверждать избраніе епископовъ; у него нѣтъ голоса въ ихъ выборахъ и никакого исключительнаго вліянія въ синодальныхъ собраніяхъ, въ которыхъ каждый церковный вопросъ рѣшается по большинству голосовъ; 3) *всѣ* епископы, безъ исключенія, имѣютъ равное право голоса не только въ догматическихъ вопросахъ, но и въ дѣлахъ церковнаго управленія (διοικητικοῖς πράγμασι τῆς Ἐκκλησίας); даже болѣе того, епископъ, не принимающій участія въ синодальныхъ собраніяхъ, подлежитъ за такую небрежность осужденію“. Указаннымъ основамъ церковнаго домостроительства несомнѣнно противорѣчитъ институтъ геронтовъ, самое названіе котораго свидѣтельствуетъ о какомъ-то аристократическомъ выдѣленіи и превосходствѣ однихъ епископовъ надъ другими; названіе это вызываетъ воспоминаніе объ олигархическомъ управленіи древней языческой Спарты, которое также состояло изъ геронтовъ. Переходя къ исторіи церковной практики, собраніе документально доказываетъ, что до патріарха Самуила, при которомъ впервые епископы нѣкоторыхъ епархій признаны были геронтами, эти послѣдніе не имѣли никакихъ особыхъ прерога-

тивъ и даже были ниже иныхъ собратьевъ по рангу. Такимъ образомъ сама собою падаетъ ссылка геронтовъ на древность учрежденія, которому не исполнилось даже девяноста лѣтъ. Изъ берата на имя патріарха Самуила, отъ 1770 года, явствуетъ, что въ то время геронтовъ было пять, а не восемь, и они, повидимому, различаются въ этомъ актѣ отъ постояннаго синода. На основаніи приведенныхъ соображеній изъ области каноническаго права и исторіи можно заключить, что съ удаленіемъ геронтовъ изъ Константинополя церковь не лишается возможности составить синодъ изъ другихъ членовъ-епископовъ.

Въ заключеніе, собраніе отвергаетъ требованіе геронтами отчета отъ духовныхъ делегатовъ. Подобное притязаніе оно сравниваетъ съ давленіемъ, которое пожелало бы оказать въ какомънибудь конституціонномъ государствѣ правительство на народныхъ представителей. Что касается нововведеній, которыя имѣетъ въ виду собраніе, всѣ они представляютъ возвращеніе къ исконнымъ основамъ церковнаго строя и находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ священнаго писанія и соборныхъ каноновъ.

Передавая въ Петербургъ протестъ геронтовъ и возраженіе церковно-народнаго собранія, князь Лобановъ подтверждалъ, съ своей стороны, правильность доводовъ послѣдняго.

Положеніе дѣлъ въ константинопольской церкви сильно встревожило наше духовное вѣдомство. Въ письмѣ къ митрополиту Филарету оберъ-прокуроръ св. синода выражалъ сожалѣніе, что князь Лобановъ „ограничился однимъ *юридическимъ* изслѣдованіемъ вопроса о законности или незаконности удаленія синодальныхъ членовъ изъ Константинополя“.

Графъ Толстой полагалъ, что „гораздо важнѣе для насъ рѣшить другой вопросъ, а именно о томъ, какое подобное внезапное потрясеніе греческой церкви можетъ имѣть послѣдствіе для нея самой, и какое впечатлѣніе извѣстія о семъ могутъ произвести у насъ на православныхъ и на раскольниковъ. Что касается до патріарха, то самъ князь Лобановъ неоднократно указывалъ на его слабодушіе и уклончивость, и посему мнѣнія такого лица не могутъ почитаться безошибочными, а главное, въ настоящую пору опасно оставлять его безъ опоры и безъ совѣта людей опытныхъ и искусныхъ и ввѣрять ему диктаторскую власть, которою несомнѣнно будутъ пользоваться, и уже пользуются, для прикрытія своихъ дѣйствій, какъ свѣтскія лица, такъ и магометанское правительство“ [1]).

---

[1]) Графъ А. П. Толстой митрополиту Филарету 19 августа 1859 г.

Изъ приведенныхъ словъ оберъ-прокурора св. синода видно, что онъ считалъ возможнымъ и желательнымъ для нашей церкви вмѣшаться въ дѣла вселенской патріархіи и склонялся на сторону геронтовъ. Совершенно иначе взглянулъ на дѣло митрополитъ Филаретъ. „Чтеніе протеста геронтовъ противъ удаленія ихъ изъ синода,—замѣчалъ онъ,—располагаетъ къ вопросу: не есть ли самый сей протестъ достаточное доказательство того, что они заслужили удаленіе? И разсмотрѣніе протеста не ведетъ къ тому, чтобы отвѣчать на сей вопросъ отрицательно". Въ поступкѣ геронтовъ московскій митрополитъ усматривалъ прежде всего явное нарушеніе церковной дисциплины. Сторонникъ твердой власти и строгаго соблюденія установленій церкви, Филаретъ долженъ былъ несомнѣнно сочувствовать патріарху, а не геронтамъ. Входя въ разборъ ихъ протеста по существу, онъ находилъ доводы ихъ неосновательными. Въ подтвержденіе своихъ правъ, геронты ссылались на „различныя султанскія постановленія".—„Это говорятъ геронты противъ себя. Если они не указали никакого соборнаго установленія въ основаніе нынѣшнему составу синода, и указали только султанскія постановленія, то не много силы въ ихъ протестѣ противъ того, что они, по султанскому же повелѣнію, удаляются отъ синода". Что касается каноническихъ основаній, то таковыхъ геронты указать не могутъ. „Древніе православные соборы ни геронтовъ, ни эфоровъ не имѣли".—„Правда,—прибавляетъ Филаретъ,—что для пользы дѣлъ церковныхъ нужно, чтобы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые члены синода присутствовали въ немъ безсмѣнно, доставляя ему преимущественно предъ другими членами пособіе своею опытностью, твердостью, пріобрѣтенною довѣренностью народа". Однако, удаленіе изъ столицы каждаго изъ постоянныхъ членовъ синода не даетъ права „составлять противъ патріарха и синода оппозицію изъ пяти членовъ".—„Если удаляемый членъ признаетъ себя удаляемымъ безъ вины, онъ можетъ просить патріарха и синодъ изслѣдовать его поведеніе и признать его невиннымъ; и это надлежитъ сдѣлать каждому о себѣ, а соединяться пятерымъ въ одну просьбу незаконно".

По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ, митрополитъ Филаретъ совѣтовалъ: 1) „протестъ признать неправильнымъ; 2) каждому протестующему (а не всѣмъ вмѣстѣ, какъ не составляющимъ никакого законнаго цѣлаго) изъяснить неправильность протеста и могущій отъ него произойти вредъ, вмѣсто пользы, и пригласить его отказаться отъ протеста, а представить личную просьбу о дознаніи его невинности и возстановленіи правъ его".

Въ случаѣ, если удастся убѣдить геронтовъ, патріархъ могъ бы сдѣлать представленіе Портѣ, чтобы они продолжали оставаться членами синода, и русской миссіи слѣдовало бы поддержать это представленіе. „Надобно спѣшить угасить пожаръ, пока онъ не усилился“,—заключалъ митрополитъ.

Но едва успѣлъ написать Филаретъ эти строки, какъ новыя вѣсти съ Востока убѣдили его, „что пожаръ усиливается“. Осложненія, происшедшія во вселенской патріархіи, не могли ограничиться предѣлами мѣстной церкви; какъ и всегда на Востокѣ, вопросъ, возникшій на почвѣ религіи, получилъ политическую окраску.

Епархіи геронтовъ были расположены недалеко отъ Константинополя. Двое изъ нихъ, а именно митрополиты халкедонскій и деркоискій (не участвовавшій въ протестѣ), имѣли своимъ законнымъ пребываніемъ мѣстности подлѣ самой столицы; принятая относительно нихъ мѣра удаленія изъ Константинополя служила имъ малой помѣхой для продолженія интригъ.

Въ епархіяхъ геронтовъ греческій элементъ преобладалъ надъ всѣми прочими, и потому на каѳедры митрополитовъ выбирались всегда природные греки. Приверженцы геронтовъ поспѣшили объяснить ударъ, нанесенный этому учрежденію, какъ пораженіе самаго эллинизма. Это объясненіе представлялось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что поддержка, оказанная русской миссіей вселенскому патріарху, не оставалась ни для кого тайной.

Кромѣ того, характеръ предстоявшаго преобразованія для большинства непосвященныхъ рисовался еще довольно загадочно. Сторонники эллинизма опасались, что русская миссія, оказавъ поддержку патріарху, воспользуется случаемъ, чтобы упрочить свое вліяніе на церковныя дѣла и провести выгодныя для славянъ преобразованія. Съ этого момента въ прессѣ греческаго королевства стали появляться статьи, содержавшія страстную защиту геронтовъ и упреки по адресу вселенскаго патріарха. Кромѣ преувеличенности выраженій, эти статьи не заключали въ себѣ ничего новаго; въ нихъ повторялись доводы, изложенные уже въ протестѣ геронтовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ преднамѣренно искажались событія, и удаленіе геронтовъ раздувалось до степени вопроса, имѣющаго значеніе для всей православной церкви. Въ одной изъ такихъ статей аѳинской газеты „Ἥλιος“ говорилось, что „вселенская церковь, считающая своими чадами (между прочимъ) семьдесятъ милліоновъ русскихъ, лишилась своего вселенскаго синода“. „Семьдесятъ милліоновъ русскихъ,—возражалъ высокопреосвященный Филаретъ,—имѣютъ свой синодъ, не

подчиненный, а равный константинопольскому синоду. Синодъ константинопольскій есть синодъ константинопольскаго патріарха. Вселенская власть какъ надъ Константинополемъ, такъ и надъ всероссійскимъ синодомъ, принадлежитъ вселенскому собору. Константинопольскій патріархъ имѣетъ издревле титулъ вселенскаго, но только почетный; ибо онъ не присвояетъ себѣ власти, какую присвояетъ себѣ папа римскій. „Синодъ константинопольскій не называется вселенскимъ, даже въ смыслѣ почетнаго титула“ [1]).

VII. — Обращеніе геронтовъ къ русскому синоду.

Въ возраженіяхъ митрополита Филарета противъ аѳинскихъ газетъ просвѣчиваетъ мысль, что полемика между константинопольскимъ церковно-народнымъ собраніемъ и геронтами есть домашній споръ, не затрогивающій интересовъ всего православія, и что, слѣдовательно, не надлежало прочимъ церквамъ вмѣшиваться въ него.

По этому поводу у него завязалась переписка съ оберъ-прокуроромъ св. синода, гр. Толстымъ, который держался совершенно иного взгляда.

Слѣдуетъ замѣтить, что депеши, приходившія изъ Константинополя, были всѣ написаны на французскомъ языкѣ, согласно принятому въ то время обычаю. Эти депеши переводились въ Петербургѣ на русскій языкъ, и затѣмъ изъ нихъ дѣлались извлеченія. Нерѣдко при этомъ въ изложеніе вкрадывались значительныя неточности, благодаря которымъ дѣйствія нашей миссіи въ Константинополѣ получали иногда невѣрное освѣщеніе. Только впослѣдствіи обнаружился этотъ недосмотръ, и этимъ обстоятельствомъ можно объяснить не совсѣмъ точныя ссылки на депеши князя Лобанова, которыя встрѣчаются въ письмахъ графа Толстого. Самъ Филаретъ былъ такимъ же образомъ введенъ въ заблужденіе по нѣкоторымъ вопросамъ. Но во взглядахъ митрополита и оберъ-прокурора существовало принципіальное различіе. Происходило это вслѣдствіе различія въ самомъ ихъ положеніи: одинъ былъ представителемъ церкви, другой—духовнаго вѣдомства. Первый стоялъ за полное огражденіе независимости церкви отъ всякаго посторонняго и свѣтскаго посягательства, и во взглядѣ на преходящія явленія мѣстной церковной неурядицы исходилъ изъ религіознаго убѣжденія въ несокрушимости вселенской церкви.

---

[1]) Записка митрополита Филарета отъ 21—24 августа 1859 г.

Второй, поставленный на стражѣ внѣшнихъ интересовъ русской церкви, поскольку они совпадаютъ съ интересами русской государственности, склоненъ былъ считать возможнымъ, чтобы одна мѣстная церковь оказала воздѣйствіе на другую, на подобіе того, какъ это происходитъ между государствами. Въ происшедшемъ между ними обмѣнѣ мыслей весьма интересно обнаружилась коллизія между понятіями о церкви и церковной политикѣ, и опредѣлились взгляды, съ одной стороны, на характеръ сношеній между мѣстными церквами, а съ другой—на предѣлы и способъ воздѣйствія нашего на восточныя церкви.

„Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ многотрудныхъ современныхъ вопросовъ,—писалъ гр. Толстой,—ни одинъ не потрясаетъ такъ всѣхъ нашихъ жизненныхъ началъ, какъ вопросъ о преобразованіи въ греческой церкви... Къ сожалѣнію, должно признаться, что у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о законномъ составѣ константинопольскаго синода и о правахъ геронтовъ, и посему нельзя намъ утвердительно сказать, прерывается ли удаленіемъ ихъ законный ходъ дѣлъ. Однако, и при скудости нашихъ свѣдѣній, не подлежатъ сомнѣнію слѣдующія обстоятельства:

„1) Началомъ совершающихся преобразованій должно признать „гатти-гумайюнъ“, о которомъ г. Бутеневъ выразился, что онъ изданъ болѣе изъ ненависти къ Россіи и изъ опасенія ея политическаго и церковнаго вліянія, чѣмъ изъ участія къ христіанамъ въ Турціи, и что Порта, понуждаемая привести въ исполненіе провозглашенныя ею преобразованія, разочла, что выгоднѣе всего начать оное съ греческаго духовенства, вѣроятно, не безъ умысла, подъ видомъ улучшеній, ослабить оное и подорвать наше вліяніе.

„2) Предлогомъ для сихъ переворотовъ служитъ безнравственность греческаго духовенства и въ особенности корыстолюбіе геронтовъ; а главными обвинителями ихъ, кромѣ магометанскаго правительства и представителей западныхъ державъ (?), являются константинопольскіе міряне, дѣйствующіе, по свидѣтельству аѳонскихъ старцевъ, изъ корыстолюбивыхъ видовъ, и болгары, которые, побуждаемые латинскою пропагандою и ослѣпленные политическими страстями, пролагаютъ путь къ народной независимости, вооружаясь противъ греческой іерархіи. Сію несбыточную надежду поддерживаетъ и то, что имъ постоянно мерещится паденіе Порты и обладаніе Царь-градомъ тою или другою народностью.

„3) Теперь геронтамъ ставятъ въ вину сопротивленіе народному собранію изъ своекорыстныхъ видовъ. Но и въ нравствен-

ныхъ недостаткахъ геронты, по своей опытности, могутъ видѣть въ настоящемъ свѣтѣ опасность отъ теперешнихъ нововведеній, на неправильность которыхъ указывали вы сами, высокопреосвященнѣйшій владыко. Пусть даже справедливы обвиненія на геронтовъ; но, когда ихъ удаляли, патріархъ публично объявилъ, что сіе дѣлается безъ его вѣдома и согласія [1]); слѣдовательно, оффиціально судили и присудили геронтовъ къ удаленію князь Лобановъ и міряне народнаго собранія. Нѣчто подобное вы изволили назвать судомъ овецъ надъ пастырями. Къ сему суду присоединились Аали-паша и Фуадъ, которыхъ нельзя назвать и овцами. Во всякомъ случаѣ, можно ли ожидать отъ вновь образуемаго синода, чтобы онъ имѣлъ значеніе прежняго и чтобы онъ такъ твердо охранялъ церковную пользу, какъ геронты, при коихъ синодъ, несмотря ни на какія обольщенія и грозы, доселѣ не сдѣлалъ ни малѣйшей уступки Западу.

„4) Послѣ такого-то распущенія святѣйшаго синода князь Лобановъ объяснилъ патріарху, что попытка низложить его святѣйшество не удалась, вслѣдствіе старанія русскаго посольства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *посовѣтовалъ ему*, какъ въ видахъ собственной пользы, такъ и церковной, соблюдать совершенное единомысліе съ народнымъ собраніемъ.

...„Итакъ, патріархъ, признанный всѣми человѣкомъ самымъ неспособнымъ, удержанъ на престолѣ, и удержанъ на условіи во всемъ согласиться съ народнымъ собраніемъ, въ которомъ преобладаютъ міряне.

„Вотъ въ какомъ положеніи находится греческая церковь.

„Еще разъ прошу у вашего высокопреосвященства извиненія въ томъ частомъ повтореніи одного и того же. Это происходитъ отъ убѣжденія моего, что всѣ части вселенской церкви составляютъ одно цѣлое и живутъ одною общею жизнью, такъ что въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, другъ за друга отвѣчаютъ и страдаютъ всѣ, если нанесенъ вредъ которой-либо изъ нихъ. Опасности греческой церкви тревожно отзовутся въ православной Россіи; ея бѣдствія суть и наши бѣдствія, и когда такъ громко позорятъ ея святителей, то тѣмъ самымъ уничижаютъ и попираютъ и нашу церковь предъ всѣмъ Западомъ. Вѣроятно, по настоящему перевороту въ Константинополѣ, который есть coup d'état въ церкви, потребуется голосъ аѳинскаго и нашего

---

[1]) Очевидно, гр. Толстой не читалъ въ подлинникѣ депеши кн. Лобанова, въ которой объяснялось двоедушное поведеніе Кирилла, сдѣлавшаго подобное заявленіе послѣ предварительныхъ переговоровъ съ Портою объ удаленіи геронтовъ.

синода, и это самое можетъ положить на насъ тяжелую отвѣтственность“ [1]).

Митрополитъ Филаретъ не замедлилъ отозваться на письмо оберъ-прокурора. Въ своемъ отвѣтѣ, онъ соглашается съ тѣмъ, что удаленіе геронтовъ изъ столицы представляется прискорбнымъ фактомъ, но если невозможно совмѣстить участіе ихъ въ синодѣ съ присутствіемъ патріарха, то „необходимо думать о выборѣ между ними. Кого же нужно сберечь?—Патріарха. Кого вреднѣе удалить?—Патріарха. Кого можно удалить съ мѣньшимъ вредомъ? Геронтовъ“. Совершенно ошибочно предположеніе, будто, съ удаленіемъ геронтовъ, синода нельзя составить. Кромѣ того, нельзя судить „о существѣ церковнаго правительства“ въ константинопольской церкви по аналогіи съ порядкомъ, существующимъ въ Россіи. У насъ святѣйшій синодъ замѣнилъ патріарха, и къ нему всецѣло перешли права и власть послѣдняго. Въ Константинополѣ патріаршая власть никогда не была отмѣняема или замѣняема другой. „Константинопольскій патріархъ и безъ синода, по правиламъ соборнымъ и отеческимъ, имѣетъ полное значеніе, а синодъ константинопольскій безъ патріарха не имѣетъ церковнаго основанія и значенія“. „Началомъ дѣла о устройствѣ греческаго духовенства, очевидно, „гатти-гумайюнъ“. Положимъ, что въ семъ есть недоброе намѣреніе турецкаго правительства и западныхъ державъ. Но что же дѣлать? „Гатти-гумайюна“ уничтожить нельзя. Церковно-народный совѣтъ разрушить нельзя. Шесть геронтовъ не могутъ побѣдить церковно-народнаго собранія, которое ихъ терпѣть не можетъ. Что же дѣлать? При неблагопріятныхъ, но устранимыхъ обстоятельствахъ, надобно осторожно, не слишкомъ упрямо, но безъ вредныхъ уступокъ вести дѣло сколь можно къ лучшему концу, а не доводить оное до безъисходнаго положенія вліяніемъ людей, которые даже что сами предлагаютъ, то сами же останавливаютъ, ограждая не духовную пользу, а внѣшнія выгоды. Иначе турецкое правительство скажетъ: „вы не умѣете дѣлать дѣло; такъ сдѣлаемъ мы“; и сдѣлаютъ что-нибудь по наставленію западныхъ, конечно, гораздо худше для православной церкви, нежели церковно-народный, несомнѣнный въ православіи, совѣтъ, съ благоразсудительнымъ и кроткимъ синодомъ.

„Справедливо, что вселенская церковь во всѣхъ частяхъ своихъ живетъ одною жизнью, но не такъ, какъ смертное тѣло человѣческое. Если отнять у тѣла человѣческаго членъ, оно пе-

[1]) Гр. А. П. Толстой митрополиту Филарету, 2 сентября 1859 г.

рестаетъ быть цѣлымъ; человѣкъ становится одинокимъ, безрукимъ, безногимъ и проч. Отъ вселенской церкви, если отпадетъ городъ или область, вселенская церковь всегда останется цѣлымъ, нетлѣннымъ тѣломъ. Десять колѣнъ отпали отъ церкви ветхозавѣтной: вселенская церковь осталась цѣла въ двухъ колѣнахъ—іудиномъ и веніаминовомъ. Какая великая христіанская церковь въ Африкѣ разрушена безъ остатка! Но черезъ сіе вселенская церковь не лишилась ни ока, ни руки“ [1]).

Вопросъ о томъ, какое положеніе слѣдовало принять русской церкви въ осложненіяхъ, происшедшихъ во вселенской патріархіи, потребовалъ вскорѣ практическаго разрѣшенія. Шесть митрополитовъ-геронтовъ обратились къ святѣйшему синоду съ посланіемъ, въ которомъ молили „подвигнуть много и часто благодѣтельствовавшія восточнымъ православнымъ народамъ щедроты державнѣйшаго императора и монарха къ защитѣ подвергшихся крайней опасности правъ и преимуществъ сей великой константинопольской и другихъ православныхъ церквей, находящихся подъ скипетромъ оттоманскаго царства“. Перечисливъ заслуги и достоинства константинопольскаго синода, этой „красы церковной іерархіи“, геронты въ туманныхъ выраженіяхъ жаловались на тѣхъ людей, которые, подъ вліяніемъ „враждебнаго церкви духа“, рѣшились на отмѣну іерархическихъ ступеней“ и „разрушеніе высшей духовной власти“. Въ виду опасности, угрожающей восточной православной церкви, они считаютъ долгомъ совѣсти обратиться къ русскому синоду, памятуя поддержку, которую всегда оказывалъ покойный императоръ православію на Востокѣ.

Посланіе геронтовъ было препровождено на заключеніе митрополита Филарета. Въ своемъ отзывѣ послѣдній, прежде всего, вновь опровергаетъ притязанія геронтовъ и указываетъ на неумѣстный тонъ посланія, чуждый духа христіанскаго смиренія, который приличествуетъ іерархамъ церкви. По мнѣнію московскаго митрополита, синоду не слѣдовало непосредственно отвѣчать на посланіе шести митрополитовъ, въ виду того, что они обратились къ русской церкви „не только безъ благословенія патріарха, но даже противоборствуя ему“. Съ разрѣшенія святѣйшаго синода, первенствующій членъ его могъ бы, однако, „въ выраженіяхъ мирныхъ и неоскорбительныхъ“, написать каждому изъ подписавшихъ посланіе въ отдѣльности, призывая ихъ къ миролюбію. Въ томъ же духѣ онъ могъ бы написать и вселен-

[1]) Записка отъ 4-го сентября 1859 г.

скому патріарху, поставивъ его въ извѣстность о сношеніи съ геронтами.

Такимъ способомъ открылся бы случай завязать мирныя сношенія между восточной іерархіей и святѣйшимъ синодомъ, „который всегда тщится сохранять единомысліе и единодушіе со святѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ (равно какъ и съ прочими православными патріархами) какъ священный залогъ и безцѣнное сокровище церковное“.

По многимъ изъ предметовъ, обсуждаемыхъ церковно-народнымъ собраніемъ, митрополитъ Филаретъ находилъ, что „не излишне было бы сдѣлать замѣчанія и преподать совѣты къ вящшему благоустройству и твердости церковнаго управленія“. Такія замѣчанія уже неоднократно дѣлались имъ по разсмотрѣніи актовъ константинопольскаго собранія и передавались черезъ посредство нашей миссіи кому слѣдуетъ. Сношенія эти носили чисто-довѣрительный и оффиціозный характеръ, и только сохраняя такой характеръ, могли, не оскорбляя самолюбія членовъ собранія и епископовъ, оказывать полезное воздѣйствіе. Дѣло приняло бы совершенно иной характеръ, еслибы святѣйшій синодъ рѣшился непосредственно преподать указанія относительно имѣвшихся въ виду преобразованій. Это было бы вмѣшательствомъ одной мѣстной церкви въ дѣла другой. Митрополитъ Филаретъ приводилъ слѣдующія соображенія въ доказательство несвоевременности и неумѣстности подобнаго вмѣшательства.

„Еслибы дѣло шло объ охраненіи догматовъ и коренныхъ церковныхъ постановленій, то надлежало бы свидѣтельствовать о истинѣ, хотя бы сего не требовали, хотя бы предвидѣлось прекословіе. Не къ сей степени важности относится предлежащее дѣло. Въ случаяхъ не особенной важности и не крайней нужды подаваніе совѣтовъ, когда ихъ не требуютъ, необязательно и можетъ сопровождаться нежелаемыми полѣдствіями. Ни патріархъ, ни его синодъ, ни народное собраніе не просятъ слова всероссійскаго синода“... „Еслибы святѣйшій синодъ позволилъ себѣ вмѣшательство въ такое дѣло, турецкая дипломатика, вѣроятно, стала бы на сіе жаловаться западнымъ державамъ, какъ на политическое вмѣшательство Россіи въ дѣла Порты, и можно ли надѣяться, что западныя державы потрудились бы изъяснить Портѣ сіе дѣло съ лучшей стороны и не причинили бы труда министерству россійскому“? [1])

Ясное и твердое убѣжденіе митрополита Филарета въ томъ,

[1]) Записка отъ 6—8-го ноября 1859 г.

что, несмотря на прискорбныя событія въ константинопольской церкви, чистотѣ православнаго вѣроученія не грозило доселѣ опасности со стороны церковно-народнаго собранія, и что, слѣдовательно, не наступило время другой церкви подать свой голосъ,—убѣжденіе это не раздѣлялось графомъ Толстымъ. Послѣдній недоумѣвалъ, какъ можетъ московскій митрополитъ не причислять къ числу „коренныхъ церковныхъ постановленій“ такіе вопросы, какъ избраніе и низведеніе патріарха, избраніе архіереевъ, организація синода, участіе мірянъ въ церковномъ судѣ и управленіи имуществами, обсужденіемъ которыхъ занято константинопольское собраніе. „По чувству внутренняго, личнаго моего убѣжденія,—говорилъ онъ,—не могу примириться съ мыслью, что все это предметы не особой важности“ [1]). „Коренныя постановленія церковныя,—отвѣчалъ Филаретъ,—суть тѣ, безъ которыхъ церковь не была бы истинною, единою, святою, соборною и апостольскою Христовою церковью, неодолимою вратами адовыми, съ нарушеніемъ которыхъ она потеряла бы характеръ православія, или освящающую силу таинствъ, или чистоту и твердость іерархіи, съ ея непрерывнымъ, отъ сошествія Святаго Духа и апостоловъ, другъ другопріимательнымъ преемствомъ благодати священнодѣйственной, или, наконецъ, утратила бы характеръ святости нравственной чрезъ принятіе правилъ жизни, противныхъ ученію Христову“. Въ дѣйствіяхъ константинопольскаго собранія нельзя усмотрѣть нарушенія перечисленныхъ коренныхъ установленій, и потому, не отрицая важности вопросовъ, подвергнутыхъ обсужденію и несмотря на многіе недостатки, допущенные уже при составленіи проекта церковнаго устава, „всероссійскому синоду не открывается случай и не предлежитъ обязанность формально протестовать“ [2]).

Разногласія, возникшія въ Петербургѣ по поводу положенія, принятаго нашимъ представителемъ въ церковныхъ дѣлахъ, побудили князя Горчакова истребовать отъ него подробныхъ свѣдѣній. Вслѣдствіе этого князь Лобановъ представилъ въ министерство обстоятельную конфиденціальную записку, въ которой изложено было участіе, принятое императорской миссіей въ церковномъ вопросѣ со времени открытія константинопольскаго церковно-народнаго собранія.

Съ самаго начала наша миссія тщательно воздерживалась отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла, подлежавшія обсужденію

---

[1]) Гр. Толстой митрополиту Филарету 10 декабря 1859. № 6960.

[2]) Записка отъ 17 декабря 1859 г.

собранія. Вѣрная своей роли наблюденія, она, по мѣрѣ возможности, поощряла довѣрительныя сообщенія, съ которыми обращались къ ней духовные и свѣтскіе члены собранія. Благодаря этому миссіи удалось получать вѣрныя свѣдѣнія, которыя она немедленно передавала въ Петербургъ. Задача, поставленная на разрѣшеніе константинопольскаго собранія, относится къ области не догматовъ, а управленія церковнаго. Разница въ положеніи церквей константинопольской и русской настолько велика, что судить о преобразованіяхъ, вызываемыхъ чисто-мѣстными условіями, по аналогіи съ тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло въ Россіи, невозможно. Поэтому миссія не считала себя компетентной оказывать какое-либо давленіе на занятія собранія.

Что касается правъ и привилегій церкви и греческой націи, то обѣ онѣ столь ревниво оберегаютъ ихъ, что русская миссія можетъ оффиціозно вступаться въ дѣло лишь въ случаѣ ходатайства о томъ церкви и націи.

Переходя къ вопросу объ удаленіи геронтовъ изъ Константинополя, слѣдуетъ замѣтить, что оно произошло вслѣдствіе желанія патріарха и народнаго собранія. Участіе миссіи заключалось лишь въ томъ, что съ ея стороны не было сдѣлано никакихъ возраженій [1]). Своими интригами геронты довели дѣло до того, что приходилось выбирать между связанной съ ихъ пребываніемъ у власти системой прежнихъ злоупотребленій, или же необходимыми и благодѣтельными преобразованіями. Ставъ на сторону геронтовъ, миссія вооружила бы противъ себя патріарха, все духовенство, все православное населеніе и общественное мнѣніе; она столкнулась бы съ интересами славянскихъ племенъ, страждущихъ подъ игомъ управленія, созданнаго геронтами.

Весьма знаменательной представляется съ этой точки зрѣнія горячая защита геронтіи аѳинскою прессою. Нѣкоторыя газеты ставили въ упрекъ народному собранію, что оно имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ людей, незнакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Дѣло геронтовъ отождествлялось съ дѣломъ эллинизма, и дѣйствительно они всегда были вѣрными проводниками его въ лонѣ церкви. Самое учрежденіе геронтіи совпадаетъ съ инкорпораціей независимыхъ дотолѣ славянскихъ церквей вселенскою патріархіею.

Исходя изъ совсѣмъ другой точки зрѣнія, іерусалимскій патріархъ также вступается за геронтовъ. Согласно его признанію, онъ боится, какъ бы власть вселенскаго патріарха не уси-

[1]) La légation n'y a pas autrement prêté les mains, qu' en *laissant faire.*

лилась чрезмѣрно, благодаря уничтоженію геронтіи, которая была установлена, будто бы, съ цѣлью обуздать его произволъ.

Упреки, дѣлаемые по адресу церковно-народнаго собранія, несправедливы. Несмотря на численный перевѣсъ свѣтскаго элемента, духовные члены имѣютъ въ немъ значительное вліяніе, которое они раздѣляютъ только съ делегатами города Константинополя.

Кромѣ того, разъ дѣло идетъ о вопросахъ административнаго характера, въ которыхъ устанавливаются отношенія между духовенствомъ и паствою, участіе послѣдней черезъ посредство своихъ представителей является вполнѣ естественнымъ.

„Въ православныхъ государствахъ, напримѣръ въ Россіи, свѣтскій элементъ представленъ самимъ правительствомъ, который своимъ умѣряющимъ дѣйствіемъ является благодѣтельнымъ посредникомъ въ административныхъ дѣлахъ церкви, приводя ихъ въ согласіе съ народными нуждами и политической необходимостью; въ Турціи, гдѣ нѣтъ христіанскаго правительства, этотъ пробѣлъ восполненъ участіемъ самихъ мірянъ и извѣстной долей вліянія, которая всегда признавалась за ними въ дѣлахъ церкви“.

Въ началѣ можно было опасаться, что Порта воспользуется провозглашеннымъ ею въ „гатти-гумайюнѣ“ принципомъ жалованья духовенству, чтобы секуляризировать церковныя имущества; однако своимъ послѣдующимъ образомъ дѣйствій турецкіе министры проявили полную безпристрастность, и всѣ обвиненія въ какомъ-либо давленіи съ ихъ стороны на народное собраніе лишены основанія. Въ свою очередь члены собранія проявили твердость въ отстаиваніи интересовъ церкви и своими трудами стяжали себѣ право на благодарность націи.

Стараясь разсѣять предубѣжденія, возникшія въ Петербургѣ противъ церковно-народнаго собранія, князь Лобановъ заявлялъ, что заранѣе долженъ отказаться отъ надежды склонить патріарха и высшее греческое духовенство къ признанію безусловнаго авторитета нашего синода въ церковныхъ дѣлахъ. Извѣщенный директоромъ азіатскаго департамента о намѣреніи нашего синода отвѣчать на посланіе геронтовъ, князь Лобановъ спѣшилъ предупредить императорское министерство, что оффиціальное обращеніе синода къ шести митрополитамъ, какъ косвенный протестъ противъ дѣйствій народнаго собранія и патріарха, „произведетъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на большинство іерархіи и православнаго населенія на Востокѣ“. „Константинопольская церковь,—писалъ онъ,—называющая себя „великою“ и безспорно старшая въ ряду всѣхъ православныхъ церквей, рев-

ниво оберегаетъ свое первенство, и не терпитъ никакого вмѣшательства другихъ единовѣрныхъ церквей въ ея внутреннія дѣла, хотя сколько-нибудь похожаго на внушеніе или назиданіе. Она видитъ въ подобныхъ проявленіяхъ прямое посягательство на свою независимость. Іерархи ея готовы, по тягостнымъ политическимъ необходимостямъ, уступать праву сильнаго, олицетворяемому въ турецкомъ правительствѣ; они готовы, съ другой стороны, признать надъ собою, въ извѣстной мѣрѣ, вліяніе императорскаго правительства, потому что ожидаютъ отъ него заступленія и помощи; но они, ни въ какомъ случаѣ, не согласятся подчиниться вліянію какой бы то ни было единовѣрной церкви, а тѣмъ менѣе россійской, отъ которой они болѣе, чѣмъ отъ всякой другой, опасаются ограниченія своей свободы, какъ отъ самой могущественной, стройной и величавой въ ряду всѣхъ православныхъ церквей".

По странной непослѣдовательности, князь Лобановъ совѣтовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашему святѣйшему синоду, въ случаѣ, если онъ не одобритъ удаленія геронтовъ, обратиться съ изложеніемъ своихъ недоумѣній прямо ко вселенскому патріарху. По его словамъ, „такой образъ дѣйствія имѣлъ бы ту двойную выгоду, что былъ бы наиболѣе сообразнымъ съ сущностью здѣшняго (т.-е. константинопольскаго) церковнаго представительства, сосредоточеннаго въ оффиціальномъ лицѣ патріарха, а между тѣмъ заявилъ бы и собственное, вполнѣ независимое воззрѣніе нашей церкви на здѣшнія церковныя событія" [1]).

Митрополитъ Филаретъ возражалъ на это, что врядъ ли полезно было бы подобное обращеніе нашего синода къ великой церкви, вслѣдствіе тѣхъ же соображеній, которыя приводилъ самъ посланникъ о „неприступной высотѣ великой церкви".

Принявъ во вниманіе отзывы русскаго посланника и высокопреосвященнаго Филарета, синодъ рѣшилъ оставить посланіе геронтовъ безъ отвѣта, но поручилъ первенствующему члену синода написать вселенскому патріарху по поводу удаленія митрополитовъ изъ Константинополя и при этомъ высказать мнѣніе о совершающихся церковныхъ преобразованіяхъ. Проектъ посланія былъ отправленъ на заключеніе московскому митрополиту. Послѣдній подвергъ его самому тщательному разбору, входя въ обсужденіе отдѣльныхъ фразъ, и въ заключеніе представилъ свой проектъ посланія. Любопытно сличить оба эти документа, ибо въ нихъ вполнѣ выразились два различные взгляда на характеръ

[1]) Кн. А. Б. ЛобановъРостовскій—Е. П. Ковалевскому. Пера, 24 октября 1859 г.

отношеній, который надлежало сохранять нашей церкви по отношенію къ восточнымъ патріархіямъ. Проектъ, присланный на разсмотрѣніе Филарета, носитъ на себѣ печать туманной высокопарности канцелярскаго стиля, обыкновенно присущій такого рода документамъ. Выходя за рамки повседневныхъ внутреннихъ распорядковъ, составитель посланія, въ обращеніи къ единовѣрной самостоятельной церкви, не могъ, однако, отдѣлаться отъ нѣсколько повелительнаго тона. Первенствующій членъ нашего синода „считалъ долгомъ совѣсти“ обратить вниманіе патріарха на тѣ постановленія церковно-народнаго собранія, въ которыхъ, по мнѣнію русскихъ іерарховъ, усматривалось отступленіе отъ церковной практики и каноновъ. Вслѣдъ за тѣмъ перечислялись недостатки вырабатываемаго церковнаго устава и указывались желательныя поправки.

Замѣчанія митрополита Филарета на присланный проектъ полны ѣдкой критики. Отъ вниманія его не укрылись ни форма выраженія, ни содержаніе посланія. Такъ, противъ словъ: „многострадальной церкви восточной“, онъ пишетъ: „страждущему пріятнѣе елей утѣшительнаго слова на рану, нежели ударъ по ранѣ словомъ: „ты страдаешь“. Читая то мѣсто проекта, гдѣ говорится: „долгомъ совѣсти считаю я, какъ первенствующій въ россійскомъ синодѣ, не скрыть“, и т. д., Филаретъ замѣчаетъ: „не думаю, чтобы правая совѣсть стала обличать первенствующаго члена всероссійскаго синода, еслибы онъ не рѣшился подавать совѣты греческому національному собранію, когда ни оно, ни греческая іерархія, не просятъ у него совѣтовъ“. Подробное указаніе недостатковъ новаго устройства, которымъ умаляется значеніе патріарха и духовенства, вызываетъ слѣдующій вопросъ митрополита: „Что если найдется между членами церковно-народнаго собранія человѣкъ неспокойный, который на такія замѣчанія рѣшится сказать, и написать, и напечатать слѣдующія, или подобныя слѣдующимъ, возраженія: мы не ослабляемъ духовенства и не унижаемъ патріарха; мы стараемся укрѣпить порядокъ противъ усилившагося произвола. Напротивъ того, не больше ли, нежели у насъ, ослаблено высшее духовенство у васъ въ Россіи? У васъ патріархъ не только униженъ, но и уничтоженъ?.. Будетъ ли пріятно церкви россійской такое послѣдствіе нашего вмѣшательства въ дѣла восточной церкви? Скажутъ: напишемъ опроверженіе. Но въ подобныхъ случаяхъ нанесенная возраженіемъ рана не легко исцѣляется опроверженіемъ возраженія“.

Въ противность разобранному имъ пространному проекту,

митрополитъ Филаретъ предлагаетъ другой, краткій, въ которомъ выражается желаніе русской церкви сохранять нерушимымъ полное единеніе съ вселенскимъ престоломъ. Увѣдомляя патріарха объ обращеніи геронтовъ, посланіе отзывалось о немъ неодобрительно. Въ заключеніе, въ самыхъ мягкихъ и неоскорбительныхъ выраженіяхъ высказывались пожеланія о томъ, „да сохраняется въ чистотѣ и полнотѣ Богопреданная власть священноначалія его любовію къ паствѣ и самопожертвованіемъ благу ея, и взаимною любовію и послушаніемъ паствы; да имѣетъ всякая православная народность попеченіемъ священноначалія вразумительное для нея богослуженіе и ученіе, и да разумѣваетъ всякая православная народность, что, охраняя единеніе и крѣпость святыя церкви и нерушимый чинъ священноначалія, она охраняетъ собственную свою крѣпость и благосостояніе“.

Кн. Г. Т.

БАБУШКИНА ВНУЧКА

ПОВѢСТЬ.

VII *).

Бабушка Марья Львовна провела тревожную ночь. Она ломала себѣ голову надъ рѣшеніемъ такъ внезапно возникшаго предъ нею вопроса о замужествѣ Ненси.

„Но какъ же быть?.. Съ одной стороны, это — безуміе, чистѣйшее безуміе!..“ Но въ ушахъ бабушки еще слышались отчаянные крики Ненси... „Qui sait?—avec un coeur si passionné! все можетъ случиться—не углядишь!..“ Въ воображеніи вставалъ образъ погибшей Ненси и... бабушка—ея убійца! Марья Львовна содрогалась отъ ужаса... „Elle est si maladive, pauvre enfant,—ее надо беречь“. Марья Львовна старалась найти примиреніе въ новомъ „невѣроятномъ положеніи вещей“. Ея мысли останавливались на Юріѣ и его высокой, неуклюжей фигурѣ, робкихъ, неловкихъ движеніяхъ... „Peut-être, ça passera, il est trop jeune... Но онъ возмужаетъ... il deviendra plus fort... онъ сложенъ недурно—trop maigre... voilà le défaut... Et puis: надо одѣть у хорошаго портного... Il est un peu sauvage... поѣздка за границу... Парижъ... un bon entourage—онъ развернется“.

Неразрѣшимое, такимъ образомъ, становилось разрѣшимымъ. По мѣрѣ приближенія утра, Марья Львовна все находила новыя и новыя достоинства на оборотной сторонѣ медали. „Il est pauvre—тѣмъ лучше: онъ будетъ чувствовать себя обязаннымъ—il sera comme esclave auprès de sa femme belle et riche... Быть можетъ, она

*) См. выше: апр., 593 стр.

встрѣтитъ въ жизни... Qui sait?.. un homme"!.. Въ виду этихъ высшихъ соображеній, Юрій представляя Марьѣ Львовнѣ почти идеальнымъ мужемъ... Покорный, довѣрчивый, недальновидный—les qualités bien desirées pour un mari!.. А что онъ будетъ именно такимъ—она не сомнѣвалась... Да, наконецъ, теперь... l'amour des enfants pures—что можетъ быть прелестнѣе? Марья Львовна находила невозможнымъ лишать Ненси такого счастія: „И даже справедливо, чтобы первый обладатель прекрасной невинной дѣвушки—былъ чистый, невинный мальчикъ... c'est fait!.."

Утромъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, и бабушка съ достоинствомъ объявила свое рѣшеніе Ненси:

— Ненси, mon enfant, все это очень... очень печально! Я не о томъ мечтала для тебя... Mais, que faire?—пусть будетъ такъ, какъ ты того желаешь.

Ненси бросилась къ ней на шею, осыпая поцѣлуями, и ураганомъ понеслась, съ радостной вѣстью, къ обрыву.

Юрій уже ждалъ ее. Онъ забрался чуть не съ самаго утра и сгоралъ отъ нетерпѣнія.

— Все рѣшено—я выхожу за васъ замужъ! . — крикнула ему Ненси, сіяющая, запыхавшаяся...

Что-то невѣроятное произошло въ сердцѣ юноши. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. Онъ благоговѣлъ, онъ преклонялся передъ Ненси, обожалъ ее, готовъ былъ сложить за нее голову, но такой простой исходъ и на мысль ему не приходилъ. А теперь, вдругъ, все стало ясно для него. Ну да! она—его жена! Иначе не могло быть, и не можетъ!

Весь трепетный, стыдливо и несмѣло, онъ протянулъ къ ней руки, а она прижалась крѣпко къ его молодой груди.

Въ травѣ стрекоталъ кузнечикъ, ручей тихо журчалъ, шумѣли деревья... И вся природа,—свидѣтельница ихъ поцѣлуя,—казалось, ликовала вмѣстѣ съ ними и пѣла имъ радостный гимнъ любви.

Они усѣлись на свой камень; они болтали, болтали что-то безсвязное, смѣялись, безпрестанно цѣлуясь, — опять болтали, опять цѣловались, опять смѣялись...

— Прощай!..—сказала, наконецъ, раскраснѣвшаяся Ненси, цѣлуя его „въ послѣдній изъ послѣднихъ" разъ. — Сегодня вечеромъ ты къ намъ придешь.

Вечеромъ бабушка ласково встрѣтила молодого человѣка и даже произнесла нѣчто въ родѣ маленькой рѣчи по поводу его будущихъ обязанностей относительно Ненси и серьезности пред-

стоящаго шага. Она сняла со стѣны старинный образъ Скорбящей Божіей Матери,—„que ma chère mère m'a bénite“—и благословила, растроганная, со слезами на глазахъ, „les enfants terribles et bien aimés“,—какъ назвала она счастливую пару юнцовъ. А такъ какъ, по ея мнѣнію, вопросъ окончательно рѣшенъ,—„то нечего дѣлать излишнихъ проволочекъ, безполезно мучить бѣдныхъ дѣтей“—условлено было обвѣнчать ихъ какъ можно скорѣе, дать насладиться семейнымъ счастіемъ и затѣмъ ѣхать втроемъ въ Парижъ, на всю зиму.

Въ чаду, въ угарѣ, счастія Юрій позабылъ совсѣмъ, что въ сентябрѣ обязанъ будетъ явиться въ консерваторію. Онъ сразу растерялъ всѣ свои мысли, понятія о пространствѣ и времени; вѣра въ призваніе, жажда жизни—все это страннымъ образомъ спуталось, переплелось и даже точно исчезло изъ памяти, заслоняемое однимъ безумнымъ, всевластнымъ чувствомъ. Ему казалось, что онъ на все долженъ смотрѣть глазами Ненси, думать ея мыслями и жить только для нея, для нея одной! Остального не существовало больше!.. А бабушка, эта чудная бабушка, устроивающая его счастіе, была для него теперь идеаломъ добра и великодушія!

Въ такомъ полу-опьяненномъ состояніи вернулся онъ домой.

— Мама, знаешь, я женюсь!..—сразу объявилъ онъ, распахнувъ настежь стеклянную дверь балкона.

Мать, сидѣвшая у лампы съ работой въ рукахъ, не вдругъ поняла его.

— Ну да—я женюсь!

Наталья Ѳедоровна продолжала глядѣть на него, по прежнему, съ полнымъ недоумѣніемъ:

— Ты, кажется, съ ума сошелъ,—медленно произнесла она.

Юрій вспыхнулъ и разсказалъ ей подробности своего романа. Пока онъ говорилъ о тайныхъ встрѣчахъ у обрыва, о своихъ горячихъ чувствахъ къ дѣвочкѣ—Наталья Ѳедоровна понимала все. Но когда вышла на сцену бабушка съ своимъ согласіемъ и благословеніемъ—Наталья Ѳедоровна была просто возмущена: она прямо не могла постигнуть—какъ эта важная старуха, опытная и, повидимому, разсудительная, рѣшается вѣнчать дѣтей, которымъ нужно еще учиться и готовить себя къ жизни?!

— Это невозможно!—воскликнула она съ негодованіемъ.

— Я связанъ словомъ!.. Я жить безъ нея не могу!.. Мнѣ больно, что ты такъ странно отнеслась къ моему счастью...

Губы Юрія подергивались, онъ былъ блѣденъ, голосъ его звучалъ нервно.

Натальей Ѳедоровной овладѣло отчаяніе.

— Пойми ты, пойми, мой бѣдный, неразумный мальчикъ,— вѣдь это твоя гибель, гибель!.. Ты долженъ учиться, ты долженъ работать, ты долженъ быть свободенъ. Пойми!.. Вѣдь ты погибъ тогда для музыки, погибъ!.. Тебѣ надо окрѣпнуть, стать на ноги—ты будешь человѣкъ, тогда женись... А это... Боже мой!.. Родной мой, ненаглядный мой, опомнись!.. Ну, ты меня... меня хоть пожалѣй!..

Юрій сидѣлъ мрачный, сдвинувъ упрямо брови и устремивъ глаза въ одну точку. Вдругъ лицо его все перекосилось, и онъ зарыдалъ глухо, беззвучно.

Мать обняла его, сама задыхаясь отъ слезъ.

— Мой дорогой... мой любимый... Ну, послушай: я помогу тебѣ... я увезу тебя... Передъ тобой работа, передъ тобой жизнь, можетъ быть, полная славы и удачъ... Развѣ можно всѣмъ этимъ жертвовать ради дѣтской минутной прихоти... Она пройдетъ—повѣрь мнѣ—такъ же внезапно, какъ пришла... Но ты не долженъ больше видѣться, родной мой, умоляю!.. Ты дай мнѣ слово... Слышишь?.. Слышишь?..

Онъ отрицательно покачалъ головою.

Отчаянье Натальи Ѳедоровны возросло. Теперь къ нему примѣшивалось еще безсильное, горькое негодованіе.

— А, ты вотъ какъ!..—сказала она съ горькимъ упрекомъ.— Тебѣ все равно, что я тутъ унижаюсь передъ тобою, прошу и умоляю... Ты хочешь, чтобы я поступила съ тобою иначе?.. Ну, хорошо!.. Такъ слушай же: я запрещаю... Слышишь—запрещаю!.. Я твоя мать... Я тебя пою, кормлю, воспитываю, и не позволю, чтобы какая-то выжившая изъ ума старуха и взбалмошная дѣвчонка распоряжались твоей судьбой. Я не позволю!.. И если ты посмѣешь идти противъ моей воли—ты мнѣ не сынъ!

Юрій всталъ и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

— Одумается... Онъ слишкомъ любитъ музыку... При томъ, онъ—нѣжный сынъ... онъ—умный мальчикъ...

Прошло двѣ недѣли. Молча сходились къ чаю, къ обѣду и ужину мать и сынъ, молча расходились, и каждому точно страшно было порвать это тяжелое, подневольное молчаніе. Подневольное потому, что, въ сущности, каждому хотѣлось говорить, но рабы своего самолюбія или, вѣрнѣе, ложнаго стыда—они молчали и расходились еще болѣе угнетенными. Рѣшимость Юрія крѣпла съ каждымъ днемъ; всякія другія соображенія меркли передъ нею, хотя онъ старался быть безпристрастнымъ и разсудительнымъ. Забывая обидную сторону разговора съ матерью, онъ

становился на ея точку зрѣнія и взвѣшивалъ все дурное, что могло произойти отъ его поступка. Но тутъ же, какъ сквозь пелену тумана, глядѣли на него живые, повелительные глаза, и охваченный молодой безумной страстью, онъ забывалъ все остальное, кромѣ нихъ.

— Жизнь за тебя!.. — И онъ сгоралъ непреодолимымъ желаніемъ отдать за нее жизнь. Тогда и мать, и его личныя стремленія и вопросы будущности сводились къ такой ничтожной величинѣ, по сравненію съ этимъ отважнымъ порывомъ, что всякое колебаніе становилось невозможнымъ. Свиданія у обрыва не прекращались; юношеская робкая страсть дѣлала еще сильнѣе несознаваемую жажду любви.

Дома Ненси капризничала и злилась. Бабушка, свыкшаяся съ мыслью, что „сумасбродство“ должно совершиться, разъ этого желаетъ ея Ненси, болѣе всего опасалась за ея нервы и готова была всячески способствовать даже ускоренію этого „сумасбродства“, лишь бы Ненси была спокойна.

Однажды, шагая по отцовскому кабинету въ то время, когда мать сидѣла за работой въ гостиной, погруженная въ невеселую думу, Юрій былъ какъ-то особенно мраченъ. Онъ останавливался, точно желая что-то припомнить, нервно вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, въ глазахъ его то-и-дѣло вспыхивалъ фосфорическій странный огонь, то вдругъ онъ складывалъ руки крестъ-на-крестъ на груди и прислонясь къ стѣнѣ закрывалъ глаза, какъ бы чѣмъ-то подавленный. Утромъ онъ пропалъ изъ дому, къ обѣду не явился. Долго дожидалась его, до поздней ночи, взволнованная, оскорбленная его выходкой мать.

Прошелъ второй день—то же самое. Отгоняя отъ себя мысль о чемъ-нибудь дурномъ, Наталья Ѳедоровна еще тверже рѣшила не уступать.

— Поблажитъ и успокоится.

Съ цѣлью унять сердечную тревогу, да, можетъ быть, и просто по женской слабости, желая найти для себя въ чемъ-нибудь опору, она отправилась въ кабинетъ покойнаго мужа, гдѣ въ письменномъ столѣ хранилась ея еще дѣвическая съ нимъ переписка. Часто, въ минуты тоски или жизненныхъ затрудненій, она искала въ этихъ письмахъ поддержки, сладкаго забвенія и, переносясь воспоминаніемъ въ лучшую пору своей жизни, почерпала силы и стойкость для борьбы. Дрожащей рукою, сгорая отъ нетерпѣнія, выдвинула она незапертый ящикъ стола. Быстрымъ движеніемъ вынула бумаги и... остолбенѣла: тутъ же хранились документы Юрія—его метрика—ихъ не было...

Черезъ минуту на крыльцѣ раздавался ея энергичный, нервный голосъ, а черезъ полчаса плотныя, откормленныя лошади мчали ее въ Гудауровскую усадьбу.

Марья Львовна встрѣтила ее изысканно-любезно.

— Скажите, вы не видѣли моего сына? — вмѣсто всякихъ привѣтствій, спросила взволнованно Наталья Ѳедоровна.

— Я ихъ отправила, милыхъ дѣтей... вы развѣ не знаете?

У Натальи Ѳедоровны похолодѣло сердце.

— Куда?

— Здѣсь не совсѣмъ удобно—всѣ слишкомъ знаютъ... Предметъ ненужныхъ разговоровъ... А мнѣ устроилъ нашъ священникъ—отецъ Иванъ... il a son fils pas loin d'ici, верстъ шестьдесятъ... Онъ далъ письмо... У нихъ прекрасный экипажъ... при нихъ старый лакей... Тамъ и свидѣтели, и все уже улажено.

— Куда же они поѣхали?

Марья Львовна посмотрѣла съ удивленіемъ на обезумѣвшую и ничего не понимавшую Наталью Ѳедоровну.

— Вѣнчаться.

Наталья Ѳедоровна отчаянно вскрикнула и схватилась за грудь.

— Что вы сдѣлали!.. Боже мой, что вы сдѣлали!..

Она искала опоры и опустилась на первый попавшійся стулъ.

Марья Львовна нашла всю эту сцену неприличной въ высшей степени.

„Она, кажется, съ ума сошла—cette pauvre femme: придти въ чужой домъ и устроивать исторіи“!..

— Но что вы сдѣлали!.. Ахъ, что вы сдѣлали!..—какъ въ бреду бормотала Наталья Ѳедоровна, качая головой изъ стороны въ сторону. — Боже, Боже мой!.. Горе!.. непоправимое горе!..

Марья Львовна почувствовала себя наконецъ оскорбленной.

— Вы очень взволнованы и не можете дать отчета въ своихъ словахъ,—сдержанно обратилась она къ Натальѣ Ѳедоровнѣ.— Но я васъ попрошу опомниться и говорить иначе.

Наталья Ѳедоровна посмотрѣла на нее помутившимися глазами: „Что говоритъ она, эта старуха, сгубившая такъ подло ея сына“?

Она разжала губы, и у нея вырвался хриплый вопль:

— Вы... вы—убійца!..

— Позвольте...

— Да, убійца!.. Вы погубили все—талантъ и жизнь.

— Я попрошу васъ говорить потише,—остановила ее Марья

Львовна, вся, въ свою очередь, дрожащая отъ негодованія.—Пости-ше!.. Позвольте вамъ напомнить, что не вы, а скорѣе я должна была бы такъ кричать; но я иначе воспитана, и потому великодушно предоставляю это право вамъ. Вашъ сынъ получаетъ все—молодость, красоту, богатство, родовитое имя... Шальное счастье!.. Право, онъ родился въ сорочкѣ, этотъ мальчишка!.. А я вовсе не для того ростила, холила, воспитывала внучку, чтобы устроить ей такую незавидную судьбу... Талантъ?.. да, это мило и... больше ничего... Ни племени, ни роду! Артистъ?.. Я очень рада послушать его въ своей гостиной, но... породниться? Нѣтъ, ma foi, это совсѣмъ нелѣпо!.. Да если бы самъ Рубинштейнъ... самъ Рубинштейнъ воскресъ и сталъ просить руки моей прелестной Ненси—я бы сочла такой бракъ для нея унизительнымъ. Да!.. Но, впрочемъ... препирательства теперь излишни—tout est fini. Они могутъ пріѣхать съ минуты на минуту и мы должны ихъ встрѣтить весело. Позвольте, ma chère dame, я покажу вамъ все, что я могла устроить такъ на-скоро.

Она повела едва держащуюся на ногахъ Наталью Ѳедоровну въ комнату, предназначенную для молодыхъ.

Это была высокая, немного темноватая комната окнами въ садъ, что придавало ей особый поэтическій колоритъ. По срединѣ красовалась изящная, старинная, краснаго дерева съ бронзой, широкая кровать, когда-то служившая брачнымъ ложемъ для самой бабушки, Марьи Львовны. Нѣжный батистъ наволочекъ на подушкахъ, тончайшія голландскія простыни и необыкновенной работы вышитое шолковое одѣяло, давно приготовленное въ приданое Ненси,—все было осыпано почти сплошь живыми розами всѣхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ. У изголовья колыхались двѣ исполинскія развѣсистыя пальмы. Въ вазахъ, кувшинахъ и просто на полу благоухали цвѣты, наполняя ароматомъ комнату. Чтобы достать цвѣты, еще наканунѣ, былъ посланъ въ губернскій городъ нарочный, опустошившій почти всѣ оранжереи и мѣстный ботаническій садъ. Въ имѣніи не было ни цвѣтовъ, ни оранжерей. Практичный Адольфъ Карловичъ давно ихъ уничтожилъ, находя излишнимъ занимать рабочія руки подобнымъ вздоромъ.

— Не правда ли, какъ мило? Они будутъ покоиться среди розъ!—восхищалась своей выдумкой старуха.

Наталья Ѳедоровна, боясь каждую минуту лишиться сознанія, печальными глазами смотрѣла на широкую кровать, на это ложе, усыпанное розами, и оно казалось ей эшафотомъ для ея бѣднаго, бѣднаго сына.

— Позвольте мнѣ воды! — пролепетали ея поблѣднѣвшія губы.

— Ахъ, Боже мой, chère, вамъ дурно... Пойдемте въ мою спальню,—вамъ необходимо придти въ себя.

Она увела совершенно ослабѣвшую Наталью Ѳедоровну, напоила ее каплями, причесала, даже слегка напудрила, увѣряя, что это необходимо, потому что у нея распухло отъ слезъ лицо.

Наталья Ѳедоровна безвольно подчинялась—ей было все равно теперь. Словно огромный, страшный камень упалъ на нее неожиданно и придавилъ ее.

Послышались отдаленные звуки колокольчика.

— Voilà nos enfants!.. Ради Бога, chère, soyez prudente! Вы знаете, первое впечатлѣніе, первыя минуты счастья... ихъ омрачать нельзя.

Наталья Ѳедоровна пріободрилась. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что̀ кончено, того ужъ не вернешь. Она пошла съ Марьей Львовной въ залъ—встрѣтить молодыхъ—и даже улыбалась.

Бубенчики дрогнули у самаго крыльца. Въ комнату вбѣжала вся раскраснѣвшаяся Ненси. За нею шелъ Юрій, сіяющій и радостный. Увидѣвъ мать, онъ вздрогнулъ и подался назадъ; но она улыбнулась, и инстинктивно онъ ринулся къ ней, осыпая ея руки, шею, губы поцѣлуями..

Ненси подошла къ ней смущенная и торжествующая. Наталья Ѳедоровна отъ глубины своего раненнаго материнскаго сердца поцѣловала ее—точно этимъ поцѣлуемъ внутренно передавала ту любовь, какою прелестная Ненси должна была осчастливить своего юнаго мужа.

Въ столовой выпили шампанское, и послѣ ужина молодую чету ввели въ приготовленную для нея спальню. Ненси, увидя странно декорированную комнату, всю утопающую въ цвѣтахъ, вскрикнула отъ неожиданнаго впечатлѣнія радости и страха, охватившихъ ея молодое сердце.

Бабушка перекрестила сконфуженную, трепещущую, готовую расплакаться Ненси.

Наталью Ѳедоровну она не отпустила домой, уговоривъ остаться ночевать,—на что съ радостью согласилась бѣдная мать, чувствуя, какую страшную, мучительную пытку вынесла бы она возвратясь теперь въ свой осиротѣлый домъ.

Утромъ пришлось долго ожидать появленія новобрачныхъ изъ спальни. Бабушка мечтательно-слащаво улыбалась.

Они вышли свѣжіе и прекрасные. Юрій видимо конфузился своего новаго положенія. Онъ даже стѣснялся говорить Ненси

„ты“. А она имѣла самый побѣдоносный видъ и командовала мужемъ. Но все-таки обоимъ было какъ будто не по себѣ, даже въ присутствіи близкихъ, и, на-скоро выпивъ кофѣ, они убѣжали, какъ вырвавшіеся на волю звѣрки, къ своему возлюбленному обрыву.

— Нѣтъ, ужъ какая теперь консерваторія!.. и думать нечего...—печально сокрушалась Наталья Ѳедоровна, возвращаясь домой.

VIII.

Бабушка, наслаждаясь, радовалась счастью прелестныхъ „дѣтей“; но ей было скучно, особенно по утрамъ и вечерамъ. Она такъ привыкла въ теченіе многихъ лѣтъ сама укладывать въ кровать и утромъ одѣвать свою Ненси!

— И навѣрно она теперь небрежничаетъ—спитъ безъ перчатокъ et ne se soigne pas... — думала бабушка; но спросить Ненси по поводу этого обстоятельства находила неудобнымъ: „дѣти“ не разлучались ни на минуту. Впрочемъ, бабушка напрасно безпокоилась. Ненси какъ-то сразу постигла силу бабушкиной премудрости и, съ тщательностью относясь теперь сама къ нѣжности и эластичности своей кожи, заставляла горничную продѣлывать всѣ преподанныя ей бабушкой манипуляціи обтираній и натираній.

Недѣля счастія пролетѣла какъ одинъ день. Ненси и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ; ей казалось, что въ Парижѣ, или вообще во всякомъ другомъ мѣстѣ, не такъ уже свободно можно будетъ наслаждаться, какъ здѣсь, среди полей деревни.

Юрій былъ у матери раза два вмѣстѣ съ Ненси. Грустная въ своемъ одиночествѣ, Наталья Ѳедоровна стала немного свѣтлѣе смотрѣть на все: ей нравилась Ненси.

— Пожалуй, и не все потеряно, — шевелилась слабая надежда въ груди матери.—Пока они въ чаду... а тамъ все войдетъ въ колею, и мальчикъ примется за работу.

Юрій, послѣ женитьбы, къ роялю не притрогивался, и только одинъ разъ во все время почувствовалъ потребность писать. Онъ заперся въ библіотекѣ.

Бабушка воспользовалась этой минутой, чтобы разспросить подробно Ненси обо всемъ. „Она можетъ совсѣмъ отвыкнуть отъ меня, ma petite chérie“.

— Ненси, tu es heureuse, chère? — спросила она, нѣжно привлекая къ себѣ внучку, когда онѣ остались вдвоемъ.

— О, бабушка!.. — могла только воскликнуть Ненси, пряча на груди старухи покраснѣвшее, счастливое лицо.

— Et bien, raconte-moi tout... franchement... все... все, какъ ты привыкла, Mais tu n'as pas oublié ta pauvre grand' mère? Не правда ли?

— О, бабушка!..

Всѣмъ, сообщеннымъ съ восторгомъ и смущеніемъ юной женщиной, бабушка осталась очень, очень довольна. Юрій оказался совсѣмъ не такимъ неловкимъ, peu sensible, „байбакомъ", какъ она предполагала. Онъ называлъ Ненси и Психеей, и Vénus, восхищался, цѣловалъ ея ножки и даже собственноручно обувалъ ихъ каждое утро.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Ненси стала прихварывать, появились подозрительные признаки. Бабушка, сознавая всю нормальность и возможность подобныхъ явленій, однако смертельно испугалась и не знала, что̀ дѣлать. Она бросилась даже за совѣтомъ къ искренно презираемой ею Натальѣ Ѳедоровнѣ; но та совсѣмъ иначе отнеслась къ обстоятельству, вселявшему такой страхъ въ душу бабушки. Презрѣніе Марьи Львовны къ странной чудачкѣ возросло еще больше. Тѣмъ не менѣе, неизбѣжность предстоящаго ужаса была слишкомъ очевидна. Оставалось покориться и помогать à pauvre petite—перенести несчастіе. Болѣе всего Марья Львовна опасалась за послѣдствія: „Elle est très bien construite... mais elle est trop jeune—cela peut changer les formes"!

Ненси, напротивъ, занимало ея новое состояніе, и если бы не нѣкоторые болѣзненные припадки,—ей было бы совсѣмъ весело.

Юрій принялъ очень серьезно новое осложненіе въ ихъ жизни. Онъ, прежде всего, страшно испугался; ему, почему-то, показалось, что Ненси должна умереть, и что, въ большинствѣ случаевъ, умираютъ отъ этого; но послѣ проникся необыкновеннымъ, какъ бы религіознымъ чувствомъ къ предстоящему таинству появленія въ міръ новой души, частицы его собственной. Ему хотѣлось плакать и молиться. Онъ нѣжно, бережно цѣловалъ Ненси, шелъ къ роялю и повѣрялъ ему необъяснимое, высокое, дивное, чего не могъ выразить его языкъ, но что̀ такъ ясно выливалось въ звукахъ.

Наступила осень, холодная и непріятная въ деревнѣ. Бабушка предложила переѣхать въ губернскій городъ; но „дѣти" отклонили, хотя бабушка совсѣмъ изнывала отъ тоски. Помимо тревоги за свою Ненси, она страдала и отъ другого: она чув-

ствовала себя совершенно одинокой; она попробовала быть „comme amie de ses enfants“, но это какъ-то не ладилось: у нихъ были свои разговоры, свои споры, свои ласки, и бабушка была лишней. Она не узнавала даже своей Ненси въ этой немного распущенной, привыкшей теперь къ капотамъ, потерявшей грацію и изящество маленькой женщинѣ. А бѣднягу Юрія она почти возненавидѣла: „Ce petit canaille—главный виновникъ всѣмъ несчастіямъ. Ничего лучшаго не могъ устроить“!

Юрій сильно возмужалъ духомъ. Прежній нелѣпый дѣтскій восторгъ сталъ смѣняться болѣе вдумчивымъ отношеніемъ къ себѣ и къ Ненси. Теперь, когда она сдѣлалась его женой, и онъ уже освоился съ своимъ положеніемъ, онъ увидѣлъ сильные пробѣлы въ ея образованіи, и захотѣлъ, чѣмъ могъ, пополнить ихъ. Теперь ужъ поучала не она, а онъ. Онъ перевезъ изъ дому довольно большую библіотеку своего покойнаго отца, и въ длинные осенніе вечера знакомилъ Ненси съ русской исторіей, съ литературой... Бабушка, шившая, скрѣпя сердце, изъ стараго лино-батиста маленькія распашонки для новаго пришельца, сидѣла тутъ же... Она находила „всѣ эти чтенія“ совсѣмъ ненужными и даже очень скучными; но не высказывала своего мнѣнія, боясь раздражить Ненси, которой это нравилось. „Qu'elle soit tranquille, pauvre petite“... Иногда, если Ненси оставалась въ постели, Юрій читалъ ей въ спальнѣ. И многое узнала Ненси. Она узнала, что Россія вовсе не неистощимый большой сундукъ, откуда можно черпать, сколько угодно, денегъ, чтобы безпечно проживать ихъ за-границей, а очень, очень бѣдная страна; она узнала, что ея очаровательныя прабабушки не только умѣли плѣнительно улыбаться кавалерамъ, но, одѣваясь въ изящные наряды, пребольно били по щекамъ своихъ несчастныхъ горничныхъ; если атласные башмаки были сдѣланы неудачно, онѣ тыкали домашней башмачницѣ ножкою въ лицо и разбивали въ кровь ея физіономію; она узнала, что надъ паутиннымъ вышиваніемъ чудныхъ пеньюаровъ, которые онѣ носили по утрамъ, трудились и слѣпли цѣлыя поколѣнія подневольныхъ работницъ. Она узнала, что элегантные прадѣдушки, благородными лицами которыхъ она такъ любовалась на старыхъ портретахъ въ столовой, умѣли не только чувствовать и веселиться, но обладали еще и другими, невѣдомыми Ненси, достоинствами: они до смерти засѣкали на конюшняхъ своихъ крѣпостныхъ людей; за плохо вычищенный сапогъ или не по вкусу приготовленное блюдо сдавали въ солдаты, ссылали на поселеніе, губя такимъ образомъ часто цѣлыя семьи, и при этомъ не только не считали себя виновниками

чужихъ несчастій, но съ гордостью, до самой смерти, носили имена благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ людей своего времени.

По мѣрѣ приближенія роковой минуты, на Ненси сталъ нападать иногда страхъ, который бабушка увеличивала еще больше своимъ вниманіемъ и безпокойно озабоченнымъ видомъ. Юрій, поддаваясь окружающему его настроенію, тоже въ такія минуты падалъ духомъ. Одна Наталья Ѳедоровна своимъ появленіемъ вносила бодрую струю въ ихъ жизнь. Она такъ умѣла разговорить и убѣдить Ненси въ легкости предстоящей минуты, что Ненси на нѣсколько дней оживлялась и не обращала вниманія на бабушкино убитое лицо и ея опасенія, заставляла Юрія читать святцы, чтобы выбрать имя позамысловатѣе, дразнила будущаго „папеньку“, шутила и смѣялась.

Юрій нарочно ѣздилъ въ городъ и привезъ оттуда какую-то популярную медицинскую книгу; запирался одинъ и изучалъ по ней общее состояніе женщины во время беременности, отдѣльные случаи и послѣродовой періодъ. Набравшись всякихъ ученыхъ свѣдѣній, онъ дѣлался необыкновенно строгъ и мраченъ, не позволяя Ненси ни шевелиться, ни говорить. Онъ находилъ самую горячую поддержку въ бабушкѣ, очень довольной, когда мысли его и образъ дѣйствій принимали такой оборотъ. Тогда Ненси посылала за Натальей Ѳедоровной, и все опять приходило въ норму.

— Elle est trop jeune!—съ отчаяніемъ восклицала бабушка.

Наталья Ѳедоровна разсказывала о рожденіи Юрія, что особенно любила слушать Ненси, и о томъ, что она, Наталья Ѳедоровна, была въ то время такъ же молода, какъ Ненси.

Приближался май, а съ нимъ и рѣшительная для Ненси минута. Уже снѣгъ сошелъ съ полей, съ шумомъ понеслись весенніе потоки, а солнце, грѣя и лаская землю, вновь возрождало къ жизни уснувшую природу.

Съ мѣсяцъ, безъ всякой надобности, въ домѣ жила акушерка, пожилая особа, съ бѣлыми, нѣжными руками и серьезнымъ лицомъ.

— Можно?—обращались къ ней по поводу всякаго пустяка.

Она или важно дѣлала утвердительный знакъ головой, или произносила категорическое:—Нѣтъ!

Если это касалось какихъ-нибудь сластей или любимаго блюда и Ненси принималась плакать, строгая распорядительница ея судьбы разрѣшала тогда „развѣ самый маленькій кусочекъ“,— и Ненси успокоивалась.

Бабушка была чрезвычайно довольна этой солидной особой,

„très consciencieuse“. Она повѣряла ей свои опасенія относительно измѣненія формъ корпуса Ненси, и та совершенно успокоила ее на этотъ счетъ.

Для рѣшительной минуты былъ приглашенъ изъ города лучшій врачъ. Изъ Петербурга ожидалась знаменитость—спеціалистъ.

Уже отцвѣли фіалки, и, сбросивъ свой свѣтлозеленый покровъ, выглянулъ бѣлый душистый ландышъ. Въ домѣ уже два дня какъ царствовала страшная тревога, превозмочь которую оказалась безсильной на этотъ разъ даже сама Наталья Ѳедоровна. Ожидали трудныхъ родовъ. Акушерка озабоченно покачивала головой, врачъ глубокомысленно покручивалъ усы, и только пріѣхавшая знаменитость была въ очень веселомъ настроеніи: уплетала завтраки и обѣды, приготовленные искуснымъ поваромъ бабушки, и, восхищаясь прелестями деревни въ весеннюю пору, предвкушала наслажденіе крупнаго куша за свой визитъ.

На третій день къ вечеру начались давно ожидаемыя схватки. Бабушка умоляла, на случай большихъ страданій, захлороформировать Ненси. Врачъ раздѣлялъ ея желаніе, но знаменитость была за естественный порядокъ вещей,—„тѣмъ болѣе, что мать такъ молода и сложена прекрасно“.

Ненси не отпускала отъ себя ни на минуту Юрія. Она держала его крѣпко-крѣпко за руку, при каждомъ приступѣ боли громко вскрикивала и принималась плакать. Вокругъ ея глазъ легли темноватыя тѣни. Широко раскрытые глаза смотрѣли вопросительно и испуганно. Юрій не могъ видѣть, какъ конвульсивно содрогалась отъ боли Ненси, не могъ переносить ея какъ бы молящаго пощады взгляда. Ему казалось, что совершается нѣчто до безобразія возмутительное, несправедливое, и онъ, помимо своей воли, онъ... онъ одинъ—виновникъ.

Вдругъ Ненси стиснула зубы, и изъ ея груди вырвался дикій, злобный крикъ.

Юрія удалили. Шатаясь, вышелъ онъ изъ комнаты. Въ ушахъ его жестокимъ упрекомъ отдавался отчаянный крикъ Ненси. Сознаніе виновности сводило его съ ума. Ему хотѣлось, какъ безумному, кричать, рыдать и проклинать. Не за одну Ненси—нѣтъ! за всѣхъ, такъ обреченныхъ судьбою страдать отъ сотворенія міра, женщинъ былъ возмущенъ его духъ.

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ?..

Его тянуло къ роялю,—ему хотѣлось въ звукахъ вѣчнаго „Warum“ найти исходъ своимъ тяжелымъ мукамъ... Онъ вспомнилъ, что играть нельзя, онъ изнывалъ. Онъ чувствовалъ себя

безпомощнымъ; ему хотѣлось убѣжать какъ можно дальше, дальше... Онъ бросился въ бабушкинъ кабинетъ, находившійся на другомъ концѣ дома, и тамъ въ изнеможеніи упалъ на широкій старинный диванъ.

Изъ спальни все чаще и чаще доносились то протяжные и жалобные, то рѣзкіе и отчаянные крики, а имъ въ отвѣтъ, какъ будто эхо, раздались другіе, не менѣе жалобные, не менѣе отчаянные: то кричалъ Юрій, извиваясь по дивану, рыдая, кусая подушки, проклиная свое безсиліе...

Когда Наталья Ѳедоровна отыскала его, чтобы сообщить о благополучномъ исходѣ, онъ былъ почти безъ памяти. Матери стоило большого труда его успокоить.

— Я, мама,—воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ,—я никогда больше!.. Еслибы я зналъ, еслибы я зналъ, какія это муки!.. Какъ это возмутительно и какъ несправедливо!..

Растроганная Наталья Ѳедоровна ласково погладила его по головѣ.

— Мой милый мальчикъ, мой милый фантазёръ, все это просто и естественно. Не создавай ужасовъ; пойди, полюбуйся на свою дочь! Рости ее такою же честной, такою же благородной, какимъ выросъ ты самъ.

Когда Юрій вошелъ въ спальню, онъ не узналъ Ненси. Она сдѣлалась такою маленькою, худенькою, несчастненькою; ея блѣдное, безкровное личико почти не отличалось отъ бѣлизны подушекъ; ея губы улыбались хотя счастливой, но болѣзненной улыбкой; ввалившіеся, измученные глаза смотрѣли взглядомъ больного, почувствовавшаго облегченіе.

Важная акушерка поднесла ему, въ бѣлой простынькѣ, что-то маленькое, морщинистое, съ мутными глазами и пучкомъ волосъ на почти голомъ черепѣ.

Но онъ такъ былъ полонъ впечатлѣніями только-что перенесенныхъ мукъ, что ничего другого, кромѣ жгучаго сожалѣнія, не шевельнулось въ его груди, при видѣ этого маленькаго созданія.

— Одной несчастной больше!

И онъ не радовался, а готовъ былъ снова заплакать.

IX.

Прошла недѣля. Ненси, благодаря бдительному уходу, окруженная нѣжною любовью и лаской, поправлялась быстро. Уже

щечки ея похудѣвшаго лица опять заиграли румянцемъ, а глазки блестѣли, по прежнему, радостью и счастьемъ. Къ своей новорожденной дочери, названной въ честь бабушки Маріей, она относилась странно. Она просила, чтобы ее приносили къ ней на кровать; подолгу, съ величайшимъ любопытствомъ и даже нѣжностью разглядывала микроскопическія черты ребенка, причемъ всего больше ей нравился носикъ.

— Ахъ, какой носикъ, ахъ, какой носикъ!—восклицала она съ восторгомъ. Но органической связи между собою и этимъ маленькимъ существомъ, которымъ она любовалась, она какъ-то не ощущала. Въ ней не было того, что̀ лежитъ въ основѣ каждаго материнскаго чувства—сознанія собственности.

При дѣвочкѣ состояли: здоровенная кормилица и, присланная важною акушеркою, опытная няня, „жившая въ хорошихъ домахъ и знающая всѣ порядки“, какъ она сама себя аттестовала.

Бабушка, убѣдившись, что появленіе на свѣтъ дѣвочки нисколько не повліяло на красоту матери, почувствовала и къ ребенку что-то даже въ родѣ нѣжности и прозвала ее „Мусей“.

Къ іюню Ненси совсѣмъ оправилась. Съ рѣзвостью молодой козочки носилась она по аллеямъ стараго сада, и въ первый же день, какъ только ей была разрѣшена болѣе продолжительная прогулка, она увлекла Юрія къ купели ихъ любви—къ обрыву. Опять въ травѣ стрекотали кузнечики, опять нѣжно и привѣтливо журчалъ ручей; завѣтный камень, окруженный кустарникомъ, такъ же ютился на берегу и такъ же шумѣли деревья, и глазки Ненси все такъ же блестѣли любовью; но Юрій, задумчиво обнимавшій свою юную подругу, былъ уже не тотъ. Тотъ, прежній, блѣдный, конфузливый юноша, тотъ рабъ этой златокудрой феи, ушелъ куда-то далеко. Юрій самъ не могъ хорошенько дать себѣ отчета, что̀ съ нимъ творится. Онъ только сознавалъ, что въ немъ происходитъ какая-то серьезная внутренняя работа: пробуждались прежніе идеалы, назрѣвала жгучая потребность дѣла и знаній. Онъ сталъ искать одиночества; ему теперь часто хотѣлось сидѣть одному и думать, думать, стараясь разобраться въ себѣ и окружающей его обстановкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ отцомъ, онъ все больше и больше задумывался надъ своимъ положеніемъ. То, о чемъ онъ прежде, въ чаду своей молодой страсти, какъ-то и не заботился, его полная матеріальная несостоятельность, рядомъ съ окружающей роскошью, которой онъ пользовался, стала смущать и тревожить его неотступно. Онъ начиналъ находить такое положеніе вещей для себя унизи-

тельнымъ, и рѣшилъ, что, помимо призванія къ музыкѣ, онъ долженъ немедленно приступить къ серьезной работѣ надъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ, чтобы стать независимымъ, самостоятельнымъ работникомъ, вносящимъ посильную лепту въ семейное хозяйство.

Отъ Ненси не укрылось его безпокойное душевное состояніе.

— Что съ тобой?—спросила она его однажды, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать:—ты боленъ?

— Нѣтъ.

— Но что съ тобой? Не мучь меня.

— Ахъ, Ненси,—тоскливо вырвалось у него,—еслибы ты знала, какъ мнѣ хочется работать!

Ненси даже не поняла, о чемъ онъ говоритъ. Работать? Зачѣмъ работать?.. Еслибы онъ былъ бѣднякъ, тогда—другое дѣло; а вѣдь они такъ богаты!

— Богата, Ненси, ты,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой,—и даже не ты, а твоя бабушка.

— А если бабушка, тогда и я,—сказала Ненси увѣренно.

— Ну ты, ну бабушка... а я?

— И ты! Разъ это моя бабушка—она твоя бабушка; она богата, я богата, значитъ и ты богатъ.

— Нѣтъ, это вовсе не значитъ. Да еслибы я и самъ, понимаешь, самъ даже былъ богатъ,—я бы все-таки считалъ долгомъ работать.

— Зачѣмъ?

— Чтобы имѣть законное право жить въ человѣческомъ обществѣ.

Но Ненси, положительно, не соглашалась съ нимъ.

— Если богатые будутъ работать, то что же тогда останется дѣлать бѣднымъ? Это ужасно! Они должны будутъ всѣ, всѣ умереть съ голода. Нѣтъ, пускай бѣдные работаютъ, а богатые платятъ имъ большія, большія деньги; тогда наступитъ общее благополучіе и въ мірѣ не останется несчастныхъ.

Къ вопросу о призваніи Юрія къ музыкѣ Ненси отнеслась, однако же, гораздо болѣе сочувственно, хотя находила, что онъ и такъ играетъ необыкновенно, и что теперь, когда ужъ онъ женатъ и даже отецъ семейства,—совсѣмъ не время дѣлаться школьникомъ. Но по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, она сама стала увлекаться его пламенемъ.

Да, да! ему необходимо поступить въ классъ композиціи, который теперь въ Петербургѣ въ вѣдѣніи знаменитости, профессора-композитора.—Отлично! ѣдемъ!—пылко воскликнула она.—

Но ты не будешь музыку любить больше меня?—прибавила она съ лукавою улыбкой, прижимаясь къ мужу.

Тотъ горячо, отъ всей души поцѣловалъ ее.

На другой день онъ отправился къ матери.

— Мама, милая, я пришелъ къ тебѣ съ просьбою,—началъ онъ застѣнчиво.

— Что, родной? Говори.

— Я, видишь, мама... я рѣшилъ поѣхать въ августѣ въ консерваторію,—такъ помоги мнѣ!

Наталья Ѳедоровна вся просіяла отъ радости.

— Милый, милый!—говорила она, захлебываясь отъ избытка нахлынувшаго чувства:—да какъ же ты надумалъ?.. Ну, слава Богу!.. Я вѣрила въ тебя!.. всегда вѣрила!.. Ты говоришь: помочь?.. Ахъ, глупый, да для кого же я живу? Что мое, то и твое... Немного—это правда, но чтобы поддержать тебя, пока ты станешь на ноги — хватитъ... Вотъ только, пожалуй, встрѣтится препятствіе относительно безплатнаго поступленія — ужъ годъ прошелъ... Ну, да все равно, будемъ платить,—не важность... Ахъ, ты мой родной!.. Милый ты... милый мой!

Наталья Ѳедоровна гладила его пушистые волосы, цѣловала его.

— Хорошее у нея, отзывчивое сердце!—съ чувствомъ произнесла Наталья Ѳедоровна, когда Юрій разсказалъ о рѣшеніи Ненси ѣхать съ нимъ.

— Но, впрочемъ, какъ же иначе? Иначе не могло и быть. Вы такъ любите другъ друга—разлука невозможна.

Ненси, съ своей стороны, тоже сообщила бабушкѣ о новыхъ планахъ на зиму.

Бабушка разинула ротъ отъ изумленія.

— А... а Парижъ? Ужъ нынѣче можно ѣхать превосходно и провести чудесную зиму.

— Ему надо учиться,—повторила Ненси.

— Ah, quelle bêtise!..—вспылила бабушка:—d'avoir une femme charmante—и такимъ вздоромъ пичкать себѣ голову!.. C'est révoltant!..

— Mais nous irons ensemble,—возразила Ненси.

Тутъ ужъ негодованію бабушки не было конца.

— Какъ? какъ? Oh, pauvre petite! Ты до того унизилась, что бросаешь меня, все,—и идешь, сломя голову, за нимъ, ради его каприза!

— Нѣтъ, бабушка, мы ѣдемъ всѣ: и ты, и я, и Муся. Онъ тамъ поступитъ въ консерваторію, и всѣмъ намъ будетъ очень,

очень весело... Ты говорила мнѣ сама, что Петербургъ—прелестный городъ.

— Comment?—бабушка задыхалась отъ волненія:—чтобы я поѣхала? jamais! Mais tu es folle, chère petite! О, Боже мой, такъ подчинить себя мужчинѣ, что потерять разсудокъ!.. Какъ я тебя учила съ дѣтства, какъ я просила, какъ я предупреждала?! Вѣдь это самое ужасное—пойми! Oh, pauvre petite, oh, pauvre petite, пойми, какъ ты упала!

— Ахъ, бабушка, но онъ долженъ учиться!..—растерянно пробормотала Ненси, озадаченная этой тирадой.

— И въ Петербургъ?!.—продолжала бабушка, не обращая вниманія на ея слова.—Но это сумасшествіе!.. Mais tu mourras!.. Всѣ доктора сказали, что для тебя это—погибель... Mourir si jeune, si belle... Et il connait très bien, и... и допустить!.. Voilà l'amour fidèle et tendre!

— Но что же дѣлать?—съ отчаяніемъ вскричала Ненси.—Не знаю, я не понимаю!

Какъ ни была раздражена бабушка, но, при видѣ смертельно блѣднаго лица Ненси, смирилась.

— Ma chère enfant, обсудимъ хладнокровно,—перешла она въ болѣе сдержанный тонъ.—Я въ первую минуту погорячилась. Soyons plus raisonnables. Un homme déjà marié,—il veut apprendre? —бабушка улыбнулась иронически.—Пускай! Но прежде всего онъ долженъ думать о тебѣ... Tu es si belle, si jeune, тебѣ необходимо общество,—чтобы вокругъ тебя все было весело и оживленно!.. Когда же жить? Les concerts, les spectacles, les dames, les belles toilettes—c'est gai, c'est amusant!.. Нельзя же вѣчно жить въ деревнѣ и наслаждаться поцѣлуями. Il faut commencer la vie. Тебѣ въ Петербургѣ жить нельзя—c'est décidé!.. Moscou? Je le déteste,—avec ses rues si sales, avec ses marchands, avec sa vie si ordinaire... Куда же ѣхать? Въ Парижъ — pas d'autre choix!. И если онъ хочетъ учиться—чего лучше? Парижская консерваторія — c'est un peu mieux, чѣмъ наши доморощенныя,—je pense bien.

Ненси указанный бабушкой исходъ казался въ высшей степени привлекательнымъ.

„Парижская консерваторія — вѣдь это прелесть!“ — думала она.—„Какъ бабушка умна! Какъ бабушка добра“!

Къ возможности посѣщать концерты и спектакли Ненси тоже отнеслась сочувственно. Ярко всталъ въ ея воображеніи ея любимый городъ, съ его шумной, точно вѣчно празднующей какой-то праздникъ толпой, съ его тѣнистыми бульварами, съ его мага-

зинами, щеголяющими одинъ передъ другимъ роскошными выставками товара въ окнахъ. Точно во снѣ проносились передъ нею длинные ряды фіакровъ, съ ихъ кучерами въ бѣлыхъ и черныхъ цилиндрахъ, блестящіе экипажи съ красивыми женщинами въ богатыхъ изящныхъ нарядахъ, въ шляпкахъ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ; ей слышится гулъ толпы, безконечными шпалерами снующей по обѣимъ сторонамъ Елисейскихъ-Полей, смѣхъ, свистъ, визгъ и говоръ, хлопанье бичей, пронзительный крикъ газетчиковъ, выкликающихъ на всевозможные голоса: „la Presse"!.. „le Jour"... „l'Intrasigeant!"... Парижъ живетъ, Парижъ энергично дышетъ своей могучей грудью, боясь минуту потерять въ вѣчной погонѣ за радостями жизни. Воображеніе Ненси уноситъ ее въ Лувръ. Она видитъ себя среди своихъ любимыхъ картинъ. Она здѣсь какъ дома: вѣдь это все ея старые знакомцы. Вотъ „Юдиѳь и Олоферъ", Верне... вотъ „Les illusions perdues", „La liberté qui donne le peuple"... „La mort d'Elisabeth"... вотъ Грёзъ... а вотъ и она, ея особенная любимица—„Мадонна" Мурильо...

— О, Боже мой! Опять все это видѣть!—и Юрій вмѣстѣ съ нею... Какое блаженство!

Она нетерпѣливо ожидала возвращенія Юрія.

— Послушай, знаешь что?—встрѣтила она его:—ты... ты не можешь себѣ представить, какъ все устроивается!

И она съ шумною радостью сообщила мужу о бабушкиныхъ планахъ, пересыпая разсказъ восторженными прибавленіями отъ себя.

— Ну, что же ты молчишь?.. ну, отчего не восхищаешься?—теребила она Юрія, все болѣе и болѣе становившагося мрачнымъ.

— Это невозможно!—проговорилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, тихо и твердо.

Ненси оторопѣла.

— Какъ?.. Какъ?.. Почему?

— Я тебѣ говорилъ.

— Ахъ, это, вѣрно, опять все тотъ же несчастный денежный вопросъ!—возмутилась Ненси.—Но отчего же въ Петербургѣ тебѣ можно, а въ Парижѣ нѣтъ?

— А очень просто,—смущенно отвѣтилъ Юрій:—тутъ мнѣ отчасти поможетъ мать... и самъ я тоже... уроки, если не музыки—репетиторомъ буду... Еще—вотъ главное—есть шансъ, что я буду принятъ даромъ...

— Но отчего же нельзя принять помощь отъ бабушки?—не понимаю.

Ненси, вскинувъ задорно голову, повела плечами.

— Она... она...—Юрій искалъ словъ, чтобы яснѣе и мягче выразить свою мысль. — Она чужая... т.-е. не чужая... я ее очень, очень люблю, но... какъ бы мнѣ тебѣ объяснить?.. Ну, вотъ: если мать поможетъ, пока я слабъ — и я ей буду помогать потомъ... А тутъ я чѣмъ отвѣчу? Облагодѣтельствованнымъ быть я не хочу!

— Зачѣмъ же ты тогда на мнѣ женился? — неожиданно и рѣзко сказала Ненси.—Ты же зналъ, что я богата!

Лицо Юрія залилось густою краскою.

— Зачѣмъ я на тебѣ женился?—повторилъ онъ, какъ бы самъ для себя ея вопросъ:—зачѣмъ? Мнѣ сердце такъ велѣло,— онъ порывистымъ нервнымъ движеніемъ откинулъ упавшую на лобъ прядь курчавыхъ волосъ.—Богата ли ты, или нѣтъ—я не зналъ... не думалъ... Я... я любилъ!.. Но... чтобы такъ... всю жизнь жить на чужія средства... Я не могу!.. Лишать тебя, когда ты такъ привыкла — я не имѣю права... Но самъ? Нѣтъ! Это было бы гнусно.

— Ты знаешь? Въ Петербургѣ жить мнѣ невозможно,— сдвинувъ сердито брови, заявила Ненси. — Мнѣ доктора давно сказали, а бабушка напомнила... Тамъ для меня—смерть!

Юрій задумался, потомъ быстрыми, рѣшительными шагами подошелъ къ Ненси, присѣлъ около и взялъ ее за руку.

— Послушай, Ненси, — съ силою проговорилъ онъ. — Это необходимо и... иначе я не могу—пойми!.. Но, милая, но, дорогая,—онъ нѣжно обнялъ ее за талію,—вѣдь это такъ не долго!.. Ну, три-четыре года... Вѣдь можно пріѣзжать на Рождество, на Пасху, и лѣто будемъ вмѣстѣ. Не покладая рукъ я стану работать, чтобы поскорѣе кончить, и заживемъ мы снова неразлучно.

„Voilà l'amour fidèle et tendre!“ — пронеслись въ головѣ Ненси зловѣщія бабушкины слова.

— Что же ты молчишь?—ласково окликнулъ ее Юрій.

— Ахъ, оставьте меня, оставьте!

И Ненси стремительно убѣжала по направленію къ бабушкиной комнатѣ. Юрій не ожидалъ такой странной, обидной для него выходки. Онъ стоялъ въ недоумѣніи. Ему захотѣлось сейчасъ же броситься за нею слѣдомъ, но почему-то онъ вдругъ повернулъ въ противоположную сторону и побрелъ въ садъ.

Ненси, прерывая свою рѣчь слезами, разсказывала бабушкѣ о только-что происшедшемъ разговорѣ.

— Ну вотъ, ну вотъ!—злорадно торжествовала бабушка.—Я говорила, говорила! Voilà le commencement! Чѣмъ дальше—бу-

детъ хуже!.. Oh! Nency, mon enfant, tu es bien malheureuse, pauvre petite! Voilà l'amour! voilà!..

И Ненси, дѣйствительно, чувствовала себя глубоко несчастной. Какъ? ради какихъ-то нелѣпыхъ денежныхъ счетовъ, онъ находитъ возможнымъ разстаться съ нею?! Изъ-за упрямства не хочетъ уступить? Онъ долженъ былъ все, все перенести, только бы не разлучаться. И вдругъ, въ жертву ложному самолюбію приносить ихъ счастье! Да, бабушка была права, тысячу разъ права— онъ вовсе не любитъ!

— Nency, mon enfant chérie,—говорила бабушка наставительно:— au moins теперь, sois obéissante,—слушайся безпрекословно. Il doit être puni. Il doit rester seul et bien comprendre son crime. Пожалуйста, не вздумай отправляться въ спальню— tout sera perdu! C'est une punition la plus sensible pour un homme,—повѣрь мнѣ. Ты будешь спать сегодня у меня.

До самаго глубокаго вечера просидѣлъ Юрій въ старомъ бельведерѣ. Уже стемнѣло совсѣмъ. Юрій съ удивленіемъ взглянулъ на точно застывшія въ полумракѣ деревья. Среди своихъ глубокихъ, мрачныхъ думъ онъ и не замѣтилъ, что спустилась ночь. Уныло поникнувъ головою, побрелъ онъ домой...

Прошло два дня. Юрій, повидимому, былъ непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ не говорилъ ни слова, глядѣлъ мрачно исподлобья, цѣлые дни проводилъ въ саду. Онъ глубоко, глубоко страдалъ. Поведеніе Ненси — то, что она такъ мало его понимала—приводило его въ отчаяніе. При видѣ ея постоянно заплаканныхъ глазъ—у него сердце разрывалось на части, но въ то же время онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что, несмотря ни на что, рѣшенія своего не измѣнитъ.

Ненси все время держалась около бабушки, избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ и смотрѣла на него глазами, полными упрека. Бабушка же была въ совершенномъ недоумѣніи: придуманное ею самое чувствительное наказаніе оказывалось безсильнымъ.

Однажды, вечеромъ, Юрій, на глазахъ бабушки, взялъ Ненси за руку и увелъ въ садъ.

— Послушай: неужели ты хочешь, чтобы я былъ приживальщикомъ? Ты бы должна была, въ такомъ случаѣ, презирать меня!

Сказавъ эти слова и не дожидаясь даже отвѣта, онъ бросилъ ея руку и пошелъ въ глубь аллеи.

Она побѣжала за нимъ.

— Прости, прости меня! — лепетала она, прижимаясь къ нему, заглядывая въ его полные скорби глаза и заливаясь слезами.

Они помирились. Вліяніе бабушки значительно ослабло, но въ тайникѣ души Ненси все-таки жила глубокая обида. Нѣтъ, онъ не любитъ!—утверждалась она все больше и больше въ своей мысли.

Такъ протянулся мѣсяцъ, и Юрій сталъ готовиться къ отъѣзду. Въ душѣ Ненси снова вспыхнула надежда. Неужели онъ рѣшится? Неужели онъ отъ нея уѣдетъ? Чѣмъ ближе подходилъ роковой день, тѣмъ Юрій становился капризнѣе и капризнѣе. Бабушка рѣшилась, наконецъ, сама поговорить—avec cet imbécile! Она призвала его въ кабинетъ и заперла дверь на ключъ.

— Развѣ вы не видите, что̀ дѣлается съ Ненси? — строго спросила она его.—Вы убиваете ее.

Юрій вздохнулъ и поднялъ на бабушку свои измученные глаза.

— На что̀ же вы рѣшаетесь? Неужели же невозможно измѣнить вашъ планъ?

Юрій молчалъ.

— Mais répondez!

— Нѣтъ,—едва слышно проговорилъ Юрій.

— C'est révoltant! — вскипѣла бабушка.—Къ чему же это приведетъ?

— Къ хорошему,—убѣжденно отвѣтилъ Юрій.

— Et cette pauvre petite femme restera [illegible]... Mais elle vous aime!..

— И я ее люблю больше собственной жизни!

— Но что̀ же съ нею будетъ?

— Она слишкомъ честна—она пойметъ, что иначе мнѣ поступить нельзя.

Бабушка, чувствуя, что больше не въ силахъ сдерживаться, и что можетъ выйти какая-нибудь „исторія“, чего она была злѣйшій врагъ, отчаянно замахала руками:

— Allez, allez!

Юрій уѣхалъ. Въ минуту отъѣзда произошла раздирающая сцена: Ненси плакала, цѣплялась за него, какъ безумная; бѣдный юноша не выдержалъ и, прижавъ ее крѣпко къ груди, разрыдался самъ.

— Прости, прости меня,—лепеталъ онъ,—но иначе нельзя!

Она въ безсиліи упала на кресло; онъ опустился на колѣни, цѣловалъ ея руки...

— Ненси, не плачь!—умолялъ онъ ее.—Я буду писать тебѣ каждый день... Всѣ мысли мои будутъ съ тобою и около тебя...

Ненси, Ненси, ты помни—у насъ дочь! Мы жить должны не только для себя, но и для нея!..

Бабушка хотя и холодно разсталась съ Юріемъ, но все-таки, въ видѣ благословенія, вручила ему маленькій образокъ Казанской Божіей Матери, со словами:

— Elle vous guidera dans toutes vos actions!

X.

Въ городѣ шли большія приготовленія къ предстоящему благотворительному балу. Въ обширномъ барскомъ домѣ-особнякѣ, который наняла и омеблировала роскошно Марья Львовна, чтобы провести въ немъ зиму,—такъ какъ Ненси рѣшила не уѣзжать изъ Россіи,—тоже было не мало хлопотъ.

Сидя въ своей любимой угловой темно-малиновой комнатѣ, бабушка совѣщалась относительно туалета Ненси съ постояннымъ завсегдатаемъ ихъ гостиной, старымъ холостякомъ Эсперомъ Михайловичемъ.

Это былъ чрезвычайно благообразной наружности, худощавый господинъ съ сильной просѣдью, съ выпуклыми свѣтло-голубыми глазами и совсѣмъ бѣлыми холеными усами, для чего на нихъ самымъ аккуратнымъ образомъ надѣвались на ночь наусники „монополь“. Эсперъ Михайловичъ постоянно бывалъ не то чтобы на-веселѣ, а въ мѣру возбужденъ. Эсперъ Михайловичъ когда-то былъ очень богатъ, спустилъ свое состояніе, получилъ наслѣдство отъ дяди, потомъ отъ тетки, и эти спустилъ; наконецъ, досталось ему небольшое имѣніе отъ какой-то дальней кузины—онъ вздумалъ его эксплоатировать, какъ практическій человѣкъ нашего практическаго вѣка—ставши компаньономъ одного „вѣрнаго“ дѣла; но дѣло оказалось совсѣмъ невѣрнымъ, и Эсперъ Михайловичъ остался безъ всякихъ средствъ. Но онъ не унывалъ. Онъ сталъ жить въ долгъ, перехватывая у пріятелей, не переставая любить жизнь и ожидая въ будущемъ еще какихъ-то эфемерныхъ наслѣдствъ. Онъ три четверти жизни провелъ заграницей, очень любилъ дамское общество, доподлинно зналъ всѣ романическія исторіи города, въ каждомъ домѣ былъ первый другъ и совѣтчикъ и незамѣнимъ на свѣтскихъ базарахъ, лотереяхъ и вечерахъ.

Въ эту минуту онъ сидѣлъ возлѣ Марьи Львовны передъ столомъ, на которомъ стояло четыре лампы. Бабушка перебирала образцы матерій, поднося ихъ къ огню.

— Нѣтъ, cher, какъ вы хотите, но эти два цвѣта: vieux rose и jaune—несовмѣстимы.

— Ужъ повѣрьте мнѣ,—горячо отстаивалъ Эсперъ Михайловичъ, — я самъ видѣлъ une pareille toilette въ Парижѣ въ 83 году...

— Н-не знаю...

Марья Львовна зажмурила глаза, чтобы яснѣе представить себѣ Ненси въ проектируемомъ платьѣ.

— Н-не знаю... Une petite basque ajustée, ornée de perles...

— Oh, c'est parfait! — съ восторгомъ подхватилъ Эсперъ Михайловичъ.—Mais ajustée.

Обоюдными усиліями, наконецъ, авторы пришли къ соглашенію.

— А гдѣ наша bébé-charmeuse?

Такъ прозвалъ Эсперъ Михайловичъ Ненси.

— Въ дѣтской. Купаютъ Мусю—она любитъ смотрѣть.

— И я пойду. J'adore les petits enfants.

Онъ пошелъ моложавой походкой, слегка раскачиваясь стройнымъ станомъ и напѣвая въ полголоса.

— Oh, pauvre, pauvre homme!—вздохнула ему вслѣдъ Марья Львовна.—Les beaux restes прежняго дворянства.

Въ дѣтской, окрашенной бѣлой масляной краской и немного жарко натопленной, происходила церемонія купанья маленькой Муси.

Въ ванночкѣ сидѣла дѣвочка, наполовину завернутая въ простыньку. Она улыбалась, покрякивала и била ручонками по водѣ.

Нянька, съ сознаніемъ необыкновенной важности совершаемой операціи, поливала плечи ребенка водой и, намыливъ губку, безцеремонно мазала ею по головѣ и лицу дѣвочки. Та отфыркивалась, встряхивала головенкой и, какъ бы въ видѣ протеста, еще сильнѣе шлепала ручками по водѣ.

Рослая мамка, сидя въ углу дѣтской у стола, лѣниво пила чай и, громко чавкая, пережевывала булку.

Ненси, глядя на дѣвочку, покатывалась со смѣху всякій разъ, какъ та гримасничала отъ прикосновенія губки.

— Можно?—раздался голосъ Эспера Михайловича за дверями, и, не дожидаясь отвѣта, онъ самъ появился на порогѣ.

— Charmeuse, туалетъ рѣшенъ!—объявилъ онъ торжественно. —Mais comme nous sommes jolies?!—и Эсперъ Михайловичъ въ засосъ поцѣловалъ лобикъ ребенка.

— Она вся мокрая, она вся мокрая!—захохотала Ненси.

— О, это ничего... j'adore les petits enfants!.. Капотъ—

восторгъ!—обратился онъ къ Ненси, указывая на ея капотъ:—складки лежатъ превкусно!..

— Охъ, баринъ, и шутникъ же!..—усмѣхнулась нянька.

— Пхи!..—фыркнула въ углу кормилица.

— Чего ты?

— Да больно шутники.

— О, быдло, быдло!—презрительно повелъ глазами въ сторону мамки Эсперъ Михайловичъ.—Ну, вотъ вамъ!.. Ахъ, какъ меня всегда злятъ всѣ эти народники! Однако, charmeuse, насъ ждутъ grand'maman и высшія соображенія относительно туалета,—напомнилъ онъ Ненси.

— Мы забыли намазать ее глицериномъ, — сказала Ненси, уходя изъ дѣтской.

— Ничего, барыня, ванна изъ миндальныхъ отрубей была даже очень успокоительна,—отвѣчала нянька.

Ненси измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее оставили. Своенравный, капризный ребенокъ съ золотистыми кудрями по плечамъ удивительно скоро превратился въ молодую, но вполнѣ выдержанную свѣтскую даму.

Появленіе въ городѣ богатыхъ, именитыхъ Гудауровыхъ, которымъ принадлежали крупнѣйшія и богатѣйшія помѣстья въ губерніи, было цѣлымъ событіемъ въ городской жизни. О бабушкѣ и ея красавицѣ-внучкѣ заговорили, ихъ искали, добивались знакомства съ ними. Марья Львовна гостепріимно открыла двери своей великолѣпной гостиной, и Ненси стала сразу центромъ общаго вниманія, и даже злоба мѣстныхъ красавицъ должна была смириться передъ преимуществами новой гостьи. Она была молода, красива, исключительно богата, говорила на четырехъ языкахъ, объѣздила вдоль и поперекъ Европу—съ такой соперничать было бы безполезно и глупо. Дамы наперерывъ съ мужчинами стали восхищаться Ненси. А Ненси было очень, очень весело. Она перемѣнила прежнюю живописную полудѣтскую прическу на дамскую, и, приподнявъ высоко волосы, завертывала узломъ золотистыя кудри; необыкновенно скоро пріобрѣла она небрежный, но слегка повелительный тонъ, въ разговорахъ съ мужчинами, а дамъ очаровывала изысканной любезностью.

Бабушка съ восторгомъ любовалась созданіемъ своихъ рукъ.

Да! Ненси было весело: спектакли, концерты, вечера, прогулки; милые, добрые знакомые ее баловали, возили ей конфекты, цвѣты; всѣ восхищались ея поразительными туалетами, всѣ выражали сочувствіе по поводу ея разлуки съ мужемъ... Послѣднее обстоятельство нѣсколько омрачало веселое существованіе Ненси,

и какъ ни старалась она внушить себѣ законность этой разлуки, чувство обиженнаго самолюбія не переставало грызть ея сердце.

„Не забывай меня и занимайся Мусей",—писалъ Юрій, и Ненси каждый вечеръ отправлялась въ дѣтскую присутствовать при купаньѣ своей маленькой дочки, цѣловала ее нѣжно, хохотала надъ ея гримасами, но больше положительно не могла придумать, что̀ съ нею еще дѣлать. Она, впрочемъ, снялась въ фотографіи вмѣстѣ съ ребенкомъ и послала портретъ Юрію.

XI.

Когда Эсперъ Михайловичъ пришелъ объявить, что Ненси сейчасъ придетъ, только переодѣнется, Марья Львовна уже была не одна. Въ гостиной сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей: жандармскій генералъ Нельманъ—крашенный, въ большихъ бакенбардахъ и усахъ; товарищъ прокурора Пигмаліоновъ—господинъ среднихъ лѣтъ, очень глубокомысленный и очень рыжій, и служащій въ отдѣленіи государственнаго банка, молодой, благообразный блондинъ Крачъ съ женой, тоже свѣтлой блондинкой, высокой и стройной. Злая иронизирующая улыбка играла на ея крупныхъ блѣдныхъ губахъ, а живописно вьющіеся волосы, въ связи съ мечтательными глазами, придавали ея лицу странное, но поэтическое выраженіе. Серафима Константиновна — такъ звали прекрасную блондинку—была талантливой художницей и относилась свысока ко всѣмъ, начиная съ своего добродушнаго мужа. Ея гибкую фигуру безъ корсета облекало черное простое платье, стянутое у пояса широкой лентой съ старинной серебряной пряжкой и оттѣняло еще больше болѣзненную прозрачность ея кожи.

Поодаль отъ другихъ сидѣлъ мѣстный поэтъ Лигусъ, недавно окончившій курсъ въ правовѣдѣніи, молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ городъ кандидатомъ на судебныя должности. Его густые, блестящіе волосы были аккуратно приглажены, образуя сбоку проборъ; отъ маленькой, коротко остриженной бородки несло духами; темные глаза смотрѣли разсѣянно; обутыя же въ лакированные сапоги, ноги нетерпѣливо постукивали острыми носками. Онъ былъ влюбленъ въ Ненси и ждалъ ее.

— Войновскій мнѣ пишетъ, что будетъ непремѣнно къ балу,—громко заявилъ Нельманъ.

Вошла Ненси. Произнесенное имя поразило ее—это была фамилія ея отца.

— Войновскій? Какъ его зовутъ?—спросила въ то же время Марья Львовна.

— Борисъ Сергѣевичъ.

„Должно быть, однофамилецъ или дальній родственникъ“,—подумала успокоенная Ненси, обходя всѣхъ съ любезной улыбкой.

— Кто этотъ Войновскій? — спросила она подсѣвшаго къ ней Лигуса.

— Нашъ городской голова, богатый человѣкъ... Развѣ вы не знаете?.. Я вамъ романсъ новый принесъ—мои слова.

Онъ протянулъ ей тоненькую нотную тетрадь.

— Mercі. Вы споете?

— Мнѣ музыка не нравится,—Лигусъ сдѣлалъ гримасу.

— Авениръ Игнатьевичъ, вы, кажется, хотите насъ порадовать?—окликнула его съ дивана Марья Львовна:—я вижу, вы намъ принесли новыя ноты.

— Да,—вспыхнулъ молодой человѣкъ,—мои слова, но музыкой я не доволенъ.

— А кто писалъ?

— Тутъ есть одинъ такой... настройщикъ Гриль...

— Ахъ, Гриль? Дрянь!—раздался сердитый басъ Нельмана.—Я, какъ директоръ музыкальнаго кружка, хотѣлъ его поднять, спасти талантъ... вы понимаете?—обратился онъ преимущественно къ Марьѣ Львовнѣ:—я призываю его какъ-то къ себѣ и говорю: послушайте, говорю, Гриль,—я обращаюсь къ вашей совѣсти и говорю вамъ какъ другъ: хотите исправиться?.. Онъ разсыпается въ благодарности, и то, и сё... Я говорю:—поймите, вы вѣдь нищій, у васъ ничего нѣтъ, но вы талантъ—хотите, я васъ спасу?.. Онъ, понимаете, въ восторгѣ, чуть не плачетъ. Я ему опять:—итакъ, слово честнаго человѣка—вы бросите пить! Затѣмъ кружокъ будетъ вамъ выдавать двѣнадцать рублей ежемѣсячно... вы понимаете? Это все-таки обезпеченіе, а вы вѣдь нищій. Но такъ какъ кружокъ учрежденіе не благотворительное, то вы съ своей стороны будете участвовать безвозмездно во всѣхъ его вечерахъ и отдадите въ полную его собственность все, что вы будете писать... Согласны?—„Помилуйте, говоритъ, вы благодѣтель!“—Въ первый же мѣсяцъ написалъ нѣсколько пьесъ—принесъ, получилъ двѣнадцать рублей. Отлично! Затѣмъ испортился рояль въ кружкѣ. Я говорю Грилю:—исправьте. А онъ, надо вамъ сказать, великолѣпнѣйшій настройщикъ. Но такъ какъ въ кружкѣ было неудобно чинить—онъ взялъ инструментъ къ себѣ, на квартиру. Проходитъ недѣля—ни рояля, ни Гриля! Я посылаю. Отвѣтъ такой: привезутъ рояль черезъ три дня.

Жду—не шлетъ. Отправляюсь, наконецъ, самъ. Что-жъ вы бы думали—застаю этого негодяя—pardon за выраженіе!—мертвецки пьянымъ, а тысячерублевый рояль оказался ужъ проданнымъ. Я не хотѣлъ поднимать эту грязную исторію, предавать суду этого каналью—pardon за выраженіе!—я выписалъ новый рояль, но все это меня страшно разстроило, страшно разстроило!..

И какъ бы въ доказательство своего разстройства онъ вынулъ платокъ и сталъ поспѣшно вытирать выступившій на лбу потъ.

— О, cher, люди такъ неблагодарны!..—успокоила его Марья Львовна.

— Пойдемте пѣть,—обратилась Ненси къ Лигусу.

— Avant dites la poésie.

Лигусъ поднесъ къ лампѣ тетрадку и продекламировалъ съ чувствомъ:

Спрошу я мысль:—куда летишь?
Отвѣта нѣтъ, отвѣта нѣтъ!...
И сердце:—ты зачѣмъ молчишь?
Отвѣта нѣтъ, отвѣта нѣтъ!

Отвѣта нѣтъ! Но отчего,
Когда гляжу въ лазурь небесъ,
Любви я вижу торжество
И жажду пѣсенъ и чудесъ?!

Я муки глубину постигъ,
Безумной муки многихъ лѣтъ...
На вздохъ души, на сердца крикъ
Отвѣта нѣтъ! Отвѣта нѣтъ!

— Il a du talent,—какъ бы сообщила всему обществу Марья Львовна:—вы не находите, Платонъ Ивановичъ?—окликнула она точно заснувшаго рыжаго прокурора, когда молодые люди вышли въ другую комнату, гдѣ находился рояль.

— Н-да, не безъ дарованія,—глубокомысленно подтвердилъ Пигмаліоновъ.

— Платонъ Ивановичъ дарованья судитъ съ прокурорской точки зрѣнія,—иронизировала Серафима Константиновна.

— Это мнѣ нравится!—захохоталъ Нельманъ.—Позвольте, однако... Я крайне заинтересованъ: мы съ Платономъ Ивановичемъ, оба, являемся какъ бы охранителями общественнаго спокойствія... значитъ, и я... значитъ, и я, въ нѣкоторомъ родѣ долженъ имѣть... какъ это?.. прокурорскую точку зрѣнія на талантъ, а я—директоръ музыкальнаго кружка... Вотъ вы и объясните намъ, милая барыня...

— Мнѣ скучно, это слишкомъ длинно,—проговорила съ гримасой Серафима Константиновна.

— Вотъ, вотъ, вотъ такъ всегда дамы!—хихикалъ Нельманъ: — задѣнутъ, заведутъ, а послѣ и ни съ мѣста! Да-съ! Хе, хе! Система прекраснаго пола... Сирены, сирены!

„Отвѣта нѣтъ, отвѣта нѣтъ!"—доносился изъ залы нѣсколько носового звука, но пріятный теноръ Лигуса.

— Ни тутъ, ни тамъ—отвѣта нѣтъ!—и Нельманъ захохоталъ, страшно довольный своей остротой.

— Моя судьба вся въ этихъ словахъ: „отвѣта нѣтъ!"—проговорилъ Лигусъ, окончивъ романсъ,—но вы... вы не поймете, все равно.

— Прелестно!—крикнула изъ гостиной Марья Львовна, и какъ бы въ подтвержденіе ея словъ раздалось нѣсколько лѣнивыхъ апплодисментовъ.

— Вы меня считаете глупой?—задорно спросила Ненси.

— Я? Васъ?

— Ну да!.. вы говорите... я не могу понять... Я молода, но я все понимаю.

— Нѣтъ, вы *меня* не можете понять.

— Ахъ, вы такой глубокомысленный?!

— Нѣтъ, не хотите.

— А вотъ вы молодой, а точно старикъ—такой чувствительный, такой сентиментальный!..

Ненси захлопнула крышку рояля и пошла, посмѣиваясь, въ гостиную, впереди уныло за нею шагавшаго Лигуса.

Въ гостиной появилось новое лицо—жена директора мѣстной гимназіи—Варвара Степановна Ласточкина, полная, среднихъ лѣтъ дама, съ мелкими чертами на сѣромъ, неинтересномъ лицѣ. Она знала всѣ городскія новости; ея языка боялись, какъ огня, и она поэтому пользовалась большимъ вліяніемъ въ городѣ.

— Я окончательно могу сообщить, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что Войновскій къ балу пріѣхать не можетъ,—тараторила она, обмахиваясь вѣеромъ, съ которымъ никогда не разставалась:—коммиссія, гдѣ онъ засѣдаетъ, продлится еще два мѣсяца, мнѣ это достовѣрно извѣстно.

— Однако, какъ это странно!—мягко замѣтилъ Нельманъ.—Онъ пишетъ мнѣ, что будетъ непремѣнно.

— Не будетъ, не будетъ, не будетъ! Мнѣ это достовѣрно извѣстно. Мнѣ это сказала вчера m-me Ранкевичъ. Онъ обѣщалъ ей привезти модный газъ изъ Петербурга, и m-me Ранке-

вичъ страшно разстроена—приходится ей шить совершенно въ другомъ родѣ платье.

— Мнѣ кажется, свѣдѣнія m-me Ранкевичъ могутъ быть не особенно основательны: коммиссія заканчиваетъ свои дѣйствія черезъ недѣлю,—внушительно произнесъ прокуроръ.

— Ахъ, Платонъ Ивановичъ, какъ вы любите спорить!—вспыхнула Ласточкина.—Я говорю вамъ, что я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ!

Прокуроръ, пожавъ плечами, подошелъ къ Ненси.

— Вы сегодня необыкновенно интересны!—проговорилъ онъ мрачно и повелъ своими рыжими усами.

— Mercі!—отвѣтила Ненси небрежно.

— Балъ безъ него немыслимъ!—горячился Эсперъ Михайловичъ:—безъ него тоска и мертвечина!

— Что онъ—красивъ, уменъ?—спросила Марья Львовна.

— C'est une beauté!—воскликнулъ Эсперъ Михайловичъ:—я въ него влюбленъ, положительно влюбленъ, какъ женщина!.. Великолѣпный ростъ, глаза засыпающаго льва... потомъ уменъ... ума палата!

— Не нахожу!—возразила Ласточкина, презрительно пожимая плечами.

— Ужъ извините—уменъ! Поставилъ городъ образцово, по-барски. Всѣ эти купчины наши злятся, а ничего сдѣлать не могутъ. Онъ баринъ настоящій, родовой, и города теперь узнать нельзя.

— Вы вѣчно спорите, Эсперъ Михайловичъ, а я не нахожу, не нахожу, не нахожу!

— Нѣтъ, человѣкъ онъ интересный,—проронила точно сквозь зубы Серафима Константиновна.

Отвѣтъ Ласточкиной былъ прерванъ появленіемъ лакея, объявившаго, что чай готовъ.

XII.

Залы дворянскаго собранія блещутъ огнями. Одиннадцать часовъ вечера.

У небольшого, кокетливо утопающаго въ зелени пальмъ кіоска Ненси сплошной стѣной толпятся фраки и мундиры. Въ главный буфетъ, гдѣ у чайнаго стола засѣдаетъ сама губернаторша, окруженная цвѣтникомъ интересныхъ дамъ, съ очаровательной улыбкой разливающихъ чай и предлагающихъ бисквиты, то-и-дѣло прибѣгаютъ лакеи съ требованіемъ новыхъ крюшоновъ.

Ненси, въ своемъ бѣломъ, вышитомъ жемчужными бусами платьѣ, очаровательна. Лицо ея сіяетъ, глаза горятъ жаднымъ, лихорадочнымъ блескомъ. Она опьянѣла отъ толпы и успѣха. Она почти автоматически наливаетъ изъ большой хрустальной вазы въ граненые стаканчики янтарную жидкость крюшона; любезная улыбка не сходитъ съ ея алыхъ губъ, а сверкающей брилліантами ручкой она собираетъ обильную дань благотворительныхъ бумажекъ.

— Счастье валитъ!—шепчетъ, въ упоеніи, состоящій при ней Эсперъ Михайловичъ:—еще немного, и унасъ въ кассѣ—семьсотъ.

Ненси вздрогнула отъ удовольствія.

— А, Авениръ Игнатьевичъ!.. Что вы такъ поздно?—привѣтствовала она Лигуса, появившагося передъ кіоскомъ.

Онъ низко нагнулъ свою напомаженную голову и, снова поднявъ ее, прикоснулся губами къ протянутой ручкѣ.

— Я былъ занятъ, кончалъ поэму.

— Какія все глупости! Вы тутъ необходимы.

— Зачѣмъ?

— Чтобы быть у кассы. Бѣдный Эсперъ Михайловичъ совсѣмъ измучился.

— Ай-ай-ай, charmeuse, какая клевета! Я счастливъ, что могу быть вамъ полезенъ,—и онъ чмокнулъ, поймавъ налету ручку Ненси.

— Я постараюсь загладить свою вину,—робко проговорилъ Лигусъ.

— А дѣдушкѣ оставили стаканчикъ... старому солдату?—шутливо басилъ Нельманъ.

Онъ былъ чрезвычайно доволенъ баломъ и собою; онъ считалъ себя красивымъ мужчиной и испытывалъ высшее наслажденіе, когда облекался въ полную парадную форму.

— Сейчасъ, ваше превосходительство!..—откликнулся молодой, стройный поручикъ мѣстнаго полка—Сильфидовъ, старавшійся подражать столичнымъ гвардейскимъ собратьямъ, для чего считалъ почему-то нужнымъ носить брилліантовое колечко на мизинцѣ съ длиннымъ ногтемъ и тоненькую браслетку на правой рукѣ.

Онъ быстро подалъ Ненси чистый стаканъ и ловко поднесъ его, наполненный, Нельману.

— А вы что же это тутъ?—усмѣхнулся Нельманъ, отхлебывая изъ стакана и потряхивая серебромъ своихъ тяжелыхъ эполетъ:—сейчасъ былъ у m-lle Завзятой... Вѣдь вы приставлены

къ цвѣтамъ... Она въ отчаяніи: „пропалъ, говоритъ, мой помощникъ; не знаете ли, гдѣ поручикъ?“ —А онъ, изволите видѣть, здѣсь!.. Нехорошо, молодой человѣкъ, нехорошо! Хе-хе-е!..

— Я только на минуту забѣжалъ помочь...—сконфуженно забормоталъ, весь покраснѣвшій, бѣдный поручикъ.

— И застрялъ... ха-ха-ха-ха!.. Ну ничего!—снисходительно потрепалъ юношу по плечу Нельманъ:—мы сами были молоды, мы сами увлекались... Сколько прикажете?—обратился онъ къ Ненси.

— Чѣмъ больше — тѣмъ лучше! — отозвался изъ глубины кіоска сидѣвшій у кассы Эсперъ Михайловичъ:—у насъ такой prix-fixe.

Нельманъ нахмурился и, доставъ изъ бумажника десятирублевую бумажку, проговорилъ угрюмо:

— Со стараго солдата и этого достаточно!

И убоясь, должно быть, дальнѣйшаго разоренія, съ улыбкой приложился къ ручкѣ Ненси, отвѣсилъ поклонъ и проворно заковылялъ отъ кіоска.

— Какъ у васъ идетъ?—у самаго уха Ненси раздался пѣвучій голосъ m-me Ранкевичъ.

— Mercі, очень хорошо,—отвѣтила Ненси.

— Полковникъ, надо поддержать, — пропѣла m-me Ранкевичъ командиру полка Ерастову, съ которымъ стояла подъ-руку, причемъ прижалась такъ къ его плечу, что ея пышная правая грудь поднялась еще выше, рискуя перейти за положенные для декольте́ предѣлы.

О связи съ губернаторомъ этой дебелой красавицы было извѣстно цѣлому городу, да и она сама даже какъ бы бравировала своей ролью, не стѣсняясь носила роскошныя платья и усыпала себя брилліантами, несмотря на скромное положеніе мужа—правителя канцеляріи. Мужъ, высокій, плотный одноглазый хохолъ, впрочемъ, былъ очень доволенъ, повидимому, выпавшей на его долю судьбой. Входя въ соглашеніе съ подрядчиками, онъ обдѣлывалъ грязныя дѣлишки и тоже наживалъ деньгу. Въ городѣ эту чету не любили, но терпѣли по необходимости, и даже сама губернаторша, вѣчно страдающая экземой на лицѣ, но высокихъ душевныхъ качествъ женщина, прекрасно зная шашни своего невзрачнаго супруга, приглашала m-me Ранкевичъ на всѣ свои благотворительныя затѣи.

— У насъ сегодня аллегри идетъ неважно, — произнесла m-me Ранкевичъ съ грустной гримаской:—мнѣ кажется, эта выдумка неудачна: балъ и аллегри несовмѣстимы... Сильфидовъ!

вы придете ко мнѣ испытать счастье,—обратилась она, слащаво улыбаясь, къ появившемуся опять возлѣ кіоска поручику.

— Сочту долгомъ!—смущенно пробормоталъ тотъ.

Онъ спустилъ послѣдніе двадцать-пять рублей у кіоска Ненси, и въ карманѣ его ощущалась абсолютная пустота. Но m-me Ранкевичъ отнесла его смущеніе къ силѣ ея неотразимой прелести и, перегнувшись черезъ полковника, подставляя къ глазамъ юноши свои черезчуръ откровенно раскрытыя формы, повторила съ тою же плѣнительной улыбкой:

— Такъ смотрите—я васъ жду!

Оркестръ, на хорахъ, заигралъ вальсъ.

— Могу я васъ просить?..—расшаркнулся передъ Ненси Сильфидовъ.

— Эсперъ Михайловичъ!.. Авениръ Игнатьевичъ!.. Я оставляю на васъ мое хозяйство,—и съ улыбкою, поклонясь m-me Ранкевичъ, Ненси вышла изъ кіоска.

Подъ плавный ритмъ вѣнскаго вальса тихо скользили, волнообразно двигаясь, танцующія пары.

Граціозно пригнувъ головку, Ненси смотрѣла черезъ плечо своего кавалера, и въ мѣрномъ круженіи мелькали передъ нею блестящіе квадраты паркета и блестки граненыхъ хрустальныхъ подвѣсокъ подъ люстрами, мелькали взмахи бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ, желтыхъ дамскихъ воздушныхъ платьевъ и черныя фигуры мужчинъ, и обтянутые желтымъ трипомъ бѣлые стулья, и стѣны съ лѣпными украшеніями, и расписанный живописью потолокъ. Казалось, все и вся участвовало въ общемъ весельѣ, и ликовало и радовалось вмѣстѣ съ Ненси, утопая въ волнахъ чарующаго вальса.

И среди этого хаоса, среди пестрой смѣси красокъ, звуковъ, огней, мелькнуло передъ Ненси незнакомое ей лицо высокаго, статнаго господина. Лѣнивыя, полузакрытыя вѣки скрывали наполовину величину его великолѣпныхъ черныхъ глазъ; небольшіе темные усы изящно окаймляли пунцовыя, полныя губы; вся осанка дышала благородствомъ; голова съ пышными сѣдѣющими кудрями держалась нѣсколько надменно на широкихъ, могучихъ плечахъ.

Ненси все кружилась и кружилась. Завитки ея волосъ слегка колыхались отъ горячаго дыханія счастливаго ея близостью поручика, и мѣрное звяканье его шпоръ пріятно раздражало ей слухъ. Вотъ теперь мелькнула сидящая въ углу, рядомъ съ m-me Ласточкиной, и бабушка. Ненси послала ей издали счастливую улыбку.

„Милая бабушка! еслибы она знала, какъ весело кружиться“!..

И Ненси радовалась своей молодости, кружась въ безпечномъ упоеніи.

Дыханіе Сильфидова сдѣлалось прерывистымъ—онъ началъ уставать и не такъ ужъ мѣрно позвякивалъ шпорами.

Когда огибали еще разъ залъ, глаза Ненси встрѣтились съ пристально на нее устремленнымъ взглядомъ черныхъ глазъ того высокаго господина. Это было внезапно и такъ мимолетно, какъ блескъ молніи средь мглы темныхъ тучъ; но Ненси почему-то вздрогнула и, запыхавшись, велѣла своему кавалеру остановиться.

У ея кіоска ожидала цѣлая толпа жаждущихъ протанцовать съ нею. Но она почти упала на стулъ, и, улыбаясь счастливою, веселой улыбкой, обмахиваясь вѣеромъ, прошептала съ трудомъ:

— Устала... не могу!

— Войновскій здѣсь!—сообщилъ Эсперу Михайловичу Сильфидовъ, едва переводя дыханіе и отирая батистовымъ платкомъ обильно выступившій на лбу потъ.

— Гдѣ? гдѣ?—даже привскочилъ съ мѣста Эсперъ Михайловичъ.—А-а, вижу!.. Молодчина! Значитъ, прямо съ поѣзда и уже окруженъ дамами, какъ всегда.

„Такъ это, значитъ, Войновскій!“ — находясь еще въ чаду головокружительнаго вальса, подумала Ненси.

— Я на минуточку васъ оставлю, — всполошился Эсперъ Михайловичъ.—Авениръ Игнатьевичъ! вотъ вамъ касса.

И подвинувъ Лигусу малахитовую шкатулку, переполненную деньгами, онъ съ легкостью юноши помчался въ самый центръ залы, ловко лавируя между танцующими парами.

Лакей принесъ новый полный крюшонъ. Только-что налитое холодное шампанское, пѣнясь, играло вокругъ сочныхъ кусковъ апаната.

— Кто начинаетъ? — бойко спросила Ненси, окончательно вошедшая въ роль очаровательной продавщицы усладительнаго нектара.

— Я!—мрачно оповѣстилъ Пигмаліоновъ, все время болтавшійся у кіоска.

— Послушайте: кто эта интересная блондинка?—спросилъ Войновскій юлившаго подлѣ него Эспера Михайловича.

— Ага! замѣтилъ, старый грѣшникъ? Внучка Гудауровой. Знаете — извѣстная богачка.

— Представьте меня ей.

— Мы прежде къ бабушкѣ.

— Давно онѣ пріѣхали сюда? — разспрашивалъ Войновскій шедшаго съ нимъ подъ-руку Эспера Михайловича.

— Уже два мѣсяца.

— Гудауровы... Гудауровы...—задумчиво произнесъ Войновскій:—мой братъ двоюродный... кажется, женатъ на Гудауровой...

Марья Львовна подтвердила его догадку, напомнивъ, что даже знавала его еще юношей.

— Мы, значитъ, родственники... отчасти... и я прихожусь дядей вашей прелестной внучкѣ?

— Она дѣйствительно прелестна... прелестна и умна,—съ гордостью добавила Марья Львовна.

— Сейчасъ веду знакомить, — предупредительно сообщилъ Эсперъ Михайловичъ.

Хрустальная чаша уже была опорожнена. Вальсъ кончился, и цѣлая гурьба молодыхъ офицеровъ кольцомъ оцѣпила кіоскъ. Они стояли съ полными стаканами, сверкая молодостью и золотомъ эполетъ, и, громко смѣясь, говорили всѣ почти въ одно время.

— Однако здѣсь не проберешься,—раздался среди общаго гама чей-то бархатный, низкій голосъ.

Ненси, вся улыбающаяся, оживленная, подняла глаза и сразу потупила ихъ, отъ неожиданности. Передъ нею, среди разступившейся молодежи, стояла статная фигура Войновскаго, подъ-руку съ Эсперомъ Михайловичемъ.

— Я вамъ привелъ нашего льва,—проговорилъ онъ съ нѣкоторой хвастливостью.

— Ну, ну, зачѣмъ такъ страшно?—остановилъ его шутливо Войновскій:—такъ можно испугать... Позвольте представиться: фамилія моя вамъ не совсѣмъ чужда, такъ какъ ее носитъ вашъ батюшка... И, что̀ мнѣ было особенно пріятно сейчасъ узнать—мы съ вами даже родственники.

— Да, да!—подхватилъ Эсперъ Михайловичъ.—Прошу быть почтительной племянницей.

— Довольно, если снисходительной, — любезно поправилъ его Войновскій. — Однако мы здѣсь—чтобы благотворить, не правда ли? Я вижу у всѣхъ полные бокалы—позвольте и мнѣ...

Онъ небрежно, но съ достоинствомъ наклонилъ свою красивую голову.

Ненси, наполняя стаканъ, неловко плеснула на розовый атласъ стола кіоска.

— Ой-ой-ой, какое полное счастье, если вѣрить предразсудкамъ! — воскликнулъ Войновскій, принимая съ поклономъ стаканъ изъ ея рукъ.

— Но всякое открытіе чѣмъ-нибудь знаменуется. Позвольте же ознаменовать и наше такъ неожиданно открывшееся родство: я хочу чокнуться съ вами...

— Да! да! да!.. мы просимъ тоже!—раздалось кругомъ.

— А вы еще не чокались? Ой, господа!.. Какая же вы молодежь!..—укоризненно покачалъ головой Войновскій.

Растерявшаяся Ненси вопросительно смотрѣла на Эспера Михайловича.

— Да, да, нельзя! —подхватилъ тотъ торопливо и самъ налилъ ей бокалъ.

Ненси, конфузясь, чокнулась съ Войновскимъ и въ замѣшательствѣ выпила залпомъ.

— Вотъ это отъ сердца!—весело воскликнулъ Войновскій.— Но я хочу быть справедливымъ: за что же обижать столь милыхъ молодыхъ людей?—онъ указалъ на офицеровъ:—вамъ нужно чокнуться со всѣми.

— Въ пользу бѣдныхъ!—съострилъ Сильфидовъ, услужливо протягивая ей бокалъ.

И Ненси стояла за своимъ розовымъ атласнымъ столомъ взволнованная, недоумѣвающая; надъ ея головой колыхались развѣсистыя пальмы, въ ушахъ отдавался звонъ чокающихся хрустальныхъ бокаловъ, а на нее прямо въ упоръ смотрѣли два черныхъ огненныхъ глаза.

Ненси привыкла читать въ глазахъ мужчинъ восторгъ и затаенную страсть, но это былъ совсѣмъ другой, незнакомый ей взглядъ—созерцающій, пронизывающій, властный...

Преодолѣвъ свою робость, она, въ первый разъ, прямо и открыто взглянула ему въ глаза, а въ отвѣтъ на ея взглядъ, въ глубинѣ его темныхъ зрачковъ, блеснулъ и загорѣлся страстный, зловѣщій огонь.

Никто не замѣтилъ этой неуловимой мимической сцены, никто, кромѣ вездѣ поспѣвающаго и всевидящаго Эспера Михайловича.

„Клюнуло!“—подумалъ онъ съ легкой иронiей.

— Ты не устала, chère enfant?—озабоченно спросила Марья Львовна, подойдя къ кіоску въ сопровожденіи вице-губернатора.

— Нѣтъ, бабушка, мнѣ страшно весело!

— Ну, веселись, дитя, не буду тебѣ мѣшать.

И Марья Львовна, величественно волоча шлейфъ своего изящнаго сѣраго платья, поднялась, по обитымъ краснымъ сукномъ ступенькамъ, на возвышеніе, гдѣ помѣщался главный буфетъ. Очаровательныя дамы имѣли нѣсколько усталый видъ и

уже не такъ ретиво предлагали своимъ гостямъ чай и бисквиты. Губернаторша съ трудомъ боролась со сномъ, но твердо рѣшила перетерпѣть все до конца „ради бѣдныхъ“. Ея мужъ сидѣлъ тутъ же. M-me Ранкевичъ успѣла ему сдѣлать, въ проходной гостиной, короткую, но чувствительную сцену, по поводу неудачнаго аллегри. И хотя въ это время комната была пуста и всѣ были заняты танцами, но онъ очень боялся чуткаго уха какого-нибудь таинственнаго сосѣда, охотника до чужихъ секретовъ, и потому сидѣлъ теперь злой и нахохлившись, какъ индѣйскій пѣтухъ. Появленіе Марьи Львовны всѣхъ сразу оживило—ждали крупнаго куша.

— Простите, je suis un peu en retard,—извинилась она.

Затѣмъ, принявъ изъ рукъ жены полкового командира синюю севрскую чашку съ полу-холоднымъ чаемъ и положенный на тарелочкѣ самой губернаторшей кусочекъ англійскаго кекса, Марья Львовна любезно передала ей сторублевую бумажку.

— Балъ очень, очень удался.

— Да, да—поспѣшно подхватила вице-губернаторша, еще молодая, но чрезвычайно толстая, страдающая одышкой дама.

— Жоржъ,—обратилась она къ своему мужу,—ты, кажется, говорилъ, что у крюшона около тысячи?

— Потомъ цвѣты... аллегри... нашъ буфетъ...

— Пожалуй, тысячи четыре соберется!—уныло пробормоталъ губернаторъ.

— Дай Богъ, дай Богъ!—сентиментально вздохнула губернаторша.

Въ залѣ танцовали вѣчно юную, неувядаемую мазурку. Въ нишѣ, задрапированной желтымъ штофомъ, у широкаго полукруглаго окна, стоялъ Ранкевичъ съ городскимъ архитекторомъ Заѣловымъ и, держа его за пуговицу фрака, таинственно съ нимъ бесѣдовалъ, при чемъ его единственный глазъ выражалъ немалое безпокойство.

— Такъ сѣно, говорите вы, гнилое?—спрашивалъ Заѣловъ.

— Да, т.-е., попросту, меня надули—вся партія оказалась гнилая... Прельстили дешевизной...

— Н-да... непріятно,—хитро усмѣхнулся въ свою русую бородку архитекторъ.

— Не знаю, что и дѣлать... надули въ лучшемъ видѣ.

— Есть у меня одинъ такой... субъектъ,—небрежно будто обмолвился Заѣловъ, глядя разсѣянно на танцующихъ и играя кистью тяжелой портьеры.—Конечно, надо дать процентъ приличный...

Глазъ Ранкевича загорѣлся радостью.

— Устройте, дорогой, — шепнулъ онъ торопливо. — Вы знаете... весною... насчетъ проекта хлѣбныхъ магазиновъ... въ долгу я не останусь.

Скрипачи, напрягая послѣднія силы, старались удержать веселое настроеніе бала до конца; но ихъ усталыя руки съ трудомъ водили по струнамъ.

Бѣлыя, розовыя, желтыя, голубыя воздушныя платья дамъ имѣли уже нѣсколько поблекшій видъ... Полу-растрепанныя прически, утомленные глаза, лѣнивыя, разсѣянныя улыбки... Балъ приходилъ къ концу.

„Мнѣ было весело сегодня,—писала мужу вернувшаяся домой Ненси,—и весело, и страшно, не знаю почему“...

XIII.

На другой день Войновскій явился съ визитомъ. Просидѣлъ около часу и откланялся, получивши приглашеніе Марьи Львовны бывать запросто, по родственному. Вскорѣ онъ воспользовался этимъ приглашеніемъ, какъ-то вечеромъ, но пробылъ тоже очень недолго.

— Какой очаровательный!..—говорила о немъ Марья Львовна.

А Ненси не знала, что̀ ей дѣлать: сердиться, обижаться или радоваться. Ее поражалъ странный, какъ бы оффиціальный тонъ его визитовъ. Передъ нею былъ другой человѣкъ—не тотъ загадочный, чарующій Войновскій, встрѣча съ которымъ такъ взволновала ее на балу. Отъ этого вѣяло холодомъ и какою-то напускною сдержанностью. Однако, скоро все перемѣнилось. Войновскій сталъ каждый день посѣщать прелестный особнякъ, предпочитая, впрочемъ, день вечеру, когда гостиную Гудауровыхъ наводняли обычные посѣтители. Онъ съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ и бабушкѣ, и внучкѣ. Съ нимъ совѣтовались, ему передавали подробно о всѣхъ мелкихъ событіяхъ дня, его посвящали въ планы будущаго, знакомили съ воспоминаніями прошлаго. А когда раздавался у дверей его увѣренный, порывистый звонокъ, Ненси первая спѣшила ему на встрѣчу. Онъ нѣжно цѣловалъ ея ручку или изрѣдка „бѣленькій, хорошенькій лобикъ“, позволяя себѣ эту вольность въ качествѣ стараго, добраго родственника. Онъ иногда пропускалъ день-два; тогда къ нему тотчасъ же посылалась записка съ вопросомъ о здоровьѣ, а лучистые глазки Ненси блестѣли еще привѣтливѣе при встрѣчѣ.

Онъ велъ свою аттаку спокойно, смѣло, какъ ловкій шахматный игрокъ, предвидя напередъ всѣ ходы, готовя вѣрный шахъ и матъ неопытному противнику.

Ненси любила его плавную, бархатную рѣчь, полную остроумія; любила просиживать съ нимъ часы, болтая, весело смѣясь, толкуя о любимѣйшихъ произведеніяхъ искусства, уносясь мыслью въ далекіе знакомые музеи, или пыталась, при его помощи, разрѣшать сложные вопросы жизни, становившіеся для нея съ каждымъ днемъ все загадочнѣе, заманчивѣе и интереснѣе. Она, какъ бабочка, летѣла на огонь, не замѣчая той властной силы, что̀ больше и больше сковывала ея свободу.

Однажды, сидя съ нимъ въ своемъ уютномъ голубомъ будуарѣ, она разсказала ему исторію своей любви и замужества. Онъ взялъ ее за голову и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Бѣдная, бѣдная крошка!..

Она разсердилась, хотя ей было очень пріятно, что онъ пожалѣлъ ее. Да!.. она—бѣдная!.. и онъ сказалъ ей то же, что̀ говорила когда-то бабушка и что̀ за послѣднее время особенно жгуче стала ощущать сама Ненси... Она—бѣдная: она отдала свое чувство мальчику, который не съумѣлъ даже должнымъ образомъ оцѣнить его. При первомъ же столкновеніи съ жизнью, онъ предпочелъ разлуку маленькой сдѣлкѣ съ самолюбіемъ... Да, Ненси очень, очень несчастна!

...А онъ говорилъ еще много-много: и о томъ, что жизнь коротка, и о томъ, что счастье—только въ любви. Въ самой природѣ—въ этомъ вѣчномъ движеніи, въ непрестанномъ обмѣнѣ веществъ—страсть, повсюду страсть, всесильная, могущественная!.. Его голосъ звучалъ то нѣжно, то восторженно, то опускался до шопота. Голова съ сѣдыми кудрями наклонялась къ ней все ближе и ближе, а черные, отуманенные страстью глаза влекли къ себѣ неотразимо...

Руки Ненси, помимо ея воли и сознанія, обвились сами собою вокругъ его шеи, и она почувствовала на своихъ губахъ прикосновеніе его горячихъ губъ... Въ глазахъ потемнѣло, сердце точно сдавили желѣзные тиски... Она слабымъ усиліемъ оттолкнула его отъ себя.

— Какъ только выпадетъ первый снѣгъ, я буду совсѣмъ, совсѣмъ счастливъ, — заговорилъ снова Войновскій, пожимая нѣжно ручку Ненси.—Зима нынѣче что-то запоздала, а ужъ декабрь на дворѣ.

Не долго, впрочемъ, пришлось ждать желаннаго снѣга. Какъ-

то, утромъ, Ненси, проснувшись, увидѣла улицу, сплошь покрытую бѣлымъ, пушистымъ покровомъ. Снѣгъ шелъ всю ночь.

— Ну, снѣгъ выпалъ—и мы ѣдемъ кататься, — объявилъ Войновскій, входя съ оживленнымъ, радостнымъ лицомъ.—Ѣдемъ сейчасъ; я выпросилъ у бабушки малютку Ненси.

— Сейчасъ?

У Ненси затрепетало сердце; она убѣжала къ бабушкѣ.

— Борисъ Сергѣевичъ, я вамъ ее поручаю—смотрите, чтобы не простудилась, — озабоченно внушала Войновскому Марья Львовна.

У подъѣзда стоялъ вороной рысакъ, запряженный въ щегольскія маленькія санки.

— Я безъ кучера, буду править самъ,—это веселѣе,—сказалъ Войновскій.—Ступай домой и напомни Матвѣю, что сегодня за обѣдомъ—чужіе. Обѣдъ будетъ въ половинѣ седьмого,—приказалъ онъ высокому мужику, державшему лошадь подъ уздцы.

Ненси прыгнула въ сани. Снѣгъ шелъ мягкими хлопьями, капризно кружась въ воздухѣ; пятиградусный морозецъ пріятно пощипывалъ кожу.

Взрывая дѣвственный снѣгъ, поскрипывая полозьями, быстро мчались сани по отдаленнымъ улицамъ и, наконецъ, выѣхали за городъ.

— Какая прелесть!—восхищалась Ненси, указывая на поля.—Сколько поэзіи въ этомъ бѣлоснѣжномъ просторѣ!

Спутники ѣхали уже около часу. Показалась опушка сосноваго лѣса, рѣзкой синеватой полоской обозначившаяся на горизонтѣ.

— А вотъ и нашъ пріютъ,—указалъ Войновскій на хорошенькій рѣзной домикъ, съ балкончикомъ и бельведеромъ, словно прильнувшій къ лѣсу.

— Зачѣмъ?—испуганно спросила Ненси.

— Чтобы отдохнуть и согрѣться... выпить стаканъ вина.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—не надо!

Войновскій улыбнулся.

— Вотъ такъ трусиха!.. Вѣдь я не волкъ—не съѣмъ Красную Шапочку... Это мой охотничій домикъ и всѣми въ городѣ очень любимый. Когда устраиваютъ пикники, обыкновенно здѣсь сервируютъ завтракъ или ужинъ и превесело проводятъ время... Но... не желаю быть навязчивымъ!..—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ добавилъ онъ.—Не хочетъ прелестная племянница посѣ-

тить мою хибарку—Богъ съ нею!.. Доѣдемъ только взглянуть хотя снаружи.

Онъ пустилъ шагомъ вспѣнившуюся лошадь, лѣниво бросивъ возжи.

Ненси почувствовала себя виноватой, и любопытство, смѣшанное со страхомъ, волновало ея молодую грудь. Въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ дурного, если войти?.. Это такъ интересно—похоже на экскурсію... Она осматриваетъ какой-нибудь достопримѣчательный домъ!..

— Тамъ много рѣдкихъ вещей, — точно отвѣтилъ на ея мысли Войновскій.—Старинныя картины, бронза, мебель и цѣлая коллекція настоящихъ кружевъ. У меня мать была любительница, но послѣ я собиралъ еще и самъ.

Сердце Ненси усиленно билось; она упорно молчала. Неясная, но упрямая мысль давила мозгъ. По мѣрѣ приближенія къ домику, взглядъ Ненси становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Ну, вотъ мы и у цѣли,—грустно вздохнувъ, произнесъ Войновскій, когда сани подкатились къ крылечку съ рѣзной рѣшоткой и навѣсомъ.—„Поцѣлуемъ пробой и поѣдемъ домой“,—пошутилъ онъ. — Прикажете повернуть? — и онъ натянулъ уже правую возжу.

Ненси вспыхнула.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я хочу посмотрѣть... кружева,—договорила она смущенно и тихо-тихо.

Войновскій, какъ бы нехотя, сталъ отстегивать полость, помогъ Ненси выйти изъ саней, досталъ изъ кармана американскій ключъ и отворилъ тяжелую дубовую дверь. Дверь захлопнулась, и Ненси, смущенная, очутилась въ высокой, темноватой передней.

Со стѣны тянулись развѣсистые, причудливые оленьи и лосиные рога; голова дикаго вепря свирѣпо показывала свои бѣлые клыки; большой бурый медвѣдь, разинувъ пасть, опирался на суковатую дубину, и, распустивъ пушистый хвостъ, вытягивала свою хитрую мордочку рыжая лисица.

— Ой, какъ здѣсь страшно!—пролепетала Ненси совсѣмъ по-дѣтски.

Войновскій сбросилъ съ себя шубу.

Приблизившись къ ней, онъ сталъ разстегивать воротъ ея шубки. Руки его слегка дрожали—онъ былъ взволнованъ.

— И придумаютъ же эти женщины такіе невѣроятные крючки!—смѣялся онъ дѣланнымъ смѣхомъ.

Когда упрямый крючокъ соскочилъ съ петли, Войновскій по-

рывистымъ, нетерпѣливымъ движеніемъ стащилъ шубку съ плечъ Ненси.

— „Привѣтъ тебѣ, пріютъ прелестный!“—пропѣлъ онъ пріятнымъ баритономъ, приподнимая тяжелыя гобеленовыя драпри. Такіе же гобелены сплошь покрывали стѣны шестиугольной комнаты, куда ввелъ Войновскій свою гостью.

По срединѣ стоялъ дубовый, съ выточенными фигурами столъ, окруженный высокими старинными стульями. Шесть стрѣльчатыхъ готическихъ оконъ своими разноцвѣтными стеклами придавали комнатѣ нѣсколько мрачный, таинственный характеръ. На столѣ красовалась серебряная, великолѣпной работы ваза—Бахусъ, держащій въ рукѣ хрустальную чашу. Янтарный ананасъ горделиво поднималъ свою перистую зеленую голову; ароматныя дюшессы лѣпились вокругъ него, оттѣняемыя прозрачными гроздьями винограда. Въ старинной грани кувшинѣ, съ серебряной ручкой, искрилось вино, а изъ стоявшаго тутъ же серебрянаго ведра аппетитно выглядывала бутылка шампанскаго.

Ненси отступила въ смущеніи.

Онъ слегка обнялъ ея гибкій станъ.

— Ну, пойдемъ осматривать мое хозяйство.

Домъ былъ точно заколдованный. Люди въ домѣ отсутствовали.

Когда они вернулись въ гобеленовую комнату, Войновскій усадилъ Ненси въ одно изъ рѣзныхъ креселъ.

— Впрочемъ, здѣсь неудобно...

Ненси дѣйствительно было неловко сидѣть въ глубокомъ креслѣ, съ его высокою, твердою спинкой.

— Дитя мое, тамъ будетъ лучше—на софѣ.

Ненси послушно перешла на широкую, покрытую гобеленовымъ ковромъ софу; а онъ, поставивъ на низенькій столикъ тарелку съ фруктами и вино, присѣлъ тутъ же, на небольшой табуреткѣ.

— Вамъ такъ неловко, — проговорила Ненси, не зная, что сказать.

— Нѣтъ, милая, мнѣ хорошо...

— Кто это все здѣсь приготовилъ?.. точно въ сказкѣ!..

Немного прозябшая Ненси съ наслажденіемъ прихлебывала вино.

— И какое славное вино!..

— Правда?.. Это—кипрское, настоящее кипрское! А приготовилъ все Аѳанасій, мой бывшій деньщикъ. Онъ здѣсь живетъ, при домѣ. У меня тутъ и погребъ... всегда есть всѣ припасы.

Я часто останавливаюсь здѣсь, послѣ охоты, отдохнуть... И, какъ видишь, дитя мое, люблю полный комфортъ.

Онъ потрепалъ ее по щечкѣ. Ненси немного отстранилась.

— Что ты точно чужая сегодня? Вотъ чудачка-то!.. Не хочешь оставаться здѣсь, такъ поѣдемъ домой.

Онъ, недовольный, всталъ съ мѣста и ходилъ по комнатѣ, напѣвая въ полголоса.

Ненси сама почувствовала, что она какая-то чужая, и этотъ такой близкій ей человѣкъ, безъ котораго, за послѣднее время, она дня не могла провести, онъ тоже ей совсѣмъ, совсѣмъ чужой... а уйти не хочется.

— Такъ ѣдемъ?

Войновскій остановился передъ нею въ выжидательной позѣ и глядѣлъ куда-то, поверхъ ея головы, равнодушными глазами.

Ненси приподнялась и снова сѣла.

— А... а кружева?..—щеки ея зардѣлись.

— Вотъ то-то, глупенькая!—засмѣялся Войновскій.

Онъ опустился рядомъ съ нею на софу и, обнявъ ее одною рукою, другою поднесъ стаканъ къ ея губамъ.

— Выпей лучше еще винца; вѣдь это—кипрское... нектаръ... понимаешь? Ну, чокнемся и... пей! О, это—вѣрный, вѣрный другъ!—воскликнулъ онъ, опоражнивая свой стаканъ.—Все... все измѣнитъ... женщины, друзья... а это—никогда!.. Странно—ты не любишь вина... Я научу тебя любить его!.. Ахъ, да!.. Я и забылъ...

Онъ съ необычайною ловкостью вскочилъ съ мѣста, отперъ низенькій дубовый шкафъ и бросилъ на колѣни Ненси цѣлую груду нашитыхъ на атласныя полосы кружевъ. Какъ о живыхъ людяхъ, разсказывалъ онъ исторію каждаго кусочка этихъ кружевъ, а Ненси, проникаясь, съ благоговѣніемъ всматривалась въ тонкія паутины причудливыхъ узоровъ. Вдругъ она смутно вспомнила о мужѣ.

— Пора домой!..—проговорила она спѣшно.

— До-м-ой?—удивленно протянулъ Войновскій.—Но ты еще не выпила шампанскаго за мое здоровье... Ты меня кровно, кровно обидишь!

Онъ ловкимъ, привычнымъ движеніемъ откупорилъ бутылку.

— Выпьемъ, дитя, за нашъ первый поцѣлуй! — произнесъ онъ, съ блестящими глазами. Онъ былъ поразительно красивъ въ эту минуту.

Ненси печально покачала головой.

Онъ крѣпко, судорожно сжалъ ея холодную руку. Мрачный

огонь въ глазахъ Ненси, ея дикость, смущеніе—раздражали и опьяняли его сильнѣе вина.

— Эхъ, милая! Когда тебѣ будутъ говорить о мукахъ, о страданіяхъ—не вѣрь! Все это вздоръ, утопіи! Будь весела и празднуй праздникъ жизни!.. Вѣдь ты меня любишь... любишь... любишь?

Точно могучій вихрь налетѣлъ на Ненси, опалилъ ея щеки. Зажмуривъ глаза, она бросилась въ объятія Войновскаго, съ дикой, безумной тоской отвѣчала она на поцѣлуи и ласки, какъ бы упиваясь ихъ ядомъ и готовая умереть...

XIV.

По возвращеніи домой, Ненси нашла на письменномъ столѣ письмо отъ Юрія. Съ сильно бьющимся сердцемъ схватила она конвертъ и положила, не распечатывая, въ карманъ.

Послѣ обѣда она попросила бабушку почитать ей вслухъ. Но Жипъ своимъ тонкимъ цинизмомъ нисколько не развеселила ее. Она лежала съ закрытыми глазами и все думала о комнатѣ съ готическими окнами и о нераспечатанномъ письмѣ, лежащемъ въ ея карманѣ.

Вечеромъ пришли бабушкины партнеры. Марья Львовна за послѣднее время пристрастилась къ картамъ.

— Тебѣ надо немного уснуть,—ты устала отъ воздуха... Отдохни до чаю.

Бабушка, нѣжно ее поцѣловавъ, поспѣшила къ своимъ гостямъ.

Пришелъ Войновскій. Ненси услыхала его голосъ. Она вскочила и повернула ключъ въ дверномъ замкѣ.

Дрожащими руками разорвала она конвертъ и стала читать. Въ письмѣ Юрій изливался въ восторгахъ по поводу игры заѣзжей знаменитости. Онъ на цѣлыхъ шести страницахъ самымъ тщательнымъ образомъ разбиралъ исполненіе піанистомъ классическихъ музыкальныхъ пьесъ. Въ концѣ слѣдовала приписка. Юрій извѣщалъ, что выѣдетъ изъ Петербурга 22-го, и въ сочельникъ, вечеромъ, обниметъ свою Ненси и маленькую дочку.

Изъ гостиной доносились голоса спорящихъ за картами. Ненси слышала, какъ Войновскій тихо подошелъ къ двери и нажалъ ручку. Сердце Ненси забилось сильно-сильно, но она не двинулась съ мѣста, съ болью прислушиваясь къ удаляющимся

шагамъ. Она встала съ кушетки, шатаясь, какъ пьяная. Почти срывая съ себя платье, она раздѣлась и бросилась въ кровать.

Въ столовой ее давно ужъ ожидали къ чаю. Встревоженная бабушка сама пришла за нею. Ненси отворила дверь. Ея смертельная блѣдность перепугала старуху.

— Доктора!.. Сейчасъ же доктора!

— Доктора не надо!—почти повелительно произнесла Ненси. — У меня просто разстроены нервы. Пришли мнѣ чаю съ виномъ—я согрѣюсь и засну.

Выслушавъ разсказъ бабушки о нездоровьѣ Ненси, Войновскій не повелъ бровью, посовѣтовавъ, какъ самое лучшее средство, оставить ее одну.

Всевѣдущій Эсперъ Михайловичъ, какимъ-то чудомъ пронюхавшій о катаньѣ, отвернулся, чтобы скрыть двусмысленную улыбку, игравшую на его губахъ.

На другой день бабушка попросила Ненси съѣздить вечеромъ къ m-me Ласточкиной.

— Ты знаешь, chère enfant, седьмой десятокъ уже даетъ мнѣ себя знать, пріучайся ѣздить одна—tu es mariée. Я такъ устала, что никого не буду принимать сегодня, и лягу спать пораньше.

„Вечеромъ насъ не будетъ дома“,—послала Ненси записку Войновскому, зная, что онъ непремѣнно придетъ.

Когда она уже стояла, совсѣмъ готовая, надѣвая шляпку передъ зеркаломъ, онъ вошелъ въ ея комнату.

— J'ai deux mots à vous dire.

Ненси выслала горничную.

— Вотъ что,—проговорилъ онъ торопливо, не глядя на нее и цѣлуя ея дрожащую руку.—Я посижу съ бабушкой, а черезъ часъ ты подъѣзжай къ казармамъ—я буду тамъ. Кучера отпусти сейчасъ—скажи, чтобы за тобой не пріѣзжалъ... возьмешь извозчика.

Ненси, съ замирающимъ сердцемъ, прослушала его торопливое, страстное приказаніе и твердо рѣшила поступить иначе; но, подъѣхавъ къ дому Ласточкиной, совершенно неожиданно для себя самой, велѣла кучеру ѣхать распрягать лошадей, сказавъ, что вернется на извозчикѣ.

Она застала директоршу одну.

— Мужъ, какъ всегда, въ своемъ противномъ клубѣ,—заявила Ласточкина желчно.—Ахъ, моя прелесть, какъ мило, что вы заѣхали!.. Вы знаете, чѣмъ я была занята сейчасъ?—Она указала на ворохъ печатныхъ и литографированныхъ пьесъ. — У

насъ, въ „Кружкѣ“,—спектакль, въ январѣ... такъ выбираю пьесу... Но, просто бѣда, нѣтъ ничего подходящаго... бьюсь-бьюсь—не нахожу!

— Развѣ такъ трудно это?

— Ахъ, душечка, вы слишкомъ молоды—вамъ не понять... Тысячи условій: во-первыхъ,—въ полголоса сообщила она,—губернаторъ намекнулъ, чтобы была подходящая роль для m-me Ранкевичъ. Это намъ всѣмъ такъ непріятно, но дѣлать нечего—надо ему угодить! Я выбрала „Цѣпи“... Знаете „Цѣпи“? Это очень, очень хорошая пьеса... Я хотѣла васъ, мой ангелъ, просить сыграть тамъ дѣвочку—прелестнѣйшая роль. Но, вотъ, послушайте, какое затрудненіе; тамъ двѣ главныя роли: безнравственная и нравственная. Предложить безнравственную m-me Ранкевичъ—она можетъ обидѣться, приметъ за намекъ; играть безнравственную мнѣ—невозможно: она должна быть старше m-me Ранкевичъ, а я въ жизни, а на сценѣ—тѣмъ болѣе, гораздо ея моложе, гораздо субтильнѣе. Вотъ тутъ и разберись... Я просто голову теряю!

Ненси разсѣянно слушала сѣтованія потерявшей голову директорши.

Изъ столовой раздался мѣрный бой часовъ... Девять! Ненси поспѣшно встала.

— Куда вы такъ рано? И безъ чаю! — удивилась Ласточкина.

— Я уже больше часу у васъ,—точно извиняясь, торопливо проговорила Ненси. — Я опять скоро, скоро пріѣду къ вамъ, а теперь мнѣ надо... еще въ одно мѣсто...

Въ лихорадочной тревогѣ, вся трепещущая, бросилась Ненси на улицу.

Съ тѣхъ поръ Ненси стала чуть не каждый день и подъ разными предлогами отлучаться изъ дому. Бабушка зорко слѣдила за нею, угадывая причину, но не рѣшаясь показывать вида.—„Что дѣлать? Въ жизни женщины это неизбѣжно“.—Бабушка была только очень обижена неоткровенностью Ненси...

Горячечнымъ сномъ пролетѣлъ для Ненси декабрь—и наступилъ канунъ сочельника.

Съ утра Ненси овладѣлъ паническій ужасъ. Наскоро одѣвшись, она отправилась въ комнату къ бабушкѣ.

Марья Львовна сидѣла передъ большимъ зеркаломъ, прикалывая чепецъ.

— Ты скоро?

— Сейчасъ... Иди въ столовую—я сейчасъ...

— Нѣтъ... нѣтъ... мнѣ надо...

Ненси плотно затворила дверь и, быстро подойдя къ старухѣ, опустилась на полъ возлѣ нея.

— Бабушка, убей меня!

— Мое дитя! — могла только проговорить ошеломленная Марья Львовна.

— Да, да, убей!.. Я больше не могу!.. Вѣдь ты не знаешь!.. ты ничего не знаешь!

И, спрятавъ голову въ складки бабушкина платья, Ненси глухо зарыдала.

— Я знаю все!..—медленно проговорила бабушка.

— Какъ?!

Ненси схватилась за голову и смотрѣла на бабушку почти обезумѣвшими глазами.

— Какъ?—стономъ вырвалось вторично изъ ея груди.

— Oh, chère enfant, c'est une histoire bien ordinaire! Tu es femme...

— Какъ?—прошептала растерянно Ненси.

— При томъ, il est bien beau,—мечтательно вздохнула Марья Львовна:—я это очень, очень понимаю.

— Но... онъ... родной,—пролепетала Ненси.

— Это родство не кровное.

— А завтра?—совсѣмъ уже чуть слышно произнесла Ненси.

— Завтра?.. Будь какъ можно нѣжнѣе—онъ все-таки твой мужъ.

— Я убѣгу!

— Притомъ, онъ заслужилъ...

Въ глазахъ Марьи Львовны мелькнулъ злобный огонь.

— А ты не виновата, крошка. Мы были всѣ молоды. Молодость бываетъ только разъ—надо ею пользоваться.

Марья Львовна притянула къ себѣ блѣдную, дрожащую внучку.

— Помни, помни одно: sois raisonnable.

Ненси ничего не понимала: ее не порицаютъ—нѣтъ! ее даже какъ будто хвалятъ!.. Бѣдное сердце то мучительно сжималось, то прыгало, какъ бѣшеное, въ груди. Въ головѣ царилъ полный хаосъ...

— Если ты любишь меня—ты будешь держаться умницей,—нѣжно, но твердо произнесъ Войновскій, прощаясь вечеромъ съ Ненси.

Всю ночь Ненси не сомкнула глазъ.

XV.

Когда изъ темной дали показались три огненныхъ фонаря локомотива, Ненси, ходившая по дебаркадеру съ Эсперомъ Михайловичемъ, едва сдержала готовый вырваться изъ стѣсненной груди крикъ. Она судорожно схватила своего спутника за руку.

Гремя цѣпями, поѣздъ медленно подползалъ къ платформѣ. Замелькали въ окошкахъ лица пассажировъ, забѣгали носильщики, засуетились пришедшіе встрѣчать.

Съ площадки вагона второго класса соскочилъ высокій, блѣдный молодой человѣкъ, съ русой бородкой. Ненси едва узнала въ немъ Юрія—такъ онъ перемѣнился за эти четыре мѣсяца. Онъ похудѣлъ и сильно возмужалъ.

— Ненси!.. Ненси!.. Нен-си!.. — крикнулъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ, бросаясь къ ней, а его сѣрые, лучистые глаза подернулись влагою.—Голубушка, родная!

— Позвольте познакомиться, въ качествѣ близкаго друга вашей семьи,—поспѣшилъ отрекомендоваться Эсперъ Михайловичъ.

— Ахъ, очень, очень радъ, — потрясалъ его руку Юрій, не отрывая глазъ отъ Ненси и смѣясь безотчетнымъ, ребячьимъ смѣхомъ.

— Голубушка... родная... родная! — повторялъ онъ все тѣ же слова, не зная, чѣмъ и какъ проявить свою радость.

Улыбаясь привѣтливо и грустно, Ненси едва держалась на ногахъ.

— Какая ты стала красавица!.. — съ восторгомъ воскликнулъ Юрій:—еще лучше, чѣмъ прежде!

— Однако, гдѣ же ваши вещи?.. надо вещи... багажъ...— суетился Эсперъ Михайловичъ.

— Да... да... да...

Но Юрій вдругъ весело неудержимо засмѣялся.

— Да что же я? Вѣдь у меня вотъ только что въ рукахъ— и весь багажъ.

— Такъ ѣдемъ, ѣдемъ поскорѣе!

— Привезъ! — съ торжественностью доложилъ Эсперъ Михайловичъ ожидавшимъ въ столовой Марьѣ Львовнѣ и Войновскому.

Дверь настежь распахнулась.

— Здравствуйте, бабушка! — и Юрій, съ свѣтлымъ, радостнымъ лицомъ, поцѣловалъ у старухи руку.

— Здравствуй, здравствуй,—нѣсколько сухо, хотя любезно отвѣтила Марья Львовна.

— А вотъ,—она округленнымъ жестомъ показала на Войновскаго,—вотъ познакомься: нашъ родственникъ и другъ—Борисъ Сергѣевичъ...

— Прошу любить и жаловать,—откликнулся Войновскій.

Юрій, съ благодушнымъ видомъ, потянулся поцѣловаться съ нимъ.

„Да это совсѣмъ щенокъ, не стоящій вниманія!“—подумалъ Войновскій, не безъ нѣкотораго ревниваго чувства разглядывая лицо и угловатую фигуру молодого человѣка.

Юрій безпокойными глазами искалъ Ненси. Она вошла немного неувѣренной походкой и, потупивъ взоръ, сѣла за столъ.

— Ну, присаживайтесь къ вашей молодой супругѣ,—развязно проговорилъ Войновскій, стараясь придать какъ можно больше добродушія своему тону.

— Какъ же твои музыкальныя дѣла? — спросила Марья Львовна, подавая Юрію стаканъ горячаго чаю.

Молодой человѣкъ сталъ съ увлеченіемъ разсказывать о своихъ занятіяхъ, о профессорахъ, о личныхъ впечатлѣніяхъ, и радостныхъ, и непріятныхъ. Онъ быстро перескакивалъ съ одного предмета на другой, то снова возвращался къ старымъ, то забѣгалъ впередъ.

— Вашъ чай, — предупредительно напомнилъ ему Эсперъ Михайловичъ.

— Ахъ, да! — прищуривъ свои близорукіе глаза, Юрій отхлебнулъ изъ стакана и съ тѣмъ же жаромъ принялся опять разсказывать.

Ненси слушала его жадно, любовалась его дѣтски-откровенной улыбкой, и прежняя, маленькая Ненси, у обрыва, точно снова воскресла въ ней; но... черные глаза сидящаго противъ нея человѣка слишкомъ краснорѣчиво напоминали ей о дѣйствительности. Ненси чувствовала на себѣ ихъ властный, пристальный взглядъ, и ея юное бѣдное сердце замирало передъ ужасомъ роковой правды.

На другой день пріѣхала Наталья Ѳедоровна изъ деревни. Марья Львовна, скрѣпя сердце, предоставила въ распоряженіе гостьи свой кабинетъ, которымъ, впрочемъ, сама никогда не пользовалась.

— Не могу сказать, чтобы присутствіе этой прелестной родни меня особенно радовало, — откровенно признавалась она Войновскому.

Цѣлый день безпрестанно раздавались звонки. Близкіе знакомые спѣшили принести свои поздравленія, а еще незнакомые близко, но жаждущіе войти въ домъ — пользовались удобнымъ случаемъ явиться въ первый разъ съ визитомъ.

Пока Ненси съ бабушкой принимали въ гостиной сановныхъ и несановныхъ посѣтителей, Юрій сидѣлъ, вмѣстѣ съ матерью, въ дѣтской у маленькой Муси.

Наталья Ѳедоровна нашла въ сынѣ перемѣну къ лучшему.

— Это ничего, голубчикъ, что ты похудѣлъ: занимался сильно—это естественно... Твой бодрый духъ меня радуетъ—вотъ что! А тѣло мы съ тобой нагуляемъ лѣтомъ.

Несмотря на просьбы Ненси, Юрій не захотѣлъ выйти въ гостиную.

— Оставь его сегодня, милая, — говорила Наталья Ѳедоровна, нѣжно цѣлуя Ненси:—вѣдь онъ усталъ съ дороги; времени еще много впереди.

А Юрій, съ перваго же дня, почувствовалъ себя точно чужимъ въ этомъ родномъ для него домѣ. Онъ такъ, за послѣдніе четыре мѣсяца, привыкъ къ своей крошечной, скромной, съ роялью, комнатѣ, къ одиночеству и тишинѣ, что гамъ и сутолока свѣтской жизни, въ какую онъ сразу попалъ, хотя не принимая участія, какъ бы оглушали его, и къ вечеру онъ почувствовалъ себя совсѣмъ точно разбитымъ. Послѣдующіе дни были тоже неутѣшительны. Въ домѣ вставали поздно, пили кофе, завтракали, затѣмъ начинались всевозможныя посѣщенія. Являлись нарядныя дамы и мужчины; знакомясь съ Юріемъ, они считали своей обязанностью надоѣдать ему разспросами о консерваторіи и восхищаться музыкой. Казалось, всѣмъ этимъ людямъ рѣшительно больше нечего было дѣлать, какъ только одѣваться нарядно и ѣздить съ визитами. Но больше всего возмущала Юрія личность Эспера Михайловича. Уже къ утреннему кофе раздавался его порывистый звонокъ, онъ влеталъ въ столовую, сообщалъ, захлебываясь, всѣ животрепещущія новости, выпивалъ чашку кофе и исчезалъ; иногда снова появлялся къ обѣду, иногда пропадалъ до самаго вечера и, видимо утомленный проведеннымъ днемъ, усаживался за безикъ съ Марьей Львовной.

Тоскливо слушалъ Юрій скучное пѣніе Лигуса и чувствительныя разглагольствованія о своихъ добродѣтеляхъ Нельмана, и восторги Ласточкиной по поводу удачно найденной, наконецъ, пьесы, и ея злыя, несносныя сплетни про всѣхъ и про вся; съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ онъ на странную полу-

богиню Серафиму Константиновну, какъ-то важно, нéхотя, сквозь зубы, роняющую слова, и на полковника Ерастова.

Всѣ эти люди казались ему такими далекими отъ настоящей правды жизни, совсѣмъ ненужными и неизвѣстно зачѣмъ и для какой цѣли живущими на свѣтѣ!... Да и сама Ненси, его прелестная, милая Ненси, стала точно совсѣмъ другою. То возбужденно веселая, то капризно плаксивая,—то будто избѣгала она его, то осыпала порывистыми ласками.

„И все это отъ безтолковой, праздной жизни“,—думалъ онъ съ болью въ сердцѣ.

Ему хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими тяжелыми, печальными думами, но какой-то внутренній инстинктъ останавливалъ его говорить объ этомъ съ матерью. Напротивъ, онъ старался казаться передъ нею веселымъ и беззаботнымъ.

Наталью Ѳедоровну изумляло въ немъ одно—онъ почти не притрогивался къ инструменту.

— Что же ты не играешь совсѣмъ?—спрашивала его встревоженная этимъ обстоятельствомъ мать.

— Я усталъ просто,—успокоивалъ онъ ее.—Праздники теперь, наиграюсь еще,—вѣдь я не меньше шести часовъ играю ежедневно.

— Ненси, когда я кончу курсъ въ консерваторіи, я бы хотѣлъ жить совсѣмъ иначе, — сказалъ онъ разъ серьезно женѣ, когда они сидѣли вдвоемъ въ ея голубомъ, нарядномъ будуарѣ. —Такая жизнь, по моему, безнравственна... Вѣдь ты со мной согласна, Ненси? да?—допрашивалъ онъ ее, волнуясь. — Вѣдь это все не нужно—правда?... Всѣ эти экипажи, лошади, кареты, лакеи, повара?...

Ненси упорно молчала.

— По моему, такъ жить не хорошо!.. Душа, ты понимаешь, —душа тутъ погибаетъ...

И онъ смотрѣлъ на нее полными ожиданія и муки глазами, не понималъ ея молчанія и мучился имъ.

А Ненси, хотя и наряжалась, и принимала гостей, и выѣзжала, и даже рѣшилась взять маленькую роль, для предстоящаго любительскаго спектакля,—переживала адскія муки въ душѣ. Какъ ребенокъ, боящійся темноты, бѣжала она отъ себя самой, отъ того страшнаго, что неотступно давило ей грудь. Все было напрасно. Оно, это страшное, не покидало ни на минуту, упорно и зло точило сердце, мозгъ!..

Войновскій былъ съ нею почтителенъ и холодно любезенъ, ни разу не поцѣловалъ у нея даже руки, и Ненси была ему

за это благодарна. Напротивъ, все свое вниманіе онъ обратилъ на Юрія, но его предупредительная доброта стѣсняла молодого человѣка, и тотъ какъ-то безотчетно сторонился отъ этого блестящаго, красиваго господина, находя его въ то же время интереснымъ.

Тяжелымъ кошмаромъ пролетѣли для Юрія двухнедѣльныя каникулы, и онъ уѣхалъ измученный, недоумѣвающій, твердо рѣшась работать, не покладая рукъ, чтобы скорѣе стать на ноги и вырвать Ненси изъ этой сокрушающей его обстановки.

„Ненси, Ненси!—писалъ онъ ей изъ Петербурга, сейчасъ же по своемъ пріѣздѣ.—За эти двѣ недѣли намъ не пришлось ни разу поговорить какъ слѣдуетъ. Ты отъ меня точно ушла куда-то; а еслибы ты знала, какъ много хотѣлось сказать, какъ многое теперь рветъ на части мнѣ грудь, не находя исхода. Я не хочу стѣснять твоей свободы, я не хочу навязывать своихъ симпатій, взглядовъ... я могу только просить, умолять. Я молодъ, я такъ же мало знаю жизнь, какъ ты, или немногимъ больше; я только чувствую душой, что тамъ, гдѣ ты живешь, что тѣ, среди которыхъ ты живешь—забыли, потеряли правду. Я чувствую, что есть что-то въ насъ высшее, чѣмъ жалкая земная оболочка, и это высшее, во мнѣ, зоветъ тебя теперь, тоскуетъ о тебѣ... Ненси! вернись такою, какъ была,—стань прежней“...

Ненси читала и перечитывала это письмо, обливая его слезами, не зная, что ей отвѣчать. Но, пересиливъ свое волненіе, она присѣла къ письменному столу и съ болью въ сердцѣ, съ отвращеніемъ къ самой себѣ, написала короткій, успокоительный отвѣтъ.

Она провела нѣсколько мучительныхъ ночей, и Войновскому стоило много труда, чтобы снова все вошло въ прежнюю колею.

— Послушай,—говорила ему Ненси, въ первое ихъ возобновленное свиданіе, въ охотничьемъ домикѣ, куда они пріѣхали, ловко исчезнувъ съ танцовальнаго вечера, гдѣ Ненси была, на этотъ разъ, безъ бабушки:—вѣдь такъ продолжать нельзя... скажемъ все, и я уйду къ тебѣ!

— Что же будетъ дальше?—мрачно спросилъ Войновскій.

— Я... я не знаю... Ну, берутъ разводъ... ну, женятся... Это все-же честнѣе...

— Ты думаешь—такъ это все легко?.. Да, наконецъ, я не считаю себя вправѣ... Да! не считаю себя вправѣ, — подтвердилъ онъ горячо, видя полные недоумѣнія и испуга глаза Ненси. —Это ли не эгоизмъ: старикъ, идущій къ склону жизни... Ну, пять-шесть лѣтъ, ну,—десять... Что же дальше?.. И ради этого

разбить семью, чужія молодыя жизни? Да я себя бы не уважалъ!.. Ну, наконецъ, хорошо! Представь себѣ: я былъ бы такъ слабъ духомъ, что допустилъ бы все это безуміе. Ты можешь поручиться за исходъ? Ты можешь поручиться, — повторилъ онъ съ еще бо́льшею силой,—что этотъ мальчикъ не выдержитъ удара и не пуститъ себѣ пулю въ лобъ? — возвысилъ онъ чуть не до крика свой голосъ.

Ненси вся похолодѣла.

— Тебѣ, конечно, подобная картина не приходила въ голову?—продолжалъ онъ не зло и торопливо. — Ну, такъ представь себѣ: какое же возможно счастье, когда между людьми стоитъ мертвецъ?!

Ненси слушала его, ощущая какую-то неуловимую фальшь, но слова были полны такого благородства, голосъ дрожалъ, въ глазахъ горѣлъ огонь... Да! Это былъ мученикъ, жертвующій своимъ счастьемъ во имя чужого благополучія.

— Люби меня! — прошептала она, задыхаясь отъ ужаса и смятенія: — чѣмъ больше я преступна, тѣмъ больше ты люби меня!

XVI.

Разореніе одного богатаго, титулованнаго землевладѣльца, еще недавно получившаго крупный кушъ изъ дворянскаго банка, для поправленія своихъ дѣлъ, взволновало губернскіе умы.

— Ужасно! ужасно!..—кипятился вечеромъ у Марьи Львовны Эсперъ Михайловичъ. — Въ какое время мы живемъ!? Имѣнія разорены, купецъ возсѣдаетъ на прадѣдовскихъ креслахъ, мужикъ топитъ печь фамильными портретами!.. И говорятъ: „поднять дворянство“!.. Нѣтъ, поздно-съ! Ни ссудами, ни банками теперь ужъ не поднимешь!..

— Положимъ, этотъ господинъ во всемъ виноватъ самъ,— вмѣшался въ разговоръ Войновскій, сидѣвшій поодаль, возлѣ Ненси.

Онъ всталъ и подошелъ къ группѣ обычныхъ завсегдатаевъ гостиной Марья Львовны.

— Вѣдь ссуда выдана была ему на дѣло, а онъ отправился въ Монте-Карло... Кто же виноватъ?.. Культуры дѣловой въ насъ еще мало... Наружное все, показное... дикарь еще въ насъ живетъ... вотъ что! Татарщина!.. вотъ въ чемъ бѣда!

— При чемъ же тутъ татарщина?

— Нѣтъ равновѣсія культуры, эстетики ума,—устойчивости нѣтъ!..

— Крестьянская реформа преждевременна—вотъ что! Вотъ причина всѣхъ причинъ! Нашъ сиволапый слишкомъ сиволапъ!.. —злобно ораторствовалъ Эсперъ Михайловичъ. — Помилуйте, я про себя скажу: я человѣкъ не злой,—но даже не могу теперь, безъ негодованія, проѣхать мимо моего бывшаго имѣнія. Купили у меня крестьяне... вчетверомъ... Вѣдь сердце кровью обливается: изъ дома сдѣлали амбаръ, весь садъ вырубленъ!.. Великолѣпныя дубовыя аллеи, кусты жасмина и сирени. Ни кустика, ни пня!..

— Что же, я ихъ не виню, — спокойно произнесъ Войновскій:—„Печной горшокъ ему дороже,—Онъ пищу въ немъ себѣ варитъ!“—продекламировалъ онъ.

— Но, cher, я васъ совсѣмъ не понимаю, — возмутилась Марья Львовна. — Неужели вы не согласны, что нашъ мужикъ дѣйствительно, un être malheureux, полуживотное,—un animal terrible!

— Все будетъ въ свое время, — шутливо успокоивалъ ее Войновскій.

— Такое равнодушіе граничитъ съ нигилизмомъ,—наставительно пробасилъ Нельманъ.—Вѣдь этакъ до того можно дойти, что станешь отрицать религію, музыку и нравственность.

— До полной душевной апатіи, — вставилъ скромно свое слово бѣленькій, тихонькій Крачъ.

— Напротивъ, я слишкомъ люблю жизнь, какъ наслажденіе, и просто не хочу себя ничѣмъ непріятнымъ тревожить.

— Но есть сверхчувственное, что выше ординарной жизни, что служитъ символомъ иныхъ, безбрежныхъ наслажденій,—изрекла Серафима Константиновна, щуря свои прекрасные глазки.

— О, нѣтъ, я этой мудрости боюсь, — засмѣялся Войновскій.—Я жажду чувствъ земныхъ и ощущеній болѣе реальныхъ.

— Вѣдь такъ не далеко дойти и до животнаго,—уже болѣе смѣло замѣтилъ Крачъ, желая поддержать жену, передъ которой благоговѣйно преклонялся.

— Ну, что же? Я ничего не имѣю противъ этихъ, въ своемъ родѣ, милыхъ созданій,—все въ томъ же небрежно-шутливомъ тонѣ продолжалъ Войновскій. — Животное!.. Мнѣ кажется, что человѣкъ уже черезчуръ самонадѣянъ, и еслибы въ немъ не было животнаго—жизнь стала бы невообразимо скучна; но если вы отнимете культуру—инстинкты будутъ слишкомъ грубы... Вотъ въ извѣстномъ сочетаніи этихъ-то двухъ началъ и заключается наука жизни. Таковъ мой взглядъ!..

— Mon cher, да вы толстовецъ!..—захохоталъ Эсперъ Михайловичъ, знавшій это слово только какъ модное и, очевидно, не понимавшій его истиннаго значенія, также какъ и смысла эпикурейской философіи Войновскаго.

— Ахъ, cher, не вспоминайте мнѣ! — горячо вступилась Марья Львовна: — этотъ Толстой и это... „не противься злу“ всегда меня выводятъ изъ себя... Сама я не читала и читать не буду, но это такъ нелѣпо...

— И очень, очень вредно!..—подтвердилъ глубокомысленно Ерастовъ.—Я видѣлъ на примѣрѣ: одинъ мой офицеръ... исправный офицеръ... читалъ, читалъ, и начитался разныхъ тамъ... идей. Представьте, что же выкинулъ: вышелъ въ отставку, купилъ какой-то хуторъ,—живетъ теперь отшельникомъ... Жена въ отчаяніи!..

— И нашъ Игнатовъ—примѣръ передъ глазами!..—затараторилъ Эсперъ Михайловичъ.—Роздалъ имѣніе, устроилъ какое-то братство, поучаетъ, развиваетъ... совсѣмъ съ ума сошелъ!... И тоже начитался...

— О чемъ вы задумались?— раздался надъ головой Ненси, покачивавшейся въ качалкѣ, нѣжный голосъ Серафимы Константиновны.—Вы такъ были сейчасъ красивы въ своей задумчивой позѣ. Мнѣ страшно жалко васъ,—продолжала она, подъ шумъ несмолкающаго разговора:—въ васъ столько поэтичной неосязаемости... а жизнь вокругъ идетъ такимъ обычнымъ ритмомъ... все это такъ обыкновенно!..—и ея узенькія плечи вздрогнули, а на лицѣ явилось выраженіе брезгливаго недовольства. — Мнѣ все и вся противно, а васъ мнѣ жалко!..

Ненси, движимая чувствомъ благодарности, протянула ей свою маленькую ручку, на что Серафима Константиновна отвѣтила мягкимъ, теплымъ пожатіемъ.

— Когда я буду съ васъ писать, когда мы обѣ, переживая настроеніе, уйдемъ далеко отъ всей этой ничтожной, не оригинальной жизни,—тогда поймете вы, что есть минуты безконечнаго и на землѣ... Вы понимаете меня?.. Минуты без-ко-нечнаго!.. А гдѣ конецъ—тамъ нѣтъ иллюзіи, тамъ нѣтъ блаженства!..

Ненси было грустно, и ее пріятно баюкала туманная, непонятная ей рѣчь странной Серафимы Константиновны.

Городская жизнь, въ этомъ году, изобиловала событіями, какъ никогда.

Спектакль m-me Ласточкиной совсѣмъ наладился, и уже готовились приступить къ репетиціямъ; ученики реальнаго училища послали, съ разрѣшенія директора, поздравительную телеграмму

въ Парижъ, по поводу юбилея одного парижскаго учебнаго заведенія; въ мѣстномъ университетѣ, въ откликъ столицамъ, поволновались студенты; въ городѣ, по этому поводу, ходили таинственные толки о многочисленныхъ арестахъ, на что Нельманъ только добродушно посмѣивался; какая-то наивная, юная фельдшерица, пріѣхавшая на мѣсто, только-что окончивъ курсъ, подала въ управу заявленіе о возмутительныхъ порядкахъ больницы и злоупотребленіяхъ смотрителя, и была выгнана вонъ за неуживчивость характера; поговаривали о томъ, что фонды m-me Ранкевичъ значительно пошатнулись и даже указывали ея замѣстительницу, маленькую, курносенькую блондинку—жену корпуснаго врача, причемъ всѣ, даже самыя ярыя недоброжелательницы m-me Ранкевичъ, такъ возмущавшіяся раньше ея поведеніемъ,—теперь страшно за нее обидѣлись и готовы были всячески отстаивать ея права; въ загородной слободѣ какая-то мѣщанка, въ сообщничествѣ съ любовникомъ, утопила въ проруби своего пьянаго мужа, и таинственно былъ убитъ, дамой легкаго поведенія, одинъ изъ блестящихъ армейскихъ донъ-жуановъ...

...А въ охотничьемъ домикѣ, среди полу-деревенской природы, все продолжало совершаться медленное безкровное убійство человѣческой души...

XVI.

Жизнь Ненси осложнилась прибавленіемъ новыхъ занятій: начались репетиціи любительскаго спектакля и сеансы у Серафимы Константиновны. Ненси рѣшительно не имѣла ни минуты свободной.

Серафима Константиновна писала ее лежащею на черной медвѣжьей шкурѣ, съ золотымъ обручемъ на головѣ и живописно распущенными по плечамъ волосами. Наверху искусно сгруппированныя, рѣдѣющія облака изображали голову Юпитера; немного ниже, сбоку, въ лучахъ розоваго разсвѣта, на колесницѣ спускалась Аврора, осыпая розами черный, пушистый мѣхъ, на которомъ лежала Ненси. Картина называлась: „Отдыхающая весна“, и художница рѣшила послать ее на выставку въ Петербургъ.

Серафима Константиновна набросала эскизъ, чтобы показать его Марьѣ Львовнѣ. Та осталась очень довольна идеей, но нашла изображеніе „Весны“ нѣсколько откровеннымъ и попросила закутать Ненси хотя бы въ бѣлый прозрачный газъ.

— Все-же это будетъ скромнѣе. Я покупаю у васъ теперь же эту картину... заранѣе,—прибавила она.

Отчасти по недостатку средствъ, а главное для бо̀льшаго количества свѣта, супруги Крачъ забрались на самый верхъ большого, за̀ново отстроеннаго, каменнаго дома. Квартира ихъ помѣщалась въ четвертомъ этажѣ. Лучшая комната была обращена въ мастерскую, гдѣ среди блеклыхъ кусковъ старинныхъ матерій висѣли эскизы и картины Серафимы Константиновны, изобилующія такими же блеклыми, точно потускнѣвшими красками. Она не любила ничего яркаго ни въ природѣ, ни на полотнѣ. Затѣмъ имѣлись: маленькая, небогато, но со вкусомъ убранная гостиная, столовая и спальня, гдѣ возлѣ украшенной балдахиномъ кровати Серафимы Константиновны пріютились: простая, скромная кроватка и письменный столъ бѣленькаго Крача, доводившаго до minimum'а свои личныя потребности, во имя удобствъ и прихотей талантливой супруги.

Ненси пріѣзжала часовъ въ одиннадцать каждый день, такъ какъ художница торопилась работой, боясь потерять „минуту настроенія".

Когда сеансъ, въ виду свѣтлаго дня, затягивался, Серафима Константиновна приказывала подать завтракъ въ мастерскую и въ своемъ оригинальномъ сѣромъ рабочемъ костюмѣ, похожемъ на греческій хитонъ или римскую тунику, сама прислуживала „Отдыхающей веснѣ". Изящными, бѣлыми ручками наливала она шоколадъ въ красивыя, ею самой расписанныя чашки, подкладывала сухарики, очищала грушу или апельсинъ, не пропуская случая нѣжно поцѣловать свою прелестную „натуру".

Сначала Ненси стѣснялась необычайностью всей обстановки, но вскорѣ она привыкла къ тому, находя все это забавнымъ и даже интереснымъ.

Репетиціи спектакля тоже не особенно ладились. M-me Ранкевичъ то капризничала, то вовсе не пріѣзжала, и зачастую, прождавъ ее напрасно, собравшіеся расходились.

— Бѣдная!.. Я ее не обвиняю, разрывъ почти совершился, —таинственно сообщала Ласточкина:—ей, конечно, теперь ни до чего, она голову потеряла, обращалась даже къ отцу Никодиму, чтобы повліялъ, — еще таинственнѣе присовокупляла директорша,—ничего не помогло!.. Однако, что̀ же намъ!..—забывъ черезъ минуту свои сожалѣнія, возмущалась она:—у меня тоже главная роль, а мы еще ни разу не репетировали изъ-за этой злосчастной кривляки!..

Въ послѣднихъ числахъ февраля, совершенно неожиданно,

какъ снѣгъ на голову свалилась Сусанна. Не оповѣстивъ заранѣе о своемъ пріѣздѣ, она явилась къ утреннему кофе, бодрая и свѣжая, несмотря на три дня, проведенные въ вагонѣ.

Марья Львовна до того растерялась отъ неожиданности ея появленія, что сначала даже какъ будто обрадовалась непрошенной гостьѣ. Она сейчасъ же устроила дочь въ небольшой угловой комнатѣ, рядомъ съ комнатой Ненси. Пока переносили и ставили на мѣсто сундуки, Сусанна успѣла шопотомъ сообщить матери, что ея романъ съ итальянцемъ кончился очень печально; изъ ревности этотъ „brigand“ чуть не застрѣлилъ ее, и теперь она—„seule“ и „abandonnée“.

Она сразу вошла въ жизнь своей семьи, очаровала своей внѣшностью и особымъ складомъ заграничной дамы всѣхъ друзей и знакомыхъ Марьи Львовны.

— У насъ теперь: bébé-charmeuse и maman-charmeuse!— восклицалъ въ восхищеніи Эсперъ Михайловичъ.

— A grand' maman?—спросила его слащаво Сусанна, наивно поднимая свои, и безъ того круглыя, черныя брови.

— La plus grande de toutes les charmeuses...—нашелся изворотливый Эсперъ Михайловичъ.

— Trop vieille déjà, mon cher,—произнесла сухо Марья Львовна, недовольная и Сусанной, и этимъ разговоромъ.

Практическая мамаша предвидѣла все впередъ. Она знала, что Марьей Львовной составлено духовное завѣщаніе всецѣло въ пользу внучки, и была поэтому черезчуръ ласкова и предупредительна съ Ненси, видимо заискивая въ ней.

Однажды, послѣ обѣда, она нѣжно обняла дочь и, прогуливаясь съ нею по большой залѣ, стала участливо разспрашивать о Юріѣ, о ихъ отношеніяхъ, планахъ въ будущемъ... сожалѣла, въ то же время, о ихъ настоящей разлукѣ.

Ненси ножемъ рѣзали по сердцу всѣ эти вопросы. Она не могла на нихъ отвѣчать; она только все ближе и ближе прижималась къ матери, какъ бы ища защиты.

— Ты точно боишься меня?—удивлялась ея молчанію Сусанна.—Но я понимаю и не виню!.. Grand' maman всегда меня отстраняла отъ моего единственнаго ребенка... Богъ ей судья!— и, вздохнувъ, она даже вытерла тонкимъ, надушеннымъ платкомъ навернувшіяся на глазахъ слезы, вообразивъ, вѣроятно, что дѣйствительно страшно страдала отъ разлуки съ единственной дочерью.

— Но теперь... теперь,—продолжала она, увлекаясь ролью любящей матери:—c'est autre chose; ты взрослая, une femme

mariée, и мы съ тобой можемъ быть друзьями—comme des amies, не правда ли?.. просто какъ товарищи... Теперь я тебѣ нужнѣе, какъ мать, какъ другъ... Мое присутствіе около тебя необходимо... Assez!—рѣшила я, довольно!—j'ai une fille, она зоветъ меня къ себѣ!

Слова эти задѣли самыя больныя струны одиноко страдающаго сердца бѣдной Ненси, взбудоражили все, что̀ лежало на днѣ ея истерзанной души. Она не почувствовала ихъ фальши, и, припавъ къ плечу матери тихо, жалостно заплакала.

— Mon enfant chérie, tu pleures?—воскликнула Сусанна.—Tu es malheureuse?

Ненси вздрогнула, закрыла лицо руками и, всхлипывая, убѣжала къ себѣ.

И въ первый разъ въ жизни ей захотѣлось материнской близости. Теперь, когда она такъ одинока, когда она не въ силахъ ни разобраться въ сложныхъ, запутанныхъ обстоятельствахъ, ни уяснить себѣ, куда идти, что̀ дѣлать—теперь, когда душа ея изнемогала отъ тоски и горя—какъ всепрощающій, какъ вѣрный другъ, теперь ей была нужна мать. Съ этой минуты установилась невидимая, но дорогая сердцу Ненси связь между нею и матерью. Ненси не замѣчала ни искусно подкрашенныхъ щекъ Сусанны, ни ея фальшиваго слащаваго тона—она создала въ своей душѣ какой-то совсѣмъ иной обликъ и носилась съ нимъ, и лелѣяла его. Страстное желаніе высказаться съ каждымъ днемъ охватывало ее все сильнѣе и сильнѣе, точно она ждала для себя спасенія въ этой исповѣди.

И вотъ, наконецъ, минута наступила.

Какъ-то вечеромъ, ложась спать, Ненси, сгорая отъ стыда и муки, повѣрила матери тайну своего изболѣвшаго сердца.

Обѣ онѣ находились въ розовой спальнѣ Ненси. Сусанна, въ палевомъ пеньюарѣ, обильно отдѣланномъ кружевами, сидѣла на маленькомъ уютномъ диванѣ. Она задумчиво покуривала папироску и, съ наслажденіемъ выпуская колечки дыма изъ своего пухлаго рта, разсѣянно слушала взволнованную рѣчь сидящей возлѣ нея дочери.

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ?—воскликнула, въ неудержимой тревогѣ, блѣдная, вся дрожащая Ненси:—я хочу знать—зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Oh, pauvre enfant, tu es trop jeune!

— Точно надвинулось что-то... и нѣтъ силъ сдвинуть!..—глухо сказала Ненси.—Камень!.. камень!..

Она безпомощно упала головой на столъ.

— О, Боже мой, какъ все это просто!..—съ легкой улыбкой

произнесла Сусанна, продолжая любоваться дымомъ своей папироски.

— Просто?—Ненси быстро подняла голову.—Она устремила на мать внимательные, жаждущіе отвѣта, лихорадочные глаза.

— Конечно! Ты только напрасно осложняешь жизнь!.. Ты можешь мнѣ довѣриться: я мать, я твой другъ! Все это очень, очень просто, повѣрь мнѣ!..

— Просто!..—съ горечью, убитымъ голосомъ проговорила Ненси:—а мнѣ такъ больно!.. Зачѣмъ же, если просто?..

Сусанна улыбнулась.

— Ты женщина—une femme mariée, ты понимаешь... Темпераментъ!

— Просто?—соображала Ненси, какъ бы не слыша этихъ словъ:—и бабушка... та тоже... просто...

— Ну, grand' maman—другое дѣло, та вѣчно была романтична, романы—ея слабость... а я смотрю на жизнь какъ должно, трезво... Ты понимаешь...

Чувственные глаза Сусанны слегка подернулись влагой.

— Ты понимаешь: un homme déjà âgé—pour une jeune femme—вѣдь это море наслажденія... Вотъ намъ—другое дѣло,—усмѣхнулась она загадочно,—когда приходитъ бабье лѣто... Ты понимаешь? О, тогда il faut de la jeunesse!..

Съ ужасомъ отпрянула Ненси отъ этой откровенной въ своемъ цинизмѣ женщины... Точно сразу что-то оборвалось въ ея душѣ. Она стала сейчасъ же поспѣшно раздѣваться и бросилась въ постель.

— Tu dors déjà?—раздался надъ нею сладкій голосъ Сусанны, и Ненси почувствовала нѣжное прикосновеніе ея руки. А Ненси, оставшись одна, долго неудержимо рыдала...

XVII.

Фыркая и отбрасывая рыхлый снѣгъ, подкатили кони къ рѣзному крылечку охотничьяго домика.

Все было уже приготовлено къ пріему гостей гостепріимнымъ хозяиномъ: въ гобеленовой комнатѣ ихъ ожидалъ роскошно сервированный обѣденный столъ. Поваръ былъ присланъ съ утра. Въ вазахъ стояли рѣдкія еще для времени года розы. Запахъ тонкихъ духовъ носился въ воздухѣ. Благоухали и столовая, и стильная спальня, и маленькій зимній садъ, гдѣ съ духами смѣшивался свѣжій ароматъ растеній.

Войновскій, не безъ самолюбивой гордости, выслушивалъ похвалы своему поэтическому уголку. Онъ самодовольно улыбался, и его волоокіе глаза свѣтились веселымъ блескомъ.

Пигмаліоновъ увивался возлѣ Ненси, топорща особенно усердно на этотъ разъ свои тараканьи рыжіе усы.

Ненси было скучно. Ей было тяжело и обидно, и ей казалось, что всѣ это видятъ, замѣчаютъ, и не понимала она, какъ онъ могъ это допустить... И не было ему ни больно, ни стыдно, а даже весело?

— Зачѣмъ мы пріѣхали сюда?—спросила она его шопотомъ съ тономъ упрека.

— Я такъ привыкъ... я люблю... Я каждый годъ устраиваю пикники,—отвѣтилъ онъ съ безпечной, радостной улыбкой.

Въ ожиданіи обѣда, Сусанна расположилась на большомъ диванѣ и, нюхая красную розу, слушала, съ хохотомъ, анекдоты игриваго свойства, передаваемые довольно откровенно Эспе-ромъ Михайловичемъ.

Всѣ чувствовали себя какъ дома.

— Не ревнуй, глупая мышка!—проговорилъ Войновскій, проходя мимо спальни, гдѣ сидѣла, въ большомъ креслѣ, грустная Ненси:—вѣдь здѣсь обыкновенно бывалъ цѣлый цвѣтникъ дамъ, а теперь видишь: только ты и твоя мать.

Онъ пошелъ къ повару—поторопить его. Когда онъ возвращался, Ненси продолжала сидѣть въ той же позѣ и съ тѣми же грустными глазами.

— Ну... ну!..—онъ ласково потрепалъ ее по щечкѣ:—ты знаешь, я не люблю обычныхъ женскихъ сценъ... Будь умница, не надо сентиментовъ!..

Обильная закуска, горячій бульонъ, янтарная, великолѣпная осетрина, шофруа изъ перепеловъ, l'asperge du Nord въ замороженныхъ, ледяныхъ, сверкающихъ блескомъ настоящаго хрусталя, формахъ, синій огонь пылающаго плям-пуддинга, дорогія французскія вина, холодное шампанское—все это вызывало еще болѣе веселое настроеніе у собравшагося общества.

Предложенныя, во время кофе, радушнымъ хозяиномъ гаванскія сигары пріятно щекотали нервы своимъ душистымъ ароматомъ.

Огромный, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, съ выпуклыми фигурами, фонарь фантастически пестрилъ комнату, причудливо играя синими, красными, зелеными бликами на лицахъ.

Казалось, что духъ Бахуса виталъ въ этомъ роскошномъ уголкѣ

и радовался и поощрялъ къ веселью своихъ новѣйшихъ поклонниковъ.

Уже немного опьянѣвшіе Пигмаліоновъ и Увѣренный отважно налегли на ликеры, спаивая юнаго Сильфидова и бѣленькаго Крача, неизвѣстно какимъ образомъ залученнаго въ эту компанію.

Сильфидовъ изо всѣхъ силъ старался поддержать честь браваго офицера, опорожняя рюмку за рюмкой и громко, глупо, безъ всякой причины смѣялся; Крачъ имѣлъ унылый видъ; его маленькіе посоловѣлые глазки усиленно моргали.

Войновскій и Сусанна пропали неизвѣстно куда. На Ненси никто почти не обращалъ вниманія, и она была этому рада. Съ той минуты, какъ голоса пріѣхавшихъ раздались въ стѣнахъ охотничьяго домика, ей казалось, что стѣны эти точно обнажились, и все тайное сдѣлалось явнымъ: и стулья, и столы, и диваны разсказывали о позорно-сладкихъ и мучительныхъ часахъ, проведенныхъ ею здѣсь. Чувство паническаго ужаса охватило ее. Она рѣшила незамѣтно исчезнуть.

Увлеченные ликеромъ мужчины съ интересомъ слушали циничные анекдоты изъ устъ Эспера Михайловича, который, надо отдать ему справедливость, удивительно ловко затушевывалъ черезчуръ откровенныя подробности, стѣсняясь присутствіемъ Ненси въ комнатѣ.

Она встала и, быстро миновавъ спальню, вошла въ коридоръ, съ примыкающими къ нему ванной и зимнимъ садомъ. А вслѣдъ за нею раздался сейчасъ же громкій взрывъ хохота почувствовавшихъ себя на свободѣ, мужчинъ. И громче всѣхъ хохоталъ самъ Эсперъ Михайловичъ, окончившій, по уходѣ Ненси, особенно эффектно свой сальный анекдотъ.

— Не разсуждай—люби!..—донесся до слуха Ненси страстный, слишкомъ ей хорошо знакомый шопотъ Войновскаго.

Она, вся вздрогнувъ, остановилась. Дверь въ зимній садъ была полуоткрыта.

— И мать, и дочь!.. Это немножко очень сильно,—засмѣялась Сусанна.

Новый взрывъ хохота изъ столовой покрылъ своимъ шумомъ отвѣтъ Войновскаго.

Ненси стояла въ оцѣпенѣніи, боясь пошелохнуться, боясь малѣйшимъ шорохомъ обнаружить свое присутствіе; а ей казалось, что она кричитъ громко, на весь міръ, какъ безумная...

...Вдругъ точно молотомъ ударило ее по головѣ:

— Вонъ! вонъ! вонъ!..

Она стремглавъ бросилась черезъ кабинетъ въ переднюю,

кое-какъ дрожащими руками надѣла шапочку, накинула ротонду и выбѣжала на крыльцо.

Какъ въ чаду вскочила она въ сани и приказала кучеру везти себя домой.

Когда они пріѣхали, она велѣла ему вернуться въ домикъ за матерью.

— Смотри же, вспоминай меня дорогой!—сказала она неизвѣстно зачѣмъ.

На что приземистый, черноволосый Филиппъ любезно снялъ шапку и, тряхнувъ кудрями, отвѣтилъ:

— Рады стараться... Помилуйте, какъ забыть... ваши слуги!

Когда тройка, позвякивая колокольчикомъ, отъѣхала и скрылась въ темнотѣ, Ненси сдѣлалось страшно. Вернуться домой ей представлялось невозможнымъ. Она спустилась со ступенекъ подъѣзда, подняла высоко воротникъ ротонды и перешла на другую сторону улицы.

Въ комнатѣ бабушки горѣлъ огонь. Ненси рѣшила вернуться домой, когда онъ будетъ погашенъ. Она знала, что не выдержитъ, и какъ только увидитъ Марью Львовну,—разскажетъ ей все. А при одной этой мысли ее охватилъ страхъ: она вспомнила одинъ свой разговоръ съ бабушкой наканунѣ сочельника, вспомнила отвѣты старухи...

— Нѣтъ, нѣтъ! лучше не говорить, лучше уйти, уйти подальше.

Небо раскинулось широкимъ, необъятнымъ шатромъ надъ одиноко стоящей Ненси, а звѣзды свѣтлыми точками, мигая съ высоты, точно подсмѣивались надъ ея безпомощностью и горемъ. Ей не хотѣлось двигаться — она стояла какъ прикованная къ своему мѣсту. Снова блеснулъ огонекъ изъ окна бабушкиной комнаты... И представилось Ненси, будто огонь этотъ, все расширяясь и расширяясь, залилъ свѣтомъ все окно... весь домъ... яркимъ полымемъ раскинулся по небу... и померкли звѣзды, и стало небо огненнымъ... и сдѣлалось совсѣмъ свѣтло, какъ днемъ; только зловѣщимъ чернымъ пятномъ выдѣлялась ея фигура, прижавшаяся къ забору...

Она еще плотнѣе закуталась въ свою ротонду и пошла быстрыми шагами, спасаясь отъ собственнаго призрака... Она свернула въ пустынные переулки и шла долго, безцѣльно, успокоивая себя механизмомъ ходьбы...

Когда она вернулась къ дому—огня уже не было въ комнатѣ Марьи Львовны.

На звонокъ Ненси дверь отворила заспанная нянька.

— Барыня вернулась?—спросила Ненси отрывисто.

— Почиваютъ,—отвѣтила нянька, не разобравъ вопроса:— ждали, ждали и почивать легли, а мнѣ сказали, чтобы дожидалась я васъ безпремѣнно...

— Да нѣтъ!.. Я спрашиваю: вернулась?.. вернулась?..

— О! да вы про мамашеньку? а мнѣ и не вдомекъ!.. Нѣту еще, нѣту... А ихъ превосходительство все ждали, ждали и почивать легли.

Блѣдное лицо внучки и особенно сухой блескъ въ глазахъ смутили, поутру, Марью Львовну.

Сусанна явилась изъ своей комнаты только къ завтраку— напудренная, благоухающая. Она, по обыкновенію, приложилась къ рукѣ матери и нѣжно поцѣловала дочь.

Ненси, едва скрывая отвращеніе, отвѣтила на этотъ поцѣлуй Іуды, и ей показалось лицо матери какимъ-то совершенно новымъ, незнакомымъ, точно увидала она его въ первый разъ, или за этимъ всѣмъ видимымъ было открыто только ея глазамъ другое —*настоящее*, никому, кромѣ нея, неизвѣстное!

Не отрывая пытливаго взгляда, смотрѣла она на полныя, нѣсколько увядшія щеки, большіе изсиня-сѣрые глаза, подъ круглыми темными бровями, на вздернутый носъ и пухлыя красныя губы.

— Куда ты такъ внезапно исчезла вчера?—спросила Сусанна, чувствовавшая себя не совсѣмъ пріятно подъ упорно-пристальнымъ взглядомъ дочери.—Мы всѣ такъ безпокоились, особенно Борисъ Сергѣевичъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ съ тобой случилось?

— Развѣ она уѣхала раньше?—удивилась Марья Львовна.

— Ну да... ну да...

— Мнѣ нездоровилось,—сухо проговорила Ненси.

— Такъ что же ты не велѣла разбудить меня?

И бабушка укоризненно покачала головой.

„Ахъ, да оставьте вы меня всѣ!.. всѣ!..“—хотѣлось крикнуть Ненси, но, чтобы скрыть свое волненіе, она низко опустила голову надъ чашкою, и, чуть не обжигаясь, стала молча пить горячій кофе.

Марья Львовна хотя и привыкла къ своеволію и капризамъ избалованной внучки, тѣмъ не менѣе, съ безпокойствомъ слѣдила за ней.

Уйдя сейчасъ же въ свою спальню, Ненси заперлась на ключъ.

Часа въ три она услышала легкій, осторожный стукъ въ двери.

— Кто тамъ?

— Я.

Ненси нарочно переспросила, хотя знала, что это—Войновскій:

— Да кто же?

— Я... я!..

Она щелкнула ключомъ—и онъ вошелъ, свѣжій, веселый, жизнерадостный.

— Что, моя мышка, заперлась?—спросилъ онъ, взявъ ее за подбородокъ:—да и что съ тобою?..

Не столько обезпокоился, сколько удивился онъ, когда она, дрожащая и блѣдная, почти упала на диванъ.

— И вчера тоже... я такъ встревожился!

Кровь бросилась въ голову Ненси.

— Я бы хотѣла... поговорить...

Она съ трудомъ справлялась съ своимъ волненіемъ; ея голосъ прерывался и дрожалъ.

Лицо Войновскаго сразу нахмурилось, и онъ зѣвнулъ.

— Ахъ, Боже мой, да что же случилось? — протянулъ онъ лѣниво, садясь въ кресло возлѣ нея и точно приготовляясь къ чему-то томительно-скучному.

Ненси прямо взглянула ему въ лицо.

— Я знаю все.

Войновскій небрежно пожалъ плечами, не придавая серьезнаго значенія ея словамъ.

— Вы слышите ли? Все!.. Я тамъ была... въ то время... въ коридорѣ!..

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный; въ его глазахъ вспыхнула злоба и испугъ, но онъ быстро нашелся:

— Что же, я очень радъ!

Онъ засмѣялся холоднымъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

— Вполнѣ достойное возмездіе!.. Подслушивать, подсматривать... Какая гадость!.. Шпіонить... ловить!.. И по дѣломъ!.. и по дѣломъ, и по дѣломъ!...

Онъ заикался, захлебывался отъ нервной торопливости; онъ утратилъ свой обычный, рыцарски-благородный обликъ и походилъ на злого, но безсильнаго, пойманнаго въ засаду звѣря. И обвиненія посыпались за обвиненіями на голову ошеломленной Ненси, не ожидавшей такого исхода.

Онъ говорилъ о томъ, что женщины не умѣютъ быть счастли-

выми, а только притязательны... и чтобы онѣ всегда помнили свое мѣсто,—человѣкъ долженъ всячески отстаивать свою самостоятельность; что женщины и ограниченны, и тупы, и нужно ихъ обманывать, и этого онѣ вполнѣ достойны, потому что жаждутъ только подчинять себѣ, а не умѣютъ вѣрить и любить.

Онъ много говорилъ еще обиднаго, несправедливаго, нелѣпаго и злого, подогрѣвая себя самъ собственными словами. И все, что̀ онъ говорилъ въ эту минуту, такъ было далеко отъ того гимна о вѣчномъ счастьѣ и любви, который еще такъ недавно бросилъ несчастную Ненси въ его объятія.

Ледяной холодъ смерти охватилъ все ея существо. Она почувствовала—точно подъ ея ногами топкое болото... все дальше и дальше засасываетъ оно ее въ свою вязкую грязь, и некуда уйти... и нѣтъ исхода... Погибель!..

Она стала защищаться, и, сама понимая всю слабость своихъ возраженій, при полномъ сознаніи его несправедливости и своей правоты,—говорила тоже обидныя, рѣзкія вещи, а чувствовала, что нужно говорить иначе и что-то совсѣмъ другое...

Выбившись изъ силъ, она залилась горькими, безпомощными слезами.

Ему стало и жаль ее, и отчасти стыдно за себя. Онъ взялъ ея холодную ручку и мягко, любовно началъ успокоивать.

— А все-таки не хорошо шпіонить...—сказалъ онъ тономъ добраго наставника.—Но Богъ съ тобой!.. Я не сержусь.

— Я не шпіонила!..

И съ страшной болью въ сердцѣ, плача и задыхаясь, Ненси передала всѣ подробности нечаянно услышаннаго ею вчера разговора.

Онъ задумчиво гладилъ ее по волосамъ.

— Вотъ, видишь ли, крошка,—сказалъ онъ ласково, устремляя свои черные глаза куда-то въ пространство:—я всю мою жизнь искалъ женщину, кототорая съумѣла бы какъ должно понять любовь и страсть... „Страсть“ и „любовь“—надо понять различіе—нельзя ихъ смѣшивать вмѣстѣ... Человѣка захватитъ, и онъ... самъ не свой—вотъ это страсть!.. Любовь—это... тамъ, глубоко... понимаешь, въ нѣдрахъ души... тамъ!.. И женщина должна понять: любовь—сама по себѣ, страсть—сама по себѣ... Если случится порывъ, влеченіе къ другой—это не есть измѣна!.. Нужно понять... Не простить—ты понимаешь, а какъ умная женщина — понять, такъ какъ вины тутъ нѣтъ вѣдь никакой!.. Вѣдь это тѣло, только тѣло, душа осталась тамъ—гдѣ любишь... тамъ... Въ насъ два начала, два элемента—плоть и духъ...

— Духъ! Духъ! оттого и страсть должна быть также одухотворенная! — вспыхнула въ негодованіи Ненси.—Неправда, все неправда!.. Мы люди, люди, а не звѣри! Вѣдь *той*, *другой* вы не скажете „страсть“, вы не скажете: „плоть“, вы будете говорить: „любовь“—и лгать... Вы скажете: „люблю“—и солжете, вы потребуете и отъ нея этого злосчастнаго „люблю“... „люблю“... Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что женщины не понимаютъ жизни.

— И о вѣчномъ, вѣчномъ, вѣчномъ, вы станете ей говорить—не правда ли?..

— Что-жъ! увлекаясь, человѣкъ преувеличиваетъ многое...

— А женщина должна ему вѣрить?

— Должна? Зачѣмъ должна?.. Но если вѣритъ—то отлично... Вѣра пріятнѣе невѣрія.

— А если послѣ будетъ больно?!.. — съ волненіемъ вырвалось у Ненси.

— Это зависитъ отъ себя, — отвѣтилъ, не смущаясь, Войновскій.—Нужно умѣть стать выше предразсудковъ.

— Отличное существованіе!..—нервно смѣялась Ненси. – А женщина—та тоже: страсть къ одному, любовь—къ другому?

— Это не есть необходимость... Но если явилось влеченіе—тогда... пускай! Вѣдь еслибы съ тобою случилось что-нибудь подобное,—проговорилъ онъ торопливо,—я бы не сталъ отравлять жизнь неистовствами; я бы спокойно выждалъ минуту... и ты пришла бы ко мнѣ опять!.. Нужно умѣть привязать къ себѣ, нуженъ извѣстный тактъ въ отношеніяхъ...

— Уйдите!.. — сквозь стиснутые отъ душевной боли зубы простонала Ненси.

Онъ вышелъ безмолвно, даже не взглянувъ на нее.

И снова щелкнулъ ключъ въ дверяхъ спальни. Ненси цѣлый день не выходила изъ своей комнаты и отказалась обѣдать. Марья Львовна оскорбилась ея поведеніемъ.

Уѣхавшая послѣ завтрака, Сусанна явилась только къ ночи домой.

А Ненси то ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, мрачно сдвинувъ брови, то ложилась навзничь на кушетку и, закинувъ за голову руки, разсѣянно глядѣла вверхъ, постукивая нервно ногой объ ногу. Она чувствовала, что нужно что-то предпринять, а что—сама не знала. Одно было ей ясно: совершилось что-то до безобразія грязное, гнусное, вопіющее!

И не только личная обида мучила ее—нѣтъ, все лицемѣріе,

ложь и разукрашенный развратъ окружающихъ ее людей, какъ страшная *общая* бѣда, камнемъ придавила ей грудь.

„Любовь“ и „страсть“... „страсть“ и „любовь“?—пыталась она разобраться сама, найти связь и гармонію двухъ этихъ чувствъ. Она мыслила живыми образами, и сердцемъ чувствовала всю правду, но объяснить ее себѣ, облечь въ слово—была не въ силахъ.

— Какъ же это?..

Дрожь отвращенія пробѣжала по ея тѣлу. Негодованіе и жалость, и обида встали изъ глубины души.

— Такъ, значитъ, нѣтъ ничего!.. нѣтъ?.. и все неправда? И вѣрить нельзя!—восклицала Ненси, ломая руки, тщетно ожидая отвѣта въ своей безсильной тоскѣ.

И она горько, горько рыдала, оплакивая свою молодую, поруганную страсть, тоскуя объ утраченныхъ, хотя неясныхъ, но живущихъ въ душѣ, идеалахъ любви.

Н. Анненкова-Бернаръ.

СРЕДИ
КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДѢЛЪ

Сцены съ натуры.

I.

Было около десяти часовъ утра. Въ кобылинскомъ волостномъ правленьи собралось уже много народу. Предстояли два схода,— сходъ одного изъ сельскихъ обществъ этой волости и сходъ волостной. Затѣмъ, особо собраны были, по распоряженію земскаго начальника, крестьяне одной деревни, для сдачи ими участка общественной земли въ аренду старшинѣ сосѣдней—Коровинской— волости: они должны были составить третій сходъ, существующій по обычаю—деревенскій или селенскій. Наконецъ, нынѣче же предстояло разбирательство земскимъ начальникомъ жалобы, принесенной на коровинскаго волостного старшину, по поводу неправильно произведенныхъ имъ публичныхъ торговъ. Предстояло, такимъ образомъ, много дѣлъ; собрано было, поэтому, и много участвовавшихъ въ дѣлахъ.

Ожидался земскій начальникъ.

Чувствовалась общая натянутость. Всѣ власти были при значкахъ, съ вытянутыми лицами. Суетясь, они постоянно взглядывали на дорогу по направленію къ городу, разстилавшуюся передъ окнами волостного правленія: оттуда именно должна была появиться колесница земскаго начальника...

— Не знаю, что̀ дѣлать, — говорилъ староста собраннаго

на сходъ сельскаго общества. — Всѣ пришли, а открыть сходъ боюсь безъ барина... Зачѣмъ, скажетъ, не подождалъ...

— Нужно подождать! — тономъ приказанія замѣтилъ старшина.

— Какъ же можно!—не безъ укоризненности вставилъ слово предсѣдатель волостного суда:—можетъ, баринъ самъ захочетъ предсѣдательствовать на сходѣ, прикажетъ что-нибудь,—а ты ужъ и народъ распустилъ...

— Да ждать-то, ждать больно долго придется,—сказалъ староста.

— Подожде-ошь!—протянулъ предсѣдатель суда.

— Опять же,—вступился тутъ староста другого сельскаго общества:—у тебя будетъ сходъ, а, можетъ, баринъ тутъ какъ-разъ и пріѣдетъ, да вздумаетъ дѣла свои разбирать, а гдѣ у насъ мѣсто-то, коли только одна комната и есть?

— А въ своей комнатѣ...

— Въ своей комнатѣ!—передразнилъ кто-то наивнаго старосту.—Тамъ онъ выпиваетъ и закусываетъ,—да и дѣла станетъ тебѣ разбирать...

— Подождать, подождать!—повторилъ старшина, озабоченно глядя на дорогу.—Съ меня спросятъ...

Въ правленьи становилось душно. Небольшими кучками народъ ходилъ „баловаться чайкомъ“ въ чайную лавку, находившуюся саженяхъ въ шестидесяти отъ правленья. Отъ нѣкоторыхъ же слышался все усиливавшійся и усиливавшійся запахъ водки. Должно быть, вопреки запрещенію закона, можно было получать, и до окончанія сходовъ, спиртные напитки изъ винной лавки, находившейся еще ближе къ правленью и принадлежавшей не то неотдѣленному сыну того старшины сосѣдней волости, жалоба на котораго должна была сегодня разсматриваться земскимъ начальникомъ, не то ему самому,—при патентѣ на другое лицо...

Пробило двѣнадцать часовъ.

— Ой, какъ долго!—раздавалось чаще и чаще.

Скоро ожиданія, наконецъ, разрѣшились.

— Баринъ, баринъ ѣдетъ!—раздалось около часу.

Всѣ бросились къ окошкамъ. По дорогѣ отъ города быстро, на тройкѣ, ѣхалъ земскій начальникъ. Впереди летѣлъ, верхомъ, мѣстный полицейскій урядникъ, выѣхавшій, передъ тѣмъ, къ нему на встрѣчу.

Старшина, старосты, волостные судьи, поспѣшно сбѣжавъ

внизъ, встрѣтили „барина“ у крыльца и помогли ему выйти изъ экипажа.

Земскій начальникъ прошелъ прямо въ особо отведенную ему комнату.

Вновь всѣ собравшіеся стали ждать приступа къ дѣлу... Воцарилось томительное молчаніе, прерывавшееся лишь тихо произносимыми замѣчаніями...

— Чай пьетъ...— пояснялось нѣкоторыми, какъ бы въ отвѣтъ на общія ожиданія.

II.

Уже въ исходѣ второго часа, среди моментально воцарившейся полной тишины, вышелъ изъ своей комнаты земскій начальникъ и прямо направился въ присутствіе. Послѣднее быстро наполнилось, затѣмъ, народомъ. Довольно значительная часть собравшихся осталась въ передней.

— Ивановъ и Рябовъ!—тотчасъ позвалъ земскій начальникъ, сѣвши за столъ.

Это были—коровинскій старшина и жалобщикъ, немедленно и протискавшіеся впередъ.

— Ну, Рябовъ, разскажи, какъ было дѣло, на что жалуешься,—предложилъ земскій начальникъ.

— Были, значитъ, торги, — началъ жалобщикъ. — Больше меня за домъ никто не далъ. Осталось, значитъ, за мной. Когда же кончилось все, Тюменева позвала пить чай старшину, писаря, старостъ. Потомъ и меня, значитъ, Василій Петровичъ пригласилъ. Староста сказалъ: „пойдемте, попьемъ чайку сначала“... Такъ разсчетовъ и не кончили. Ушли, значитъ. За чаемъ меня стали убѣдительно просить переуступить домъ съ землей. Я не соглашался-было сначала,—потому, и мнѣ было нужно. Я сказалъ: „Какъ вамъ, господа, не безъизвѣстно, дочь мою, выданную въ ваше общество, тѣснятъ... такъ я для нея и покупалъ собственно“... Но потомъ я согласился. Старшина сказалъ: „что-де тебѣ не взять тридцать-восемь рублей за уступку“? Я и уступилъ—согласился, значитъ... Анна Никифоровна тутъ же выдала мнѣ двѣсти рублей и сказала, что это-де задатокъ, а остальное—послѣ. Я взялъ. А потомъ старшина, значитъ, вышелъ. За нимъ—Василій Петровичъ. Что такое, думаю, о чемъ они тамъ? Василій Петровичъ скоро вернулся, и говоритъ Аннѣ Никифоровнѣ: „погодите платить деньги“... Я отдалъ двѣсти рублей назадъ. Вижу—тутъ стачка, лихоимство... Когда опять стар-

шина сѣлъ за столъ, потребовали съ меня тутъ всѣ деньги, четыреста-шестьдесятъ-три рубля. А у меня было всего тристапятьдесятъ. Я сталъ просить сроку хоть на часъ, чтобы сходить домой. Не отпустили ни на шагъ. Написали, замѣсто того, протоколъ, что у меня денегъ не оказалось. Опять, послѣ того, пустили имущество въ торги, и оно осталось за Тюменевымъ... Но его тутъ не было. Торговался за него Василій Петровичъ. Потомъ написано было, что онъ новый покупатель,—тогда какъ онъ торговался и раньше, и первый отступилъ. Послѣ Анна Никифоровна протянула руку старшинѣ и сказала: „мы васъ поблагодаримъ“... Свидѣтели на это есть... Могу представить... Почему же съ меня потребовали всѣ деньги? Не повѣрили! Да у меня въ личной собственности—пятьдесятъ десятинъ, да кирпичный заводъ въ пятьсотъ рублей. Спросите обо мнѣ! Я никакой лжи не дѣлаю.

— Чего же ты просишь?—прервалъ жалобщика земскій начальникъ.

— Да чтобы земля была закрѣплена за мною, — отвѣтилъ Рябовъ.

— А!—протянулъ земскій начальникъ и тотчасъ обратился къ Иванову.

— Ну, теперь разскажи ты, Ивановъ, какъ было дѣло.

— У насъ было написано, что торговаться можно только на наличныя...— началъ Ивановъ.

— Нѣтъ, этого намъ не сказали,—прервалъ Рябовъ коровинскаго старшину.—Что же не объявили? Я бы и приготовилъ всѣ деньги.

— А вотъ тутъ написано,—говоритъ земскій начальникъ, и читаетъ: — „торги производить на наличныя“... Ну, дальше что?

— Когда кончили,—продолжалъ Ивановъ,—насъ, какъ мы всѣ утомились, и меня, и всѣхъ, кто тамъ былъ на торгахъ, пригласили чай пить... Рябовъ согласился тамъ уступить, и взялъ съ Анны Никифоровны двѣсти рублей, чтобы этими деньгами и уплатить все... А какъ потомъ у него всей суммы не оказалось, то я продолжилъ торги...

— Но ты мнѣ скажи,—переспросилъ земскій начальникъ:— за нимъ было оставлено? никто больше не давалъ?

— Нѣтъ, не давалъ,—признался Ивановъ.

— И ты ударилъ молоткомъ?

— Да, ударилъ... Но за нимъ не осталось, собственно, по тому случаю, что какъ торги должны были происходить на наличныя деньги, а у него всей суммы не оказалось...

— Ну, это неладно, неладно, — покачалъ головой земскій начальникъ.

Ивановъ терялся, конфузился.

— Что же другіе, — вновь заговорилъ Рябовъ: — вносили деньги на третьи, на четвертыя сутки, а вещи уносили съ собой? А мнѣ не повѣрили! Спросите обо мнѣ...

— У васъ денегъ не было, — вступился упоминавшійся Рябовымъ Василій Петровичъ, стоявшій тутъ же. — Вы взяли у Анны Никифоровны, чтобы этими деньгами и уплатить...

— Что же ты другихъ допускалъ?—вновь обратился земскій начальникъ къ старшинѣ.

— На него я не надѣялся,—отвѣчалъ тотъ, нѣсколько оправившись. — Потому, я увидѣлъ, — проговорилъ онъ скороговоркою, — что тутъ—кулачество, спекуляція... Онъ покупалъ, чтобы продавать опять.

— Нѣтъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, — сталъ, конфузясь, оправдываться Рябовъ,—у меня дочь одна замужемъ, въ ихъ общество выдана, то я собственно для нея...

— Вы тутъ же стали предлагать, — рѣшительно перешелъ въ наступленіе старшина.

— Неправда!—возразилъ Рябовъ.—Вы стали меня убѣждать, чтобы я уступилъ... А потомъ—это лихоимство!—прибавилъ онъ весьма рѣшительно.

— Послушай, Рябовъ, нельзя такъ говорить, — остановилъ его земскій начальникъ.—Нужно говорить съ основаніемъ, а то самъ попадешь подъ судъ.

— У меня свидѣтели на это есть,—настаивалъ жалобщикъ.

— Такъ, значитъ, за нимъ осталось?—прервалъ его земскій начальникъ, заминая категорическое заявленіе, представлявшее, быть можетъ, не совсѣмъ правильную квалификацію дѣянія коровинскаго волостного старшины.

— Да, за нимъ,—признался опять старшина.—Но какъ у него не было всѣхъ денегъ...

— За кѣмъ послѣ было утверждено?—спросилъ земскій начальникъ.

— За Тюменевымъ...

— Да его тутъ не было,—замѣтилъ Рябовъ.

— За него Василій Петровичъ торговался,—объяснилъ Ивановъ.—Все равно, какъ онъ близкій родственникъ... Его попросили...

— Что же, его попросили,—поддержалъ земскій начальникъ Иванова.—И я бы могъ кого-нибудь попросить, и ты бы также

могъ, — убѣждалъ онъ Рябова. — Ну, что же, — обратился онъ къ старшинѣ:—Тюменевъ не вступилъ еще во владѣніе имуществомъ?

— Нѣтъ.

— А деньги получены?

— Получены сполна и записаны на приходъ, — добавилъ Ивановъ.

— Я желаю, ваше высокоблагородіе, чтобы, значитъ, осталось за мной,—заявилъ Рябовъ.

— Нѣтъ, этого нельзя, — отвѣтилъ земскій начальникъ, и тотчасъ же провозгласилъ свое постановленіе, безъ ссылокъ на какіе-либо законы: „торги отмѣнить, деньги возвратить и назначить новые торги".

Въ такомъ порядкѣ разсматривалось дѣло о публичныхъ торгахъ,—о важномъ актѣ продажи имущества общественною властью, которому законъ, естественно, стремится придать особую твердость. Вопросъ о гражданскихъ правахъ двухъ лицъ оказался разрѣшеннымъ безъ особенныхъ затрудненій: одни торги уничтожилъ старшина, другіе—земскій начальникъ. Оказалось возможнымъ требовать, чтобы торгующійся тутъ же, въ моментъ высшей наддачи, имѣлъ всѣ деньги, которыя нужно было бы заплатить,—и даже оказалось возможнымъ предъявлять подобное требованіе на самыхъ торгахъ. Не была вовсе разъяснена вся неосновательность подобнаго требованія, которое, кстати сказать, весьма широко примѣняется въ крестьянской средѣ и приводитъ, естественно, къ тому, что скупщиками на торгахъ являются только люди богатые, и имущество скупается всегда за безцѣнокъ... Оказалось также возможнымъ и правильнымъ торговаться за другого, „по просьбѣ", безъ довѣренности,—чѣмъ въ публичные торги, очевидно, вносятся совершенно несвойственная имъ шаткость и неопредѣленность, соединенныя съ возможностью ихъ ниспроверженія. И, при всемъ томъ, старшина оказался правъ.

Провозглашенная резолюція произвела свое впечатлѣніе...

— Нѣтъ, братъ, стой, шалишь!—подъ этого старшину не подкопаешься... Ограда у него, ограда—не перескочишь!—такъ, довольно близко, кажется, выразилъ общее настроеніе въ заднихъ рядахъ уже пьяненькій мужичокъ, выпившій лишнее, конечно, у того же Иванова.

— Тише, тише!—раздались окрики изъ переднихъ рядовъ, въ которыхъ стояли начальствующіе.

— Нѣ-ѣтъ, не доста-анешь! — затянулъ-было тотъ же голосъ и смолкъ...

А запахъ водки слышался сильнѣе и сильнѣе... Лавка Иванова, должно быть, дѣлала свое дѣло...

III.

— Тутъ еще твое дѣло, Ивановъ,—объявилъ земскій начальникъ, когда старшина повернулся, чтобы выйти.—Подожди!

— Слушаю-съ!

Земскій начальникъ началъ перелистывать бумаги.

— Вареговскіе тутъ?—спросилъ онъ.

— Тутъ-съ,—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

Небольшая группа мужчинъ и женщинъ протискалась впередъ.

— Вотъ, — началъ земскій начальникъ, указывая на Иванова:—съ новаго года ему придется прекращать торговлю въ теперешнемъ своемъ помѣщеніи [1]). Но у него много распущено въ долги. Онъ проситъ, поэтому, не сдадите ли вы ему имѣющуюся у васъ здѣсь, въ Кобылинѣ, землю на десять лѣтъ для постройки? По моему, можно бы... Борисовъ, все равно, сбѣжитъ отъ васъ [2]). Винной торговли не будетъ больше. Я ужъ не допущу [3]). А платить съ одной мелочной лавочки да чайной—ему будетъ накладно... Такъ какъ? Согласны?

---

[1]) Какъ сказано выше, собственно, фактически, торговалъ въ мелочной лавкѣ и въ находившейся рядомъ съ нею винной лавкѣ неотдѣленный сынъ Иванова. Но документы были на другое лицо,—такъ какъ ни старшинамъ, ни неотдѣленнымъ членамъ ихъ семействъ питейная торговля закономъ не дозволяется. Теперь же, изъ словъ земскаго начальника, оказывалось, что обѣ лавочки, юридически, принадлежали Иванову-отцу. Для Иванова-отца были, по предписанію земскаго начальника, собраны и „вареговскіе“, то-есть, домохозяева деревни Варегино, составлявшей, вмѣстѣ съ десятью другими селеніями, „деревенское общество“,—иначе поземельную общину, входившую въ составъ сельскаго общества, называвшагося „пироговскимъ“. Домохозяева деревни Варегино присвоивали себѣ право на тотъ участокъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, какъ о предметѣ аренды для Иванова, въ видахъ устройства торговаго помѣщенія.

[2]) Борисовъ, котораго мы увидимъ сейчасъ, былъ другой торговецъ, снявшій у всѣхъ одиннадцати деревень, у всей поземельной общины, землю съ помѣщеніями на ней, принадлежащими другому лицу, для производства торговли вмѣсто Иванова. Земскій начальникъ говорилъ: „у васъ“,—такъ какъ деревня Варегино входила въ составъ этой общины, заключившей съ Борисовымъ условіе, и домохозяева Варегина вмѣстѣ съ прочими, какъ мы увидимъ, подписывались подъ соотвѣтствующимъ приговоромъ.

[3]) Нужно отдать справедливость земскому начальнику: онъ обнаружилъ извѣстное вліяніе, съ цѣлью прекращенія въ Кобылинѣ питейной торговли, наносившей крайній вредъ населенію и особенно плачевно отражавшейся на дѣлахъ самоуправленія.

— Согласны, согласны!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Но согласіе выражалось довольно слабо, и чей-то голосъ довольно громко настроивалъ: „кричите, бабы, что согласны“...

— Согласны, согласны!—подтвердило нѣсколько болѣе крикливыхъ голосовъ.

— Но какъ же?—выступило новое лицо съ видомъ лавочника, при фартукѣ, оказавшееся Борисовымъ:—вѣдь у меня условіе... Они не имѣютъ никакого полнаго права никому сдавать...

— Кто они?—спросилъ земскій начальникъ.

— Общество,—пироговское общество,—отвѣчалъ Борисовъ.

— Да, общество, дѣйствительно, не имѣетъ права,—а тутъ одна деревня,—объяснилъ земскій начальникъ.

— Деревня въ обществѣ,—ихъ одиннадцать деревень,—возразилъ Борисовъ.

— Они свою землю отдаютъ Иванову.

— Да они и мнѣ сдали ту же землю... У меня условіе. Вы сами его и утвердили...

— Нѣтъ, я не утверждалъ,—отказался земскій начальникъ.

— Нѣтъ, утвердили,—настаивалъ Борисовъ.

— Утвердилъ?—обратился земскій начальникъ съ вопросомъ къ волостному писарю.

— Да, утвердили, когда было представлено нотаріальное условіе,—объяснилъ писарь.

— А!—да, вѣрно,—пришлось утвердить,—вы выкинули штуку.

— А въ приговорѣ сказано, что...—началъ Борисовъ.

— Гдѣ приговоръ?—прервалъ его земскій начальникъ.

— Вотъ,—сказалъ Борисовъ, протягивая бумагу.

И земскій начальникъ прочелъ приговоръ о сдачѣ домохозяевами одиннадцати деревень, и въ томъ числѣ домохозяевами деревни Варегино, Борисову, земли подъ торговыя заведенія, съ ежегодною платою въ 350 рублей и безъ особой приплаты за разрѣшительные приговоры на питейную торговлю...

— Ну, да,—закончилъ земскій начальникъ чтеніе приговора, подавая бумагу Борисову:—это общество изъ одиннадцати деревень обязалось... А деревня Варегино можетъ и одна... Что же, согласны вы?—обратился онъ опять къ представителямъ деревни Варегино.

— Согласны, согласны!—заявили нѣсколько голосовъ.

Но на сей разъ, послѣ объясненія Борисова, согласіе было выражено еще слабѣе. Не трудно было видѣть, что далеко не всѣ сознательно принимали предложеніе. Нѣкоторые упорно мол-

чали. Иные высказывались слишкомъ вяло, сквозь зубы, хотя дѣло было выгодно для нихъ. Странность дѣла всѣхъ озадачивала. Домохозяева Варегина, видимо, находились въ большомъ затрудненіи.

Опять, вслѣдствіе этого, чей-то голосъ настроиваетъ хоръ къ болѣе единодушному выраженію согласія: „кричите, бабы, что согласны“...

И опять раздается нѣсколько болѣе крикливыхъ голосовъ:

— Согласны, согласны!

— Ну, и ладно!—подтвердилъ земскій начальникъ.

Тутъ выступилъ самъ Ивановъ.

— Сколько же вы возьмете съ меня, господа?—спросилъ онъ.

— А сколько вамъ земли?—спросили его.

— А сколько вамъ будетъ угодно...

— Не намъ, а вамъ,—поправилъ Иванова кто-то изъ числа договаривавшихся. — Вы снимаете и, значитъ, знаете, сколько нужно.

— Ну, хоть десятинку,—сказалъ Ивановъ.

— Сто рубликовъ; а если всѣ три десятины, что̀ есть, возьмете, такъ двѣсти,—предложилъ одинъ изъ вареговскихъ домохозяевъ.—Довольно, что-ли, будетъ?—обратился онъ къ сосѣдямъ.

— Довольно, довольно!—отвѣтили нѣсколько голосовъ.

Ивановъ сталъ просить „посбавить“. Начался торгъ, очень скоро окончившійся. Сбавки не послѣдовало.

— Ну, ладно,—сказалъ Ивановъ, соглашаясь платить двѣсти рублей за три десятины.

Волостной писарь сталъ писать тогда приговоръ.

— Не пойму, какія тутъ условія,—высказалъ онъ черезъ нѣсколько времени свое недоумѣніе.

— Ну, что̀ ты тамъ написалъ?—спросилъ земскій начальникъ.

Писарь подалъ ему свою работу.

— Что же, такъ,—одобрилъ земскій начальникъ.—А дальше нужно означить, что земля сдается на десять лѣтъ; постройки, по истеченіи этого времени, остаются въ пользу Иванова; сборы съ него...—включалъ онъ въ договоръ отъ себя условія, о которыхъ стороны пока и не говорили...

Такъ былъ написанъ и въ такомъ видѣ прочитанъ приговоръ. Теперь нужно было подписываться подъ нимъ. Только тогда возникъ вопросъ о числѣ представителей Варегина, обсуждавшихъ и разрѣшавшихъ дѣло.

— Староста, считай!—приказалъ земскій начальникъ.

Нашлось двѣнадцать голосовъ, принадлежавшихъ мужчинамъ-

домохозяевамъ. Всѣхъ же участвовавшихъ въ сходѣ представителей Варегина было здѣсь двадцать-два; въ томъ числѣ находилось нѣсколько женщинъ,—лицъ съ неопредѣленными правами.

— Кому подписываться подъ приговоромъ?—возникъ новый вопросъ.

— Пусть подписываются, — приказываетъ земскій начальникъ,—сами домохозяева и имѣющіе голоса по передовѣрію, а также вдовы-домохозяйки.

Но въ числѣ присутствующихъ женщинъ вдовъ только одна, да и у той,—говоритъ кто-то,—взрослый сынъ.

— На кого платежная книжка?—спрашиваетъ относительно послѣдней земскій начальникъ.

— На сына,—отвѣчаетъ староста,—и голосъ имъ переданъ... Зачѣмъ же ты пришла?—спрашиваетъ онъ вдову, на дѣлѣ и являющуюся настоящей домохозяйкой, такъ какъ сынъ постоянно живетъ на сторонѣ, еще не женатъ и не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія.

— Да голосъ нашъ умеръ,—отвѣчаетъ она.

Раздается смѣхъ.

— Какъ голосъ умеръ?—спрашиваетъ земскій начальникъ.

— А мужчина, которому сынъ-отъ мой передалъ голосъ за себя и который ходилъ за насъ на сходъ, умеръ, значитъ,—объяснила вдова.

— А! понимаю,—сказалъ земскій начальникъ.

Тутъ возникаетъ новое недоумѣніе: какъ быть съ остальными женщинами? Онѣ явились вмѣсто мужей, а сходъ получаетъ характеръ оффиціальный,—явно выйдетъ изъ предѣловъ внутренней жизни селенія; постановленіе его можетъ оказаться на разсмотрѣніи высшей власти.

— Ваше высокоблагородіе,—пытается кто-то разрѣшить затрудненіе:—тутъ и бабамъ можно—это не сельскій, а деревенскій сходъ; а на деревенскихъ онѣ у насъ бываютъ.

— Ну, ладно, все равно,—соглашается земскій начальникъ.—Пусть и бабы подписываются въ концѣ. Значитъ, будетъ двадцать-два голоса... Все-таки, большинство...

Послѣ этого участвующіе приступаютъ къ подписанію приговора.

Земскій начальникъ уходитъ въ отведенную ему комнату. Присутствующіе, какъ солдаты послѣ словъ команды: „о-п-прав-вьсь!“ начинаютъ чихать, кашлять, сморкаться [1])...

[1]) Въ объясненіе описанной сцены, слѣдуетъ сказать, что въ данной мѣстности допускаются на сельскій сходъ, и то не по всѣмъ дѣламъ, лишь вдовы-домохозяйки,

IV.

„Оправляться“ пришлось недолго. Часть лицъ, явившихся въ правленіе, должна была вскорѣ занять свои мѣста. Послѣдовало распоряженіе земскаго начальника открыть сходъ безъ него. Староста, поэтому, тотчасъ приказалъ однообщественникамъ собираться, и затѣмъ приступилъ къ перекличкѣ.

Читается списокъ домохозяевъ. Поименовываемые въ немъ даютъ соотвѣтствующіе отвѣты:

— Здѣсь?

— Нѣту!

— Мнѣ переданъ голосъ,—выступаетъ тотъ или другой изъ числа присутствующихъ домохозяевъ собравшагося общества.

— Въ книгу записано?—спрашиваетъ староста въ такихъ случаяхъ.

— Какъ же! записано.

— Уѣхалъ такъ, не передавши голоса,—дѣлается замѣчаніе объ одномъ изъ домохозяевъ, названномъ по списку.

— Ахъ, онъ!..—ругается староста.

— Зачѣмъ же паспортъ выдали?—замѣчаетъ кто-то.

— Этакъ и я уѣду,—расходу лишняго не будетъ...—гово-

владѣющія землей и самостоятельно оплачивающія всѣ повинности. Но если и у такихъ вдовъ подростаютъ сыновья, то матери устраняются отъ общественнаго представительства. Право на участіе въ общественныхъ дѣлахъ переходитъ къ сыновьямъ. При этомъ, коль скоро послѣдніе живутъ на сторонѣ (что здѣсь и наблюдается чаще всего), то они обязываются передавать свои голоса мужчинамъ-однообщественникамъ. Передача эта совершается за плату, колеблющуюся между тремя и шестью рублями. Безъ такой передачи не выдается и паспортъ. Передавать женамъ свой голосъ домохозяева не могутъ. Голосъ не сохраняется даже за матерями неженатыхъ сыновей,—за матерями, которыя самостоятельно имъ пользовались, пока сыновья не пришли въ надлежащій возрастъ, или, собственно, пока послѣдніе не стали оплачивать повинности,—такъ какъ въ крестьянской средѣ, обремененной платежами, это считается главнымъ признакомъ совершеннолѣтія. Но собственно въ селенскихъ или деревенскихъ сходахъ, существующихъ по обычаю, какъ описанный, по дѣламъ, касающимся чисто внутренней жизни одного даннаго селенія,—женщины, обыкновенно, участвуютъ, и какъ представительницы своихъ мужей, безъ особаго уполномочія,—однако, съ правами неполными, неопредѣленными и нерѣдко оспариваемыми... Понятно, къ какому произволу можетъ приводить недостаточность закона, взамѣнъ котораго, при безправности женщинъ, развились всѣ эти обычаи, сами по себѣ не представляющіе ничего устойчиваго... Такъ, въ настоящемъ случаѣ, будь приговоръ неугоденъ земскому начальнику,—и онъ, не разрѣшивъ женщинамъ подписываться хотя бы „въ концѣ“, сдѣлалъ бы его фактически ничтожнымъ...

ритъ другой членъ, разумѣя расходъ по передачѣ голоса,—плату, которая вручается лицу, принимающему голосъ.

Списокъ провѣренъ. Законное число голосовъ есть. Изъ 96 домохозяевъ явились 42 съ 79 голосами (у 37 домохозяевъ по два голоса,—свой и по передачѣ).

— Объявляю сельскій сходъ открытымъ! — говоритъ староста.—Намъ нужно назначить выборныхъ на волостной сходъ и выбрать десятскихъ.

Это—единственное дѣло, для котораго собранъ сходъ. Впрочемъ, тутъ, собственно, два дѣла; но они соединяются въ одно, такъ какъ въ описываемой мѣстности отправленіе обязанностей десятскаго и выборнаго волостнаго схода совмѣщается, обыкновенно, въ одномъ лицѣ. Отъ каждыхъ десяти дворовъ или и отъ поселка съ мѣньшимъ числомъ дворовъ—требуется, по закону, одинъ выборный на волостной сходъ. Отъ тѣхъ же единицъ требуется десятскій. И желающихъ, и способныхъ съ тѣмъ вмѣстѣ занимать обѣ должности—мало, въ виду того, что бо́льшая часть мужчинъ живетъ на сторонѣ, отхожими промыслами. Оттого установилась очередь въ отправленіи этихъ обязанностей и совмѣщеніе ихъ въ одномъ лицѣ. Дворы, не могущіе выставить своего представителя для отправленія дошедшей до нихъ очереди „ходить“ въ десятскихъ и выборныхъ, „нанимаютъ“ для этого сосѣдей. Иные живущіе дома домохозяева, почти безсмѣнно, поэтому, состоятъ въ выборныхъ и десятскихъ. Обходится этотъ наемъ очереднымъ дворамъ отъ шести до восьми рублей. Къ обязанностямъ десятскихъ отнесена передача отъ деревни до деревни „приказовъ“ сельскаго старосты о явкѣ на сходъ (приказовъ, указывающихъ только время для явки, но не поясняющихъ, для чего именно сходъ созывается). Это—обязанность легкая. Ее можетъ выполнить каждый дворъ собственными силами (деревни маленькія и разстоянія между ними незначительныя). Отсюда же существованіе двухъ видовъ десятскихъ: „полицейскаго десятскаго“—или собственно десятскаго, какъ онъ называется въ законѣ,—и „деревенскаго десятскаго“. На первомъ лежатъ собственно полицейскія обязанности; второй единственно передаетъ „приказъ“ старосты о явкѣ на сходъ въ сосѣднюю деревню, оповѣстивъ о „приказѣ“ своихъ однодеревенцевъ. Такъ какъ отправленіе обязанностей деревенскаго десятскаго самимъ дворомъ, до котораго дошла очередь поставить десятскаго и выборнаго и который не можетъ самъ выставить изъ своей среды, для исполненія этого, годнаго мужчины,—даетъ нѣкоторое уменьшеніе наемной платы, то въ нѣкоторыхъ селе-

ніяхъ и оказываются одновременно и полицейскій десятскій, и десятскій деревенскій. Большею же частью, обѣ должности совмѣщаются. Такимъ образомъ, обыкновенно въ одномъ лицѣ собственно совмѣщаются три должности: двѣ установленныя закономъ — выборнаго волостного схода и десятскаго — и одна, образовавшаяся по обычаю,—деревенскаго десятскаго. Назначеніе лицъ для отправленія этихъ обязанностей лежитъ на каждой деревнѣ особо. Это—ея внутреннее дѣло. Но, по закону, выборные волостного схода и десятскіе назначаются сельскими сходами. Отсюда—необходимость для сельскихъ сходовъ какъ бы утверждать назначенія, сдѣланныя на деревенскихъ сходахъ. И сельскіе сходы всецѣло ограничиваютъ свою дѣятельность по настоящему предмету выполненіемъ требуемой формальности. Въ выборы они не вмѣшиваются даже въ томъ случаѣ, если домохозяева одной деревни, не успѣвъ сговориться дома, „укладываютъ“ здѣсь уже, на сельскомъ сходѣ, кому быть выборнымъ волостного схода и полицейскимъ десятскимъ. Остальные члены схода, представители другихъ деревень, при этомъ только безмолвно присутствуютъ. Обязанности сельскихъ сходовъ, созываемыхъ для настоящей цѣли, весьма, такимъ образомъ, несложны.

Одинъ изъ такихъ сходовъ и происходитъ сейчасъ. Онъ созванъ только для подтвержденія выборовъ и назначеній, сдѣланныхъ деревенскими сходами селеній, входящихъ въ составъ даннаго сельскаго общества. Староста просто принимаетъ заявленія отъ представителей отдѣльныхъ селеній о томъ, кто у нихъ будетъ выборнымъ и полицейскимъ десятскимъ (деревни въ описываемой мѣстности заключаютъ въ себѣ меньше десяти дворовъ каждая). Заявленія дѣлаются при этомъ обыкновенно тѣми, чья очередь „ходить“ въ десятскихъ или выборныхъ, или которые договорились, „нанялись“ отправлять эти обязанности или „ходить“ за другихъ.

— Кого же, говори, ты долженъ знать?—спрашиваетъ староста кого-либо изъ домохозяевъ данной деревни.

— Ну, записывай (меня или такого-то).

— Ладно! Дальше! Деревня Жуково! Кто тутъ изъ Жукова, сказывайте, за кѣмъ очередь?

Но съ деревней Жуково—нѣкоторое затрудненіе. Отбывать по очереди повинность „ходить“ въ выборныхъ и десятскихъ иныя деревни заставляютъ и тѣ дворы, въ которыхъ вообще нѣтъ мужчинъ соотвѣтствующаго возраста (не менѣе двадцати-пяти лѣтъ, хотя въ законѣ наименьшій возрастъ для выборнаго не установленъ),—и даже дворы, принадлежащіе бездѣтнымъ, одинокимъ

вдовамъ... Тяжесть повинности приводитъ къ стремленію—разложить ее на всѣхъ, безъ всякаго исключенія. Такимъ путемъ и въ деревнѣ Жуковѣ очередь дошла нынѣче до бѣдной, бездѣтной вдовы. Дома, на деревенской сходкѣ, она не могла отклонить возлагавшуюся на нее обязанность. Теперь же она пытается сдѣлать это на сельскомъ сходѣ или, такъ сказать, въ его присутствіи. Обращаясь и здѣсь къ своимъ однодеревенцамъ, она, все-же, какъ бы апеллируетъ къ сельскому сходу... Съ плачемъ доказываетъ она, что возлагаемая на нее обязанность не можетъ относиться къ ней, какъ къ женщинѣ бездѣтной; что ей не на что „нанять"; что она должна будетъ продать послѣдній „льнишко", оставленный для того, чтобы „попрясть самой"... Но сходъ безучастенъ. Домохозяева прочихъ селеній, участвующіе въ сходѣ, уклоняются отъ вмѣшательства въ „чужое" дѣло. Раздаются только отдѣльныя сочувственныя замѣчанія. Однако, въ концѣ концовъ, — но все-же именно жуковскіе домохозяева предоставляютъ сосѣдкѣ „нанять" десятскаго, вмѣстѣ съ другою такою же вдовою, у которой есть неприписанный къ обществу зять. Тѣмъ не менѣе, она, почему-то, не пользуется предложеннымъ ей облегченіемъ и предпочинаетъ „нанять" подходящее лицо одна, „безъ канители",—и тутъ же, не переставая плакать, нанимаетъ сосѣда за пять рублей (съ очевидной уступкой съ его стороны).

Это было единственное обстоятельство, нѣсколько затянувшее сходъ. Во всемъ остальномъ онъ прошелъ очень гладко. Скоро были написаны, прочитаны и подписаны два соотвѣтствующіе приговора.

Таковъ механизмъ выборовъ въ члены волостного схода и въ десятскіе [1]).

---

[1]) Настоящій сходъ и закончился, какъ видно, въ отсутствіе земскаго начальника. Казалось бы, послѣдній не проявилъ интереса къ выборамъ. Но это—не такъ. Интересъ къ выборамъ въ члены волостного схода былъ проявленъ имъ въ свое время. Когда приговоръ о лицахъ, назначенныхъ выборными волостного схода, былъ представленъ ему на разсмотрѣніе (превратившееся, впрочемъ, на практикѣ, въ утвержденіе по отношенію къ такимъ, равно какъ и ко всѣмъ прочимъ приговорамъ, не требующимъ утвержденія со стороны какой-либо власти),—онъ просто вычеркнулъ одно неугодное ему лицо и представилъ этотъ приговоръ въ этой его части къ отмѣнѣ въ уѣздный съѣздъ. Такова система устраненія неугодныхъ членовъ изъ состава сельскихъ и волостныхъ сходовъ, свободно примѣняемая и нынѣ, безъ установленія въ законѣ соотвѣтствующихъ — проектируемыхъ нѣкоторыми—правъ для земскихъ начальниковъ.

V.

Вскорѣ отъ земскаго начальника послѣдовало приказаніе собираться членамъ волостного схода. Вновь появился и самъ земскій начальникъ. Онъ усѣлся на столъ. Члены схода стояли,—впереди должностныя лица (члены по должности), дальше—выборные члены.

— Сколько собралось всѣхъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Сорокъ-пять изъ пятидесяти-двухъ-съ, — отвѣтилъ старшина, законный предсѣдатель, но нынѣ стоявшій вмѣстѣ съ прочими должностными лицами въ роли совершенно неопредѣленной.

— Такъ... Ну, вамъ нужно будетъ выбрать сотскихъ,—обратился земскій начальникъ къ сходу, вступая въ роль предсѣдателя.

— Старыхъ! Старыхъ!—тотчасъ раздалось нѣсколько дружныхъ голосовъ.

— Это вѣдь грязь мѣсить,—пояснилъ кто-то.

— Старые-то привыкли,—подкрѣпилъ другой голосъ.—Новые скорѣй сбѣгутъ...

— Старыхъ, старыхъ!—вновь раздались дружные голоса.

— А старые, ваше высокоблагородіе, согласны,—сдѣлалъ старшина существенное добавленіе, такъ какъ сотскіе назначаются здѣсь по найму.

— Согласны ли? —переспросилъ тогда земскій начальникъ.

— Согласны, согласны! — подтвердили нѣсколько голосовъ.

Въ такомъ же порядкѣ и тотчасъ такъ же быстро рѣшено было оставить сотскимъ и прежній окладъ жалованья.

— А теперь насчетъ арестантской,—объявилъ земскій начальникъ, оставаясь въ роли предсѣдателя схода. — Старшина говоритъ, что ее нужно бы передѣлать.

— Да,—обратился къ сходу старшина.—Требуется передѣлочка. Потому, много бываетъ пьяныхъ. Бушуютъ часто. Мѣшаютъ заниматься въ правленьи.

— А сколько будетъ стоить передѣлка? — спросилъ одинъ изъ членовъ схода.

— Рублей двѣсти,—объяснилъ старшина.

— Много больно!—раздалось въ заднихъ рядахъ.

— Да и не нужно,—заявилъ кто-то.—Съ новаго года Ивановъ виномъ торговать не станетъ, пьяныхъ не будетъ, и станетъ тише. Не нужно!

— Не нужно, не нужно!—подхватило нѣсколько голосовъ.

—И такъ обойдемся,—раздался еще отдѣльный голосъ.—А то нынче двѣсти, завтра двѣсти... И такъ много расходовъ. Объ этомъ слѣдуетъ подумать. Нужно бы сокращать...

— Да, двѣсти рублей—сумма порядочная,—заключилъ пренія земскій начальникъ. — Значить, и приговора составлять не нужно,—обратился онъ къ писарю.—Пусть подписываются подъ однимъ.

Скоро былъ прочитанъ и приговоръ. Началось затѣмъ отбираніе подписей,—„дача рукъ". Земскій начальникъ ушелъ. Постепенно разошелся и народъ, наполнявшій правленье цѣлый день. Не мало осталось, однако, представителей крестьянскаго самоуправленія около винной лавки Иванова, гостепріимно и широко уже распахнувшей свои двери по окончаніи схода.

VI.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Наступилъ новый годъ. Ивановъ не торговалъ больше ни въ мелочной, ни въ винной лавкахъ въ Кобылинѣ. Винной торговли здѣсь уже совсѣмъ не было. Борисовъ, не получивъ права на продажу крѣпкихъ напитковъ, однако, не сбѣжалъ, вопреки предсказанію земскаго начальника, а торговалъ, попрежнему, въ мелочной и чайной лавкахъ, перебравшись только въ новыя помѣщенія, которыя были до того заняты мелочною и винною лавками Иванова. Ивановъ же, въ свою очередь, уже построился-было на участкѣ, взятомъ въ аренду у крестьянъ деревни Варегино. Легонькая постройка, которая должна была вмѣщать мелочную лавку и квартиру для хозяина, была уже почти готова... какъ вдругъ случился пожаръ... Какъ-то рано утромъ, солома, разбросанная по обрѣшетинѣ для крыши, которую въ въ этотъ день предполагалось крыть, вспыхнула отъ искръ, вылетавшихъ изъ трубы временной печки. Моментально занялась вся постройка, — и въ теченіе двухъ часовъ на мѣстѣ новаго помѣщенія Иванова образовалась куча пепла и обгорѣлыхъ бревенъ.

Огонь серьезно угрожалъ и нѣкоторымъ волостнымъ и сельскимъ общественнымъ постройкамъ. Спасло ихъ только то, что вѣтеръ дулъ въ противоположную сторону. Это не мѣшало, однако, Иванову начать, послѣ того, хлопотать о томъ, чтобы вновь построиться позволено было ему еще ближе къ общественнымъ зданіямъ. Очевидно, онъ считалъ свое положеніе доста-

точно благопріятнымъ, для того, чтобы проводить свои и столь сомнительныя дѣла навѣрняка.

Между тѣмъ, хотя и трудно было ожидать продолженія дѣла о сдачѣ Иванову земли крестьянами деревни Варегино,—тѣмъ не менѣе, десять деревень, права которыхъ были нарушены, не пожелали оставить дѣло такъ. Возникло дѣло [1]).

И вотъ, оба дѣла—о возведеніи Ивановымъ своихъ построекъ ближе къ общественнымъ зданіямъ, и споръ между одною и десятью однообщественными деревнями — были разрѣшены одновременно съ волостнымъ сходомъ, созывавшимся для годового учета волостного старшины Петрова,—и разрѣшены были тѣмъ же самымъ земскимъ начальникомъ.

Народъ созывался въ этотъ день въ Кобылино въ восемь часовъ. Въ девять всѣ были уже въ сборѣ. Но земскаго начальника все еще не было. Онъ пріѣхалъ около двѣнадцати часовъ.

Приблизительно около часу земскій начальникъ вошелъ въ присутственную комнату волостного правленья, гдѣ его ожидалъ сходъ.

Воцарилась тишина.

— Ну, читай! — обращаясь къ писарю, приказалъ земскій начальникъ, закуривая папироску и усаживаясь на столъ.

О предсѣдательствѣ одного изъ старостъ, которое должно было наступить, по закону,— не возникло здѣсь и рѣчи: земскій начальникъ самъ принялъ опять на себя предсѣдательство.

Писарь сталъ читать статьи прихода. Главную статью этого рода составлялъ мірской волостной сборъ. Почти исключительно имъ и покрывались многочисленные расходы (привожу статьи, какія удержались въ памяти):

...Двоимъ сотскимъ по 72 руб.; разсыльному—72 руб.; правленскому сторожу—72 руб.; сторожихѣ при училищѣ—60 руб.; „становому приставу на дежурства десятскихъ при становой квартирѣ“—10 руб. 25 коп. „на обивку комнаты для пріѣзда земскаго начальника“—4 руб.; уряднику квартирныхъ—30 руб.; на пріемъ чудотворныхъ иконъ 10 руб.; на молебны—21 руб.; на неугасимое масло передъ иконой—25 руб.; на отопленіе и освѣщеніе волостныхъ зданій—180 руб.; старшинѣ по сдачѣ призываемыхъ къ воинской повинности—10 руб.; содержаніе призываемыхъ въ городѣ—27 руб.; награда принятымъ

[1]) Въ объясненіе нѣкотораго, проявленнаго тутъ мѣстными крестьянами, упорства нужно сказать, что крестьяне эти — бывшіе государственные, отличающіеся вообще бо́льшимъ развитіемъ личности, чѣмъ крестьяне бывшіе помѣщичьи.

на службу—21 руб.; на письменныя принадлежности для училища—35 руб.; жалованье старшинѣ—300 руб.; жалованье волостному писарю—360 руб.; двумъ учетчикамъ за настоящій учетъ—4 руб.; и пр., и пр. Общая сумма расходовъ составляла около 1.500 руб. На рукахъ у старшины оставалось мірскихъ суммъ 18 коп. и „переходящихъ“ суммъ 60 рублей.

— Значитъ, у тебя теперь восемнадцать копѣекъ? Много!— съострилъ земскій начальникъ.

Общій смѣхъ, не лишенный характера почтительности.

— Признаете, господа?—обратился староста къ сходу.

— Ну, что тутъ!—прервалъ его земскій начальникъ, какъ бы считая всякое обращеніе къ сходу въ его присутствіи и подъ его предсѣдательствомъ излишнимъ. — Читай! — приказалъ онъ писарю.

И писарь прочелъ готовый приговоръ объ учетѣ [1]).

Послѣ этого приступлено было къ опредѣленію расходовъ на мірскія потребности на слѣдующій годъ. Это заняло чуть-чуть больше времени. Большая часть статей сохранялась въ неизмѣнномъ видѣ. Но по нѣкоторымъ статьямъ проектировано было увеличеніе. При этомъ всѣ предложенія относительно прибавокъ не вызывали ни возраженій, ни одобренія. Сходъ молчалъ. Молчаніе же его принималось за согласіе. Только въ концѣ подобнаго „обсужденія“ смѣты возникли непродолжительныя пренія по статьѣ, считавшейся уже принятою.

— Много больно выходитъ дровъ!—сказалъ кто-то.—Шутка ли! по пятнадцати саженъ въ мѣсяцъ, по полусаженкѣ въ день!

— Ну, и помѣщенье вѣдь большое, отопить нужно!—возразилъ другой членъ схода. — Подумай: правленье, квартира писаря, училище, фершальской пунктъ... Много и требуется.

— Топятъ больно жарко,—сдѣлалъ замѣчаніе новый членъ схода.—Нажарятъ,—дверь откроютъ; холодно станетъ,—опять топить... въ тотъ же день. Такъ—нельзя же...

---

[1]) Печальна картина учета, данная, въ свое время, покойнымъ Астыревымъ („Въ волостныхъ писаряхъ“, изд. 1-ое, стр. 39),—съ поясненіемъ, что учеты производятся такъ „почти всюду и вездѣ“. Но еще печальнѣе, конечно, эта позднѣйшая картина... Тамъ, по прочтеніи заранѣе подготовленнаго приговора, спрашивается, все-же, согласіе схода на утвержденіе учета и предлагается желающимъ „книги или суммы провѣрить самимъ“, и наконецъ, послѣ отказа отъ этого—„стоитъ возжаться!“ —предлагается поднять руки, въ знакъ дѣйствительнаго согласія. Здѣсь же, въ настоящее время, все приняло болѣе упрощенныя формы... Если тамъ не оказывается желающихъ произвести учетъ лично, то здѣсь это какъ бы и невозможно, такъ какъ представилось бы, нѣкоторымъ образомъ, вмѣшательствомъ въ дѣйствія земскаго начальника...

— А въ крестьянствѣ,—дѣлается еще замѣчаніе,—такъ: сегодня потопятъ, а завтра смотрятъ, нельзя ли и такъ обойтись, не будетъ ли тепло и безъ топки...

— Ну, это плохой примѣръ!—замѣтилъ кто-то.

Этимъ все и кончилось.

Въ результатѣ смѣты—раскладка „на крестьянъ и мѣщанъ“... по землѣ, въ размѣрѣ 43 коп. съ десятины... на одну копѣйку больше противъ предшествующаго года [1]).

— Тяжеленько! — вздохнули нѣкоторые члены схода, когда былъ объявленъ этотъ результатъ.

— И все прибавляется, да прибавляется, хоть по копѣечкѣ каждый годъ.

— Сбавить бы какъ не худо...

Еще въ этомъ смыслѣ сдѣлано было нѣсколько замѣчаній.

— А вотъ, господа, для облегченія, мы думаемъ привлечь пришлыя деревни, — обратился тутъ старшина къ сходу, подразумѣвая подъ „пришлыми деревнями“ нѣсколько находившихся въ предѣлахъ волости поселковъ крестьянъ сосѣдней губерніи, которые переселились сюда на купленныя частно-владѣльческія земли и остались, частью въ составѣ своихъ сельскихъ обществъ, большею же частью перешли въ мѣщане, для того, чтобы избѣжать чрезмѣрной тяжести личныхъ и денежныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянахъ. — Какъ это сдѣлать, нужно будетъ подумать... Можно будетъ...—началъ-было старшина.

— Ну, тамъ, сдѣлаемъ это какъ-нибудь, — прервалъ его объясненіе земскій начальникъ.

VII.

— Теперь дѣло Иванова!—объявилъ земскій начальникъ.

Ивановъ былъ тутъ и выступилъ впередъ.

— Кстати, Ивановъ,—обратился земскій начальникъ къ коровинскому волостному старшинѣ: — твой сынъ былъ у меня и просилъ опять о винной торговлѣ... Не могу, не допущу...

— Я и самъ не желаю-съ; слава Богу, что развязался-съ, —началъ увѣрять Ивановъ.

— Стало лучше,—добавилъ мѣстный старшина.—А то были бы уже пьяные.

---

[1]) Тутъ подразумѣваются мѣщане, вышедшіе изъ среды мѣстныхъ крестьянъ и владѣющіе выкупленными ими надѣльными землями.

— Куда теперь покойнѣе! — замѣтилъ кто-то и изъ среды схода.

— Какъ можно!—подтвердилъ другой:—кабакъ рядомъ али и совсѣмъ нѣтъ его...

Еще кто-то обнаружилъ желаніе высказаться по этому предмету. Но тутъ земскій начальникъ счелъ нужнымъ прервать замѣчанія, свидѣтельствовавшія о свойствѣ того вліянія, которое имѣлъ Ивановъ и за предѣлами своей волости.

— Такъ вотъ,—сказалъ онъ:—Ивановъ проситъ, чтобы вы разрѣшили ему построиться иначе... вотъ такъ здѣсь...—и земскій начальникъ показалъ, какъ именно желалъ бы Ивановъ построиться на томъ пепелищѣ, которое находилось передъ правленьемъ и было хорошо видно изъ окошка.

— Нѣтъ,—такъ, какъ онъ желаетъ, намъ неудобно! — тотчасъ послѣдовало возраженіе.

— Такъ намъ придется платить больше страховки,—объяснилъ мѣстный старшина.—Теперь мы страхуемъ общественныя зданія какъ отдѣльную усадьбу,—а тогда будемъ ужъ какъ въ селеніи. Премія будетъ больше,—потому, станетъ опаснѣе. Разница будетъ большая,—добавилъ онъ.

— Сохрани Богъ, если опять несчастный случай!—поддержалъ кто-то старшину.

— Расходъ намъ выходитъ лишній,—послѣдовало новое замѣчаніе.

— Я, господа, прибавлю пятьдесятъ рублей,—сказалъ Ивановъ.

Но оказалось, что излишекъ страховой преміи, которую придется платить, если новая постройка будетъ возведена такъ близко къ правленью и къ другимъ общественнымъ зданіямъ, какъ желалъ Ивановъ, составитъ около восьмидесяти рублей. Это и объяснилъ кобылинскій волостной старшина.

— Что же, онъ заплатитъ и всю разницу, — сказалъ земскій начальникъ за Иванова.

Но тутъ сходъ заволновался. Съ разныхъ сторонъ стали раздаваться разомъ и отдѣльно рѣшительныя замѣчанія:

— Нѣтъ, лучше не надо!

— Помилуй Богъ, если пожаръ!

— Загорится тутъ, такъ все сгоритъ!

— Что страховое вознагражденіе!—на него всѣхъ построекъ не поставишь!

— Да и не однѣ постройки сгорятъ!—въ магазеяхъ-то, вѣдь, хлѣбъ!

— И то погорѣли-было ужъ! Хорошо, что вѣтеръ дулъ не въ ту сторону. А то...

— Рубашку бы съ насъ снялъ!

— Тутъ вѣдь штò всего погоритъ: хлѣбъ, фершальскій пунктъ, училище, правленье...

— Ребятамъ и учиться негдѣ будетъ!

— Былъ ужъ случай!

— И опять все можетъ быть!

— А онъ еще ближе хочетъ!

— Съ ума онъ сошелъ!

Возраженія раздавались громче и громче. Это былъ рѣдкій случай, когда по дѣлу высказывался каждый членъ схода. Всѣ были противъ предложенія. Ни одного голоса—за. Слишкомъ ужъ существенно угрожало предложеніе интересамъ волости.

— Стойте, стойте, замолчите!—закричалъ тутъ земскій начальникъ, покрывая голоса разошедшихся-было членовъ схода.— Не о томъ теперь рѣчь...

— Молчите, молчите! — начали водворять тишину и прочіе начальствующіе, стоявшіе впереди.

Сходъ смолкъ, какъ бы считая, что дѣло рѣшено,—предложеніе отвергнуто.

— Вашему старшинѣ вышла медаль,—заявилъ земскій начальникъ. — Я ее удержалъ у себя, чтобы вручить ему лично, при васъ. Старшина награжденъ за хорошую службу. Вотъ!

И земскій начальникъ подалъ медаль старшинѣ Петрову, который стоялъ передъ нимъ.

— Благодаримъ, ваше высокоблагородіе, благодаримъ!—раздалось со стороны схода.

— Поздравляемъ, поздравляемъ!—обращался сходъ къ старшинѣ.

Но тутъ общее удовольствіе было нарушено въ пользу Иванова, который продолжалъ стоять впереди, видимо не считая своего дѣла оконченнымъ.

— Ну, такъ вотъ, Ивановъ, заплатишь, значитъ, разницу,—обратился къ нему земскій начальникъ, возвращаясь къ прежнему дѣлу и разрѣшая его на сей разъ уже единолично,—а тамъ, стройся съ Богомъ, если съѣздъ утвердитъ мое постановленіе по дѣлу, которое я буду сейчасъ разбирать,—добавилъ онъ, еще до разбирательства предрѣшая свое постановленіе.

Крестьяне, видимо, были озадачены настолько, что никто не сказалъ ни одного слова. Да и небезопасно было уже тутъ и

говорить что-нибудь: каждому угрожала дисциплинарная власть земскаго начальника.

Дѣйствіе, между тѣмъ, продолжалось.

VIII.

— Дѣло вареговскихъ крестьянъ!—тотчасъ объявилъ земскій начальникъ.—Здѣсь они?

— Здѣсь-съ,—отвѣтилъ старшина:—вареговскіе, подходите! —обратился онъ, затѣмъ, по направленію къ собравшимся.

Впередъ протискалось нѣсколько мужчинъ и женщинъ изъ числа участвовавшихъ въ прошлый разъ въ сдачѣ Иванову въ аренду земли для возведенія построекъ, о которыхъ шла рѣчь. Въ числѣ этихъ лицъ, представлявшихъ одну сторону въ дѣлѣ, находился староста всего пироговскаго сельскаго общества и поземельной общины, которую составляли одиннадцать деревень и которая, въ лицѣ десяти селеній, являлась другою стороною. Староста самъ былъ изъ деревни Варегина.

— Уполномоченные отъ десяти деревень,—Васильевъ, Семеновъ, Ларіоновъ!—вызывалъ земскій начальникъ.

— Здѣсь!—выступили три крестьянина, ставъ на другую сторону, противъ первой группы.

— Чего вы желаете?—обратился къ нимъ земскій начальникъ.

— Земля эта находится въ общемъ владѣніи всѣхъ одиннадцати деревень, а никакъ не одного Варегина,—отвѣтилъ одинъ изъ уполномоченныхъ, Ларіоновъ.

— Изъ всѣхъ деревень ни одна не знаетъ у насъ своего собственнаго клочка,—сталъ объяснять другой уполномоченный, Васильевъ.—Мы не размежованы. Только пахотныя поля—отдѣльныя у каждой деревни. Вся остальная земля—въ общемъ владѣніи.

— Нѣтъ, это нашъ участокъ,—возразилъ староста, какъ представитель деревни Варегина.

— Это вы утверждаете голословно,—замѣтилъ ему Ларіоновъ.

— Участокъ этотъ вы получили въ обмѣнъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Да, въ обмѣнъ отъ казны,—отвѣтилъ Ларіоновъ.—И какъ тотъ участокъ, который мы уступили казнѣ, находился въ общемъ владѣніи, такъ и этотъ, полученный взамѣнъ его, остался

въ общемъ владѣніи всѣхъ одиннадцати деревень. У насъ одна владѣнная запись.

— Этакъ всѣ одиннадцать деревень захотѣли бы сдавать отдѣльно,—замѣтилъ третій уполномоченный, Семеновъ.

— Вареговскіе одни не могутъ,—продолжалъ Ларіоновъ.— Тутъ общее владѣніе,—должны быть и общіе убытки, и общіе интересы.

— Какіе тебѣ убытки!—возразилъ земскій начальникъ.

— Интересы должны быть общіе... „Другъ друга тяготы носите“...—пояснилъ свою мысль Ларіоновъ ссылкою на священное писаніе.

— Борисовъ будетъ требовать сбавки,—указалъ Васильевъ, въ подкрѣпленіе заявленія Ларіонова о возможности убытковъ.

— Вареговскіе сдавали и ему. Они даже первые подписались подъ приговоромъ,—замѣтилъ Семеновъ.

— Гдѣ приговоръ? Отыщи!—приказалъ земскій начальникъ писарю.

Скоро приговоръ былъ отысканъ и изъ него былъ прочитанъ пунктъ, въ которомъ было сказано, что никому, кромѣ Борисова, общество обязывается земли подъ торговыя заведенія не сдавать.

— Такъ и въ нотаріальномъ условіи,—говоритъ Ларіоновъ.

— Позовите Борисова съ условіемъ!—приказалъ земскій начальникъ.

На нѣкоторое время воцарилось молчаніе.

— Что, Борисовъ еще не пришелъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Нѣтъ еще-съ,—отвѣтилъ кто-то.

— Ну, такъ сбѣгай поскорѣе! Что онъ тамъ копается!

Новый посланецъ отправился за Борисовымъ.

— Кто же пользовался этою землею?—спросилъ послѣ этого земскій начальникъ.

— Никто,—отвѣтилъ Ларіоновъ.

— Мы пользовались,—каждый годъ косили,—отвѣтилъ староста, какъ представитель деревни Варегина.

— Да тутъ и косы переломаешь!—замѣтилъ Ларіоновъ.

— Вотъ что,—предложилъ земскій начальникъ.—Нельзя ли такъ, чтобы вареговскихъ не принимать къ участію въ вознагражденіи, которое будетъ получаться съ Борисова?

— Они не откажутся, я думаю, отъ своей доли,—отвѣтилъ Ларіоновъ.—Да это и посторонній вопросъ,—резонно добавилъ онъ.

— Тутъ общее владѣніе,—подтвердилъ Васильевъ.

Въ это время пришелъ Борисовъ.

— Давай условіе!—сказалъ земскій начальникъ, протягивая руку за бумагой.

Борисовъ подалъ условіе.

Тогда земскій начальникъ прочелъ, между прочимъ, въ послѣднемъ слова: „могутъ сдавать и другимъ лицамъ“... (Очевидно, нотаріусъ отказался совершить договоръ съ точнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ условій по приговору схода поземельной общины, такъ какъ въ этомъ случаѣ создавалась бы незаконная монополія винной торговли для Борисова).

— Можете, значитъ, и вы,—сдѣлалъ заключеніе земскій начальникъ, отдавая бумагу Борисову.—Вотъ, и разрѣшите Иванову, съ своей стороны, арендовать землю, которую онъ снялъ у вареговскихъ. Тогда получите вмѣстѣ съ ними часть денегъ, которыя будетъ платить Ивановъ.

— Нѣтъ, мы такъ не желаемъ,—отвѣтилъ, однако, Ларіоновъ.—Это и посторонній вопросъ. Они не могутъ одни. Тутъ общее владѣніе. Всѣ одиннадцать деревень заключали договоръ съ Борисовымъ, и одна изъ нихъ не можетъ нарушить его. Не желаемъ!—закончилъ онъ.

— Не желаемъ!—подтвердили два другіе уполномоченные.

На лицѣ земскаго начальника отразилось неудовольствіе, крайняя досада.

— Я сказалъ вамъ, какъ сдѣлать... Разрѣшите и вы... А не хотите,—закончилъ онъ,—такъ и ни копѣйки не получите...

И вслѣдъ затѣмъ, земскимъ начальникомъ было написано и объявлено постановленіе (безъ всякихъ мотивовъ и ссылокъ на законы): „признать жалобу крестьянъ десяти деревень незаслуживающею уваженія и въ просьбѣ ихъ отказать“...

— Позвольте намъ копію,—сказалъ Ларіоновъ.

— Хорошо, пришлю... А ты, Ивановъ,—обратился земскій начальникъ къ продолжавшему стоять около него съ видомъ побѣдителя коровинскому старшинѣ:—хочешь, такъ стройся... Но имѣй въ виду, что если тамъ, въ верхахъ, постановленіе мое отмѣнятъ, то тебѣ придется забирать свою лавочку подъ мышку...

Черезъ нѣсколько времени, однако, земскій начальникъ прибавилъ:

— А лучше подождать... Впрочемъ, какъ хочешь. Только послѣ на меня не пеняй!

— Ну, у кого еще до меня дѣла?—обратился, затѣмъ, земскій начальникъ къ собравшимся, стоявшимъ въ порядочномъ

недоумѣніи передъ только-что закончившимся разборомъ дѣла и произнесеннымъ рѣшеніемъ.

Выступили мужчина и женщина. Какъ оказалось, это были—двоюродный братъ Иванова, Николай Ивановъ, съ женою. Видъ родственника коровинскаго старшины былъ удрученный, растерянный. Онъ сталъ объяснять свое дѣло. Но у него ничего не получалось. Трудно было понять, что̀ именно хочетъ онъ сказать... Было ясно, однако, что онъ хочетъ засвидѣтельствовать что-то о неправильныхъ дѣйствіяхъ своего двоюроднаго брата, старшины...

— Ничего не понимаю,—сказалъ земскій начальникъ, пожимая плечами.

Тутъ выступила въ помощь къ мужу жена, и объяснила очень толково:

— Намъ вотъ что̀ нужно, ваше высокоблагородіе... Вчерась нашъ старшина сказалъ: „у меня-де есть бумага,—земскій начальникъ присудилъ мнѣ два надѣла“... Но мы не знаемъ, какая это бумага и присудили ли вы ему чего... Мы не получали ни повѣстки, ни копіи. А какъ же можно было бы безъ этого разбирать дѣло!.. Такъ если это правда, то пожалуйте намъ копію. Намъ желательно узнать, что̀ тутъ такое, какая у него бумага...

— Ну, приходите завтра въ Коровино. Я въ вашей волости самъ буду. Тамъ и разберу ваше дѣло... А только я ему ничего, кажется, не присуждалъ,—добавилъ земскій начальникъ.

Николай Ивановъ съ женою отошли.

— У кого еще до меня дѣла?—обратился земскій начальникъ вновь къ присутствовавшимъ.

Ни у кого никакихъ дѣлъ не оказалось болѣе, и засѣданіе было на этомъ закончено.

IX.

Постановленіе земскаго начальника, оставившее безъ послѣдствій притязанія десяти деревень по поводу сдачи Иванову одиннадцатою, составлявшею вмѣстѣ съ ними одну поземельную общину, въ аренду участка земли, принадлежавшаго всей поземельной общинѣ, было отмѣнено вскорѣ уѣзднымъ съѣздомъ, съ признаніемъ правъ на этотъ участокъ всей поземельной общины, а не одной деревни Варегина, и съ уничтоженіемъ приговора послѣдней, составленнаго, какъ мы видѣли, при участіи земскаго начальника. Тогда Иванову пришлось оставить мысль о торговлѣ

въ Кобылинѣ чѣмъ бы ни было, не говоря уже о крѣпкихъ напиткахъ. Это же разомъ подало поводъ къ возникновенію въ ближайшихъ волостныхъ судахъ цѣлаго ряда исковъ, вытекавшихъ изъ отпуска въ долгъ товаровъ и—какъ оказалось изъ одного дѣла, на которомъ мнѣ пришлось быть,—изъ отпуска водки въ долгъ, подъ работу.

Упоминаемое дѣло разбиралось въ кобылинскомъ волостномъ судѣ и состояло во взысканіи Ивановымъ-сыномъ тридцати рублей съ подрядчика-плотника Владиміра Курочкина.

— Онъ у меня забиралъ и остался, по разсчету, долженъ тридцать рублей,—объяснялъ на судѣ истецъ.—Была квитанція изъ заборной книжки, да потерялъ. Не могу теперь найти. А вѣрно!—осталось за нимъ, не додалъ...

— Я съ нимъ совсѣмъ разсчитался,—возразилъ отвѣтчикъ.—Тому ужъ три года, какъ я забиралъ. Это было, когда я строилъ фершальскій пунктъ и училище. Заплатилъ за все, что̀ слѣдовало. Здѣсь, въ правленьи, и платилъ, и Василій Кузьмичъ (старшина) скажетъ—спросите его. На двѣсти-пятьдесятъ рублей забрано было, и все отдалъ. На семьсотъ рублей было работы только здѣсь... и самъ хоть домой на палкѣ поѣхалъ... послѣднюю пилу за цѣлковый продалъ—да со всѣми расквитался, никому ничего не остался долженъ. Спросите Василья Кузьмича. А росписокъ никакихъ не писалъ и не давалъ. Это Ивановъ напрасно говоритъ. Не знаю, съ чего...

Допрашивается Василій Кузьмичъ, старшина.

— Когда дѣло дошло до разсчета съ Курочкинымъ у насъ за его работы на волость,—началъ объяснять свидѣтель,—такъ самъ Ивановъ-отецъ пріѣзжалъ ко мнѣ и просилъ не отдавать всѣхъ денегъ Курочкину. Потому, Володя (Курочкинъ) запивалъ, и Ивановъ боялся, что не получитъ своихъ по книжкѣ. При мнѣ, здѣсь, въ правленьи, они и разсчитывались. Ивановъ-сынъ получилъ все, что̀ слѣдовало. Онъ только скинулъ Курочкину сколько-то... Потому, кой-гдѣ, на пустыхъ мѣстахъ, было вписано: масло, баранки, прочее что̀... Отпускалъ, значитъ, вино, а записывалъ другое...—видимо сбиваясь, самъ конфузясь за Иванова, пояснилъ свидѣтель свое не совсѣмъ понятное показаніе.—Я ему еще говорилъ,—продолжалъ онъ,—нельзя-де такъ дѣлать... „Да не я, а неволя моя,—говоритъ,—заставляла... Потому, просятъ неотступно“... Ну, онъ и поскинулъ. А то все, какъ есть, заплатилъ ему Курочкинъ...

— Не знаю, что̀ онъ ищетъ,—добавилъ отвѣтчикъ.—А я никакой росписки не давалъ, и ничего ему не долженъ. Все

уплатилъ, хоть самъ ни съ чѣмъ остался. Мало ли что вписывалось въ книжку,—сталъ онъ, съ своей стороны, пояснять показаніе свидѣтеля.—Всякій съ ней ходилъ. Брали водку, а писали другое. На семьсотъ рублей было у меня здѣсь работы, да вся и выгода была отъ работы только въ томъ, что много было выпито у него же...

Кобылинскій волостной судъ, естественно, отказалъ Иванову въ искѣ, по бездоказательности.

Черезъ нѣсколько дней, я пріѣхалъ въ сосѣдній курицынскій волостной судъ, опоздавши къ началу засѣданія. Оказалось, что до меня разбиралось дѣло о взысканіи Ивановымъ съ кого-то долга по торговлѣ въ Кобылинѣ.

Еще черезъ нѣсколько дней, пришлось быть въ волостномъ судѣ, хотя и смежной съ Кобылинскою волости, но другого уѣзда и земскаго участка. На объявленіи о дѣлахъ, назначенныхъ къ разбирательству, которое въ этомъ—считающемся образцовымъ на большой округъ—волостномъ судѣ выставляется при входѣ въ волостное правленье, значилось четыре дѣла о взысканіи Ивановымъ съ разныхъ лицъ небольшихъ суммъ.

— Вотъ,—объяснилъ кому-то предсѣдатель объ этихъ дѣлахъ,—третій разъ назначаемъ... Самъ же не явится—прекратимъ; а онъ опять подастъ... Просто, должно быть, попугать хочетъ своихъ должниковъ. Думаетъ, что предъявитъ искъ, а они тотчасъ и съ денежками къ нему... Да нѣтъ!—что-то, должно быть, не дѣйствуетъ... Должно быть, что-то неладно... Вотъ, и опять его нѣтъ,—и опять придется прекратить дѣло производствомъ...

Такъ и случилось. Ко времени разбирательства ни самъ Ивановъ, ни его повѣренный не явился—и дѣла были прекращены.

Изъ того же обстоятельства—закрытія винной лавки въ Кобылинѣ—возникло любопытное дѣло, обошедшее четыре волостныхъ суда, занявъ въ каждомъ по нѣсколько засѣданій, и три раза побывавшее въ уѣздномъ съѣздѣ,—дѣло, въ которомъ Ивановъ выступалъ отвѣтчикомъ... Изслѣдуя волостные суды, я невольно столкнулся нѣсколько разъ съ этимъ дѣломъ, и, оставаясь добросовѣстнымъ фотографомъ, не могу не передать здѣсь то, что пришлось наблюдать по отношенію къ этому дѣлу. Къ тому же оно крайне характерно и представляетъ собою существенное дополненіе къ настоящей картинѣ положенія крестьянскихъ дѣлъ...

Дѣло состояло въ искѣ, предъявленномъ къ Иванову владѣль-

цемъ дома съ винною и мелочною лавками въ Кобылинѣ, въ которыхъ торговалъ коровинскій волостной старшина до вынужденной уступки этого дома и земли подъ нимъ Борисову. Владѣлецъ этотъ, Яковлевъ, именно искалъ съ Иванова сорокъ-пять рублей за утраченныя, невозвращенныя и испорченныя вещи, составлявшія „обстановку“ и необходимыя принадлежности винной и мелочной торговли, а также и самаго дома.

Искъ былъ первоначально предъявленъ въ коровинскомъ волостномъ судѣ, по мѣсту жительства отвѣтчика. Но еще до разбирательства здѣсь, дѣло было передано въ сосѣдній курицынскій волостной судъ, по распоряженію земскаго начальника, подъ предлогомъ возможности обнаруженія пристрастія со стороны суда, подчиненнаго отвѣтчику и состоящаго подъ предсѣдательствомъ его родного брата,—пристрастія, конечно, вполнѣ возможнаго, но, какъ оказалось, однако, представлявшаго не одну опасность для интересовъ отвѣтчика, не одно затрудненіе вести дѣло противъ лица, пользующагося сильнымъ покровительствомъ.

X.

Въ первый разъ встрѣтился я съ этимъ дѣломъ уже въ барановскомъ волостномъ судѣ, въ который оно было передано потомъ съѣздомъ, по жалобѣ Иванова на курицынскій волостной судъ, постановившій рѣшеніе противъ него.

Пять разъ, какъ оказалось, назначалось дѣло къ разбирательству въ курицынскомъ волостномъ судѣ. Но Ивановъ-отвѣтчикъ не являлся, ссылаясь на какія-либо особыя занятія по службѣ, препятствовавшія ему отвѣчать по иску; не присылалъ онъ и повѣреннаго. Наконецъ, повѣренный истца принесъ земскому начальнику жалобу на Иванова по поводу подобныхъ попытокъ къ уклоненію отъ гражданской отвѣтственности. Тогда уже—въ слѣдующее (шестое) засѣданіе по дѣлу—Ивановъ явился. Дѣло было тогда и разрѣшено курицынскимъ волостнымъ судомъ. Искъ былъ присужденъ. Затѣмъ, какъ сказано уже, рѣшеніе это было обжаловано и отмѣнено, съ передачею дѣла въ барановскій волостной судъ. Теперь, въ этомъ послѣднемъ, предстояло разыграться той же исторіи, живо рисующей положеніе волостного суда передъ лицомъ, пользующимся покровительствомъ земскаго начальника.

Въ третій разъ уже разбирается настоящее дѣло въ барановскомъ волостномъ судѣ, вслѣдствіе того, что отвѣтчикъ въ

первые два раза не явился... Не видно Иванова и теперь, на сей разъ. Присутствуетъ одинъ повѣренный истца,—знакомый уже намъ крестьянинъ Кобылинской волости, Семеновъ, выступавшій въ числѣ трехъ уполномоченныхъ отъ вареговской поземельной общины по дѣлу съ Ивановымъ.

Объявивъ о предстоящемъ слушаніи дѣла, когда до него дошла очередь, предсѣдатель суда докладываетъ отзывъ, только-что доставленный отъ отвѣтчика, въ отвѣтъ на повѣстку о явкѣ: Ивановъ пишетъ, что не можетъ явиться, такъ какъ у него, въ волости, происходятъ учеты сельскихъ старостъ. „На этихъ учетахъ,—говоритъ онъ,—я долженъ присутствовать“. Разбирательство дѣла проситъ поэтому отложить.

— Да этакъ онъ вѣдь никогда не явится!—замѣчаетъ повѣренный истца, Семеновъ.—У насъ въ волости тоже учеты старостъ. Но старшина тутъ ни причемъ,—сами знаете. Не его это дѣло. Онъ просто оттягиваетъ дѣло, выдумываетъ разныя причины, дурачитъ насъ... Прошу разобрать дѣло и безъ него.

Но судъ, видимо, стѣсняется,—по понятной причинѣ, зная о томъ значеніи, которымъ пользуется Ивановъ въ глазахъ земскаго начальника.

— Вотъ и свидѣтель,—продолжаетъ между тѣмъ Семеновъ, указывая на знакомаго уже намъ преемника Иванова по торговлѣ въ Кобылинѣ, Борисова.—Онъ знаетъ, въ какомъ видѣ Ивановъ оставилъ обстановку въ лавкахъ,—послѣ него вбирался.

— Повѣстка свидѣтелю Борисову вручена?—спрашиваетъ смущенный, не знающій, что̀ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, предсѣдатель суда.

— Вручена, вручена,—говоритъ Семеновъ, спѣша отвѣтить за своего свидѣтеля.

— Я получилъ повѣстку,—замѣчаетъ тогда самъ Борисовъ.

— Вручена, только еще сюда не воротилась, — добавляетъ волостной писарь, разумѣя второй экземпляръ повѣстки.

— Такъ какъ же?—выражаетъ недоумѣніе предсѣдатель, явно желающій найти хоть какой-нибудь предлогъ, для того, чтобы отложить дѣло.

— Да, можетъ быть, повѣстка уже и воротилась,—говоритъ, между тѣмъ, волостной писарь, какъ бы не понимая, въ настоящемъ случаѣ, истинной причины нерѣшительности и нелѣпаго формализма предсѣдателя.—Я не всѣ бумаги, какія пришли сегодня, разсмотрѣлъ. Да и свидѣтель здѣсь на лицо. Къ чему же и повѣстка?!—прибавляетъ писарь.

— Все-таки,—безнадежно говоритъ предсѣдатель. Затѣмъ

онъ прибавляетъ рѣшительно, какъ бы собравшись съ силами, видимо выдержавъ большую внутреннюю борьбу.—Нужно отложить! Безъ Иванова—нельзя разбирать...

— До слѣдующаго раза!—обращается онъ къ повѣренному истца.

— Такъ допросите хоть его, чтобы не вызывать въ другой разъ,—указываетъ Семеновъ на свидѣтеля.—Вѣдь за семнадцать верстъ пріѣхали!

— Это можно,—находитъ предсѣдатель, видимо не зная, что, быть можетъ, даетъ поводъ къ отмѣнѣ и будущаго рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы отложить дѣло вновь, когда бы снизошелъ явиться и отвѣтчикъ.

Борисовъ допрашивается и показываетъ, что „обстановка" въ лавкахъ, когда торговалъ Ивановъ, была полная, „какъ слѣдуетъ быть"; но что Ивановъ, выбираясь, выломалъ все, что только было возможно,—стойки, прилавки, замки, отдушники у печекъ, даже полъ. Ему, Борисову, пришлось возобновить все, въѣхавъ въ домъ, какъ въ разрушенный сарай.

— Кто тутъ дѣйствовалъ, самъ Ивановъ или сынъ его?—спросилъ предсѣдатель.

— Сынъ торговалъ, а отецъ распоряжался всѣмъ,—отъ него все зависѣло,—объяснилъ Борисовъ.

— Такъ,—замѣчаетъ предсѣдатель.

— У насъ хозяиномъ считался отецъ, старшина,—подтверждаетъ и Семеновъ. — Съ него и деньги получали. Съ нимъ былъ и договоръ—какъ у Яковлева на постройки, такъ и общества на землю. Съ нимъ потомъ и никакого дѣла не захотѣли имѣть. Сынъ былъ въ родѣ какъ бы приказчика.

— Такъ,—еще разъ повторилъ предсѣдатель, все еще видимо недоумѣвавшій и послѣ рѣшительнаго объявленія о томъ, что дѣло отлагается.

Но затѣмъ онъ вновь собрался съ духомъ и объявилъ, что разборъ дѣла откладывается.

— На кого же Ивановъ держалъ у васъ винную лавку? вѣдь ему самому, какъ старшинѣ, нельзя было,—и сыну, какъ неотдѣленному члену семьи, тоже было нельзя? — спросилъ потомъ Семенова, во время послѣдовавшаго затѣмъ перерыва, кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Да на разныхъ лицъ,—отвѣчалъ тотъ:—на Лапина, на Бурова, еще на кого-то... Такъ всѣхъ и канителилъ... Насилу наше общество отдѣлалось отъ такого арендатора...

— Ну, а получили, все-таки, все, что слѣдовало, сполна?

— Нѣтъ, какое! Замоталъ около ста-восьмидесяти рублей. Разъ далъ прежнему начальнику изъ арендныхъ денегъ двадцать-пять рублей, и вычитаетъ при расплатѣ съ нами. Мы говоримъ, какое-де намъ дѣло до того, что ты далъ на чай кому хотѣлъ... Не отдалъ, все-таки. Онъ передъ начальникомъ выслужился,— а съ насъ содралъ...

— Но зачѣмъ же вы простили ему такую сумму?

— Общество... Гдѣ тутъ было взыскивать! Приговоръ нужно было составлять, да земскому представлять, повѣреннаго назначать... Вотъ каково взыскивать съ него и частному человѣку!— развелъ безнадежно руками Семеновъ. — Десятый разъ ужъ являюсь,—да не знаю, и будетъ ли когда конецъ...

— Да, не скоро, должно быть, дождешься конца,—соглашается съ Семеновымъ его собесѣдникъ.

XI.

Черезъ двѣ недѣли вновь ждетъ Семеновъ въ присутственной комнатѣ барановскаго волостного правленья разбирательства своего дѣла. Иванова же опять не видно.

— Говорятъ, опять прислалъ отзывъ,—съ печальнымъ видомъ дѣлаетъ замѣчаніе несчастный повѣренный несчастнаго истца.

Такъ и оказывается, когда дѣло ставится на очередь.

— Вотъ, онъ опять не явился,—говоритъ предсѣдатель суда, съ тѣмъ же выраженіемъ растерянности и недоумѣнія, какъ и въ прошлый разъ.

— Да онъ и никогда не явится,—замѣчаетъ Семеновъ.— Всегда найдетъ какую-нибудь отговорку. Въ прошлый разъ, сказывали мнѣ, не было у него никакого засѣданія, никакого учета, и онъ показалъ облыжно, что не могъ явиться. Нужно же когда-нибудь разобрать дѣло. Я прошу...

— Не знаю ужъ, какъ и быть, — недоумѣваетъ предсѣдатель.—Ну, да прочитайте!—предлагаетъ онъ писарю.

Писарь читаетъ тогда исковое прошеніе. Затѣмъ онъ докладываетъ новый отзывъ, присланный Ивановымъ. По поводу сдѣланнаго ему судомъ въ повѣсткѣ заявленія, что если не явится къ разбирательству на этотъ разъ, то дѣло будетъ разрѣшено безъ него, — отвѣтчикъ пишетъ, что, состоя волостнымъ старшиной и исполняя обязанности службы прежде всего, онъ иногда не имѣетъ возможности явиться по собственному частному дѣлу,

и потому сдѣланное ему заявленіе считаетъ „излишнимъ и неумѣстнымъ“. Не можетъ явиться и нынѣче, такъ какъ состоитъ обвинителемъ по одному дѣлу, разсматриваемому одновременно въ коровинскомъ волостномъ судѣ. Предлагаетъ истцу получить восемь рублей, въ полное удовлетвореніе. Если тотъ не согласенъ, то разборъ дѣла проситъ вновь отложить.

— Согласны получить восемь рублей? — спрашиваетъ предсѣдатель повѣреннаго истца.

— Нѣтъ, не согласенъ,—отвѣчаетъ тотъ.—Какъ можно! Это вмѣсто сорока-то пяти! Больно онъ ловокъ...

Судьи и въ особенности предсѣдатель вновь явно въ большомъ затрудненіи. Имъ, видимо, хочется опять отложить дѣло, хотя они и пригрозили Иванову, что разрѣшатъ предъявленный къ нему искъ на сей разъ и безъ него, если не явится. Происходитъ, однако, и дальше нѣчто въ родѣ разбора дѣла, при остающихся на лицахъ представителей барановскаго волостного суда признакахъ смущенія, нерѣшительности, даже страха... Они какъ бы чувствуютъ, что совершаютъ родъ покушенія на тяжкое преступленіе, за которое придется отвѣчать передъ земскимъ начальникомъ, безъ надежды на пощаду...

Семеновъ, поддерживая свои исковыя требованія, указываетъ на договоръ, въ которомъ сказано: „за утраченныя вещи обязуюсь заплатить по оцѣнкѣ“. Онъ перечисляетъ и вещи, входившія въ составъ „обстановки“ и не возвращенныя Ивановымъ. Среди этихъ вещей оказываются: мѣдная мѣрная винная посуда, сто-пятьдесятъ пивныхъ бутылокъ, стеклянная посуда изъ-подъ вина и водокъ, вѣсы, гири и прочее. Вмѣстѣ съ поломанными стойками, прилавками, замками, отдушниками и другими предметами, составляющими необходимыя принадлежности недвижимаго имущества, Семеновъ и оцѣниваетъ невозвращенныя, утраченныя и испорченныя вещи въ сорокъ-пять рублей.

— Вы, значитъ, сами цѣните? — спрашиваетъ его предсѣдатель.

— Да, самъ, то-есть, мой довѣритель.

— А Ивановъ будетъ несогласенъ... Какъ мы присудимъ безъ него? Неудобно...—обнаруживаетъ предсѣдатель вновь свои сомнѣнія, страхъ...

— Да вѣдь онъ никогда не явится! — опять говоритъ Семеновъ.

— А можетъ быть, и явится, — выражаетъ надежду предсѣдатель.

Послѣ этого судъ удаляется въ совѣщательную комнату,

казалось бы, все-таки, для постановленія рѣшенія по существу. Однако, вскорѣ выносится опредѣленіе: „дѣло отложить до слѣдующаго раза“.

Но и въ слѣдующій разъ дѣло было отложено, за неявкою отвѣтчика, и въ виду новаго, присланнаго имъ, отзыва о невозможности явиться, вслѣдствіе обязанностей службы. Только въ шестой разъ уже, не смотря на неявку его вновь, барановскій волостной судъ осмѣлился покончить съ дѣломъ и присудилъ истцу его требованія.

XII.

Во второй разъ дѣло оказалось въ уѣздномъ съѣздѣ по жалобѣ Иванова, ссылавшагося на то, что оно было рѣшено въ отсутствіе его, отвѣтчика, не имѣвшаго возможности явиться по своимъ служебнымъ обязанностямъ.

— Что же было дѣлать, коли онъ не являлся?—замѣтилъ здѣсь Семеновъ.

— Онъ и могъ не явиться,—у него служебныя дѣла,—остановилъ Семенова земскій начальникъ, присутствовавшій въ составѣ съѣзда и здѣсь принявшій на себя какъ бы представительство за Иванова.

— Такъ могъ бы прислать повѣреннаго, — очень резонно указалъ Семеновъ.

— Да ты и затѣялъ это дѣло,—ты и втянулъ въ него Яковлева, — укорилъ его тогда земскій начальникъ.—Ты адвокатъ и родственникъ Яковлеву,—почему-то прибавилъ онъ.

— Ваше высокоблагородіе, — заявилъ тогда Семеновъ, видимо взволнованный,—я не за тѣмъ вызванъ сюда, чтобы меня укоряли въ адвокатствѣ и въ родствѣ,—хотя что-жъ изъ того, что я и родственникъ Яковлеву! — я требую по закону, правильно.

Иванова не было. Онъ удовольствовался указаніемъ въ письменной формѣ нѣсколькихъ поводовъ къ отмѣнѣ состоявшагося противъ него рѣшенія суда, кромѣ упоминавшихся. Не трудно отыскать подобные поводы по каждому дѣлу, разрѣшенному волостнымъ судомъ... Уѣздный съѣздъ и постановилъ опредѣленіе объ отмѣнѣ рѣшенія, съ передачею дѣла въ новый, уже четвертый по счету, судъ, призывавшійся къ участію въ немъ,—въ волковскій волостной судъ.

Началась старая исторія. Въ третьемъ засѣданіи по дѣлу искъ былъ, все-таки, признанъ волковскимъ волостнымъ судомъ

подлежащимъ удовлетворенію, хотя въ суммѣ только двадцати-пяти рублей. Истецъ былъ доволенъ и этимъ. Но Ивановъ обжаловалъ рѣшеніе суда. Однако, оно было утверждено и съѣздомъ. Тогда Ивановъ рѣшился принести жалобу и на рѣшеніе съѣзда въ губернское присутствіе...

Конца своего настоящее дѣло, поэтому, еще не дождалось. Какъ видно, оно, дѣйствительно, характерно. Любопытно въ немъ и то, что Ивановъ, проводя его черезъ столько инстанцій, нисколько не стѣснялся тѣмъ, что документально, оффиціально, передъ цѣлымъ рядомъ учрежденій, передъ губернскимъ присутствіемъ, наконецъ, — обнаруживалъ, что, состоя въ должности волостного старшины, содержалъ винную лавку, при патентѣ на другихъ лицъ...

Такъ велика была его увѣренность въ совершенной и во всемъ безнаказанности,—въ отсутствіи на практикѣ закона, въ покровительствѣ усмотрѣнія...

Н. Дружининъ.

„ВСЕОБЩЕЕ ГОЛОСОВАНІЕ“

ВО

ФРАНЦІИ

Итоги перваго пятидесятилѣтія (1848—1898 гг.).

При наступленіи новаго—двадцатаго—вѣка всѣ почувствовали потребность оглянуться назадъ, на пройденный цивилизаціей путь и, въ особенности, подвести итоги дѣятельности и успѣхамъ культуры въ теченіе послѣдняго періода, великаго девятнадцатаго вѣка.

Среди многочисленныхъ замѣчательныхъ нововведеній этого вѣка одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ занимаетъ, несомнѣнно, введеніе „всеобщаго голосованія“—suffrage universel—въ политическую жизнь.

Всѣмъ извѣстны надежды, возлагавшіяся на этотъ институтъ: казалось, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени вызоветъ коренную и чрезвычайно благодѣтельную перемѣну въ положеніи народа, въ общественныхъ отношеніяхъ и общественномъ строѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщее голосованіе передало народу всю государственную власть и дѣлаетъ его de jure хозяиномъ надъ всею страною, надъ всѣми ея богатыми рессурсами, естественными и пріобрѣтенными, физическими и духовными. Широкіе горизонты открывались передъ духовными взорами друзей народа и цивилизаціи.

Но французская дѣйствительность очень жестоко обошлась съ этими радужными надеждами. Всеобщее голосованіе съ первыхъ же дней функціонировало не такъ, какъ предполагала теорія;—разочарованія начались очень скоро, и, съ теченіемъ времени все возрастая, они къ концу періода сгустились въ форму горькаго и ѣдкаго скептицизма. Естественно, что размѣры послѣдняго соотвѣтствуютъ силѣ увлеченія перваго періода; человѣческая мысль такъ же подвижна, какъ и маятникъ, и такъ же, какъ послѣдній, подчиняется физическому закону акціи и реакціи.

Но мы не будемъ слѣдить за движеніями этого маятника, такъ какъ не можемъ теперь останавливаться ни на періодѣ увлеченія всеобщимъ голосованіемъ, ни на періодѣ разочарованія имъ, ни на всѣхъ тѣхъ миогочисленныхъ теоріяхъ, которыя зарождались въ первый и во второй періодъ или между этими крайними періодами. Мы хотимъ, прежде всего, присмотрѣться къ *дѣйствительности* всеобщаго голосованія, къ тому, какъ оно функціонировало въ теченіе цѣлаго полувѣка, и постараться отличить его характерныя черты. Это изслѣдованіе дастъ намъ интересный матеріалъ, который, независимо отъ своего общаго теоретическаго интереса, проливаетъ яркій свѣтъ на всю политическую исторію Франціи во вторую половину девятнадцатаго вѣка.

I.

Первое примѣненіе „всеобщаго голосованія“ во Франціи состоялось 23-го апрѣля 1848 года. Послѣдніе общіе выборы въ палату депутатовъ, 8-го мая 1898 года, представляютъ поэтому границу перваго пятидесятилѣтія дѣйствія всеобщаго голосованія во Франціи. Періодъ этотъ достаточно длинный, для того чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о характерѣ и значеніи, о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ этого института; тѣмъ болѣе, что этотъ періодъ французской исторіи богатъ замѣчательными событіями. За это время политическій режимъ мѣнялся нѣсколько разъ, въ экономической жизни произошли очень существенныя перемѣны, въ моральной жизни—также. Эти перемѣны, черезъ посредство связанныхъ съ ними законодательныхъ мѣръ, представлялись на судъ всеобщаго голосованія, которое такимъ образомъ имѣло возможность высказать свои взгляды и чувства.

Правда, что языкъ всеобщаго голосованія—чрезвычайно лаконичный: пресловутое „да“ или „нѣтъ“ при Наполеоновскихъ плебисцитахъ, то или другое имя при выборахъ народныхъ пред-

ставителей. Невозможно, конечно, выразить всю свою душу въ одномъ словѣ, въ особенности когда и выборъ слова такъ ограниченъ. При плебисцитахъ народъ былъ принужденъ выбирать между двумя крайностями: „да“ или „нѣтъ“. При назначеніи народнаго представителя выборъ фактически большею частью ограниченъ двумя кандидатами. Кандидатовъ-то, собственно, больше и на всякій вкусъ; но такъ какъ въ каждомъ избирательномъ округѣ рѣдко болѣе чѣмъ два кандидата имѣютъ серьезные шансы на успѣхъ, то избиратель долженъ выбрать между этими двумя, рѣдко тремя, кандидатами, если онъ не хочетъ отдать своего голоса безнадежному кандидату ради одной демонстраціи [1]).

Вслѣдствіе этого избирателю очень часто приходится подавать свой голосъ не за то, что̀ ему дорого, но за меньшее зло.

Теоретики много спорили и спорятъ о томъ, можно ли рекомендовать народу подавать свой голосъ за „меньшее зло“. Этотъ споръ, можетъ быть, еще долго будетъ продолжаться, но народъ не ждалъ его разрѣшенія, и съ первой минуты разрѣшилъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. И какъ онъ могъ разрѣшить его иначе, когда вся его жизнь подчинена этому практическому правилу?—Развѣ „маленькій человѣкъ“, мѣщанинъ, крестьянинъ или рабочій, руководствуется и можетъ руководствоваться въ своей жизни принципомъ „все или ничего“?—развѣ ему не приходится каждый день, каждый часъ, идти на уступки, на компромиссы, довольствоваться малымъ или выбирать меньшее зло? Такъ „маленькій человѣкъ“, т.-е. 90% всего народа, поступаетъ во всѣхъ своихъ житейскихъ дѣлахъ, въ теченіе всей своей жизни; поэтому трудно ожидать отъ него другого образа дѣйствія и въ дѣлѣ всеобщаго голосованія. Это, конечно, не предохраняетъ народъ отъ крупнѣйшихъ ошибокъ; онъ очень часто принимаетъ большое зло за малое и крупный минусъ за маленькое „что-нибудь“. Но и это, къ несчастью, вполнѣ естественно. Нельзя ожидать отъ народа большей дальновидности въ политическихъ дѣлахъ, чѣмъ онъ имѣетъ ее въ своихъ личныхъ дѣлахъ; въ первомъ, какъ и во второмъ случаѣ, его проницательность находится въ тѣсной зависимости отъ его экономическаго и моральнаго состоянія, отъ его соціальнаго положенія и его культурнаго уровня.

[1]) Вотъ, для примѣра, свѣдѣнія о числѣ кандидатовъ при общихъ выборахъ 1893 г.: континентальная Франція выбираетъ 566 депутатовъ; кандидатовъ же было 1.799, что̀ составляетъ немного болѣе трехъ кандидатовъ на каждое мѣсто. Но въ 218 округахъ было только по два кандидата (H. Avenel-Comment vote la France. Paris, 1894, p. 24—25).

Это все лежитъ въ самомъ порядкѣ вещей, и здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ. Задача настоящаго очерка состоитъ исключительно въ изложеніи *непосредственныхъ* результатовъ всеобщаго голосованія, т.-е. въ изложеніи отношенія послѣдняго къ важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни, поскольку оно выражается въ избирательномъ или плебисцитарномъ бюллетенѣ. Эти бюллетени мы будемъ, насколько это возможно, считать и взвѣшивать, анализировать и классифицировать, и затѣмъ постараемся прослѣдить за перемѣнами, происшедшими въ ихъ свойствахъ въ теченіе разсматриваемаго десятилѣтія.

Главнымъ матеріаломъ нашего изслѣдованія служатъ, слѣдовательно, бюллетени всеобщаго голосованія; поэтому мы прежде всего должны осмотрѣть внѣшнія свойства этого матеріала.

Въ теченіе всего пятидесятилѣтія правомъ голоса при плебисцитахъ и законодательныхъ выборахъ пользовался каждый французскій гражданинъ, достигшій возраста 21 года и прожившій не менѣе шести мѣсяцевъ на мѣстѣ приписки, если онъ не лишенъ гражданскихъ или политическихъ правъ за какое-либо преступленіе или проступокъ [1]). Голосованіе — секретное, посредствомъ закрытыхъ бюллетеней, и имѣетъ мѣсто въ каждой коммунѣ. Результаты голосованія вмѣстѣ со всѣми документами (бюллетени, списки и проч.) посылаются для контроля въ главный городъ департамента и отсюда, для новой повѣрки, въ парламентъ.

Для охраненія правильности голосованія приняты были многочисленныя мѣры, какъ-то: публичность всѣхъ операцій и счета, участіе въ нихъ представителей изъ присутствующей публики, наложеніе печатей на урны, строгія наказанія за несоблюденіе предписанныхъ правилъ, еще болѣе строгія — за злоупотребленія и подлоги и проч.

Самая цѣнная гарантія состоитъ, несомнѣнно, въ публичности всѣхъ операцій, т.-е. въ постоянномъ надзорѣ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и партій; но понятно, что эта гарантія тѣмъ менѣе дѣйствительна, чѣмъ меньше въ публикѣ интереса къ этому общественному акту.

Высшій контроль надъ всѣми избирательными операціями принадлежитъ, какъ уже упомянуто, парламенту, который разсматриваетъ всѣ относящіеся къ дѣлу протесты и жалобы и постановляетъ окончательное рѣшеніе.

---

[1]) Въ 1850-омъ году этотъ пунктъ конституціи подвергся существенному измѣненію, но эта „реформа“ осталась безъ примѣненія; Наполеонъ III отмѣнилъ ее въ декабрѣ 1851 г.

Изложенныя правила дѣйствовали въ теченіе всего разсматриваемаго періода безъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Несмотря на это, злоупотребленія, конечно, были,—довольно многочисленныя при Наполеоновскомъ режимѣ, менѣе многочисленны при республикѣ. Но это, однако же, исключенія, которыя не въ состояніи значительно измѣнить окончательный многомилліонный итогъ. Сверхъ того, надо принять во вниманіе, что въ первое время дѣйствія всеобщаго голосованія и на низкой ступени общаго и политическаго образованія народа эти злоупотребленія составляютъ неотдѣлимый, естественный въ своемъ родѣ придатокъ всеобщаго голосованія. А наша задача состоитъ въ изслѣдованіи результатовъ всеобщаго голосованія при *данныхъ* историческихъ условіяхъ.

Однако же взглядъ на всеобщее голосованіе при второй имперіи какъ на беззастѣнчивую мистификацію весьма распространенъ; поэтому мнѣ кажется нелишнимъ привести нѣсколько цитатъ, показывающихъ, что сама оппозиція того времени этого взгляда не придерживалась. Въ 1861 г. кружокъ молодыхъ республиканцевъ, среди которыхъ были Кламажеранъ, Жюль Ферри и Шарль Флоке, составили „Руководство для избирателей“, выдержавшее много изданій и служившее до конца второй имперіи. Въ этомъ руководствѣ говорится:

„Избиратели вооружены орудіемъ, необходимымъ для охраненія ихъ свободы; требуется, чтобы они пользовались этимъ правомъ энергично и настойчиво. Отъ нихъ зависитъ, будетъ ли всеобщее голосованіе серьезной манифестаціей народной воли, открывающей собою новую эру прогресса, или смѣшнымъ актомъ, характеризующимъ время упадка“.

Въ 1863 году, послѣ общихъ законодательныхъ выборовъ, закончившихся новой побѣдой Наполеона III, одинъ изъ наиболѣе выдающихся публицистовъ того времени, Прево-Парадоль, писалъ въ „Journal des Débats“ (отъ 15-го іюня 1863 г.): „приходится признаться... что деревенское населеніе не имѣетъ жалобъ противъ правительства; поэтому оно уступило вліянію послѣдняго“. Эти двѣ цитаты показываютъ, что компетентные современники второй имперіи считали тогдашніе результаты всеобщаго голосованія вполнѣ естественнымъ продуктомъ данныхъ историческихъ условій. Таково же было мнѣніе Карла Маркса, который, какъ извѣстно, очень внимательно слѣдилъ за французскими событіями [1]).

[1]) Въ „Adresse des Generalraths über den Bürgerkrieg in Frankreich 1871“ онъ говоритъ: „Въ дѣйствительности она (имперія) была единственной возможной фор-

Наконецъ, цифровыя данныя всеобщаго голосованія во время третьей республики также подтверждаютъ приблизительную точность результатовъ всеобщаго голосованія при второй имперіи, такъ какъ рѣзкой перемѣны въ настроеніи всеобщаго голосованія, въ сущности, не произошло сейчасъ послѣ паденія Наполеона III.

Если считать данныя всеобщаго голосованія во второй имперіи простой мистификаціей, то какъ же тогда объяснить, что эти мистификаторы такъ плохо дѣлали свое дѣло и допустили, чтобы въ 1863 г. за оппозиціей было засчитано 1.800.000 голосовъ, а въ 1869 г.—даже 3.266.000 голосовъ, т.-е. болѣе 41% всѣхъ поданныхъ бюллетеней?

Еще слабѣе было, конечно, вліяніе префектовъ при плебисцитахъ 1851, 1852 и 1870 годовъ. При первыхъ двухъ плебисцитахъ правительственная власть была *еще* слишкомъ слаба, а при послѣднемъ *уже* слишкомъ слаба, для вліятельнаго воздѣйствія на всеобщее голосованіе. Очевидно, что нельзя отрицать у данныхъ всеобщаго голосованія при второй имперіи характера интересныхъ историческихъ документовъ. Относительно республики такія сомнѣнія никѣмъ и не высказываются, — развѣ только въ особенно трудныя минуты, когда другого утѣшенія нѣтъ, публицистами реакціонной оппозиціи.

Что касается источниковъ, изъ которыхъ я извлекъ цифровый матеріалъ, то ими служили мнѣ, кромѣ общихъ работъ по исторіи эпохи,—очень, впрочемъ, скупыхъ на цифры,—главнымъ образомъ повременныя изданія: ежегодники, мѣсячныя и ежедневныя газеты, оффиціальныя, оппозиціонныя и безпартійныя [1]).

Цифры, сообщаемыя различными изданіями, конечно, не всегда совпадаютъ между собою; опечатки, ошибки при подсчетѣ, недоразумѣнія, невольныя и вольныя, вызываютъ иногда перемѣщеніе одной или двухъ сотенъ тысячъ голосовъ изъ одной рубрики въ другую, но на окончательный многомилліонный итогъ эти неточности имѣютъ мало вліянія.

Въ томъ-то и состоитъ неоцѣнимое преимущество массоваго

мой правленія въ такое время, когда буржуазія уже потеряла способность господствовать надъ націей, а рабочій классъ этой способности еще не пріобрѣлъ“ (стр. 45, 3-е нѣмецкое изд., Berlin, 1891 г.).

[1]) Изъ спеціальныхъ работъ по этому предмету я могу указать только на маленькую брошюру: Avenel, „Comment vote la France“, и небольшую книгу Weil'я: „Les élections législatives en France depuis 1789“. Paris. 1895. Заглавія многообѣщающія, но содержаніе не соотвѣтствуетъ этимъ обѣщаніямъ. Первая работа къ тому же изобилуетъ ошибками и опечатками.

матеріала, что въ немъ всякія случайныя примѣси перемѣшиваются, нейтрализуются и почти исчезаютъ.

Читатели убѣдятся въ этомъ при знакомствѣ съ сгруппированными мною данными, ясно показывающими, что онѣ находятся въ зависимости отъ болѣе глубокихъ и болѣе постоянныхъ причинъ, чѣмъ случайныя внѣшнія вліянія.

II.

Въ ряду политическихъ вопросовъ первое мѣсто занимаетъ, конечно, вопросъ объ образѣ правленія. По этомъ вопросу французскому народу пришлось высказываться много разъ, такъ какъ онъ почти все время не сходилъ съ очереди дня. Каково же было народное разрѣшеніе этого вопроса?

Въ февралѣ 1848 года монархія покинула власть почти безъ сопротивленія при первыхъ враждебныхъ демонстраціяхъ парижскаго населенія. Республиканцы заняли вакантное мѣсто и образовали изъ своей среды временное правительство, которое правительственнымъ декретомъ провозгласило республику и затѣмъ призвало народъ къ выбору учредительнаго собранія.

Выборы состоялись 23-го апрѣля, и это было первое примѣненіе прямого всеобщаго голосованія во Франціи. „Записанныхъ“, т.-е. имѣющихъ право голоса, было 9.360.000; изъ этого числа 7.893.000, т.-е. 84,3% воспользовались дарованнымъ имъ правомъ [1]); это—самый высокій процентъ за все пятидесятилѣтіе. Выбранное при этомъ учредительное собраніе состояло, приблизительно, на $^2/_3$ изъ сторонниковъ республиканскаго режима. Такимъ образомъ, французскій народъ при первомъ опросѣ высказался, повидимому, за республику,—по крайней мѣрѣ, за республиканцевъ.

Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ нанесъ смертельный ударъ республикѣ.

10-го декабря того же года надлежало выбрать президента республики, на основаніи выработанной учредительнымъ собраніемъ конституціи.

Кандидатами были: принцъ Луи-Наполеонъ, генералъ Кавеньякъ, Ледрю-Ролленъ, Распайль и Ламартинъ. Луи-Наполеонъ былъ кандидатомъ монархической и клерикальной партій; республиканская партія относилась съ понятнымъ недовѣріемъ къ

[1]) Weil, Les élections législatives en France depuis 1789. Paris 1895.

племяннику Наполеона Перваго. Народъ этого недовѣрія не раздѣлялъ.

Результаты голосованія были слѣдующіе [1]):

За Луи-Наполеона	5.334.000	голосовъ.
„ Кавеньяка, кандидата умѣренныхъ республиканцевъ	1.448.000	„
„ Ледрю-Роллена, кандидата радикальной партіи	370.000	„
„ Распайля, кандидата соціалистовъ-революціонеровъ	36.000	„
„ Ламартина, великаго оратора	19.900 [2])	„

Въ выборахъ приняли участіе только 75% всѣхъ избирателей.

Въ слѣдующемъ, 1849 году, 13-го мая, состоялись выборы въ законодательное собраніе; интересъ народа къ своимъ политическимъ правамъ упалъ еще ниже: только 65% всѣхъ избирателей приняли участіе въ выборахъ [3]). Выбранными оказались около 250 республиканцевъ и около 500 монархистовъ. Выбранные республиканцы принадлежали большею частью къ крайнимъ направленіямъ; умѣренные республиканцы, имѣвшіе большинство въ учредительномъ собраніи, въ которомъ было 900 членовъ, получили на этотъ разъ только около 70 кандидатовъ.

Очевидно, что народъ уже охладѣлъ къ республиканскому режиму и своимъ политическимъ правамъ. Дальнѣйшія событія были естественнымъ послѣдствіемъ этого народнаго настроенія.

Прошло два года съ половиною, наступилъ декабрь 1851 года. Темною ночью президентъ республики производитъ извѣстное coup d'état, не обращая никакого вниманія ни на выработанную народными представителями конституцію, ни на собственную торжественную клятву остаться ей вѣрнымъ. Онъ разгоняетъ парламентъ военной силой, заключаетъ въ крѣпость наиболѣе выдающихся народныхъ представителей, объявляетъ треть Франціи въ военномъ положеніи и передаетъ учрежден-

[1]) Annuaire historique 1848 г., p. 343.

[2]) Краснорѣчіе Ламартина побудило многихъ членовъ учредительнаго собранія вотировать за эту великую неосторожность—передачу выбора главы государства въ руки неподготовленной народной массы. „Надо оставить что-нибудь Провидѣнію!“—воскликнулъ онъ въ концѣ своей знаменитой рѣчи.—Онъ, говорятъ, надѣялся, что Провидѣніе будетъ способствовать выбору великаго оратора; но Провидѣніе недоумѣвающе спрашивало устами французскихъ крестьянъ: „qu'est-ce que cette Martine?“ (см. Hausmann, Mémoires). Парижъ еще раньше поднялъ Наполеона на щитѣ, выбравъ его 17-го сентября членомъ учредительнаго собранія.

[3]) H. Avenel, p. 9; Weil, тамъ же.

ному ad hoc военному суду—пресловутымъ commissions mixtes нѣсколько десятковъ тысячъ гражданъ, оставивъ за собою право административной ссылки, безъ суда, всѣхъ членовъ тайныхъ обществъ.

Зарекомендовавъ себя такимъ образомъ, Луи-Наполеонъ приглашаетъ французскій народъ выразить свое отношеніе къ его личности и его политической программѣ путемъ простого отвѣта—„да!“ или „нѣтъ!“—на слѣдующую формулу:

„Французскій народъ желаетъ сохраненія власти Луи-Наполеона Бонапарта и передаетъ ему необходимыя полномочія для установленія конституціи на основаніяхъ, предложенныхъ въ его прокламаціи отъ 2-го декабря“. (Въ этой прокламаціи Луи-Наполеонъ указывалъ на необходимость сильной и единой власти и требовалъ соотвѣтственныхъ этому правъ для главы государства).

Каковъ былъ отвѣтъ всеобщаго голосованія?

Плебисцитъ состоялся 20-го декабря того же года; голосованіе было, какъ при всѣхъ другихъ случаяхъ, тайное, посредствомъ закрытыхъ бюллетеней, на которыхъ было написано или напечатано простое „да!“ или „нѣтъ!“

Участіе въ голосованіи было очень сильное: 82% всѣхъ записанныхъ. Результаты были слѣдующіе [1]):

7.481.000—„да!“.

647.000—„нѣтъ!“.

Таковъ былъ итогъ политическаго воспитанія французскаго народа послѣ почти четырехъ-лѣтняго существованія второй республики. Парижъ, основатель второй республики, такъ же охотно разстался съ нею, какъ вся остальная Франція; въ немъ было насчитано 197.100 „да!“ и 96.500 „нѣтъ!“ [2]).

Пользуясь данными ему плебисцитомъ полномочіями, Луи-Наполеонъ составилъ новую конституцію, для характеристики которой достаточно упомянуть, что по ней одно правительство имѣло право законодательной иниціативы, а парламенту предоставлялось лишь право дѣлать поправки къ предложеннымъ правительствомъ законопроектамъ. Это былъ почти диктаторскій режимъ.

Къ такому режиму республиканская фирма, очевидно, совершенно не подходила. Франція скоро поняла это, и департаментскія собранія (conseils généraux, выбиравшіяся также всеобщимъ

---

[1]) Moniteur universel officiel, № отъ 10-го іюля 1857 г.

[2]) Le Temps, 12-го мая 1870 г.

голосованіемъ), почти единодушно приглашали Луи-Наполеона „упрочить“ свою власть [1]).

Луи-Наполеонъ не остался глухъ къ этимъ внушеніямъ, и 21-го и 22-го ноября 1852 года состоялся новый плебисцитъ, для рѣшенія вопроса о дарованіи Луи-Наполеону титула „императора французовъ“ (empereur des Français). 7.824.000 французовъ отвѣтили „да!“, только 253.000—„нѣтъ!“ [2]).

Парижане распредѣлили свои голоса слѣдующимъ образомъ: 208.000—„да!“, 53.750—„нѣтъ!“ [3]).

Такимъ образомъ была установлена вторая имперія, просуществовавшая восемнадцать лѣтъ безъ единой серьезной попытки переворота со стороны республиканцевъ. Бонапартисты имѣли основаніе утверждать, что вторая имперія опиралась на широкомъ народномъ фундаментѣ: за нее при ея утвержденіи высказались, если не считать воздержавшихся (18%), *девяносто-семь процентовъ всеобщаго голосованія.*

При законодательныхъ выборахъ во время второй имперіи народное голосованіе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Время выборовъ:	Число голосовъ, полученныхъ кандидатами. Правительствен. кандидатами:	Оппозиціонн. кандидатами:	Не участвовало въ выборахъ (въ %) [4]):
29-го февраля 1852 г. . .	5.219.000	841.000 [4])	37%
21-го іюня 1857 г. . . .	5.472.000	572.000 [5])	36%
31-го мая 1863 г. . . .	5.300.000	1.800.000 [6])	28%
23-го мая 1869 г. . . .	4.636.000	3.266.000 [7])	22%

Въ Парижѣ голоса распредѣлялись такимъ образомъ [8]):

Время выборовъ.	Число голосовъ, полученныхъ кандидатами. a) правительственными:	b) оппозиціонными:
29-го февраля 1852 г.	132.000	86.000
21-го іюня 1857 г.	111.000	101.000
31-го мая 1863 г.	83.000	149.400
23-го мая 1869 г.	77,000	234.000

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что въ общемъ оппозиція

[1]) Annuaire historique, 1852 г., p. 166.
[2]) Moniteur universel, отъ 11-го іюля 1857 г.
[3]) Le Temps отъ 12-го мая 1870 г.
[4]) H. Avenel, указ. соч., стр. 8.
[5]) Moniteur universel 11-го іюля 1857 г.
[6]) Journal des Débats 29-го мая 1869 г.
[7]) Annuaire encyclopédique 1872 г.
[8]) Journal des Débats 30-го мая 1869 г.

того времени была такъ называемая „конституціонная“; въ ней принимали участіе много монархистовъ и клерикаловъ.

Это обнаружилось съ особенною ясностью при плебисцитѣ 8-го мая 1870 года, который имѣлъ, повидимому, своей главной цѣлью обнаруженіе приверженности народа къ Наполеону III и разсѣяніе возникшихъ въ этомъ отношеніи недоразумѣній.

Формула плебисцита была, правда, двусмысленная; она гласила: „Народъ одобряетъ либеральныя реформы, введенныя въ конституціи, начиная съ 1860 года, императоромъ при содѣйствіи высшихъ государственныхъ учрежденій и подтверждаетъ рѣшеніе сената отъ 20-го апрѣля 1870 года“. Но борьба партій скоро обнажила сущность вопроса отъ затемняющихъ его формулъ и придатковъ и перенесла его на личную почву. Самъ Наполеонъ былъ вынужденъ стать на эту почву, что̀ онъ и сдѣлалъ въ своей прокламаціи отъ 24-го апрѣля 1870 года. Приведу характерную выдержку изъ этой прокламаціи:

„Я обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, которые, начиная съ 10-го декабря 1848 года, преодолѣвали всѣ препятствія, для того, чтобы помѣстить меня во главѣ государства... Дайте мнѣ новое доказательство довѣрія. Принеся къ урнѣ утвердительный отвѣтъ, вы дадите отпоръ угрозамъ революціи, вы соедините на прочномъ основаніи порядокъ со свободой и облегчите въ будущемъ *передачу короны моему сыну*“.

Французская пресса имѣла въ то время уже довольно значительную свободу и, конечно, пользовалась ею, для того, чтобы разъяснить народу истинное значеніе плебисцита. Приведу для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ „Le Temps“ [1]).

А. Нефтцеръ, главный редакторъ этой газеты, занимавшей въ то время самое выдающееся мѣсто въ оппозиціи, такъ высказался объ императорской прокламаціи: „Мы находимъ, что прокламація эта—крайне жалкая (aussi malheureuse que possible)... Императоръ проситъ у насъ голосованія довѣрія. Еслибы мы и рѣшились вотировать, то не могли бы выразить ему довѣріе“. Такъ писалъ серьезный rédacteur en chef на первой страницѣ газеты. На второй страницѣ игривый хроникёръ Ферне́ болѣе ярко выразилъ свои впечатлѣнія:

„Парижъ,—пишетъ онъ,—прочиталъ сегодня прокламацію императора. Стиль ея чрезвычайно сладкій и смиренный. Времена измѣнились!.. Удивляешься, когда читаешь подъ этимъ произведеніемъ краткое: „Наполеонъ“. Можно было ожидать уви-

[1]) Le Temps, отъ 25-го апрѣля 1870 г.

дѣть тамъ: „Наполеонъ-Луи—Скромный“, послѣ слѣдующей формулы: „Его величества народа нижайшій и покорнѣйшій слуга и подданный“.—Но нельзя привлечь мухъ уксусомъ... Это очень мудрая поговорка. Но есть еще одна поговорка, а именно: „не всякій медъ годится для ловли мухъ“...

Въ слѣдующемъ нумерѣ „Le Temps“ тотъ же хроникёръ передаетъ слѣдующій, яко бы подслушанный имъ діалогъ двухъ крестьянъ:

„Правда ли,—спрашиваетъ одинъ,—что императоръ хочетъ спросить насъ, надоѣли ли намъ фермеры?“—„Нѣтъ!—отвѣчаетъ другой:—онъ хочетъ спросить насъ, не онъ ли намъ...“

Такъ писалъ „Le Temps“, который и въ то время отличался такою же умѣренностью въ тонѣ и во взглядахъ, какъ въ наше время. Можно себѣ послѣ этого легко представить, каковъ былъ тонъ радикальной и соціалистической прессы.

Плебисцитарная агитація продолжалась больше мѣсяца; народъ имѣлъ время выяснить себѣ значеніе голосованія, къ которому онъ былъ призванъ. И вотъ каковъ былъ результатъ [1]):

7.350.000—„да!“

1.539.000—„нѣтъ!“

113.000—недѣйствительныхъ бюллетеней.

Въ департаментѣ Сены (Парижъ и окрестности) голоса распредѣлились такимъ образомъ [2]):

139.500—„да!“.

184.200—„нѣтъ!“.

Въ столицѣ Франціи всеобщее голосованіе высказалось, слѣдовательно, противъ Наполеона III. Точно также почти во всѣхъ другихъ крупныхъ городахъ, какъ Ліонъ, Марсель, Бордо, Тулуза, Лилль, Руанъ, Метцъ, Монпелье, Брестъ, Тулонъ и др. [2]).

Вообще, при этомъ плебисцитѣ обнаружилась замѣчательная связь между степенью образованія и характеромъ голосованія. „Le Temps“ приводитъ въ своемъ нумерѣ, отъ 16-го мая 1870 г.; интересныя данныя, по которымъ оказывается, что въ 23 департаментахъ, въ которыхъ число безграмотныхъ составляло половину или $^2/_3$ населенія, насчитано было только $11^1/_2\%$ „нѣтъ!“, тогда какъ въ 17 департаментахъ, въ которыхъ безграмотные составляли только $^1/_{20}$ часть населенія, отрицательныхъ бюллетеней было 26%. Но это—частности; въ общемъ, Наполеонъ III одержалъ новую блестящую побѣду передъ судомъ всеобщаго голосованія.

[1]) Journal officiel, 19-го мая 1870 г.

[2]) Le Temps, отъ 11-го мая 1870 г.

Но это была его лебединая пѣснь. Скоро послѣ этого началась война съ Пруссіей, а 1-го сентября французскій императоръ былъ уже въ плѣну у прусскаго короля.

4-го сентября Парижъ провозгласилъ республику и передалъ власть временному правительству. Въ февралѣ слѣдующаго года французскій народъ опять былъ призванъ къ урнамъ, для избранія учредительнаго собранія.

Ужасная война еще не была прекращена, но ея результаты не подлежали болѣе сомнѣнію. Было ясно, что французскому народу придется дорого заплатить за свои „да!“ Счетъ уже былъ составленъ; на немъ значилось: отъ 300 до 400 тысячъ молодыхъ жизней, погибшихъ на полѣ битвы или отъ послѣдствій войны [1]); два богатыхъ департамента съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ полтора милліона; пять милліардовъ франковъ военной контрибуціи, и проч., и проч.

Лицомъ къ лицу съ этими плачевными результатами Наполеоновскаго правленія, его сторонники сдались безъ боя и удалились на время съ политической арены; при выборахъ 1871 года, Наполеоновскихъ кандидатовъ почти не было.

Но покинутую позицію немедленно заняли другіе монархисты: легитимисты и орлеанисты. Le roi est mort, vive le roi!

Благодаря тому, французскому народу еще разъ пришлось сдѣлать выборъ между монархистами и республиканцами. И французскій народъ еще разъ оказалъ предпочтеніе первымъ. Республиканская партія потерпѣла новое пораженіе,—большинство членовъ учредительнаго собранія состояло изъ монархистовъ [2]).

Послѣдніе очень скоро приступили къ подготовленію монархической реставраціи. Но это предпріятіе не удалось, какъ извѣстно, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ въ монархической партіи и въ самомъ „королевскомъ домѣ“. Этими раздорами воспользовалось республиканское меньшинство, увеличившееся при дополнительныхъ выборахъ. Оно вошло въ компромиссъ съ лѣвымъ крыломъ монархическаго большинства—centre droit—и провело конституцію полу-республиканскаго, полу-монархическаго характера. Несмотря на это, конституція оказала большую услугу республикѣ и помогла ей организоваться, упрочиться и отразить многократные натиски монархической партіи.

---

[1]) См. Levasseur, La population française.

[2]) Участіе населенія въ этихъ выборахъ было слабое. Оффиціальнаго подсчета голосовъ не было, но, по словамъ Гамбетты, всего было подано менѣе пяти съ половиною милліоновъ голосовъ (Weil, указ. соч.).

Послѣдняя, какъ извѣстно, до сей поры не сложила оружія. Но число ея приверженцевъ сильно уменьшилось. При выборахъ въ палату депутатовъ, голоса распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Время выборовъ.	Число голосовъ, поданныхъ за a) республиканск. кандидатовъ:	b) монархическ. кандидатовъ:	% воздержанія.
28-го февраля 1876 г. [1] . . .	4.028.000	3.202.000	24,1%
14-го октября 1877 г. [1] . . .	4.367.000	3.578.000	19,7
21-го августа 1881 г. [1] . . .	5.128.000	1.790.000	29,45
4-го октября 1885 г. [2] . . .	4,373.000	3.420.000	22,5
22-го сентября 1889 г. [2]. . .	4.600.000	3.000.000	22.5
20-го августа 1893 г. [3] . . .	6.038.000	1.000.000	32,65%
8-го мая 1898 г. [3].	6.771.000	888.000	—

Въ этой таблицѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе цифры 1881 и 1893 года, вслѣдствіе ихъ рѣзкаго контраста съ цифрами предшествовавшихъ годовъ. Въ другіе годы цифры, ясно обнаруживая эволюцію въ пользу республиканской партіи, показываютъ, однакожъ, сравнительно незначительныя перемѣны, подчиняясь свойственной нормальнымъ общественнымъ движеніямъ постепенности, тогда какъ въ упомянутые два года число монархическихъ голосовъ сразу уменьшается каждый разъ почти на два милліона, а въ процентахъ въ 1881 г. на 50%, и въ 1893 г.—на 66%; въ то же время республиканскіе голоса сразу возрастаютъ: въ 1881 г. на 761.000, въ 1893 г.—на 1.438.000.

Вмѣстѣ съ тѣмъ процентъ воздержаній поднимается на необычную высоту.

Какія причины обусловили эти необыкновенныя явленія? Въ 1881 году главной причиной, повидимому, былъ упадокъ боевой энергіи въ монархической партіи послѣ интенсивной и безуспѣшной борьбы предшествовавшаго періода. Замѣчательно при этомъ, что стоявшая за партіей народная масса не перешла на сторону ликующихъ побѣдителей, а въ большинствѣ случаевъ предпочла воздержаться и выжидать. При слѣдующихъ выборахъ, въ 1885 г., она опять дружно сплотилась вокругъ своихъ вожаковъ, а республиканская партія потеряла *весь выигрышъ* предшествовавшихъ выборовъ.

При выборахъ 1893 года дѣйствовалъ, прежде всего, опять-таки упадокъ энергіи и разстройство въ монархической партіи

[1] L'Année politique, 1881 г., стр. 220.

[2] H. Avenel, указ. соч., стр. 13.

[3] Revue politique et parlementaire 1898 г., № VI.

послѣ напряженной дѣятельности въ эпоху буланжизма, окончившейся новой неудачей. Яркимъ выраженіемъ и вѣрнымъ признакомъ упадка энергіи служитъ и на этотъ разъ необыкновенно высокій процентъ воздержаній.

Но на этотъ разъ дѣйствуетъ еще другой факторъ. Упала не энергія только, но также вѣра и надежда. Значительная часть монархической партіи рѣшила прекратить борьбу и присоединиться къ республикѣ (se rallier). При этомъ рѣшеніи большую роль играла, какъ извѣстно, клерикальная партія, подъ вліяніемъ тонкой дипломатіи папы Льва XIII. „Надо присоединиться къ конституціи, для того, чтобы измѣнить законодательство“,—сказалъ онъ.

Стоящая за монархической и клерикальной партіей народная масса, видно, не сразу постигла смыслъ этой внезапной перемѣны фронта и остановилась въ недоумѣніи; она только постепенно освоивается съ новымъ положеніемъ политическихъ партій; число воздержаній было еще въ 1898 г. выше нормы. И надо признать, что дѣйствительно легко смутиться, когда видишь старыхъ консерваторовъ, выступающихъ защитниками народной воли, и старыхъ клерикаловъ, принимающихъ на себя роль поборниковъ свободы совѣсти. Дѣйствительно, съ 1889 года карты очень смѣшались. Смѣшана также съ тѣхъ поръ классификація монархистовъ и республиканцевъ.

Для выясненія вопроса, поставленнаго въ началѣ главы, достаточно, однакожъ, данныхъ до 1889 года. Эти данныя ясно показываютъ, что въ первой половинѣ разсматриваемаго пятидесятилѣтія монархическій режимъ имѣлъ прочную и постоянную поддержку во всеобщемъ голосованіи; потомъ всеобщее голосованіе поворачивается въ сторону республиканскаго режима. Эта эволюція совершалась медленно и съ замѣчательною постепенностью.

Всѣ перемѣны въ верхнихъ сферахъ политическаго строя вносили только временныя колебанія въ характеръ всеобщаго голосованія; нормальный уровень скоро возстановлялся съ постоянствомъ явленій физическаго міра. Но, подъ дѣйствіемъ другихъ, глубокихъ причинъ, измѣнялись внутреннія условія народной жизни, измѣнилось и улучшилось экономическое положеніе, повысился уровень образованности, благодаря чему и политическое сознаніе народа поднялось на болѣе высокую ступень, а вмѣстѣ съ нимъ также уваженіе къ собственнымъ политическимъ правамъ и приверженность къ демократическимъ учрежденіямъ. Пока народъ чувствовалъ себя неспособнымъ воспользоваться

самостоятельно и сознательно политическими правами, онъ естественно не дорожилъ ими и готовъ былъ продать ихъ за „чечевичную похлебку“ или просто ради мира и спокойствія, какъ, напримѣръ, при плебисцитахъ 1851 и 1852 года.

Такъ понялъ значеніе этихъ плебисцитовъ, между прочимъ, и Н. Г. Чернышевскій: „во Франціи всегда такъ, — говоритъ онъ въ статьѣ: „Заговорщики и соумышленники Людовика-Наполеона въ 1851 г.“ (стр. 65):—масса народа любитъ спокойствіе; если какая-нибудь рука, благодаря случаю, захватитъ команду надъ арміею, желѣзными дорогами и телеграфомъ, народъ думаетъ: „а Богъ съ ними, пусть управляютъ какъ хотятъ, вѣдь мы-то, по совѣсти говоря, передъ самими собою, этихъ ихъ дѣлъ не понимаемъ, изъ-за чего тамъ они спорятъ въ палатѣ и въ газетахъ,... такъ пусть себѣ управляютъ, лишь бы не мѣшали намъ заниматься нашими серьезными дѣлами: пахать землю, работать на фабрикахъ и заводахъ, торговать, быть фабрикантами, помѣщиками;—намъ, пахарямъ и землевладѣльцамъ, фабричнымъ и фабрикантамъ, мелкимъ лавочникамъ и негоціантамъ, не хочется ссориться съ арміею, полиціею и всѣмъ чиновничествомъ изъ-за формы правленія; пусть себѣ управляютъ, лишь бы былъ порядокъ, безъ котораго намъ нельзя заниматься дѣлами“.

„*Лишь бы былъ порядокъ*“—эти слова замѣчательно мѣтко характеризуютъ отношеніе народа къ государственной власти. Дѣйствительно, народъ прежде ничего больше не требовалъ или ничего больше не ожидалъ отъ правительства, какъ охраненія порядка; поэтому-то онъ и поддерживалъ „сильное“ правительство Наполеона III, поэтому-то онъ и выбиралъ долго своими представителями преимущественно столповъ порядка. Въ этомъ же лежитъ ключъ къ объясненію отношенія народа къ консервативнымъ партіямъ.

Но послѣдній вопросъ мы должны разсмотрѣть особо.

III.

Какъ распредѣлилось французское „всеобщее голосованіе“ между консервативными и прогрессивными партіями, между сторонниками status quo и сторонниками реформъ?

Прежде чѣмъ искать отвѣта на этотъ вопросъ въ цифровыхъ данныхъ голосованій, мы должны выяснить, какія партіи входятъ во Франціи въ ту и другую категорію. Нѣтъ спора, что французскія монархическія партіи, а также „вновь присоединившіеся“

республиканцы, вмѣстѣ съ ихъ друзьями клерикалами, должны быть цѣликомъ причислены къ категоріи „консерваторовъ“; для нихъ консерватизмъ, очевидно, составляетъ главный raison d'être. Съ другой стороны, радикалы, радикалы-соціалисты и соціалисты, столь же очевидно, входятъ въ категорію „прогрессистовъ“. Но между этими двумя опредѣленными группами находится огромная масса республиканцевъ, очень трудно поддающихся классификаціи.

„Revue politique et parlementaire“ такъ классифицируетъ результаты голосованій при выборахъ 1893 и 1898 г. [1]):

Получили голосовъ во всей Франціи:

	въ 1893 г.	въ 1898 г.
Монархисты	1.000.000	888.000
Католическіе республиканцы. Христіанскіе соціалисты. Націоналисты и др.	172.000	250.000
Присоединившіеся (ralliés)	458.000	543.000
Республиканцы-прогрессисты	3.188.000	3.263.000
Радикалы	1.444.000	1.294.000
Радикалы-соціалисты [2])	172.000	630.000
Соціалисты	598.000	791.000

Монархистовъ и „присоединившихся“ мы, какъ сказано выше, причисляемъ къ консерваторамъ; въ ту же категорію нужно отнести смѣшанную группу католическихъ республиканцевъ, христіанскихъ соціалистовъ, націоналистовъ и т. п. Всѣ эти партіи, вмѣстѣ взятыя, получили въ 1893 г.—1.630.000 голосовъ, а въ 1898 г.—1.681.000 голосовъ. Это голоса несомнѣнно консервативные. Къ голосамъ несомнѣнно прогрессивнымъ мы относимъ голоса, поданные за радикаловъ, радикаловъ-соціалистовъ и соціалистовъ. Такихъ голосовъ было: на выборахъ 1893 года—2.210.000, на выборахъ 1898 г.—2.715.000.

Въ серединѣ находится та огромная и неопредѣленная масса республиканцевъ, о которыхъ говорилось выше. Эти республиканцы помѣщены въ только-что приведенной таблицѣ въ рубрику „республиканцевъ-прогрессистовъ“, какъ они обыкновенно себя называютъ, но въ томъ числѣ имѣется значительный контингентъ, предпочитающій эпитетъ „умѣренные республиканцы“, или даже „консервативные республиканцы“. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что тутъ собралось очень смѣшанное общество. Здѣсь имѣются, съ одной стороны, бывшіе товарищи и друзья

[1]) R. pol. et parl., 1898 г. № VI. До 1893 г. результаты распредѣлялись при подсчетахъ только на двѣ группы,—республиканскіе голоса и монархическіе голоса.

[2]) Такъ прозвали себя радикалы, сочувствующіе нѣкоторымъ соціальнымъ реформамъ.

Гамбетты, съ другой стороны—ученики и почитатели Тьера. Тьера нужно считать основателемъ партіи консервативныхъ республиканцевъ. Бывшій министръ Луи-Филиппа до конца дней своихъ остался вѣренъ консервативнымъ взглядамъ, но съ теченіемъ времени онъ проникся убѣжденіемъ, что во Франціи только республиканскій режимъ способенъ возстановить внутренній миръ; „c'est le gouvernement qui nous divise le moins—этотъ режимъ вызываетъ меньше всего раздоровъ между нами“,—говорилъ онъ. Но онъ надѣялся, что республика будетъ консервативна: „la république sera conservatrice, ou elle ne sera pas—республика будетъ консервативна, или ея не будетъ“—другое характерное выраженіе Тьера.

Вмѣстѣ съ Тьеромъ и его единомышленниками, какъ Дюфоръ и Ремюза, къ республикѣ съ самаго начала присоединились многіе монархисты, несомнѣнные консерваторы. Число этихъ монархистовъ-республиканцевъ было довольно значительно при основаніи третьей республики; при первыхъ законодательныхъ выборахъ, въ 1876 году, они провели въ палату депутатовъ 48 представителей (группа лѣваго центра) [1]). Это было ядро партіи умѣренныхъ республиканцевъ. При послѣдующихъ выборахъ къ республикѣ переходили каждый разъ, какъ мы видѣли, новые элементы съ правой стороны, которые, естественно, присоединялись къ наиболѣе близкой имъ по духу группѣ Тьера. При выборахъ 1893 и 1898 года это движеніе съ правой стороны было особенно сильное: въ 1893 г. общее число республиканскихъ голосовъ сразу увеличилось на 1.438.000, въ 1898 г.—на 834.000; поэтому въ эти два года и число голосовъ партіи умѣренныхъ республиканцевъ—чрезвычайно высокое (очевидно, что только часть „молодыхъ“ республиканцевъ сгруппировалась въ особую фракцію—„les ralliés“). Къ этому движенію *справа* присоединилось въ послѣднее время движеніе *слѣва* по направленію къ умѣренному республиканизму. Послѣднее движеніе питается тѣми элементами буржуазіи, которые въ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ тяготѣютъ къ передовымъ взглядамъ: они почитаютъ принципы великой революціи, сочувствуютъ демократическимъ учрежденіямъ, любятъ франкъ-масонство и ненавидятъ клерикализмъ. Поэтому они раньше шли за Гамбеттой и Ферри. Но когда на очередь дня были поставлены соціальные вопросы, и радикальная партія, въ виду успѣховъ соціалистической агитаціи, стала на сторону соціальныхъ реформъ, тогда упомянутые буржуазные элементы, под-

[1]) См. L'Année politique 1876 г.

дававшіеся прежде вліянію радикаловъ, отшатнулись отъ этихъ опасныхъ друзей,—„in Geldsachen hört die Freundschaft auf“, какъ говорятъ нѣмцы, — и присоединились къ умѣреннымъ или умѣренно-прогрессивнымъ, или прогрессивно-консервативнымъ... республиканцамъ.

Вотъ изъ какихъ элементовъ состоитъ та группа республиканцевъ, которая обозначена въ вышеприведенной таблицѣ подъ именемъ: „республиканцевъ-прогрессистовъ“.

Для дальнѣйшей характеристики этой группы укажемъ на то, что при выборахъ 1898 г. она называла себя „партіей правительства“. Правительствомъ въ то время было, какъ всѣмъ хорошо памятно, министерство Мелина, игравшее извѣстную роль въ дѣлѣ Дрейфуса. Это правительство было у власти два года, оно опиралось на всю правую сторону палаты депутатовъ и имѣло противъ себя всю лѣвую половину ея. Девизомъ этого правительства было: „Le péril est à gauche“—опасность налѣво, тамъ, гдѣ сидятъ пылкіе защитники соціальныхъ реформъ; направо — въ реакціи — это республиканское правительство опасности не видѣло.

Еслибы мы, въ виду всего этого, рѣшились причислить всю массу „республиканцевъ-прогрессистовъ“ въ категорію консерваторовъ (что, можетъ быть, было бы несправедливо), то оказалось бы, что при послѣднихъ выборахъ, въ 1898 г., всеобщее голосованіе распредѣлилось слѣдующимъ образомъ:

За консерваторовъ.	4.944.000 голосовъ
За радикаловъ и соціалистовъ .	2.715.000 „

Первые, слѣдовательно, сгруппировали вокругъ себя 64,6%, послѣдніе—35,6% всеобщаго голосованія. Таково же, приблизительно, было количественное соотношеніе партій въ самой палатѣ депутатовъ въ началѣ текущей легислатуры. Андрэ Даніэль (Лебонъ) такъ классифицировалъ въ своемъ ежегодникѣ „L'Année politique“ 1898 г. новоизбранныхъ депутатовъ:

Реакціонеры и націоналисты	92 депутата
„Республиканцы правительства“.	254 „
Радикалы, радикалы-соціалисты и соціалисты.	235 „

Это составляетъ на сторонѣ консерваторовъ 50,6%, на сторонѣ партій реформъ—40,4% состава палаты депутатовъ.

Но уже на первыхъ засѣданіяхъ новоизбранной палаты депутатовъ около 50 „республиканцевъ правительства“ покинули правительство и присоединились къ партіямъ республиканскихъ реформъ (что и вызвало тогда паденіе министерства Мелина). Послѣ этого еще нѣсколько десятковъ бывшихъ „республикан-

цевъ правительства Мелина“ отдѣлились отъ послѣдняго и присоединились къ партіямъ лѣвой стороны палаты. Впрочемъ, они въ сущности не измѣнились,—они теперь, какъ и прежде,—„республиканцы правительства“, но *правительство* измѣнилось... Девизомъ правительства Мелина было: „le danger est à gauche—опасность налѣво“; девизомъ правительства Вальдека-Руссо служитъ: „le danger est à droite—опасность направо“; первый объявилъ войну соціализму, послѣдній объявилъ войну клерикализму. Но это не мѣшаетъ многимъ „республиканцамъ-прогрессистамъ“, поддерживавшимъ раньше Мелина, поддерживать теперь Вальдека-Руссо. Очевидно, что поддержка такихъ друзей имѣетъ сомнительную цѣнность; но безъ этой поддержки министерство Вальдека-Руссо не могло бы удержаться у власти. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что это министерство, несомнѣнно расположенное къ соціальнымъ реформамъ, ничего серьезнаго въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не могло сдѣлать.

Серьезныя соціальныя реформы еще и теперь не имѣютъ за себя большинства въ палатѣ депутатовъ, точно также какъ во всеобщемъ голосованіи,—таковъ заключительный итогъ пятидесятилѣтняго дѣйствія всеобщаго голосованія, цѣлаго полувѣка политическаго воспитанія, пропаганды и агитаціи.

Нельзя, конечно, предполагать, что французскій народъ не хочетъ соціальныхъ реформъ, даже такихъ, въ которыхъ онъ заинтересованъ такъ сильно и яснымъ для простѣйшаго глаза образомъ. Но онъ ихъ не требуетъ—и не поддерживаетъ въ достаточной мѣрѣ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые внесли эти требованія въ свои программы, предпочитая, почему-то, отдать свой голосъ другимъ политикамъ, которые ему ничего не обѣщаютъ, кромѣ покоя, порядка и, пожалуй, еще нѣкоторой экономіи въ государственныхъ расходахъ.

Можно, правда, предполагать, что народъ поступаетъ такъ не добровольно, а по принужденію, вслѣдствіе внѣшняго давленія; но тогда возникаетъ вопросъ, почему это давленіе встрѣчаетъ въ народѣ такъ мало противодѣйствія; вѣдь такъ мало требуется воли и энергіи для того, чтобы, при тайномъ голосованіи, устоять противъ давленія: „Tabella, vindex tacita libertatis!“

Съ другой стороны, можно возразить, что формулы: „соціальныя реформы“ или „соціальный прогрессъ“—слишкомъ общи и абстрактны для неинтеллигентной массы, что истинные взгляды и чувства народа могутъ обнаружиться только въ отношеніи его къ каждому реальному, практическому вопросу соціальной жизни

въ отдѣльности. Возраженіе это, конечно, достойно вниманія. Мы, поэтому, постараемся сгруппировать данныя, обнаруживающія отношеніе народа къ каждому практическому вопросу въ отдѣльности.

IV.

Интересный матеріалъ для этого находится въ докладахъ парламентскихъ коммиссій объ избирательныхъ программахъ членовъ палаты депутатовъ. Такіе доклады имѣются относительно четырехъ выборовъ, именно выборовъ 1881, 1885, 1889 и 1893 годовъ. Первый докладъ составилъ Камилль Пельтанъ, второй—Мишелэнъ, послѣдніе два—Бародэ. Въ этихъ докладахъ всѣ пункты избирательныхъ программъ подвергнуты объективной характеристикѣ и классификаціи. Программы кандидатовъ, потерпѣвшихъ неудачу при выборахъ, остались безъ вниманія; поэтому картина, представленная въ этихъ докладахъ, не представляетъ собою полнаго портрета всеобщаго голосованія, такъ сказать, „во весь ростъ“. Конечно, депутаты руководствовались, при составленіи своихъ программъ, взглядами и настроеніемъ большинства избирателей и, конечно, старались дать послѣднимъ возможно большее удовлетвореніе. Но такъ какъ почти ни въ одномъ избирательномъ округѣ нельзя найти большинства однороднаго въ соціальномъ и политическомъ отношеніи, то избирательныя программы неизбѣжно представляютъ собою продуктъ компромисса, продуктъ болѣе или менѣе сложной дипломатіи, при составленіи котораго всѣ мудрыя дипломатическія правила, какъ-то: „языкъ данъ намъ для того, чтобы скрывать наши мысли“, „слово—серебро, а молчаніе—золото“ и т. под., примѣняются въ самомъ широкомъ размѣрѣ.

Вслѣдствіе этого, въ программахъ находятъ себѣ мѣсто только наиболѣе вліятельныя, наиболѣе энергичныя, наиболѣе популярныя, доминирующія въ какомъ-нибудь отношеніи народныя требованія.

Какія же народныя требованія оказываются доминирующими?

Въ программахъ народныхъ представителей, избранныхъ при всеобщихъ выборахъ 1881 года, слѣдующія требованія встрѣчаются болѣе ста разъ [1]) (всего депутатовъ—582):

---

[1]) Rapport de M. Camille Pelletan. Annales du Journal officiel, Janvier 1883, p. 45 à 73.

Требованія.	Число программъ, въ которыхъ они находятся:
Пересмотръ конституціи	331
Сокращеніе военной службы на три года	278
Безплатное, обязательное и свѣтское первонач. образованіе	239
Политика мира	194
Отдѣленіе церкви отъ государства	163
Свобода союзовъ	154
Отмѣна несмѣняемости судей [1])	149
Свобода собраній	127
Свобода печати	123
Расширеніе мѣстной автономіи	126
Пониженіе поземельнаго налога	125
Бо́льшая доступность средняго образованія	113
Учрежденіе пенсіонныхъ кассъ для инвалидовъ труда	102

При всеобщихъ выборахъ 1885 года слѣдующія требованія повторяются въ наибольшемъ числѣ программъ [2]):

Требованія.	Число программъ.
Сокращеніе военной службы на три года	240
Уменьшеніе судебныхъ издержекъ	218
Отдѣленіе церкви отъ государства	184
Сокращеніе государственныхъ расходовъ	172
Развитіе профессіональнаго образованія	166
Реформа податной системы	160
Подоходный налогъ	159
Политика мира	151
Расширеніе компетенціи мировыхъ судей	146
Развитіе учрежденій обезпеченія и страхованія	141
Отмѣна института вольноопредѣляющихся	126
Пересмотръ транспортныхъ тарифовъ	117
Пенсіонныя кассы для инвалидовъ труда	104
Свобода союзовъ	104
Поземельный кредитъ	102

Другія требованія упомянуты менѣе чѣмъ въ ста программахъ.

Въ программахъ всеобщихъ выборовъ 1893 года слѣдующія требованія встрѣчаются болѣе чѣмъ въ ста программахъ [3]):

---

[1]) Это требованіе исходило отъ радикаловъ, требовавшихъ „очищенія“ судебныхъ учрежденій отъ старыхъ реакціонныхъ элементовъ.

[2]) Rapport de M. Michelin, Impressions de la Chambre des députés, IV-me législature, № 683.

[3]) Rapport de M. Barodet, Journal officiel du 1894, Annexe № 532.

Требованія.	Число программъ.
Развитіе учрежденій помощи и взаимопомощи (обезпеченіе, страхованіе и т. под.)	425
Сохраненіе покровительственныхъ пошлинъ	317
Реформа и болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ	293
Свобода совѣсти	251
Организація поземельнаго кредита	210
Пересмотръ конституціи	202
Сокращеніе или отмѣна налоговъ на напитки [1])	199
Сокращеніе судебныхъ издержекъ и упрощеніе судебныхъ формальностей	190
Сохраненіе закона о военной службѣ и ея одинаковой обязательности для всѣхъ	188
Налогъ на капиталъ и на доходъ	187
Политика мира	162
Устойчивость министерствъ	155
Сохраненіе и примѣненіе школьныхъ законовъ	152
Отдѣленіе церкви отъ государства	149
Сокращеніе и болѣе справедливое распредѣленіе поземельнаго налога	127
Развитіе средствъ сообщенія	121
Отвѣтственность работодателей за несчастн. случаи	109
Уничтоженіе мѣстныхъ пошлинъ (octroi)	108
Развитіе синдикатовъ и кооперацій	106
Децентрализація	105
Объединеніе республиканцевъ	104
Упрощеніе администраціи	101

Вотъ какія требованія пользовались при указанныхъ трехъ избирательныхъ кампаніяхъ наибольшимъ вниманіемъ въ программахъ народныхъ представителей. Другія требованія, не упомянутыя въ этихъ таблицахъ, нашли себѣ поддержку менѣе чѣмъ въ ста программахъ (всего депутатовъ—582). Въ числѣ этихъ требованій, отодвинутыхъ на задній планъ, находятся и требованія, которыя принято называть соціальными, — требованія, связанныя тѣснѣйшимъ образомъ съ насущнѣйшими интересами народной жизни; эти *истинно-народныя* требованія оказываются наименѣе *популярными*. Замѣчательный парадоксъ всенароднаго голосованія!

Для большей ясности, можно сгруппировать требованія послѣдняго рода въ особой таблицѣ, отмѣтивъ при каждомъ требованіи число народныхъ представителей, присоединившихся къ нимъ

[1]) При этомъ имѣлись въ виду напитки, такъ называемые, гигіеническіе, какъ вино, пиво, сидръ.

въ своихъ программахъ при избирательныхъ кампаніяхъ 1881 и 1893 гг., на основаніи данныхъ, имѣющихся въ упомянутыхъ парламентскихъ докладахъ.

Вотъ эта таблица:

	1881 г.	1893 г.
Отвѣтственность работодателей за несчастные случаи съ рабочими . . .	9	109
Уничтоженіе октруа [1])	32	108
Развитіе синдикатовъ и кооперацій. .	57	106
Организація общественной помощи въ деревнѣ [2])	4	91
Регламентація фабричнаго труда женщинъ и дѣтей	10	74
Отмѣна налоговъ на пищев. продукты.	20	70
Страхованіе земледѣлія	„	67
Учрежденіе кредита для труда . . .	14	62
Прогрессивный подоходный налогъ . .	„	58
Сокращеніе рабочаго дня	23	55
Отмѣна косвенныхъ налоговъ. . . .	8	36
Свобода торговли.	12	15

Эта табличка показываетъ съ математической ясностью, какъ мало сочувствія истинно-народныя требованія нашли въ программахъ народныхъ представителей; болѣе того,—чѣмъ больше какое-нибудь требованіе достойно сочувствія, тѣмъ менѣе оно его встрѣчаетъ въ программахъ *народныхъ* представителей, одобренныхъ *всенароднымъ* голосованіемъ!

Нельзя, конечно, сказать, будто требованія, пользовавшіяся поддержкой значительнаго количества программъ и попавшія въ первыя таблицы, не суть „народныя“ требованія; но очевидно, что они не имѣютъ того первенствующаго значенія, которое придаютъ имъ программы. Очевидно, напримѣръ, что для *народа*, для громаднаго большинства его, вопросъ о налогахъ на пищевые продукты имѣетъ больше значенія, чѣмъ вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, точно также какъ вопросъ о косвенныхъ налогахъ или о свободѣ торговли болѣе затрогиваетъ его жизненные интересы, чѣмъ вопросы чисто конституціонные. А между тѣмъ, какое мѣсто занимаютъ въ программахъ тѣ и другіе вопросы? За отдѣленіе церкви отъ государства высказываются 163, 184, 117 и 149 программъ; за отмѣну налоговъ на пищевые продукты—только 20, 27 и 70 программъ; за пересмотръ

[1]) Налогъ на продукты при ввозѣ въ города.

[2]) Подобно тому, какъ она съ давнихъ поръ организована въ городахъ.

конституціи высказываются 331, 346 и 202 программы; за свободу торговли—только 12, 8, 8 и 15 программъ. Изъ соціальныхъ программъ только одна удостоилась мѣста (одного изъ послѣднихъ мѣстъ) въ таблицахъ „перваго сорта“, именно—требованіе учрежденія пенсіонныхъ кассъ для инвалидовъ труда. Но и это требованіе выражено въ такой неопредѣленной формѣ, что нельзя разобрать, имѣется ли въ виду обезпеченіе старости государствомъ, или простая добровольная страховка. Часть защитниковъ пенсіонныхъ кассъ, во всякомъ случаѣ, имѣла въ виду послѣднее.

Поэтому, вѣроятно, Бародэ въ своихъ докладахъ о программахъ 1889 и 1893 года помѣстилъ это неопредѣленное требованіе, вмѣстѣ съ разными другими неопредѣленными требованіями соціальнаго характера, въ одну общую категорію „вопросовъ обезпеченія, сбереженія, страхованія, помощи, взаимопомощи и т. п.“ Это, въ сущности, категорія благихъ пожеланій, очень любимыхъ французскими политиками.

Эти „реформы“ требовались: въ 1885 г.—въ 141 программѣ, въ 1889 г.—въ 211, въ 1893 г.—въ 425 программахъ. Успѣхъ, какъ видите, очень большой,—вполнѣ, впрочемъ, понятный при такой... дешевизнѣ.

Парламентъ, съ своей стороны, поспѣшилъ дать удовлетвореніе этимъ требованіямъ и выработалъ... нормальный уставъ для обществъ взаимопомощи.

Не менѣе печальна судьба фискальныхъ реформъ, имѣющихъ также большое соціальное значеніе. Ни въ одной странѣ гражданамъ не приходится платить столько налоговъ, какъ во Франціи. Очевидно, что для народа было бы большимъ облегченіемъ, еслибы налоги были уменьшены или переложены на болѣе состоятельные классы населенія. Какъ же отвѣчаютъ программы народныхъ представителей народнымъ интересамъ этого рода?

Требованіе экономіи въ государственныхъ расходахъ встрѣчается часто въ программахъ: въ 1885 г.—172 раза, въ 1889 г.—260 разъ, въ 1893 г.—219 разъ. Но извѣстно, что историческая эволюція не идетъ въ направленіи сокращенія бюджетовъ; поэтому этимъ требованіемъ овладѣли реакціонеры, для которыхъ оно составляетъ главный програмный пунктъ.

Болѣе соотвѣтствуетъ духу нашего времени переложеніе налоговой тяжести на болѣе состоятельную часть населенія. Это требованіе только въ самое послѣднее время заняло выдающееся мѣсто въ программахъ.

За болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ высказались:

въ 1881 г.—100 программъ, въ 1885 г.—160, въ 1889 г.—164, въ 1893 г.—293 программы.

За налогъ на капиталъ или доходъ высказались: въ 1881 г.—66, въ 1885 г.—180, въ 1889 г.—67, и въ 1893 г.—187 программъ.

За прогрессивный подоходный налогъ высказались: въ 1889 г.—20, въ 1893 г.—53 программы.

И тутъ мы опять видимъ, что чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе требованіе, тѣмъ менѣе оно находитъ выраженіе въ программахъ: неопредѣленная, ни къ чему не обязывающая фраза о болѣе справедливомъ распредѣленіи налоговъ повторяется въ сотняхъ программъ; ясное требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога находитъ только очень слабую поддержку. Тутъ обнаруживается передъ нами ясно та замѣчательная тенденція, о которой уже было упомянуто,—состоящая, въ сущности, въ томъ, что, чѣмъ ближе какая-либо реформа подходитъ къ интересамъ слабой въ экономическомъ отношеніи части народа, образующей, однакожъ, огромное большинство всеобщаго голосованія, тѣмъ менѣе эта реформа находитъ отклика въ программахъ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ.

Дальше мы встрѣтимъ еще болѣе яркіе примѣры этой странной и парадоксальной, на первый взглядъ, тенденціи.

Среди многочисленныхъ налоговъ, обременяющихъ населеніе, налогъ на пищевые продукты, несомнѣнно, есть такой, тяжесть котораго больше всего давитъ бѣдную часть населенія и который менѣе всего соотвѣтствуетъ элементарнымъ требованіямъ справедливости, такъ какъ отношеніе размѣра этихъ налоговъ къ платежной способности гражданина тѣмъ выше, чѣмъ ниже послѣдняя. Между тѣмъ такихъ налоговъ очень много во Франціи; такъ, напримѣръ: налогъ на соль въ размѣрѣ 10 сантимовъ (4 коп.) за килограммъ; налогъ на сахаръ — 60 сантимовъ за килограммъ; налогъ на кофе—$1^1/_2$ франка за килогр.; налогъ на вино, составляющій при покупкѣ небольшими количествами (т.-е. бѣднымъ населеніемъ) около $12^1/_2\%$ продажной стоимости [1]); налогъ на чай, на табакъ и т. д. Ясно, что отмѣна этихъ налоговъ имѣла бы большое экономическое значеніе для бѣдныхъ классовъ населенія. Какъ же это отразилось въ программахъ?

[1]) Состоятельные люди, покупающіе вино бочками, платятъ значительно меньше при покупкѣ того же самаго вина; въ деревнѣ—только 3—4% стоимости. Еще меньше—при покупкѣ болѣе дорогихъ винъ. (См. Paul Leroy-Beaulieu, Traité de la science des finances. Paris 1892, p. 658).

За отмѣну налоговъ высказались:

въ 1881 году . . .	20 программъ
„ 1893 „ . . .	70 „

Среди этихъ налоговъ есть, однакожъ, одинъ такой, отъ котораго страдаютъ не только бѣдные потребители, но также и богатые производители; это налогъ на вино, пиво и другіе, такъ называемые, гигіеническіе напитки, который, повышая значительно цѣну на эти напитки, естественно, ограничиваетъ ихъ потребленіе, что̀ уменьшаетъ доходъ господъ винодѣловъ, пивоваровъ и другихъ „интересныхъ“, по выраженію французскихъ политикановъ, классовъ населенія. Поэтому этотъ спеціальный вопросъ привлекъ къ себѣ больше вниманія со стороны народныхъ представителей, и за уменьшеніе или отмѣну налоговъ на гигіеническіе напитки высказались:

въ 1881 году . . .	31 программа
„ 1893 „ . . .	199 „ [1]).

Кромѣ государственныхъ налоговъ на пищевые продукты, о которыхъ только-что шла рѣчь, для жителей городовъ и мѣстечекъ существуютъ еще добавочные налоги на эти самые продукты, налагаемые мѣстнымъ управленіемъ; это пресловутое октруа, наслѣдіе стараго режима, сохраняется до сихъ поръ, приблизительно, въ 1.500 французскихъ общинахъ [2]). О значеніи этихъ налоговъ можно составить себѣ представленіе по слѣдующимъ даннымъ, сообщеннымъ въ цитированной уже книгѣ Поля Леруа-Больё.

Въ 1887 году на каждаго обывателя приходилось, въ среднемъ, октруа: въ провинціи 12,95 франковъ, въ Парижѣ—58,16 франковъ, изъ которыхъ:

за вино	въ провинціи 2,13 фр.,	въ Парижѣ 19,13 фр.
за съѣстные припасы .	„ 4,53 „ ,	„ 13,60 „
за предметы топлива .	„ 1,54 „ ,	„ 5,75 „

Отъ этихъ налоговъ въ особенности страдаютъ, какъ уже было упомянуто, города, т.-е. самая живая, самая сознательная въ политическомъ отношеніи часть французскаго народа, и больше всѣхъ—Парижъ, голова Франціи, центръ политической жизни, въ которомъ на семейство изъ четырехъ душъ приходилось, въ среднемъ, однихъ этихъ налоговъ 232 франка 64 сант. въ 1887 году; и эта самая развитая часть народа не добилась до сихъ поръ

---

[1]) Это требованіе получило почти полное удовлетвореніе въ началѣ прошлаго года.

[2]) 1525 въ 1887 году по Paul Leroy-Beaulieu, указ. соч., стр. 733.

не только отмѣны этого тяжелаго и несправедливаго налога, но даже просто внесенія этого требованія въ значительное число политическихъ программъ.

Требованіе уничтоженія октруа мы находимъ:

въ 1881 году. . .	въ 32	программахъ
„ 1893 „ . . .	„ 108	„

Октруа существуетъ до сегодняшняго дня; только октруа на гигіеническіе напитки отмѣнено съ начала истекшаго года въ Парижѣ и многихъ другихъ общинахъ.

Вотъ какое отраженіе существеннѣйшіе интересы народной массы получаютъ въ программахъ народныхъ представителей.

Картина сразу мѣняется, когда дѣло касается интересовъ „интересной“ части народа, какъ, напримѣръ, землевладѣльцевъ и фабрикантовъ.

Нельзя также не обратить серьезнаго вниманія на огромное число программъ, высказавшихся—въ 1889 году за введеніе, а въ 1893 году за сохраненіе—покровительственныхъ пошлинъ (321 и 317 программъ). При этомъ имѣлись главнымъ образомъ въ виду покровительственныя пошлины на продукты земледѣлія. Чьимъ интересамъ служитъ это покровительство, сущность котораго состоитъ въ искусственномъ повышеніи цѣнъ на пищевые продукты? Прежде всего,—интересамъ крупнаго землевладѣнія, затѣмъ, въ меньшей мѣрѣ,—интересамъ крупнаго крестьянства, и наконецъ, въ очень слабой степени—интересамъ мелкаго крестьянства. Вся остальная народная масса, больше половины всего населенія, заинтересована живѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы пищевые продукты были, по возможности, дешевле и чтобы хлѣбъ и мясо имѣли свободный доступъ въ страну.

Несмотря на это, требованіе покровительственныхъ пошлинъ получило скорое и полное удовлетвореніе, тогда какъ за свободу торговли высказалось самое незначительное число программъ; именно:

въ 1881 году	12
„ 1893 году	15

Таковы итоги перваго пятидесятилѣтія дѣйствія „всеобщаго голосованія“ во Франціи. Они показываютъ, что всенародное голосованіе не всегда служитъ выраженіемъ голоса всего народа, и что политическія права не всегда связаны съ политической властью и соотвѣтственнымъ политическимъ вліяніемъ.

Лишь незначительная часть французскаго народа дорожила своими политическими правами, сознательно ими пользовалась и сдѣлала ихъ могучимъ орудіемъ для защиты своихъ интересовъ. Большинство же народа или вовсе не пользовалось своими правами, или пользовалось ими въ пользу... другихъ.

Таковъ общій итогъ за все пятидесятилѣтіе; но въ частности нельзя не замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ обнаруживается рѣшительный поворотъ въ сторону болѣе сознательнаго народовластія, и что продолжительное политическое воспитаніе начинаетъ приносить плоды.

Р. М. Бланкъ.

Парижъ.

КУЛЬТУРНОЕ БОЛОТО

ПОВѢСТЬ.

I.

Былъ полдень, когда дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Сократовичъ Экземскій вошелъ въ ресторанъ Кюба, одинъ изъ самыхъ модныхъ петербургскихъ ресторановъ. Уголъ Большой Морской улицы и Кирпичнаго переулка давно знаменитъ въ столицѣ честью—давать пріютъ лучшему, любимѣйшему ресторану состоятельнаго, дѣлового и веселящагося Петербурга; въ началѣ прошлаго вѣка существовалъ на этомъ перекресткѣ ресторанъ Дюссо, еще тогда, когда французскій языкъ не былъ до тонкости изучаемъ въ высшемъ обществѣ; въ самомъ дѣлѣ, имя ресторатора писалось по-французски „Duseaux“, а всѣ, въ простотѣ своей, называли его—„Дюссо“. Позднѣе, на другомъ углу, напротивъ, построили новый, большой и красивый домъ; въ нижнемъ этажѣ его, за громадными зеркальными окнами, помѣстился новый ресторанъ Бореля; Дюссо держался долго, но наконецъ закрылся. Со временемъ, но въ томъ же помѣщеніи, Бореля замѣнилъ Кюба, который и до сихъ поръ торгуетъ на славу. Въ послѣднее время Кюба породнилъ невскую столицу съ Парижемъ: теперь Кюба имѣетъ свои рестораны въ Петербургѣ и въ Парижѣ и, высоко держитъ знамя желудочной потѣхи сытыхъ людей.

Экземскій уже не зналъ Дюссо,—то была для него древняя исторія; онъ еще засталъ Бореля; теперь, какъ постоянный посѣтитель у Кюба, онъ гордился своимъ ресторанным дворян-

ствомъ. Экземскій не былъ стариннымъ дворяниномъ; по его фамиліи видно, что онъ—семинарскаго происхожденія; въ семинаріяхъ было принято давать воспитанникамъ фамиліи отъ латинскаго или греческаго корня; нѣтъ сомнѣнія, что отецъ Экземскаго принадлежалъ къ семинаріи, имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ лазарету семинаріи,—иначе ничѣмъ нельзя объяснить, почему, вмѣсто какой-нибудь фамиліи—Дезидератовъ или Оптименскій, ему дали фамилію—Экземскій? Самъ Алексѣй Сократовичъ не воспитывался въ семинаріи; онъ кончилъ курсъ въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ, куда попалъ по волѣ родителей, не чувствуя, ни къ техникѣ, ни къ наукѣ вообще, никакого влеченія; поэтому, едва ему представился случай пристроиться къ жалованью, онъ и ухватился за мѣсто помощника столоначальника въ одномъ изъ петербургскихъ департаментовъ, которое, какъ говорится, *выходило* ему. Получить жалованье—высшая культурная идея городского жителя въ Россіи; если вы скажете кому, что получили занятіе, мѣсто, васъ не спросятъ, что вы будете дѣлать, а прежде всего — сколько будете получать жалованья?

Экземскій былъ сѣверный брюнетъ, т.-е. темный блондинъ, съ нечистой кожей на лицѣ, средняго роста и самыми неправильными чертами лица; не будь глазъ, волосъ и рта, это лицо можно было бы назвать группой картофелинъ,—таковы были у него: носъ, скулы и подбородокъ; но быстрые глаза и самодовольная улыбка оживляли эту группу картофелинъ; могли явиться личности, которымъ Экземскій нравился. Въ моментъ разсказа ему сорокъ-шесть лѣтъ. Сложенъ онъ былъ не особенно хорошо: шея короткая, спина круглая. Экземскій зналъ, что онъ не годится ни для одного изъ тѣхъ родовъ дѣятельности, гдѣ нужны физическія достоинства, гдѣ, поэтому, человѣкъ больше дѣйствуетъ на виду; зато онъ былъ очень высокаго понятія о своемъ умѣ и ловкости.

При входѣ Экземскаго въ ресторанъ, прислуга, татары, спѣшила оказать ему всякое уваженіе; старшій гарсонъ Абдулъ немедленно сталъ собирать для него столовый приборъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Экземскій всегда завтракалъ; другой татаринъ принялъ отъ него пальто, шляпу и палку, потому что Экземскій вошелъ, не обращая никакого вниманія на швейцара, прямо въ первую комнату, въ пальто, со шляпой-цилиндромъ на головѣ. Два посѣтителя, уже сидѣвшіе въ ресторанѣ, съ любопытствомъ глядѣли на это сенсаціонное появленіе новаго гостя. Экземскій былъ очень доволенъ, что вошелъ съ эффектомъ. Кромѣ

этого эффекта, Экземскій обходилъ швейцара съ разсчетомъ, чтобы не давать ему на чай. Экземскій былъ человѣкъ богатый, скопилъ себѣ капиталецъ; взятокъ не бралъ, но пользовался выгодами своего положенія; сверхъ того, онъ нигдѣ не былъ щедръ; щедрости онъ совсѣмъ не понималъ. Однако, онъ подчинялся обычаямъ общества. Давать на чай—обычай, который всѣ поддерживаютъ; въ первоклассныхъ ресторанахъ лакеи получаютъ большія деньги на чай. Иной помѣщикъ не дастъ иногда заслуженнаго рубля своему рабочему, но легко и даже съ наслажденіемъ дастъ пять или десять рублей лакею въ ресторанѣ. Экземскій соблюдалъ обычай давать на чай, но давалъ не много: онъ ограничивалъ свои отношенія къ прислугѣ mipimum'омъ; поэтому онъ обходилъ швейцара у Кюба, такъ сказать, игнорируя его.

— Что это у васъ еще такъ пусто?—спросилъ Экземскій у Абдула, усаживаясь къ своему столу.

— Суббота, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Абдулъ:—въ субботу всегда меньше гостей.

— Что же это, развѣ къ вамъ ходятъ одни жиды?

— Совсѣмъ другое,—сказалъ Абдулъ:—наши гости не мѣщане какіе-нибудь, которые къ субботѣ кончаютъ работу и начинаютъ гулять; наши господа въ концѣ недѣли, можетъ быть, въ дѣлахъ опаздываютъ, и въ субботу, должно быть, оттого больше работаютъ,—имъ теперь некогда.

— А въ остальные дни баклуши бьютъ, — замѣтилъ Экземскій.

— Господамъ—все можно.

— Дай-ка мнѣ газету!—скомандовалъ Экземскій.

Селимъ, другой гарсонъ, поднесъ газету.

— А гдѣ же моя газета, „Надуваніе мысли“?

— Сейчасъ принесутъ.

— Я, впрочемъ, видѣлъ „Надуваніе мысли“ сегодня,—сказалъ Экземскій:—я вѣдь въ немъ участвую; но всегда пріятно видѣть эту милую газету.

Экземскій развернулъ газету во всю ширину листа и такъ читалъ, держа ее передъ собою двумя руками; онъ до того быстро читалъ, что, казалось, ни на чемъ не останавливался; менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ, газета была прочитана и брошена на полъ; всѣ газеты, какія ему были поданы, онъ быстро просматривалъ и бросалъ на полъ; около дивана, на которомъ онъ сидѣлъ, образовался на полу цѣлый ворохъ печатной бумаги. Съ газетой „Figaro“ онъ остановился нѣсколько долѣе, чѣмъ съ другими.

— Негодяи эти французы, — рѣшилъ Экземскій и, бросивъ газету на полъ, принялся ѣсть.

— Французы—хорошій народъ, ваше превосходительство,— замѣтилъ Абдулъ, откупоривая вино.

— Я ихъ знаю; народъ безъ вѣры и безъ убѣжденій; что это за народъ, гдѣ никто не понимаетъ своихъ обязанностей!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — говорилъ Абдулъ,— французы знаютъ свое дѣло хорошо; вотъ нашъ хозяинъ, мосьё Кюба: онъ французъ и богатый человѣкъ, а все-таки онъ надѣваетъ здѣсь свою бѣлую поварскую куртку и передникъ и такъ приходитъ къ гостямъ, спрашиваетъ: всѣмъ ли господа довольны?

— Да, онъ курточку и передникъ надѣнетъ, потому что это ему нужно для торговли, это ему выгодно; но онъ начнетъ разбирать дѣйствія президента республики и самъ готовъ сдѣлаться президентомъ, хотя онъ всего только—поваръ.

— У нихъ это дозволяется,—замѣтилъ Абдулъ.

— Что дозволяется?—кричалъ Экземскій такъ громко, какъ будто кромѣ него никого въ комнатѣ не было. Два посторонніе гостя стали его оглядывать. — Развѣ можно дозволять безсмыслицу? — продолжалъ онъ. — Въ законѣ много чего стоитъ для порядка, а не все слѣдуетъ исполнять. Что бы это было, еслибъ ты, татаринъ, гарсонъ, пошелъ вмѣсто меня къ министру съ докладомъ, а я бы, генералъ, сталъ подавать кушанье гостямъ у мосьё Кюба? Я—иной человѣкъ, чѣмъ ты, татаринъ; я по наукѣ—homo sapiens, мнѣ слѣдуетъ разсуждать, а ты что, ты—homo diluvii testis, ты долженъ руками ворочать разныя вещи. И твой мусье Кюба—такой же; онъ долженъ ходить въ бѣлой куркѣ и не разсуждать о томъ, что дѣлаетъ президентъ республики.

— Какое слово вы изволили обо мнѣ сказать по-французски?— спросилъ Абдулъ.

— Это по-латыни; ты и словъ языка не можешь по слуху отличить. Я—homo sapiens, человѣкъ разумный, образованный, а ты—homo diluvii testis, человѣкъ, какъ онъ былъ въ самомъ началѣ, до потопа, такъ себѣ человѣкъ; какъ говорится по-русски: эй, человѣкъ!

— Понимаю-съ,—сказалъ Абдулъ;—а что же потопъ, развѣ еще опять будетъ?

— Ты ничего не понимаешь! Такіе, какъ ты и какъ твой мосьё Кюба, были уже тогда, когда потопъ былъ; ты человѣкъ—потопа свидѣтель.

— Я не свидѣтель потопа,—возразилъ Абдулъ;—тогда, можетъ быть, былъ дѣдъ мой или еще дальше.

— Ты не доберешься до своего дѣда, зачѣмъ тебѣ дѣдъ твой?—продолжалъ Экземскій;—мы знаемъ своихъ предковъ, а вамъ — на что они? Когда ты рукой или ногой двинешь, и я то же сдѣлаю,—и тутъ будетъ между нами большая разница. Ты выучился читать, но ты возьмешь газету и будешь читать ее цѣлый день, а я въ пять минутъ прочту нѣсколько газетъ.

— Хе, хе, хе!—улыбался Абдулъ:—я знаю, что вы не по нашему читаете газеты; я знаю, что вы сами въ газетахъ пишете.

— Я много пишу, мнѣ это ничего не стоитъ,—отвѣчалъ Экземскій.—Помнишь, какъ я тебя описалъ въ „Надуваніи мысли“?

— Какъ-же-съ, у меня есть этотъ нумеръ; вы тамъ сказали, что ресторанъ Кюба—лучше всѣхъ и что тамъ служитъ татаринъ Абдулъ; больше вы ничего дурного обо мнѣ не написали.

— Эхъ, какъ ты судишь, ахъ ты татаринъ! А вотъ меня ты не можешь описать.

Экземскій въ это время смотрѣлъ на одного изъ гостей, который какъ будто слушалъ разговоръ его съ Абдуломъ.

— Кто знаетъ, — вдругъ вмѣшался гость: — можетъ быть, Абдулъ отлично описалъ бы всѣхъ насъ; мемуары его были бы крайне интересны. Знаешь ли, Абдулъ, опиши въ самомъ дѣлѣ все, что ты здѣсь видѣлъ и слышалъ когда-нибудь!

— „Les mémoires d'un garçon de café“, записки гарсона,— продолжалъ Экземскій:—что же, это—мысль; этого еще не было, это будетъ имѣть успѣхъ.

Два гостя кончили въ это время свой завтракъ и стали уходить.

— Я не ожидалъ, что этотъ нахалъ такъ дружелюбно отнесется къ моему предложенію,—сказалъ говорившій гость, когда они двое вышли въ переднюю.

— Ваша мысль ему понравилась,—отвѣчалъ его товарищъ:— онъ предвидитъ, что съ этимъ заглавіемъ книга будетъ раскупаться: афера, вотъ что ему понравилось.

— Что же это Бородавкина сегодня здѣсь нѣтъ?—спросилъ Экземскій Абдула:—онъ нуженъ мнѣ.

— Вѣроятно, еще будутъ.

„Эта скотина Бородавкинъ навѣрное ничего не сдѣлаетъ,— размышлялъ Экземскій:—и чего труситъ, когда у него денегъ— куры не клюютъ?“—Абдулъ!

Абдулъ подошелъ.

— Пошли къ Аннѣ Андреевнѣ, не знаетъ ли она, будетъ ли здѣсь Бородавкинъ?

Абдулъ пошелъ исполнить приказаніе: Анна Андреевна была дама легкаго поведенія, жившая по близости, въ меблированныхъ комнатахъ.

— Анна Андреевна ничего не знаетъ о г. Бородавкинѣ,— докладывалъ Абдулъ, наведя справку:—онѣ просятъ ваше превосходительство къ себѣ, черезъ полчаса, потому что теперь онѣ одѣваются.

— Вотъ еще что̀ выдумала!—сказалъ Экземскій;—если она ничего не знаетъ о Бородавкинѣ,—мнѣ ее не надо; дама изъ меблированныхъ комнатъ—невидаль какая!.. Пальто!

Экземскій вышелъ на улицу, ругая Бородавкина, зачѣмъ онъ сегодня не былъ у Кюба, когда онъ ему нуженъ. Въ нетерпѣніи, не попадется ли ему Бородавкинъ на встрѣчу, Экземскій пошелъ по Большой Морской улицѣ въ сторону, гдѣ жилъ Бородавкинъ. На бѣду, вмѣсто Бородавкина попадались ему на встрѣчу все департаментскіе писцы, торопившіеся на службу; они отвѣшивали ему поклоны, а Экземскій, въ досадѣ, не снимая шляпы, строилъ только отвѣтныя гримасы. Въ досадѣ на эти встрѣчи, онъ повернулъ назадъ; вдругъ онъ увидѣлъ Бородавкина, ѣхавшаго въ коляскѣ; онъ обогналъ его.

— Пс, пс! — дѣлалъ Экземскій знаки, чтобы Бородавкинъ остановился, но тотъ глядѣлъ въ сторону; коляска Бородавкина проѣхала и мимо Кюба.

„Ишь вѣдь, и не заѣхалъ къ Кюба,—думалъ Экземскій:—онъ, вѣрно, забылъ о нашемъ уговорѣ; или, подлецъ, уклоняется, раздумалъ? Нѣтъ, шалишь, я тебя выслѣжу, поймаю“.

Скорымъ шагомъ Экземскій пошелъ за коляской, слѣдя за ней взоромъ издали; у Невскаго проспекта коляска не свернула ни вправо, ни влѣво,—слѣдовательно, по соображенію Экземскаго проѣхала прямо.

„Онъ прячется отъ меня,—думалъ Экземскій,—ѣдетъ завтракать въ „Hôtel de France“; я тебя тамъ накрою, г. милліонеръ“.

Дѣйствительно, подойдя къ „Hôtel de France“, Экземскій увидѣлъ у подъѣзда коляску Бородавкина.

„Попался, голубчикъ!“—самодовольно думалъ Экземскій, входя въ гостинницу.

Въ общей залѣ онъ увидѣлъ Бородавкина, расположившагося завтракать; не подавъ вида, что ищетъ его, Экземскій, увидя Бородавкина, сдѣлалъ большіе глаза, какъ бы изумленный нечаянной встрѣчей.

— А, Иванъ Петровичъ, что это, мы точно согласились съ вами здѣсь завтракать!

Экземскій перешелъ къ столу милліонера и усѣлся противъ него; Бородавкинъ не очень обрадовался встрѣчѣ, но вида не подалъ.

— Я сюда пріѣхалъ встрѣтить одного иностранца,—сказалъ Бородавкинъ,—но что-то не вижу его; а вы какими судьбами,—вы всегда завтракаете у Кюба?

— Я какъ будто предчувствовалъ, что васъ здѣсь найду; я шелъ по Морской, задумавшись, прошелъ мимо Кюба и дошелъ до Невскаго; мое правило—не идти назадъ; я и пришелъ сюда.

Экземскій взялъ карточку завтрака и думалъ, что бы выбрать полегче, для повторенія завтрака?

— Bouillon и oeufs pochés,—распорядился онъ гарсону.

— Что за блюда вы выбрали, вы будете голодны,—замѣтилъ Бородавкинъ.

— Н-нѣтъ,—отвѣчалъ Экземскій:—мнѣ сегодня что-то нездоровится. А вашъ уставъ у меня готовъ,—вдругъ сказалъ онъ громко.

Бородавкинъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его, и спросилъ:

— Были вы вчера въ „Аркадіи“?

— Былъ, но скучалъ; Ру—не смѣшилъ, толстая Жаннета, голая Истина, была глупа какъ сало, которое и покрываетъ ее. Но въ театрѣ, подъ музыку, я обработывалъ вашъ уставъ и, придя домой, написалъ его.

— Какой уставъ?—съ удивленіемъ спросилъ Бородавкинъ

— Вы дѣлаете видъ, будто ничего не знаете. Уставъ для акціонернаго общества вашего завода, который вы просили меня вамъ написать.

— Я не просилъ; это вы предлагали мнѣ, что можете написать уставъ.

— Я предлагалъ, это вѣрно; вы ничего мнѣ не возразили, не отказались; вѣдь мы говорили съ вами объ образованіи акціонернаго общества, больше ни о чемъ; вамъ нуженъ уставъ, я написалъ его; все готово.

— Вотъ прекрасно!—сказалъ удивленный Бородавкинъ:—все готово, а ничего не нужно. Я еще ничего не рѣшилъ по этому дѣлу.

— Это до меня не касается; я сдѣлалъ свое, съ вашего согласія.

— Я не давалъ согласія.

— Вы напрасно медлите съ акціонернымъ предпріятіемъ,— убѣждалъ Экземскій: —теперь всѣ это дѣлаютъ.

— Мнѣ этого не надо, у меня руды нѣтъ.

— Богъ съ ней, съ рудой, у васъ есть заводъ,—говорилъ Экземскій тономъ авторитета.

— Нѣтъ, Алексѣй Сократовичъ, я не буду учреждать акціонерной компаніи для моего завода; мы съ вами говорили что-то объ этомъ за стаканомъ вина, почти шутя, а вы сейчасъ и уставъ написали. Нѣтъ, не трудитесь заканчивать его,—я эту мысль рѣшительно оставляю.

— Вы—оставляйте, это ваше дѣло, а я—нѣтъ,—сказалъ Экземскій;—что готово—готово; съ чѣмъ же я останусь?

— Да что вы теряете?—спросилъ Бородавкинъ.—Сидѣли вы въ театрѣ, глазѣли на Жаннету и сочинили уставъ; позвольте сомнѣваться, что этотъ уставъ готовъ?

— Ошибаетесь,—отвѣчалъ Экземскій:—я хоть и въ театрѣ сижу, а сочиняю планы всего, что дѣлаю; теперь—иначе нельзя, иначе—все пропустишь. Вашъ уставъ готовъ, въ немъ 82 статьи, это—656 рублей; за что я долженъ потерять эти деньги?

— Отчего 656 рублей?—удивленно спросилъ Бородавкинъ.

— Немножко больше или немножко меньше, не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ Экземскій;—за уставъ я беру по полуимперіалу за статью, причемъ, конечно, обязуюсь хлопотать и объ утвержденіи устава; увидимъ, что будетъ стоить золото въ день разсчета, а статей—82.

— Да вѣдь всего три дня, какъ мы объ этомъ говорили,— воскликнулъ Бородавкинъ, — какъ это вы успѣли написать 82 статьи и еще въ театрѣ были?

— Три дня, ха, ха, ха, что вы сказали, а еще—милліонеръ! Да въ три дня у насъ было упразднено Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ! Я—современный человѣкъ, работаю скоро и вездѣ: дома, въ театрѣ, въ ресторанѣ; половину устава я сочинилъ ночью...

— Съ дамой вмѣстѣ пожалуй?—злобно замѣтилъ Бородавкинъ.

— Нѣтъ, мнѣ помощи не нужно. Да вы не шутите, я серьезно говорю; уставъ вашъ готовъ,—я не привыкъ, чтобы мой трудъ пропадалъ даромъ. Я вамъ пришлю уставъ.

— Воля ваша: я вамъ его не заказывалъ,—къ чему я буду платить?

— А если я работалъ,—къ чему я буду терять? Какъ хотите, а я буду вынужденъ прислать вамъ уставъ черезъ нотаріуса.

При словѣ „нотаріусъ“ Бородавкинъ немного раскраснѣлся, закусилъ губы и въ сердцахъ вынулъ бумажникъ.

— Позвольте,— сказалъ Экземскій:—мы здѣсь въ общей залѣ, перейдемъ въ кабинетъ, а то это выйдетъ въ родѣ разсчетовъ въ трактирѣ на Сѣнной.

— Это ничѣмъ не лучше,— сказалъ Бородавкинъ.

— Но мы не знаемъ курса золота.

— Потрудитесь потребовать газету.

— Иванъ Петровичъ,— остановилъ Бородавкина Экземскій, положивъ руку на его руку съ бумажникомъ:—сегодня я отъ васъ ничего не требую; я вамъ пришлю уставъ, вы—посмотрите, и тогда...

— Я читать его не буду, я его не заказывалъ,—сказалъ Бородавкинъ, сбрасывая руку Экземскаго съ своей руки.—Человѣкъ, дай газету!—крикнулъ онъ.

— Какъ желаете,—сказалъ Экземскій холодно, но съ удовольствіемъ въ лицѣ, и сталъ искать въ поданной газетѣ курсъ золотой монеты: это было еще до введенія у насъ металлической денежной системы.

— Полуимперіалъ дешевле, чѣмъ я принималъ его,—сказалъ Экземскій, кончивъ разсчетъ:—выходитъ 610 руб. 90 коп.

Бородавкинъ быстро отсчиталъ 611 руб. и бросилъ деньги на столъ.

— Вотъ ваши деньги, если онѣ вамъ такъ нужны,—сказалъ онъ;—сдачу давать не стоитъ.

— Я не рѣшусь сдавать десять копѣекъ милліонеру,—почтительно улыбаясь, сказалъ Экземскій, укладывая 611 руб. въ свой бумажникъ.

— До свиданія,—сказалъ Бородавкинъ, вставая, и, будто торопясь, не подавъ руки, ушелъ.

— Завтра утромъ пришлю вамъ уставъ!—крикнулъ Экземскій ему вслѣдъ.

Онъ опять взялся за бумажникъ, снова пересчиталъ деньги и сказалъ самъ себѣ:

— Вѣрно, какъ въ аптекѣ. Удачно получилъ. Да съ богача иначе и нельзя; у нихъ фантазіи ростутъ какъ грибы; заказалъ уставъ—и раздумалъ! Правда, уставъ у меня еще неготовъ, я за него еще не принимался, но онъ будетъ готовъ; теперь уставы эти—шаблонное дѣло.

Заплативъ за завтракъ, Экземскій вышелъ изъ гостинницы. Было половина второго часа дня, ему слѣдовало идти въ свой департаментъ, до котораго изъ „Hôtel de France“—рукой подать;

но эта близость и мѣшала ему; ему хотѣлось пройтись. Съѣвъ два завтрака и выпивъ двойную порцію вина, онъ находился въ состояніи пріятной сытости, когда сидѣть не хочется, работа претитъ и подмываетъ тебя гулять. Вино не опьянило его, но голова была въ легкомъ туманѣ: въ такомъ состояніи человѣкъ дѣлается смѣлѣе обыкновеннаго, смѣется надъ всѣмъ обыденнымъ, а вѣдь департаментская работа для развитого человѣка—дѣло обыденное. Вотъ почему, выйдя изъ гостинницы, Экземскій повернулъ не къ департаменту, а отъ департамента.

— Директоръ сегодня можетъ меня подождать,—тѣшилъ себя Экземскій.

Экземскій занималъ должность начальника отдѣленія, но волею судебъ пріобрѣлъ у директора такую репутацію, что пользовался полнымъ его довѣріемъ. Экземскій приходилъ въ департаментъ когда хотѣлъ, директоръ считалъ его очень занятымъ и, не видя его въ департаментѣ, посылалъ ему бумаги на квартиру, при своихъ запискахъ.

— Это—умная голова, — говорилъ директоръ объ Экземскомъ,—и въ „Аркадіи“ можетъ придти ему въ голову идея государственной важности.

Дойдя до угла Большой Морской улицы и Невскаго проспекта, Экземскій остановился въ недоумѣніи.

„А вѣдь, чортъ возьми,—думалъ онъ,—нельзя дѣйствительному статскому совѣтнику, какимъ я состою, гулять по Невскому во второмъ часу дня; это—время пшютовъ, а мы не пшюты“.

Сытыми глазами поглядывалъ Экземскій на движеніе народа, поглядывалъ на дамъ и—не двигался. Видя его фигуру подъ хмелькомъ, городовой устремилъ на него проницательный взоръ.

— Ваше благородіе,—обратился городовой къ полицейскому офицеру на томъ же посту:—вотъ этотъ господинъ, что стоитъ на углу, онъ выпивши, его еще развезетъ; не свести ли его въ участокъ или хоть согнать съ Невскаго,—пусть ходитъ гдѣ-нибудь, за глазами публики?

Полицейскій офицеръ пристально посмотрѣлъ на Экземскаго и отвѣчалъ:

— Я его знаю, это генералъ, онъ служитъ здѣсь близко; вѣрно, плотно позавтракалъ; ничего, надо только слѣдить за нимъ, чтобы не попалъ подъ экипажъ, если будетъ переходить улицу.

Экземскій не воображалъ, что полиція слѣдитъ за нимъ. Онъ стремился двигаться, ему хотѣлось живой дѣятельности; кровь волновалась въ немъ отъ удачи съ Бородавкинымъ и отъ двой-

ного завтрака; шестьсотъ слишкомъ рублей были заработаны въ полчаса и только одною смѣлостью.

„Хоть бы предвидѣлось мнѣ теперь какое-нибудь засѣданіе, какая-нибудь коммиссія,—думалъ онъ,—я бы ихъ всѣхъ разнесъ, этихъ членовъ-рамолисментовъ“!

Мимо проѣхала въ колескѣ изящная дама; одинъ видъ изящнаго женскаго наряда перенесъ его мечты съ коммиссіи къ предметамъ иного рода.

— О, женщины!—вздохнулъ онъ и, вѣроятно, чтобы свободнѣе мечтать, перешелъ на другую, не-модную сторону Невскаго проспекта, гдѣ было меньше публики.

— Не поѣхать ли въ „Аркадію“, тамъ теперь идетъ репетиція. Нѣтъ, еще тамъ вытянутъ у меня шестьсотъ рублей,—заключилъ Экземскій и инстинктивно застегнулъ пальто на всѣ пуговицы.—Зайти развѣ къ Аннѣ Андреевнѣ,—она сегодня звала меня? Э, нѣтъ... Ба, ба, да что же я забылъ ее-то?

Тутъ Экземскій быстро свернулъ съ Невскаго и рѣшительно зашагалъ по набережной Мойки къ Гороховой улицѣ.

„Отлично, — думалъ онъ. — Норма лучше ихъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что дешево и сердито“.

И довольный собой, онъ весело подпѣвалъ нѣмецкую пѣсенку: „Fischerin die kleine“...

Очевидно, онъ шелъ къ нѣмкѣ, и ему хотѣлось дѣйствовать; купивъ коробку папиросъ у разносчика, онъ немедленно закурилъ и зажигалъ папиросу за папиросой. Ему показалось, что онъ не скоро дойдетъ до цѣли,—онъ взялъ извозчика и торопилъ его. Проѣхавъ довольно далеко, Экземскій остановился въ одной изъ глухихъ улицъ, около дома скромнаго вида, какъ бы какого-нибудь монастыря раскольниковъ; вокругъ было тихо и пустынно. Сойдя съ извозчика и посмотрѣвъ по сторонамъ, нѣтъ ли, случайно, вблизи знакомыхъ, не видитъ ли его кто-нибудь, Экземскій скрылся въ воротахъ. На дворѣ онъ вошелъ во флигель дома и позвонилъ у дверей внизу.

— Норма дома?—спросилъ онъ у заспаннаго лакея.

— Дома.

Экземскій снялъ пальто и, какъ домашній человѣкъ, пошелъ по темному коридору внутрь квартиры; у одной изъ дверей, выходившихъ на коридоръ, онъ остановился и тихо постучалъ въ нее.

— Was denn?—раздался за дверью мелодическій женскій голосъ; но въ этомъ голосѣ слышно было утомленіе, какъ бы скука.

— Это я, Эссовъ,—отвѣчалъ Экземскій, не дававшій здѣсь своей настоящей фамиліи, сочинившій себѣ какой-то псевдонимъ.

— Herein!—радостно и бодро отвѣтилъ женскій голосъ.

Экземскій вошелъ въ комнату фрейлейнъ Нормы, носившей здѣсь тоже псевдонимъ; дома, въ Саксоніи, она называлась Эммой. Норма сидѣла на диванѣ, одѣвая большую куклу; она примѣряла ей лифъ, который сама сшила.

— Что̀ это за чудо, генералъ пріѣхалъ?—сказала Норма, немного картавя.

— Да, пріѣхалъ узнать, какъ живешь. Здорова?

— Если я здѣсь, значитъ—здорова.

— Вижу, вижу и радуюсь.

— А еслибы я была въ гошпиталѣ, ты бы не пришелъ ко мнѣ?

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ Экземскій:—къ чему я тебѣ тамъ? тамъ тебѣ нуженъ одинъ докторъ,—mein Liebchen, wass willst du noch mehr?

— Какой ты циникъ!

Норма стала усерднѣе заниматься куклой. Разговоръ продолжался на нѣмецкомъ языкѣ со стороны Нормы и Богъ-знаетъ на какомъ заимствованіи изъ нѣмецкаго языка—со стороны Экземскаго.

— Да брось ты куклу, ты не дитя,—сказалъ Экземскій.

— Это моя дочка, я не могу ее бросить, она спитъ со мною.

— Тебѣ лучше сына завести.

Норма встала съ своего мѣста и сѣла поодаль отъ гостя.

— Ты грубіянъ,—сказала она.

— А ты зачѣмъ все куклой занимаешься, когда я здѣсь?

Экземскій вырвалъ куклу у Нормы и бросилъ въ сторону.

— Какъ ты смѣешь трогать мои вещи, вырывать у меня изъ рукъ!—закричала Норма, но такимъ голосомъ, какъ будто ее рѣзалъ кто-нибудь.—Убирайся къ чорту, генералъ, я на тебя и смотрѣть не хочу.

— Тише, тише, мой идеалъ!—говорилъ Экземскій, нисколько не смущенный ни крикомъ, ни словами Нормы.—Дай тебя поцѣловать.

Они начали болтать. Скоро Норма вышла зачѣмъ-то и долго не возвращалась. Экземскій за это время вздремнулъ на диванѣ.

— Что это ты сегодня утромъ пришелъ?—спросила Норма, вернувшись въ свою комнату и разбудивъ Экземскаго.

— Изъ любви къ тебѣ.

— Ты не умѣешь любить.

— Я не тебя люблю, я люблю твою красоту, ты — чертовски хороша.

— Не смѣй мнѣ этого говорить! — гнѣвно крикнула Норма и такъ же громко, какъ кричала изъ-за куклы. — Если я, по твоему, такъ хороша, то возьми меня отсюда; вѣдь у тебя есть на сторонѣ, ты, генералъ, брось ее, возьми меня.

— Я не такъ глупъ еще, чтобы держать на сторонѣ, — сказалъ Экземскій. — Что бы ты мнѣ стоила, еслибы я тебя взялъ отсюда!

— Ахъ ты негодный, — ты пользуешься моимъ положеніемъ здѣсь!

Она вдругъ зарыдала.

— Злодѣй, чѣмъ бы помочь мнѣ выйти отсюда, — ты смѣешься надо мной; ты мнѣ даже ложи въ театръ никогда не пришлешь, ни коляски, чтобы покататься... Я бы кого-нибудь гдѣ-нибудь встрѣтила, вышла бы отсюда.

— Не бойся, ты и здѣсь найдешь дурака, который тебя выкупитъ, — ты вѣдь недавно здѣсь.

— Такъ вѣдь я подурнѣю, пока это будетъ, — негодный ты, негодный!

— Конечно, не надо терять времени, — сказалъ Экземскій, оглядывая Норму съ видомъ знатока.

— Ангелъ, познакомь меня съ кѣмъ-нибудь! — просила Норма.

Экземскій вдругъ измѣнился въ лицѣ, точно его осіяла какая-то мысль.

— Еслибы ты имѣла деньги, это было бы можно; нуженъ туалетъ, мѣсячный извозчикъ.

— Развѣ ты не можешь мнѣ это дать, — ты вѣдь генералъ; я тебѣ послѣ отдамъ.

Экземскій молчалъ.

Я вдвое отдамъ.

— Это — рискъ, — замѣтилъ Экземскій.

— Какой рискъ? — говорила Норма: — если я встрѣчу хорошаго человѣка, я вѣдь все могу тебѣ отдать.

„Ну, теперь еще рано: — подумалъ про себя Экземскій; — но это — ничего! все-таки Бородавкину надобно будетъ ее показать".

Норма съ отвращеніемъ отвернулась отъ него, не ожидая отъ него ничего хорошаго.

— А знаешь ли что: я подумаю, — вдругъ сказалъ Экзем-

скій.—Я тебѣ буду посылать билеты въ театръ, коляску иногда пришлю, я займусь тобою, голько послѣ ты мнѣ все отдашь.

— Какъ, правда?—воскликнула Норма.

Она, въ одну секунду, повисла у него на шеѣ.

— Довольно,—говорилъ онъ,—теперь довольно, я спѣшу, мнѣ надо быть у начальства.

Однако Норма поникла головой, когда ушелъ Экземскій; она не была увѣрена въ немъ. Мысли у нея совсѣмъ перепутались, да и не было у нея никакихъ опредѣленныхъ мыслей; она даже хорошо не знала, гдѣ она находится. Судьба ея была очень странная. Жила она гдѣ-то въ глуши Саксоніи; всѣ дивились тамъ ея красотѣ; живописцы рисовали съ нея картины; у нея былъ женихъ, какой-то коммерсантъ. Съ нею онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и помѣстился въ томъ же домѣ, гдѣ она теперь жила, только не въ этомъ флигелѣ. Прожили они такъ мѣсяцъ, и за это время Эмма только одинъ разъ ходила съ женихомъ гулять по улицамъ; все остальное время она сидѣла дома, большею частью одна; хозяйка квартиры не знала нѣмецкаго языка, не говорила съ нею. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, женихъ исчезъ. Эмма ждала его, ничего не ѣла, потому что не имѣла ни гроша денегъ, и только плакала. Хозяйка квартиры стала гнать ее вонъ, позвала дворника; дворникъ взялъ Эмму за руку и отвелъ ее въ квартиру германской подданной Элеоноры Фрикъ, во флигелѣ. Тутъ Эмма встрѣтила много дѣвицъ,—все были нѣмки, все—красивыя; всѣ онѣ восхищались ея красотой и ласкали ее всѣми способами. Эмма думала, что она попала прямо въ рай,—кромѣ женщинъ, тамъ никого не было. Ей объявили, что вечеромъ будетъ балъ въ домѣ, и принесли Эммѣ такое платье, какого она никогда не имѣла; красота ея въ этомъ платьѣ стала еще лучше. Эмма опьянѣла отъ восторга, глядя на себя въ огромное зеркало. Въ новомъ нарядѣ Эмма вышла со своими новыми подругами въ бальный залъ, гдѣ тапёръ давно игралъ на роялѣ; дѣвицы начали между собой танцовать. Эмма кружилась въ вальсѣ съ каждою; ее тѣшило, какъ длинный шлейфъ ея платья извивался за нею при танцѣ. Послѣ явились мужчины, много военныхъ, со шпорами; подали шампанское, и тутъ начались уже настоящіе танцы. Весело было такъ, что Эмма потеряла голову; ее напоили до безчувствія, а въ одного мужчину, похожаго на ея жениха, но еще лучше его, она просто влюбилась. На другой день она проснулась очень поздно, но такъ была слаба, что опять уснула. Вполнѣ проснулась она только вечеромъ, спрашивала, гдѣ женихъ, гдѣ она сама, что̀ было съ нею? Явилась

г-жа Фрикъ, спрашивала ее о паспортѣ; Эмма отвѣчала, что у нея есть паспортъ, но не могла объяснить, гдѣ онъ находится. Паспортъ уже былъ въ рукахъ г-жи Фрикъ; его передалъ ей дворникъ, но г-жа Фрикъ хотѣла запугать Эмму, чтобы взять ее въ свои руки. Она начала Эммѣ разсказывать, что въ Россіи безъ паспорта нельзя жить, что безпаспортныхъ ссылаютъ въ Сибирь, но что, пользуясь своими связями въ городѣ, она можетъ держать ее у себя, пока Эмма не получитъ изъ Саксоніи новый паспортъ. Ежедневные балы, при роскошной обстановкѣ, и общее восхищеніе ея красотой, совсѣмъ отуманили разумъ Эммы; она пришла къ убѣжденію, что красота—призваніе женщины; подруги назвали ее Нормой, утверждая, что это имя—благороднѣе; подъ этимъ именемъ она и стала извѣстна у г-жи Фрикъ.

II.

Бородавкинъ вышелъ изъ „Hôtel de France“ возмущенный поступкомъ Экземскаго, ухитрившагося такъ быстро получить съ него шестьсотъ-одиннадцать рублей, совершенно даромъ. Ему не жаль было этихъ денегъ—какія это деньги для Бородавкина!—но богачъ больше всего возмущается, когда съ нимъ обращаются безцеремонно; съ церемоніей богачъ дастъ что̀ угодно; безъ церемоніи—рубля не дастъ. Бородавкинъ вовсе не думалъ объ учрежденіи акціонернаго общества. Однажды, на раутѣ у кого-то изъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ встрѣтился съ Экземскимъ; такъ, безъ цѣли, просто для препровожденія времени, зашелъ у нихъ разговоръ на тему—*акціонернаго предпріятія*, и то больше потому, что около нихъ, по близости, находились одинъ генералъ-адъютантъ, секретарь германскаго посольства и одна графиня. Бородавкину хотѣлось не болѣе, какъ чтобы эти лица слышали, что онъ—заводчикъ и широко смотритъ на задачи промышленности. Экземскій сталъ проводить идею объ образованіи для его завода акціонернаго общества,—Бородавкинъ давалъ ему говорить, не возражалъ. Вдругъ оказывается теперь, что изъ этого пустого мотива Экземскій сдѣлалъ дѣло для одного себя и велѣлъ себѣ за это заплатить, а Бородавкина оставилъ въ дуракахъ.

„И еще онъ пойдетъ вездѣ разсказывать, что у меня нѣтъ порядка въ дѣлахъ, что я сегодня говорю одно, а завтра—другое,—думалъ Бородавкинъ, садясь въ коляску,—и станетъ меня ругать для собственнаго удовольствія“!

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ кучеръ.

— Домой!—рѣзко отвѣтилъ Бородавкинъ, которому теперь никакое дѣло не шло въ голову.

— Чево-съ? — переспросилъ кучеръ, никогда не возившій барина домой сряду послѣ выѣзда.

— Я сказалъ—домой.

Кучеръ, предвидя, можетъ быть, и раскладку лошадей, весело тронулъ возжами. Лошади двинулись къ Невскому проспекту и на немъ, по привычкѣ, бросились влѣво,—такъ ново и для нихъ было распоряженіе хозяина ѣхать домой; поняв, что онѣ бѣгутъ домой, лошади чуть не понеслись по Большой Морской улицѣ. Пріѣхавъ домой, Бородавкинъ прошелъ въ кабинетъ, велѣлъ подать себѣ чаю, закурилъ папиросу и рѣшилъ—никуда до обѣда не ѣхать; лошадей велѣлъ отложить.

„Пусть хоть скоты выиграютъ сегодня за эти шестьсотъ-одиннадцать рублей,—думалъ Бородавкинъ:—никуда не поѣду, все мнѣ противно".

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, курилъ папиросу за папиросой и думалъ нѣчто въ слѣдующемъ родѣ:

„Говорятъ—деньги сила, а гдѣ она? Я милліонеръ, а что я могу сдѣлать, гдѣ моя власть? Деньги у меня въ карманѣ, а какая-то приказная выжига Экземскій чуть не самъ тащитъ ихъ оттуда, публично, въ трактирѣ, по какому-то праву, имъ самимъ выдуманному, да еще съ курсовымъ разсчетомъ! Еще и о курсѣ вспомнилъ, чтобы лишней моей копѣйки не взять, а только свои. Свои! Мое почтенье, мои деньги, а ему—свои! И къ чему я поѣхалъ на этотъ раутъ, очень онъ мнѣ былъ нуженъ! А вѣдь сколько я хлопоталъ, чтобы попасть на этотъ раутъ! Говорятъ: эти люди нужны, могутъ пригодиться! А я-то, самъ по себѣ, развѣ никому не нуженъ, ни на что не годенъ? И что я тамъ дѣлалъ? Ничего. Всѣмъ кланялся и ни въ комъ не нуждался. Изъ всей этой блестящей толпы, съ кѣмъ же я говорилъ? Съ Экземскимъ, ха, ха, ха! Сколько помню, онъ самъ остановилъ меня, задержалъ, и я повиновался; съ нимъ, должно быть, никто не хотѣлъ говорить, а я—повиновался. Чѣмъ, чѣмъ они сильны, эти чиновники, что мы къ нимъ ѣздимъ, съ ними говоримъ, кланяемся имъ, а они только—снисходятъ къ намъ? Что такое чиновникъ? Машинистъ на локомотивѣ, а я вѣдь—пассажиръ! Почему же я на рельсовомъ пути не кланяюсь машинисту, а на дѣловомъ пути у меня нѣтъ самочувствія, и я только—кланяюсь? Я на дѣловомъ пути—нуль, а они все, что хотятъ, то и дѣлаютъ. У меня столько предпріятій въ разныхъ концахъ Россіи, и ничего я не могу сдѣлать безъ ихъ разрѣшенія, даже добра

не могу оказать. Ну, вздумай я прокормить уѣздъ, такъ, просто, по евангельскому ученію, подѣлиться съ ближнимъ;—нужно разрѣшеніе. Пускай и такъ, я согласенъ, но мнѣ хотѣлось бы поѣхать къ чиновнику за разрѣшеніемъ съ увѣренностью получить его и не только это, а встрѣтить и привѣтъ, сочувствіе! Нѣтъ, чиновникъ не обрадуется моей идеѣ; онъ сдѣлаетъ большіе глаза, скажетъ мнѣ:—мысль—христіанская, но—представьте свои соображенія, такъ просто кормить нельзя, мы посмотримъ"...

— Господинъ Солнцевъ,—доложилъ лакей.

— А... проси сюда, — отвѣчалъ Бородавкинъ. — Ну, вотъ, слава Богу, умный человѣкъ явился, можно будетъ съ нимъ разобраться въ мысляхъ, а то самъ съ собой легко дойдешь и до помѣшательства.

Въ кабинетъ вошелъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, съ задумчивымъ, но пріятнымъ лицомъ.

— Очень радъ васъ видѣть, дорогой Сергѣй Егоровичъ, — сказалъ Бородавкинъ.—Видно, слѣдовало видѣться мнѣ съ вами сегодня; я въ этотъ часъ никогда дома не бываю, а сегодня, случайно,—дома.

— И я удивился, когда узналъ, что вы дома, — отвѣчалъ Солнцевъ;—я, собственно, пришелъ къ вашей женѣ, передать ей вотъ эту книгу.

Солнцевъ положилъ книгу на столъ; Бородавкинъ посмотрѣлъ заглавіе; это было сочиненіе Тэна объ Италіи.

— Италія отъ насъ далеко, а вы у меня въ кабинетѣ,—говорилъ Бородавкинъ; — я жажду умныхъ бесѣдъ,—присядьте. Чѣмъ васъ угощать: хотите кофе, чаю, вина?

— Ну, дайте чаю,—сказалъ Солнцевъ и сѣлъ.

Онъ вглядывался въ Бородавкина и сказалъ:

— Вы—въ волненіи; это по всему видно: какъ вы чай пьете, какъ курите... Что съ вами? Отчего вы не можете жить спокойно?

— Да, не могу. Вотъ, сейчасъ, пустѣйшая вещь привела меня въ отчаяніе.

Тутъ онъ разсказалъ Солнцеву все свое происшествіе съ Экземскимъ.

— Какъ вы назовете это?—спросилъ Бородавкинъ, окончивъ разсказъ.

— Что же, иначе нельзя назвать, какъ ловкимъ маневромъ,—отвѣчалъ Солнцевъ;—вы потому именно и волнуетесь, что завидуете ловкости Экземскаго.

— Да, ловокъ, — согласился Бородавкинъ; — дѣйствительно, я бы желалъ имѣть его способность вывертываться.

— Да къ чему это вамъ,—у васъ милліоны!

— Вотъ именно потому и хочу, что у меня —эти милліоны. Вы этого не поймете, вы совсѣмъ иначе живете; вы вполнѣ свободны; не понравится вамъ какое-нибудь дѣло, вы его бросите, начнете другое. Я такъ жить не могу. У меня—заводъ въ Петербургѣ, имѣнія въ тверской, смоленской и черниговской губерніяхъ, рыбныя ловли и пароходство на Волгѣ, золотые промыслы на Амурѣ, торговыя дѣла, директорство въ банкѣ, я— гласный здѣшней думы, я себя вижу въ сотнѣ видовъ. И вездѣ я долженъ брать верхъ, имѣть успѣхъ всякій день, всякую минуту,—безъ этого мое реноме́ падетъ. У меня тринадцать милліоновъ, всѣ это знаютъ; но если сейчасъ принесутъ ко мнѣ, въ контору, вексель на тринадцать тысячъ рублей, на срокъ сегодняшняго числа, пятаго мая,—я не могу сказать: „приходите завтра“. Если къ вамъ придетъ кто-нибудь, кому вы, положимъ, должны, и вы попросите его зайти завтра или даже черезъ недѣлю, онъ согласится и не потеряетъ къ вамъ ни капли довѣрія. Я не могу этого сдѣлать, я долженъ заплатить въ срокъ,— иначе сейчасъ разнесутъ по городу вѣсть, что я—банкротъ.

— Какъ посмотрю,—сказалъ Солнцевъ,—вы очень тяготитесь своими милліонами и всѣми вашими дѣлами. Это потому, что вы не изучаете вашихъ дѣлъ по существу, вы ихъ почти не знаете. Денегъ у васъ много,—зачѣмъ ведете вы всѣ эти дѣла?

— Традиціи. Ну, какъ же, имѣя деньги, ничего не дѣлать?

— Дѣлать надо,—но надо знать свое дѣло,—отвѣчалъ Солнцевъ. — Свои дѣла вы унаслѣдовали отъ отца, но не изучаете ихъ; для васъ они больше забава, чѣмъ дѣло. Вотъ почему Экземскіе играютъ у васъ большую роль. Признайтесь, вѣдь вы не знаете хорошо ни одного вашего дѣла!

— Техники этихъ дѣлъ я не знаю, въ этомъ соглашусь съ вами.

— Нѣтъ, вы не знаете сущности своихъ дѣлъ, даже не усвоиваете себѣ значенія ихъ. Вы вотъ—гласный думы, но не потому, что сочувствуете городскому самоуправленію, а только для того, чтобы тамъ быть, гдѣ сидятъ другіе.

— Откуда вы взяли, что я не сочувствую самоуправленію?

— Да не мнѣ ли вы говорили, въ эпоху выборовъ городского головы, что лучше всего было бы назначить вамъ голову отъ правительства?

— Я говорилъ это въ томъ смыслѣ, что тогда думскія партіи не имѣли бы значенія, всѣ слушались бы правительственнаго головы, который не былъ бы, конечно, безъ собственной головы.

— Но какое же это было бы самоуправленіе, къ чему тогда гласные? Вамъ слѣдуетъ стремиться изъ своей среды имѣть голову съ мозгами. Такъ и на вашемъ заводѣ. Развѣ это ваше предпріятіе? Это—дѣло вашего директора завода, а вы—только его кредиторъ. За границей такихъ владѣльцевъ заводовъ нѣтъ. Нельзя руководить дѣломъ съ такой подготовкой, какъ ваша. И скажите, что это значитъ: вашъ отецъ былъ менѣе васъ образованъ, а зналъ заводъ лучше васъ? Впрочемъ, теперь это—общее явленіе; не отъ того ли и народился теперь государственный соціализмъ, когда государство принуждено само руководить многими дѣлами, потому что частные предприниматели забываютъ интересы страны. Я думаю, что не далеко то время, когда будетъ признано, что большіе капиталы,—ну, хоть начиная съ милліона,—представляютъ не личное, а общественное значеніе, и владѣющихъ милліонами государство будетъ брать подъ надзоръ, хотя въ умѣ они и не будутъ разстроены.

— Ну, вотъ!—сказалъ Бородавкинъ, какъ бы испуганный.

— Конечно, я шучу, но, право, контроль правительства нуженъ во многихъ случаяхъ въ настоящее время; сами промышленники идутъ къ тому. Да, вотъ, развѣ это нынѣшнее стремленіе обратить большія частныя предпріятія въ акціонерныя не есть уже требованіе контроля правительства? Богачъ видитъ, что дѣло у него сложное, что надо много трудиться; боится, что и дѣти его не разберутся въ затрудненіяхъ; вотъ онъ и обращаетъ свое дѣло въ акціонерное. Посмотрите на златоуральское горнопромышленное общество! У владѣльца этихъ заводовъ—не тринадцать милліоновъ, какъ у васъ, а, можетъ быть, сто-тридцать, но онъ основалъ акціонерное общество—и заводы его не безпокоятъ, хотя бы даже они разстроились. Кромѣ того, для многихъ тутъ представляется еще возможность биржевой игры съ акціями.

— Такъ вы находите, что это хорошее дѣло—акціонерное общество для завода?—спросилъ Бородавкинъ, увлеченный Солнцевымъ.

— Превосходное для такихъ владѣльцевъ, какъ вы.

— Вы меня возродили, — сказалъ Бородавкинъ.—Экземскій мнѣ уже говорилъ объ этомъ; онъ правъ: этимъ я себя избавлю отъ массы хлопотъ.

Въ это время въ кабинетъ вошла Софья Владиміровна, жена Бородавкина; послѣ привѣтствій, она обратилась къ мужу:

— Только-что узнала, что ты дома; надо послать за докторомъ, Леничка боленъ.

— Какъ, Леничка боленъ, опять боленъ?—воскликнулъ Бородавкинъ.

— Да, сегодня онъ всталъ совсѣмъ вялый, m-lle Magie поставила ему термометръ,—представь себѣ, жаръ оказался 38,9°.

— Дѣти больны!—воскликнулъ Бородавкинъ, обращаясь къ Солнцеву: — у насъ—дѣти больны! Все прошлое лѣто и конецъ года они были за границей, въ самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни; пріѣхали сюда со всѣми предосторожностями. Даже смѣшно сказать, что мы тутъ дѣлали. Когда нужно было везти дѣтей обратно изъ Висбадена въ Петербургъ, жена ежедневно телеграфировала мнѣ о состояніи здоровья дѣтей и о погодѣ въ Висбаденѣ; я ей посылалъ телеграммы о здѣшней погодѣ; кромѣ того, мы съ ней получали телеграммы о погодѣ изъ Берлина и изъ другихъ мѣстъ, по пути до Петербурга. Время переѣзда было такъ выбрано, что во всѣ три дня, пока длился ихъ переѣздъ, температура воздуха по всему пути была одинакова. Путь ихъ лежалъ на Галле, но тамъ оказалось три градуса тепла, когда въ Висбаденѣ было четыре градуса,—поэтому они поѣхали на Бебру, гдѣ было четыре градуса; въ Берлинѣ тоже было четыре градуса, въ Кенигсбергѣ—четыре съ половиной, въ Петербургѣ—четыре градуса. Вѣдь этотъ кунстштюкъ доступенъ только милліонеру! Дѣти пріѣхали здоровыя.

— Да вѣдь все это было лишнее,—замѣтилъ Солнцевъ.

— Отчего же лишнее? Я пользовался успѣхами науки, — отвѣчалъ Бородавкинъ.

— Вы забавлялись отъ скуки.

— Ужъ не знаю, есть ли мнѣ время скучать. Но вотъ что ужасно: на дняхъ заболѣла Тоничка, неизвѣстно отчего, а сегодня вотъ и Леничка.

— Климатъ,—сказала Софья Владиміровна.

— Нѣтъ, климатъ здѣсь ни при чемъ,—возразилъ Бородавкинъ;—это просто какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ милліонерами. Въ этомъ же домѣ живутъ другія дѣти, всѣ они здоровы, а наши—больны.

— Судьба даетъ всякому по его дѣламъ, — сказалъ Солнцевъ:—кто чѣмъ занятъ, тотъ въ томъ и успѣваетъ.

— Но вѣдь вы слышали, какъ мы везли дѣтей изъ-за границы!

— Слышалъ. Вы ихъ везли упакованными и застрахованными, какъ деньги, а людямъ это не годится.

— Вы острите, Сергѣй Егоровичъ,—сказала Софья Владиміровна. — На судьбу жаловаться нѣчего; мой мужъ смѣшонъ, говоря, что дѣти у него больны, потому что онъ милліонеръ. Есть періоды, когда человѣкъ хвораетъ; можетъ быть, у нашихъ дѣтей проходитъ такой періодъ. Я вчера выѣзжала съ Леничкой, и не кутала, не упаковывала его.

— Вы сами не замѣтили, отчего Леничка могъ заболѣть?— спросилъ Солнцевъ у матери.

— Я не могу этого замѣтить, — отвѣчала Софья Владиміровна,—развѣ у меня только одно дѣло, что дѣти?

„И, вѣрно, она была занята чѣмъ-нибудь постороннимъ“,— подумалъ Солнцевъ.

— Пошли скорѣе за докторомъ, — сказалъ Бородавкинъ женѣ,—да, вотъ, Сергѣй Егоровичъ принесъ тебѣ книгу.

Софья Владиміровна, взявъ книгу и прочитавъ заглавіе, сказала:

— Ахъ, благодарю васъ, я давно хотѣла прочесть эту книгу.— Съ этимъ она простилась и ушла.

— Мнѣ тоже надо идти,—сказалъ Солнцевъ; вы, конечно, пойдете посмотрѣть на больного.

— Да, конечно,—отвѣчалъ Бородавкинъ,—вотъ, только соображу, что я долженъ сегодня сдѣлать.

„Чѣмъ-то фиктивнымъ заняты эти люди,—думалъ Солнцевъ, выйдя въ переднюю;—у нихъ нѣтъ стремленія къ настоящему дѣлу, ихъ тянетъ къ себѣ дѣловой миражъ. Да и какъ быть иначе? Теперь къ труду гонитъ человѣка голодъ, а они—богачи, у нихъ все есть. Нѣтъ развитого ума,—вотъ чего имъ недостаетъ“.

Оставшись одинъ, Бородавкинъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и думалъ въ такомъ родѣ:

„Да, это вѣрно, черезъ сто лѣтъ насъ, милліонеровъ, возьмутъ въ опеку, всѣмъ будетъ заправлять чиновникъ. Это будетъ не у однихъ насъ,—вездѣ такъ будетъ. Вотъ уже и теперь на выставкахъ фигурируютъ и получаютъ награды не частные люди, а компаніи, синдикаты, министерства и ихъ агенты. Дѣйствительно, надо идти за вѣкомъ, надо организовать свое дѣло на общественный ладъ; тогда иное значеніе будешь имѣть въ обществѣ. Нѣтъ, я не даромъ далъ Экземскому шестьсотъ-одиннадцать рублей, я у него потребую уставъ; вѣдь я могу пустить въ продажу столько акцій, сколько захочу; я всегда останусь полно-

властнымъ хозяиномъ завода. А на биржѣ какой шикъ будетъ: брянскія поднялись на рубль, а бородавкинскія—на двадцать-пять рублей; и я сдѣлаю такъ, что мои акціи будутъ стоять высоко, о нихъ будутъ говорить".

Въ волненіи, Бородавкинъ всталъ со стула и началъ ходить по комнатѣ и думалъ:

„Великолѣпная, геніальная мысль,—какъ это я пренебрегъ ею! Я выпущу облигаціи, и тогда у меня будетъ не тринадцать, а восемнадцать милліоновъ. Браво, Экземскій! Э, нѣтъ, это вѣдь не Экземскій далъ мнѣ эту идею; это—Солнцевъ, вотъ умница; Экземскій болталъ о томъ, что̀ въ модѣ, а Солнцевъ оформилъ идею. Сегодня же увижу Экземскаго,—пусть завтра уставъ будетъ у меня на столѣ. Гдѣ я сегодня его увижу? Въ департаментъ къ нему не хочу ѣхать: онъ подумаетъ, что я его ищу. Я его гдѣ-нибудь встрѣчу, какъ будто нечаянно. Онъ часто обѣдаетъ у Контана,—я его непремѣнно тамъ встрѣчу. Да, поѣду обѣдать къ Контану"...

Въ это время вошелъ лакей и передалъ отъ барыни приглашеніе на ея половину, потому что докторъ пріѣхалъ. Бородавкинъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ лакею:

— Скажи, что я не могу придти; шестой часъ—мнѣ надо скоро ѣхать; обѣдать дома не буду; можетъ быть, вернусь очень поздно; пусть барыня напишетъ мнѣ,—что̀ скажетъ докторъ, и записку эту пусть положитъ здѣсь, въ кабинетѣ, на столъ. Вели скорѣе закладывать коляску.

„Я теперь не могу говорить съ докторомъ, у меня голова не тѣмъ занята, — подумалъ Бородавкинъ, — докторъ меня задержитъ"...

Онъ началъ поспѣшно собираться къ выѣзду; скоро его не было дома.

Н. Покровскій.

СЕЛЬСКІЙ КРЕДИТЪ

и

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

I.

Сельскому кредиту, какъ говорится, не везло у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣми признано, что при современномъ денежномъ характерѣ хозяйства страны промышленныя предпріятія не могутъ существовать безъ кредита, нормальнаго для данныхъ условій; государство считаетъ своей обязанностью тѣмъ или инымъ способомъ доставить или устроить такой кредитъ всѣмъ промышленнымъ предпріятіямъ страны, и дѣйствительно, торговцы, фабриканты, землевладѣльцы Россіи пользуются благами дешеваго, нормальнаго, благоустроеннаго кредита; только крестьяне въ Россіи, занимающіеся какъ земледѣльческимъ трудомъ, такъ и промыслами, не имѣютъ такого кредита, а если и пользуются имъ, то только ростовщическимъ—за 50—1200% въ годъ, т.-е. такимъ кредитомъ, какого не выдержитъ ни одно коммерческое предпріятіе. Отсюда происходитъ крайнее неравенство условій производства капиталиста и крестьянина, въ очевидный ущербъ послѣднему, т.-е. ненормально быстрый расцвѣтъ крупной промышленности за счетъ разоренія крестьянства; а между тѣмъ, земледѣльческое крестьянство, составляя 88% всего населенія Россіи, не можетъ не быть основной экономической силой въ государствѣ; слѣдовательно, ясно, что государство должно, насколько оно въ состояніи, уравнять условія кредита для всѣхъ промышленныхъ

группъ страны, т.-е., должно доставить крестьянскимъ предпріятіямъ, крестьянскому хозяйству такой же нормальный кредитъ, какимъ пользуются въ Россіи крупные промышленники. 88% населенія не могутъ быть паріями въ своемъ отечествѣ.

Но какъ ни ясно справедливъ изложенный силлогизмъ, тѣмъ не менѣе мы видимъ дѣло народнаго кредита въ началѣ двадцатаго вѣка въ самомъ вопіющемъ положеніи: оно не только не прогрессировало съ теченіемъ времени, но въ послѣдніе годы въ значительной степени ухудшилось, и ухудшилось—странно сказать—благодаря отрицательному воздѣйствію государства, а именно: вслѣдствіе быстраго и широкаго роста устроенныхъ государствомъ сберегательныхъ кассъ государственнаго банка. Дѣло въ томъ, что сберегательныя кассы, стянувъ изъ провинціи, изъ деревни, свыше 518 милліоновъ рублей мелкихъ вкладовъ, непрерывно уменьшаютъ наличность денегъ въ деревнѣ и тѣмъ еще болѣе удорожаютъ и затрудняютъ кредитъ для крестьянскаго населенія. До устройства и развитія сберегательныхъ кассъ, указанные полмилліарда рублей, вѣроятно, входили въ составъ того неопредѣленнаго вольнаго фонда мелкихъ сбереженій, которымъ держится ростовщическій кредитъ. Въ настоящее же время всѣ эти суммы изъяты не только изъ широкаго обращенія въ массѣ населенія, но даже болѣе,—онѣ изъяты, можно сказать, совсѣмъ изъ сферы промышленности и торговли, потому что расходуются на покупку тѣхъ государственныхъ и гарантированныхъ государствомъ бумагъ, реализація которыхъ представляетъ наибольшія затрудненія по ихъ малой доходности,—напр., закладныхъ листовъ дворянскаго банка, желѣзно-дорожныхъ облигацій, не находящихъ сбыта на рынкѣ, и т. п.,—т.-е. въ интересахъ чисто государственнаго кредита. При этомъ имѣются предположенія еще болѣе расширить операціи сберегательныхъ кассъ устройствомъ таковыхъ при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ и даже—при учебныхъ заведеніяхъ.

Правда, при современномъ международномъ положеніи дѣлъ, государству требуются громадныя суммы на внѣшнюю оборону страны, на платежи по государственнымъ долгамъ и, частью, на желѣзно-дорожное хозяйство. На эти статьи расходовъ падаютъ 1.207,3 милліоновъ рублей, т.-е. 62% всего государственнаго бюджета на 1901 годъ (въ суммѣ 1.788,4 милл. р.), а если къ указаннымъ тремъ статьямъ присоединить еще расходы по управленію финансоваго вѣдомства, то получимъ уже $^4/_5$ государственнаго бюджета. Является вопросъ, въ состояніи ли государство организовать хозяйственно-промышленный кредитъ, въ

томъ числѣ и сельскій? Однако, государственный банкъ могъ развить свои учетно-ссудныя операціи до 439,3 милліоновъ рублей въ 1899 году, причемъ, между прочимъ, ссуды подъ товары составили 37,7 милл. руб., ссуды промышленнымъ предпріятіямъ—до 40 милл. руб. (въ настоящее время уже свыше 60 милл. р.). Нѣкоторыя отдѣльныя промышленныя предпріятія получили изъ государственнаго банка ссуды по 2—3 милліона рублей. Ссуды же крестьянамъ-земледѣльцамъ, кустарямъ и ремесленникамъ въ операціяхъ государственнаго банка, можно сказать, почти отсутствуютъ,—такъ онѣ ничтожны.

Лишь ипотечный кредитъ въ извѣстной мѣрѣ открытъ государствомъ и для крестьянскаго населенія, но только на покупку земли, именно въ формѣ крестьянскаго поземельнаго банка съ суммой ссудъ (къ 1900 г.) въ 165,7 милл. руб., въ то время какъ сумма ссудъ по дворянскому банку составляла 565,8 милл. рублей.

Итакъ, собравъ между прочимъ изъ провинціи, изъ деревни 518 милл. руб. мелкихъ вкладовъ, государственный банкъ нашелъ возможность довести свой кредитъ для крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій до полумилліарда рублей, не сдѣлавъ ничего для мелкаго сельскаго кредита. Но нужно помнить, что къ услугамъ крупной промышленности и торговли имѣется въ Россіи еще цѣлый рядъ частныхъ коммерческихъ банковъ и городскихъ кредитныхъ обществъ съ суммой выданныхъ ссудъ въ 1.618,9 милл. руб. Мы не упоминаемъ уже о ссудахъ и о гарантіяхъ на устройство желѣзныхъ дорогъ. Достаточно сказать, что только по одному государственному бюджету за десятилѣтіе 1890—1899 гг. потрачено на желѣзно-дорожное строительство 3.176 милл. руб.

Въ виду вышеуказанныхъ сравнительно громадныхъ суммъ, интересно знать,—какимъ фондомъ располагаетъ мелкій кредитъ для стомилліонной массы хозяевъ—крестьянъ-земледѣльцевъ, кустарей и ремесленниковъ? Для нихъ существуютъ сельскія ссудосберегательныя товарищества, волостныя вспомогательныя кассы, сельскіе банки и кредитныя товарищества. Числится ихъ довольно много, именно, 1.133 учрежденія, но наибольшая часть ихъ влачитъ самое жалкое существованіе или совсѣмъ не функціонируетъ. Всѣми эти учрежденіями выдано ссудъ всего лишь на 25,6 милл. руб., причемъ во многихъ изъ нихъ выданныя ссуды давно не возвращаются. Всѣ эти учрежденія основаны на принципахъ взаимопомощи, сбереженій и самодѣятельности самихъ мелкихъ производителей, т.-е., на очень прекрасныхъ прин-

ципахъ, но, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало дѣйствительныхъ и приложимыхъ къ реальнымъ условіямъ нашего крестьянскаго кредита. Безъ сомнѣнія, и подобныя учрежденія получатъ развитіе и значеніе, но только въ будущемъ, съ культурнымъ ростомъ Россіи. Въ настоящее же время, пока населеніе страны еще такъ некультурно, бѣдно, и такъ далеко отъ яснаго сознанія выгодъ кооперацій и своихъ групповыхъ интересовъ, какимъ остается до сихъ поръ крестьянская земледѣльческая масса Россіи, нельзя строить сельскій кредитъ исключительно на почвѣ самодѣятельности, сбереженій и взаимопомощи самихъ крестьянъ.

Даже болѣе: при современныхъ условіяхъ народной жизни подобныя учрежденія во многихъ случаяхъ приносятъ большинству крестьянскаго населенія скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ, въ силу внутренняго распорядка въ нихъ, они своимъ кредитомъ чаще всего служатъ тѣмъ же деревенскимъ ростовщикамъ, отъ которыхъ стонетъ деревня. Ростовщики и, вообще, болѣе состоятельные хозяева повсюду забираютъ въ свои руки власть въ правленіяхъ этихъ учрежденій, ссужая изъ нихъ самихъ себя и своихъ присныхъ, и такимъ образомъ получаютъ новыя преимущества въ экономической борьбѣ, получаютъ бо́льшую возможность развивать свои кулацкія операціи за счетъ большинства маломощныхъ хозяйствъ. Уже длинная и всѣмъ извѣстная исторія ссудо-сберегательныхъ товариществъ доказываетъ, что деревенскіе хищники воцаряются въ нихъ полновластно.

Чтобы обосновывать жизнеспособную кооперацію для цѣлей кредита на началахъ сбереженій и взаимопомощи, нужно, во-первыхъ, имѣть почву, возможность сбереженій и солидарность интересовъ для взаимопомощи, а во-вторыхъ, необходимо настолько культурное сознаніе, чтобы организоваться въ болѣе или менѣе однородныя группы и придать организаціи характеръ строгаго безпристрастія. Этихъ необходимыхъ элементовъ нѣтъ до сихъ поръ въ деревенскомъ населеніи Россіи. Преобладающимъ типомъ крестьянина-земледѣльца въ настоящее время должно признать хозяина-одиночку, съ настолько незначительнымъ земельнымъ надѣломъ, что при существующихъ пріемахъ культуры во многихъ случаяхъ этотъ хозяинъ не можетъ прокормить даже одной лошади [1]), безъ какого-либо запаса оборотныхъ

[1]) Недостаточность надѣла, конечно,—условная и перемѣнная величина въ зависимости отъ степени культурности, интенсивности хозяйства; при высшей культурѣ современные размѣры крестьянскаго землевладѣнія, можетъ быть, были бы среднедостаточными, судя по примѣрамъ, представляемымъ Франціей и южной Германіей.

средствъ, безъ кредита,—живущаго со дня на день, съ постоянными хозяйственными дефицитами, однимъ словомъ, всецѣло предоставленнаго его собственнымъ слабымъ силамъ и волѣ всѣхъ стихій. Достаточно, напримѣръ, если по волѣ стихій онъ потеряетъ лошадь,—онъ уже погибъ, какъ хозяинъ. Частые хозяйственные недочеты при отсутствіи нормальнаго кредита привели къ тому, что масса крестьянства въ послѣднее время крайне дифференцировалась; среди общины образовались враждебныя группы. Изъ нихъ первая, количественно наименьшая, но наиболѣе зажиточная часть населенія и создается, именно, главнымъ образомъ, на почвѣ ростовщическаго кредита, въ особенности путемъ отбиранія, вслѣдствіе круговой поруки по платежамъ, надѣловъ отъ маломощныхъ хозяевъ и сконцентрированія такимъ способомъ крестьянскихъ земель въ рукахъ состоятельнаго меньшинства. Въ концѣ же градаціи современной общины стоитъ обширная группа маломощныхъ, затѣмъ безлошадныхъ и, наконецъ, совсѣмъ обнищавшихъ хозяевъ; эта группа увеличивается за счетъ среднихъ группъ.

Какіе же элементы деревни имѣются въ виду проектами насажденія у насъ кредитныхъ товариществъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ и т. п.? Группы ли кулаковъ, сконцентрировавшихъ земельные надѣлы, группы ли среднихъ хозяевъ, или же группы маломощныхъ, однолошадныхъ и, наконецъ, безлошадныхъ? Нужно думать, что имѣются въ виду среднія группы, такъ какъ обнищавшія группы крестьянъ, конечно, не могутъ сами основать свои собственныя кредитныя учрежденія на началахъ взаимопомощи и сбереженій. Но и среднія группы, безъ сомнѣнія, не могутъ оградить себя отъ хищнической энергіи „богатѣевъ“. Эти хищники немедленно воцаряются въ правленіяхъ всѣхъ подобныхъ кредитныхъ учрежденій. Или же авторы и защитники ссудосберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ (повторяемъ, что мы имѣемъ въ виду современныя условія народной жизни,—въ будущемъ же, съ культурнымъ ростомъ Россіи, и эти учрежденія получатъ развитіе и значеніе) надѣются соединить несоединимое—соединить въ одну кредитную кооперацію всѣ группы путемъ полюбовной, дружеской взаимопомощи? Наивная мечта!

Иного рода кредитныя учрежденія необходимы въ настоящее время для крестьянскаго хозяйства и промысловъ, а именно, учрежденія, находящіяся въ культурныхъ рукахъ, въ рукахъ государства и земства.

Но прежде чѣмъ перейти къ ихъ характеристикѣ, я позволю себѣ, для ясности вопроса, самымъ краткимъ образомъ обрисо-

вать нужду крестьянства въ кредитѣ и тѣ послѣдствія, какія причиняетъ отсутствіе нормальнаго кредита.

Деревенское ростовщичество существовало уже при крѣпостномъ правѣ, несмотря на то, что тогда въ большинствѣ случаевъ помѣщикъ, заботясь въ собственныхъ интересахъ создать изъ каждой крестьянской семьи прочное и доходное „тягло“, стремился къ уравненію подъ одинъ масштабъ состоятельности крѣпостныхъ дворовъ, для чего поддерживалъ и кредитовалъ почему-либо ослабѣвшіе дворы. Но такъ какъ и самъ-то крѣпостной помѣщикъ, проживавшій обыкновенно не по средствамъ, нуждался въ деньгахъ и кредитѣ, и такъ какъ тогда даже и для помѣщика не было организованнаго дешеваго кредита, то уже и въ то время деревенскіе ростовщики, въ видѣ прасоловъ или „хозяйственныхъ мужичковъ“, играли видную роль. Послѣ же крестьянской реформы они немедленно выступили на первый планъ. Всѣ условія имъ благопріятствовали. Болѣе половины владѣльческихъ крестьянъ не получили даже того незначительнаго надѣла, который назывался полнымъ крестьянскимъ надѣломъ. Свои надѣлы крестьяне должны были выкупать и вмѣстѣ съ тѣмъ для пополненія ихъ пріарендовывать частно-владѣльческія земли.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ половина всѣхъ частновладѣльческихъ земель была уже въ наймѣ у крестьянъ. Арендныя цѣны достигли такой высоты, что помѣщикамъ оказалось несравненно выгоднѣе сдавать свои земли, чѣмъ вести собственное хозяйство. По земскимъ статистическимъ даннымъ для 76 уѣздовъ, каждый дворъ, въ среднемъ, несъ ежегодный расходъ на внѣ-надѣльную аренду 25 рублей, при 15 рубляхъ 30 коп. выкупныхъ платежей и 3 руб. 39 коп. мірскихъ платежей. По приблизительнымъ вычисленіямъ г. Крандіевскаго, крестьянское населеніе Европейской Россіи должно было выплачивать за одну внѣ-надѣльную аренду ежегодно до 300 милл. рублей. Развитіе системы косвенныхъ налоговъ, при увеличившейся необходимости для крестьянина покупать все бо́льшую и бо́льшую часть предметовъ хозяйственнаго обихода, также требовало отъ него денегъ и денегъ (по вычисленію г. Еропкина, на каждый крестьянскій дворъ средней Россіи падаетъ 17 руб. 41 коп. косвенныхъ налоговъ). Обстоятельства при этомъ сложились для крестьянина такъ неблагопріятно, что бо́льшая часть платежей требовалась отъ него ранней осенью, прежде чѣмъ онъ успѣетъ выгодно ликвидировать урожай. Самой ранней осенью отъ него требовали уплаты податей, аренды и пр.

Откуда же было взять деньги для всевозможныхъ платежей

крестьянину, привыкшему къ натуральному хозяйству? Государство и земство не устроили для него коммерчески-нормальнаго кредита, подобнаго тому, какой тотчасъ послѣ освободительной реформы былъ организованъ въ различныхъ формахъ для всѣхъ другихъ хозяйственно-торгово-промышленныхъ группъ страны. Отсюда и начались всѣ злоключенія освобожденнаго крестьянина. Онъ попалъ въ тиски кабальнаго кредита.

Натуральное хозяйство естественно обратилось въ денежное; крестьянинъ обратился въ товаро-производителя, благо къ этому времени въ Россіи возникъ обширный экспортъ хлѣба. Онъ распахалъ все, что̀ можно было распахать, снялъ и распахалъ половину владѣльческихъ земель—для того, чтобы вывезти больше хлѣба на рынокъ. Но безъ кредита онъ сталъ наводнять рынокъ уже ранней осенью, спѣшно, несмотря ни на какія низкія цѣны, хлѣбомъ сорнымъ, низкаго качества, и получившимъ за границей ироническое названіе „русскаго хлѣба“. Онъ продавалъ, какъ продаетъ понынѣ, осенью, не только избытокъ хлѣба, производимый имъ какъ товаръ, но и тотъ хлѣбъ, который нуженъ ему для собственнаго потребленія, съ тѣмъ, чтобы къ веснѣ, уже волей-неволей, по какой бы то ни было высокой цѣнѣ купить этотъ хлѣбъ снова для своего потребленія.

Нужда въ деньгахъ заставила крестьянина продавать дешево осенью не только хлѣбъ, но и скотъ, покупая его снова весною. На этой почвѣ въ Россіи образовалась густая сѣть скупщиковъ, отъ мелкихъ до крупныхъ, съ милліонными оборотами. По вычисленіямъ г. Сазонова и многихъ земскихъ статистиковъ, потери крестьянскаго населенія на разницѣ осеннихъ и весеннихъ цѣнъ на хлѣбъ и скотъ — 200—300%. Такъ, для 1885 г. г. Голубевъ высчиталъ, что крестьянское населеніе потеряло при продажѣ хлѣба, вслѣдствіе разницы осеннихъ и весеннихъ цѣнъ, 115 милл. рублей, т.-е. такую же сумму, какую въ томъ году составляли всѣ крестьянскіе казенные платежи.

Но и для того, чтобы продать осенью за безцѣнокъ хлѣбъ, для покрытія платежей и необходимыхъ хозяйственныхъ расходовъ, нужно этотъ хлѣбъ произвести, а для этого нужно предварительно снять владѣльческую землю и заплатить аренду. За отсутствіемъ организованнаго нормальнаго кредита, крестьянинъ опять долженъ обратиться къ кабальному кредиту. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя вопіющими явленіями. Въ первомъ случаѣ, когда землевладѣлецъ располагаетъ нѣкоторымъ оборотнымъ капиталомъ, онъ сдаетъ землю подъ отработки, а часто и ссужаетъ крестьянъ деньгами подъ будущія лѣтнія работы. При

этомъ, по свидѣтельству многихъ вполнѣ компетентныхъ и безпристрастныхъ лицъ, землевладѣлецъ беретъ 200—500% годовыхъ. Такъ, въ центральной черноземной Россіи всѣмъ извѣстна повсемѣстно практикуемая, вошедшая въ обычай, осенняя наемка помѣщиками крестьянъ на „круговую обработку“: за 6 — 10 рублей крестьянинъ обязуется обработать полный „кругъ“ — одну десятину озимаго и одну десятину ярового, т.-е. обѣ десятины вспахать нѣсколько разъ, посѣять, убрать хлѣбъ, свезти, обмолотить, ссыпать въ амбаръ и затѣмъ еще вывезти въ поле навозъ. Minimum для этихъ работъ потребуется 24 рабочихъ дня, изъ нихъ 20 конныхъ, т.-е., по лѣтнимъ цѣнамъ, на 30 рублей и болѣе. Такимъ образомъ, крестьянинъ беретъ осенью или зимой 6—10 рублей за 300—500%. За клочокъ земли, взятый въ аренду, крестьянинъ превращается въ крѣпостного батрака; въ горячую лѣтнюю пору онъ долженъ бросать все свое хозяйство, чтобы выполнить отработки. Это уже полу-свободный трудъ, своего рода барщина. Чѣмъ больше втягивается крестьянинъ въ отработочную систему, тѣмъ скорѣе онъ погибаетъ, какъ самостоятельный хозяинъ; истинная сущность отработокъ такова, что во многихъ случаяхъ „отработочный“ трудъ крестьянина идетъ даже не на погашеніе долга, а лишь на уплату процентовъ по взятой ссудѣ. Крестьянинъ превращается въ вѣчнаго должника и крѣпостного батрака. И не только страшна для крестьянина разница въ цѣнахъ на работы при зимней и лѣтней наемкѣ (200—500%), но еще большій ущербъ нерѣдко причиняютъ ему тѣ упущенія въ собственномъ хозяйствѣ, къ которымъ онъ вынуждается требованіями „отработокъ“.

Въ другомъ случаѣ, когда землевладѣлецъ не живетъ въ имѣніи или самъ нуждается въ деньгахъ, и потому не можетъ не только ссужать крестьянъ деньгами подъ лѣтніе отработки, но не можетъ дожидаться выручки отъ испольщины или отсрочить крестьянамъ арендную плату, онъ сдаетъ землю съемщику, для передачи уже этимъ послѣднимъ подесятинно крестьянамъ. На этой почвѣ образовалась также густая сѣть ростовщиковъ-съемщиковъ, подобная той, какая существуетъ въ сферѣ хлѣбной торговли. И здѣсь опять таки, по имѣющимся даннымъ, крестьяне переплачиваютъ съемщикамъ 200% и болѣе лишь на разницѣ арендныхъ цѣнъ, причемъ убытки крестьянъ этимъ, конечно, не ограничиваются, такъ какъ, затѣмъ, при займахъ для взноса задатковъ пересдатчикамъ, крестьяне кредитуются большею частью у нихъ же за баснословные проценты. Отсрочивая

платежи или пуская въ ходъ „отработочную систему“, съемщики практикуютъ еще болѣе суровые пріемы, чѣмъ землевладѣльцы.

И такъ далѣе,—изъ рукъ одного ростовщика крестьянинъ переходитъ въ руки другого. Въ вѣчномъ кругѣ недочетовъ, всѣмъ должный, и потому постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ, въ заключеніе всего, попадаетъ въ безъисходную кабалу къ своимъ однообщественникамъ-кулакамъ и теряетъ, въ концѣ концовъ, даже свои юридическія права. Эти послѣдніе ростовщики—„свои“—„сосѣди“, ютящіеся въ самомъ сердцѣ общины,—повидимому, самые страшные, такъ какъ они не останавливаются ни предъ чѣмъ. Круговая порука по платежамъ, возлагающая отвѣтственность за недоимщиковъ на всѣхъ членовъ общества, окончательно запутываетъ маломощнаго крестьянина. Отвѣтственность по круговой порукѣ развязываетъ деревенскимъ ростовщикамъ руки и оправдываетъ уже всякія насилія. Внеся за недоимщиковъ налоги, богатые крестьяне отбираютъ у нихъ надѣлы. Лишенный за безцѣнокъ своей надѣльной земли, недоимщикъ въ три-дорога снимаетъ владѣльческую землю въ то время, какъ его надѣломъ воспользуется богатый мужикъ. Отсюда это странное явленіе: насколько дорога владѣльческая аренда, настолько дешева аренда надѣльныхъ земель. Дорогая внѣ-надѣльная аренда—удѣлъ маломощныхъ крестьянъ; дешевая съемка надѣловъ—привилегія кулаковъ-богачей. На спекуляціи крестьянскими надѣльными землями выростаютъ новые ростовщики. Дѣло дошло до того, что кулаки, забирая тѣмъ или инымъ способомъ за безцѣнокъ въ свои руки надѣлы нуждающихся крестьянъ, передаютъ ихъ затѣмъ съ солиднымъ барышомъ („рубль—на рубль“) другимъ однообщественникамъ.

Эксплуататорская „обработка“ малосильныхъ хозяевъ идетъ далѣе по всѣмъ направленіямъ. При недочетѣ въ своемъ бюджетѣ крестьянинъ идетъ за новымъ и новымъ кредитомъ къ кулаку, лавочнику, скупщику, съемщику, пересдатчику и пр., и пр., платя повсюду эти ужасные 200—500% годовыхъ. Мы не говоримъ уже о всевозможныхъ обмѣриваніяхъ, обвѣшиваніяхъ, подлогахъ, которые совершаются эксплуататорами деревенской нужды на полной свободѣ, потому что они—полные хозяева положенія. Они безсчетны. Не протестовать же противъ нихъ мужику, запутавшемуся въ долгахъ, какъ рыба въ неводѣ.

Кредитная закабаленность, а отсюда и юридическое безправіе маломощныхъ крестьянъ доходятъ до того, что они, какъ крѣпостные, поступаютъ въ полное распоряженіе своего „обще-

ства“ и „волости“. Отобравъ у нихъ надѣлы и сдавъ ихъ богатымъ ростовщикамъ, общество и волость „на законномъ основаніи“, т.-е. контрактами, подписанными и удостовѣренными сельскими и волостными властями, отдавали недоимщиковъ „въ отхожіе заработки“, нерѣдко даже безъ вѣдома и согласія „отдаваемыхъ“ по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ этими „властями“ по соглашенію съ подрядчиками, промышленниками, компаніями и ихъ приказчиками. „Власти“ получали „благодарность“ отъ нанимателей, но и безъ „благодарности“ онѣ были достаточно усердны въ указанныхъ случаяхъ, побуждаемыя къ усердію, съ одной стороны, страхомъ кутузки и иныхъ начальственныхъ внушеній, а съ другой — воздѣйствіемъ на нихъ мѣстныхъ „почтенныхъ мужичковъ“ — ростовщиковъ. Требовавшіяся для уплаты податей суммы вносились нанимателями въ волостныя правленія, заранѣе заготовлявшія списки недоимщиковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянъ силою сгоняли съ полей, отрывая ихъ отъ неубраннаго хлѣба, и отправляли въ „работы“ иногда даже подъ конвоемъ. Бывали случаи принудительной отдачи цѣлыхъ сельскихъ обществъ въ заработки. Бывали случаи, что волостныя правленія печатали въ „губернскихъ вѣдомостяхъ“ объявленія съ вызовомъ предпринимателей, желавшихъ взять недоимщиковъ.

Но и добровольный отходъ въ заработки при отсутствіи кредита всегда сопровождался громадными потерями крестьянъ. Контракты съ подрядчиками и промышленниками почти всегда поражаютъ жестокостью эксплуатаціи. По разсчетамъ г. Сазонова и другихъ изслѣдователей, до $^2/_3$ заработка остаются въ рукахъ посредниковъ и подрядчиковъ. Можно себѣ представить эти потери, если число наемныхъ рабочихъ принять въ 20 милліоновъ человѣкъ, съ заработкомъ до 800 милл. рублей.

Но и еще далеко не полна наша картина. Сельское, избираемое самимъ населеніемъ (такова иронія судьбы!) начальство — эта основанная „на обычаяхъ“, руководящаяся „принятымъ въ обществѣ порядкомъ“, „законодательная власть, власть всемогущая и безконтрольная“ (по выраженію одного изслѣдователя) не останавливается на описанныхъ насиліяхъ, а заходитъ еще дальше—до тѣлеснаго наказанія и полнаго разоренія хозяина. Узаконенный „обычай“, круговая порука, при закабаленности нуждающихся крестьянъ и полномъ отсутствіи нормальнаго кредита, все оправдываютъ и допускаютъ. Хотя законы россійской имперіи и запрещаютъ продажу надѣла, необходимаго крестьянскаго инвентаря и всего того, „что считается

неотъемлемою принадлежностью крестьянскаго хозяйства", но, тѣмъ не менѣе, и надѣлы можно отобрать у недоимщика, можно заставить его тѣмъ или инымъ способомъ, до тѣлеснаго наказанія включительно, продать добровольно послѣдню корову, послѣднюю лошадь, даже крышу съ хаты, если не всю хату. При томъ же, и оффиціально устроиваемые аукціоны крестьянскаго имущества за неисправный платежъ налоговъ — повсемѣстное явленіе. Оффиціально съ молотка распродается все—скотъ, озими, необмолоченный хлѣбъ, постройки, одежда, вся мелочь, вся утварь, даже бабьи сарафаны и бабьи прялки съ веретенами и куделью. Продается все это, конечно, за безцѣнокъ, за треть стоимости, тѣмъ же деревенскимъ ростовщикамъ, которые предварительно запутали мужика, кредитуя его и вымотавъ изъ него всю душу. Я видалъ, напримѣръ, какъ еще недавно, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ вятской губерніи, во времена губернатора Анисьина, осенью, въ каждомъ станѣ собиралась дружина въ сто человѣкъ, состоявшая, во главѣ со становымъ приставомъ, а нерѣдко и исправникомъ, изъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ и писарей, волостныхъ судей, сотскихъ, десятскихъ, „понятыхъ" и кулаковъ-скупщиковъ, и, путешествуя изъ деревни въ деревню, распродавала у недоимщиковъ все, что можно распродать. Изъ бабьихъ сундуковъ вытаскивали даже дѣтскія пеленки. Становые покрикивали, судьи тутъ же судили, кулаки скупали. Если недоимщикъ упрямился,—судъ тутъ же присуждалъ его къ поркѣ.

Запутавшійся въ ростовщической паутинѣ, крестьянинъ уже перестаетъ руководиться какими-либо хозяйственными соображеніями и разсчетами; онъ безнадежно махаетъ рукой и на себя, и на свое хозяйство. Осенью онъ за безцѣнокъ спѣшитъ продать свой засоренный, неотдѣланный („русскій") хлѣбъ, потому что онъ и мечтать не можетъ о машинахъ. Свою лошадь онъ кормитъ все хуже и хуже, пока не лишится ея совсѣмъ. Свою полосу засѣваетъ самымъ худшимъ зерномъ, потому что хорошее зерно онъ долженъ продать; плохихъ сѣмянъ онъ, зато, высѣваетъ больше (отсюда эта во многихъ мѣстахъ баснословная густота посѣва—до 24 пудовъ овса на десятину!), но отъ перегущеннаго посѣва хлѣбъ родится еще хуже. Земля-кормилица для крестьянина становится мачихой, и онъ уже безнадежно съ этимъ мирится, потому что не для него существуетъ прогрессъ сельско-хозяйственной техники. И чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ, конечно, тяжелѣе и невыносимѣе для него условія ростовщическаго кредита. Довольно при этихъ условіяхъ первой не-

счастной случайности въ хозяйствѣ—и крестьянинъ погибаетъ навсегда, какъ хозяинъ. И понятно, почему процентъ разорившихся и безлошадныхъ крестьянъ возросталъ и ростетъ непрерывно.

Экспортъ хлѣба достигъ громадныхъ размѣровъ, но для русскаго крестьянства онъ знаменовалъ лишь истощеніе народа и земли, какъ будто вопреки положенію, что спросъ усиливаетъ предложеніе, улучшаетъ производство и поднимаетъ благосостояніе производителей. Но для Россіи экспортъ, дѣйствительно, лишь вызвалъ хищническую распашку луговъ, выгоновъ, овраговъ и даже песчаныхъ почвъ, уничтоженіе лѣсовъ, грандіозный ростъ сыпучихъ песковъ, даже порчу климата, истощеніе почвы и періодическія массовыя голодовки.

И одною изъ главнѣйшихъ причинъ этой мрачной картины русскаго народнаго хозяйства было и есть отсутствіе нормальнаго, дешеваго, доступнаго, благоустроеннаго народнаго кредита, государственнаго ли, земскаго ли, общественнаго ли—все равно. Не было ни того, ни другого, ни третьяго, кромѣ страшнаго (именно, страшнаго, какъ язва, по его неминуемой разорительности) ростовщическаго кредита, распространявшагося, какъ гангрена, какъ проказа, на всѣ стороны крестьянской жизни, который, начинаясь, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, съ 10%, достигаетъ 1.200% годовыхъ (Сазоновъ, „Формы народнаго кредита“), а г. Иванюковъ приводитъ даже случаи ростовщическаго кредита въ 4.000%.

II.

Ростовщическій кредитъ, какъ проказа, разъѣдалъ въ послѣднія десятилѣтія колоссальный организмъ народа, не оставивъ на немъ ни одного живого мѣстечка, въ то время, какъ милліарды рублей съ легкимъ сердцемъ расходовались на поддержку акціонерныхъ желѣзно-дорожныхъ и промышленныхъ предпріятій. Наша государственная экономическая политика какъ будто совсѣмъ не замѣчала этой язвы въ народномъ хозяйствѣ—удивительная ошибка глазомѣра въ исторической перспективѣ. Можетъ быть, ошибка эта объясняется тѣмъ, что наши оффиціальные носители культуры, повидимому, и во снѣ, и на яву грезили заманчивымъ, блестящимъ примѣромъ Германіи, которой, дѣйствительно, удалось въ теченіе немногихъ десятилѣтій, съ несомнѣнной для нея выгодой, превратиться изъ полу-земледѣльческой въ богатую индустріальную страну съ міровымъ рынкомъ. Было бы долго до-

казывать, почему Россіи трудно повторить примѣръ Германіи, да притомъ же, еслибы было возможно повтореніе примѣра Германіи, то и въ этомъ случаѣ русская государственная экономическая политика должна бы была быть построена на иномъ, болѣе разсчетливомъ базисѣ, чѣмъ то имѣло мѣсто у насъ. Населеніе Германіи уже назадъ тому полвѣка не было той невѣжественной, нищенствующей, періодически голодающей и задыхающейся въ тискахъ ростовщическаго кредита массой, какую мы видимъ и по настоящее время въ Россіи. А между тѣмъ, для развитія крупной индустріи въ Россіи несравненно болѣе необходима наличность обезпеченнаго, состоятельнаго земледѣльческаго населенія съ достаточной потребительной способностью, съ достаточнымъ спросомъ на фабрикаты, чѣмъ то нѣкогда требовалось для Германіи, потому что индустріальное развитіе Германіи въ тѣ времена могло быть построено на міровомъ рынкѣ, а крупная промышленность Россіи не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ можетъ основывать свои надежды лишь на внутреннемъ спросѣ. Русской индустріи не приходится мечтать о міровомъ рынкѣ, потому что пока онъ занятъ болѣе культурными націями, а въ недалекомъ будущемъ на сцену выступятъ новыя страны, которыя также разовьютъ свою собственную промышленность. Очевидно, лишь ростъ потребительной потребности земледѣльческаго большинства—88% населенія Россіи—можетъ гарантировать успѣхъ и прочность русской индустріи.

Между тѣмъ всѣ силы государства, всѣ финансовыя и кредитныя мѣропріятія, и таможенный тарифъ, и система налоговъ —все съ давнихъ поръ направлено къ одной исключительной цѣли—развитію въ Россіи промышленнаго капитализма. Крестьянское хозяйство и кустарная промышленность не только не пользовались какой-либо поддержкой, но приносились въ жертву ради той же исключительной цѣли. Какъ оправданіе для этого, выставлялись двѣ удивительныя посылки: первая—что развитіе фабричнаго производства явится подспорьемъ земледѣлія, выведетъ его (какимъ-то фатальнымъ, невѣдомымъ путемъ) изъ примитивнаго состоянія и увеличитъ заработки населенія; другая—что крупная промышленность создастъ обширный рынокъ для того же земледѣлія и доставитъ ему дешевые фабрикаты. Наивный логическій кругъ, безъ начала! А начало-то и должно было заключаться въ томъ, что одновременно съ заботами о развитіи фабричнаго производства необходимо было позаботиться и о развитіи потребительной способности милліоновъ земледѣльческаго населенія Россіи, т.-е., о поддержаніи и развитіи крестьянскаго

хозяйства, и прежде всего—самымъ необходимѣйшимъ, самымъ элементарнѣйшимъ способомъ — организаціей для него благоустроеннаго, нормальнаго кредита. Расходуя милліарды рублей на желѣзно-дорожное строительство и поддержку промышленныхъ предпріятій, необходимо было хотя бы одну сотню милліоновъ рублей предназначить на постановку сельскаго кредита—этого главнаго фактора въ культурѣ каждой страны. Стоитъ подумать о томъ, съ какой лихорадочной поспѣшностью строились у насъ желѣзныя дороги, а этими дорогами прежде всего пользовались ростовщики-эксплуататоры народнаго труда,—эксплуататоры въ самомъ буквальномъ, не замаскированномъ значеніи этого слова. Желѣзная дорога приносила съ собой разореніе крестьянской земледѣльческой массы—явленіе нелѣпое и жестокое, котораго навѣрное бы не было, еслибы та же желѣзная дорога прошла среди населенія, защищеннаго отъ эксплуатаціи организованнымъ кредитомъ. Такое же разореніе приносили банки, фабрики, заводы, напримѣръ—возьмемъ первый попавшійся примѣръ—любой вновь возникавшій свекло-сахарный заводъ.

Непосильныя жертвы, правда, принесли свой плодъ—расцвѣтъ фабричной промышленности, но опять-таки большой вопросъ, насколько этотъ расцвѣтъ явился дутымъ,—такъ въ настоящее время онъ уже значительно поблекъ и даже угрожаетъ громаднымъ крахомъ. И едва ли „теоріи кризисовъ, присущихъ капиталистическимъ странамъ“, объясняютъ и оправдываютъ этотъ крахъ. Не проще ли наступающій въ Россіи кризисъ фабричнаго производства объяснить тѣмъ, что расцвѣтъ послѣдняго былъ въ значительной степени тепличнымъ пустоцвѣтомъ, не соотвѣтствовавшимъ условіямъ рынка, въ особенности внутренняго спроса, потребительной способности сто-милліоннаго населенія страны? Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на этотъ необычный расцвѣтъ фабричной промышленности, нашъ мужикъ попрежнему ковыряетъ землю первобытной сохой и вязаной бороной, высѣваетъ наихудшія сѣмена, продаетъ послѣднюю коровенку, сокращаетъ до minimum'а свои и такъ довольно жалкія потребности, питается хуже, чѣмъ питались его дѣды, и, наконецъ, массами валится съ ногъ отъ голодовокъ. Небольшое утѣшеніе доставляютъ ему „дешевые“ фабрикаты. Даже какой-нибудь желѣзный гвоздь для него теперь, можетъ быть, большая роскошь, чѣмъ было то прежде. При такихъ условіяхъ не будетъ цвѣсти и россійская индустрія.

Итакъ, отсутствіе нормальнаго, благоустроеннаго сельскаго кредита имѣетъ доминирующее значеніе въ статикѣ и динамикѣ народнаго хозяйства. Лишь народное образованіе въ широкомъ

смыслѣ этого слова, какъ культурный факторъ, можно поставить наравнѣ съ значеніемъ кредита. Недаромъ одинъ изъ западно-европейскихъ экономистовъ (Маклеодъ) сравниваетъ вліяніе развитія кредита на прогрессъ народовъ съ вліяніемъ изобрѣтенія книгопечатанія. Всѣ другія государственныя, земскія и общественныя мѣропріятія, какъ агрикультурнаго характера—по распространенію сельско-хозяйственныхъ техническихъ знаній, улучшенію скотоводства, меліораціямъ земельныхъ угодій, по распространенію улучшенныхъ орудій, по борьбѣ съ вредителями сельскаго хозяйства и т. п., такъ и чисто-экономическаго характера—по упорядоченію крестьянскаго землепользованія, по реформѣ взиманія налоговъ, системы тарифовъ, и пр., и пр., имѣютъ уже второстепенное, подчиненное значеніе, и успѣхъ ихъ находится въ прямой зависимости отъ наличности нормальнаго кредита.

Въ справедливости этого положенія мы можемъ убѣдиться на примѣрѣ земской агрономической дѣятельности. Лишь въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ эта послѣдняя получила сколько-нибудь значительное развитіе, гдѣ мѣропріятія основаны на льготныхъ для крестьянъ условіяхъ кредита по отпуску сѣмянъ, орудій, машинъ, матеріаловъ для промысловъ и по разнаго рода меліораціямъ. Гдѣ нѣтъ кредита, тамъ агрономическія мѣропріятія въ теченіе десятковъ лѣтъ остаются въ жалкомъ зародышномъ состояніи. Успѣхъ операцій земскихъ сельско-хозяйственныхъ складовъ прямо наглядно зависитъ отъ того, допускается ли въ нихъ кредитъ или нѣтъ. Гдѣ организованъ отпускъ плуговъ и сѣмянъ травъ въ ссуду на два-три года, тамъ очень быстро плуги начинаютъ распространяться среди крестьянъ тысячами, и травосѣяніе—въ десяткахъ и сотняхъ селеній; гдѣ нѣтъ ссудъ,—тамъ, въ лучшемъ случаѣ, за годъ раскупятъ лишь нѣсколько десятковъ плуговъ, а крестьянское травосѣяніе представляется неосновательной и фантастической затѣей. Въ тѣхъ земствахъ, въ которыхъ не организованъ хотя бы въ сколько-нибудь сносной формѣ кустарно-промышленный кредитъ, всѣ многолѣтнія разсужденія земцевъ о поддержкѣ и развитіи кустарныхъ промысловъ остаются толченіемъ воды въ ступѣ. Только пермское, вятское и московское земства сдѣлали, можно сказать, кое-что для кустарей своихъ губерній, именно, благодаря постановкѣ кредита: пермскимъ земствомъ — въ видѣ кустарно-промышленнаго банка, съ его агентами на мѣстахъ, въ связи съ земскими торговыми кустарными складами, съ отпусками изъ нихъ въ ссуду матеріаловъ для промысловъ и выдачей аван-

совъ подъ издѣлія; вятскимъ и московскимъ земствами—въ видѣ подобныхъ же по-коммерчески поставленныхъ земскихъ кустарныхъ торговыхъ складовъ, съ выдачей авансовъ подъ издѣлія и отпускомъ въ кредитъ матеріаловъ для производства, въ связи съ учебно-промышленными мастерскими, которыми также практикуются авансы подъ издѣлія и отпускъ матеріаловъ въ ссуду. Въ большинствѣ же другихъ земствъ мы не находимъ ничего, кромѣ тридцатилѣтнихъ разсужденій о пользѣ кустарныхъ промысловъ и неудачныхъ попытокъ содѣйствія имъ,—неудачныхъ потому, что онѣ не основывались на благоустроенномъ кредитѣ въ формѣ той или иной постоянной прочной организаціи.

Много разсужденій, надеждъ и опытовъ было также относительно организаціи производительныхъ крестьянскихъ артелей, и всѣ они были, какъ извѣстно, безрезультатны, опять-таки потому, что въ основу ихъ не былъ положенъ прочный, культурный, по-коммерчески нормально-поставленный, банковскій кредитъ. Между тѣмъ на примѣрѣ пермскаго кустарно-промышленнаго банка мы видимъ, что съ основаніемъ его, уже въ силу только осуществленія возможности для населенія дешеваго и доступнаго кредита, этотъ банкъ вызвалъ въ короткое время возникновеніе ряда новыхъ производительныхъ артелей и товариществъ, создалъ ихъ безъ тѣхъ натяжекъ и „притягиваній за волоса“, какія видѣли мы прежде на примѣрѣ нѣкоторыхъ филантропическихъ частныхъ и земскихъ затѣй. Пермскій земскій банкъ въ немногіе годы сталъ дѣйствительной культурной силой, а не той жалкой и уродливой пародіей на кредитъ, какою представляются, напримѣръ, ссудо-сберегательныя товарищества. Опредѣленный принципъ въ направленіи дѣятельности банка, ясная идея помощи наиболѣе нуждающейся массѣ производителей, строгій контроль надъ операціями банка, вмѣстѣ съ доброжелательнымъ, но внимательнымъ и строгимъ надзоромъ за надлежащимъ и правильнымъ использованіемъ выданныхъ ссудъ, однимъ словомъ, идея культурнаго воздѣйствія на практической почвѣ нормально-коммерческой и цѣлесообразной постановки—вотъ тѣ моменты, которые придаютъ силу кредитнымъ учрежденіямъ, подобнымъ пермскому земскому банку.

Будетъ такой банкъ въ губерніи, въ уѣздѣ, въ селѣ, основательно и широко поставленный, въ рукахъ умѣлыхъ и интеллигентныхъ, государственный или земскій,—и все остальное „приложится“; тогда только и можно будетъ серьезно толковать о сельскохозяйственныхъ меліораціяхъ, о распространеніи улучшеннаго инвентаря, объ улучшеніи скотоводства, о поднятіи земле-

дѣльческой техники, о помощи маломощнымъ хозяйствамъ, о поддержаніи и усовершенствованіи кустарныхъ промысловъ, а затѣмъ и о возникновеніи артелей, коммиссіонно-потребительно-производительныхъ товариществъ, сельскохозяйственныхъ крестьянскихъ обществъ, а впослѣдствіи—и сѣти кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ и товариществъ, основанныхъ на взаимопомощи и самодѣятельности. Недаромъ и вятское губернское земство, это чуткое къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства и предпріимчивое земство,—также пришло, въ итогѣ своей многолѣтней дѣятельности, къ заключенію о необходимости придать всѣмъ своимъ экономическимъ и агрономическимъ мѣропріятіямъ болѣе широкую, прочную и объединенную постановку, именно, въ формѣ центральнаго губернскаго земскаго сельскохозяйственно-промышленнаго банка съ сѣтью агентовъ на мѣстахъ. По проекту вятскаго земства банкъ долженъ будетъ объединить всѣ разрозненныя въ настоящее время земскія предпріятія и требованія крестьянъ на почвѣ коммерческаго нормальнаго кредита. Московское губернское земство также выработало проектъ постановки земскихъ кредитныхъ операцій, въ связи съ „экономическими попечительствами“, какъ агентами на мѣстахъ.

Но проектъ московскаго земства имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что въ немъ производство кредитныхъ операцій возлагается на наличный составъ каждой уѣздной земской управы, и такъ уже въ настоящее время обремененной массою сложныхъ, многосторонніхъ обязанностей. Какъ показываетъ, напримѣръ, практика пермскаго кустарно-промышленнаго банка, дѣло народнаго кредита требуетъ такого внимательнаго и неослабнаго труда и притомъ такъ много труда, что еслибы оно составило обязанность наличнаго состава управы, то послѣдняя была бы вынуждена все свое время и силы отдать одному кредитному дѣлу, конечно, въ величайшій ущербъ всѣмъ другимъ отраслямъ земскаго хозяйства. Поручить кредитныя операціи канцелярскимъ служащимъ управы, какъ не вполнѣ отвѣтственнымъ и самостоятельнымъ, также невозможно, потому что подобныя операціи всегда требуютъ быстраго разрѣшенія подъ отвѣтственностью лицъ, ихъ разрѣшающихъ. Лишь земскій банкъ, въ формѣ особаго самостоятельнаго учрежденія, находящагося въ спеціальномъ завѣдываніи лицъ, преданныхъ дѣлу, отвѣтственныхъ по закону за правильное выполненіе устава и инструкцій земскаго собранія и облеченныхъ его довѣріемъ, гарантируетъ прочность, правильность, успѣхъ и широту кредитныхъ операцій. Только при такихъ условіяхъ земство получитъ возможность привлечь къ

дѣлу народнаго кредита частные вклады. Вообще, съ увѣренностью можно сказать, что только при наличности прочно и широко организованныхъ земскихъ банковъ съ ихъ агентами на мѣстахъ народный кредитъ въ рукахъ земства получитъ не игрушечное, а болѣе или менѣе крупное значеніе. Въ противномъ случаѣ, земскій кредитъ, вѣроятно, не пойдетъ дальше филантропическихъ затѣй. По проекту московскаго земства, притомъ же, судьба кредитныхъ операцій въ каждомъ уѣздѣ ставится въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ: желанія того или иного состава уѣздной управы принять большее или меньшее участіе въ дѣлѣ народнаго кредита, наличности иниціативы, энергіи, способности къ данному дѣлу этого состава, наличности у него свободнаго времени и пр., и пр. Если данный составъ уѣздной управы въ данномъ уѣздѣ будетъ настроенъ холодно къ дѣлу народнаго кредита, тамъ это послѣднее и не пойдетъ. Въ московскомъ проектѣ нѣтъ объединяющаго, постояннаго въ своемъ направленіи и постановкѣ, уравнивающаго мѣстныя условія и вліянія, солиднаго и потому привлекающаго частные вклады, центра, дѣятельность котораго равномѣрно распредѣлялась бы на всю губернію. Такимъ центромъ можетъ быть только губернскій сельскохозяйственно-промышленный банкъ при губернской земской управѣ.

Остановимся кратко на постановкѣ пермскаго банка. Банкъ учрежденъ пермскимъ губернскимъ земствомъ; администрація его состоитъ изъ правленія, совѣта и—какъ послѣдней инстанціи—губернскаго земскаго собранія; правленіе избирается губернскимъ земскимъ собраніемъ, состоитъ изъ директора и двухъ товарищей его и имѣетъ особую канцелярію; въ совѣтъ банка входятъ предсѣдатель и члены губернской управы и не менѣе пяти членовъ, избираемыхъ губернскимъ собраніемъ на три года изъ представителей мѣстной интеллигенціи. Банкъ имѣетъ право открывать отдѣленія въ крупныхъ кустарныхъ центрахъ, но пока банкъ имѣетъ не отдѣленія, а создалъ сѣть агентовъ во многихъ пунктахъ губерніи; въ агенты привлечены въ большинствѣ случаевъ различные интеллигенты, которые очень усердно и преданно, безкорыстно, безъ вознагражденія, оказываютъ банку значительныя услуги, такъ что, можно сказать, успѣхомъ своей дѣятельности банкъ, прежде всего, обязанъ этимъ агентамъ. Въ первые же два года банкъ имѣлъ 170 преданныхъ дѣлу, безвозмездныхъ агентовъ изъ среды интеллигенціи. Правленіе производитъ всѣ операціи банка при помощи своихъ агентовъ; совѣту банка принадлежитъ обязанность контроля; губернское собраніе

является высшей инстанціей, разсматривающей смѣты и отчеты банка, ревизующей его операціи и всѣ дѣйствія совѣта и правленія, составляющей инструкціи послѣднимъ и разрѣшающей вопросы о займахъ, о дополненіи и измѣненіи устава банка и т. п. Основной капиталъ (въ 1898 г.—124.300 р.) образованъ губернскимъ собраніемъ и можетъ быть увеличенъ по постановленію послѣдняго. Банкъ производитъ: 1) выдачу ссудъ, 2) пріемъ вкладовъ, 3) займы для своихъ операцій, при чемъ по уставу сумма обязательствъ банка не должна превышать суммы основного и запаснаго капитала болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза; это послѣднее условіе оказалось, однако, очень стѣснительнымъ для банка, въ виду необходимости большаго расширенія его операцій, при наличности большаго прилива желающихъ сдѣлать вклады. Вклады принимаются отъ частныхъ лицъ на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ изъ $5^0/_0$, благодаря чему предложеній вкладовъ такъ много, что банку приходится отказывать въ ихъ пріемѣ. Займы банкъ можетъ дѣлать въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Что касается положеній устава относительно выдачи ссудъ, то въ нихъ проведена идея помощи дѣйствительно нуждающимся въ кредитѣ производителямъ, не прибѣгающимъ къ эксплуатаціи посторонняго труда. Ссуды изъ $8^0/_0$ годовыхъ выдаются: 1) отдѣльнымъ кустарямъ, „ведущимъ кустарное производство своимъ личнымъ трудомъ, при помощи членовъ своей семьи, безъ участія наемныхъ рабочихъ“; 2) кустарнымъ артелямъ, опять-таки при условіи, что члены ихъ должны „вести производство своимъ личнымъ трудомъ, при помощи членовъ своихъ семей, безъ участія наемныхъ рабочихъ“ (лишь „въ особо уважительныхъ случаяхъ ссуды могутъ быть выдаваемы и кустарнымъ предпріятіямъ, имѣющимъ наемныхъ рабочихъ, но не иначе, какъ по особому на каждый случай постановленію совѣта банка“), и 3) уѣзднымъ земскимъ кустарно-торговымъ складамъ. Ссуды выдаются отдѣльныхъ кустарямъ за поручительствомъ, по крайней мѣрѣ, двухъ состоятельныхъ и благонадежныхъ домохозяевъ, а артелямъ—за круговой порукой членовъ. Любопытно при этомъ, что затрудненія, испытываемыя отдѣльными кустарями въ представленіи „благонадежныхъ“ поручительствъ, побудили ихъ къ образованію кредитныхъ или ссудныхъ товариществъ съ исключительной цѣлью полученія изъ банка ссудъ за круговой отвѣтственностью, для того, чтобы потомъ раздѣлить эти ссуды между собою, что̀ представляетъ, въ сущности, обходъ устава, но „обходъ“ дѣйствительно для кустарей неизбѣжный и необходимый. Размѣръ ссуды не можетъ пре-

вышать средней стоимости сырыхъ матеріаловъ, потребныхъ для годового производства кустаря или артели. Срокъ ссуды—до трехъ лѣтъ.

Такова организація банка. За пять первыхъ лѣтъ дѣятельности онъ удовлетворилъ 7.116 требованій на сумму 663.363 р., 87,6% которой получили отдѣльные кустари, 4,7% — артели и товарищества, и 7,7%—кустарно-торговые склады. Средній размѣръ ссудъ—123 р. Изъ числа отдѣльныхъ кустарей, взявшихъ ссуды, 70%—кустарей, не имѣвшихъ наемныхъ рабочихъ, и только 1,9%—кустарей, имѣвшихъ болѣе трехъ наемныхъ рабочихъ; остальное количество ссудъ приходится на кустарей, имѣвшихъ менѣе трехъ наемныхъ рабочихъ. Но нужно замѣтить, что до 40% кустарей, пользующихся наемнымъ трудомъ, заняты кузнечнымъ, экипажнымъ и машино-строительнымъ промыслами, т.-е. такими, которые обязательно требуютъ извѣстнаго раздѣленія труда и участія нѣсколькихъ человѣкъ, что для малочисленныхъ семей дѣлаетъ необходимымъ наемъ рабочихъ.

Уже эти немногія цифры показываютъ направленіе дѣятельности банка, его тенденцію помогать болѣе нуждающейся части производителей. То же мы видимъ, напримѣръ, изъ данныхъ за 1896 г. Общая сумма годового производства всѣхъ 1.302 заемщиковъ этого года составляла 680.413 руб.; изъ нихъ 164 имѣли оборотъ до 100 руб., 481—отъ 100 до 300 руб., 306—отъ 300 до 600 р., и лишь остальные—свыше 600 руб. Притомъ же, съ теченіемъ времени, въ дѣятельности банка тенденція къ устраненію болѣе крупныхъ единоличныхъ предпріятій постепенно усиливается. Но зато банкъ настойчиво содѣйствуетъ возникновенію и развитію промышленныхъ артелей-товариществъ.

При общей годовой производительности кустарей пермской губ. въ 4½ милл. руб. на предпріятія, воспользовавшіяся кредитомъ въ банкѣ въ 1896 г., приходится 16% всего производства.

Мы должны отмѣтить и ненормальное явленіе въ дѣятельности банка, вызываемое, впрочемъ, не недостатками организаціи банка, а крайней нуждой крестьянъ въ мелкомъ кредитѣ для удовлетворенія различнаго рода хозяйственныхъ потребностей вообще. Изъ недавнихъ изслѣдованій г. Владимірскаго выяснилось, что въ значительномъ числѣ случаевъ выданныя банкомъ ссуды расходовались заемщиками не по назначенію, не на производство, а на неотложныя хозяйственныя нужды, иногда даже попросту проѣдались. Но, повторяемъ, эти факты показываютъ только крайнюю нужду крестьянъ не только въ производитель-

номъ, меліоративномъ кредитѣ, но и въ кредитѣ на оборотныя средства хозяйства и на случай различнаго рода хозяйственныхъ невзгодъ, что, впрочемъ, примѣнимо и къ крупнымъ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ. Что и такой кредитъ не является рискованнымъ по отношенію къ крестьянскому населенію—показываетъ столь высокая аккуратность въ возвратѣ ссудъ заемщиками пермскаго банка, что, по выраженію доклада вятской губернской земской управы, излишняя осторожность въ организаціи сельскаго кредита „потеряла всякій смыслъ предъ исключительнымъ въ исторіи всѣхъ кредитныхъ учрежденій фактомъ, что среди кліентовъ пермскаго банка нѣтъ ненадежныхъ плательщиковъ—потери банка или равны нулю, или совершенно незначительны".

Побуждаемый нуждою крестьянъ въ краткосрочномъ кредитѣ на оборотныя средства хозяйства, банкъ недавно, по постановленію губернскаго земскаго собранія, началъ вводить въ кругъ своей дѣятельности новыя операціи, въ сущности своей выходящія изъ предѣловъ первоначальнаго назначенія банка, а именно, выдачу такъ называемыхъ *посредническихъ* ссудъ, получаемыхъ земскимъ банкомъ изъ государственнаго банка, согласно уставу его, утвержденному въ 1894 году. Эти посредническія ссуды могутъ быть выдаваемы уже не только кустарямъ, но и на нужды сельско-хозяйственнаго промысла въ широкомъ смыслѣ этого слова, на оборотныя средства хозяйства, на образованіе потребительскихъ лавокъ и т. п. Къ сожалѣнію, государственный банкъ почти совершенно нигдѣ не развилъ подобнаго посредническаго кредита (чрезъ земскія и иныя учрежденія) и идетъ на него очень туго.

Значеніе пермскаго банка для населенія, конечно, не исчерпывается непосредственной выдачей ссудъ, но оказываетъ и большое косвенное вліяніе на условія сельскаго кредита въ губерніи вообще, ограничивая ничѣмъ не стѣснявшіеся ранѣе произволъ и эксплуатацію крестьянъ ростовщиками, естественно понижая процентъ и во всѣхъ частныхъ формахъ кредита.

Проектъ вятскаго губернскаго земскаго сельскохозяйственно-промышленнаго банка ставитъ уже дѣло сельскаго кредита на болѣе широкихъ основаніяхъ. Пунктъ 3-й этого проекта гласитъ: „банкъ, имѣя непосредственной своей цѣлью доставленіе дешеваго, доступнаго кредита мѣстному населенію, ставитъ вмѣстѣ съ тѣмъ своей задачей объединеніе всѣхъ кредитныхъ операцій губернскаго земства, имѣющихъ вышепомянутую общую цѣль: привлеченіе свободныхъ капиталовъ края на удовлетвореніе нуждъ

бѣднѣйшей части населенія, въ видахъ увеличенія продуктивности ея труда, и поднятіе ея благосостоянія, посредничество между нуждающимся въ оборотныхъ средствахъ для развитія своей дѣятельности трудовыми элементами деревни и—государственнымъ банкомъ и, наконецъ, удешевленіе не только прямымъ, но и косвеннымъ образомъ сельскаго кредита вообще". Въ вѣдѣніе губернскаго банка предположено передать слѣдующія ссудно-коммиссіонныя операціи и капиталы губернскаго земства (въ 1898 г.): по снабженію безлошадныхъ лошадьми 100.000 р., по оборотамъ кустарнаго склада 75.000 р., по сельско-хозяйственному складу 60.000 р., по хлѣбнымъ ломбардамъ 53.000 р., по выдачѣ пособій для образованія основныхъ капиталовъ товариществъ мелкаго кредита 33.000 р., по выдачѣ ссудъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ 3.000 р., по улучшенію скотоводства 5.500 руб., по выдачѣ ссудъ кустарямъ 13.000 р., по распространенію улучшенныхъ сѣмянъ 5.500 р., всего на сумму 348.000 р. Эти капиталы и должны составить первоначальный основной капиталъ банка. Сумма же обязательствъ банка впослѣдствіи по пріему вкладовъ и займамъ будетъ равна пятикратному размѣру основного капитала.

III.

Съ превращеніемъ натуральнаго хозяйства въ денежное, съ развитіемъ мірового рынка и конкурренціи, всякое производство, какое бы оно ни было, въ томъ числѣ и крестьянское земледѣльческое и кустарное, для того, чтобы быть жизнеспособнымъ, необходимо должно обладать совершенной для даннаго момента техникой и оборотнымъ капиталомъ. Слабыя и отсталыя предпріятія безъ совершенной техники и капитала естественно обречены на гибель. Примѣненіе лучшаго инвентаря, а затѣмъ и механической и паровой силы становится все болѣе и болѣе непремѣннымъ условіемъ коммерчески выгоднаго, т.-е. жизнеспособнаго производства. Тому же условію должно удовлетворять и мелкое крестьянское хозяйство, если оно жизнеспособно и дѣйствительно можетъ достигнуть этого путемъ обобществленія труда, сбыта и потребленія, что̀ и подтверждается примѣромъ западной Европы. Во Франціи, Германіи, даже въ бѣдной до сихъ поръ Италіи, крестьянство быстро и съ замѣчательнымъ успѣхомъ организуется въ сельско-хозяйственные и промышленные синдикаты для цѣлей производительныхъ, кредитныхъ, тор-

гово-коммиссіонныхъ и потребительныхъ; синдикаты, въ свою очередь, въ тѣхъ же цѣляхъ объединяются въ центральные союзы, которые и придаютъ въ настоящее время всю силу и значеніе мелкимъ крестьянскимъ коопераціямъ. Напримѣръ, во Франціи въ немногіе годы (начиная съ 1884 г.) основалось 2.700 крестьянскихъ синдикатовъ, съ числомъ членовъ ихъ до 800.000 человѣкъ, причемъ почти всѣ эти синдикаты объединены или въ „центральный союзъ сельско-хозяйственныхъ синдикатовъ Франціи", или въ существующіе 10 „областныхъ союзовъ". Въ составъ „центральнаго союза" въ настоящее время входятъ 970 синдикатовъ, насчитывающихъ до 315.000 членовъ: „юго-восточный союзъ" объединяетъ 260 синдикатовъ и т. д. Союзы синдикатовъ организовали широкій и разнообразный кредитъ для своихъ членовъ, основанный не столько, однако, на ихъ сбереженіяхъ, сколько на капиталахъ, ссуженныхъ государствомъ, банками и пр. И во Франціи сельскій кредитъ еще не можетъ основываться исключительно на сбереженіяхъ самихъ мелкихъ производителей. И во Франціи сельскому населенію, конечно, не менѣе нужна помощь государства въ организаціи кредита, какъ и крупной промышленности.

Но въ Россіи, гдѣ крестьянство еще такъ невѣжественно, бѣдно, вообще такъ некультурно, такъ обезсилено язвою ростовщическаго кредита,—несомнѣнно,—пока совсѣмъ нѣтъ почвы для широкаго развитія крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ синдикатовъ обществъ и ихъ союзовъ, основанныхъ на взаимопомощи, сбереженіяхъ, самодѣятельности и самостоятельности. Для русскаго крестьянства пока еще совершенно необходимо посредничество культурныхъ и интеллигентныхъ группъ страны. Отъ язвы ростовщическаго кредита необходимо сильное противодѣіе въ видѣ благоустроеннаго и благожелательнаго государственнаго и земскаго кредита для сельскаго населенія. Роль союзовъ крестьянскихъ синдикатовъ Франціи и Германіи въ Россіи необходимо должны взять на себя государство и земство.

Именно, государство и земство—и то, и другое, потому что при современныхъ условіяхъ нельзя возлагать исключительно большихъ надеждъ въ данной области на одно земство. Во-первыхъ, земство, въ настоящее время являющееся по преимуществу дворянскимъ по составу, все болѣе и болѣе теряетъ всесословный, безпристрастный характеръ своихъ тенденцій, такъ что во многихъ случаяхъ большинство гласныхъ уже не только не принимаетъ близко къ сердцу интересовъ крестьянства, но настроено даже враждебно къ послѣднему; вражда эта вызы-

вается, конечно, историческимъ развитіемъ обостренія классовыхъ отношеній; помѣщикъ-земецъ, измучившійся дома съ своими рабочими, переноситъ и въ земское собраніе свое озлобленное настроеніе противъ рабочихъ, а отсюда, путемъ обобщенія, и на весь „народъ“. Понятно поэтому, почему теперь нерѣдко въ земскихъ собраніяхъ приходится слышать заявленія о томъ, что „слишкомъ довольно съ мужика и тѣхъ заботъ, которыми занималось до сихъ поръ земство“. Во-вторыхъ, наше земство всегда отличалось чрезмѣрной робостью въ своихъ экономическихъ предпріятіяхъ, почему послѣднія оказывались во многихъ случаяхъ палліативами; между тѣмъ въ настоящее время могутъ получить силу и значеніе только тѣ экономическія мѣропріятія, которымъ будетъ приданъ широкій, крупный, коммерчески-капиталистическій характеръ, отвѣчающій требованіямъ момента. Пора робкихъ культурныхъ начинаній въ маленькомъ масштабѣ миновала. Всѣ экономическія и агрономическія предпріятія должны быть широко и основательно оборудованы и снабжены значительнымъ оборотнымъ капиталомъ. Правда, земство стѣснено въ своихъ смѣтахъ, но это обстоятельство въ дѣлѣ организаціи народнаго кредита въ сущности не могло бы явиться, въ особенности на первыхъ порахъ, большимъ тормазомъ, потому что постановка кредитныхъ операцій въ дѣйствительности и не потребуетъ большихъ бюджетныхъ затратъ и увеличенія земскаго обложенія,— для нихъ нужны лишь большія оборотныя средства, и эти средства земство съ полнымъ удобствомъ можетъ взять изъ своихъ запасныхъ и спеціальныхъ, преимущественно страховыхъ капиталовъ. Каждое губернское земство имѣетъ по нѣсколько милліоновъ такихъ капиталовъ, которые въ настоящее время находятся безъ оборота и потому, можно сказать, непроизводительно сдаются въ государственный банкъ изъ 3,8%. При томъ же, при организаціи кредитныхъ учрежденій, земскія суммы необходимы только для образованія основного капитала; оборотный же капиталъ всегда легко можетъ быть образованъ путемъ пріема вкладовъ и займовъ. Но вопросъ въ томъ, способны ли земскія учрежденія въ современномъ ихъ составѣ къ осуществленію экономическихъ мѣропріятій въ широкомъ и крупномъ масштабѣ, въ интересахъ крестьянскаго населенія? Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить то обстоятельство, что земство въ настоящее время ведетъ съ успѣхомъ такое крупное, хотя и несложное предпріятіе, какъ земское страхованіе построекъ отъ огня.

Но самый главный мотивъ въ пользу государственнаго участія

въ организаціи сельскаго кредита—тотъ, что потребность въ послѣднемъ крестьянства столь велика, что земство, конечно, не въ состояніи удовлетворить ее съ помощью своихъ, все-же, миніатюрныхъ, въ общемъ, капиталовъ, хотя бы и усиленныхъ частными вкладами и займами. Между тѣмъ государственный банкъ, собравшій въ однѣхъ сберегательныхъ кассахъ 518 милліоновъ рублей мелкихъ вкладовъ, уже въ силу логики и справедливости долженъ обратить эту сумму на дѣло мелкаго же, сельскаго кредита. Это ясно какъ Божій день. И наше финансовое вѣдомство еще недавно вполнѣ, повидимому, признавало логичность и справедливость такой постановки вопроса. По крайней мѣрѣ, Высочайше утвержденный въ 1894 г. новый уставъ государственнаго банка заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ столь прекрасныхъ законоположеній о мелкомъ кредитѣ, что можно было быть увѣреннымъ, что отнынѣ откроются широкія перспективы для крестьянскаго хозяйства. Но, увы, все это оказалось мертвою буквою.

Напомнимъ же наиболѣе интересныя для насъ статьи устава государственнаго банка 1894 г. Украшеніемъ его является положеніе о сельскихъ и уѣздныхъ агентствахъ государственнаго банка (12 октября 1894 года). По ст. 1 этого положенія, агентства государственнаго банка, учреждаемыя въ городахъ, мѣстечкахъ или селахъ, состоятъ изъ агента, и, въ случаѣ необходимости, помощника его и письмоводителя. На агентство возлагается: а) самостоятельное производство на мѣстахъ простѣйшихъ банковыхъ операцій; б) исполненіе разнаго рода дѣйствій по операціямъ, производимымъ непосредственно конторами и отдѣленіями банка (пріемъ заявленій отъ заемщиковъ, осмотръ залоговъ, наблюденіе за употребленіемъ промышленныхъ ссудъ и за сохранностью залоговъ по ссудамъ, принятіе мѣръ взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ и т. п.); в) собираніе необходимыхъ для банковаго управленія свѣдѣній о мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ и кредитоспособности заемщиковъ, и г) исполненіе различныхъ порученій того учрежденія банка, при коемъ агентство учреждено (ст. 2). Главную обязанность агентовъ составляетъ выдача мелкихъ промышленныхъ ссудъ (ст. 12). Агенты выдаютъ эти ссуды подъ обезпеченіе: а) поручительствомъ лицъ, признанныхъ благонадежными указаннымъ въ уставѣ банка порядкомъ; б) продуктами производства; в) инвентаремъ (орудіями производства) и г) другими движимыми залогами, а также безъ всякаго обезпеченія, по личному довѣрію. Размѣръ вышеозначенныхъ ссудъ не долженъ превышать въ общей сложности 100 р.

одному лицу (ст. 13). Кругъ лицъ, имѣющихъ пользоваться этими ссудами, ограничивается группою мелкихъ производителей, каковы: крестьяне, ремесленники, кустари. Характерною особенностью мелкихъ промысловъ и хозяйствъ, могущихъ пользоваться ссудами на основаніи этихъ правилъ, является *участіе* въ *работѣ самого заемщика* и *членовъ* его *семьи*, хотя бы при помощи нѣкотораго небольшого числа наемныхъ рабочихъ (ст. 14). Ссуды могутъ быть выдаваемы по снабженію хозяйствъ оборотнымъ капиталомъ и необходимымъ инвентаремъ, а также на необходимые расходы по содержанію заемщика и его семьи, вплоть до реализаціи продуктовъ производства (15). Для облегченія производства мелкихъ промышленныхъ ссудъ агенты содѣйствуютъ соединенію мелкихъ заемщиковъ въ товарищества, ссуды коимъ могли бы быть выдаваемы за круговою порукою членовъ (18). По отношенію къ заемщикамъ-крестьянамъ могутъ быть представляемы поручительства сельскихъ обществъ, а по отношенію къ разнаго рода ремесленникамъ — поручительство артелей (21). Отсрочки по ссудамъ, выданнымъ агентомъ, разрѣшаются по его усмотрѣнію (30). Агентамъ можетъ быть предоставлено принимать вклады на срокъ, безсрочно, на текущій счетъ и на храненіе, на общихъ основаніяхъ, до назначенныхъ для даннаго агентства предѣловъ (31). Агентамъ могутъ быть поручены сверхъ того: выдача ссудъ подъ товары и процентныя бумаги, учетъ мелкихъ векселей и купоновъ отъ цѣнныхъ бумагъ, государственныхъ и частныхъ, переводъ денежныхъ суммъ, какъ по переводнымъ билетамъ, такъ и по телеграфу, на основаніи общихъ правилъ, размѣнъ крупныхъ кредитныхъ билетовъ, пріемъ платежей по ссудамъ и заявленій объ отсрочкахъ и разсрочкахъ, взысканіе по ссудамъ того банка, которому агентство подчинено, а также и пріемъ порученій отъ разнаго рода довѣрителей на покупку и продажу процентныхъ бумагъ, на полученіе различныхъ платежей и производство уплатъ. О районѣ дѣятельности агента, равно какъ и о мѣстѣ его жительства и его обязанностяхъ, мѣстное населеніе поставляется въ извѣстность публикаціями въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также черезъ посредство правительственныхъ лицъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій и, въ частности, желѣзно-дорожныхъ и иныхъ перевозочныхъ предпріятій, съ выставленіемъ на видныхъ мѣстахъ объявленій объ операціяхъ, производимыхъ агентами (4). Присутственное время должно быть назначаемо агентомъ, съ утвержденія подлежащаго учрежденія банка, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, съ тѣмъ, чтобы оно было продолжительностью не менѣе четырехъ часовъ

въ первую половину дня и не менѣе одного часа вечеромъ (9). Но агентъ не ограничивается исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей въ мѣстѣ своего постояннаго пребыванія, но дѣлаетъ, по возможности, частыя поѣздки въ предѣлахъ своего района, посѣщая наиболѣе значительные пункты и ярмарки. Во время отсутствія агента, имѣющаго помощника, сей послѣдній замѣщаетъ агента (5).

Такимъ образомъ сельское агентство государственнаго банка является само по себѣ всестороннимъ банковымъ учрежденіемъ, могущимъ внести въ деревенскую хозяйственную жизнь цѣлый переворотъ въ кредитныхъ и финансовыхъ условіяхъ, а значитъ, и въ производственныхъ и торговыхъ. Въ рукахъ интеллигентныхъ, безпристрастныхъ и умѣлыхъ, агентство явится культурнѣйшимъ центромъ—источникомъ новой жизни въ деревнѣ. Полмилліарда рублей, собранныхъ сберегательными кассами государственнаго банка въ формѣ мелкихъ вкладовъ, и должны были, по всей справедливости и логикѣ, составить оборотный капиталъ сельскихъ агентствъ. Болѣе прекраснаго по его цѣлесообразности и постановкѣ устава сельскаго государственнаго кредитнаго учрежденія трудно было и придумать. Этотъ уставъ былъ опубликованъ въ 1894 году. И если бы къ 1901 году Россія покрылась сѣтью подобныхъ прекрасныхъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій, то русское крестьянство встрѣтило бы начало XX-го вѣка съ обновленной силой, съ здоровой энергіей и ясными надеждами. Свѣтлая перспектива прочнаго крестьянскаго хозяйственнаго строя, покоящагося на благоустроенномъ нормальномъ кредитѣ—этомъ основномъ факторѣ культуры, была бы для него открыта.

Но, увы, сельскія агентства государственнаго банка такъ и остались прекрасною мечтою; до сихъ поръ государственнымъ банкомъ не открыто ни одного агентства. Уставъ ихъ явился словно поэтическимъ созданіемъ государственной мудрости и справедливости, но какія-то темныя причины помѣшали его осуществленію въ жизни.

Какія же причины? Курское губернское земское собраніе сессіи 1898 года постановило ходатайствовать предъ правительствомъ о скорѣйшемъ открытіи въ курской губерніи сельскихъ агентствъ государственнаго банка по уставу 1894 г. въ цѣляхъ организаціи столь необходимаго благоустроеннаго мелкаго сельскаго кредита. Въ отвѣтъ на это ходатайство, министерство финансовъ сообщило, что, за послѣдовавшимъ съ 1897 года введеніемъ простѣйшихъ банковыхъ операцій въ казначействахъ, го-

сударственный банкъ призналъ необходимымъ повременить дальнѣйшимъ увеличеніемъ подотчетныхъ ему учрежденій, и въ виду сего къ открытію агентствъ не приступаетъ. Но въ томъ же отвѣтѣ министерство финансовъ рекомендуетъ земству самому организовать „кредитъ для крестьянскаго населенія и мелкихъ кустарей и ремесленниковъ", исходатайствовавъ въ государственномъ банкѣ посредническіе кредиты для выдачи мелкихъ промышленныхъ ссудъ. Къ этому министерство финансовъ добавляетъ, что для той же цѣли могутъ послужить кредитныя товарищества.

Изъ приведеннаго отвѣта министерства финансовъ очень трудно усмотрѣть дѣйствительный мотивъ, по которому открытіе агентствъ государственнаго банка, т.-е. дѣло народнаго кредита въ Россіи, снова „положено подъ сукно" или заперто подъ замокъ въ ящикъ министерскаго стола. Почему банкъ призналъ необходимымъ повременить дальнѣйшимъ увеличеніемъ подотчетныхъ ему учрежденій? По недостатку средствъ? Повидимому, нѣтъ, потому что земству рекомендуется испросить посредническіе кредиты изъ того же государственнаго банка. Или здѣсь скрывается мысль, что посредническіе кредиты земству, конечно, никогда не получатъ большого размѣра и развитія, въ силу многихъ причинъ.

Одну изъ этихъ причинъ мы сейчасъ укажемъ. Даже при самой полной готовности и способности того или иного земства взять на себя организацію сельскаго кредита, основаннаго, напримѣръ, хотя бы на полученіи посредническихъ кредитовъ изъ государственнаго банка, земство можетъ встрѣтить въ этомъ дѣлѣ препятствія прежде всего со стороны того же министерства финансовъ. Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ примѣръ. Для производства земствомъ кредитныхъ операцій нужна, конечно, извѣстная соотвѣтственная организація, уставъ, особыя лица,—однимъ словомъ, земскій банкъ въ томъ или иномъ его видѣ. Только точно и основательно организованному земскому банку земская управа и можетъ довѣрить тѣ посредническіе кредиты, которые она возьметъ изъ государственнаго банка. Такіе кредиты и сложныя операціи по нимъ, какъ мы видѣли выше, нельзя поручить какому-нибудь столу при земской управѣ. Чтобы избѣжать напрасной игры въ кредитныя бирюльки, земство, рѣшающееся взять на себя дѣло народнаго кредита, должно устроить для его успѣшнаго веденія спеціальный земскій банкъ съ агентами или отдѣленіями на мѣстахъ.

Какъ же относится въ настоящее время министерство финансовъ, предлагающее земствамъ испрашивать посредническіе

кредиты изъ государственнаго банка для цѣлей организаціи мелкаго кредита—къ учрежденію земскихъ банковъ? Министерство совсѣмъ не разрѣшаетъ ихъ. Въ 1899 году то же курское губернское земское собраніе ходатайствовало предъ правительствомъ объ утвержденіи устава земскаго меліоративнаго сельско-хозяйственно-промышленнаго банка, съ преимущественной цѣлью мелкаго сельскаго кредита, путивльскаго (курской губерніи) уѣзднаго земства, скопившаго для этого заранѣе особый предварительный основной капиталъ въ 30.000 рублей. И что же? Въ отвѣтъ на указанное ходатайство министерство финансовъ отвѣтило, что „27-го апрѣля 1898 года утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ условіяхъ ликвидаціи участія земскихъ учрежденій въ кредитныхъ установленіяхъ, причемъ пунктомъ IV сего узаконенія отмѣнены статьи 59—66 раздѣла X уст. кредитн., на основаніи коихъ до сего времени учреждались кредитныя учрежденія при посредствѣ земства. Въ виду таковой отмѣны вышеуказанныхъ статей устава кредитнаго, ходатайство курскаго земства объ учрежденіи земскаго хозяйственнаго и промышленнаго банка въ настоящее время не можетъ быть удовлетворено". Что это значитъ? Обращаемся къ тексту упомянутаго мнѣнія государственнаго совѣта и находимъ, что толкованіе его министерствомъ финансовъ, повидимому, не соотвѣтствуетъ его истинному смыслу: въ данномъ мнѣніи, неясно выраженномъ, имѣется въ виду какъ будто лишь ликвидація участія земства въ кредитныхъ учрежденіяхъ частнаго акціонернаго типа.

Итакъ, въ результатѣ—ни агентствъ государственнаго банка, ни земскихъ банковъ. Можно было ожидать, по крайней мѣрѣ, что существующія отдѣленія и конторы государственнаго банка хотя и въ небольшой мѣрѣ разовьютъ операціи по сельскому кредиту, о которыхъ такъ много говорится въ новомъ уставѣ банка. Но и этого не только нѣтъ, но даже, напротивъ, въ послѣдніе годы государственный банкъ вообще сократилъ всѣ свои кредиты по сельскому хозяйству, не только для крестьянъ, но и для землевладѣльцевъ. Такъ, начинавшіяся-было развиваться операціи по выдачѣ ссудъ на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ машинъ и орудій въ послѣднее время сокращены до minimum'а. Операціи по выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ, которыя имѣлось въ виду распространить на сельскихъ хозяевъ и на крестьянское населеніе, приняли такое направленіе, что ими пользуются лишь хлѣбные скупщики-перекупщики для своихъ тонкихъ кулаческихъ махинацій по осенней скупкѣ дешеваго крестьянскаго хлѣба.

Интересно, что нѣсколько интеллигентныхъ управляющихъ

провинціальными конторами государственнаго банка, какъ, напримѣръ, въ Калугѣ, пользуясь новымъ уставомъ банка, предприняли-было въ значительномъ масштабѣ операціи по мелкому кредиту,—и дѣло пошло у нихъ прекрасно: государственный банкъ быстро пріобрѣлъ популярность среди крестьянскаго населенія, наладился образцовый порядокъ выдачи ссудъ, крестьяне оказались исправнѣйшими заемщиками, объ убыткахъ банка нельзя было и думать,—и что же?—Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, циркуляры центральнаго управленія банка вдругъ наложили „veto“ на всѣ операціи по выдачѣ ссудъ крестьянамъ и мелкимъ промышленникамъ. Почему—неизвѣстно.

Такимъ образомъ, всѣ отдѣлы новаго устава государственнаго банка, касавшіеся народнаго кредита, оказались лишь ракетой, безслѣдно разсыпавшейся въ пространствѣ.

Нельзя не вспомнить почтеннаго господина, управлявшаго въ 1896 году однимъ изъ провинціальныхъ отдѣленій государственнаго банка, который, буквально, гналъ изъ банка крестьянъ, пришедшихъ къ нему съ ходатайствами о ссудахъ, на основаніи устава банка 1894 г., выполнившихъ предварительно всѣ необходимыя для этого формальности, т.-е. представившихъ требуемыя уставомъ обезпеченія и пр., заявляя имъ безъ всякаго смущенія: „Все это вранье! Никакого новаго устава банка нѣтъ! Никакихъ ссудъ крестьянамъ не полагается“!.. Лицамъ же изъ среды мѣстнаго общества, ходатайствовавшимъ о ссудахъ для крестьянъ, онъ объяснялъ: „Будто возможно выдавать ссуды крестьянамъ,—они пропьютъ ихъ“!..

Такова иронія судьбы государственнаго народнаго кредита въ Россіи. И русское крестьянство снова осталось съ своимъ разбитымъ корытомъ—ссудо-сберегательными товариществами и волостными вспомогательными кассами, составляющими въ итогѣ одинъ порядочный минусъ. Правда, въ утѣшеніе явилось еще положеніе 1895 года о кредитныхъ товариществахъ. Въ 1899 г. главный инспекторъ государственнаго банка благоволилъ, съ своей стороны, тому же курскому губернскому земству, которое получило отказъ въ утвержденіи устава уѣзднаго земскаго сельскохозяйственно-промышленнаго банка и въ открытіи въ курской губерніи агентствъ государственнаго банка, рекомендовать кредитныя товарищества, причемъ въ заключеніе писалъ: „образовавъ кредитное товарищество на весь уѣздъ, земство могло бы обезпечить ему вполнѣ интеллигентное управленіе и передать выдачу ссудъ изъ земскихъ складовъ“. Но какимъ образомъ земство можетъ выполнить эти невыполнимыя предложенія—онъ не

указалъ. Какимъ образомъ земство можетъ обезпечить товариществу, избирающему большинствомъ голосовъ правленіе изъ среды своихъ членовъ, интеллигентное управленіе? Какимъ способомъ земство можетъ поручить частному постороннему учрежденію выдачу ссудъ изъ земскихъ складовъ машинъ и орудій?

Много ли кредитныхъ товариществъ устроилось въ Россіи со времени изданія положенія о нихъ въ 1895 году по сіе время? Только 11 съ основнымъ капиталомъ въ 9.245 р. и съ суммой вкладовъ въ 11.731 р., итого 20.976 р. Вся эта сумма, даже бо́льшая (21.193 р.),—и выдана уже въ ссуды. Нужно ли говорить, что подобная дѣятельность кредитныхъ товариществъ—ничтожная капля въ морѣ народной нужды въ кредитѣ? Притомъ же, кредитныя товарищества, по своему характеру и отрицательному значенію для массы крестьянскихъ хозяйствъ, совершенно сходны съ пресловутыми и достаточно уже испытанными ссудо-сберегательными товариществами; они также могутъ оказать услугу лишь деревенскимъ ростовщикамъ въ ущербъ среднимъ и бѣднымъ группамъ крестьянства. Вообще же, они не имѣютъ почвы для своего развитія въ народной хозяйственной жизни, какъ и ссудо-сберегательныя товарищества, что̀ и доказывается уже вышеприведенными данными объ ихъ количествѣ и дѣятельности за $5^1/_2$ лѣтъ со времени изданія положенія о нихъ. А между тѣмъ это положеніе о кредитныхъ товариществахъ до сихъ поръ черезчуръ соблазняетъ многихъ наивныхъ людей: на нихъ возлагаютъ всѣ надежды, о нихъ пишутъ и говорятъ въ земскихъ собраніяхъ; на нихъ указываетъ финансовое вѣдомство, отказывая въ государственномъ народномъ кредитѣ и даже въ разрѣшеніи земскихъ банковъ. Въ дѣйствительности же они лишь затемняютъ и замаскировываютъ сущность вопроса о сельскомъ кредитѣ въ Россіи, представляясь объектомъ для упованій легковѣрныхъ и для отговорокъ оппортунистовъ.

Изъ всего вышеизложеннаго, надѣемся, достаточно выяснилось, какія формы народнаго кредита въ Россіи должно признать въ настоящее время, не обманывая ни себя, ни другихъ, дѣйствительно полезными и практичными. Это не ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества, основанныя на сбереженіяхъ, взаимопомощи, самоуправленіи и самодѣятельности самихъ крестьянъ, для которыхъ въ Россіи совсѣмъ еще нѣтъ почвы, а уѣздныя и сельскія агентства государственнаго банка—съ одной стороны, и земскіе губернскіе и уѣздные банки съ ихъ уполномоченными агентами въ селахъ—съ другой стороны. Дѣло народнаго кредита такъ неотложно и обширно, что постановка

его можетъ быть осуществлена лишь совмѣстными усиліями правительства и земства. Планъ организаціи агентствъ государственнаго банка, уже узаконенный, является совершенно практичнымъ, яснымъ и точнымъ: они какъ нельзя болѣе удобны для постановки не только долгосрочнаго меліоративнаго (на сельскохозяйственныя и промысловыя улучшенія) кредита, но и краткосрочнаго кредита (на оборотныя средства и текущія нужды хозяйства мелкихъ производителей). Ссудныя операціи ихъ съ удобствомъ могутъ быть гарантированы всѣми видами обезпеченій, начиная отъ личнаго довѣрія агента до вещевыхъ залоговъ включительно. Авторитетное, какъ правительственное учрежденіе, и въ то же время близкое къ населенію, потому что по уставу сельскій агентъ долженъ обязательно основательно изучить всѣ мѣстныя условія для его дѣятельности, — сельское агентство государственнаго банка будетъ имѣть полную возможность вести и развить свои операціи широко, аккуратно, безъ риска, преслѣдуя помощь дѣйствительно нуждающейся въ кредитѣ части населенія. Конечно, къ труднымъ обязанностямъ агентовъ должны быть привлечены образованные, интеллигентные чиновники, но и это вполнѣ выполнимо, какъ показываетъ примѣръ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, которыя съумѣли же образовать для себя, повидимому, достаточный контингентъ честныхъ и дѣловыхъ чиновниковъ. Агентства, безъ сомнѣнія, не только не потребуютъ какихъ-либо бюджетныхъ затратъ, будутъ не только учрежденіями сами себя окупающими, но будутъ въ извѣстной мѣрѣ даже доходными предпріятіями. Отъ государства не потребуется ни малѣйшихъ жертвъ для самой широкой организаціи агентствъ. Для образованія оборотнаго капитала ихъ по всей справедивости должна быть обращена хотя бы часть тѣхъ капиталовъ, которые уже собраны сберегательными кассами государственнаго банка. Далѣе же, такъ какъ агентства могутъ брать по ссудамъ сравнительно высокій процентъ (для крестьянъ, уплачивающихъ нынѣ ростовщикамъ до 1.200% годовыхъ, никакой процентъ не покажется высокимъ; 12% годовыхъ будутъ для нихъ необычайнымъ благодѣяніемъ; ссудо-сберегательныя товарищества въ настоящее время взимаютъ по ссудамъ до 36%), и они могутъ уплачивать и настолько значительный процентъ по частнымъ вкладамъ, такъ что предложеніе послѣднихъ будетъ громаднымъ. Приливъ же частныхъ вкладовъ дастъ возможность агентствамъ въ широкой степени развить свои операціи и насытить громадную нужду крестьянства въ кредитѣ. Однимъ словомъ, впереди широкая и свѣтлая перспектива могущественной организаціи,

которая должна бы была представляться заманчивой и для правительства. И это не утопія, это—вѣрное дѣло безъ риска, потому что нельзя считать некредитоспособнымъ наше крестьянство, которое въ настоящее время въ состояніи уплачивать баснословные проценты по ростовщическому кредиту. Кредитоспособность крестьянина есть его рабочая кредитоспособность. Залогомъ кредитоспособности можетъ быть уже его заработная плата. Притомъ же крестьянинъ и мелкій промышленникъ главнѣйшимъ образомъ кредитуются для пріобрѣтенія живого и мертваго инвентаря, который уже самъ по себѣ можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ выданной ссуды. Всѣ примѣры земской организаціи народнаго кредита свидѣтельствуютъ, что крестьяне—наиболѣе исправные заемщики, чѣмъ какія-либо другія промышленныя группы страны. Опытъ кредита въ земскихъ сельско-хозяйственныхъ складахъ машинъ и орудій повсюду подтверждаетъ этотъ фактъ.

Уѣздныя и сельскія агентства государственнаго банка естественно будутъ заняты главнѣйшимъ образомъ операціями по кредиту на оборотныя средства и текущія нужды хозяйства и промысла. Кредитъ же меліоративный, болѣе или менѣе долгосрочный, для сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ улучшеній, съ большимъ удобствомъ возьмутъ на себя земскіе губернскіе и уѣздные банки.

Организація земскихъ меліоративныхъ банковъ должна быть положена въ основу всѣхъ земскихъ экономическихъ и агрономическихъ мѣропріятій. Возьмите любое мѣропріятіе земства по содѣйствію сельскому хозяйству и промысламъ—и вы всегда прежде всего встрѣтитесь съ необходимостью организованнаго кредита. Я даже затрудняюсь указать хотя бы одно земское мѣропріятіе экономическаго и агрономическаго характера (кромѣ, конечно, распространенія народнаго образованія, общаго и техническаго, какъ первѣйшей основы всей экономической и агрономической дѣятельности, хотя и въ данномъ случаѣ весьма полезенъ кредитъ сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій), которое бы не стояло въ самой тѣсной связи съ потребностью въ кредитѣ. Развѣ сельско-хозяйственныя выставки? Но даже и въ этомъ случаѣ, при идеальной ихъ постановкѣ, выставки должны бы быть популярными районными аукціонами, на подобіе ярмарокъ, на которыхъ мѣстные хозяева и крестьяне, селенія и сельскія общества могли бы пріобрѣтать лучшихъ производителей скота, лучшія сѣмена и т. п., въ видахъ чего на выставкахъ и должны бы присутствовать агенты земскихъ меліо-

ративныхъ банковъ, для удовлетворенія запросовъ крестьянъ на кредитъ. Мы уже не говоримъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ орудій, улучшенныхъ сѣмянъ, травосѣянія, земельныхъ меліорацій. По настоящее время, въ большинствѣ земскихъ губерній, сельскохозяйственно-экономическая дѣятельность земства и имѣетъ какіе-либо осязательные результаты лишь по устройству сельско-хозяйственныхъ складовъ орудій и сѣмянъ, и именно, благодаря постановкѣ въ нихъ, хотя и очень робкой, кредита. Но какъ еще миніатюрна, въ сущности, эта дѣятельность по отношенію ко всей массѣ населенія! Достаточно сказать, что всѣ, взятыя вмѣстѣ, экономическія мѣропріятія всѣхъ видовъ, всѣхъ 34 земствъ Россіи основываются на оборотномъ капиталѣ въ 2.642.000 р., при бюджетныхъ затратахъ въ 1.768.000 р., причемъ значительная часть этихъ суммъ приходится на долю немногихъ земствъ. Это капля въ морѣ запросовъ народнаго хозяйства. Во многихъ губерніяхъ сельскохозяйственно-экономическая дѣятельность земства не выходитъ за предѣлы жалкихъ палліативовъ.

Только широкая постановка кредита, только широкое привлеченіе къ земскимъ экономическимъ мѣропріятіямъ, а значитъ, и къ народному хозяйству, значительныхъ оборотныхъ средствъ, въ формѣ организаціи земскихъ меліоративныхъ банковъ, могутъ вывести земство изъ узкихъ и жалкихъ рамокъ палліатива на путь серьезной экономической дѣятельности. Оборотныя средства земство можетъ образовать частью путемъ позаимствованій изъ своихъ спеціальныхъ и запасныхъ капиталовъ, главнымъ же образомъ—путемъ привлеченія частныхъ вкладовъ, а также займами изъ государственнаго банка и меліоративнаго фонда министерства земледѣлія. Послѣднее обстоятельство, безъ сомнѣнія,—въ интересахъ и самого министерства земледѣлія, если оно желаетъ, чтобы его меліоративнымъ кредитомъ воспользовалось и крестьянское населеніе. Безъ агентовъ на мѣстахъ министерство, конечно, не можетъ распространить меліоративный кредитъ на крестьянскую массу.

Мы видѣли выше, что производство кредитныхъ операцій не можетъ взять на себя наличный составъ земскихъ управъ при имѣющихся обычныхъ канцелярскихъ силахъ и средствахъ, и что для серьезной постановки народнаго кредита необходимы особыя спеціальныя учрежденія — земскіе банки. И устройство ихъ не представитъ затрудненій новизны, потому что путь уже проложенъ,—отчасти на практикѣ—пермскимъ земствомъ, отчасти въ проектахъ—вятскимъ земствомъ. Необходимо лишь устране-

ніе тѣхъ препятствій къ учрежденію земскихъ банковъ, съ какими, напримѣръ, встрѣтилось курское земство. Необходимо изданіе нормальнаго устава земскихъ сельскохозяйственно-промышленныхъ банковъ, примѣнительно къ уставамъ пермскаго и проектируемаго вятскаго банковъ.

Итакъ, скорѣйшее повсемѣстное открытіе уѣздныхъ и сельскихъ агентствъ государственнаго банка, съ одной стороны, и земскихъ меліоративныхъ сельскохозяйственно-промышленныхъ банковъ, съ другой стороны,—вотъ необходимое условіе прогресса крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ. Будутъ агентства государственнаго банка и земскіе банки, будетъ благоустроенный, доступный, нормальный кредитъ для сельскаго населенія—и только тогда для крестьянства откроется возможность большей или меньшей равноправности сравнительно съ другими промышленными группами страны.

Николай Катаевъ.

ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ

и

ВОЛОСТЬ

По личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ.

„Паукъ полезенъ тѣмъ, что поѣдаетъ надоѣдливыхъ мухъ и комаровъ, и вреденъ тѣмъ, что уничтожаетъ также и рабочихъ пчелъ".

„Мірскіе захребетники", М. Богданова.

I.

Извѣстно, что о поступленіи волостного сбора всякое волостное правленіе заботится больше и прежде всѣхъ другихъ сборовъ, а потому недоборовъ по волостному сбору обыкновенно не бываетъ. Но въ 1897 году положеніе крестьянъ одного изъ уѣздовъ восточныхъ губерній, вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ, было такъ плохо, что даже и волостной сборъ поступилъ чуть ли не въ размѣрѣ половины годового оклада. Слѣдующій же, 1898 годъ, въ отношеніи поступленія сборовъ оказался уже совсѣмъ безнадежнымъ. Съ мая мѣсяца 1898 года, когда выяснился полный неурожай хлѣбовъ и травъ въ уѣздѣ, и вплоть до мая 1899 года, когда у крестьянъ явились кое-какіе посторонніе заработки, а скотина ихъ вышла на подножный кормъ,—волостной сборъ, какъ и всякій другой, почти совсѣмъ не поступалъ, или же поступалъ изъ случайныхъ источниковъ и въ совершенно ничтожномъ количествѣ. Да и ка-

кіе уже тутъ сборы съ крестьянъ, когда почти всѣ жители уѣзда [1]) принуждены были съ осени 1898 г. и до іюля 1899 г. питаться „голоднымъ“ пайкомъ [2]), выдаваемымъ изъ продовольственнаго капитала, и, за недостаточностью пайка, обращаться по-нищенски къ частной благотворительности. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ жители волости, сами обратившіеся въ нищихъ, не могли дать средствъ на содержаніе волостного правленія, хотя они отлично понимали, что регулярная дѣятельность этого учрежденія въ данное время для нихъ положительно необходима. И вотъ, въ то время, какъ средства на содержаніе волостныхъ правленій быстро приближались къ нулю, количество дѣлъ въ нихъ не только не уменьшилось, а напротивъ, все увеличивалось до безконечности. Еще съ весны 1898 г. отъ волостныхъ правленій были затребованы ближайшимъ и отдаленнымъ начальствомъ статистическія свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи крестьянскихъ дворовъ: о посѣвахъ, о скотѣ и прочее. Начиная же съ лѣта, на волостныя правленія посыпались, какъ изъ рога изобилія, безчисленныя строгія предписанія: по статистикѣ урожая хлѣбовъ и травъ, по описи имущественной состоятельности крестьянъ, по провѣркѣ на мѣстѣ общественныхъ приговоровъ о ссудѣ на обсѣмененіе и продовольствіе, по ежемѣсячному учету наличности нерабочаго населенія въ волости, по наблюденію за пріемкой и правильной раздачей ссудъ, а также по веденію счетоводства въ израсходованіи принятыхъ пайковъ муки, сѣна, посыпки и проч. Въ началѣ октября 1898 г., одинъ изъ знакомыхъ намъ волостныхъ писарей, В., сообщилъ, что часто ему приходится работать до полнаго изнеможенія, а питаться, какъ слѣдуетъ, не на что̀, такъ какъ, начиная съ іюня, т.-е. четыре мѣсяца, онъ не получаетъ ни ко-

---

[1]) За исключеніемъ немногихъ селеній по рр. Бѣлой, Камѣ и Заю, гдѣ обильный сборъ сѣна, продаваемаго по небывало-высокой цѣнѣ (25—45 к. пудъ), съ избыткомъ возмѣстилъ неурожай хлѣбовъ.

[2]) Солдаты, кромѣ приварка (щей и каши), получаютъ еще 3 ф. печенаго хлѣба на день. Норма же для голодающихъ была опредѣлена почему-то въ 33 ф. ржи или 30 ф. муки въ мѣсяцъ на одного человѣка, что̀, въ переводѣ на печеный хлѣбъ, составитъ только 1,5 ф. въ день на человѣка. Да и этотъ мизерный паёкъ, изъ опасенія, „какъ бы не развратить голодающее населеніе даровымъ хлѣбомъ“, выдавался не всѣмъ голодающимъ, а только *нерабочему* населенію (дѣтямъ до 15 лѣтъ, всѣмъ женщинамъ и старикамъ свыше 55 лѣтъ). Между тѣмъ и остальное *рабочее* населеніе, за невозможностью найти работу, большею частью поддерживало свое тщедушное существованіе на счетъ все того же нищенскаго пайка, еле-еле не умирая съ голоду или страдая отъ цынги и тифа. Не удивительно что крестьяне назвали продовольственный паекъ „голоднымъ“.

нѣйки жалованья. Зная В., какъ человѣка вполнѣ добросовѣстнаго (что̀ между писарями, сказать по правдѣ, встрѣчается крайне рѣдко), мы не сомнѣвались и не сомнѣваемся, что сообщеніе его—сущая правда. Поэтому осенью того же года мы помѣстили въ „Самарской Газетѣ“ замѣтку, въ которой, указывая на затруднительное положеніе волостныхъ писарей, говорили, что справедливость требуетъ, чтобы государство оказало помощь волостнымъ правленіямъ неурожайныхъ мѣстностей, такъ какъ учрежденія эти только по имени общественныя, а фактически являются низшими органами администраціи, въ вѣдѣніи которой они и состоятъ. Печатая замѣтку о волостныхъ писаряхъ, мы разсчитывали, что мѣстные земскіе начальники обратятъ на нее вниманіе и послѣдуютъ похвальному примѣру своихъ коллегъ, земскихъ начальниковъ чистопольскаго уѣзда, которые, при сходныхъ обстоятельствахъ въ 1891-1892 году, исходатайствовали на содержаніе волостныхъ правленій своего уѣзда безпроцентную ссуду изъ государственнаго банка. Однако, несмотря на то, что моя замѣтка была перепечатана въ „Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и, слѣдовательно, ставилась на видъ губернскимъ начальствомъ, мѣстные земскіе начальники не обратили серьезнаго вниманія на затруднительное положеніе волостныхъ писарей и не торопились придти на помощь волостнымъ правленіямъ. Зная, должно быть, практическую изворотливость своихъ подчиненныхъ, они надѣялись, что волостные писаря съумѣютъ сами о себѣ позаботиться и съ голоду все-таки не помрутъ. Возможно, конечно, что въ данномъ случаѣ земскіе начальники воздерживались отъ поспѣшности по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ (напримѣръ, имъ могла придти на умъ пословица: „поспѣшишь — людей насмѣшишь“). Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ доподлинно извѣстно, что къ дѣйствительному способу уврачеванія волостной нужды—къ ходатайству о помощи волостнымъ правленіямъ изъ государственныхъ средствъ—они не обратились, а стали пробовать, не торопясь, различныя „домашнія средства“. Такъ, въ январѣ 1899 г. нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ пытались сдѣлать заемъ на содержаніе волостныхъ правленій у извѣстныхъ елабужскихъ купцовъ Стахѣевыхъ, предлагая послѣднимъ уплатить за кредитъ 12% въ годъ и ручаясь за своевременный возвратъ займа жителями волостей. Такъ какъ, при бойкой торговлѣ, капиталъ можетъ приносить купцамъ до ста и болѣе % въ годъ чистой прибыли, то неудивительно, что попытка земскихъ начальниковъ окончилась полной неудачей. Оказалось, что ни у Стахѣевыхъ,

ни у другихъ купцовъ, къ которымъ обращались земскіе начальники, свободнаго капитала на рукахъ нѣтъ: весь употребленъ въ дѣло. Другими словами: такихъ богачей, которые не понимали бы своей выгоды, не нашлось. Зато отыскался такой попечитель о благосостояніи сельскаго населенія, который совѣтовалъ крестьянамъ занять денегъ на содержаніе волостныхъ правленій у мѣстныхъ сельскихъ богатѣевъ подъ залогъ избъ. Крестьяне поблагодарили, разумѣется, своего радѣтеля за добросердечное о нихъ попеченіе, но — совѣту его закабалиться къ деревенскимъ кулакамъ-ростовщикамъ не рѣшились послѣдовать. Не говоря уже о неудобствахъ кулацкой кабалы, крестьянъ удерживало отъ такого рискованнаго шага простое соображеніе, что въ случаѣ пожара вознагражденіе за ихъ сгорѣвшія избы получатъ кредиторы, а они, заемщики, останутся съ пустой сумой, безъ крова и безъ хлѣба. Такимъ образомъ, пока разыскивались „простыя, дешевыя домашнія средства“, голодное время прошло, и никакой помощи волостнымъ правленіямъ въ концѣ концовъ не было оказано.

На какія же средства, однако, содержались волостныя правленія неурожайныхъ мѣстностей, и какъ эти волостные писаря не умерли съ голоду, не получая жалованья почти круглый годъ? Вѣдь не могли же они цѣлый годъ питаться одной водой и воздухомъ? Извѣстно, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какой-то докторъ постился сорокъ сутокъ, питаясь одной водой и лежа неподвижно въ постели; но чтобы поститься круглый годъ, да притомъ усиленно работая,—такого случая еще не было и быть не можетъ. Въ данномъ случаѣ съ волостными писарями мы имѣемъ, очевидно, какое-то таинственное, изъ ряда вонъ выходящее, удивительное явленіе! Да, явленіе это дѣйствительно таинственное, но только ничего удивительнаго, если познакомиться съ нимъ поближе, оно не представляетъ, а есть лишь неизбѣжный результатъ обычной писарской тактики. Наблюдая больше десяти лѣтъ дѣятельность волостныхъ правленій въ сосѣднемъ уѣздѣ, а также и въ другихъ мѣстностяхъ, мы убѣдились, что помыслы всѣхъ волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ (за весьма немногими, впрочемъ, исключеніями) постоянно вращаются около одной и той же мысли: „пельзя ли тутъ какъ-нибудь попользоваться“? Естественно, что умъ волостныхъ писарей, упорно работающій въ одномъ и томъ же направленіи, до совершенства изощряется въ устройствѣ всякаго рода каверзъ и хитростей. Часто непосвященному въ таинства писарского художества и въ голову не приходитъ, что въ данномъ дѣлѣ можетъ быть какая-

нибудь „прижимка“ или „зацѣпка“; а волостной писарь, или достаточно опытный его помощникъ, моментально соображаетъ, какимъ образомъ можно извлечь тутъ пользу для себя. Возьмемъ для примѣра составленіе волостными правленіями страховыхъ вѣдомостей по обязательному страхованію. Кажется, что̀ можетъ быть невиннѣе такого занятія, какъ перепись строеній въ крестьянскихъ дворахъ для обязательнаго страхованія? И однако, намъ извѣстенъ несомнѣнный фактъ, что составленіе дополнительныхъ страховыхъ вѣдомостей на 1898 г. послужило одному помощнику сосѣдняго волостного писаря источникомъ приватнаго дохода, о чемъ мы узнали лишь случайно, благодаря наивной болтливости другого участника въ этой работѣ, такого же помощника писаря. Дѣло въ томъ, что жители этой самой волости, какъ и другихъ татарскихъ волостей, весьма неохотно страхуютъ свои строенія и, подчиняясь лишь по неволѣ правиламъ обязательнаго страхованія, всегда стараются, чтобы ихъ постройки были приняты на страхъ по возможности дешевле. Съ этой цѣлью понятые, бывшіе при составленіи вѣдомостей на 1897 годъ по селеніямъ упомянутой волости, умышленно понижали стоимость строеній, вслѣдствіе чего больше $^2/_3$ всѣхъ дворовъ въ этой волости были застрахованы на 1897 г. ниже нормы, въ суммахъ отъ трехъ до двадцати рублей. Между тѣмъ строенія въ этой волости весьма хорошія, крытыя по большей части тесомъ. Сообразивъ эти обстоятельства, помощникъ и воспользовался ими при составленіи дополнительныхъ страховыхъ вѣдомостей на 1898 г.; передъ обходомъ дворовъ въ селеніяхъ, онъ догадался распустить слухъ, что запишетъ всѣ дворы по нормѣ (20—40 рублей). И что̀ же? „Почитай-что въ каждомъ дворѣ,— разсказывалъ участвовавшій въ этомъ дѣлѣ наивный молодой парень,—насъ встрѣчали, какъ святыя иконы, съ отворенными воротами, предлагали намъ ѣсть и пить, а въ заключеніе давали „акча малà-малà“ [1]), и усердно просили: „Пожалста, ипташъ [2]), на моя изба дорогой цѣна не пиши!“ Такъ какъ на содержаніе каждаго волостного правленія — при самомъ сокращенномъ бюджетѣ—въ годъ требуется не меньше 1.000 рублей, то, значитъ, волостные писаря самымъ блестящимъ образомъ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды мѣстнаго начальства. Отнынѣ пальма первенства въ выполненіи магической формулы „ёнъ найдетъ“ по праву должна принадлежать

[1]) Немного денегъ.
[2]) Пріятель.

не мужику, который не устоялъ противъ голода, а волостнымъ писарямъ, которые такъ энергично выпроводили отъ себя голодную нужду. Правда, немногіе изъ волостныхъ писарей, которымъ совѣсть не позволяла употреблять беззастѣнчивыя средства противъ вломившейся въ ихъ домъ голодной нужды, терпѣли отъ послѣдней страшныя лишенія. Зато большинство волостныхъ писарей прожили голодный годъ не только не „съ горемъ пополамъ“, а, можно сказать, припѣваючи.

Въ чемъ же тутъ секретъ? Въ наше время никто ужъ не занимается алхимическими бреднями, и ловкіе люди, называемые „дѣльцами“, производятъ золото болѣе легкимъ способомъ,—посредствомъ самыхъ элементарныхъ ариѳметическихъ вычисленій. Волостные писаря тоже не отстали отъ прогресса въ наукѣ; они открыли замѣчательный математическій законъ: никакая величина не имѣетъ постояннаго значенія, а можетъ равняться, подобно алгебраическимъ символамъ, и $^1/_2$, и 0, и 2, и 10, словомъ—какому угодно безконечно-малому или безконечно-большому числу. Примѣняя этотъ законъ при записяхъ числа не-рабочихъ членовъ въ семьяхъ, числа отдѣльныхъ дворовъ и лошадей въ нихъ, для опредѣленія размѣра ссудъ изъ продовольственнаго капитала рожью, сѣномъ и сѣменами,—волостные писаря, какъ мы видѣли, не остались въ накладѣ. Приведемъ нѣкоторые изъ случаевъ практическаго примѣненія сказаннаго закона въ сосѣдней волости. Въ одномъ изъ ея селъ имѣвшійся у богатыхъ жителей свой хлѣбъ, по исчисленію волостного правленія, оказался равнымъ нулю, и потому эти жители получили ссуду на обсѣмененіе полей, а нѣкоторые изъ бѣдныхъ (напримѣръ, церковный сторожъ) не получили ссуды. Въ другой деревнѣ одинъ содержатель пивной лавки, имѣвшій при этомъ старую кладь хлѣба до четырехъ-сотъ пудовъ, получилъ ссуду на обсѣмененіе; тамъ же получила сѣмена въ ссуду одна крестьянка, имѣвшая также много своего хлѣба. Въ другихъ деревняхъ нѣкоторые изъ дворовъ оказались равными двумъ дворамъ, а потому владѣльцы такихъ дворовъ получили двойную ссуду на обсѣмененіе. Примѣры, указанные по этой волости, при нѣкоторомъ желаніи можно разыскать (по тѣмъ или по другимъ предметамъ ссудъ) во всѣхъ волостяхъ уѣзда, потому что *провѣрка на мѣстѣ* общественныхъ приговоровъ о ссудахъ вездѣ производилась обыкновенно упрощеннымъ способомъ, а именно—посредствомъ опроса 3—4 понятыхъ и сельскаго старосты, вызванныхъ въ волостное правленіе. Приведя вышеизложенные примѣры, спѣшимъ оговориться, что не слѣдуетъ думать, будто волостные писаря

имѣли только этотъ единственный источникъ средствъ существованія. Нѣтъ, это не единственный, а только главный источникъ. Въ дѣйствительности волостные писаря собирали жизненныя средства, какъ трудолюбивыя пчелки свой медовый взятокъ, вездѣ, гдѣ только было можно. На содержаніе волостного правленія дѣлались, между прочимъ, вычеты изъ денегъ, выдаваемыхъ голодающимъ жителямъ за провозъ сѣна и другихъ предметовъ ссудъ.

Какое же заключеніе можно сдѣлать изъ того, что было сказано о волостныхъ писаряхъ? Мы видѣли, что, предоставленные самимъ себѣ въ борьбѣ съ „непреодолимой силой“ голода, они, какъ утопающій, спасали свою жизнь, не брезгая никакими средствами. И никто не поспѣшилъ протянуть имъ руку дѣйствительной помощи. А безъ сомнѣнія, опираясь на постороннюю помощь, волостные писаря воздержались бы отъ зазорныхъ средствъ? Вѣдь не даромъ же сами земскіе начальники, въ надеждѣ на бо̀льшую добросовѣстность со стороны волостныхъ писарей, всегда стараются оказать вліяніе на волостной сходъ въ смыслѣ увеличенія имъ содержанія. Итакъ: не слѣдуетъ ли оправдать волостныхъ писарей? Или же, не торопясь оправдательнымъ вердиктомъ, быть можетъ слѣдуетъ принять въ разсчетъ слова Крылова: „А вору дай хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ“? Пусть читатель рѣшаетъ пока самъ, какъ знаетъ, этотъ вопросъ, а мы обратимся пока къ изложенію другихъ фактовъ изъ жизни волостныхъ писарей.

II.

Въ лѣтописяхъ одного извѣстнаго намъ волостного правленія имѣется цѣлая галерея волостныхъ писарей, въ своемъ родѣ знаменитостей. Счастливый случай позволилъ намъ близко познакомиться съ дѣятельностью двухъ, и, притомъ, наиболѣе типичныхъ представителей этого рода лицъ. Одинъ изъ нихъ служилъ еще въ то время, когда за всѣми тридцатью слишкомъ волостными правленіями одного и того же уѣзда наблюдалъ почти одинъ непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Другой писарь служилъ уже въ самое послѣднее время, когда каждыя три волости были поставлены подъ непосредственное наблюденіе земскаго начальника, надѣленнаго сильной властью. Отсюда понятно, что дѣятельность этихъ знаменитостей вдвойнѣ заслуживаетъ наше вниманіе: будучи интересна сама по себѣ, она даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядный матеріалъ для

сужденія о томъ, къ лучшему или къ худшему измѣнилось положеніе дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ со введеніемъ въ дѣйствіе закона 12-го іюля 1889 г., т.-е., труднѣе ли стало волостнымъ писарямъ совершать свои подвиги при земскихъ начальникахъ, или же, подъ спасительной защитой „сильной власти“ и при полной независимости отъ волостного общества, имъ стало еще свободнѣе примѣнять къ дѣлу свое искусство.

Въ 80-хъ годахъ на одну изъ такихъ волостей наложилъ свою тяжелую лапу мѣстный писарь. Задобривъ вліятельныхъ лицъ волости и произведя давленіе на сельскихъ старостъ, онъ быстро поднялъ волостной сборъ до 72 коп. съ ревизской души, что̀ съ 3.550 душъ, числившихся въ волости, составило 2.412 рублей. Изъ этой внушительной суммы только 120 рублей назначались въ жалованье старшинѣ, а остальные 2.292 рубля поступали въ распоряженіе писаря, который взялъ на себя за эту сумму полное содержаніе волостного правленія: наемъ двухъ помощниковъ и сторожа, отопленіе и освѣщеніе, канцелярскія принадлежности и всякія книги для справокъ и текущихъ дѣлъ, ремонтъ зданія и двѣ пары лошадей. Содержа только одного помощника и одну пару лошадей, онъ расходовалъ по всѣмъ указаннымъ статьямъ не болѣе 492 рублей. Впрочемъ, онъ позаботился изыскать еще и другіе источники дохода. Извѣстно, что лицамъ волостного и сельскаго управленія, пока они состоятъ въ занимаемыхъ должностяхъ, 2-мъ примѣчаніемъ къ 22 ст. „Общаго Полож. о кр.“ запрещается вступать съ крестьянами своей волости (или общества) въ сдѣлки по содержанію оброчныхъ статей (полей, лѣсовъ, луговъ, мельницъ, рыбной ловли и пр.), а также — заключать обязательства по отправленію какихъ-либо общественныхъ повинностей (напр., по содержанію волостной и сельской ямщины). Но хорошіе „дѣльцы“ говорятъ, что „законы существуютъ для того, чтобы ихъ обходить“. И нашъ писарь содержаніемъ волостной ямщины не ограничился, а раскинулъ свою дѣятельность по всѣмъ направленіямъ. Такъ, онъ снялъ у крестьянъ своей волости рыбную ловлю, назначивъ цѣну „безъ обиды“ (10 руб. въ годъ). У другого общества крестьянъ онъ пріобрѣлъ почти задаромъ обширную усадьбу рядомъ съ волостнымъ правленіемъ; построивъ тутъ свой домъ и амбары, онъ занялся покупкой хлѣба. Понятно, что жители этой счастливой волости должны были продавать свой хлѣбъ по „необидной“ цѣнѣ своему писарю, причемъ, вмѣстѣ съ деньгами, они получали также и квитанціи изъ волостного правленія объ уплатѣ: волостного сбора, штрафовъ и судебныхъ взысканій въ пользу

казны и частныхъ лицъ. Вотъ какое удобство устроилъ онъ для жителей своей волости! Кому нужно уплатить волостной сборъ и всякіе другіе сборы, тотъ не безпокойся ѣздить на базаръ: вези хлѣбъ прямо въ правленіе, т.-е. въ амбаръ къ писарю—и дѣло будетъ въ шляпѣ. Разумѣется, нашъ герой, заботясь объ „общей пользѣ“, не забывалъ при этомъ и самого себя. Чтобы расширить свою хлѣбную операцію, онъ рѣшилъ заняться еще сельскимъ хозяйствомъ. Чувствуя сильное призваніе къ этому дѣлу, онъ не упускалъ случаевъ сѣять хлѣбъ, причемъ землю для веденія хозяйства получалъ отъ сельскихъ обществъ въ благодарность за услуги, или же арендовалъ ее у крестьянъ своей волости, безъ уплаты имъ денегъ. Напримѣръ, въ 1890 г., за *скорѣйшее* написаніе приговоровъ о сѣменной и продовольственной ссудѣ и за отправленіе этихъ приговоровъ въ уѣздную земскую управу *безъ замедленія*, онъ получилъ съ крестьянъ всего только по три десятины полевой земли съ каждаго общества. А вѣдь работы-то сколько съ ними было — пропасть! Правда, собственно говоря, составленіе приговоровъ о ссудахъ входитъ въ обязанность писаря; но кто же не знаетъ, что „сухая ложка ротъ деретъ“?!.. Клочокъ земли въ девять десятинъ, полученный имъ съ голодающихъ крестьянъ, въ качествѣ смазки для „сухой ложки“, не только не утолилъ, а еще пуще распалилъ его страсть къ сельскому хозяйству, такъ что въ своихъ хозяйственныхъ подвигахъ онъ дошелъ скоро до крайней наглости, смѣло издѣвающейся надъ справедливостью и всякой законностью. Дѣло въ томъ, что мѣстный лѣсоохранительный комитетъ, постановленіемъ отъ 4 сентября 1890 г., за № 123, запретилъ жителямъ этихъ деревень расчищать принадлежащую имъ лѣсную заросль и пасти въ ней скотъ въ теченіе 15 лѣтъ. Объявивши это постановленіе комитета жителямъ перечисленныхъ выше селеній, писарь самъ же потомъ, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ по случаю неурожая хлѣбовъ въ 1890 году, уговорилъ ихъ сдать ему заросли подъ расчистку и посѣвъ хлѣба. Ему удалось „заарендовать“ не мало земли. Спѣша извлечь изъ „арендованной“ земли возможно бо́льшую пользу въ наименьшее время, онъ примѣнялъ весьма раціональную (съ его точки зрѣнія) систему сѣвооборота: онъ сѣялъ на ней, какъ выражаются крестьяне, „хлѣбъ на хлѣбъ“, т.-е. послѣ ржи—опять рожь и т. д. Будучи увѣренъ, что крестьяне не посмѣютъ возбудить искъ объ уплатѣ арендныхъ денегъ за землю, которую расчищать запрещено комитетомъ, онъ усердно пользовался ею въ теченіе многихъ лѣтъ (послѣ того какъ былъ

устраненъ отъ должности писаря) и ничего имъ не платилъ. Въ 1891—92 г., въ самый разгаръ голодовки, по селу носились упорные слухи, будто голодающіе, принося домой муку, полученную изъ мѣстнаго попечительства „Кр. Креста", находили въ ней увѣсистые камешки (съ кулакъ и болѣе). Опираясь на приведенные факты, читатель можетъ подумать, что нашъ писарь — черствый, безсердечный эгоистъ, алчно стремящійся только къ наживѣ и не знающій никакихъ безкорыстныхъ стремленій. Это не совсѣмъ вѣрно: какъ увидимъ, онъ имѣлъ нѣкоторыя безкорыстныя стремленія. Напримѣръ, онъ любилъ красоту природы, а потому украсилъ волостное зданіе садомъ, на что̀ истратилъ, не спросивъ согласія волости, 113 рублей изъ общественныхъ суммъ. Въ саду же онъ разставилъ красивые домики, раскрашенные ульи для своихъ пчелъ и т. п.

Молва о подвигахъ писаря дошла, наконецъ, и до уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ апрѣлѣ 1892 г. состоялось постановленіе объ увольненіи его отъ должности. Однако, и послѣ того онъ продолжалъ состоять волостнымъ писаремъ въ правленіи еще около полугода. Дѣло въ томъ, что и старшина, и писарь, были оба заинтересованы въ одномъ выгодномъ предпріятіи: зимой 1891—92 г. они роздали голодающимъ своей волости до 2.000 пудовъ хлѣба, съ условіемъ возвратить ссуду новымъ хлѣбомъ осенью 1892 года въ двойномъ количествѣ. Но для обезпеченія исправнаго возврата хлѣбной ссуды необходимо было, чтобы писарь оставался у власти, хотя бы только для виду, до конца уборки полей. Поэтому старшина не объявилъ жителямъ объ увольненіи писаря отъ должности, и авторитетъ послѣдняго въ волости до поры до времени оставался непоколебленнымъ. Этотъ маневръ имъ вполнѣ удался: вторичное предписаніе присутствія не держать его въ правленіи получилось только въ сентябрѣ, а къ тому времени ихъ „хлѣбная операція" была уже благополучно закончена.

III.

Едва успѣлъ сойти съ волостной сцены вышеупомянутый писарь, какъ на смѣну ему явился другой, не менѣе замѣчательный. Новый писарь у волостного дѣла раньше не стоялъ, но, собственно говоря, былъ ученикъ если не своего предшественника, то другой, не меньшей знаменитости, бывшаго въ то время письмоводителемъ у земскаго начальника. Квартира послѣдняго была

въ домѣ бывшаго писаря, т.-е. рядомъ съ волостнымъ правленіемъ; слѣдовательно, письмоводитель „земскаго“ имѣлъ возможность ежедневно навѣщать правленіе и учить неопытнаго писаря, какъ вести дѣло, чтобы „комаръ носа не подсунулъ“. Про письмоводителя разсказывали, что раньше онъ служилъ письмоводителемъ у земскаго начальника сосѣдняго уѣзда, и что этотъ послѣдній прогналъ его отъ себя за то, что онъ нечаянно подписался за него въ какихъ-то важныхъ документахъ. Отсюда можно заключить, что „новый“ писарь, побывавъ въ хорошихъ рукахъ, прошелъ хорошую школу. И вотъ, благодаря содѣйствію письмоводителя, который сопровождалъ свое обученіе ежедневными возліяніями Бахусу на счетъ обучаемаго, новый писарь скоро пріобрѣлъ необходимый навыкъ въ веденіи очень сложнаго волостного дѣлопроизводства, а самое главное—большое довѣріе къ себѣ у мѣстнаго начальника, который рѣдко ревизовалъ кассу и вообще дѣла волостного правленія, а когда рѣчь заходила о поведеніи писаря, выражался такъ: „въ его добросовѣстности я не сомнѣваюсь“. Пользуясь столь благопріятно сложившимися для него обстоятельствами, „новый“ писарь потихоньку сталъ приближаться къ своей завѣтной цѣли—достигнуть могущества своего знаменитаго предшественника и, если будетъ возможно, затмить его славу.

На первое время, впрочемъ, онъ только росъ и укрѣплялся духомъ, не проявляя никакихъ особенныхъ „качествъ“; онъ еще не успѣлъ стать на свои собственныя ноги и больше надѣялся на покровительство своего начальства. Послѣднее, дѣйствительно, позаботилось о немъ: въ январѣ 1895 г., земскій начальникъ предложилъ волостному сходу увеличить жалованье новому писарю съ 480 до 800 р., мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что, со введеніемъ учрежденій 12-го іюля 1889 г., количество дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ удвоилось. Сходъ согласился прибавить жалованья писарю 120 р. (до 600 р. въ годъ); кромѣ того, сверхъ обычной ассигновки на канцелярскіе расходы и прочее, ассигновано было *80 р. на выписку законовъ и руководствъ*. Хотя достигнутый результатъ былъ незначителенъ,—все-таки это былъ шагъ впередъ, а не назадъ. Ободренный успѣхомъ перваго опыта, новый писарь пробуетъ стать, при содѣйствіи письмоводителя, на свои собственныя ноги и начинаетъ проявлять свои настоящія „качества“. Весной того же года, передъ посѣвомъ ярового хлѣба, завязался споръ у крестьянъ одной деревни съ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, купцомъ Б. Послѣдній стремился оттянуть у крестьянъ лишнихъ три десятины земли для закругленія своего участка, ссылаясь на рѣшеніе

палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Но вводнаго листа, съ точнымъ указаніемъ границъ владѣнія по рѣшенію палаты, у него не было. Писарь, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ на сторону купца Б. и далъ ему возможность распахать спорную землю, для чего устроилъ комедію ввода во владѣніе ею. Нимало не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что вводить во владѣніе можетъ только земскій начальникъ, а никакъ не волостное правленіе, писарь, взявъ нѣсколькихъ старостъ (старшина отказался поѣхать) и понятыхъ изъ окрестныхъ селеній, обошелъ съ ними, по указанію приказчика Б., межу владѣній послѣдняго, какъ бы согласно рѣшенію палаты. Послѣ того онъ направилъ свои усилія къ тому, чтобы удалить во что бы то ни стало отъ дѣлъ волостного правленія всѣхъ честныхъ и добросовѣстныхъ людей, нарушающихъ „обычное право“ волостныхъ писарей на „благодарность“ со стороны просителей. Первымъ долгомъ новый писарь постарался столкнуть съ должности волостного старшину за то, что тотъ отказался дѣйствовать заодно съ нимъ въ пользу купца Б. въ его спорѣ съ крестьянами, и за то, что со своей добросовѣстностью онъ былъ вообще „не ко двору“ въ волостномъ правленіи. И хотя старшина ни въ какихъ дѣлахъ сомнительнаго достоинства не былъ и въ походахъ на чужой карманъ не участвовалъ, тѣмъ не менѣе оказалось, что столкнуть его съ должности не представляется никакой трудности. На волостномъ сходѣ 16-го іюня 1895 г., вмѣсто него, былъ избранъ въ старшины человѣкъ весьма пріятный писарю, всегда дѣйствовавшій съ нимъ за-одно; а именно, былъ избранъ предсѣдатель волостного суда, съ оставленіемъ его въ обѣихъ должностяхъ. Оставался еще второй, и, притомъ, наибольшій камень преткновенія для волостныхъ дѣльцовъ: то былъ честный и независимый волостной судья, который, въ противоположность предсѣдателю и остальнымъ двумъ безличнымъ судьямъ, крѣпко стоялъ за правду на судѣ и горячо противодѣйствовалъ корыстному рѣшенію судебныхъ дѣлъ. Этотъ судья былъ тѣмъ болѣе непріятенъ писарю, что, будучи человѣкомъ вліятельнымъ, уважаемымъ всѣми жителями волости, онъ не поддержалъ на волостномъ сходѣ просьбу новаго писаря объ увеличеніи ему жалованья. И вотъ, писарь сталъ обдумывать, какъ бы ему избавиться отъ присутствія на волостномъ судѣ столь неудобной для него личности; но пока оставилъ его въ покоѣ, опасаясь, что въ случаѣ, если онъ открыто проявитъ вражду къ нему, тотъ повредитъ ему на предстоящемъ волостномъ сходѣ.

Въ началѣ января 1897 г. былъ созванъ волостной сходъ.

Новый писарь, неотступно преслѣдовавшій свою цѣль, просилъ прибавить ему жалованья 150 р. (до 750 р. въ годъ). Но жители волости, въ негодованіи на его неприступное, высокомѣрное отношеніе къ нимъ, бурно кричали на сходѣ: „Какая тебѣ прибавка? Не за что: грубо обходишься съ народомъ... Неуважителенъ: по какому дѣлу ни коснись—ты все не обязанъ!.. За твою спѣсь тебѣ и 600 руб. платить жалко... Убавить!.. Убавить"!.. Такъ какъ земскій начальникъ пріѣхалъ на сходъ поздно, то заступиться за „обиженнаго" писаря было некому. Встрѣтивъ столь дружный отпоръ со стороны схода, онъ умолкъ и о прибавкѣ жалованья не говорилъ больше ни слова: расходы на содержаніе волостного правленія въ 1897 г. *пока* [1]) остались прежніе. Онъ попытался-было забрать въ свои руки содержаніе волостной ямщины, но и тутъ не имѣлъ успѣха: на торги явилось слишкомъ много желающихъ и сбили цѣну до 350 р въ годъ за двѣ пары. Стараясь какъ-нибудь наверстать „убытки" отъ неудачъ, писарь вспомнилъ пословицу: „не мытьемъ, такъ катаньемъ". Примѣняя ее къ дѣлу, онъ произвелъ значительный ремонтъ зданій волостного правленія безъ ассигнованія сходомъ суммъ на этотъ предметъ; а именно: переложилъ печи, перемѣнилъ обои, пріобрѣлъ шкафъ, столъ и шесть стульевъ. Въ счетѣ, который былъ представленъ потомъ волостному сходу, пріобрѣтенныя вещи украшены двойной цѣной: шкафъ и столъ—40 р., стулья—18 р. и т. д. Но среди этихъ мелкихъ хлопотъ и мелочныхъ заботъ мысли нашего новаго героя были устремлены на болѣе серьезное дѣло. Предъидущій опытъ убѣдилъ его, что для обезпеченія успѣха въ достиженіи этой цѣли необходимо обработать предварительно почву. И вотъ, согласившись со старшиной содержать вмѣстѣ волостную ямщину въ будущемъ году, они начали „учить" волостного ямщика, „какъ брать на перебой писарю дешевую цѣну за ямщину". Вмѣсто того, чтобы развезти по волости сразу десять приказовъ или повѣстокъ, „перебойщика" посылаютъ отдѣльно съ каждымъ приказомъ или повѣсткой; вмѣсто того, чтобы какія-нибудь бумажныя дѣла по волости исполнить въ одинъ объѣздъ, „писаря" ѣздятъ съ каждой бумагой особо—пять разъ. Не имѣя возможности доказать, что старшина и писарь поступаютъ неправильно, т.-е. гоняютъ волостныхъ лошадей попусту (такъ какъ подходящее якобы дѣло у нихъ всегда найдется), ямщикъ

[1]) Говоримъ „пока", потому что лѣтомъ того же (1897) года былъ созванъ второй волостной сходъ, на которомъ жалованье писарю было увеличено до 700 р.

принужденъ былъ волей-неволей ѣздить и ѣздить безъ конца въ теченіе всего года. Измучивши безпрестанной ѣздой лошадей и еле-еле дотянувшись до конца своего срока, ямщикъ и злому недругу заказывалъ не браться за волостную ямщину.

Опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ новому писарю, что волостная крѣпость на однѣ открытыя просьбы и убѣжденія не сдается и стойко отражаетъ всякія нападенія на свой карманъ; нужно перемѣнить тактику и подойти къ волостной крѣпости скрытными подземными ходами. Такъ онъ и сдѣлалъ, пригрозивъ отставкой, если не прибавятъ жалованья. Но угроза уходомъ со службы оказалась слишкомъ поспѣшной и опрометчивой со стороны писаря. Сходъ дружно отвѣтилъ ему, что если 700 р. въ годъ ему кажется мало, то можетъ уходить на всѣ четыре стороны. „Ступай—не держимъ!.. До свиданья, милый человѣкъ!.. Счастливый путь!..“—кричали изъ толпы. Получивъ совсѣмъ неожиданно такой дружный и сильный отпоръ со стороны волостного схода, писарь поспѣшилъ удалиться изъ среды возбужденной толпы подъ защиту начальства, прося оказать воздѣйствіе на „грубую толпу“, не понимающую своихъ собственныхъ интересовъ и не умѣющую цѣнить „дѣльныхъ людей“.

— Ну, что вы, ребята, не прибавите жалованья ему? — сказалъ добродушный земскій начальникъ, выйдя на сходъ.

— Вашеское благородіе!—отвѣтили изъ толпы сѣдобородые „ребята“.—Вы знаете, какой нынѣ урожай: многимъ изъ насъ ѣсть нѣчего!

— А что вамъ стоитъ прибавить ему двѣсти рублей съ цѣлой волости?—продолжаетъ убѣждать сходъ земскій начальникъ.—Какой-нибудь пятакъ съ души! Вѣдь это совсѣмъ пустяки! Пятакъ заработать не трудно...

— Нѣтъ, вашеское благородіе, для насъ и пятакъ не пустякъ: за пятакъ теперь молотятъ два посада, да еще на своемъ хлѣбѣ. Въ день обмолачиваютъ четыре посада; значитъ заработываютъ десять копѣекъ. Изъ *такого жалованья* нѣчего удѣлять другому: еле-еле самого себя съ семьей прокормишь. Да вѣдь у насъ не одинъ волостной сборъ, а много и другихъ дыръ, куда проваливаются трудовые пятаки...

Такъ-таки и не пришлось земскому начальнику убѣдить „грубую толпу“ сѣдобородыхъ „ребятъ“ въ необходимости по достоинству оцѣнить неусыпные труды волостного писаря на пользу общества. Истративъ весь запасъ своего краснорѣчія, онъ обратился къ извѣстному средству: къ выдѣленію несогласныхъ козлищъ изъ среды согласныхъ овецъ. Но никто

не вышелъ изъ толпы, закричали: „всѣ несогласны“! И пришлось писарю незамѣтно отступить отъ своего грознаго заявленія къ безмолвному согласію на прежній окладъ жалованья. Потерпѣвъ неудачу въ одномъ направленіи, нашъ храбрый писарь не смутился и не падалъ духомъ, потому что имѣлъ въ виду дѣйствовать еще съ другого фланга, на которомъ побѣда для него была вполнѣ обезпечена. Еще задолго до волостного схода по волости распространился неизвѣстно кѣмъ пущенный слухъ, что старшинѣ и писарю *разрѣшено* содержать волостныхъ лошадей. Поэтому, зная горькій опытъ прежняго ямщика, никто не рѣшился понижать, на перебой имъ, цѣну за волостную ямщину, хотя на торгахъ, вмѣсто нихъ, дѣйствовало подставное лицо. Старшина и писарь взялись содержать двѣ пары лошадей для волостныхъ разъѣздовъ за 920 руб. въ годъ, а тотъ ямщикъ содержалъ такое же количество лошадей только за 350 руб. въ годъ.

Само собою разумѣется, что старшина и писарь, какъ отличные хозяева, съумѣли обойтись, вмѣсто двухъ паръ лошадей, одной парой; будучи же добрыми христіанами, „иже и скоты милуютъ“, они берегли *своихъ* лошадей, „аки зѣницу ока своего“. Избѣгая по возможности самоличныхъ разъѣздовъ по волости, они старались почаще вызывать сельскихъ старостъ и всѣхъ, кого нужно, въ волостное правленіе, а всѣ бумаги изъ правленія и изъ волостного суда разсылать по волости съ попутчиками. Не бѣда, что какая-нибудь нужная бумага два-три дня прождетъ попутчика въ волостномъ правленіи и что свидѣтель, вызываемый на волостной судъ, получитъ повѣстку въ день суда: бумага лежитъ, не кричитъ, хлѣба не проситъ и въ лѣсъ, какъ волкъ, не убѣжитъ, а разборъ дѣла, по которому не явятся свидѣтели, можно отложить до другого раза. Лишь въ случаяхъ крайней необходимости старшина и писарь ѣздили сами въ волость, да и то больше на одной лошадкѣ. И все-таки, въ виду полнаго неурожая хлѣбовъ и травъ въ 1898 г., оказалось, что содержать волостныхъ лошадей *вдвоемъ* не особенно выгодно, а хлопотъ съ ними полонъ ротъ. Кормъ былъ очень дорогъ и его трудно было доставать, а ѣзды по „голоднымъ дѣламъ“, какъ ни берегли своихъ лошадей старшина и писарь, было много. Между тѣмъ волостной сборъ, несмотря на самыя строгія мѣры, принимаемыя старшиной, поступалъ изъ рукъ вонъ плохо. Если-бы не находчивость писаря, остановилось бы все дѣло. Какъ „дѣльный человѣкъ“, онъ съумѣлъ добывать деньги изъ всевозможныхъ источниковъ и всякими способами...

Вслѣдствіе массы хлопотъ съ волостной ямщиной, пользованіе этой „оброчной статьей“ не удовлетворяло писаря, а только пуще распалило его громадный аппетитъ. Похвалы и одобреніе ближайшаго начальства за „отличное веденіе дѣла въ волостномъ судѣ и въ правленіи“ такъ вскружили голову возмнившаго о себѣ волостного писаря, что осенью 1898 г. онъ собирался оставить свою волость и искать счастья на другомъ, болѣе соотвѣтствующемъ его достоинству, мѣстѣ. Заслышавъ, что въ Сибири учреждается новая должность крестьянскихъ начальниковъ, онъ, надѣясь на похвальный отзывъ начальства и нимало не смущаясь своей малограмотностью, рѣшилъ пробраться къ болѣе теплому сибирскому мѣстечку. Пріѣзжаетъ онъ въ свой уѣздный городъ и спрашиваетъ свѣдущихъ людей:

— Какъ бы это, господа, въ Сибирь попасть?..

— Да очень просто: мошенничай больше!

— Нѣтъ! Я не про то говорю, а насчетъ крестьянскихъ начальниковъ.

— Такъ-съ! А свидѣтельство-то у васъ, милостивый государь, имѣется?

— Какъ же: вотъ аттестатъ земскаго.

— Нѣтъ! не аттестатъ, а свидѣтельство объ окончаніи курса въ средне-учебномъ заведеніи.

— Такого-то не имѣется: я учился въ сельской школѣ!

— А если такъ, то вернитесь туда, гдѣ были.

— Неужели нельзя безъ свидѣтельства?!

— Конечно, нельзя!

Теперь онъ сталъ утѣшать себя надеждою, что при большемъ усиліи можно и дома достигнуть отличныхъ результатовъ. Задобривъ вліятельныхъ лицъ волости, согласныхъ оказывать ему содѣйствіе, писарь позаботился также и о томъ, чтобы удалить съ волостного схода „вредныхъ людей“, мѣшающихъ достиженію его цѣли. Между прочимъ, изъ списка домохозяевъ, являющихся на волостной сходъ въ качествѣ выборщиковъ, онъ попросилъ исключить уволеннаго изъ судей, „по неспособности къ дѣлу“, одного крестьянина, какъ „крикуна, краснобая и смутьяна, производящаго раздоръ и безпорядокъ на волостномъ сходѣ“. Со старшиной, компаньономъ по ямщинѣ, писарь поссорился и столкнулъ его съ должности, донеся о какой-то его продѣлкѣ. Впредь до избранія новаго старшины, исполнять его обязанности былъ допущенъ, по рекомендаціи писаря, неграмотный сельскій староста, который немного зналъ только цифры, а буквенныхъ словъ читать не могъ. Писарь, отлично сообразивъ, что неграмотный и

ничего не понимающій въ волостныхъ дѣлахъ—для него сущій кладъ, сталъ дѣйствовать такъ, чтобы было предложено сходу выбрать именно его въ волостные старшины, и, если онъ будетъ избранъ, представить его къ утвержденію въ этой должности. Преслѣдуя такую цѣль, писарь никогда не упускалъ случая, чтобы похвалить своего кандидата, исполнявшаго обязанность волостного старшины, обращая вниманіе начальства на расторопность временного старшины, на бойкое выколачиваніе имъ податей съ жителей волости и, въ особенности, на его услужливость передъ старшими. Съ своей стороны, староста, въ благодарность за хорошую о себѣ аттестацію передъ начальствомъ, сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ писаря и добросовѣстно исполнялъ всѣ его порученія по подготовкѣ къ предстоящему волостному сходу „нужныхъ“ лицъ. Чтобы имѣть больше времени для наилучшей подготовки къ генеральному сраженію, волостной сходъ все откладывался и, противъ обыкновенія, былъ созванъ только въ концѣ января. Дѣятельные труды писаря увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Староста, предложенный сходу, послѣ долгихъ споровъ былъ все-таки избранъ въ волостные старшины, съ назначеніемъ ему вознагражденія 180 р. въ годъ. Что же касается жалованья писарю, то и ему прибавили на 1899 г. 200 руб., т.-е. до 900 руб.; кромѣ того, онъ опять снялъ (но теперь ужъ *одинъ*) содержаніе волостной ямщины за прежнюю цѣну 920 р. на имя своего дяди. Считая всѣ ассигнованія схода на содержаніе волостного правленія въ 1899 году, получимъ въ суммѣ около $2^1/_2$ тысячъ руб. Слѣдовательно, въ отношеніи величины волостного сбора писарь не только достигъ до идеальной высоты своего знаменитаго предшественника, но и превзошелъ его. Бѣда лишь въ томъ, что всю эту благодать можно было пустить въ оборотъ только въ будущемъ, хотя и не особенно далекомъ будущемъ—въ концѣ лѣта; а пока въ денежномъ сундукѣ волостного правленія, по случаю полнаго неурожая въ 1898 г., было очень пусто. Между тѣмъ на содержаніе вололостного правленія, въ томъ числѣ и волостныхъ лошадей, нужны были деньги сейчасъ же. Поэтому складывать руки „въ ожиданіи будущихъ благъ“ было некогда, а нужно было всячески раздобывать и денегъ, и корму. Хотя волостной писарь былъ отличный мастеръ, однако и онъ, при всемъ своемъ умѣньи, очутился однажды въ столь критическомъ положеніи, что не имѣлъ ни копѣйки денегъ, ни горсти муки...

Достигнувъ громаднаго вліянія на всѣ дѣла въ волости и получивъ столь высокій для его малограмотности окладъ жалованья, писарь не почилъ на лаврахъ, а стремился подняться

еще выше: тайное господство надъ массой крестьянъ его ужъ не удовлетворяло — онъ жаждалъ открытой власти и почетнаго положенія въ обществѣ. Но, повинуясь страстному влеченію къ господству, онъ роковымъ образомъ достигъ, вмѣсто возвышенія, своего паденія. На волостномъ сходѣ въ декабрѣ 1899 г. онъ добился увеличенія себѣ жалованья, на 1900 г., до 1.200 р.; но волостную ямщину ему не удалось захватить въ свои руки, потому что на торги неожиданно для него явилось много конкуррентовъ. Содержать волостныхъ лошадей взялся, за 450 р. въ годъ, другой крестьянинъ изъ сосѣдней деревни, который, надѣясь на авось, разсчиталъ, что при такой порядочной суммѣ онъ въ состояніи будетъ выдержать полный курсъ „ученья“ у писаря. Къ его счастью, писарь дошелъ скоро до своего рокового конца. Онъ устремилъ свой взоръ на болѣе высокое и достойное себя дѣло, именно—задумалъ сдѣлаться землевладѣльцемъ (конечно, не вдругъ, а постепенно). На первое время онъ заарендовалъ около ста десятинъ земли у мѣстныхъ владѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ будущаго ландлорда, онъ пріобрѣлъ тамъ рысака, ломберные столы, музыку, роскошный письменный столъ изъ дуба, бронзовые массивы, ковры, мягкую мебель и прочее. Если принять еще въ разсчетъ, что новый арендаторъ имѣлъ также въ виду необходимые расходы на сѣмена и обработку заарендованной земли, то намъ не трудно будетъ понять, почему въ концѣ апрѣля мѣсяца 1900 г. въ волостномъ правленіи обнаружилась растрата разныхъ капиталовъ въ суммѣ больше 1.300 рублей!

Около половины апрѣля мнѣ привелось быть въ этомъ правленіи. Увидѣвъ меня, старшина сказалъ, что ему нужно переговорить со мной объ одномъ важномъ дѣлѣ по секрету. Мы вошли въ артельную (тамъ никого не было).

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я старшину.

— Бѣда со мной случилась! — говоритъ онъ: — собралъ я нынѣче въ январѣ и февралѣ мѣсяцѣ 307 р. волостного сбора и разныхъ взысканій. Волостной писарь взялъ у меня изъ этихъ денегъ 300 р., въ счетъ жалованья за три мѣсяца, и сказалъ, что распишется въ полученіи ихъ послѣ, когда будетъ выводить въ книгѣ расходъ суммъ на содержаніе волостного правленія. Потомъ, въ мартѣ и въ началѣ апрѣля, я получилъ еще отъ податныхъ и страховыхъ сборщиковъ разныхъ селеній 971 р., для сдачи въ казначейство, и выдалъ имъ въ полученіи денегъ частныя росписки. Съ недѣлю тому назадъ, писарь сказалъ мнѣ: — „Сегодня поѣзжай, старшина, въ волость; нужно

исполнить вотъ эти срочныя дѣла". — Но вѣдь сегодня почта, —говорю я:—мнѣ надо сдать 971 р. податныхъ и страховыхъ денегъ.— „Ну такъ что же,—говоритъ:—все равно—я сдамъ!" — Передалъ я ему деньги,—продолжаетъ разсказывать старшина,— а онъ мнѣ выдалъ вотъ эту росписку...

При этихъ словахъ старшина подалъ мнѣ клочокъ бумажки, на которомъ рукой писаря было нацарапано: „Къ 11-му апрѣля 1900 г. состоитъ 971 четверть 47 четвер."

— Ничего не подозрѣвая,—продолжалъ старшина,—я положилъ росписку въ сундукъ и поѣхалъ въ волость. Дорогой я безпокоился только, что земскому почтарю довѣряется такая большая сумма денегъ, потому что писарь говорилъ какъ-то, что земская управа отвѣчаетъ лишь за 50 рублей на каждаго подателя. Черезъ три дня почтарь пріѣхалъ, а квитанцій казначейства не привезъ. Приходитъ слѣдующая почта, а квитанцій опять нѣтъ. Не стерпѣлъ я больше и спрашиваю почтаря:

— Что это вы, квитанціи-то намъ не везете?

— Какія это квитанціи?—говоритъ почтарь.

— А на 971 руб., что̀ двѣ почты раньше вы получили отъ писаря!

— Такихъ денегъ я не получалъ!

— Неужели?!—удивился я отвѣту почтаря.—Вы, чай, шутите?

— Нѣтъ! я говорю серьезно,—сказалъ почтарь.

Отъ страха, что случилось что-нибудь недоброе, у меня духъ захватило...

— Послушай, — говорю я писарю: — развѣ ты не сдалъ... деньги-то?

— Ты мнѣ не давалъ! Чего же я буду сдавать?

— Какъ?! а росписка-то на что?

— Какая росписка? Опомнись! Что̀ ты городишь?

— А это что̀?—показываю я писарю бумажку, что̀ вы сейчасъ смотрѣли.—Развѣ не ты писалъ?

— Ну, я написалъ? Такъ что̀ же?

— Какъ что̀? Коли росписался, такъ надо сдать!

— Чего сдать? Вѣдь тутъ написано: „къ 11-му апрѣля 1900 г. состоитъ 971 четвертей 47 четвериковъ"!

Оказалось, это свѣдѣніе о количествѣ хлѣба въ какомъ-нибудь запасномъ магазинѣ.

— Въ глазахъ у меня потемнѣло,—продолжалъ разсказывать старшина:—ноги подкосились, сѣлъ я на стулъ и ничего не могу сказать... Вотъ какъ онъ ловко меня поддѣлъ! Теперь за его грѣхъ мнѣ отвѣчать приходится. Что̀ же? Знать, пропаду

я совсѣмъ ни за грошъ: посадятъ въ тюрьму, засудятъ... И подумать страшно!—Пожалуйста, посовѣтуйте, что мнѣ теперь дѣлать!—обратился ко мнѣ старшина, кончивъ разсказъ.

— Поѣзжайте немедленно къ земскому начальнику,—совѣтовалъ я старшинѣ:—разскажите ему все и покажите ту бумажку, что далъ вамъ писарь. Хотя дѣло ваше плохо, но отчаиваться не слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько дней, я опять былъ въ правленіи. Старшина встрѣтилъ меня съ ликующей физіономіей.

— Знать, есть что-нибудь хорошее?—говорю я ему.

— Да, слава Богу, есть много хорошаго! Большая гора съ плечъ свалилась, а осталась только маленькая. Писарь уѣхалъ ужъ продавать свой домъ; земскій начальникъ приказалъ ему написать настоящую росписку и добывать немедленно денегъ для уплаты...

— Да вы мнѣ разскажите лучше все, какъ было по порядку,—сказалъ я старшинѣ, видя, что онъ затрудняется въ передачѣ фактовъ и не сообщаетъ сути дѣла.

— Ну, хорошо, хорошо! Вотъ какъ было. Послѣ васъ я показывалъ росписку писаря еще священнику, о. Николаю; онъ тоже посовѣтовалъ скорѣе ѣхать къ земскому начальнику. Ну, я и поѣхалъ. А писарь, оказывается, еще раньше меня донесъ земскому начальнику, что у старшины-де касса не въ порядкѣ. Какъ только я вошелъ къ земскому, онъ сердито закричалъ:

— Какъ ты смѣлъ растратить казенныя деньги?

— Ваше высокоблагородіе! не я растратилъ, а писарь.

— Какъ?! Самъ онъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— Гмм... странно! Ну-ка, говори, что у васъ тамъ случилось. Да, смотри, не ври: тебѣ же хуже будетъ!

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ разскажу вамъ, ваше высокоблагородіе, всю правду и ничего не скрою.—Разсказалъ я ему все и передалъ росписку писаря. Земскій разсмотрѣлъ ее самъ, потомъ далъ своему письмоводителю и велѣлъ ему написать приказъ, чтобы мы оба завтра явились къ нему въ камеру. На другой день мы пріѣхали. Земскій начальникъ сказалъ:

— Ну, что же, сознавайся,—ты получилъ деньги отъ старшины!

А писарь отвѣтилъ, что старшина вретъ, что никакихъ денегъ онъ отъ меня не получалъ.

— Нѣтъ!—сказалъ земскій:—я думаю, что старшина говоритъ правду. А лучше ты самъ подумай, слѣдуетъ ли тебѣ врать. Во-пер-

выхъ, въ свѣдѣніяхъ о количествѣ хлѣба въ запасныхъ магазинахъ теперь ужъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ сборъ хлѣба былъ законченъ еще въ сентябрѣ прошлаго года. Во-вторыхъ, если даже допустить, что старшинѣ была надобность въ такихъ свѣдѣніяхъ за апрѣль мѣсяцъ текущаго года,—тогда совершенно непонятно, зачѣмъ нужно было закрѣплять подобныя свѣдѣнія излишней подписью. Въ-третьихъ, изъ имѣющихся у меня свѣдѣній я вижу, что ты не можешь доказать, будто и въ самомъ дѣлѣ количество хлѣба въ какомъ-нибудь изъ запасныхъ магазиновъ къ 11-му апрѣля въ точности равнялось 971 четверти и 47 четверикамъ. Ясно, что за такую росписку тебя могутъ послать, куда „Макаръ телятъ не гоняетъ“ и „куда воронъ костей не заноситъ“.

Видя, что писарь въ раздумьи упорно молчитъ, земскій начальникъ сказалъ:

— Ну, поѣзжайте оба домой. Черезъ нѣсколько дней я самъ пріѣду въ правленіе.

Вчера земскій былъ здѣсь, въ правленіи, и произвелъ дознаніе. Писарь сознался, что дѣйствительно получилъ отъ меня 300 руб. жалованья за три мѣсяца и 971 р. податныхъ и страховыхъ денегъ для сдачи въ казначейство; причемъ, обѣщаясь уплатить всѣ растраченныя деньги, онъ просилъ земскаго не передавать дѣла судебному слѣдователю. Земскій сказалъ, что онъ не отдастъ его подъ судъ и даже оставитъ на должности писаря, если только онъ распишется въ полученіи 300 р. жалованья, выдастъ мнѣ настоящую росписку на 971 руб. и черезъ три дня внесетъ растраченныя деньги. Писарь росписался въ полученіи жалованья, выдалъ мнѣ дѣйствительную расписку и обѣщался продать свой домъ для уплаты денегъ. Послѣ того земскій начальникъ уѣхалъ изъ правленія. Вотъ и все!—закончилъ свой разсказъ старшина.

По произведенной земскимъ начальникомъ провѣркѣ оказались растраченными въ нашемъ волостномъ правленіи 1.319 р. Къ концу іюля 1900 г. деньги эти были уплачены писаремъ и отчасти старшиной. Старшина оставленъ въ своей должности, а писарь былъ уволенъ изъ волостного правленія. Дѣло же о растратѣ судебному слѣдователю не было передано.

IV.

Имѣя въ виду поднять нравственный уровень существующаго состава волостныхъ писарей, а также привлечь на эту должность новыхъ, интеллигентныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ,—земскіе начальники, какъ было замѣчено выше, стремятся улучшить матеріальное положеніе волостныхъ писарей, производя давленіе на сходъ въ сторону увеличенія размѣровъ писарского жалованья. И, нужно сказать правду, земскіе начальники до извѣстной степени достигли успѣха въ этомъ направленіи: жалованье писарямъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе 12 іюля 1889 г., вездѣ увеличено. Въ результатѣ, однако, составъ волостныхъ писарей по отношенію къ числу интеллигентныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ нимало не измѣнился къ лучшему. Объясняя, должно быть, это обстоятельство тѣмъ, что одного увеличенія размѣровъ жалованья, получаемаго волостными писарями, недостаточно ни для поднятія нравственнаго уровня существующаго состава писарей, ни для привлеченія къ дѣлу новыхъ, лучшихъ работниковъ,—за послѣднее время нѣкоторые земскіе начальники занялись обсужденіемъ мѣръ обезпеченія волостныхъ писарей подъ старость посредствомъ учрежденія для нихъ пенсіонной кассы (см. № 41 „Сельскаго Вѣстника“ за 1899 г.).

Волостные писаря, прочитавъ № 41 „Сельскаго Вѣстника“, „воспрянули душой“ (приводимъ ихъ собственное выраженіе); причемъ, они не пожалѣли мрачныхъ красокъ для того, чтобы „излить всю горечь писарского положенія“, и свѣтлыхъ—для выраженія своихъ радужныхъ надеждъ и вожделѣній. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ за 1899 годъ пришлось даже завести особый отдѣлъ „Писемъ объ учрежденіи пенсіонной кассы для волостныхъ писарей“.

Изъ массы такихъ писемъ приведемъ конецъ письма тридцать-четвертаго, изложеннаго въ томъ нумерѣ „Сельскаго Вѣстника“; въ немъ бывшій волостной писарь пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нахожу учрежденіе пенсіонной кассы для волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ необходимымъ, *а при этомъ еще лучше,* прочнѣе и надежнѣе для нихъ *было бы обратить службу волостныхъ писарей въ государственную,* или чтобы былъ установленъ размѣръ окладовъ жалованья волостнымъ писарямъ и ихъ помощникамъ отъ правительства, а не отъ ежегоднаго *произвольнаго назначенія и утвержденія сельскихъ и волостныхъ сходовъ.* Это

было бы истиннымъ и надежнымъ благодѣяніемъ для служащихъ волостными писарями и ихъ помощниковъ: *тогда бы благонадежные, развитые, честные и просвѣщенные люди*, даже семейные, съ радостью *стали бы искать случая поступить въ волостные писаря* и съ честью служить".

Обратимъ пока вниманіе на одну характерную черту писемъ волостныхъ писарей. Желая, по свойственной людямъ привычкѣ, показать себя другимъ лишь съ лучшей стороны, волостные писаря совсѣмъ забыли сказать что-нибудь про оборотную сторону своей собственной медали.

Признавъ положеніе, что огромное зло безсовѣстной эксплоатаціи сельскихъ обывателей волостными писарями раскинуло свои сѣти надъ селеніями россійской имперіи „*повсемѣстно*", мы неизбѣжно приходимъ къ необходимости разрѣшить вопросъ: какъ избавить волости отъ „такихъ" писарей, или, выражаясь полнѣе—какъ обезпечить безопасность матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія сельскихъ обывателей отъ хищнической дѣятельности „пауковъ-писарей"? Вопросъ этотъ не новый, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; имъ уже давно занимаются наши государственные дѣятели, и рѣшеніе его можно найти въ законодательствѣ 12 іюля 1889 г., которое, между прочимъ, имѣло въ виду: „*Уничтожить затрудненія, препятствующія правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей*", для чего и установило „близкую къ народу твердую правительственную власть, *соединяющую въ себѣ попечительство* надъ сельскими обывателями и ихъ сословными учрежденіями *съ заботою* о матеріальномъ и нравственномъ преуспѣяніи сельскаго населенія, выражающеюся въ охранѣ сельскихъ обывателей отъ ущербовъ всякаго рода и въ содѣйствіи развитію между ними религіозно-нравственнаго просвѣщенія". Нашъ вопросъ составляетъ, очевидно, лишь одну изъ частныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо для достиженія основной цѣли этого законодательства. Ясно, что основная цѣль закона 12 іюля 1889 г. составляетъ основаніе и для поставленнаго земскими начальниками вопроса: какъ поднять нравственный уровень существующаго состава волостныхъ писарей и привлечь къ этому дѣлу новыхъ, „честныхъ и просвѣщенныхъ" работниковъ? Это значитъ, что вопросъ, поставленный земскими начальниками, тожественъ съ вопросомъ: какъ избавить населеніе волостей отъ „пауковъ-писарей". Но, упустивъ изъ виду фундаментъ, на которомъ воздвигнуты учрежденія 12 іюля 1889 г., у насъ придали этому вопросу очень узкую постановку: вмѣсто того, чтобы исход-

нымъ пунктомъ въ его рѣшеніи считать *благосостояніе волости*, они принимаютъ за таковой *благосостояніе писаря*. Сдѣлавъ писаря центральнымъ пунктомъ заботъ, многіе пришли къ такому рѣшенію: нужно обезпечить матеріальное благосостояніе волостныхъ писарей, т.-е. увеличить размѣръ получаемаго ими жалованья и учредить для нихъ пенсіонную кассу. Но, обращаясь къ фактамъ дѣйствительности, мы видимъ, что почти двухъ-тысячное жалованье въ годъ, добытое у волости какимъ-нибудь „паукомъ-писаремъ", которому было бы довольно 15—20 руб. въ мѣсяцъ, нимало не дѣлаетъ такого хищника болѣе честнымъ и добросовѣстнымъ, чѣмъ онъ былъ до этого. Однимъ словомъ— факты показываютъ, что увеличеніе размѣра жалованья волостнымъ писарямъ и повышеніе уровня ихъ нравственности причиннымъ отношеніемъ не связаны. Что же касается пенсіи, то достиженіе ея, въ особенности для низшихъ чиновъ, сопряжено обыкновенно съ такою массою трудностей, что мы не считаемъ нужнымъ распространяться много о томъ, что устройство пенсіонной кассы для волостныхъ писарей въ отношеніи матеріальнаго ихъ обезпеченія не имѣетъ большого значенія; тѣмъ болѣе, что и сами писаря не возлагаютъ большой надежды на кассу, и весьма согласно полагаютъ, что „*прежде всего* слѣдуетъ ходатайствовать передъ начальствомъ *объ упроченіи нашей (писарской) должности*", объ улучшеніи положенія писарей посредствомъ „*предоставленія имъ правъ государственной службы*". „Благія пожеланія" волостныхъ писарей, поскольку они выразили ихъ въ „пенсіонной литературѣ", въ концѣ концовъ сводятся къ тому, чтобы имъ быть ни больше, ни меньше, какъ помощниками земскихъ начальниковъ, т.-е. быть неограниченными „*правителями волостей*", совершенно независимыми отъ „произвола сходовъ". Нѣтъ надобности доказывать, какую огромную опасность представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ надѣленіе писарей явной, законной властью: всѣмъ хорошо извѣстно, что власть, предоставленная невѣжественнымъ и малообразованнымъ людямъ, обыкновенно опьяняетъ своихъ обладателей, не повышая нисколько ихъ нравственнаго уровня. Земскіе начальники, могущіе оцѣнить по достоинству, сколько зла можетъ проистечь отъ надѣленія писарей неограниченною властью надъ волостью, врядъ ли согласятся имѣть у себя такихъ опасныхъ „помощниковъ", которые не только „почти опекутъ, но и доцекутъ свои волости. Впрочемъ, каково бы ни было мнѣніе земскихъ начальниковъ на этотъ счетъ, „благія пожеланія" волостныхъ писарей во всякомъ случаѣ едва ли могутъ

быть приняты, такъ какъ они идутъ въ разрѣзъ съ основными началами Положенія 12 іюля 1889 г., которое издано, по мысли законодателя, въ цѣляхъ развитія (а не уничтоженія) учрежденій 19 февраля 1861 г. Итакъ, если ни увеличеніемъ жалованья волостнымъ писарямъ, ни обезпеченіемъ ихъ пенсіей, ни предоставленіемъ имъ власти, не достигается основная цѣль законодательства 12 іюля 1889 г., то въ чемъ же тогда искать гарантій безопасности для сельскаго населенія отъ недобросовѣстныхъ волостныхъ писарей?

Смотря на дѣло съ бюрократической точки зрѣнія кабинетныхъ мыслителей, можно было подумать, что данный вопросъ разрѣшается весьма легко и просто: стоитъ только „дать строгое предписаніе земскимъ начальникамъ, чтобы они, стоя на высотѣ своего призванія, имѣли неослабный надзоръ и неусыпное наблюденіе за дѣятельностью волостныхъ писарей“—и тогда въ волостяхъ водворится „тишь и гладь, и всякая благодать“. Но сложныя условія конкретной дѣйствительности, не укладывающіяся ни въ какую формулу, опровергли возможность неограниченнаго примѣненія этого простого способа къ регулированію общественныхъ отношеній. Десятилѣтній опытъ дѣятельности земскихъ начальниковъ, по выполненію возложенныхъ на нихъ крайне сложныхъ и трудныхъ обязанностей, показалъ, что основная цѣль учрежденій 12 іюля 1889 г. („уничтожить затрудненія, препятствующія правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей“) посредствомъ единоличной власти не достигается, потому что земскіе начальники, до крайности обремененные всевозможными обязанностями (судебными, административными, податными, опекунскими, нотаріальными и прочими), рѣшительно не въ состояніи: ни руководить непосредственно волостныхъ старшинъ, ни слѣдить за темными дѣлами волостныхъ писарей и судей, ни видѣть, тѣмъ болѣе, что дѣлается въ селеніяхъ. Неудивительно, что „пауки-труженики“, пользуясь весьма удобнымъ для нихъ затруднительнымъ положеніемъ земскихъ начальниковъ, свободно примѣняютъ къ дѣлу свое искусство—и, широко раскинувъ свои сѣти, улавливаютъ въ нихъ оптомъ и поштучно не только посторонних надоѣдливыхъ мухъ и комаровъ, но и рабочихъ пчелъ своей волости, нимало не стѣсняясь близостью къ народу „сильной власти“ и даже подъ-часъ эксплуатируя ее. При этомъ безграмотные или малограмотные старшины, ничего не понимающіе въ сложномъ волостномъ дѣлопроизводствѣ, не имѣя другихъ руководителей, кромѣ писарей, по необходимости становятся ихъ послушнымъ орудіемъ, а старшины болѣе грамотные, мало-мальски

понимающіе волостное дѣло и потому менѣе зависимые отъ писарей, становятся сообщниками послѣднихъ. Въ результатѣ при такомъ порядкѣ сельскому населенію причиняется не только значительный ущербъ, но и страшный духовный вредъ, а именно— потеря уваженія къ законности и порядку. Не имѣя никакой возможности освободиться отъ хитрой сѣти „пауковъ-писарей", народная масса привыкаетъ къ мысли, что „праведнаго закона для крестьянъ нѣтъ", что „большіе и малые, близкіе и далекіе начальники дѣйствуютъ заодно, имѣя въ виду лишь собственную выгоду", что „начальники сговорились и скрываютъ отъ царя правду"...

Быть можетъ, скажутъ, что недостатки „близкой къ народу сильной власти" легко исправить: стоитъ только подвинуть „сильную власть" еще ближе къ народу, т.-е. назначить хоть въ каждую волость по земскому начальнику, и тогда всякія злоупотребленія въ волости исчезнутъ, а „пауки-писаря" убѣгутъ изъ правленій. Но увеличеніе числа земскихъ начальниковъ, по крайней мѣрѣ втрое, легло бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ на государственное казначейство, такъ какъ потребовало бы соотвѣтствующаго увеличенія и безъ того уже значительныхъ расходовъ на ихъ содержаніе; а между тѣмъ польза даже отъ такого мѣропріятія была бы весьма сомнительна, потому что многіе факты показываютъ, что всѣ писаря производятъ свои „операціи" чуть не на глазахъ сильной власти. Припомнимъ хотя бы содержаніе волостной ямщины должностными лицами волостного правленія. Вѣдь торги по содержанію волостной ямщины происходили на волостныхъ сходахъ подъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ. И что же? Волостную ямщину преспокойно снимаютъ писаря и старшины. Узнавъ же только *изъ газетъ* о фактахъ нарушенія 22 статьи „Общ. Пол. о крестьян." лицами волостного правленія, земскіе начальники строго „предписываютъ" волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ не заниматься впредь содержаніемъ общественной ямщины. Но и послѣ ихъ „строгаго предписанія" извозный промыселъ должностныхъ лицъ нимало не прекратился не только между сельскими старостами, о которыхъ земскіе начальники ничего не вѣдаютъ, а и между старшинами съ писарями, которые постоянно у нихъ на виду.

V.

Разбирая различные способы рѣшеній вопроса объ огражденіи сельскаго населенія отъ злоупотребленій должностныхъ лицъ волостного правленія, мы видѣли, во-первыхъ, что, пока волостное общество фактически лишено возможности собственной властью нанимать, свободно избирать, контролировать и удалять должностныхъ лицъ волостного правленія, эти послѣднія становятся „всесильными воротилами“ и превращаютъ волостное самоуправленіе въ собственное самоуправство; во-вторыхъ, пока представители общественной исполнительной власти—старшина и старосты—играютъ жалкую роль крѣпостныхъ холоповъ и по необходимости находятся въ распоряженіи волостного писаря, волостное правленіе фактически не существуетъ и превращается въ „волостную канцелярію господина писаря“. Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что правильное рѣшеніе даннаго вопроса должно заключаться: во-первыхъ, въ томъ, чтобы усилить общественный контроль надъ должностными лицами волостного правленія, а во-вторыхъ, въ томъ, чтобы поднять личное достоинство и служебное положеніе старшинъ и старостъ, какъ представителей общественной исполнительной власти. Короче сказать: волостное правленіе должно быть дѣйствительно, а не фиктивно общественнымъ. Само собою разумѣется, что въ своемъ отвлеченномъ безформенномъ видѣ это заключеніе, какъ и всякое теоретическое рѣшеніе практическихъ вопросовъ, не свободно отъ возраженій и встрѣчаетъ на пути къ осуществленію не мало терній; чтобы быть практически примѣнимымъ, оно должно: во-первыхъ, не противорѣчить даннымъ историческаго опыта, а во-вторыхъ, согласоваться съ конкретными условіями дѣйствительности.

Какъ извѣстно, Положеніемъ 19-го февраля 1861 г. волостному правленію былъ приданъ чисто-общественный характеръ сословно-крестьянскаго самоуправленія; причемъ, руководство всѣми волостными дѣлами, кромѣ дѣлъ волостного суда, возлагалось Положеніемъ на волостного старшину, а право избирать, нанимать, контролировать, устранять и представлять къ увольненію должностныхъ лицъ волостного правленія почти въ полной мѣрѣ принадлежало самому обществу. Но двадцатипяти-лѣтній опытъ примѣненія закона о сословно-крестьянскомъ самоуправленіи показалъ непригодность этого учрежденія, какъ необезпечивающаго сельскихъ обывателей отъ злоупотребленій со стороны должностныхъ лицъ волостного правленія и волостного суда. Тогда было

признано за положительно необходимое исправить недостатки крестьянскихъ учрежденій посредствомъ установленія правительственной опеки надъ ними, въ результатѣ чего и явился институтъ земскихъ начальниковъ, назначеніе котораго, между прочимъ, состояло именно въ томъ, чтобы не допускать злоупотребленій въ крестьянскихъ учрежденіяхъ и охранять сельское населеніе отъ ущербовъ всякаго рода. Однако десятилѣтній опытъ попечительной дѣятельности земскихъ начальниковъ по наблюденію ихъ за крестьянскими учрежденіями показалъ, что и со введеніемъ учрежденій 12-го іюля 1889 г. злоупотребленія въ волостномъ судѣ и въ правленіи не только не уменьшились, а скорѣе даже увеличились [1]), такъ какъ волостной старшина, писарь и судьи отъ волостного общества, которое хорошо видитъ и на себѣ испытываетъ послѣдствія ихъ злоупотребленій, стали совершенно независимы, а земскій начальникъ, отъ котораго одного только и зависятъ должностныя лица крестьянскихъ учрежденій, при всемъ своемъ желаніи и великомъ усердіи, физически не въ состояніи услѣдить за темными дѣлами означенныхъ лицъ. Отсюда мы приходимъ къ заключенію, что контроль надъ должностными лицами крестьянскихъ учрежденій долженъ быть не единоличный, а общественный. Но скажутъ намъ: данныя историческаго опыта привели насъ къ безвыходному, на первый взглядъ, противорѣчію, и очутившись какъ бы въ заколдованномъ кругѣ, мы начинаемъ вращать его, какъ бѣлка колесо; историческій опытъ доказалъ непригодность волостного крестьянскаго самоуправленія для развитія благосостоянія среди сельскихъ обывателей, а мы опять предлагаемъ, вмѣсто единоличнаго контроля земскихъ начальниковъ, общественный контроль, и даже утверждаемъ, что это—единственный способъ оградить волость отъ хищничества должностныхъ лицъ волостного правленія. Въ дѣйствительности, противорѣчіе здѣсь только кажущееся. Выводъ изъ данныхъ историческаго опыта если кажется противорѣчащимъ нашему заключенію, основанному на фактахъ современной дѣйствительности, то потому, что нами при-

[1]) Для сравненія можно указать на слѣдующій выразительный примѣръ. Несмотря на то, что до земскихъ начальниковъ за крестьянскими учрежденіями *въ 31 волости* одного знакомаго намъ уѣзда наблюдалъ *только одинъ* непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, случаи нарушенія 2-го примѣчанія къ 22 ст. „Общ. Полож“ замѣчались крайне рѣдко, а теперь, когда на каждыя три волости назначено по земскому начальнику, нарушенія означенной статьи со стороны должностныхъ лицъ волостного и сельскаго правленія стали обычнымъ явленіемъ. Такъ, въ началѣ 1900 г. въ этомъ уѣздѣ волостная ямщина содержалась должностными лицами *сразу въ четырехъ волостяхъ*, чего раньше никогда не случалось.

нято было ошибочное предположеніе, будто историческій опытъ доказалъ нецѣлесообразность волостного самоуправленія при всякихъ условіяхъ. Если же, отказавшись отъ принятаго на вѣру ошибочнаго предположенія, мы изслѣдуемъ данныя историческаго опыта, то увидимъ, что эти данныя говорятъ о существованіи условій, какъ содѣйствующихъ, такъ и препятствующихъ развитію волостного самоуправленія. Слѣдовательно, можно говорить о волостномъ самоуправленіи, дѣйствующемъ при тѣхъ или другихъ конкретныхъ условіяхъ; иначе говоря,—можетъ быть самоуправленіе и —самоуправленіе. А въ такомъ случаѣ, наше противорѣчіе сводится къ простому недоразумѣнію, во избѣжаніе котораго необходимо придать понятію „волостное самоуправленіе“ болѣе опредѣленное конкретное содержаніе; удовлетворить же послѣднему требованію можно не иначе, какъ только по предварительномъ изслѣдованіи причинъ, благодаря которымъ волостное крестьянское самоуправленіе оказалось вдругъ нецѣлесообразнымъ.

Обращаясь къ историческому опыту, предложимъ ему слѣдующіе вопросы. Во-первыхъ, почему волостной старшина, вмѣсто того, чтобы, согласно „Общ. Полож. о крестьян.“, руководить волостнымъ писаремъ и всѣми дѣлами въ волости, большею частью самъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ писаря или же сообщникомъ въ его темныхъ дѣлахъ? Во-вторыхъ, почему волостной сходъ даже и тогда, когда еще не былъ лишенъ власти надъ должностными лицами волостного правленія, оказался не въ состояніи ни бороться съ ихъ злоупотребленіями, ни контролировать ихъ счетоводство? Отвѣчая на предложенные вопросы, историческій опытъ говоритъ, что причины, обусловливающія указанныя выше прискорбныя явленія волостной жизни, однѣ и тѣ же, какъ при дѣйствіи волостныхъ учрежденій по „Общ. Полож. о крестьян.“, такъ и при дѣйствіи ихъ по закону 12 іюля 1889 г. Первая причина—это отсутствіе точнаго опредѣленія въ „Общ. Полож. о крестьян.“ круга дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію волостного правленія, вслѣдствіе чего этотъ кругъ быстро принялъ такой обширный объемъ, какъ ни въ одномъ изъ другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Вторая причина—это безпросвѣтное невѣжество, окутавшее, какъ густой туманъ, головы сельскихъ обывателей, вслѣдствіе чего въ борьбѣ съ хищными членами волостного правленія они съ трудомъ приходятъ къ соглашенію и обыкновенно дѣйствуютъ въ разбродъ. По той же причинѣ сельскіе обыватели не въ состояніи производить правильный контроль надъ счетоводствомъ волостного

правленія, такъ какъ счетоводство это является для нихъ „книгой за семью печатями“, т.-е. совершенно недоступнымъ таинствомъ. Надѣемся, что теперь каждый, если принять во вниманіе только-что указанныя причины, не найдетъ ничего удивительнаго въ томъ общераспространенномъ фактѣ, что *никакой волостной старшина не можетъ настолько разобраться въ сложномъ волостномъ дѣлопроизводствѣ, чтобы дѣйствовать самостоятельно и даже руководить писаремъ.* Въ самомъ дѣлѣ, что же можетъ быть удивительнаго въ томъ, когда не только малограмотные или безграмотные старшины, но и болѣе или менѣе образованные земскіе начальники долго не могли на первыхъ порахъ отчетливо оріентироваться безъ посторонней помощи въ сложной сѣти волостныхъ дѣлъ, и по неволѣ прибѣгали къ помощи и руководству своихъ „опытныхъ“ письмоводителей. Если же земскіе начальники принуждены были, какъ мы видѣли выше, „ходить на помочахъ“ у своихъ малообразованныхъ, но „виды видавшихъ“ письмоводителей, то въ отношеніяхъ волостныхъ старшинъ къ „дѣльнымъ“ или хоть сколько-нибудь опытнымъ писарямъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать, какъ совершенно неизбѣжный, тотъ же самый результатъ, но въ еще высшей степени. Такъ въ дѣйствительности всегда и бываетъ. Безграмотный или малограмотный старшина, ничего или почти ничего не понимающій ни въ законахъ, ни въ „бумажныхъ дѣлахъ“, чувствуетъ себя въ волостномъ правленіи какъ въ дремучемъ лѣсу, гдѣ все для него темно и жутко отъ страха—„не попасть бы въ бѣду“; безпомощный со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ, онъ по неволѣ отдаетъ себя въ полное распоряженіе писаря, который и пускаетъ его во всякіе свои „ходы“ и „подходы“, какъ настоящую пѣшку. Такъ какъ, по „Положенію о крестьянахъ“, волостные старшины, безъ уважительныхъ причинъ, не могутъ отказываться отъ своей должности, на которую ихъ избрала волость, то обыкновенно случается такъ, что совѣстливый волостной старшина, запутанный въ грязныя продѣлки писаря, начинаетъ, съ горя, пьянствовать. Старшина болѣе грамотный и вообще мало-мальски понимающій „бумажное дѣло“ и законы обыкновеннно держитъ себя самостоятельнѣе и не позволяетъ писарю садиться къ себѣ на шею; но и такой старшина, опасаясь, что хитрый „паукъ-писарь“ можетъ все-таки „подвести“ и „утопить“ его, въ концѣ концовъ бросается въ дружескія объятія „паука“ и начинаетъ плести вмѣстѣ съ нимъ грязныя сѣти, надѣясь, что, обмывая другъ другу грязныя руки, они останутся, согласно извѣстной пословицѣ, оба чисты, какъ въ глазахъ во-

лостной „публики“, такъ и начальства, однимъ словомъ—подъ судъ не попадутъ. Разъ волостной старшина, такъ или иначе, очутится подъ снисходительнымъ покровительствомъ или въ дружескихъ объятіяхъ писаря, — въ рукахъ послѣдняго окажутся, очевидно, и подчиненные старшинѣ сельскіе старосты всѣхъ селеній волости. Дѣйствуя же посредствомъ организованной арміи сельскихъ старостъ на остальную, плохо сплоченную массу сельскихъ обывателей, писарь получаетъ возможность оказывать давленіе на постановленія волостныхъ сходовъ въ желательномъ для себя направленіи. Кромѣ того, у писаря имѣются для той же цѣли и другія средства, о которыхъ мы подробно говорили раньше. Что же касается учета волостнымъ сходомъ должностныхъ лицъ волостного правленія, т.-е. провѣрки денежныхъ счетовъ правленія, то въ этомъ отношеніи писарь считаетъ себя (и вполнѣ основательно) совершенно неуязвимымъ, такъ какъ вполнѣ увѣренъ, что никто изъ жителей волости не въ состояніи настолько разобраться въ денежныхъ книгахъ правленія, чтобы „вывести на свѣжую воду“ его продѣлки. Увѣренность писаря въ своей неуязвимости съ этой стороны тѣмъ болѣе основательна, что подробнаго отчета объ израсходованіи ассигнованныхъ на предъидущій годъ суммъ обыкновенно не читается на сходѣ, а сходъ выбираетъ изъ своей среды трехъ человѣкъ, которые и „провѣряютъ“ *въ теченіе одного—двухъ часовъ* все денежное счетоводство волостного правленія, разсѣянное по многимъ книгамъ и отдѣльнымъ счетамъ. Понятно, что эта провѣрка счетовъ, производимая малограмотными учетчиками, совершенно фиктивна, и сводится лишь къ тому, что учетчики удостовѣряются въ вѣрности подсчетовъ, а не въ правильности расходованія и разнесенія суммъ по книгамъ. Такимъ образомъ, условія дѣятельности волостного крестьянскаго самоуправленія, указанныя историческимъ опытомъ въ качествѣ причинъ прискорбныхъ явленій волостной жизни, вполнѣ удовлетворительно объясняютъ, почему „каждый писарь—всесильный воротила ввѣренной ему волости“ и *почти управляетъ* иногда двадцати-пятитысячнымъ населеніемъ“.

Изъ всего того, что намъ извѣстно теперь о неблагопріятныхъ для развитія волостного самоуправленія условіяхъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующій практическій выводъ. Для успѣшной и благотворной дѣятельности этого учрежденія необходимо, по нашему мнѣнію, принять слѣдующія мѣры: во-первыхъ, ограничить кругъ дѣятельности волостного правленія дѣлами, касающимися исключительно благосостоянія жителей волости, какъ территоріальной единицы, при-

чемъ къ числу дѣлъ, подлежащихъ изъятію, слѣдуетъ отнести и волостной судъ; во-вторыхъ, устранить отъ участія въ сужденіяхъ волостного схода (или собранія) сельскихъ старостъ, какъ лицъ, подчиненныхъ волостному старшинѣ и могущихъ по его „внушенію“ оказывать сильное давленіе на рѣшенія волостного собранія; въ-третьихъ, ежегодно избирать членовъ ревизіонной коммиссіи какъ для постояннаго наблюденія за дѣлопроизводствомъ волостного правленія, такъ и для провѣрки его годового отчета и денежнаго счетоводства вообще, съ представленіемъ о томъ докладовъ волостному собранію. Относительно выполнимости второго мѣропріятія врядъ ли могутъ быть какія-нибудь сомнѣнія. Но выполнимо ли первое? Намъ кажется, что относительно выполнимости этого мѣропріятія существенныя возраженія могутъ быть сдѣланы только въ защиту волостного суда. Разсматривая перечень дѣлъ, входящихъ по установившемуся обычаю въ кругъ обязанностей волостного правленія, мы видимъ, что большая часть этихъ дѣлъ касается не благосостоянія жителей данной волости, а имѣетъ общегосударственное значеніе. Таковы, между прочимъ, слѣдующія дѣла: 1) наблюденіе за выработкою торгово-промышленныхъ документовъ (иногда и выдача ихъ), а также преслѣдованіе нарушителей закона о торговлѣ и промыслахъ; 2) веденіе отчетности по учету запасныхъ нижнихъ чиновъ и ратниковъ ополченія, а также собираніе и храненіе свѣдѣній по воинской и конской повинности; 3) исполненіе безчисленныхъ порученій различныхъ правительственныхъ лицъ и учрежденій: выдача, напримѣръ, повѣстокъ и объявленій по порученію многихъ лицъ и учрежденій; отобраніе подписки въ выслушаніи рѣшеній или постановленій по порученію различныхъ мѣстъ и лицъ; производство описи имущества и взысканіе присужденныхъ суммъ по порученію судебныхъ лицъ и мѣстъ; храненіе документовъ на случай мобилизаціи войскъ по порученію воинскаго присутствія и прочее. Справедливость требуетъ, чтобы правительство сняло съ волостныхъ правленій установленную обычаемъ обязанность исполнять дѣла, имѣющія обще-государственное значеніе, и учредило для этой цѣли на счетъ суммъ государственнаго казначейства особыя, подвѣдомственныя общей полиціи, присутствія (въ видѣ, напримѣръ, волостныхъ полицейскихъ управленій, какъ административныхъ единицъ).

Какъ же быть съ волостнымъ судомъ? Неужели слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить этотъ „близкій къ народу“ и столь любезный ему судъ „по обычаю“? Вѣдь жалко сгубить это старое дитя народной премудрости, этотъ „продуктъ вѣкового народнаго опыта“ въ

области правосудія! Но что же дѣлать, когда этотъ „близкій къ народу“ судъ, „отвѣчающій требованіямъ народнаго духа“, слишкомъ далекъ отъ справедливости. Вѣдь, въ сущности, это судъ не по народному обычаю, а по вдохновенію и благорасположенію волостного писаря, какъ дѣлопроизводителя этого суда. Само собою разумѣется, дать точныя фактическія указанія для непреложнаго сужденія о реальномъ бытіи такого неуловимаго существа, какъ волостной судебный промыселъ, очень трудно, потому что это неуловимое существо чрезвычайно боится свѣта и не любитъ „постороннихъ зрителей“. Приходится довольствоваться въ этомъ вопросѣ лишь косвенными указаніями опыта. Если порыться въ архивѣ волостныхъ судовъ, то можно тамъ натолкнуться на интересный фактъ: однимъ и тѣмъ же волостнымъ судомъ совершенно одинаковыя по существу дѣла рѣшаются „на основаніи мѣстнаго обычая“ различно, т.-е. какъ нравится писарю и судьямъ.

Говоря объ избраніи членовъ ревизіонной коммиссіи волостнымъ собраніемъ, мы имѣли въ виду не малограмотныхъ обывателей, а лицъ болѣе или менѣе образованныхъ, каковы, напримѣръ, врачи, ветеринары, священники, дьяконы, землевладѣльцы, лѣсничіе, учителя, псаломщики, управляющіе и прочіе. Дѣло въ томъ, что для успѣшнаго развитія волостного самоуправленія мы считали бы за положительно необходимое—привлечь къ заботѣ о *волостныхъ* „пользахъ и нуждахъ“ всѣхъ болѣе или менѣе осѣдлыхъ жителей волости. Конечно, пока мало надежды на обращеніе волостного самоуправленія въ земское, всесословное; больше вѣроятности въ томъ, что оно останется пока узко-сословнымъ, крестьянскимъ учрежденіемъ. Но, допуская даже послѣдній, крайне нежелательный исходъ дѣла, можно все-таки съ увѣренностью утверждать, что этотъ пунктъ необходимыхъ мѣропріятій и тогда можетъ имѣть нѣкоторый смыслъ и практическое значеніе. Во всякой волости найдется, особенно нынѣ, два-три грамотныхъ крестьянина, которые могутъ кое-что понять въ волостномъ счетоводствѣ. Вмѣсто того, чтобы отвлекать этихъ грамотѣевъ со схода для провѣрки *въ два часа* счетовъ волостного правленія, гораздо разумнѣе было бы назначать для этого другое время (за 1—2 недѣли до схода) и болѣе длинный срокъ (3—4 дня).

Ѳ. Маричевъ.

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Büchern. Berl. 1902.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *).

Окончаніе.

I.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, въ редакціи „Праздничнаго Чертога“, произошли ожесточенные споры. Фрюндель открыто высказалъ Томасу, что онъ, по его мнѣнію, склоняется къ компромиссамъ, затуманиваетъ главную цѣль, принимаетъ смиренный тонъ и кокетничаетъ съ тѣми умственными направленіями, съ которыми собственно слѣдуетъ бороться. Восхваленія взглядовъ г-на Эгиди въ „Праздничномъ Чертогѣ“ казались ему не только жалкими, но и недостойными ихъ автора. Фрюндель не могъ простить Томасу, что онъ отказался принять его статью. Къ обвиненіямъ механика присоединился не только Гейнзіусъ, которому все казалось недостаточно рѣзкимъ и энергичнымъ, но даже и Лиссауеръ. Послѣдній, къ ужасу своей жены, рѣшился говорить на народномъ собраніи, гдѣ присутствовали всѣ члены „Ночника“. Его

*) См. выше: апрѣль, 686 стр.

рѣчь имѣла неожиданно-большой успѣхъ, что̀ придало ему необыкновенную смѣлость.

Одна только Брозе осталась на сторонѣ Томаса. Нападки на него глубоко возмутили ее, и она въ сильныхъ выраженіяхъ высказала свое негодованіе. Блинскій и Лирсъ тоже были за Томаса, т.-е., по крайней мѣрѣ, не нападали на него.

Вышла ужасная сцена.

— Вы хотите быть сами свободными!—закричалъ Томасъ, весь дрожа отъ гнѣва: — но вы не желаете признавать чужую свободу!

Его хотѣли прервать, но онъ затопалъ ногами. Въ немъ вдругъ прорвалось все неистовство его юныхъ лѣтъ. Уже давно оно у него не проявлялось, и онъ считалъ себя вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, чтобы опасаться такихъ вспышекъ; но теперь оказалось, что его мятежная натура, измученная и раздраженная заботами и тревогами послѣднихъ недѣль, ждала только предлога, чтобы проявиться со всею своею бѣшеною силой.

— У васъ ребячій умъ!—продолжалъ онъ кричать:—и, при этомъ, вы такіе же догматики, какъ и другіе. Кто не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, того вы готовы въ ломъ сдать. Мнѣ все это кажется чѣмъ-то мелкимъ, ребяческимъ, глупымъ! Меня вамъ не согнуть! Я останусь всегда самимъ собою!

Онъ угрожающе стукнулъ кулакомъ по шаткому редакціонному столу и, не дожидаясь возраженій, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Какая муха его укусила?!—выразился немного саркастически Гейнзіусъ.

— Это — все ваше высокомѣріе надѣлало,—отвѣчала ему Брозе серьезно и печально...

Въ сильномъ возбужденіи и волненіи шелъ Томасъ по улицѣ.

„Хорошо, что я имъ такъ опредѣленно это высказалъ,—думалъ онъ.—Господи! какъ все это глупо!.. И зачѣмъ ссориться? Это совсѣмъ по-дѣтски... Зачѣмъ мы себѣ жизнь портимъ?.. Вѣдь всѣ мы, собственно, хотимъ одного и того же“...

Онъ уже повернулъ-было назадъ, но одумался.

— Не надо! Такъ лучше,—пусть знаютъ!

Онъ поднялъ голову, и ему въ глаза бросилась надпись на сосѣднемъ домѣ: „Армія спасенія“. Это напомнило ему женщинъ въ безобразныхъ шляпахъ, смиренно предлагавшихъ на улицахъ „военный кличъ генерала Бута“.

Томасъ взглянулъ на часы. Было половина девятаго. Ему захотѣлось посмотрѣть, что̀ происходило въ этомъ домѣ. Пройдя

по узкому двору и поднявшись по небольшой лѣстницѣ, онъ очутился въ залѣ собранія.

Это была средней величины комната, съ голыми стѣнами, украшенными ярко-красными изреченіями изъ Библіи. Вся меблировка состояла изъ скамеекъ. Въ глубинѣ комнаты помѣщалась каѳедра.

На одной изъ такихъ скамеекъ въ углу сидѣлъ, сгорбившись, кучеръ конно-желѣзной дороги. Онъ спалъ и, конечно, ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Въ общемъ, публики было всего человѣкъ тридцать. Это были люди всѣхъ возрастовъ, съ блѣдными, поблеклыми лицами. Всѣ они смотрѣли пристально, какъ замагнитизированные, на трехъ женщинъ, сидѣвшихъ на каѳедрѣ.

Когда Томасъ вошелъ въ комнату, — женщина, находившаяся по серединѣ и носившая названіе „капитана“, докончила пѣть строфу хорала, положеннаго на свѣтскую музыку. На мгновеніе она остановилась, и затѣмъ все собраніе запѣло ту же строфу, а она отбивала тактъ обѣими руками.

Томасу показалось, что всѣ эти люди повторяли слова молитвы хныкающимъ голосомъ, съ тупою и безсмысленною покорностью.

Когда пѣніе кончилось,—капитанша, съ сверкающими фанатическими глазами на рябомъ лицѣ, начала говорить съ необыкновенно быстрымъ, ошеломляющимъ краснорѣчіемъ разныя благочестивыя вещи, среди которыхъ повторялись, какъ припѣвъ, слова: „Іисусъ... грѣхъ... искупленіе“. Она все разсказывала о томъ, за что должна быть благодарна Іисусу. Онъ извлекъ ее изъ грѣховной бездны. Въ самомъ разгарѣ собственной рѣчи, она вдругъ обратилась къ особѣ, сидѣвшей справа отъ нея, и предложила ей также разсказать исторію своей жизни. И та начала съ тѣмъ же гладкимъ, заученнымъ краснорѣчіемъ, не затрудняясь ни однимъ словомъ, свою рѣчь:

„Я стояла на краю гибели, но Іисусъ освободилъ меня. Теперь я блаженна... блаженна:.. блаженна! Идите къ Іисусу, чтобы Онъ и васъ сдѣлалъ блаженными, пока еще есть время. Къ Іисусу, жениху души моей“!

Послѣ этого молодая женщина, сидѣвшая слѣва отъ капитанши, запѣла строфу хорала, и опять собраніе повторило ее, а женщина отбивала тактъ обѣими руками.

Все заспаннѣе и утомленнѣе становились лица присутствующихъ, но они таращили глаза и не спускали ихъ съ капитанши, а та все кивала имъ.

„Это какія-то принудительныя занятія“,—подумалъ Томасъ и тяжело поднялся съ своего мѣста. Онъ хотѣлъ уже выйти изъ комнаты, но вдругъ остановился, встрѣтивъ неожиданно взглядъ чьихъ-то, какъ ему показалось сначала, злыхъ, темно-карихъ глазъ. Эти глаза принадлежали стройной дѣвушкѣ съ смуглымъ, какъ у цыганки, лицомъ. На головѣ у нея былъ надѣтъ красный платокъ.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ пристально посмотрѣлъ на нее. Его поразило и удержало на мгновенье печальное, трагическое выраженіе ея лица. Медленно отвернулся онъ отъ нея и вышелъ изъ комнаты. Медленно пошелъ онъ по улицѣ. Невѣдомое ему до тѣхъ поръ чувство охватило его. Его преслѣдовали неотступно эти удивительные глаза, то страдающіе, то презрительные. Голова его горѣла... Вдругъ онъ невольно вскрикнулъ. Она стояла рядомъ съ нимъ.

— Что же это такое?—смущенно пробормоталъ онъ.

— Это я,—спокойно отвѣчала она и закусила нижнюю губу.

Онъ ничего не возразилъ; все было такъ странно, точно во снѣ. Они шли рядомъ, близко одинъ къ другому.

— Я васъ знаю, — сказала она и поправила платокъ на головѣ.

— Меня?

— Да, я недавно слышала, какъ вы говорили рѣчь въ народномъ собраніи.

— Ахъ, вотъ что!—произнесъ онъ и покосился на нее. Онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ ея горячее дыханіе.

— Вы вѣрите во все то, о чемъ говорили тогда?

— Да, вѣрю!.. А вы, значитъ, ходите на всѣ собранія?

— Ну, нѣтъ, далеко не на всѣ! Вы это про сегодняшнее-то?—она разсмѣялась.—Это меня хозяйка туда затащила!—И, помолчавъ немного, она прибавила, какъ бы смѣясь надъ собою:—Ей хотѣлось меня спасти!

— Ну и что же, спасла она васъ сегодня?

— Меня... меня? — ея лицо омрачилось. — Меня никто не можетъ спасти!

Они пошли скорѣе и оба молчали. Вдругъ она остановилась передъ закусочной и стала жадно смотрѣть въ окно на сухіе, наложенные горою хлѣбцы.

— Простите, пожалуйста, мнѣ страсть какъ ѣсть хочется!—И, какъ бы извиняясь, она прибавила:—Я съ самаго утра ничего не ѣла.

Онъ уже взялся за ручку двери. Въ эту закусочную захо-

дили только бѣдные люди. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на вновь пришедшихъ. Дѣвушка не обратила на это вниманія, спокойно прошла въ передній уголъ и сѣла тамъ на скамейку. Томасъ тутъ только замѣтилъ, до какой степени у нея былъ страдающій и изнуренный видъ.

— Принесите намъ чего-нибудь поѣсть,—сказалъ онъ, обращаясь къ грязнаго вида худой особѣ, прислуживавшей посѣтителямъ, и прибавилъ, повернувшись къ своей спутницѣ:

— Вы чего хотите выпить?

— Пива, пожалуйста!

— Ну такъ, значитъ, пива и сельтерской воды.

Служанка подала имъ все очень быстро.

Дѣвушка поспѣшно проглотила пиво и съ жадностью заѣла его сухимъ хлѣбомъ. Видно было, что она сильно наголодалась.

Между тѣмъ, Томасъ успѣлъ подробно разсмотрѣть ее. У нея было худое, красиво очерченное лицо, низкій, но выразительный лобъ, шелковистыя рѣсницы и тонкій, съ горбинкою носъ. Даже большой, толстый ротъ, съ красными, чувственными губами, не показался ему некрасивымъ. У нея была нѣжная, гибкая шея, а когда она сняла свой платокъ, то онъ увидалъ пышные черные волосы, съ проборомъ по серединѣ и связанные на затылкѣ въ тяжелый греческій узелъ. Она была завита совсѣмъ не по модѣ, но это только придавало ей что-то особенное.

Наконецъ, она наѣлась до сыта, облокотилась обѣими руками на столъ и положила на сложенныя ладони свое грустное, страдальческое лицо.

Глубокая жалость охватила Томаса.

— Знаете, чего бы мнѣ еще хотѣлось?—проговорила она неожиданно и взглянула на буфетъ.

Не дожидаясь его отвѣта, она подошла къ хозяйкѣ и спросила у нея коньяку. Потомъ вернулась на прежнее мѣсто и произнесла, сверкая оживившимися глазами:

— Еслибъ вы знали, какъ мнѣ это помогло! А то у меня во всемъ тѣлѣ такая слабость была!

Она усѣлась снова и нѣжно и довѣрчиво коснулась рукою его руки. При этомъ прикосновеніи онъ весь вспыхнулъ, какъ мальчикъ.

Она тотчасъ же, почти робко, отдернула руку.

Хозяйка посмотрѣла на нихъ изъ-за прилавка.

— Какія у нея кошачьи движенія!—тихо замѣтила она своему мужу, стоявшему, въ жилетѣ, рядомъ съ нею.

Дѣвушка, казалось, разслышала эти слова, хотя они были сказаны шопотомъ.

— Пойдемте отсюда!—проговорила она быстро и сердито.

Онъ тотчасъ же всталъ.

Она вынула маленькій грязный кошелекъ и стала рыться въ немъ, съ трудомъ отыскивая нужную мелкую монету.

— А вѣдь не хватитъ,—выговорила она съ испугомъ.

— Но, Боже мой!—возразилъ онъ смущенно:—развѣ вы не захотите быть моей гостьей?

Она откинула голову и улыбнулась холодно и надменно.

— Я никогда не бываю ничьей гостьей!

И при этомъ она невольно взглянула на свои красивыя руки. Только кончики пальцевъ были исколоты иголкой.

— Вы мнѣ одолжите, на-слово, пятьдесятъ пфенниговъ?

Онъ, молча, подалъ ей деньги.

— Замѣтили вы, какъ эта особа нахально смотрѣла на меня?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, а я отлично видѣла. Туда же, дрянь этакая!—прибавила она и хрустнула зубами.

— Но, фрейлейнъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Я ужъ знаю этотъ народъ; за каждымъ готовы шпіонить! А какой у нея безобразный кадыкъ!—заключила она злобно.

— Вы считаете, что люди способны только на зло?

Она непріятно разсмѣялась и остановилась.

— Ну, да вѣдь вы святой! А я людямъ ни на столько не вѣрю. — И она приложила большой палецъ къ самому кончику указательнаго.

— Значитъ, вы испытали въ жизни очень много тяжелаго!—грустно проговорилъ онъ.

— О, да...—И въ лицѣ ея появилось страдальческое выраженіе.

Они остановились передъ маленькимъ café на площади Belle-Alliance.

— Зайдемте выпить кофе.

— А развѣ мнѣ можно сюда?— Она смущенно указала на свой жалкій маленькій вѣеръ и красный платокъ на головѣ.

— Конечно, можно.

Она колебалась еще мгновенье, но потомъ дерзко улыбнулась и послѣдовала за нимъ.

Въ café сидѣло цѣлое общество китайцевъ въ голубыхъ и

черныхъ шолковыхъ панталонахъ. Накинутые на плечи плащи скрывали ихъ длинныя черныя косы. Болѣе старые изъ нихъ мало принимали участія въ общемъ разговорѣ. Ихъ желтыя лица съ узкими глазками, блестѣвшими изъ-подъ очковъ, имѣли серьезный и задумчивый видъ. На лицахъ молодыхъ, напротивъ, преобладало оживленное и возбужденное выраженіе. Съ ними сидѣло пять продавщицъ въ пестрыхъ нарядахъ. Молодые китайцы угощали ихъ.

За сосѣднимъ столикомъ двѣ молодыя датчанки пили замороженный кофе въ обществѣ своихъ ухаживателей. Ихъ оригинальный видъ, миловидныя личики и иностранный говоръ привлекали вниманіе каждаго, входившаго въ кафе.

Эти двѣ группы придавали всей комнатѣ особенный, интернаціональный характеръ. Томасъ и его спутница помѣстились за маленькимъ мраморнымъ столомъ.

Кельнеръ подбѣжалъ къ нимъ подпрыгивающей походкой.

— Что̀ угодно?—спросилъ онъ немного надменно и глядя на нихъ свысока.

Томасъ началъ-было заказывать кофе, но его спутница посмотрѣла на него съ робкой мольбою.

— Нельзя ли мнѣ лучше,—и она густо покраснѣла,—выпить стаканъ пунша? Мнѣ, право, такъ холодно.

— Конечно, конечно,—пробормоталъ Томасъ.—Такъ, значитъ, чашку чернаго кофе и пуншу.

— Слушаю-съ!

— Какіе они смѣшные!—проговорила дѣвушка, видимо желая перемѣнить разговоръ и указывая на китайцевъ.—Посмотрите-ка, какъ шолкъ-то блеститъ!

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Вы, небось, удивились, когда я за вами побѣжала,—начала она опять.—А только на это причина была. Я еще, когда въ первый разъ услыхала, какъ вы говорили въ собраніи, такъ тогда же хотѣла къ вамъ подойти. Мнѣ хотѣлось узнать, такой ли вы въ самомъ дѣлѣ, какъ на словахъ,—непремѣнно хотѣлось узнать,—повторила она твердо.

— И вдругъ я васъ увидала въ „Арміи спасенія“, гдѣ ужъ никакъ не ожидала васъ встрѣтить. Я просто даже испугалась... сначала думала, что, можетъ быть, заснула подъ ихъ завыванье, да и сонъ вижу... Потому-то я и побѣжала за вами!..

— Можетъ быть, нужно было, чтобы такъ случилось.

Въ эту минуту онъ въ самомъ дѣлѣ считалъ свою встрѣчу съ нею чѣмъ-то нужнымъ, свыше предопредѣленнымъ.

Кельнеръ принесъ напитки. Стаканъ съ пуншемъ стоялъ въ серебряномъ подстаканникѣ. Дѣвушка вынула стаканъ и взяла его обѣими руками, какъ бы желая погрѣться.

— Вы обожжетесь!

— О, нѣтъ!

Она смотрѣла въ стаканъ и вдыхала въ себя ароматъ пунша, прежде чѣмъ начать пить его. Потомъ сдѣлала маленькій глотокъ, слегка прищелкнула языкомъ и, сконфузившись, взглянула на Томаса. Дѣтская улыбка, появившаяся въ эту минуту на ея лицѣ, придала ему особенную прелесть.

— Какъ хорошо становится, когда выпьешь горячаго!

И она стала пить осторожно, маленькими глотками. Ея лицо постепенно оживлялось. Но вдругъ она поймала на себѣ его пристальный взглядъ и проговорила мрачно:

— Какая я худая, не правда ли?—Въ голосѣ ея слышалось презрѣніе къ самой себѣ.—А прежде-то какая я была полная и красивая! Какія руки у меня были полныя и красивыя... вся я была какая!

И при воспоминаніи о своей прежней красотѣ она стала совсѣмъ грустной и уныло опустила голову.

— Вы бы только посмотрѣли, что̀ за дѣвушка я была!—начала она снова уже съ гордостью. — Что̀ это только было! Эхъ!..—она, свойственнымъ ей движеніемъ, откинула голову назадъ и, какъ бы желая прогнать ненужныя, печальныя мысли, взяла стаканъ и быстро выпила его.

Поставивъ его на столъ, она снова вздрогнула, какъ будто ей все еще было холодно.

— У меня холодъ внутри сидитъ. Должно быть, я инфлуэнцу схватила. Этого еще недоставало! Самое лучшее было бы еще чего-нибудь такого выпить; мнѣ кажется, это помогаетъ.

— Я только боюсь, чтобы вамъ не сдѣлалось дурно.

Она вся оживилась.

— Ну, а если у меня въ самомъ дѣлѣ инфлуэнца, такъ вѣдь этимъ только и можно ее вылечить,—проговорила она убѣдительно.—Я знаю, что спиртными напитками можно вылечить инфлуэнцу.

Томасъ подозвалъ кельнера.

— Еще стаканъ пунша!

— А что̀ это стоитъ?—спросила она быстро.

— Семьдесятъ-пять пфенниговъ.

— Ого!—произнесла она испуганно. Она вытащила изъ кармана маленькую записную книжку и записала: „Два стакана

пунша—одна марка пятьдесятъ пфенниговъ; въ пивной—пятьдесятъ пфенниговъ".—Теперь, значитъ, я вамъ должна двѣ марки. Вы мнѣ повѣрите такъ много?

— Повѣрю.

— То-есть, что̀ этихъ денегъ выходитъ! Въ цѣлый день столько не заработаешь. Я вѣдь жакеты шью,—прибавила она въ видѣ поясненія и показала ему свои исколотые пальцы. Потомъ вдругъ взяла его руку и осторожно погладила ее, но тотчасъ же произнесла болѣе для себя:—Нѣтъ, не надо!—и со страхомъ отодвинула отъ него свой стулъ.

Отъ этого мгновеннаго прикосновенія вся кровь бросилась ему въ лицо, и блаженное чувство охватило все его существо.

За столомъ, гдѣ сидѣли китайцы, послышался громкій смѣхъ.

— Какъ они головами киваютъ! — сказала она. — Точь въ точь какъ фигуры такія,—еще ихъ въ окнахъ магазиновъ выставляютъ.—Она посмотрѣла на сидѣвшихъ съ китайцами женщинъ.—Я бы не могла съ такимъ сидѣть... вотъ ужъ не могла бы!.. Ахъ, вотъ и пуншъ! — Она нагнулась къ стакану. — Ахъ, эти волосы!..

Она поправила пряди волосъ, спустившіяся ей на лицо, и залпомъ выпила горячій напитокъ. Онъ бросился ей въ голову, и она нѣсколько времени ничего не говорила, уставившись глазами въ одну точку.

— Что̀ съ вами такое?

— Ничего... ровно ничего,—отвѣчала она, но потомъ прибавила:—Еслибы вы знали... еслибы вы только знали...

— А развѣ мнѣ нельзя узнать?

— Тогда вы не стали бы сидѣть со мною за однимъ столомъ. Вы бы меня презирали!

— Нѣтъ, я не презиралъ бы васъ.

— Это вамъ теперь такъ кажется!—Она посмотрѣла на него нерѣшительно и испытующе.

— Увѣряю васъ, вы ошибаетесь. Развѣ я имѣю право кого-нибудь презирать?

Она, повидимому, не поняла его словъ, но аракъ развязалъ ей языкъ, и у нея явилась непреодолимая потребность подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ.

— За кого вы меня считаете?

— За несчастную!

Его тонъ поразилъ ее.

— Это такъ и есть, это именно такъ и есть! — и, снова

пододвинувшись къ нему и нагнувшись надъ столомъ, она проговорила:

— Если хотите, я вамъ все разскажу.

— Только если это не очень васъ взволнуетъ.

— Нѣтъ, ничего.

Китайцы встали, чтобы уходить.

— Пойдемте и мы!

— Хорошо, я сейчасъ расплачусь.

Когда онъ взялъ шляпу, она сказала ему:

— Троньте-ка мой лобъ!

Онъ коснулся рукою ея горячаго, влажнаго лба, и снова особенное, сладкое чувство сжало его сердце. Когда они вышли на улицу,—она тяжело оперлась на его руку, но отъ этой тяжести онъ чувствовалъ себя веселымъ и счастливымъ. Онъ кротко улыбался ей, и эта улыбка, обнаруживавшая всю его доброту, придала ей смѣлости.

— Вы вѣдь тоже учитесь? — спросила она, сжимая тонкія брови.

— Да, я сдаю послѣдніе экзамены.

— А вы кто же такой?

— Я медикъ!

Она порывисто отдернула свою руку.

— Какъ это удивительно!

И вдругъ онъ сдѣлался для нея точно совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Такъ вотъ что! такъ, такъ... — произнесла она и тотчасъ же прибавила:—дайте мнѣ, пожалуйста, вашу руку, я что-то устала. Вотъ видите ли, „онъ“ тоже былъ медикъ... я вамъ разскажу въ нѣсколькихъ словахъ. Я не здѣшняя родомъ, изъ Вестфаліи, въ деревнѣ родилась. Дѣвушкой я бѣдовая была! По деревьямъ лазала, гнѣзда разоряла... и никто со мной справиться не могъ. Заберусь, бывало, куда-нибудь повыше на дерево, да и сижу тамъ съ утра до ночи... Ну, а потомъ сюда пріѣхала... дома-то мнѣ тѣсно показалось. Тутъ я съ нимъ и познакомилась. Онъ медицинѣ учился. Тоже и онъ не здѣшній былъ. Отецъ его деревенскимъ врачомъ служилъ въ Помераніи. Сталъ онъ ухаживать за мною, такъ по пятамъ и преслѣдовалъ. Въ концѣ концовъ, и я его полюбила... страсть, какъ полюбила!.. Какъ онъ со мною хорошо обращался, какой добрый былъ, вы, просто, не повѣрите!.. Когда я больна бывала, такъ онъ отъ моей постели не отходилъ. Безъ преувеличенія вамъ говорю: онъ

меня прямо-таки на рукахъ носилъ, башмаки мнѣ разстегивалъ, чулки снималъ.

Она улыбнулась мечтательною улыбкой.

— Ахъ, ахъ, Боже мой! — произнесла она тихо и, погрузившись въ сладкія воспоминанія, прикрыла глаза рукою.

— Ну, а потомъ наступилъ конецъ. Онъ заболѣлъ, съ головою у него что-то сдѣлалось... онъ тоже вотъ, какъ вы, экзамены сдавалъ и провалился у Вирхова, — и, въ отвѣтъ на его изумленный взглядъ, она повторила:—У Вирхова, ужъ это я вѣрно знаю!.. А потомъ явился его отецъ и нашелъ его у меня... Какой шумъ онъ поднялъ! Хотѣлъ его сейчасъ же увезти; но вы бы тогда посмотрѣли на моего-то! Объявилъ, что не поѣдетъ безъ меня, вотъ и все! Старикъ могъ кричать себѣ на здоровье, а кончилось все-таки тѣмъ, что мы поѣхали всѣ втроемъ въ ихъ деревню. Тяжело онъ былъ боленъ и безъ памяти, но все время держалъ меня за руку. По милости старика онъ такъ разболѣлся, —только по милости старика. Ну, вы можете себѣ представить, какъ это я пріѣхала и какъ его мать и сестры таращили на меня глаза!.. какъ на какое-то морское чудовище глазѣли онѣ на меня! Но со мною онѣ были ничего себѣ, потому что онъ, какъ только пришелъ въ себя, такъ и сказалъ имъ: „Вы должны съ нею хорошо обращаться, слышите что-ли“? Зато ужъ старикъ... —Томасъ почувствовалъ, какъ она вся задрожала, и увидалъ въ лицѣ ея мрачное, злобное выраженіе:—Какъ этотъ поганецъ со мной поступалъ!.. называлъ меня испорченной, дурной женщиной; говорилъ, что я загубила его сына; оралъ и шумѣлъ такъ, что страсть!.. А мой лежалъ въ горячкѣ и не могъ съ мѣста двинуться. Женщины ужъ едва удержали старика, чтобы онъ не бросился и не побилъ меня... Онъ не позволилъ мнѣ обѣдать съ собою за однимъ столомъ. Мнѣ, какъ собакѣ, отдѣльно давали чашку съ ѣдой!—Все лицо ея горѣло злобой и ненавистью, при воспоминаніи о всѣхъ сдѣланныхъ ей несправедливостяхъ.

— Ну, да я не стану васъ утруждать всѣми этими дрязгами. Наконецъ началъ мой буйствовать, и старикъ объявилъ, что онъ сошелъ съ ума, и что его надо помѣстить въ больницу... и кончено дѣло!.. Его заперли, а меня, какъ паршивую собаку, выгнали изъ дома. Я сѣла на машину и поѣхала домой къ себѣ. Ну, и приняли же меня тамъ!—Она дико и презрительно разсмѣялась.—Такъ приняли, что чудо, а я беременна была. И отецъ, и мать меня били... и кулаками, и сапожнымъ ремнемъ... А сестры! Хоть бы у одной изъ нихъ нашлось для меня доброе

слово... ну, хоть бы единое доброе словечко!.. Я опять тогда въ Берлинъ поѣхала и поступила тутъ на мѣсто.

Она остановилась и перевела духъ.

— Всѣ руки я себѣ въ кровь разсадила, работая, пока наконецъ не родила. — Она опять запнулась и потомъ простонала:—Что это за ребеночекъ славный былъ!.. Что у него за ручки, что за ножки были!.. А самъ весь кругленькій, какъ ангелочекъ.—Она глухо застонала.—Боже ты мой милостивый! Ну, гдѣ бы стали держать меня съ ребенкомъ? Вѣдь я цѣлый день пропадала на работѣ. Отвезла я его одной женщинѣ на выкормку, а она мнѣ его... — она зарыдала — она мнѣ уморила его... Такъ все и кончилось... Отца моего ребенка подлая родня въ Америку услала. Какъ имъ удалось это сдѣлать—я и сейчасъ понять не могу: очень онъ любилъ меня, крѣпко любилъ, повѣрьте мнѣ, повѣрьте!.. Я письмо тогда послала въ нѣмецкое консульство... И цѣлыми ночами лежала на каменныхъ плитахъ въ церкви св. Гедвиги,—вы, можетъ быть, знаете? Все я Богородицѣ молилась, и плакала день и ночь, и молила, чтобы пришло мнѣ счастливое извѣстіе. — Я вѣдь католичка.—Люди меня помѣшанной считали. Ночью, разъ, полицейскій меня въ полицію отвелъ, а на другой вечеръ опять нашелъ меня на прежнемъ мѣстѣ... Наконецъ, пришелъ отвѣтъ: „умеръ“!.. Вы слышите? Правда ли это, навѣрно ли это такъ?—ужъ и не знаю.

Она выпустила руку Томаса и прислонилась къ стѣнѣ дома. Томасъ, весь дрожа, стоялъ передъ нею и не произносилъ ни слова.

Она овладѣла собою.

— Вотъ такъ все и кончилось... и съ тѣхъ поръ я ни въ кого и ни во что не вѣрю! А теперь покойной ночи!—она протянула ему свою тонкую руку.—Вы гдѣ живете?

Онъ сказалъ ей свой адресъ, и черезъ минуту она исчезла за угломъ дома.

II.

Послѣ спора на послѣднемъ засѣданіи въ редакціи, между ея членами осталась нѣкоторая натянутость отношеній. Тщетно Томасъ повторялъ:

— Глупо, если мы начнемъ отравлять другъ другу существованіе. То, что насъ раздѣляетъ, относительно неважно и даже необходимо при совмѣстной работѣ. А съ другой стороны,

то, что̀ насъ связуетъ, должно быть настолько сильно, чтобы быстро прекращать всякія недоразумѣнія.

Съ его словами всѣ соглашались, но его противники оставались при томъ мнѣніи, что онъ даетъ газетѣ ложное направленіе, мѣшающее ея развитію.

Кромѣ занятій въ редакціи и работы надъ статьями, Томасъ готовился и сдавалъ экзамены, но никто не зналъ объ этомъ. Теперь онъ самъ ясно видѣлъ, что ему необходимо имѣть какое-нибудь опредѣленное дѣло, какой-нибудь заработокъ. Доходы съ изданія были ничтожны, ему приходилось разсчитывать каждый пфеннигъ. Одѣвался онъ крайне бѣдно и сталъ носить шерстяное бѣлье, чтобы не приходилось платить за стирку крахмальныхъ рубашекъ. Очень безпокоилъ его Гейнзіусъ: болѣзнь его все усиливалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ его невозможно было уговорить вести благоразумный образъ жизни.

Однажды онъ собралъ и уложилъ свои немногочисленныя вещи и объявилъ, что переѣзжаетъ на другую квартиру. Въ отвѣтъ на удивленные вопросы Томаса онъ рѣзко заявилъ:

— Вы слишкомъ много за мною наблюдаете! Вы медикъ, а я не переношу этого сословія!

А на самомъ дѣлѣ онъ рѣшилъ уѣхать отъ Томаса, потому что сознавалъ, что можетъ заразить его. Предварительно онъ посовѣтовался съ Брозе, и она одобрила его рѣшеніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ неизвѣстной молодой дѣвушкой въ „Арміи спасенія“, Томасъ получилъ отъ нея записку съ двадцатью почтовыми марками по десяти пфенниговъ. Она жила на Горнштрассе, въ домѣ № 11, въ четвертомъ этажѣ. Звали ее Катарина Диркенсъ.

Сначала Томасъ отнесся къ этой встрѣчѣ какъ къ мимолетному приключенію, но вскорѣ для него стало ясно, что въ этомъ приключеніи скрывалось нѣчто важное, овладѣвшее всѣмъ его существомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ потерялъ способность работать. Ея тѣнь преслѣдовала его повсюду неотступно. Она являлась для него представительницей страдающаго народа, олицетворяла собою горе народное. Но онъ не хотѣлъ обманывать себя и признавался въ глубинѣ души, что его влекло къ ней не одно состраданіе: онъ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, и съ жуткой радостью переживалъ въ воспоминаніи чувство, испытанное имъ отъ прикосновенія ея руки.

„И такихъ женщинъ называютъ погибшими!—думалъ онъ:— не онѣ, а всѣ другіе передъ ними виноваты“.

Разъ вечеромъ онъ пошелъ къ ней, и съ тѣхъ поръ они

стали вмѣстѣ обѣдать въ одномъ вегетаріанскомъ ресторанчикѣ, недалеко отъ той улицы, куда она ходила работать. Съ каждымъ днемъ она дѣйствовала на него все сильнѣе. Иногда его непріятно поражалъ ея разговоръ, ея неизящныя выраженія и манеры, но онъ тотчасъ же начиналъ мысленно упрекать себя за это. Особенно она дѣлалась груба, когда разсказывала про отца своего возлюбленнаго или про своихъ собственныхъ родителей. Тогда въ лицѣ ея появлялось злобное, животное выраженіе, а въ голосѣ слышалось какое-то шипѣніе.

— Ужъ эти родственники, хуже всякихъ собакъ!—съ бѣшенствомъ вырывалось у нея, и эти грубыя слова смущали его, но онъ думалъ о томъ, какъ она должна была перестрадать, чтобы дойти до такого озлобленія.

Женскимъ чутьемъ она быстро соображала, что могло оттолкнуть его отъ нея, и всегда прибавляла въ видѣ извиненія:

— Я не виновата, что я такая; это другіе сдѣлали меня такою!

Иногда она подолгу молчала и только тихонько гладила его руку, какъ въ вечеръ ихъ первой встрѣчи. Она принимала живѣйшее участіе въ его экзаменахъ и не разъ поражала его вопросами, обнаруживавшими довольно подробное знаніе дѣла.

— Главное, берегитесь Вирхова!—говорила она.—Хорошъ онъ гусь, нечего сказать, множество народа проваливаетъ!

Онъ только улыбался ей въ отвѣтъ, испытывая какое-то особенное чувство опьяненія.

„Конечно, я не люблю ее въ томъ значеніи, какое обыкновенно придаютъ этому слову“,—разсуждалъ онъ, но чувствовалъ себя съ нею вполнѣ счастливымъ. Она отлично понимала, что ея горе угнетало его, что онъ радовался, когда лицо ея внезапно просвѣтлялось, что онъ становился нерѣшительнымъ и смущался подъ взглядомъ ея темныхъ глазъ, устремленныхъ на него съ тайнымъ желаніемъ. Она чувствовала, что онъ былъ одинокъ, какъ она, и жаждалъ тепла и ласки, и что она умѣла давать ему это тепло, эту ласку... Они начинали привыкать другъ къ другу.

У него появилось одно желаніе и мало-по-малу овладѣло имъ вполнѣ: ему представлялось необыкновеннымъ счастіемъ возможность возвратить этому разбитому, несчастному существу покой, миръ и свѣтлую радость. Эта мысль не покидала его больше.

Онъ ясно сознавалъ всю глубину своего одиночества и несчастья. Одна работа не могла удовлетворить его. Единственное возможное удовлетвореніе состоитъ въ томъ, чтобы освободить

другого. Въ этомъ заключается глубочайшій смыслъ жизни и любви. Одинъ разъ онъ провожалъ ее домой поздно ночью. Они все время шли молча. Отяжелѣвшей рукой отперъ онъ ей ворота... онъ весь былъ одна тревога, одно возбужденіе... и вдругъ голова его закружилась, а глаза заволокло какъ будто туманомъ. Онъ нагнулся къ ней и поцѣловалъ ея тонкую, смуглую шею.

Когда онъ поднялъ голову,—ихъ взгляды встрѣтились. Вся пылающая и дрожащая стояла она передъ нимъ. Они не сказали другъ другу ни слова, и только когда онъ возвращался одинъ по пустымъ улицамъ, его горячія губы шептали, не переставая:

— Катарина... я люблю... Катарина!

III.

Однажды, совершенно неожиданно для всѣхъ, Катарина Диркенсъ появилась въ сопровожденіи Томаса „на горизонтѣ Праздничнаго Чертога“. Томасъ не сталъ ничего объяснять, но всѣ сразу почувствовали, что между ними существовала внутренняя связь.

Катарина держала себя робко и недовѣрчиво, и ничего не говорила въ теченіе цѣлаго вечера, давая односложные отвѣты на предлагаемые ей вопросы. На всѣхъ окружающихъ она смотрѣла, повидимому, какъ на враговъ.

Съ мучительнымъ чувствомъ замѣтилъ Томасъ, что между нею и всѣми остальными образовалось натянутое, враждебное отношеніе. Онъ нашелъ, что къ ней отнеслись нехорошо, и усмотрѣлъ въ этомъ недостатокъ уваженія къ своей особѣ.

„Чего, собственно, они хотятъ отъ нея?—думалъ онъ съ раздраженіемъ:—всѣ они смотрятъ на нее такъ, какъ будто она противъ ихъ желанія втерлась въ ихъ общество“.

Брозе молча пристально смотрѣла на незнакомую ей дѣвушку, какъ бы желая пронизать ее своимъ взглядомъ.

Катаринѣ стало непріятно и неловко. Она нагнулась къ Томасу.

— Чего ей отъ меня нужно?

Томасъ взглянулъ выразительно на Брозе. У нея былъ печальный и удрученный видъ. Она не хотѣла встрѣчаться съ нимъ глазами, быстро встала и ушла.

Вскорѣ послѣ нея вышли и Томасъ съ Диркенсъ.

— Всѣ эти люди ненавидятъ меня, я это ясно чувствую,— вся дрожа проговорила она дорогой.

— Совсѣмъ нѣтъ, что̀ вы! — успокоительно произнесъ онъ, но она осталась при своемъ, и ее нельзя было разубѣдить. Особенно боялась она Брозе. Инстинктъ подсказывалъ ей, что эта женщина была всей душой предана Томасу. На мгновеніе ея большой ротъ искривила злая, безобразная улыбка. Она мысленно перебирала всѣхъ, кого видѣла въ этотъ вечеръ. Одинъ только Фрюндель не возбуждалъ въ ней враждебнаго чувства. Она раздумывала о томъ, могли ли эти люди имѣть большое вліяніе на Томаса, и насколько велики будутъ препятствія, которыя ей придется преодолѣть. Она не сомнѣвалась, что съ этого вечера всѣ эти люди предпримутъ что-нибудь противъ нея.

— У меня такъ грудь болитъ отъ этого вѣчнаго шитья,— прервала она, наконецъ, долго длившееся молчаніе.—Вѣдь я по десяти часовъ въ день работаю,—легко ли это выдержать!

— По десяти часовъ?!.

Они опять прошли нѣсколько времени молча.

— Дай мнѣ твою руку!—попросилъ онъ.

Она взяла его подъ-руку и близко прижалась къ нему. Она чувствовала, какъ онъ каждый разъ вздрагивалъ отъ ея прикосновенія, и это радовало ее. Она сознавала его чистоту и мягкость, и знала, что ей, болѣе опытной и многое испытавшей въ жизни, стоило только руку протянуть, чтобы взять его. Но она сдерживала себя. Его чистота смущала ее и дѣлала робкой. Ей казалось, что она должна идти какъ можно медленнѣе, чтобы достигнуть цѣли, неопредѣленно манившей ее далеко впереди. Иногда надежды ея представлялись ей смѣшными и дерзкими, но потомъ ее снова охватывала радость, когда она начинала думать о своихъ домашнихъ. Вотъ глаза-то вытаращатъ, а она покажетъ имъ зубы да и будетъ такова! Она вся горѣла и дрожала при мысли объ этомъ.

„Но вѣдь это безуміе!.. —старалась она успокоить себя:— это невозможно... и вдругъ еще онъ замѣтитъ, что̀ со мною происходитъ“!..

Въ эту минуту онъ взялъ ее за руку.

— Милая... милая!

Онъ видѣлъ, какъ ея глаза вдругъ затуманились, но тотчасъ же снова влажно заблестѣли, какъ цвѣты, когда на нихъ выступаетъ вечерняя роса.

— Милая,—началъ онъ снова:—завтра я сдаю послѣдній экзаменъ.—Онъ остановился. Она тоже молчала. Вся душа его

колебалась, точно обильное жатвой поле, когда по немъ волнами пробѣгаетъ вѣтеръ. Онъ такъ жаждалъ счастья!.. Обо всемъ этомъ онъ собирался говорить съ нею завтра, но его взволновало, что съ нею обошлись такъ холодно и недружелюбно. Никто, никто не долженъ былъ болѣе оскорблять ее. Онъ... онъ долженъ былъ искупить передъ нею вину другихъ, и въ короткихъ, отрывистыхъ фразахъ онъ сказалъ ей все и спросилъ, хочетъ ли она навсегда связать свою судьбу съ его судьбою. Она не поняла его. Теперь, когда то, чего она такъ ждала, совершилось, ей показалось это невозможнымъ. Это былъ сонъ, и она такъ боялась проснуться.

— Зачѣмъ вы меня мучаете?—проговорила она едва слышно.

Онъ повторилъ ей все и снова задалъ тотъ же вопросъ. У нея закружилась голова.

— Ты хочешь меня взять?... меня? И не такъ только, а открыто, передъ всѣми?..

— Да, я хочу передъ всѣми назвать тебя моей женой.

Она прижала обѣ руки въ вискамъ и стала тихо плакать. Потомъ выпрямилась и проговорила умоляющимъ голосомъ:

— Милый... теперь оставь меня одну!

Онъ молча наклонилъ голову, и долго, поблѣднѣвъ, смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она совсѣмъ не исчезла въ темнотѣ.

Она бѣгомъ бросилась домой и, задыхаясь, взбѣжала на лѣстницу. Поспѣшно разбудила она спавшую хозяйку. Та начала было ворчать и браниться, но скоро въ ней заговорило любопытство, и она смолкла. Катарина заставила ее встать, одѣться, зажечь лампу и погадать ей на картахъ.

— Ну, хозяйка,—сказала она, выпрямившись и поправляя непокорныя пряди тяжелыхъ черныхъ волосъ:—теперь моему мученью конецъ пришелъ.

Хозяйка посмотрѣла на нее съ невольнымъ почтеніемъ.

— А теперь,—продолжала Катарина,—одѣвайся! Я хочу на воздухъ!

Хозяйка рѣшила ничему больше не удивляться и не противорѣчить. Быстро надѣла она накидку и безвкусную шляпу, украшенную ярко-краснымъ макомъ. Онѣ спустились съ лѣстницы и вышли на улицу. Катарина рѣшила идти въ то café на площади Belle-Alliance, гдѣ они были съ Томасомъ въ вечеръ ихъ первой встрѣчи. Онѣ дошли до него, запыхавшись, и въ изнеможеніи опустились на маленькій диванъ, обитый краснымъ плюшемъ.

Катарина заказала глинтвейну. Голосъ ея звучалъ громко и

увѣренно. Онѣ чокнулись и стали съ жадностью пить. Потомъ она заказала еще и еще. Ей все казалось мало. Крѣпкій напитокъ возбуждалъ ее, и на нее напала безумная радость. Ей ужасно хотѣлось танцовать, въ головѣ шумѣло и огонь пробѣгалъ по жиламъ.

Наконецъ, хозяйка заставила ее расплатиться; она совсѣмъ отяжелѣла и едва держалась отъ усталости.

— Ничего, мы извозчика возьмемъ,—утѣшила ее Катарина. Кельнеръ разсмѣялся имъ вслѣдъ.

— Эта выпить не дура!—замѣтилъ онъ, обращаясь къ продавщицѣ, стоявшей за буфетомъ.

— Здорово тянетъ, чортъ возьми!

Когда онѣ уже сидѣли на извозчикѣ и кляча лѣниво плелась, таща экипажъ по опустѣвшимъ улицамъ,—Катарина нагнулась къ хозяйкѣ и прошептала ей на ухо:

— Онъ тоже докторъ!—и при этомъ въ глазахъ ея промелькнуло грустное, загадочное выраженіе. Несмотря на огромное количество выпитаго вина, она всю ночь пролежала, не смыкая глазъ и прислушиваясь къ біенію собственнаго сердца.

IV.

На слѣдующій день Томасъ сообщилъ своимъ друзьямъ, что сдалъ всѣ экзамены на врача. Для всѣхъ это была большая неожиданность, и новость эту приняли съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Но общая радость значительно уменьшилась, когда Томасъ объявилъ, что на слѣдующей недѣлѣ женится на Катаринѣ Диркенсъ. Брозе сдѣлала отчаянное лицо, и хотя знала, до какой степени это оскорбитъ его, но все-таки не могла сдержать своего неудовольствія. Горькое чувство мучительно овладѣло всѣмъ существомъ Томаса. За послѣднее время онъ сильно утомился и работой, и всѣмъ, что ему пришлось пережить, и жаждалъ отдыха, тишины, добраго, дружескаго отношенія. Но вотъ пришли эти люди, рядомъ съ которыми онъ работалъ и боролся, и обдали ледяной водой всѣ его горячія чувства и мысли. Чего же стоила ихъ дружба! Все—только одно воображеніе и обманъ. Онъ одинокъ... одинокъ безконечно...

Особенно огорчало его отношеніе къ нему Брозе. Она вѣроятно догадалась, что въ немъ происходило.

— Я знаю,—сказала она и съ трудомъ перевела духъ,—

что этотъ часъ разъединитъ насъ, быть можетъ, навсегда. Я это знаю, и все-таки должна говорить.

Въ ея строгомъ, задумчивомъ лицѣ появилось умоляющее, безнадежное выраженіе.

— Если еще не поздно, то послушайтесь меня и разстаньтесь, ради всего на свѣтѣ, разстаньтесь съ этой женщиной!

Она увидала, какъ лицо Томаса исказилось отъ гнѣва, но все-таки продолжала:

— Я вижу, какъ вы стремитесь къ погибели, съ открытыми,— нѣтъ, съ ослѣпшими глазами стремитесь вы къ погибели.

— Да что же это такое наконецъ! — закричалъ Томасъ, давая волю накипѣвшему въ немъ раздраженію.—Чего вы, собственно, хотите? Вы знаете эту дѣвушку?

— Я достаточно знаю ее для того, чтобы быть увѣренной, что въ ней—ваша погибель.

— Вы ее знаете?

Брозе наклонила голову.

— Значитъ, вы шпіонили за мною!

Она покачала головой. Томасъ пересталъ понимать ее.

— Въ чемъ же вы можете упрекнуть ее? Въ томъ, что она несчастна?

Брозе закусила нижнюю губу и слегка выпрямилась.

— Я бы пожалѣла ее, еслибъ она не встала на вашемъ пути. Эта дѣвушка слишкомъ много жила и не годится больше для жизни... Она... ее...—она мучительно искала подходящаго слова:—жизнь запятнала ее. Для васъ она будетъ тяжестью, которая пригнетъ васъ къ землѣ. Я это вижу... Ясно вижу. Мнѣ представлялось чистое, прекрасное и благородное существо, когда я мечтала о вашей будущей женѣ; это...—она остановилась и докончила едва слышно:—я думала о дѣвушкѣ, съ которой вы же насъ познакомили.

Выговоривъ эти слова, она быстро отвела глаза въ сторону. Она знала, что не могла сказать ему ничего болѣе мучительнаго, и ей не хотѣлось видѣть выраженіе его лица. Онъ не произнесъ ни звука. Кромѣ острой, невыносимой боли, въ немъ не осталось ничего. Она поразила его въ то мѣсто его души, до котораго онъ самъ не смѣлъ коснуться. Въ эту минуту ему показалось, что онъ ненавидитъ Брозе и даже презираетъ ее.

„Что можетъ быть хуже людей, когда они вмѣстѣ? — подумалъ онъ.—Только въ себѣ самомъ можно найти якорь, и только въ одиночествѣ—безопасную пристань. Все остальное—ложь. Все

остальное? — повторилъ онъ съ щемящимъ душу отчаяніемъ:— правда ли—все"?..

Еще рѣзче обошелся съ нимъ Гейнзіусъ, когда онъ попросилъ его быть свидѣтелемъ на его свадьбѣ.

— Вы хотите, чтобъ я былъ сообщникомъ и участникомъ вашей чудовищной глупости? Нѣтъ, милый мой, даже сверхъчеловѣкъ не станетъ совершать такого преступленія предъ лицомъ смерти.

Эти слова лишили Томаса послѣдняго самообладанія. Онъ пришелъ въ такое волненіе, что первое время не могъ говорить.

— Съ ума, что-ли, вы всѣ сошли?—съ трудомъ выкрикнулъ онъ, наконецъ.—Развѣ я ребенокъ, что вы меня опекаете и хотите распоряжаться мною? Вы не позволяете мнѣ взять на себя отвѣтственность за мои поступки. Такъ-то вы уважаете меня? Такъ-то вы уважаете чужую свободу!..

— Я нахожу, что вы всѣ ведете себя непростительно глупо,— сказалъ Фрюндель. — Никто не можетъ и не долженъ препятствовать человѣку стремиться къ своему несчастію. Какое вамъ до этого дѣло? И, кромѣ того,—прибавилъ онъ съ какимъ-то мистическимъ чувствомъ, котораго никто не понялъ:—быть можетъ, для него послужитъ высшимъ счастіемъ это его несчастіе.

V.

Свадьба была самая тихая, и единственными гостями на ней были два свидѣтеля, Абрамъ Гебгардтъ и механикъ Фрюндель.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ маленькаго ресторана, на Фридрихштрассе, было приготовлено скромное угощеніе, и музыкантъ исполнилъ на разстроенномъ фортепьяно отрывки изъ своей новой симфоніи „Царство радости".

Наполнивъ бокалы свѣтло-золотистымъ виномъ, механикъ Фрюндель произнесъ рѣчь.

— Я,—началъ онъ,—присутствую сегодня на торжествѣ, которое считалъ всегда въ высшей степени опошленнымъ. Я нахожу, что два человѣка, взаимно налагающіе другъ на друга цѣпи, поступаютъ, по меньшей мѣрѣ, черезъ-чуръ смѣло, но— эта, на мой взглядъ, колоссальная глупость повторяется такъ часто, что стала, въ концѣ концовъ, такой же старой, какъ и первородный грѣхъ. Я думаю однако, что на этотъ разъ вижу передъ собой двухъ людей, свободныхъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и надѣюсь, что они порвутъ союзъ, какъ только въ

немъ появится хоть тѣнь какого бы то ни было принужденія. Въ ихъ бракѣ прежде всего должна быть свобода! За нее поднимаю я мой бокалъ и пью за здоровье Томаса Трука и его жены!

Рѣчь показалась всѣмъ немного безтактной и какъ будто не особенно подходящей къ случаю, но всѣ чокнулись, и музыкантъ прочувствованнымъ голосомъ пожелалъ счастья новобрачнымъ.

Диркенсъ все время крѣпко держала Томаса за руку, точно все еще боялась, что онъ уйдетъ отъ нея. Она мучилась этой мыслью всѣ послѣднія ночи, и хозяйка каждый вечеръ должна была гадать ей на картахъ. Только въ ту минуту, когда ей пришлось подписать свое имя на брачномъ контрактѣ, она почувствовала нѣкоторую увѣренность.

Всѣ очень скоро разошлись по домамъ. Не торопясь, глубоко взволнованные, направились новобрачные въ свою квартиру. Это была прежняя бѣдная комната Томаса, и тамъ они должны были начать свою общую жизнь.

Входная дверь оказалась украшенной цвѣтами, а комната была превращена въ настоящій садъ. На письменномъ столѣ стояло два бюста. Это былъ свадебный подарокъ отъ членовъ „Ночника“.

— Кто же это?—спросила Катарина, указывая на бюсты.

— Гёте,—растроганнымъ голосомъ отвѣтилъ ей Томасъ.

— Гм!—произнесла она.—Ну, а другой?

— Сократъ.

— Это кто же такой?

— Святой,—точно въ раздумьи отвѣтилъ Томасъ и повторилъ едва слышно:—Святой.

Она больше не сказала ни слова, и онъ не видѣлъ насмѣшливой улыбки, промелькнувшей на ея губахъ.

Съ этого дня въ тѣсной и низкой комнатѣ, гдѣ Томасъ столько пережилъ и перечувствовалъ, все у той же старушки-хозяйки, уже давно переставшей понимать своего жильца, должно было расцвѣсти и окрѣпнуть личное счастье Томаса, то счастье, о которомъ онъ такъ долго и жадно мечталъ.

На входныхъ дверяхъ появилась маленькая дощечка съ надписью: „Врачъ Томасъ Трукъ“.

Дощечка висѣла на дверяхъ, но больныхъ что-то не было замѣтно. Докторъ, жившій въ одной комнатѣ и притомъ еще въ четвертомъ этажѣ, не внушалъ никому особеннаго довѣрія.

Хозяйка сама предложила ему пользоваться въ его пріемные для больныхъ часы „комнатой Беттины".

Теперь Томасъ видѣлся со своими друзьями очень рѣдко. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и смертельно усталымъ. Жизнь представлялась ему такой трудной и совсѣмъ другой, чѣмъ прежде. Его терзала постоянная забота о женѣ. Ему хотѣлось дать ей покой и ясность мысли; онъ мечталъ, что она возродится подъ его вліяніемъ. Въ общемъ, брачная жизнь представляла для него самого много такого, къ чему онъ привыкалъ медленно и съ трудомъ. Часто по ночамъ его тревожили заботы и сомнѣнія, въ то время какъ Катарина уже давно спала мирнымъ сномъ.

Онъ не могъ не видѣть, что ихъ натуры въ самомъ основаніи были совершенно разныя, но тщательно скрывалъ, до какой степени его отталкивала ея необузданность. Онъ былъ удовлетворенъ физически и не стыдился радоваться этому, но жаждалъ облагородить свои чувства, и упорнѣе, чѣмъ когда-либо, стремился къ самоусовершенствованію.

Жена его не понимала. Она не видѣла смысла въ его безконечныхъ писаніяхъ; они ничего не давали, отнимали послѣдніе гроши и усложняли и безъ того нелегкую жизнь. Онъ пытался объяснить ей, что его ученье еще далеко не закончено, что ему нужно трудиться и работать въ продолженіе цѣлой жизни, чтобы осуществить свои стремленія. Однажды, выслушавъ его, она сухо замѣтила:—Не сердись, но все это кажется мнѣ черезчуръ глупымъ.

Онъ вздрогнулъ отъ этихъ словъ и долго не могъ забыть ихъ.

Томасъ пытался дѣйствовать на жену кротостью. Онъ рѣшилъ, что она самостоятельно должна придти къ тому, что онъ хотѣлъ внушить ей, но, наталкиваясь на постоянное раздраженіе съ ея стороны, онъ сталъ и самъ раздражаться, и раздражался главнымъ образомъ на самого себя, на свое неумѣнье и на недостатокъ мужества. Онъ находилъ чрезмѣрными свои требованія относительно ея, и принуждалъ себя быть къ ней еще снисходительнѣе, и даже не снисходительнѣе, а терпѣливѣе. Онъ упрекалъ себя въ недостаткѣ чуткости. Катарина понимала его все меньше и меньше, и все чаще и чаще находила смѣшными и его поступки, и его самого. Его кротость вызывала въ ней даже нѣкоторое презрѣніе. Иногда она невольно начинала его сравнивать съ тѣмъ первымъ, который, несмотря на всю свою любовь, давалъ волю своимъ мужицкимъ рукамъ каждый разъ, какъ ей приходило желаніе его помучить. „А у этого въ жилахъ

не кровь, а просто какая-то сыворотка!"—презрительно порѣшила она.

Членовъ „Ночника" она ненавидѣла отъ всей души, и выходила изъ себя каждый разъ, какъ Томасъ собирался на редакціонныя собранія, которыя со времени его женитьбы происходили у Брозе.

Однажды вечеромъ, вернувшись къ себѣ, онъ не засталъ дома Катарины.

Онъ сталъ ее поджидать, чтобы вмѣстѣ поужинать, но она не возвращалась, и онъ началъ безпокоиться.

Онъ не зажегъ лампы, и въ темнотѣ и одиночествѣ тревожныя, мучительныя мысли подступили къ нему. Онъ почти изнемогалъ въ безпрестанной борьбѣ и заботѣ о насущномъ кускѣ хлѣба, а жизнь съ каждымъ днемъ становилась все тяжелѣе. Для себя лично онъ не боялся и голода, но Катарина ни въ какомъ случаѣ не должна была выносить лишеній. Онъ былъ увѣренъ, что они подѣйствуютъ на нее самымъ угнетающимъ образомъ.

Вся практика доставлялась ему исключительно одной Лирсъ, и часто послѣ трудового дня ему приходилось проводить ночи вмѣстѣ съ акушеркой у постели какой-нибудь больной. Но все это были по большей части бѣдняки, и онъ стѣснялся брать ихъ жалкіе гроши, несмотря на всѣ убѣжденія Лирсъ, которая и сама для себя была практична болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Часто сидѣли они вдвоемъ по цѣлымъ часамъ, не говоря ни слова, у постели больныхъ. Лирсъ уважала молчаніе Томаса, и дала бы скорѣе отрѣзать себѣ языкъ, чѣмъ задать ему какой-либо вопросъ.

Но разъ онъ поразилъ ее неожиданными словами:

— Скажите мнѣ, Лирсъ, развѣ не преступленіе родить дѣтей? Я, просто, не понимаю, откуда люди берутъ мужество для этого.

Лирсъ обладала талантомъ слушать, и ничего не отвѣтила Томасу на его вопросъ.

Вдругъ ему послышались шаги... Онъ прислушался, но все кругомъ было попрежнему тихо, и онъ опять ушелъ въ свои мысли.

Въ дверь постучались.

— Войдите!—сказалъ онъ.

Вошла хозяйка, съ маленькой лампочкой въ рукѣ, и остановилась у самыхъ дверей.

— Не потребуется ли вамъ чего-нибудь къ вечеру, господинъ докторъ?—спросила она.—Ваша жена говорила, что можетъ запоздать.

— Благодарю, мнѣ ничего не нужно,—едва разбирая, что она сказала, ласково отвѣтилъ Томасъ.

И опять онъ остался одинъ въ темнотѣ, и изъ этой темноты вдругъ ясно всталъ передъ нимъ чей-то далекій, милый и мучительный образъ... Онъ застоналъ отъ боли и бросился ничкомъ на диванъ. Ему такъ хотѣлось заснуть, но сна не было...

Наступила ночь... Онъ больше не сомнѣвался, что съ Катариной что-то случилось...

Быстро накинувъ плащъ, онъ бросился внизъ по лѣстницѣ.

На улицѣ у самаго дома онъ вдругъ остановился, безпомощно озираясь по сторонамъ. Онъ не зналъ, гдѣ искать ее.

Но вдругъ, весь дрожа, онъ попятился назадъ. Къ нему, пошатываясь, медленно приближалась человѣческая фигура... Неужели это она? Онъ быстро пошелъ къ ней на встрѣчу, и его обдало отвратительнымъ специфическимъ запахомъ.

„Это галлюцинація... мнѣ, просто, кажется... галлюцинація обонянія“...

— Это ты?—запинаясь, произнесъ онъ.

Она тяжело повисла на его рукѣ. Ему пришлось почти тащить ее, чтобы она шла впередъ. Отвратительный запахъ преслѣдовалъ его.

Катарина пыталась что-то говорить, но языкъ ея заплетался, и она произносила что-то невнятное и безсвязное. Томасъ молчалъ; онъ не хотѣлъ ее ни о чемъ разспрашивать.

Онъ едва вскарабкался съ нею по лѣстницѣ, почти задохнувшись добрался наконецъ до своей комнаты и быстро распахнулъ окно.

Съ трудомъ подавляя готовый вырваться стонъ, онъ уложилъ Катарину на постель. Потомъ ушелъ изъ дома и цѣлую ночь бродилъ по улицамъ Берлина. Только когда забрезжилось утро, онъ, весь измученный, вернулся домой.

VI.

Съ этого дня его жизнь была разбита.

Катарина все чаще и чаще отлучалась изъ дома и нерѣдко возвращалась въ самомъ унизительномъ видѣ. На всѣ его убѣжденія она отвѣчала съ какой-то тупой улыбкой:

— Самъ сначала сдѣлайся другимъ; думай больше обо мнѣ и о себѣ, тогда и я стану другой.

На его разспросы о томъ, гдѣ она бываетъ, онъ всегда получалъ одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

— У моей бывшей хозяйки. У тебя я умираю съ тоски. Я тоже человѣкъ, и мнѣ необходимо гдѣ-нибудь развлечься.

Онъ постепенно терялъ къ ней всякое довѣріе. Каждый грошъ приходилось ему тщательно скрывать отъ нея, но она шарила у него по карманамъ и воровала все, что̀ попадалось ей подъ руку.

Онъ рѣшился сходить къ ея прежней хозяйкѣ. Ему захотѣлось узнать рѣшительно все о своей женѣ.

Хозяйка встрѣтила его почтительно и нѣсколько жеманно. Онъ, запинаясь и краснѣя отъ стыда, началъ свои разспросы; она выслушала его съ покорнымъ видомъ и безъ всякаго удивленія.

— Это ужъ извѣстно,—она ни за что не броситъ пить! Пока послѣдніе гроши не пропьетъ,—все будетъ пить. Ужъ такъ она привыкла, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ съ ней несчастье-то случилось,—сказала она Томасу.

— Но какъ же въ такомъ случаѣ она могла работать?—спросилъ онъ, стараясь не смотрѣть на женщину.

— Ну, когда это на нее находило, ей и отказывали, а потомъ она опять поступала на мѣсто... Она такая умѣлая, что всегда найдетъ себѣ работу!

Томасъ узналъ достаточно. Теперь оставалось испробовать послѣднее средство. Необходило было достать ей какую-нибудь обязательную работу. Вернувшись домой, онъ кратко и сухо объявилъ ей, что она должна искать работы, потому что его собственнаго заработка не хватаетъ для жизни.

— Ни подъ какимъ видомъ не стану работать! Развѣ я для этого выходила замужъ?—закричала она.

Ему стало противно, но онъ сдержался и отошелъ къ своимъ книгамъ.

Ему захотѣлось почитать „Заратустру“, но книга не попадалась подъ руку; онъ принялся искать другую, но и той не оказалось... Онъ обшарилъ всѣ углы, и тогда невольное подозрѣніе закралось въ его душу.

— Гдѣ мои книги?—задыхающимся голосомъ спросилъ онъ, подбѣжавъ къ женѣ.

Она испуганно отстранилась отъ него. Никогда еще не случалось ей видѣть у мужа такого ужаснаго и грознаго лица.

— Гдѣ же книги? Книги гдѣ? — опять наступая на нее, спросилъ Томасъ.

Она изогнулась и вся съёжилась, точно кошка, упорно избѣгая его взгляда.

— Я... я... переставила ихъ на другое мѣсто.

Онъ вдругъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, не помня себя отъ гнѣва, готовъ былъ ударить ее; но она съёжилась еще больше, и ея глаза выразили такой животный страхъ, что невольно онъ опустилъ руки. Онъ упалъ на стулъ и разрыдался.

Она вздохнула съ облегченіемъ, потомъ, скрестивъ руки, равнодушно посмотрѣла на него сверху внизъ. Въ эту минуту она потеряла къ нему послѣдній остатокъ уваженія.

Онъ заплакалъ, вмѣсто того, чтобы хорошенько отколотить ее!

VII.

Хотя онъ не говорилъ ни слова своимъ друзьямъ, смущалъ ихъ своимъ холоднымъ, принужденнымъ спокойствіемъ и рѣзко обрывалъ всѣ ихъ вопросы, тѣмъ не менѣе они знали о его супружеской жизни.

— Теперь вы сами видите,—сказалъ разъ Фрюндель,—что онъ — мечтатель и человѣкъ, лишенный воли. У него не хватаетъ даже силы, чтобы развязаться съ этой женщиной. Мнѣ бы слѣдовало быть на его мѣстѣ!

— Да и ты не лучше его!—раздался вдругъ голосъ Юзефы.

Всѣ смущенно взглянули на нее. Но она только улыбнулась какой-то непонятной улыбкой и посмотрѣла на Ингольфъ, такъ что та вся съёжилась и задрожала.

Въ тотъ же день Брозе пошла къ Томасу, передала ему въ отрывочныхъ фразахъ разговоръ друзей и заключила:

— Вы должны, обязаны разстаться съ нею, просто изъ чувства самосохраненія.

Онъ выслушалъ ее спокойно и потомъ возразилъ:

— Милая Брозе, благодарю васъ! Вамъ нелегко было придти и сказать мнѣ все это. Но вы ошибаетесь. Мнѣ живется очень хорошо. Прошу васъ передать это и другимъ.

При этомъ онъ показался ей такимъ исхудалымъ и замученнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ гордымъ и непреклоннымъ, что она покорно и смущенно вышла отъ него, какъ пудель, котораго окатили водою.

„Они хотятъ натравить меня на нее, — грустно подумалъ Томасъ, проводивъ Брозе; — но нѣтъ, никогда этого не будетъ. Я—ея единственная опора. Я долженъ пожать то, что̀ посѣялъ“.

Взглядъ его упалъ на бюстъ Сократа, и онъ громко расхохотался.

„Его развѣ подобныя вещи удручали? Это не мѣшало рождаться въ немъ великимъ мыслямъ! Не помѣшало его великой смерти!.. Какой это хорошій подарокъ для меня“!

Потомъ онъ задумчиво поглядѣлъ на благородное, одухотворенное лицо Гёте, и ему стало легче. Какъ можно терять мужество и опускать голову въ подобномъ обществѣ! Онъ сталъ напѣвать какую-то веселую мелодію и пошелъ къ своей хозяйкѣ.

— Нельзя ли мнѣ,—сказалъ онъ,—спать въ той комнатѣ, гдѣ, помните, жила барышня? — послѣднія слова были сказаны очень тихо.

— Ну, конечно!

— И работать тамъ я также могу?

— Ну, конечно!

Онъ взялъ шапку и, какъ довольный школьникъ, побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступенекъ.

„Я не поддамся... я не покорюсь“... — мелькало у него въ головѣ.

Съ этого дня у Томаса и его жены были отдѣльныя комнаты, и они перестали также вмѣстѣ обѣдать. Томасъ весь отдался жизни и работѣ, стараясь заглушить свое личное горе. Никогда еще его статьи въ „Праздничномъ Чертогѣ“ не были такими радостными и увѣренными, какъ въ этотъ тяжелый періодъ его жизни.

Иногда онъ цѣлыми днями не видалъ своей жены, и она совершенно переставала понимать его. У нея явилось подозрѣніе, что его могутъ отнять у нея. Онъ вѣдь продолжалъ водиться съ людьми, ненавидѣвшими ее. Они его натравливали на нее и всячески его подстрекали. Она это отлично знала.

Она попробовала снова привлечь его къ себѣ ласковыми, соблазнительными взглядами, но онъ даже не замѣчалъ ихъ. Глухой страхъ овладѣлъ ею. Она уже успѣла привыкнуть къ праздной жизни и начала полнѣть. Ее мучила мысль, что придется, можетъ быть, снова надѣть на себя старое ярмо.

„И что я за преступленіе совершила такое? — раздумывала она.—Ужъ какая есть, такая и есть“!

Но когда ей попадался на глаза Томасъ, съ блѣднымъ, страдальческимъ лицомъ, ею овладѣвало еще большее безпокойство и сознаніе своей вины передъ нимъ.

„Да чего же онъ-то такой глупый?—старалась она оправ-

дать и хоть немного успокоить себя. — Былъ бы со мной построже, и все бы ладно пошло“!

Но иногда на нее находило глубокое отчаяніе.

„Зачѣмъ я связала его съ собою? Я вѣдь знала, какая я... Зачѣмъ я это сдѣлала, зачѣмъ?..“—Но эти упреки совѣсти только еще больше раздражали ее.—„Все это однѣ глупости! Каждый человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше“...

И она ломала себѣ голову, стараясь придумать, какъ вернуть себѣ его любовь. Именно теперь, когда онъ пересталъ обращать на нее вниманіе, она чувствовала, какъ сильно привязана къ нему.

„Я отъучусь пить, — говорила она себѣ.—Ни капли въ ротъ не возьму... Вотъ удивится-то онъ“!

И она, дѣйствительно, начала бороться съ собою; но уже на второй день у нея не хватило силъ. Она металась по комнатѣ, какъ пойманный звѣрь, и больше не могла выдержать... Только одинъ глотокъ пива въ сосѣдней пивной, и она сейчасъ же вернется назадъ...

Она бросилась бѣжать, точно умирая отъ жажды, а возвратилась черезъ два часа, шатаясь и съ стеклянными глазами.

На другое утро она проснулась, испытывая тупую тяжесть во всемъ тѣлѣ и безумный гнѣвъ въ душѣ.

— Не затѣмъ я сюда попала, чтобы терзаться...—шептала она.—Онъ во всемъ виноватъ, онъ одинъ. Но неужели онъ воображаетъ, что я такъ и позволю, ни съ того, ни съ сего, вышвырнуть себя вонъ, дамъ этимъ обезьянамъ вытѣснить себя изъ его жизни? Если онъ это воображаетъ, то жестоко ошибается. Я не такъ глупа! И что за судьба моя несчастная! Все-то я мучусь, все-то мучусь! Сначала съ тѣмъ, когда онъ заболѣлъ, потомъ съ родителями, а теперь наконецъ съ этимъ. Но только нѣтъ,—онъ такъ дешево отъ меня не отдѣлается...

И она начала мѣшать ему работать.

Она явилась въ его комнату, пробовала сначала плѣнить его, а потомъ начала язвить и дѣлать все возможное, чтобы вывести его изъ терпѣнія. Она была такъ ослѣплена, что воображала такимъ способомъ снова получить власть надъ нимъ. Ему было очень больно, но на видъ онъ сохранялъ полное спокойствіе, и это привело ее въ бѣшенство. Ей захотѣлось показать ему, до какого безобразія она можетъ дойти. Она стала посреди комнаты и начала пѣть циничныя уличныя пѣсни. Она знала, что ничѣмъ не могла такъ оскорбить и возмутить его. И

дѣйствительно, теперь она достигла своей цѣли. Все его лицо передернуло, и она увидала, какъ онъ весь задрожалъ.

Она стояла и ждала, чтобы онъ ее побилъ; она страстно жаждала, чтобы онъ хорошенько отколотилъ ее. Она разрыдалась бы, и все пошло бы на ладъ. Но нѣтъ, онъ не сталъ ее бить, и она заскрежетала зубами, когда онъ, плотно сжавъ губы, молча всталъ и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько времени простояла она неподвижно на томъ же мѣстѣ, ожидая, что онъ вернется, но все было тихо. Глубокая тоска сдавила ей сердце и точно рукою стиснула шею.

Прошелъ вечеръ, настала ночь, а она все ждала его и не ложилась спать.

Выйдя изъ дому, Томасъ захотѣлъ убѣжать отъ жены, уѣхать куда-нибудь подальше, но черезъ минуту онъ только мучительно улыбнулся этой мысли.

— Я не могу... я не могу бросить ее на дорогѣ, какъ бродячую собаку.

Было далеко за полночь, когда онъ вернулся домой. Съ восковой спичкой въ рукахъ, на цыпочкахъ пробрался онъ въ свою комнату и осторожно отворилъ дверь. Ея глаза сверкнули ему на встрѣчу, и въ то же мгновеніе слабое пламя спички погасло.

— Чего тебѣ здѣсь нужно?—спросилъ онъ съ ужасомъ, и одинаково темно было и вокругъ него, и въ немъ самомъ.

— Я не хочу больше одна спать! Я не хочу...—прошептала она глухо. Онъ готовъ былъ застонать отъ муки.

Дрожащими руками зажегъ онъ лампу.

— Иди въ свою комнату!—произнесъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ.

Она только покачала головой и поглядѣла на него враждебно, непокорно и какъ бы приготовившись къ борьбѣ.

Онъ овладѣлъ собою,—онъ не долженъ былъ уступать.

— Ну, хорошо, дѣлай, что хочешь, а я...—онъ взялся за шляпу.

Однимъ прыжкомъ очутилась она у двери и заслонила ее собою.

— Я тебя не отпущу... я тебя не отпущу!

Не мѣняя мрачнаго выраженія лица, она вдругъ закричала, какъ безумная, и разразилась слезами.

Жутко было слушать этотъ плачъ въ ночной тишинѣ.

Онъ подошелъ къ столу, налилъ полстакана брома и поднесъ ей.

— Выпей, ты очень возбуждена!

Она на мгновеніе замолкла и посмотрѣла на него, страшно улыбаясь.

— Ты... ты хочешь меня от... отравить?

Онъ молча выпилъ все, что было въ стаканѣ. Тогда она начала истерически хохотать... Она хохотала... хохотала, не переставая. И этотъ хохотъ переходилъ въ отчаянный плачъ.

— Господи, Боже мой!—вдругъ закричала она жалобно:—что же это такое... чѣмъ это здѣсь пахнетъ?.. какой ужасный запахъ!.. здѣсь пахнетъ покойникомъ...—закончила она совсѣмъ испуганно.

Онъ старался заставить ее выпить брома, но она вышибла у него стаканъ изъ рукъ и, широко раскрывъ глаза, зашептала:

— Чьи это голоса?.. чего имъ отъ меня нужно?.. Развѣ ты не слышишь?

— Возьми себя въ руки,—проговорилъ онъ серьезно, съ трудомъ стараясь самъ овладѣть собою.

— Тс-с!—произнесла она, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Потомъ опять начала смѣяться, плакать и закричала съ побѣлѣвшими губами:

— Я потеряла лѣвую ногу... Развѣ ты не видишь?.. развѣ ты не видишь?

Онъ взялъ ее за руку и строго посмотрѣлъ на нее.

— Ты будешь слушаться меня,—проговорилъ онъ рѣзко,—и сейчасъ же выпьешь этотъ стаканъ. Его взглядъ испугалъ ее. Она выпила бромъ, и онъ сталъ спокойно уговаривать ее лечь. Она послушалась, но судорожно уцѣпилась за его руку, сжимая ее какъ бы желѣзными клещами. Наконецъ она заснула.

Припадки Катарины стали повторяться черезъ короткіе промежутки и днемъ, и ночью. Томасъ долженъ былъ все время быть при ней, чтобы помогать ей во время припадковъ. Мало-по-малу и съ большимъ трудомъ удалось ему если не вполнѣ прекратить, то значительно ослабить ея истерическія судороги. Припадки стали появляться гораздо рѣже. Едва только ей стало лучше, какъ она снова принялась пить. Всѣ убѣжденія, что она такимъ образомъ сама систематически подрывала свое здоровье, оставались тщетными.

Она пожимала плечами и молча смотрѣла на него съ лукавымъ и скрытнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ слабѣть и не въ состояніи больше выдерживать этой вѣчной борьбы. Онъ чувствовалъ, какъ съ вершины, гдѣ

онъ съ такою гордостью и радостью собирался воздвигнуть храмъ, жизнь увлекала его внизъ, въ безплодную ровную долину.

„Это конецъ... конецъ насталъ...“ — думалъ онъ.

VIII.

Обстоятельства, наконецъ, заставили Томаса пойти въ типографію. Это было ему очень непріятно, потому что онъ долженъ былъ просить объ отсрочкѣ платежа. Не было никакой возможности уплатить по послѣднимъ счетамъ.

Его провели въ контору и заставили подождать; эти нѣсколько минутъ ожиданія показались ему вѣчностью. Наконецъ дверь отворилась и вошелъ хозяинъ типографіи.

— Чѣмъ могу служить вамъ, господинъ Трукъ?

Томасъ всталъ. Придерживаясь одной рукой за край письменнаго стола и безпокойно поглаживая другой рукой волосы, онъ съ видимымъ смущеніемъ изложилъ свою просьбу.

Хозяинъ выслушалъ его очень спокойно, изрѣдка поглядывая на разстроенное лицо посѣтителя.

— Я ровно ничего не имѣю противъ. Я даже очень радъ, что вы пожаловали ко мнѣ,—нерѣшительно началъ онъ,—но я долженъ вамъ сказать, что дальнѣйшее печатаніе „Праздничнаго Чертога“ не доставитъ мнѣ особаго удовольствія.—Здѣсь онъ сдѣлалъ небольшую паузу, пригладилъ усы и затѣмъ продолжалъ:

— На дняхъ я получилъ со стороны полиціи дружескій запросъ по поводу направленія „Праздничнаго Чертога“. Я, что весьма понятно,—при этомъ онъ слегка ударилъ себя въ грудь, —уклонился отъ всякихъ объясненій. Я отвѣтилъ, что это—тайна редакціи, и не мнѣ во всякомъ случаѣ выдавать ее. Но, посудите сами, приходится слышать отовсюду такъ мало хорошаго о вашемъ листкѣ, такъ давно я получаю со всѣхъ сторонъ предостереженія, что, собственно говоря, я не имѣю ничего противъ того, чтобы вы какъ-нибудь иначе... Однимъ словомъ, я нахожу, что каждый долженъ заботиться о собственныхъ удобствахъ. Хлопотъ и такъ у всѣхъ достаточно, чтобы навязывать себѣ еще и чужіе!

Томасъ не возражалъ. Онъ слушалъ довольно разсѣянно, слегка кивая головой на всѣ слова хозяина типографіи.

Очутившись на улицѣ, онъ думалъ уже только объ одной Катаринѣ. Онъ рѣшилъ, что долженъ отвезти ее въ деревню, гдѣ она будетъ жить спокойной, мирной жизнью среди простыхъ

людей. Быть можетъ, такая жизнь излечитъ ее. Послѣднее время онъ дошелъ до того, что едва выносилъ ея присутствіе. Онъ сознавалъ, что она гибнетъ, и ему хотѣлось поговорить съ ней со всей добротой, на какую онъ былъ способенъ. Вѣдь, въ концѣ концовъ, причиной всего было то, что у нея не хватало воли. Развѣ можно было осуждать ее за это?

Онъ чувствовалъ, что ему необходимо остаться одному хотя бы на двѣ недѣли. Разлука могла спасти и ее, и его.

Спасти его?.. Онъ сознавалъ, что въ немъ все умерло, что для него больше нѣтъ надежды, но ему не хотѣлось думать о себѣ. Ее одну хотѣлъ онъ спасти, ее всѣми силами старался онъ довести до самосознанія.

Онъ далъ себѣ слово, что не измѣнитъ своего рѣшенія и во что бы то ни стало настоитъ на немъ. Съ Катариной онъ поговоритъ сегодня же... сію же минуту... скажетъ ей все...

Онъ ускорилъ шаги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на непогоду. Добравшись до своего дома, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Онъ не сомнѣвался, что на этотъ разъ ему удастся объяснить ей все, и она пойметъ, въ чемъ заключается ея спасеніе.

Это слово „спасеніе“ вызывало въ немъ почти страданіе. Не была ли мечта о спасеніи однимъ изъ величайшихъ заблужденій человѣчества?

Онъ вдругъ почувствовалъ сильную усталость и съ трудомъ вошелъ по лѣстницѣ.

Онъ засталъ Катарину лежавшею на диванѣ. Заслышавъ его, она вскочила съ несвойственною ей живостью. Лицо ея пылало и имѣло какое-то лихорадочное, напряженное выраженіе.

„Неужели она подозрѣваетъ, что я хочу ей сказать?“—мелькнуло у него въ головѣ.

Нѣкоторое время онъ разглядывалъ ея сильно похудѣвшія руки, потомъ наконецъ рѣшился и спокойно сказалъ ей все. Онъ говорилъ тихо, и голосъ его звучалъ такъ ласково, точно онъ сознавалъ себя во всемъ виноватымъ.

Она не дала ему вполнѣ высказаться. Все ея лицо вдругъ исказилось выраженіемъ неистовой злобы.

— Прекрасно! Вотъ теперь для меня все ясно... За какую же дуру ты меня считаешь!.. Слава Богу, что у меня во-время открылись глаза!

И она съ торжествомъ вытащила изъ кармана измятое письмо.

— Вотъ почему ты гонишь меня прочь! Попробуй только сказать, что это неправда?

Онъ посмотрѣлъ на нее, ничего не понимая.

— Это ловко придумано! Только видишь ли что̀,—презрительно искрививъ губы, продолжала она:—я-то съ моего мѣста ни за что не двинусь... Ты слышишь? Ни за что не двинусь съ мѣста!—И, поднявъ руку съ письмомъ надъ своей головой, она спросила тономъ презрительной насмѣшки:—Мнѣ очень хотѣлось бы знать, кто такая эта барыня?

Онъ посмотрѣлъ на нее неподвижно и безмолвно. Потомъ, точно очнувшись, быстрымъ движеніемъ вырвалъ у нея изъ руки конвертъ. На немъ былъ парижскій штемпель. Онъ сразу узналъ почеркъ Беттины, у него задрожали руки и потемнѣло въ глазахъ.

Не обращая больше ни малѣйшаго вниманія на Катарину, онъ бросился изъ комнаты, крѣпко прижимая къ себѣ письмо.

У него была знакомая маленькая кондитерская на Луизенштрассе, и черезъ нѣсколько минутъ Томасъ уже былъ тамъ. Онъ быстро прошелъ черезъ пустую залу въ маленькую угловую комнату и опустился на потертый коричневый бархатный диванъ, машинально заглянувъ въ громадное зеркало въ аляповатой и потрескавшейся золоченой рамѣ.

— Прикажете подать чашку кофе?

Онъ не понялъ вопроса и только махнулъ головой безъ особаго выраженія.

Оставшись одинъ, онъ вынулъ письмо и прочелъ:

„Я играю въ Берлинѣ 3-го декабря, Томъ. Я пріѣду 1-го, въ пять часовъ дня, на станцію Фридрихштрассе. Прошу тебя, Томъ, будь добръ ко мнѣ. Я такъ безконечно рада, что увижу тебя!—Беттина“.

— Такъ вотъ это что̀!—вырвалось у него, и онъ схватился за голову обѣими руками.

Дѣвушка, вошедшая въ эту минуту съ кофе, взглянула на него съ смѣшаннымъ выраженіемъ любопытства и жалости.

— Не угодно ли вамъ еще чего-нибудь, сударь?

Онъ ничего не отвѣтилъ, и она молча вышла изъ комнаты.

— Это... это... просто невозможно!..

Его лицо выражало полную растерянность и безпомощность.

— Фрейлейнъ!—позвалъ онъ дѣвушку.

Та вошла.

— Фрейлейнъ!—сказалъ онъ, не смотря на нее.—Скажите мнѣ, которое у насъ сегодня число?

— Первое, — едва слышно отвѣтила она, заражаясь его волненіемъ.

— Первое?—Вы говорите: первое?

— Конечно, первое!—подтвердила она и вышла изъ комнаты.

Онъ взглянулъ на часы. Было безъ нѣсколькихъ минутъ четыре часа, и страхъ опять охватилъ его. Онъ ясно представилъ себѣ, какъ было бы мучительно, еслибы Беттина безъ всякихъ предупрежденій явилась къ нему въ квартиру. Только теперь онъ понялъ Катарину и больше не возмущался ея словами. Она распечатала письмо, и оно навело ее на мысль о какой-то любовной интригѣ.

Чувствуя необыкновенную усталость, онъ тяжело поднялся съ своего мѣста, расплатился за кофе, вышелъ на улицу и побрелъ по направленію къ вокзалу. Что̀ скажетъ онъ ей, какими глазами будетъ смотрѣть на нее? Развѣ можетъ быть еще что-нибудь общее между ними?—Нѣтъ... нѣтъ,—прошепталъ онъ поблѣднѣвшими губами. — Теперь все кончено, теперь мы—изъ двухъ разныхъ міровъ.

Было почти темно, и на улицахъ уже горѣли фонари. Снѣгъ валилъ большими хлопьями, и сѣрое, безотрадное небо точно придавило землю. Онъ пришелъ на вокзалъ какъ разъ въ ту минуту, какъ поѣздъ уже подходилъ къ платформѣ. Онъ остановился и сталъ смотрѣть въ окна мелькавшихъ мимо него вагоновъ.

И вдругъ онъ увидѣлъ ее прямо передъ собою. Она держала въ лѣвой рукѣ свою скрипку и прямо смотрѣла на него.

— Томъ... Томъ...—съ трудомъ и какъ-то жалобно произнесла она.

Она обняла его и, не обращая ни на кого вниманія, не въ силахъ дольше владѣть собой, горько разрыдалась, повторяя все то же слово:—Томъ!

Рука объ руку, какъ это бывало въ дѣтствѣ, они медленно прошли платформу и вышли къ багажному отдѣленію. Носильщикъ взвалилъ себѣ на спину сундукъ Беттины и указалъ имъ, гдѣ раздаютъ нумера извозчиковъ. Нѣсколько минутъ спустя, они уже сидѣли въ каретѣ.

Беттина положила голову на плечо Томаса.

— Томъ, что̀ они съ тобой сдѣлали, какой у тебя видъ?!—жалобно проговорила она.

Онъ испугался ея жалости, но въ то же время у него стало какъ-то легче и теплѣе на сердцѣ. Все его существо встрепенулось, точно цвѣты подъ весеннимъ дождемъ. Но вдругъ его

снова охватилъ безотчетный страхъ, и мысль, что, въ сущности, она ничего не знаетъ, мелькнула въ его головѣ. Самое трудное и тяжелое было еще впереди. Онъ схватилъ ея обѣ руки и взглянулъ на нее умоляющими глазами.

— Беттина, я долженъ тебѣ сказать... Ты слышишь меня, Беттина?—какимъ-то стономъ вырвалось у него.

Ея глаза затуманились.

— Только не сейчасъ, не сію минуту, Томасъ!—испуганно проговорила она и, какъ больное дитя, прислонилась щекой къ его рукѣ.

— Я непремѣнно долженъ сейчасъ же сказать тебѣ!

— Въ такомъ случаѣ говори! — И она улыбнулась страдальческой улыбкой.

— Ты должна быть очень добра ко мнѣ, Беттина. Ты должна внимательно выслушать меня.

— Я слушаю,—отвѣтила она.

Онъ молчалъ. Всѣ мученія, всѣ разочарованія и всѣ страданія послѣдняго времени вдругъ показались ему ничтожными по сравненію съ тѣмъ, что̀ предстояло ему въ эту минуту. Наконецъ онъ рѣшился.

— Беттина, я... я... я женатъ! — проговорилъ онъ, крѣпко сжимая ея тонкіе пальцы.

Она, не отрываясь, смотрѣла на него, точно хотѣла навсегда запечатлѣть въ своей памяти каждую малѣйшую черточку милаго страдальческаго лица. Смыслъ его словъ былъ ей не совсѣмъ ясенъ, но она всѣмъ своимъ существомъ чувствовала, какъ ему было больно. Она еще разъ пытливо заглянула въ лицо Томаса, и вдругъ внезапная страшная мысль промелькнула въ ея головѣ.—„Онъ не въ своемъ умѣ, — подумала она, чувствуя какое-то странное успокоеніе.—Онъ боленъ. Онъ бредитъ“.—Ей казалось, что она видитъ безумную улыбку на его лицѣ.

— Увѣряю тебя, Томъ,—совершенно не стоитъ такъ волноваться!—громко сказала она.

— Я женатъ,—еще разъ повторилъ онъ, отчеканивая слова.

Она опять взяла его за руку и заговорила съ нимъ, какъ обыкновенно говорятъ съ больными. Она старалась быть спокойной, ей хотѣлось утѣшить его въ то время, какъ у нея самой разрывалось сердце.

— Ну, хорошо, ты женатъ, — сказала она,—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всѣ женятся.

Его лицо исказилось. Онъ стиснулъ ея руку и почти крикнулъ:

— Ты принимаешь меня за больного, за сумасшедшаго, Беттина! Ты не вѣришь мнѣ!.. Но то, что я сказалъ тебѣ, такъ же вѣрно, какъ то, что я сижу съ тобой рядомъ. Ты должна быть съ ней мила, Беттина! — продолжалъ онъ вдругъ упавшимъ голосомъ и, преслѣдуя собственную важную для него мысль, прибавилъ:—Она глубоко страдаетъ и ничѣмъ не можетъ помочь себѣ. Будь добра къ ней!

И вдругъ, очевидно что-то вспомнивъ, онъ отворилъ дверцу кареты и велѣлъ кучеру ѣхать къ Брозе.

— Во всякомъ случаѣ, ты не можешь у меня остановиться!

Она молча и покорно кивнула головой. Вся душа ея сжалась отъ ужаса.

„Только не это... Господи, сдѣлай такъ, чтобы этого не было... Боже милосердый, сжалься надо мной“!..

Она опять пристально взглянула на него, и ей вдругъ стало стыдно за свое страданіе.

„Но что же они съ нимъ сдѣлали? Что сдѣлали?“ — снова спросила она себя.

Брозе жила въ четвертомъ этажѣ во дворѣ одного изъ домовъ Лотрингерштрассе, находящейся въ сѣверной части Берлина.

Брозе сама отворила на звонокъ и вскрикнула отъ изумленія и неожиданности, увидѣвъ передъ собой Томаса и Беттину. Въ первую минуту она невольно отступила назадъ, но вслѣдъ затѣмъ порывисто бросилась къ дѣвушкѣ и прижала ее къ себѣ съ самой искренней и горячей нѣжностью.

— Я вернусь черезъ полчаса, — проговорилъ Томасъ, видимо волнуясь.

Брозе повела Беттину въ комнату, усадила ее и сама сѣла напротивъ дѣвушки. Вглядѣвшись въ блѣдное, заплаканное лицо своей гостьи, она, не говоря ни слова, крѣпко обняла ее.

Беттина встала. Все кружилось у нея передъ глазами.

— Я хочу знать всю правду, — почти простонала она и крѣпко ухватилась обѣими руками за спинку стула.

— Развѣ онъ вамъ ничего не говорилъ?

Она покачала головой.

— Не боленъ ли онъ?.. Что его мучитъ?.. Чѣмъ онъ терзается?..

Въ эту минуту Брозе сознавала себя почти палачомъ. Эта измученная дѣвушка, не успѣвшая еще снять дорожнаго плаща и шляпы, трогала ее до глубины души и казалась ей безконечно жалкой.

— И неужели онъ ничего не разсказалъ вамъ о той?..

Беттина низко опустила голову. Въ эту минуту ни одна живая душа не должна была видѣть ея лица. У нея было такое чувство, точно ея сердце совсѣмъ перестало биться.

— Я хочу знать рѣшительно все,—прошептала она.

И тогда Брозе все сказала ей, сказала прямо, называя вещи своими именами, но стараясь не смотрѣть на дѣвушку.

Итакъ, его слова не были горячечнымъ бредомъ! Другая, о существованіи которой она еще и не подозрѣвала, стала ему вдругъ самой близкой... Онъ встрѣтилъ ее случайно на улицѣ... А она, Беттина, какъ разъ въ это самое время умирала на чужбинѣ отъ тоски по немъ!.. На всю жизнь соединяясь съ другой, онъ не нашелъ нужнымъ даже написать ей объ этомъ, не подумалъ сообщить ей о такомъ важномъ фактѣ,—ей, которая переживала съ нимъ всѣ свои мысли и мечты! Какъ могъ онъ не написать ей?!

За входной дверью послышались его шаги. Брозе пошла отворять. Беттина бросилась ему на встрѣчу. Ея лицо вдругъ просіяло.

— Томъ!.. Томъ!.. — только повторяла она, съ стыдливой нѣжностью прижимаясь къ нему.

Они долго сидѣли вдвоемъ. Брозе къ нимъ больше не заглядывала. Каждое слово, сказанное имъ, проникало въ самую глубину ея души. Она все время держала его за руку и даже одинъ разъ поцѣловала его въ лобъ.—Я цѣлую тебя какъ сестра, Томъ,—сказала она, и неудержимыя слезы покатились у нея по щекамъ. Ей было невыносимо тяжело; она чувствовала себя безконечно слабой и все казалось ей безнадежнымъ, но относительно его у нея не было ни тѣни упрека и ни малѣйшаго гнѣва. Она понимала, что онъ несчастенъ и страдаетъ, какъ и она.

— Томъ, не смотри на меня такъ!—сказала она.—Я хочу, чтобы ты былъ сильнымъ и гордымъ, Томъ! Ты не можешь быть побѣжденнымъ, не долженъ быть раздавленъ жизнью.

Тогда Томасъ взялъ руку Беттины и прислонился къ ней своей щекою.

— Вѣрь мнѣ, Беттина, до этого я не дойду. Я только усталъ и заработался, но я все-таки борюсь,—голосъ его прозвучалъ гордо и увѣренно.—Я буду бороться за мою правду до послѣдней минуты!

Онъ замолчалъ. Она пристально смотрѣла на него.

— Ни передъ кѣмъ я такъ страшно не виноватъ, какъ передъ тобою, Беттина,—опять продолжалъ онъ.—Въ эту минуту

мнѣ кажется, что только теперь я наконецъ понялъ самого себя. Но если я и согрѣшилъ передъ тобой,—въ его голосѣ послышались сдержанныя слезы,—то я согрѣшилъ изъ благоговѣйнаго чувства къ тебѣ. Мнѣ было такъ безконечно стыдно... ты... ты должна понять меня, дорогая... дорогая Беттина...

— Я понимаю тебя,—отвѣтила она, и ея одухотворенное лицо просіяло отъ огромнаго, вдругъ нахлынувшаго на нее счастья.—Я понимаю, Томъ, что ты—самый лучшій изъ всѣхъ людей!

— Нѣтъ!.. нѣтъ... Беттина!—и онъ отстранилъ ее отъ себя.

Въ эту минуту онъ имѣлъ такой жалкій, измученный видъ, что Беттинѣ вдругъ стало невыносимо страшно за него.

— Только, Беттина, все это уже не такъ ужасно на самомъ дѣлѣ, — точно угадывая ея мысль и даже стараясь улыбнуться, произнесъ Томасъ.

Она не поняла смысла его словъ,—она видѣла только одну его вымученную улыбку, и закрыла лицо руками.

IX.

Томасъ давно ушелъ, но Беттина, несмотря на усталость, не ложилась спать и цѣлую ночь проговорила съ Брозе. Вдова художника сидѣла на ея кровати и, держа дѣвушку за руку, разсказывала ей, съ самыми мельчайшими подробностями, о Томасѣ и его женитьбѣ. Порой обѣ женщины робко взглядывали другъ на друга. Беттина жадно ловила каждое слово Брозе. Она поняла, какое огромное участіе принимаетъ эта женщина въ судьбѣ Томаса, какъ она сочувствуетъ и безконечно жалѣетъ его. Каждое слово Брозе было для нея облегченіемъ и утѣшеніемъ. Изъ разсказа о столкновеніи Томаса съ его друзьями она узнала, что онъ непоколебимо стоитъ за то, что считаетъ правдой.

— Жизнь, какъ видите, не согнула его,—сказала въ заключеніе Брозе и, понизивъ голосъ, прибавила:—изъ гордости онъ уклоняется отъ всякихъ выраженій сочувствія къ его несчастію. Но спасеніе для него возможно только въ томъ случаѣ, если онъ освободится отъ нея. Онъ не долженъ приносить безполезной жертвы и безплодно тратить свои силы.—Это были послѣднія слова Брозе въ эту ночь.

Беттина, оставшись одна, придумала много смѣлыхъ и самыхъ фантастическихъ плановъ для спасенія Томаса, но всѣ они, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказались вполнѣ неосуще-

ствимыми, и она сама горько смѣялась надъ своими призрачными мечтами.—Я не имѣю надъ нимъ никакой власти,—съ тоской призналась она себѣ, и заметалась на подушкѣ, вся охваченная смущеніемъ при мысли, что онъ принадлежитъ другой женщинѣ.

Она не могла себѣ представить, что Томасъ—уже женатый человѣкъ. Все ея существо возмущалось при этой мысли, и она утѣшала себя тѣмъ, что въ немъ все-таки не было ничего похожаго на настоящаго женатаго человѣка. Въ его лицѣ было что-то юношески-гордое, чистое, и вообще онъ былъ похожъ на аскета. Вдругъ она поднялась, сѣла на постели и чисто дѣтскимъ движеніемъ молитвенно сложила руки.

— Боже милосердый, да будетъ воля Твоя! — произнесла она, чувствуя, что на нее нашло просвѣтленіе.

Теперь она рѣшила пойти къ этой неизвѣстной женщинѣ и умолять ее вернуть ему свободу. Она не упрекать хотѣла,—нѣтъ, ни одного слова упрека или порицанія не сорвется съ ея губъ,—она хотѣла только просить, смиренно молить ее...

Но если всѣ просьбы окажутся тщетными и та все-таки будетъ настаивать на своихъ супружескихъ правахъ—тогда что̀ предпринять? При этой мысли ее охватилъ порывъ злобы, и въ ней вдругъ проснулось съ такимъ трудомъ побѣжденное неистовство и возмущеніе, свойственное ея натурѣ. Ей вспомнилась ея ненависть къ собственному отцу, вспомнилось дѣтское желаніе стать дикой лошадью и затоптать до смерти всѣхъ злыхъ людей... Въ ней поднималась врожденная грубость, и она чувствовала, что теряетъ всякую власть надъ собою. Ей стало холодно, и она крѣпко стиснула зубы. Что̀ было бы, еслибы Томъ зналъ всѣ ея мысли?!.. Вѣки ея отяжелѣли, но заснуть она все-таки не могла... „О, еслибы ему могла помочь моя музыка!“—мелькнуло у нея въ головѣ, и вдругъ ей стало страшно: она вспомнила, что черезъ два дня должна играть передъ чужими ей людьми. Ей показалось это невозможнымъ... А еще такъ недавно она радовалась, что среди толпы будетъ видѣть только его одного и для него одного будетъ играть!.. Только когда тусклое зимнее солнце робко заглянуло въ комнату, она, вся разбитая и измученная, забылась тревожнымъ сномъ.

Беттина только-что встала, когда пришелъ Томасъ. Она радостно протянула ему на встрѣчу обѣ руки и даже сдѣлала попытку улыбнуться, но улыбка замерла на ея губахъ. При днев-

номъ свѣтѣ онъ имѣлъ еще болѣе удрученный и несчастный видъ. Она постаралась справиться съ собой.

— Ты непремѣнно долженъ ѣхать со мной въ деревню, Томасъ, тебѣ необходимо уѣхать хоть на недѣльку. Я буду играть тебѣ, и ты поправишься. Вѣдь ты не забылъ, какъ слушалъ мою игру въ нашемъ саду. У тебя слишкомъ ужъ серьезное лицо, ты точно разучился улыбаться... Но это ничего... Я научу тебя смѣяться!.. Я научу тебя понимать жизнь, смѣхъ, весну и музыку. Вѣдь весна и музыка—это одно и тоже, Томъ,—прибавила она уже печально,—это сама жизнь, Томасъ!

Онъ слушалъ ее молча, съ недовѣрчивой улыбкой на губахъ, и вдругъ разсмѣялся своимъ прежнимъ, такъ хорошо знакомымъ ей смѣхомъ!

— Не смотри же на меня такъ грустно, Беттина, вѣдь я живу и хочу жить! Я сильнѣе, чѣмъ ты думаешь!

Ея лицо просвѣтлѣло, точно онъ сказалъ ей что-то очень радостное. Быстро накинувъ плащъ и надѣвъ на голову мѣховую шапочку, она взяла ящикъ со скрипкой.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Какъ разъ сегодня у меня репетиція. Мнѣ такъ хочется, чтобы ты послушалъ меня!

Она замѣтила, что онъ поблѣднѣлъ, и пытливо посмотрѣла ему въ лицо.

— Я услышу тебя на концертѣ, Беттина. Я... я такъ боюсь твоей музыки!..

Она опустила голову.

— Но, можетъ быть, тебѣ хочется, чтобы я проводилъ тебя?

— Какъ ты можешь это спрашивать, Томасъ? — отвѣтила она съ нѣжнымъ упрекомъ.

Они молча спустились съ лѣстницы, вышли на улицу и пошли на Фридрихштрассе, съ наслажденіемъ вдыхая полной грудью свѣжій морозный воздухъ.

— Томасъ, любишь ли ты эту женщину? — съ глубокой серьезностью спросила Беттина, взявъ его за руку.

Но она сейчасъ же испугалась своихъ словъ, такъ какъ по сильно поблѣднѣвшему лицу увидѣла, до какой степени поразилъ его ея неожиданный вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... я не хочу ничего знать... я не хочу ни о чемъ спрашивать...

Его лицо прояснилось.—Ты имѣешь на это право, Беттина, только ты одна! Я рѣшилъ не расходиться съ моей женой. Она погибнетъ, если я покину ее. Я не могу допустить, чтобы человѣкъ погибъ...

Нервнымъ движеніемъ онъ снялъ шляпу и откинулъ назадъ волосы.—Думаютъ, что я пошелъ на уступки, Беттина,—продолжалъ онъ,—что я отказываюсь отъ того, что составляло для меня самое главное, но это неправда. Во мнѣ произошла перемѣна, но совсѣмъ въ другомъ направленіи. Я вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ, страшно одинокимъ, Беттина. Я убѣдился, что стою одинъ, а всѣ другіе далеко отъ меня... Въ душѣ моей образовалась пустота... Я борюсь...—продолжалъ онъ, видимо потрясенный,—но вокругъ меня непроглядный мракъ. Минутами мнѣ кажется, что гдѣ-то брезжитъ свѣтъ, но онъ быстро исчезаетъ, и тогда...

Онъ не договорилъ. Они остановились передъ университетомъ, и онъ взглянулъ на статуи Гумбольдтовъ.

— Иногда человѣку кажется, что онъ постигъ истину, ту истину, которая даетъ разумѣніе всего, — тономъ глубокаго раздумья проговорилъ Томасъ,—но проходитъ счастливая минута, и является сознаніе, что снова ошибся, преслѣдовалъ какую-то химеру и запуталъ себя еще болѣе прежняго. Вотъ въ чемъ самое глубочайшее несчастіе... Я не знаю ничего болѣе мучительнаго, какъ отказываться отъ своихъ вѣрованій и своей правды, когда все, къ чему стремился, разсѣялось какъ туманъ. Вотъ здѣсь, Беттина, пріобрѣтается знаніе, но я вышелъ отсюда болѣе бѣднымъ и лишеннымъ всякой надежды человѣкомъ, чѣмъ былъ въ тотъ день, когда впервые вошелъ сюда!

Они даже не замѣтили, что вокругъ нихъ уже давно останавливались прохожіе. Ихъ оригинальная внѣшность, бѣдные костюмы и молодыя, красивыя лица привлекали общее вниманіе.

Они пошли черезъ каштановую аллею, мимо обледенѣвшихъ деревьевъ, и вышли къ консерваторіи, гдѣ помѣщается самый извѣстный и самый старый концертный залъ Берлина.

— Я должна спѣшить! Музыканты уже, кажется, собрались. Вѣдь я играю съ оркестромъ.

Томасъ пожалъ ей руку.

— Гдѣ же мы встрѣтимся?

Онъ колебался одну минуту.—Развѣ ты не сходишь сегодня къ ней?

— Я пойду прямо съ репетиціи.

— И ты будешь мила съ ней? Не правда ли? Вѣдь ты и не можешь быть другой!

Говоря это, онъ избѣгалъ смотрѣть на Беттину.

Она кивнула головой.

— А затѣмъ я увижусь съ тобой у Брозе. Прощай!

— Прощай!

Беттина быстро повернулась и направилась къ подъѣзду консерваторіи.

X.

На репетиціи Беттина имѣла необыкновенный успѣхъ. Когда она кончила играть, всѣ музыканты встали и начали апплодировать ей.

Она была такъ взволнована, что даже не разслышала привѣтливыхъ словъ капельмейстера. Быстро спрятавъ скрипку въ футляръ, она поспѣшно ушла. Единственной ея мыслью была мысль о немъ.

Шелъ снѣгъ и начиналась метелица.

Одинъ изъ музыкантовъ позвалъ для нея извозчика.

— Вы хорошо поняли, куда мнѣ нужно? На Луизенштрассе!—повторила она, нагибаясь къ кучеру.

Тотъ молча кивнулъ головой.

Какъ-то встрѣтится она съ его женой? Что скажетъ ей?

Беттина знала, что Томасъ былъ потерянъ для нея, но она смотрѣла на него все тѣми же любящими глазами и смутно чувствовала, что между нимъ и ею, несмотря ни на что, все еще существуетъ какая-то таинственная связь.

Дрожки остановились, но страхъ вдругъ охватилъ Беттину, и она не рѣшалась выйти.

— Мы пріѣхали, барышня, — грубо и отрывисто сказалъ кучеръ, соскакивая съ козелъ и отстегивая фартукъ.—Пожалуйте шестьдесятъ пфенниговъ!

Она дала ему марку и не взяла сдачи.

Крѣпко прижимая къ себѣ ящикъ со скрипкой, она съ бьющимся сердцемъ стала подниматься по лѣстницѣ, и ей вспоминались мучительные дни, пережитые въ этомъ домѣ. Но она гнала прочь тяжелыя мысли, стараясь не поддаваться воспоминаніямъ.

„Я поговорю съ ней... я все скажу ей... я буду такой покорной... я смирюсь передъ ней...“—мелькало у нея въ головѣ.

Она рѣшительно позвонила.

— Матерь Божія! — воскликнула старуха-хозяйка, увидѣвъ передъ собой дѣвушку, и даже попятилась назадъ.—Да вы ли это? Васъ ли я вижу?

— Конечно, я!

— Доктора дома нѣтъ,—прошамкала перепуганная старуха.

Беттина кивнула головой.

— Я пройду къ ней.

Старуха не возражала; она только перекрестилась и молча указала на дверь. Беттина на цыпочкахъ подвигалась по коридору, а испуганная старушка поспѣшила скрыться.

Рука Беттины, когда она постучала въ дверь, сильно дрожала. Никто не отвѣчалъ на ея стукъ. Она рѣшилась наконецъ войти въ комнату и въ изумленіи остановилась на порогѣ.

Жена Томаса лежала на диванѣ и крѣпко спала. Юбка у нея сползла, лифъ былъ полу-разстегнутъ, а густые черные распущенные волосы разсыпались по плечамъ спящей.

Беттина нѣкоторое время разсматривала женщину. Лицо ея показалось дѣвушкѣ немного одутловатымъ, но все-таки красивымъ. Она увидѣла въ немъ что-то жалкое и страдальческое. Осторожно притворивъ за собою дверь, Беттина опустилась на стулъ и опять принялась внимательно разсматривать Катарину. И чѣмъ больше вглядывалась она въ это лицо съ сросшимися бровями, тѣмъ болѣе грубымъ и негармоничнымъ оно казалось ей.

Вдругъ Катарина заметалась такъ безпокойно, что Беттина невольно вздрогнула. Потомъ послышались протяжные зѣвки. Беттина поднялась со стула, и какъ разъ въ эту минуту Катарина проснулась.

Она приподнялась, вскрикнула и, натянувъ повыше юбку, поспѣшно вскочила на ноги.

— Простите! Меня зовутъ Беттиной.

При этихъ словахъ лицо Катарины измѣнилось. Она взглянула съ недовѣріемъ на дѣвушку, но не сказала ни слова.

Беттина стояла передъ ней взволнованная и безпомощная.

— Ужъ не взыщите, я оставлю васъ на минутку,—прервала молчаніе Катарина, и, быстро подойдя къ шкафу, она вынула оттуда платье и вышла изъ комнаты.

Беттина прислонилась щекой къ холодной оконной рамѣ. Это „не взыщите“ такъ и раздавалось въ ея ушахъ. Минутъ черезъ пять вернулась Катарина. Она успѣла переодѣться и наскоро подшпилила себѣ волосы. Теперь она была уже совсѣмъ другая. Въ ея вспыхнувшемъ лицѣ проступило что-то властное, а во взглядѣ появилось острое, пронизывающее выраженіе.

— Милости прошу, садитесь!

— Нѣтъ, я предпочитаю стоять,—робко отвѣтила Беттина. Она начинала бояться этой женщины.

— Какъ вамъ угодно! — довольно грубовато и даже злобно произнесла Катарина. У Беттины пропало всякое мужество.

Катарина вдругъ подбоченилась и подошла къ ней съ самымъ угрожающимъ видомъ.

— Нечего намъ съ вами комедію-то ломать!—заговорила она обрывающимся голосомъ. — Не думайте, пожалуйста, что я ужъ такая простофиля! Я отлично понимаю, зачѣмъ вы пожаловали. Но ужъ это-то вамъ не удастся! Вы думаете, я не вижу, что всѣ и все противъ меня? Но вѣдь я очень несчастна,—внезапно переходя въ жалобный тонъ, продолжала она. — Вы молоды, передъ вами еще цѣлая жизнь... а я... я... да знаете ли вы, фрейлейнъ, что мнѣ остается только въ гробъ лечь, если онъ уйдетъ отъ меня... что безъ него я издохну какъ собака?

Она остановилась на секунду.

— И когда я буду издыхать, никто не пошевельнетъ для меня пальцемъ... Вотъ что!—Въ ея голосѣ зазвучали крикливыя, пронзительныя ноты:—И я не хочу ничего слушать... я не отпущу его... ни за что не отдамъ его... И все, что онъ тамъ разсказываетъ вамъ, не такъ ужъ плохо на самомъ-то дѣлѣ... Сами, вотъ, вы попробуйте-ка выйти замужъ!..—кричала она, все ближе и ближе подступая къ Беттинѣ,—и во всякой семьѣ всегда есть что-нибудь такое... нигдѣ не бываетъ совсѣмъ ладно! А потому...— Она замолчала и совсѣмъ задохнулась. Отдышавшись, она взглянула на Беттину съ выраженіемъ насмѣшки и какого-то женскаго лукавства.

— И даже въ томъ случаѣ, если все на самомъ дѣлѣ такъ плохо, какъ онъ это себѣ воображаетъ, то все-таки онъ любитъ меня. Ужъ на этотъ-то счетъ вы можете быть спокойны!—И точно рѣшившись, наконецъ, показать послѣдній козырь, чтобы сразу покончить съ противникомъ, она прибавила необыкновенно спокойно и твердо:—Мы связаны другъ съ другомъ навсегда!

И, скрестивъ руки, она не спускала глазъ съ дѣвушки, въ лицѣ которой не осталось ни кровинки. Вдругъ что-то похожее на состраданіе прокралось въ ея душу. Она передернула плечами и пробормотала:

— Ужъ тутъ я ни при чемъ и передѣлать ничего ровно не могу!

Беттина отвернулась. Слова Катарины глубоко поразили ее. Она была не въ силахъ произнести ни одного звука и только еще крѣпче прижимала къ себѣ ящикъ со скрипкой, который все время не выпускала изъ рукъ. „Я не хочу передъ ней плакать... не хочу, не хочу...“ —мелькало въ ея головѣ.

Катарина наблюдала за дѣвушкой. Она была поражена и удивлена. Ей вдругъ захотѣлось разсказать Беттинѣ рѣшительно

все, во всемъ оправдаться передъ нею. Въ ней пробуждалась какая-то неожиданная нѣжность, но она постаралась заглушить ее и не произнесла ни слова, чувствуя, что у нея все равно ничего не выйдетъ. Она упрямо сжала губы.—Вѣдь у каждаго есть своя гордость,—говорила она себѣ.—Прошу прощенья!—прибавила она громко, когда Беттина, едва кивнувъ головой, вышла изъ комнаты.

XI.

Въ день концерта Беттины вечеръ былъ холодный, но ясный, и небо было усыпано звѣздами.

Передъ зданіемъ консерваторіи стояло нѣсколько извозчиковъ. Изрѣдка распахивались входныя двери, пропуская новыхъ посѣтителей, но концертный залъ былъ все-таки пустъ болѣе чѣмъ на половину.

Члены „Ночника“, собравшіеся въ полномъ составѣ, переглядывались между собою съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Они были незнакомы съ постановкой музыкальнаго дѣла въ Берлинѣ и не знали, что со всѣхъ концовъ свѣта сюда стекаются виртуозы, на послѣдніе гроши даютъ концерты, съ единственной цѣлью, чтобы о нихъ заговорили въ печати, и уже затѣмъ, съ критическими отзывами въ карманахъ, разъѣзжаются по провинціямъ, чтобы добывать средства къ существованію. Члены „Ночника“ не знали и того, что публика Берлина пресыщена музыкой, привыкла къ громкимъ извѣстнымъ именамъ и совершенно не интересуется новичками.

Въ этотъ вечеръ публика въ концертномъ залѣ консерваторіи состояла главнымъ образомъ изъ лицъ, получившихъ даровые билеты. Это были по большей части учителя и учительницы музыки, которые привели съ собой и своихъ знакомыхъ.

Большинство подобныхъ концертовъ доставляло ихъ устроителямъ только одни хлопоты и расходы. Послѣ долгихъ лѣтъ ученья и работы, артисты, наконецъ, выступали передъ публикой исключительно для того, чтобы вызвать со стороны прессы снисходительный, а иногда и совсѣмъ презрительный отзывъ. И сколько людей, вся молодость которыхъ ушла на ученье и упорный трудъ, должны были выслушать, что ихъ знанія слишкомъ ничтожны, чтобы выступать съ ними публично. Какъ многимъ пришлось выслушать совѣтъ поработать еще нѣсколько лѣтъ!

Какъ часто одинъ подобный вечеръ отражался на всей дальнѣйшей жизни несчастливцевъ! Только очень немногіе встрѣчали

удачу; остальные неудачники погибали въ неизвѣстности, перебиваясь грошовыми уроками. И воспоминаніе о томъ днѣ, когда, полные надеждъ, они явились сюда, было единственной свѣтлой точкой ихъ безрадостнаго существованія. Эти-то люди и представляли собой обыкновенно самыхъ строгихъ критиковъ въ консерваторскомъ залѣ. Ни одинъ фальшивый звукъ не ускользалъ отъ ихъ внимательнаго, напряженнаго слуха, и они все время обмѣнивались другъ съ другомъ насмѣшливыми взглядами.

И вотъ передъ такими-то людьми должна была выступить въ Берлинѣ въ первый разъ Беттина.

Какъ-то разъ вечеромъ ей очень захотѣлось сыграть Томасу. Она чувствовала, что ей необходимо найти выходъ своей душевной мукѣ. Но онъ съ такимъ разсѣяннымъ видомъ уклонился отъ ея предложенія, что она оставила всякую попытку.

И на этотъ разъ она вполнѣ понимала его. Безъ всякихъ возраженій отставила она въ сторону ящикъ со скрипкой и принялась съ увлеченіемъ и подробно разсказывать ему о своемъ внутреннемъ мірѣ.

Онъ долженъ былъ непремѣнно проводить ее на концертъ. Она настояла на этомъ. По дорогѣ въ консерваторію она спросила, придутъ ли слушать ее его знакомые и друзья.

— Всѣ, кромѣ Катарины,—отвѣтилъ онъ.

Она прижалась къ нему, крѣпко взяла его за руку и уже не выпускала ее цѣлую дорогу.

„Я буду играть для него одного“,—сказала она себѣ. Эта мысль внушила ей бодрость и увѣренность, что теперь она съумѣетъ выразить все, что было у нея на душѣ. И ей стало вдругъ жарко, хотя, изъ боязни измять свое кисейное платье, она надѣла только легкую накидку.

— Вотъ мы и пріѣхали! — взволнованно сказала она.—До начала концерта ты долженъ все время быть со мной. Вѣдь, не правда ли, ты меня не оставишь? — умоляющимъ голосомъ спросила она, крѣпко пожимая его руку.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже были въ артистической комнатѣ, изъ которой вела лѣстница на эстраду.

Беттина сбросила накидку. На ней было простое кисейное платье съ высокимъ воротомъ. Она была очаровательна въ своемъ незатѣйливомъ нарядѣ; платье необыкновенно шло къ ней, и какъ будто подчеркивало ея своеобразную красоту. Было что-то въ высшей степени трогательное въ ея печальномъ лицѣ.

— Ты долженъ поцѣловать меня, Томасъ, какъ сестру дол-

женъ ты поцѣловать меня!—нѣжно и съ какимъ-то загадочнымъ смѣхомъ вдругъ шепнула она ему.

Онъ нагнулся къ ней, и его мрачное лицо сразу просвѣтлѣло. Она невольно закрыла глаза, и онъ поцѣловалъ ее чистымъ, стыдливымъ, юношескимъ поцѣлуемъ.

Ей послышались чьи-то шаги. Она открыла глаза и увидѣла передъ собой невысокаго господина съ громадной лысиной и сѣдоватой жидкой бородкой. Лицо его имѣло красноватый оттѣнокъ, а черезъ пенснэ въ золотой оправѣ выглядывали маленькіе живые и острые глазки.

Удивленно и подозрительно оглядѣвъ Томаса, онъ поднесъ Беттинѣ букетъ темно-красныхъ розъ и, проговоривъ нѣсколько ничего не значащихъ фразъ, торопливо посмотрѣлъ на часы.

— Черезъ пять минутъ мы начинаемъ, сударыня!

Она кивнула ему головой и, указывая на Томаса, проговорила:

— Позвольте вамъ представить моего двоюроднаго брата. Господинъ Томасъ Трукъ—господинъ капельмейстеръ Беръ!

Легкая усмѣшка удивленія появилась на губахъ капельмейстера; онъ вдругъ точно поперхнулся и закашлялся. Потомъ онъ нахмурилъ лобъ, какъ бы стараясь что-то припомнить и, проговоривъ незначительную любезность, прибавилъ, обращаясь къ Беттинѣ:

— Во всякомъ случаѣ, уже время начинать. Филармоническіе концерты отличаются пунктуальностью. Люди всегда спѣшатъ домой!—прибавилъ онъ, имѣя въ виду музыкантовъ изъ оркестра.

Беттина схватила Томаса за руку.—Я буду играть для тебя одного! — съ какимъ-то отчаяніемъ сказала она. Не заботясь о томъ, что ихъ могли видѣть, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ.

Капельмейстеръ съ видимымъ замѣшательствомъ потиралъ руки.

— Послушайте, сударыня,—ужъ не тотъ ли это Томасъ Трукъ, о которомъ кричатъ всѣ газеты... тотъ, который въ собраніяхъ...

— Да, тотъ самый, — спокойно отвѣтила она, наслаждаясь его смущеніемъ.

— Дитя мое, — началъ капельмейстеръ отечески-покровительственнымъ тономъ:—здѣсь, въ Берлинѣ, вамъ слѣдуетъ быть поосторожнѣе. Такое знакомство, — пожалуйста, простите мнѣ мою откровенность, — можетъ васъ просто скомпрометтировать. Вы только обратите вниманіе на костюмъ вашего двоюроднаго брата! Развѣ въ такомъ видѣ прилично являться на концертъ! Повѣрьте мнѣ...

Но онъ не договорилъ до конца. Беттина откинула голову и смотрѣла на него съ такой злобой, что онъ совершенно растерялся.

— Этого человѣка, милостивый государь, я знаю во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ вы. Это... это...

Она хотѣла что-то объяснить, но почему-то вдругъ раздумала и, оборвавъ себя на серединѣ фразы, быстро повернулась и взяла въ руки скрипку.

— Но, сударыня!—заговорилъ капельмейстеръ въ примирительномъ тонѣ:—ради Бога, не сердитесь на меня! Я былъ далекъ отъ мысли обидѣть васъ! Но что съ вами? У васъ очень дурной видъ. Не хотите ли вы выпить немного вина,—это подкрѣпитъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Теперь я иду играть.

Капельмейстеръ помогъ ей подняться по лѣстницѣ. Она держалась за перила и останавливалась на каждой ступенькѣ. Ея лицо было печально, и она чувствовала, какъ слезы подступаютъ къ глазамъ.

Она вышла на эстраду. „Играю только для него одного“... пронеслось въ ея головѣ. Ей казалось, что руки у нея стали необычайно тяжелыми, точно каменными.

Капельмейстеръ кивнулъ ей съ ободряющимъ видомъ. Она крѣпко прижала къ себѣ скрипку, стараясь глазами отыскать Томаса въ громадномъ залѣ. Наконецъ она увидѣла его, и лицо ея прояснилось.

— Для него играю!—прошептала она, не замѣчая наведенныхъ на нее биноклей. Въ первомъ ряду сидѣли супруги Берги и рядомъ съ ними—адвокатъ Корнфельдъ.

Капельмейстеръ подалъ знакъ, и оркестръ заигралъ увертюру. Первымъ нумеромъ программы былъ поставленъ концертъ для скрипки, Бетховена. Въ распоряженіи Беттины оставалось нѣсколько минутъ, чтобы оправиться и придти въ себя.

Она провела смычкомъ по струнамъ, и при первыхъ же звукахъ всѣ собравшіеся въ залѣ почувствовали, что ихъ ожидаетъ нѣчто совсѣмъ особенное. Могучей бурной волной полилась музыка, и всѣ замерли точно очарованные. Это не было одно талантливое исполненіе,—въ игрѣ чувствовалась сама жизнь, чувствовалось, что каждый звукъ выливался изъ самой глубины человѣческой души.

А сама Беттина думала только объ одномъ: „Я играю для него“!

Она кончила. Нѣкоторое время въ залѣ все оставалось по-

прежнему тихо, а затѣмъ раздался цѣлый громъ неистовыхъ аплодисментовъ.

Она оставалась безучастной и попрежнему искала глазами одного Томаса, но на этотъ разъ никакъ не могла отыскать его. Онъ исчезъ, точно провалился сквозь землю.

При первыхъ звукахъ ея скрипки онъ забылъ все окружающее. Для него перестала существовать дѣйствительность, и онъ увидѣлъ передъ собою родной и милый садъ, гдѣ она такъ часто играла для него одного, и вѣтеръ развѣвалъ ея бѣлое платье... Ему слышался запахъ цвѣтовъ и травы, старыя деревья склоняли надъ нимъ свои вѣтви... Передъ нимъ оживало давно прошедшее. У него было такое чувство, точно чья-то нѣжная и заботливая рука осторожно снимала сковавшую его ледяную кору. Прежняя дѣтская вѣра возвращалась къ нему. Въ немъ просыпалось дремавшее мистическое чувство, пробуждалось сознаніе, что до этого времени онъ былъ слѣпъ и не видѣлъ, гдѣ настоящая радость жизни, что, опьяненный призракомъ свободы и стремясь создать новую жизнь, онъ уничтожилъ все живое въ своей собственной жизни. Онъ забылъ и весну, и музыку, какъ говорила Беттина.

Онъ прозрѣлъ, слушая ея игру. Для него зазвонилъ колоколъ и пробудилъ въ немъ жажду откровенія и великихъ созвучій.

— Я томился, потому что мой путь еще не былъ озаренъ свѣтомъ истины,—сказалъ онъ себѣ.

И въ серединѣ игры Беттины его охватило почти молитвенное настроеніе. А звуки все лились и лились... Онъ слушалъ, и сомнѣніе прокрадывалось въ его душу.—Не слишкомъ ли поздно понялъ я, въ чемъ истина?— съ горечью спросилъ онъ себя. —Есть ли у меня еще сила... крѣпость?..

Въ эту минуту его глаза встрѣтились съ глазами Беттины, тревожно отыскивавшими его въ толпѣ. Онъ отвѣтилъ ей серьезнымъ, полнымъ благодарности взглядомъ. Затѣмъ онъ опустилъ глаза, и сомнѣніе снова охватило его. Ему вспомнился „Праздничный Чертогъ“... пляска... молитва... музыка...

Бурные аплодисменты заставили его очнуться.

Публика вставала со своихъ мѣстъ... Всѣ до одного человѣка неистово аплодировали Беттинѣ, а она стояла попрежнему безучастная, все съ тѣмъ же отпечаткомъ глубокаго страданія на блѣдномъ лицѣ.

Абрамъ Гебгардтъ, сидѣвшій въ пятомъ ряду, не спускалъ съ нея восторженнаго, благоговѣйнаго взгляда. Она казалась ему какимъ-то чуднымъ видѣніемъ.

Ее вызывали безконечное количество разъ послѣ послѣдней пьесы. Она раскланивалась передъ публикой съ видомъ глубокой усталости. Наконецъ она и совсѣмъ перестала выходить на вызовы. Она сидѣла, вся съёжившись, на стулѣ въ артистической комнатѣ, и ей казалось, что она замерзаетъ.

Она вздрогнула, когда къ ней подошелъ сіяющій капельмейстеръ.

— Я приношу вамъ мое искреннее поздравленіе, сударыня! — сказалъ онъ, пожимая ей руку. — Вы артистка въ полномъ смыслѣ этого слова! Завтра вы узнаете объ этомъ изъ газетъ, а сегодня я говорю вамъ это самъ, и предсказываю, что въ очень скоромъ времени вы прямо изъ Берлина сдѣлаете блестящее артистическое турнэ!

И онъ заговорилъ съ нею о томъ, что она черезъ нѣсколько дней должна дать второй концертъ и затѣмъ, не долго думая, начать турнэ.

— Вы очень скоро не будете знать, куда дѣвать деньги,— смѣясь, прибавилъ онъ и вышелъ вмѣстѣ съ Беттиной изъ комнаты, направляясь къ лѣстницѣ, которая вела на эстраду.

— Очень благодарю васъ за доброе отношеніе, — сказала она,—но я не собираюсь уѣзжать изъ Берлина. Я должна остаться здѣсь!

— Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ съ вами!—отвѣтилъ капельмейстеръ, пропуская ее впереди себя на лѣстницу.

—Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, — вдругъ обернулась она къ нему: — попросите ко мнѣ господина, съ которымъ я васъ познакомила. Онъ сидитъ въ девятомъ ряду налѣво.

Капельмейстеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія, а у Беттины вдругъ заблестѣли глаза, и почти счастливая улыбка появилась на ея печальномъ лицѣ.

— Вообще, я должна вамъ сказать, что этотъ господинъ— докторъ!—сказала она съ такимъ видомъ, точно сообщала что-то необычайно важное и значительное.—Онъ—докторъ,—еще разъ повторила она и стала подниматься по лѣстницѣ, чтобы выйти на эстраду.

Ее встрѣтили шумными рукоплесканіями. Она раскланялась съ серьезнымъ выраженіемъ лица. И опять полились чарующіе звуки, полные силы и красоты.

— Это просто какой-то феноменъ,—замѣтилъ Корнфельдъ, обращаясь къ госпожѣ Бергъ.

Беттину вызывали, но она вышла на эстраду только всего одинъ разъ и быстро сбѣжала по лѣсенкѣ на встрѣчу Томасу.

Она обняла его со слезами, не сказавъ ни слова, и ей было хорошо и больно, когда онъ ласково провелъ рукой по ея волосамъ.

У подъѣзда консерваторіи столпилась кучка людей, желавшихъ еще разъ взглянуть на скрипачку и разсмотрѣть ее вблизи. Имъ пришлось дожидаться довольно долго, пока они не увидѣли Беттину подъ руку съ какимъ-то человѣкомъ крайне подозрительнаго вида, въ одномъ легкомъ плащѣ, несмотря на холодъ. Этой парѣ сопутствовали какіе-то въ высшей степени странные и тоже какъ будто подозрительные люди.

— Какая хорошенькая! —восторженно воскликнула какая-то молоденькая дѣвушка.

А когда прошли Лирсъ, то кругомъ послышался довольно громкій смѣхъ.

Абрамъ Гебгардтъ шелъ рядомъ съ Беттиной.

— Какой счастливой вы должны себя чувствовать! —восторженно говорилъ онъ дѣвушкѣ, тщетно стараясь разгадать, что выражало ея лицо.

Но она не слышала его словъ.

Тѣсно прижавшись къ Томасу и не чувствуя ночнаго холода, она шла съ нимъ рядомъ, и ей казалось, что они, какъ въ дѣтствѣ, идутъ вдвоемъ черезъ садъ къ пруду и, прислонившись къ ивѣ, глядятся въ темную воду.

Брозе и Гейнзіусъ, по временамъ кашлявшій сухимъ кашлемъ, слѣдовали за ними. Фрюндель шелъ между Ингольфъ и Гервингъ. Онъ, казалось, и не замѣчалъ, что Лирсъ упорно, но тщетно что-то нашептывалъ Юзефѣ.

Лиссауеры и Блинскій шли послѣдними, а позади всѣхъ одиноко плелась Марія Верфтъ.

На ясномъ зимнемъ небѣ мерцали далекія яркія звѣзды.

XII.

Въ ближайшемъ нумерѣ „Праздничнаго Чертога“ появилась статья Томаса, очень сильно и неблагопріятно повліявшая на отношеніе къ нему его друзей. Статья эта называлась: „Міровоззрѣніе и религія сознательнаго *Я*“. Въ ней высказывалась та мысль, что развитой, достигшій извѣстной нравственной высоты, человѣкъ не можетъ существовать однимъ понятіемъ свободы. Значительнымъ и широкимъ вліяніемъ пользуются только тѣ

личности, которыя выработываютъ себѣ великое міровоззрѣніе и этимъ достигаютъ свободы личной. Въ этомъ смыслѣ свободный человѣкъ долженъ имѣть религію. Религія, въ глубочайшемъ ея значеніи, существенно отличается отъ догматики. Матеріализмъ, заботящійся о массѣ только въ смыслѣ ея прокормленія, не можетъ имѣть будущности, потому что въ немъ нѣтъ религіи, нѣтъ пищи для духа, равно необходимой, какъ и пища для тѣла.

Прежде чѣмъ изложить письменно всѣ свои новыя мысли, Томасъ сообщилъ ихъ Беттинѣ и обсудилъ ихъ вмѣстѣ съ нею. Она не отходила отъ него ни на шагъ, слушала все, что онъ говорилъ, взвѣшивая каждое слово, или же брала свою скрипку, и какъ онъ передавалъ ей свою душу въ словахъ, такъ она передавала ему свою душу въ звукахъ.

И когда послѣ этого онъ возвращался домой и его встрѣчала Катарина съ злыми глазами и вѣчнымъ желаніемъ измучить и напугать его, то онъ выслушивалъ ее и смотрѣлъ на нее тихо и молча. Его измученное лицо выражало печаль и состраданіе. Все возмущалось въ ней отъ сознанія, что она не можетъ снова привлечь его къ себѣ, и, злобно смѣясь, она старалась всячески обвинить Беттину...

Когда Томасу удалось ясно формулировать свои мысли для „Праздничнаго Чертога“, онъ почувствовалъ, какъ съ него свалилась огромная тяжесть. Но онъ сознавалъ ясно, что не долженъ былъ говорить о своихъ мысляхъ и о томъ, что онъ переживалъ, въ засѣданіяхъ редакціи. Все это было для него слишкомъ свято, и онъ отложилъ всякіе разговоры до появленія статьи.

Никогда онъ не работалъ такъ медленно. Съ недѣли на недѣлю откладывалъ онъ печатаніе, стараясь довести уже написанное до возможной краткости и ясности. Онъ не сомнѣвался, что съ этой статьи начнется новая эпоха для „Праздничнаго Чертога“ и для него самого, и спокойно готовился къ борьбѣ.

Одинъ разъ онъ сказалъ Беттинѣ:

— Вѣдь это ты вернула мнѣ мою радость. Я отказывался отъ жизни, отрицая одно изъ ея высшихъ стремленій. Ты возвращаешь мнѣ жизнь—ты и твое искусство.

Но когда вышелъ нумеръ съ его статьей, среди друзей разразилась буря съ такою силой, какой онъ никакъ не ожидалъ. Сцена эта произошла у Брозе. Сама хозяйка предчувствовала, что должно было случиться, и хотѣла избавить Беттину отъ предстоявшихъ ей тяжелыхъ впечатлѣній, но Беттина не хотѣла уходить.

Среди глубокой тишины Гейнзіусъ открылъ засѣданіе. Онъ объявилъ, что, прочитавъ статью Томаса, заглянулъ въ календарь, чтобы убѣдиться еще разъ, что была масляница. И такъ какъ эта статья не болѣе, какъ пародія и масляничная шутка, то можно было прямо перейти къ серьезнымъ вещамъ.

Всѣ съ напряженіемъ смотрѣли на Томаса, но въ лицѣ его не произошло никакой перемѣны.

— Я нахожу такой способъ возраженія недостойнымъ,— проговорилъ онъ съ глубокой серьезностью.— Хочетъ ли Гейнзіусъ дать мнѣ возможность отказаться отъ собственныхъ словъ или издѣвается надо мною? Я отклоняю и то, и другое. Для меня то, о чемъ я говорю, слишкомъ свято. Я постарался выразить развитіе моего внутренняго „я“, потому что только теперь понятіе „человѣкъ“ стало для меня ясно. Христосъ зналъ,—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и пристально глядя на Беттину, — что самобичеваніемъ и аскетизмомъ нельзя достигнуть цѣли. Всѣ послѣдніе годы я предавался самобичеванію и проповѣдывалъ свободу, не понимая ея настоящаго значенія. Возвращаясь назадъ, я иду путемъ жизни и правды. То, что я написалъ, написано съ полнымъ уваженіемъ къ вамъ и въ надеждѣ, что и вы рано или поздно пойдете однимъ путемъ со мною.

Все время, пока Томасъ говорилъ, Фрюндель не спускалъ съ него глазъ. Его фанатическое, торжествующее и презрительное лицо, казалось, говорило:

— Видите, до какой степени я былъ правъ! —Теперь онъ самъ попалъ въ свою ловушку.

Онъ поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ Томасу, чтобы возражать ему, но Гейнзіусъ предупредилъ его. По его лицу было видно, до какой степени онъ былъ взволнованъ. Послѣ каждой фразы онъ останавливался и стиралъ потъ со лба.

— Къ сожалѣнію, я не могу говорить въ томъ сладко-примирительномъ тонѣ, въ какомъ была сказана предшествующая рѣчь. Для меня все это полно трагической ироніи. Статья эта для меня не болѣе и не менѣе, какъ измѣна и вѣроломство. Дни и годы работали мы, чтобы избавиться отъ формулъ и догматовъ, стали наконецъ сбрасывать съ себя этотъ балластъ, готовы были сообща бросить якорь для идей будущаго... и вдругъ приходитъ человѣкъ, которому оказывали слѣпое довѣріе, разжигаетъ снова старый уголь и подноситъ этотъ чадъ публикѣ. Если-бъ эти фразы говорилъ какой-нибудь идіотъ,—потому что для меня это однѣ фразы,—то это не имѣло бы особаго значе-

нія. Но если дѣлаете это вы и, пользуясь своимъ авторитетомъ, преподносите довѣрчивому читателю цѣлую кучу сентиментальнаго вздора, то вы смущаете умы. Вы поступаете нечестно относительно всѣхъ насъ. Мы вѣдь тоже представители „Праздничнаго Чертога", и читающіе его могутъ подумать, что вы говорите отъ лица насъ всѣхъ. Я не въ состояніи вести какую-то примирительную политику. Вопросъ идетъ не о различіи мнѣній,— тутъ ужъ является такое противорѣчіе, которое можетъ разлучить и разъединить вполнѣ и навсегда. Отказываются отъ своихъ убѣжденій и возвращаются назадъ только слабые и недалекіе...

Онъ не договорилъ и посмотрѣлъ на Томаса сострадательно и насмѣшливо.

Томасу казалось, что стѣна, служившая ему все время опорой, вдругъ рухнула. На мгновеніе у него потемнѣло въ глазахъ.

„Я не ожидалъ, что это будетъ такъ тяжело", — подумалъ онъ и произнесъ громко:

— Съ какой стороны начать мнѣ защищаться? Вы глядите на меня всѣ съ угрожающими лицами и обходитесь со мною какъ съ осужденнымъ, какъ съ преступникомъ. Вы говорите, что для васъ всего важнѣе личная свобода, но стоитъ кому-нибудь сказать слово, неудобное или, быть можетъ, даже еще непонятное для васъ, и вы уже кричите:—распни его! — Я знаю, что мнѣ придется бороться съ вами, но считаю своимъ неотъемлемымъ правомъ говорить тѣмъ, кто меня слушалъ раньше. Вы не можете ни вызвать во мнѣ гнѣва, ни испугать меня. Я камень, пущенный пращею, я долженъ, я не могу не летѣть къ моей цѣли. Вы не понимаете меня, въ этомъ быть можетъ моя вина,—проговорилъ онъ скромно и какъ бы извиняясь,—но слишкомъ тяжелъ былъ путь, пройденный мною. Я не считаю себя строителемъ, сохрани меня Богъ! Я назвалъ Великаго Учителя, за Которымъ иду. Всѣ высказанныя мною мысли медленно созрѣвали во мнѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Я не стыжусь признаться, что по существу своему принадлежу къ религіознымъ натурамъ. Во мнѣ,—прибавилъ онъ тихо,—есть много мистическаго. Я долго старался подавить въ себѣ проявленія этихъ чувствъ; я думалъ, что вашъ путь правый, и потому боролся противъ самого себя. Оглушенный вашими криками, Гейнзіусъ: „свобода, свобода!"—я повѣрилъ, что можно презирать искусство и выбросить его изъ жизни. Теперь я понялъ, что искусство есть элементарное и самое настоящее выраженіе истинныхъ

жизненныхъ потребностей человѣка и составляетъ существенную часть его религіознаго сознанія. Я не понимаю, за что хотите вы побить меня камнями! Вы хотите порвать со мною послѣ цѣлыхъ лѣтъ взаимнаго общенія и работы! Умоляю васъ, не дѣлайте этого!

Въ эту минуту глаза его встрѣтились съ глазами Фрюнделя, и онъ испуганно потупился. Во взглядѣ механика онъ прочелъ одну слѣпую вражду и злобу, и какъ бы желая, чтобы скорѣе разразилась собравшаяся гроза, произнесъ:

— Говорите же, Фрюндель,—я и васъ не боюсь.

Механикъ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— Вы въ насъ немного ошиблись,—сказалъ онъ. — Меня вы, впрочемъ, не удивили. Я все это предвидѣлъ. Я отказываюсь спорить и возражать вамъ; для меня вы — потерянный, лишній человѣкъ за бортомъ! Я только удивляюсь, какъ это вы читали Штирнера, Дюринга и Ницше! Эти люди вполнѣ уничтожили нелѣпую легенду христіанства, а вы намъ опять преподносите всю эту старую болтовню. Благодаримъ васъ покорнѣйше! Кушайте сами! А ужъ насъ-то пожалуйста оставьте въ покоѣ.

— Вы кончили?—спросилъ Томасъ и слегка поблѣднѣлъ.

— Не стоитъ больше говорить,—отвѣчалъ механикъ уклончиво,—да и смысла нѣтъ.

— Послѣ этого заявленія я обращаюсь не къ вамъ, а къ остальнымъ, а вамъ замѣчу только, что подобныя нападенія меня не трогаютъ. Я хочу высказать слѣдующее: моя вѣра въ авторитеты не заходитъ такъ далеко, какъ у Фрюнделя. Мое сознаніе не останавливается передъ властью авторитетовъ. Короче говоря, я считаю сужденіе Штирнера, Дюринга, а равно и Ницше о Христѣ загадочнымъ, непонятнымъ заблужденіемъ. Какъ узко и ограниченно смотрѣли они на Христа! Я не могу понять, какъ это могло случиться, чтобы при ихъ умственномъ развитіи они могли такъ отнестись къ Евангелію, точно никогда не читали его.

Онъ остановился и съ трудомъ перевелъ духъ.

Фрюндель взялъ свою шляпу.

— Для меня здѣсь больше мѣста нѣтъ, — произнесъ онъ рѣзко.—Съ меня довольно!

Все лицо его исказилось отъ злобы и маленькіе глазки сверкали.

— Спорить было бы безцѣльно, — замѣтилъ Лиссауеръ.—

Ясно, что намъ невозможно продолжать совмѣстную работу.— Въ его лицѣ тоже появилось напряженное, фанатическое выраженіе.

Гейнзіусъ тоже всталъ.

— Я всю жизнь боролся, — произнесъ онъ мрачно,—и не сдамся предъ лицомъ смерти. Я прямо скажу ей: я не боюсь тебя, потому что свободенъ!

Припадокъ кашля прервалъ его слова. Всѣ озабоченно посмотрѣли на него,—такой у него былъ жалкій и слабый видъ,— но тотчасъ же отвернулись, зная, что всякое проявленіе жалости было для него невыносимо.

Успокоившись, онъ заключилъ съ мучительной улыбкой и, какъ показалось Томасу, какъ-то особенно взглянувъ на него:

— Всякое чувство — балластъ, а такому человѣку, какъ я, нуженъ самый легкій багажъ.

На мгновеніе Томасу захотѣлось схватить его худыя руки и задержать въ своихъ рукахъ. Невозможно было допустить, чтобы такая прочная, долгая дружба окончилась враждой и озлобленіемъ.

— Вы... вы хотите быть людьми!.. Людьми!—крикнулъ онъ, и ему самому и всѣмъ окружающимъ стало страшно, чтобы голосъ его не перешелъ въ рыданіе. Но онъ взглянулъ на Беттину и сразу овладѣлъ собою. Гнѣвнымъ взглядомъ окинулъ онъ своихъ противниковъ, и глаза его засверкали. — Знаете ли вы, кто вы такіе?—произнесъ онъ твердо.—Насталъ часъ, когда вы должны услышать правду. Вы—закоренѣлые догматики, искажающіе жизнь!

Фрюндель и Гейнзіусъ направились къ двери. Лиссауеръ и Блинскій тоже собрались уходить. Лиссауеръ подалъ Томасу руку и вдругъ весь задрожалъ.

— Я не хочу... я не хочу расчувствоваться,—пробормоталъ онъ, заикаясь. — Не смущайте меня... Послѣ такой долгой работы надъ собою... вдругъ признать, что все это было напрасно... что все это была одна глупость?.. Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ!.. Я этого не хочу!

И онъ зажалъ обѣими руками уши, боясь услышать возраженіе.

Маленькій Блинскій тоже хотѣлъ сказать что-то на прощанье, но слова застряли у него въ горлѣ. Онъ густо покраснѣлъ, молча пожалъ Томасу руку и послѣдовалъ за Лиссауеромъ.

Когда дверь за ними захлопнулась, то и Брозе вышла изъ

комнаты, но, уходя, она бросила на Томаса взглядъ, ясно говорившій: „Я останусь съ тобою, если и всѣ уйдутъ“!

Томасъ и Беттина остались вдвоемъ, взволнованные и серьезные. Она смотрѣла на него сіяющими отъ счастья глазами. Это былъ тотъ самый Томасъ, которому она такъ радовалась въ дѣтствѣ, надѣвая ему на голову вѣнки. Тотъ самый Томасъ, къ которому она стремилась всѣмъ существомъ столько лѣтъ. Наконецъ онъ былъ съ нею, и вся мука, и все горе казались теперь ничтожными и отступили далеко, далеко назадъ. Она одна понимала его вполнѣ, понимала до конца. Мутный потокъ жизни захватилъ его и увлекъ на дно, но волны вынесли его снова наверхъ, и онъ сіялъ прежней чистотою.

— Милый... милый! — прошептала она, вкладывая въ это слово всю свою безконечную любовь.

— Всѣ они отступили отъ меня, ты видишь! — произнесъ онъ тихо.—Я болѣе одинокъ, чѣмъ когда-либо, но это не смущаетъ меня. Я хожу въ свѣтѣ... ты со мною — и все свѣтло вокругъ. — Онъ нагнулся, поцѣловалъ ее страстнымъ, чистымъ поцѣлуемъ и прибавилъ:—Мы не разстанемся больше—никогда.

XIII.

Въ одну изъ слѣдующихъ ночей Томасъ былъ занятъ составленіемъ послѣдняго нумера „Праздничнаго Чертога“. Не было никакой возможности продолжать изданіе газеты. У него едва хватало средствъ, чтобы кое-какъ просуществовать самому. Собравъ послѣдніе гроши, онъ заключилъ съ издателемъ условіе, по которому обязался выплатить ему весь долгъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ. Съ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ совпала и его размолвка съ друзьями. Фрюндель, Гейнзіусъ и Лиссауеръ прислали въ газету грозныя замѣтки, направленныя противъ его послѣдней статьи, и рядомъ съ ними онъ помѣстилъ свой рѣшительный отвѣтъ, написанный въ спокойномъ и радостномъ тонѣ. Онъ благодарилъ читателей за ихъ вниманіе и довѣріе, заявляя, что считалъ своимъ долгомъ высказать происшедшую въ немъ перемѣну взглядовъ. Отказаться отъ того, что онъ считаетъ истиной, онъ не могъ даже ради самыхъ близкихъ людей. „Я проповѣдывалъ свободу,—заключилъ онъ,—но не понималъ до сихъ поръ истиннаго значенія этого слова. Только теперь мнѣ стало ясно, что прежде всего надо стремиться къ свободѣ внутренней. Христосъ среди насъ, но менѣе, чѣмъ когда-либо, по-

нимаемъ мы внутренній, глубокій смыслъ Его ученія. Вспомнимъ же и постараемся понять Его слова: „Ищите царствія Божія и правды Его, и вся остальная приложится вамъ“.

Докончивъ эти строки, Томасъ всталъ и взялся за шляпу. Было поздно, но ему не хотѣлось спать, и онъ чувствовалъ потребность подышать воздухомъ.

Дойдя до выходной двери, онъ испуганно отступилъ назадъ. Передъ нимъ стояла Катарина босикомъ, неодѣтая, съ распущенными волосами, и смотрѣла на него грустнымъ взглядомъ широко раскрытыхъ глазъ.

— Что это значитъ? Вѣдь ты такъ можешь на смерть простудиться!

Ему стало больно отъ ея взгляда. Онъ взялъ ея руку и погладилъ ее.

— Томасъ,—проговорила она, вся дрожа:—я... это не моя вина, я, право, не виновата!

— Да, да,—быстро отвѣтилъ онъ.—Успокойся, ради Бога!— Онъ провелъ рукой по лицу. — Ужъ поздно теперь, надо спать ложиться.

— А ты вернешься?—спросила она какимъ-то особеннымъ тономъ и съ трудомъ выговаривая слова—до такой степени стучали у нея зубы.

— Я вернусь... само собою разумѣется.

Она кивнула головой, отступила отъ двери и тихонько поплелась къ себѣ наверхъ.

Медленно и низко опустивъ голову, вышелъ онъ на улицу.

XIV.

Въ ярко освѣщенномъ залѣ „Филармоническаго Общества“ оркестръ исполнялъ большую симфонію Абрама Гебгардта „Царство радости“, подъ управленіемъ автора.

Худенькая фигура музыканта выросла и преобразилась. Все существо его перешло въ одно ритмическое движеніе, а большіе, прозрачные глаза скользили отъ однихъ музыкантовъ къ другимъ.

Томасъ и Беттина внимательно и съ интересомъ слѣдили за разливавшимися могучими волнами звуковъ. Гебгардтъ пригласилъ ихъ на концертъ и написалъ Томасу, что присоединяется къ нему отнынѣ и на вѣки.

Первая часть симфоніи была кончена.

Воцарилось гробовое молчаніе.

Двое или трое попробовали захлопать, но энергичное „ш-ш-ш!“ —водворило прежнюю тишину.

Томасъ, непріятно пораженный, взглянулъ на Беттину.

— Они не понимаютъ его музыки,—проговорила она грустно, —а музыка эта сильная и прекрасная.

Послѣ второй части началось усиленное шиканье. Большая часть публики демонстративно покинула залъ. Музыкантъ оглянулся, какъ раненный звѣрь, и отеръ потъ со лба. Тѣ, которые остались, едва слушали его и обмѣнивались насмѣшливыми, презрительными замѣчаніями.

Когда заключительные аккорды замолкли, поднялся невообразимый шумъ: одни хлопали, другіе шикали. Музыканты изъ оркестра поспѣшно ушли. Гебгардтъ смотрѣлъ на быстро пустѣвшій залъ, и по его лицу нельзя было судить о томъ, что происходило въ его душѣ. Онъ со вниманіемъ и напряженіемъ смотрѣлъ на издѣвавшихся надъ нимъ людей.

Томасъ не спускалъ съ него глазъ.

„Онъ ведетъ ихъ въ царство радости, и за это они распинаютъ его,—думалъ онъ.—Это издревле судьба всѣхъ носителей свѣта“.—Ему казалось въ эту минуту, что музыкантъ и онъ—составляли одно.

Они долго дожидались Гебгардта у подъѣзда. Наконецъ онъ появился, закрывъ свою тонкую шею высоко поднятымъ воротникомъ плаща. Увидавъ ихъ, онъ весь просіялъ.

— Я нахожу вашу музыку сильной, серьезной и прекрасной. Въ ней много новаго, много зародышей для будущаго,— сказала Беттина, и музыкантъ почувствовалъ, что она говорила правду.

— Знаете,—отвѣчалъ онъ,—была минута, когда я задалъ себѣ вопросъ: кто же сумасшедшій,—я или эта толпа? И я отвѣчалъ себѣ,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—что я въ полномъ разсудкѣ. И тогда весь гнѣвъ мой утихъ. Гнѣвъ—вещь ядовитая! Пойдемте-ка лучше, выпьемъ за царство радости!

Томасъ и Беттина послѣдовали за нимъ, и всѣ трое испытывали особенно мирное и успокоительное состояніе духа.

Они зашли въ ближайшій винный погребокъ. Тамъ не было ни души. Музыкантъ велѣлъ принести рейнвейна.

Прозрачнымъ веселымъ звукомъ зазвенѣли стаканы, когда они чокнулись.

— За царство радости!

И они обмѣнялись серьезными взглядами, полными глубокаго значенія.

XV.

Около полуночи Томасъ проводилъ Беттину домой. Повернувъ въ улицу, гдѣ жила Брозе, они еще издали замѣтили какую-то тѣнь, двигавшуюся взадъ и впередъ передъ домомъ. Подойдя ближе, они увидали, что это была Брозе.

— Что это значитъ? — спросилъ Томасъ и почувствовалъ, что Беттина испуганно смотритъ на него. Оба вдругъ поняли, что случилось что-то ужасное, и молча ускорили шаги.

Въ это время Брозе повернулась къ нимъ лицомъ, узнала ихъ и быстро пошла къ нимъ на встрѣчу.

— Брозе, что случилось?—въ ужасѣ спросилъ Томасъ.

Она подняла къ нему блѣдное, какъ полотно, лицо.

Беттина схватила ее за руки.

— Милая, милая фрау Брозе!—воскликнула она, забывая о собственномъ мучительномъ страхѣ.

Брозе разрыдалась.

— Это ужасъ... ужасъ! — выговорила она, наконецъ: — Юзефа... лишила жизни себя и Фрюнделя.

— Лишила жизни? Но это невозможно!

Всѣ трое замолчали. Имъ были слышны удары собственнаго сердца.

— Отъ кого вы это узнали?—наконецъ глухо спросилъ Томасъ.

— Лирсъ приходила ко мнѣ,—отвѣчала Брозе, плача:— они всѣ тамъ, у Лирсъ.

— Пойдемте и мы туда,—проговорилъ тихо Томасъ и подумалъ: „изъ царства радости—въ область смерти“.

Придя къ Лирсъ, Томасъ тихонько постучалъ въ дверь. Имъ отворила сама хозяйка.

— А, это вы!—проговорила она хрипло и протянула руку, дѣлая отчаянную гримасу, чтобы удержаться отъ слезъ.

Они вошли въ комнату. Въ углу направо сидѣлъ, весь сгорбившись, Лирсъ. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ закрылъ лицо руками и беззвучно стоналъ. За столомъ, нагнувшись и прижавшись къ нему головою, сидѣла Ингольфъ. Ея лица не было видно, и нельзя было понять, плачетъ она или нѣтъ. Лирсъ положила ей руку на плечо и тихонько проговорила:

— Милая барышня, голубушка вы моя!—но не получила никакого отвѣта.

Супруги Лиссауеръ и Блинскій составляли отдѣльную группу.

Лиссауеръ отвела Томаса въ уголъ.

— Насъ... насъ высылаютъ, вы знаете?—проговорила она, нервно проводя растопыренными пальцами по своей плоской груди.—Мы... должны уѣзжать черезъ сорокъ-восемь часовъ. Насъ высылаютъ. Мы теперь нищіе, вы понимаете?—Она встала на цыпочки и потянулась къ его уху.—Тѣ, по крайней мѣрѣ, нашли покой... ничего больше не видятъ и не слышатъ. А мы... что̀ мы теперь станемъ дѣлать?

Она была вся разбита и думала только о собственномъ горѣ.

Томасъ отошелъ отъ нея; ему было слишкомъ мучительно ее слушать.

„Такова жизнь!“—думалъ онъ.

Кто-то постучался. Всѣ вздрогнули.

Вошелъ Гейнзіусъ, блѣдный, съ заостренными чертами лица, какъ настоящее олицетвореніе смерти.

Всѣ столпились вокругъ него; даже Ингольфъ поднялась съ своего мѣста и посмотрѣла на него потухшими глазами.

Онъ взялъ ее за руку.

— Я принесъ вамъ поклонъ. Вы не должны плакать. Онъ велѣлъ вамъ сказать, что не умретъ, хотя его смерть была бы для васъ избавленіемъ. Онъ говоритъ, что въ немъ самомъ нѣтъ счастья, и потому онъ не можетъ никому дать его.—Онъ перевелъ духъ.—Въ этомъ человѣкѣ есть величіе даже въ минуту смертельной опасности. О Юзефѣ онъ сказалъ, что она была права съ своей точки зрѣнія, и онъ не чувствуетъ къ ней злобы... Чего же вамъ больше? Они оба остались вѣрны себѣ!

Никто не отвѣчалъ ему. Изъ глазъ Ингольфъ текли крупныя, облегчающія слезы.

— Вы думаете, онъ останется живъ?—шопотомъ спросила она Гейнзіуса.

— Да, мнѣ кажется.

Ингольфъ отвернулась, чтобы никто не видѣлъ ея сіяющаго лица.

Лирсъ подошла къ мужу и положила свою широкую руку на его блестящіе волосы, но онъ не двинулся.

— Откуда вы все это узнали?—робко спросилъ Блинскій у Гейнзіуса.

— Я случайно пошелъ къ нему вечеромъ, ничего не подозрѣвая. Его только-что отвезли въ больницу. А она лежитъ

въ моргѣ. Я нашелъ его въ полномъ сознаніи. Даже передъ лицомъ смерти онъ сохранилъ свою обычную смѣлость, силу и величіе. — И, обращаясь снова къ Ингольфъ, онъ прибавилъ:

— Когда я уже выходилъ, онъ опять произнесъ ваше имя, фрейлейнъ.

Лицо дѣвушки снова просіяло. Гейнзіусъ взялся за шляпу.

— Однако скоро ужъ и ночь пройдетъ,—сказалъ онъ съ ледянымъ спокойствіемъ и собрался уходить. Остальные тоже стали собираться. Въ эту минуту Лирсъ поднялся съ своего мѣста.

— Гейнзіусъ!—крикнулъ онъ хрипло. Тотъ обернулся.

— Чего вамъ? — спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на искаженное отъ страданія лицо молодого человѣка. Лирсъ прильнула лбомъ къ холодному стеклу окна и стала пристально смотрѣть въ непроглядную ночь.

— Я хочу знать,—выговорилъ ея мужъ:—была ли еще жива Юзефа и, можетъ быть, она...

Онъ не договорилъ и опустилъ голову.

— Ее никто не засталъ въ живыхъ! — отвѣчалъ Гейнзіусъ и вышелъ изъ комнаты.

— Томъ,—сказала Беттина, когда онъ простился съ нею у крыльца:—думай о себѣ, слышишь?—прибавила она шопотомъ:—думай о себѣ.—Въ ней происходила мучительная борьба.—Ахъ, еслибъ эта ночь прошла поскорѣе!

Онъ повернулся къ Брозе.

— Побудьте съ нею, пожалуйста!—попросилъ онъ и взялъ Беттину за руку.

— Беттина, я долженъ уѣхать... еще до разсвѣта. Мнѣ необходимо побыть немного одному... въ тишинѣ. Только такимъ путемъ я съумѣю овладѣть собою и снова найти самого себя.

Она молча наклонила голову, и онъ почувствовалъ, какъ ея рука дрожала въ его рукѣ.

Онъ ушелъ, а она еще долго стояла, нагнувшись впередъ и глядя ему вслѣдъ любящими глазами. Брозе тихонько привлекла ее къ себѣ и увела въ домъ, какъ больного ребенка.

Вернувшись къ себѣ, Томасъ подошелъ къ кровати жены. Онъ думалъ, что она спитъ, но она сидѣла, выпрямившись и скрестивъ руки на груди.

— Ты не спишь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я тебя дожидалась.

— Значитъ, тебѣ уже извѣстно?

Она отрицательно покачала головой и тотчасъ же вскрикнула:

— Что съ тобою? Какой у тебя ужасный видъ! Что случилось?—Она вскочила съ кровати.—Говори же, Томасъ!

Тогда онъ разсказалъ ей все. Она слушала его съ напряженіемъ, широко раскрывъ глаза.

— Она убила себя,—шептала она, какъ бы не вполнѣ понимая значеніе этихъ словъ.—Убила себя... она себя убила... убила.

Его это непріятно поразило, и онъ сталъ раскаиваться, что разсказалъ ей ночью такіе ужасы.

— Возьми себя въ руки, успокойся!—произнесъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Какое-то загадочное, мечтательное выраженіе появилось въ ея лицѣ. Въ ней происходила темная, таинственная работа.

Осторожно, какъ бы боясь сдѣлать ему больно, погладила она его руку, все еще повторяя отъ времени до времени:

— Она себя убила... себя убила...

„У нея сейчасъ опять начнется припадокъ,—подумалъ онъ,—и по моей винѣ. Зачѣмъ я ей все разсказалъ теперь же“!

— Ты не бойся,—вдругъ проговорила она, улеглась на постель и прибавила робко и съ мольбою:—Томасъ, сядь ко мнѣ, слышишь?.. Побудь со мною!.. Немножечко побудь со мною!

Онъ пододвинулъ стулъ къ ея кровати и сѣлъ. Она взяла его руку, крѣпко сжала ее и закрыла глаза, какъ-то странно улыбаясь. Ему эта улыбка показалась мучительной и болѣзненной. Отъ времени до времени она открывала глаза, какъ бы желая убѣдиться, что онъ все еще тутъ, и каждый разъ повторяла:

— Она себя убила... убила.

Когда она заснула, то зимнее солнце заглянуло въ окно, бросая сквозь туманную мглу скудный и безрадостный свѣтъ.

Онъ тихонько высвободилъ свою руку изъ ея руки, долго, грустно смотрѣлъ на нее, потомъ прошелъ въ свою комнату и написалъ ей записку крупными, твердыми буквами. Въ этой запискѣ онъ сообщилъ ей, что долженъ уѣхать, что душа его жаждетъ одиночества...

XVI.

Томасъ сидѣлъ за столомъ въ маленькой, просто убранной комнаткѣ и писалъ. Это было длинное письмо къ Беттинѣ. Въ немъ онъ высказалъ всѣ мысли и чувства, овладѣвшія имъ среди полнаго одиночества и весенней природы за чтеніемъ Евангелія.

Онъ приводилъ ей нѣкоторыя слова вѣчной книги, стараясь объяснить ихъ такъ, какъ понималъ теперь самъ обновленной и просвѣтленной душою.

Въ одиночествѣ онъ много думалъ о своей будущей жизни. Ему хотѣлось уѣхать изъ города и въ мирной тишинѣ отдаться работѣ, помогая себѣ и другимъ.

Съ добрымъ чувствомъ думалъ онъ о Катаринѣ. Онъ былъ малодушенъ въ отношеніи къ ней и дошелъ до отчаянія. Могъ ли онъ ей помочь или нѣтъ, могъ ли вылечить ее или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ и въ ней жило божественное начало. Если она была безумна и жалка, то потому, что люди измучили ее, избили и грубо затоптали, какъ истлѣвшій трупъ, ея живую радость. Онъ долженъ былъ искупить вину другихъ, сознать и искупить собственную вину, и только тогда неосужденно ѣсть тѣло Христово и пить кровь Христову. Только сознательно придя ко Христу, онъ понялъ, что вины больше не было, что не было „зла“ въ противоположность „добру“.

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и выглянулъ въ него. Кругомъ все тихо расцвѣтало, и послѣ зимняго мертваго сна повсюду занималась заря воскресенья. Онъ услыхалъ, что кто-то подходилъ къ его домику. Раздался стукъ въ дверь. Онъ съ удивленіемъ подошелъ къ ней и отворилъ. Передъ нимъ стоялъ деревенскій почтарь, весь въ пыли отъ долгой дороги, и молча протягивалъ ему телеграмму. Всевозможныя предположенія промелькнули въ головѣ Томаса. Что это могло быть? Онъ смущенно провелъ рукой по темнымъ волосамъ, въ которыхъ уже блестѣло не мало серебряныхъ нитей.

— Господинъ Трукъ, — тихо сказалъ почтарь, — недобрыя вѣсти!

Томасъ быстро распечаталъ телеграмму.

„Катарина смертельно ранила себя, хочетъ тебя видѣть, пріѣзжай немедленно.—Беттина“.

Томасъ стоялъ у постели Катарины и держалъ ея холодную руку въ своихъ рукахъ.

Она глядѣла на него широко раскрытыми глазами, въ ея взглядѣ уже чувствовалась смерть. Она постаралась улыбнуться и тихо сказала:

— Томасъ, какъ хорошо, что ты пріѣхалъ...

Теперь ея лицо было прекрасно и чисто; оно было такое же, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ.

— Какъ я тебя измучила, бѣдный ты мой!—продолжала она, помолчавъ:—и какъ ты былъ добръ ко мнѣ, добрый мой, милый!

Онъ зарыдалъ.

— Не плачь,—проговорила она, и улыбнулась доброй и мягкой улыбкой. Потомъ она приподнялась съ большимъ усиліемъ. Онъ испугался и хотѣлъ нѣжнымъ движеніемъ заставить ее опять откинуться на подушки, но она покачала головой и посмотрѣла на него радостно и бодро.

— Видишь ли, я вѣдь старалась исправиться,—сказала она,—повѣрь мнѣ,—я очень старалась. Но я не могла, Томасъ, я не могла!

Все лицо ея отразило пережитую ею тяжкую борьбу, какъ будто она и теперь еще старалась побѣдить себя, но была не въ силахъ, и еще разъ тихо повторила:—Я не могла!

Глубокая слабость вдругъ охватила ее, и она откинулась на подушки, не выпуская его руки. Можно было подумать, что она заснула. Онъ стоялъ совершенно неподвижно, прислушиваясь къ ея дыханію и считая мысленно слабые удары ея пульса. Было такъ тихо, какъ будто смерть уже вступила въ комнату. Но она еще разъ открыла глаза и посмотрѣла на него съ любовью.

— Ты хотѣлъ помочь мнѣ, Томасъ. Но мнѣ никто, никто не могъ помочь!

Капли пота выступили у нея на лбу, голосъ ея звучалъ все тише, и ей становилось все труднѣе и тяжелѣе говорить, но она боролась съ своею слабостью.

— Видишь ли... повѣрь мнѣ, когда ты уѣхалъ, я хотѣла перестать... хотѣла опять начать работать... какъ передъ истиннымъ Богомъ... я хотѣла перестать...

— Не говори объ этомъ!—нѣжно перебилъ онъ ее, но она упрямо покачала головою.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня!—возразила она плаксиво и даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Нѣсколько дней я продержалась... а потомъ опять на меня нашло. Я должна была,—пойми, должна была... я все на свѣтѣ забыла, какъ будто въ меня дьяволъ какой вселился... Я хотѣла только пить... только пить! Можешь ли ты это понять?.. А потомъ, когда проспалась... о, Господи! какое отвращеніе почувствовала я къ самой себѣ! Мнѣ пришло въ голову: хоть бы уйти мнѣ куда-нибудь... но такъ было страшно за будущее... такой страхъ, что меня подберутъ на улицѣ и отправятъ въ больницу... И тебя мнѣ было жалко, Томасъ, что ты связался съ такой...

Она тихонько застонала.

— Милый мой, — продолжала она, помолчавъ: — долго я такъ-то мучилась, и только когда вдругъ съ Юзефой этой случилось, стало мнѣ ясно... точно осѣнило меня!.. Только трудно это было, Томасъ, охъ, какъ трудно!.. я все со дня на день откладывала.—Ея глаза засверкали.—И вотъ, Томасъ, насталъ послѣдній... послѣдній день. Я должна была покончить до твоего возвращенія... А то бы я пожалуй...

Она не договорила и протянула къ нему руки.

— Поди сюда, поцѣлуй меня, Томасъ!

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее.

Онъ сталъ говорить ей нѣжныя слова, утѣшать ее, увѣрять, что она поправится, но она качала головой и повторяла:

— Нѣтъ, Томасъ, только эта одна ночь еще осталась.

Потомъ она вдругъ широко раскрыла глаза и устремила ихъ въ одну точку, какъ будто хотѣла разглядѣть что-то вдали. Она выпустила его руку, и все тѣло ея поникло. Она впала въ полудремоту, прерывавшуюся отъ времени до времени безсвязными словами.

Спустились сумерки, легли тѣни, стемнѣло, настала ночь. Но эта ночь, когда онъ сидѣлъ у ея изголовья неподвижно и только прислушиваясь къ ударамъ ея сердца, казалась ему свѣтлой и сіяющей. И въ эту ночь онъ понялъ ее такъ, какъ еще никогда не понималъ. И себя по отношенію къ ней понялъ онъ теперь вполнѣ,—понялъ, что всѣ его поступки имѣли глубокій смыслъ. Когда настало утро и солнце, поднявшись изъ серебристыхъ тумановъ, освѣтило ея мертвое лицо,—онъ не заплакалъ. Онъ поцѣловалъ ея холодную руку и холодный лобъ и долго сидѣлъ, сторожа умершую.

Потомъ всталъ и пошелъ къ Беттинѣ.

И Беттина посмотрѣла на него тѣмъ же взглядомъ, какимъ смотрѣла Катарина въ свой смертный часъ: взглядомъ серьезнымъ, чистымъ и прекраснымъ.

Съ нѣм. П—на С—ва.

НА БЕРЕГАХЪ
РѢКИ ОКИ

Санитарно-статистическій очеркъ.

I.

Съ высоты крутого берега Оки, на которомъ расположено извѣстное село Павлово, вся зарѣчная сторона представляется въ видѣ красиво раскинувшагося зеленаго ковра, на которомъ кое-гдѣ выступаютъ сѣрыя пятна деревенскихъ построекъ. Прямо на горизонтѣ виднѣется церковь села Тумботина, и около нея двѣ узкія трубы „личиленъ“, изъ которыхъ вьются еле замѣтныя струйки дыма. Направо, на ярко-зеленомъ фонѣ выдѣляются двѣ деревни—Санницы и Хрѣново. Тамъ, вдали за ними, какъ бы безконечное море зелени, темнѣющее около горизонта и окаймленное темно-синимъ бордюромъ лѣсовъ.

Смотрите на эту картину весною, когда у ногъ вашихъ разстилается въ величественномъ безмолвіи свѣтлое и ровное, какъ зеркало, широкое полотно рѣки, уходящее далеко-далеко,—до самаго села Тумботина. Сверху, съ высотъ чистаго, голубого неба радостно сіяетъ весеннее солнце, щедро льющее свои лучи на пробужденную отъ зимняго сна природу. Оно дѣтски-ласково купаетъ въ своихъ лучахъ безмолвно-серьезную рѣку, какъ бы затаившую въ себѣ глубокую думу о чемъ-то; играя, оно прячется въ ея темныхъ глубинахъ, но и оттуда сіяетъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ. Въ это время и весь зеленый коверъ зарѣчной долины принимаетъ мягкій, золотистый оттѣнокъ и ма-

нитъ къ себѣ, обѣщая дать отдыхъ на пышной травѣ, среди цвѣтовъ и веселыхъ пѣсенъ майскихъ жуковъ и кузнечиковъ.

Но, несмотря на всю красоту и внѣшнюю привлекательность зарѣчной долины—все-таки ее можно скорѣе назвать долиною смерти. Цвѣтокъ, напоенный ядомъ, съ виду красивъ и пріятенъ для взора, но таитъ въ себѣ разрушенье и смерть. Такъ и эта долина. Ядъ разрушенья, однако, лишь въ самой малой степени дала ей природа вмѣстѣ съ избыткомъ своихъ красотъ. Главную же долю яда она получила отъ тѣхъ же людей, которымъ несетъ смерть.

Расположенная на лѣвомъ, низкомъ берегу рѣки Оки, тумботинская волость ежегодно заливается во время водополья. Еще село Тумботино съ деревней Вязовкой расположены на сравнительно высокомъ мѣстѣ, и весенняя вода, окружая ихъ кольцомъ, не затопляетъ домовъ. Деревни Санницы и Хрѣново заливаются въ очень большую воду, а остальныя четыре деревни: Козловка, Шульгино, Самойловка и Щербинино каждогодно сильно терпятъ отъ разлива рѣки; изъ многихъ домовъ жителямъ приходится уходить или жить на чердакахъ. Печи размываетъ, стѣны домовъ расшатываетъ, такъ что необходима ежегодная ремонтировка жилищъ. Сырость въ домахъ всей волости держится круглый годъ, такъ какъ и по спаду водъ ее поддерживаютъ болота, окружившія волость съ трехъ сторонъ, и рѣка Ока, омывающая четвертую сторону. Вслѣдствіе сырости простудныя болѣзни не переводятся. А малярія свила себѣ тамъ прочное гнѣздо. Вотъ тотъ ядъ, которымъ медленно, но вѣрно, отравляетъ жителей мачиха-природа.

Но гораздо большее несчастье приносятъ жителямъ ужасныя условія промысла, которымъ занимаются жители тумботинской волости. Нужда заставила ихъ взяться за этотъ промыселъ и заставляетъ до сихъ поръ заниматься имъ. Надѣлъ полевой земли во всѣхъ селеніяхъ волости очень малъ; притомъ же нѣкоторыя поля заливаются водой, такъ что на нихъ нельзя сѣять озимый хлѣбъ; родитъ земля плохо, и земледѣліе поэтому является подспорьемъ къ промыслу. Большинство крестьянъ—безлошадные. Такъ, въ 802 дворахъ, составляющихъ волость, имѣется всего 339 лошадей. Если предположить даже, что каждый дворъ имѣетъ по одной лошади, то и тогда $^{0}/_{0}$ безлошадныхъ будетъ громадный—58. Общій же для всей волости кустарный промыселъ—выработка стальныхъ издѣлій и въ особенности ножницъ.

Въ цѣляхъ настоящаго очерка мы ограничимся только однимъ видомъ выработки стальныхъ издѣлій—„личеніемъ“, или шлифовкой

ихъ. И отмѣтимъ только вредное, разрушающее дѣйствіе этого занятія на организмъ занимающагося имъ личильщика.

Личеніемъ въ тумботинской волости болѣе всего занимаются жители четырехъ наиболѣе населенныхъ селеній: Тумботина, Вязовки, Санницъ и Хрѣнова. Этимъ трудомъ занимаются 38% мужского рабочаго населенія волости. Личеніе ножей и ножницъ, т.-е. наведеніе на нихъ блеска, производится въ личильняхъ—продолговатыхъ, низкихъ, закоптѣлыхъ зданіяхъ. Еще совсѣмъ недавно работа производилась во всѣхъ личильняхъ такъ называемымъ „сухимъ путемъ“, т.-е. когда вращающійся камень, на которомъ личильщикъ шлифуетъ предметъ, не смачивался водой, и столбы каменной и металлической пыли, раскаленной отъ тренія, проникали даже сквозь мокрыя тряпки, навязываемыя нѣкоторыми работниками на ротъ и носъ, и въ изобиліи осѣдали на легкихъ. Никакихъ вентиляціонныхъ приспособленій, конечно, не было, и личильня, по формѣ своей постройки напоминающая гробъ, по обстановкѣ работы представляла какой-то адъ, гдѣ среди грохота каменныхъ колесъ незримо летала смерть и своимъ мертвымъ дыханіемъ поражала рабочихъ. Температура въ личильняхъ зимою почти всегда болѣе 30°; тогда воздухъ становится сухимъ, и непривычному человѣку трудно пробыть полчаса безъ того, чтобы не появились голокруженіе, тошнота и непріятныя ощущенія въ груди и во рту. Одинъ санницкій личильщикъ передавалъ намъ, что послѣ получасовой работы въ личильнѣ слюна работника пріобрѣтаетъ совершенно черный цвѣтъ отъ насѣвшей во рту и горлѣ металлической пыли. Сухость воздуха возбуждаетъ жажду, щекочущія въ горлѣ пылинки также заставляютъ пить воду, и работникъ пьетъ ее въ большомъ количествѣ, не разбирая ея температуры, а зимою утоляетъ жажду прямо снѣгомъ. Въ настоящее время въ личильняхъ работаютъ на такъ называемыхъ „чаркахъ“, покрытыхъ наждачнымъ составомъ. Чарки даютъ нѣсколько менѣе пыли, такъ какъ работаютъ на нихъ „мокрымъ путемъ“. Но тяжелыя условія труда остаются и до сихъ поръ: пыль хотя и не въ такомъ количествѣ, но все-таки проникаетъ въ легкія рабочихъ; вентиляціонныхъ приспособленій попрежнему почти нѣтъ, и рабочіе, благодаря всему этому, плюсъ зараженный болотными испареніями воздухъ тумботинской волости, прямо „мрутъ какъ мухи“. Они непремѣнно получаютъ чахотку и умираютъ раньше времени.

Вотъ цифры смертности въ волости отъ чахотки по отчету земскаго врача М. К. Медовщикова за 1895-1896 г.г. Всѣхъ умершихъ мужескаго пола за оба года было 145; если вычтемъ отсюда

96 человѣкъ, умершихъ въ дѣтскомъ возрастѣ—до пяти лѣтъ, то на остающіеся 49 случаевъ смерти падаютъ 24 случая смерти отъ чахотки, другими словами, исключая дѣтскую смертность, половина умершихъ умерли отъ чахотки. Нужно помнить, что показанныя цифры умершихъ касаются всего населенія волости, безъ различія профессіи. Въ средѣ же личильщиковъ процентъ смертности отъ чахотки наблюдается, главнымъ образомъ, среди мужчинъ цвѣтущаго возраста—отъ 20 до 30 лѣтъ. Организмъ личильщика надрывается вредною работою очень рано; въ большихъ семьяхъ, гдѣ много подростковъ и главѣ трудно прокармливать семью, заставляютъ работать въ личильняхъ мальчиковъ лѣтъ одиннадцати-двѣнадцати. Трудъ, надрывающій здоровье взрослаго, прямо непосиленъ для такихъ мальчиковъ; поэтому къ двадцати-пяти годамъ они заболѣваютъ легочными болѣзнями, бракуются при ставкѣ въ солдаты, женятся и производятъ слабое потомство. Фабричная инспекція, по ходатайству нижегородскаго губернскаго земскаго собранія въ 1897 году, запретила работать подросткамъ моложе пятнадцати лѣтъ. Это оказало бы хорошее вліяніе въ санитарномъ отношеніи, еслибы всегда примѣнялось на практикѣ. Та же инспекція, опять по ходатайству земства, сократила число рабочихъ часовъ въ личильнѣ—до 11, вмѣсто прежнихъ 14. Но здѣсь ей пришлось встрѣтиться съ непреодолимымъ препятствіемъ: уменьшеніе рабочихъ часовъ въ личильняхъ уменьшаетъ заработокъ рабочаго и, такимъ образомъ, къ тяжелымъ условіямъ труда прибавляетъ полуголодное существованіе. Уменьшеніе рабочаго времени служитъ къ выгодѣ хозяина личильни (меньше выходитъ дровъ). Теперь рабочій день въ личильняхъ—$11\frac{1}{2}$ часовъ; примѣняется это правило о рабочемъ днѣ точно, такъ какъ это—въ интересахъ хозяина.

II.

Среди селеній тумботинской волости особенною смертностью отъ чахотки отличается деревня Санницы, и этимъ явленіемъ она обязана главнымъ образомъ тому, что имѣетъ въ составѣ своихъ жителей самый большой процентъ личильщиковъ. Изъ 75 дворовъ, составляющихъ деревню, 63 занимаются личеніемъ, работая на мѣстной частной личильнѣ Окомелкова. Прежде всего, ни одно селеніе волости не поражаетъ такимъ низкимъ процентомъ прироста мужчинъ, какъ деревня Санницы.

Въ деревнѣ Санницахъ приростъ мужского пола, такъ сказать, болѣзненно незначительный, всего 5%, тогда какъ, напри-

мѣръ, въ отстоящей отъ Санницъ въ одной верстѣ деревнѣ Хрѣновѣ онъ равенъ 40%. Приростъ женщинъ въ Санницахъ въ шесть разъ больше прироста мужчинъ, что опять ставитъ эту деревню въ исключительное положеніе. Нельзя не замѣтить, что приростъ женщинъ въ Санницахъ, по сравненію съ другими селеніями волости, самый малый — 32%: видимо, болѣзненность мужского населенія тяжело отзывается и на женщинахъ.

Отношеніе числа мужчинъ и женщинъ въ селеніяхъ нижегородской губерніи, по даннымъ всеобщей переписи, разнится 100:113, т.-е. женщинъ 53%. То же самое оказывается и въ тумботинской волости, въ которой приписного (оно одно только постоянное) крестьянскаго населенія числится по всеобщей переписи 1.797 мужчинъ и 2.023 женщинъ, всего 3.820 человѣкъ. Слѣдуетъ опять принять во вниманіе, что отхожихъ промысловъ въ этой волости не существуетъ, между тѣмъ какъ въ губерніи они значительно развиты. По отдѣльнымъ селеніямъ волости, это отношеніе числа мужчинъ и женщинъ мѣняется и находится въ связи съ процентомъ личильщиковъ въ томъ или другомъ селеніи. Тамъ, гдѣ процентъ личильщиковъ по отношенію къ мужскому рабочему возрасту высокъ, процентъ женщинъ въ населеніи также очень высокъ. Вотъ цифры санитарнаго врача Лаврова (Протоколы XXXIV нижег. губ. зем. собранія) о четырехъ селеніяхъ волости, въ которыхъ занимаются личеніемъ:

	% личил. къ муж. раб. возр.	% женщ. въ населеніи
Вязовка . . .	35,9	52,2
Хрѣново. . .	48,3	52,6
Тумботино . .	48,5	53,0
Санницы. . .	86,3	57,9

Дер. Санницы является съ самымъ высокимъ процентомъ женщинъ. Ихъ приходится тамъ 137 на 100 мужчинъ. Немного найдется селеній съ подобнымъ половымъ составомъ!

Цифры двухъ послѣднихъ таблицъ показали намъ, что мы въ д. Санницахъ имѣемъ дѣло съ ненормально текущею жизнью обитателей этой деревни. Ниже мы цифрами нарисуемъ картину чрезвычайной смертности мужского рабочаго населенія въ Санницахъ. Теперь немного остановимся на причинахъ ея. Мы уже замѣтили, что бо́льшій процентъ личильщиковъ, который имѣетъ эта деревня сравнительно съ другими селеніями, объясняетъ цифры высокой смертности. Сами санницкіе и окрестные личильщики объясняютъ это явленіе тѣмъ, что они почти исключительно личатъ ножи, тогда какъ личильщики другихъ селеній—

болѣе ножницы. Личка же ножей, по ихъ словамъ, даетъ въ три раза больше металлической пыли, чѣмъ личка ножницъ, и значитъ создаетъ большую опасность для здоровья. Нельзя обойти мнѣніе представителя науки по этому вопросу. Земскій санитарный врачъ Лавровъ почему-то утверждаетъ какъ разъ противъ этого вывода опыта: „особенно дурною славою (въ отношеніи смертности),—говоритъ онъ,—пользуется личеніе ножницъ".

Въ маѣ 1901 года намъ удалось путемъ непосредственнаго изслѣдованія убѣдиться въ чрезвычайной смертности мужского рабочаго населенія, занимающагося личеніемъ въ д. Санницахъ. Всѣхъ личильщиковъ въ деревнѣ—67 въ 63 семьяхъ, занимающихся личкой.

Наибольшій процентъ работниковъ даетъ возрастъ до 30 лѣтъ; возрастъ отъ 31 года и старше даетъ только 18%. Не болѣе 18% личильщиковъ пережили тотъ періодъ, когда тяжелыя условія труда вырываютъ особенно много жертвъ изъ среды мужского рабочаго населенія. Въ справедливости этого утвержденія мы убѣдимся изъ послѣдующаго. Девять человѣкъ работаютъ въ дѣтскомъ возрастѣ (11—14 лѣтъ), когда неокрѣпшій организмъ человѣка не можетъ выносить ужасныхъ условій личильнаго труда и рано гибнетъ. О нихъ заранѣе можно сказать, что они обречены на непродолжительную жизнь. Самый старый возрастъ—52 года, до него дожилъ только одинъ личильщикъ. Намъ пришлось видѣть этого „старика": сѣдой, болѣзненный, съ хриплымъ голосомъ и больными глазами человѣкъ. Въ деревнѣ имѣются кромѣ этого личильщика еще четыре старика въ преклонныхъ возрастахъ: 60, 60, 68 и 75 г.г., но трое изъ нихъ никогда не занимались личкой, а одинъ занимался въ молодости и скоро бросилъ это занятіе.

Такъ какъ личильщики женятся по деревенскому обыкновенію въ возрастѣ около 20 лѣтъ, то ранняя смерть ихъ влечетъ за собою раннее вдовство ихъ женъ. Число вдовъ въ д. Санницахъ прямо поразительно, и вдовство бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю. Недаромъ мѣстное населеніе давно прозвало эту несчастную деревню „вдовьимъ царствомъ". Во всѣхъ 63 семьяхъ личильщиковъ имѣется 39 вдовъ, при чемъ въ двухъ семьяхъ встрѣчается по двѣ вдовы. Процентъ вдовъ въ женскомъ населеніи деревни по нашему изслѣдованію равенъ 24,7. По свѣдѣніямъ врача Лаврова, этотъ процентъ опредѣлялся въ 1898 году для четырехъ деревень цифрами, соотвѣтствующими проценту личильщиковъ. Зависимость % вдовъ отъ % личильщиковъ выражается почти полною пропорціональностью. Въ

дер. Санницахъ процентъ вдовъ (24%) высокъ и самъ по себѣ, и по сравненію съ сосѣдними деревнями, занимающимися личеніемъ. Средняя продолжительность жизни умершихъ мужей этихъ вдовъ равна 35,9 годамъ. Въ то время, какъ жены личильщиковъ д. Санницъ благополучно доживаютъ до глубокой старости, предѣльнымъ возрастомъ жизни ихъ мужей было 55 лѣтъ. Причемъ большее количество умершихъ падаетъ на молодой возрастъ 20—40 лѣтъ, а особенно на пятилѣтіе 26—30 лѣтъ, т.-е. именно на то время, когда при нормальной жизненной обстановкѣ люди выдѣляютъ самый малый процентъ умершихъ.

III.

Оставивъ д. Санницы съ ея высокою смертностью, перейдемъ вновь ко всей волости вообще. Личильный промыселъ волости поражаетъ не одни только горло и легкія личильщиковъ, развивая чахотку. Металлическая пыль, въ изобиліи осѣдающая на личильщиковъ, портитъ глаза ихъ. У насъ нѣтъ цифръ, удостовѣряющихъ развитіе глазныхъ болѣзней у личильщиковъ,—не имѣются онѣ и въ отчетахъ мѣстнаго земскаго врача. Но, помимо апріорнаго заключенія о ихъ существованіи и развитіи, намъ непосредственно пришлось видѣть, что большинство личильщиковъ имѣютъ воспаленныя, опухшія вѣки и красные бѣлки глазъ. При тѣхъ ужасныхъ условіяхъ труда въ личильняхъ это не является удивительнымъ. Отъ металлической пыли глаза работниковъ ничѣмъ не защищены. Иногда (довольно, впрочемъ, часто) крупныя металлическія пылинки вонзаются въ глазное яблоко, рабочій грязною рукою старается вытащить ихъ оттуда, и если не успѣваетъ въ этомъ, то обращается къ имѣющемуся въ каждой личильнѣ доморощенному оператору. Это—одинъ изъ рабочихъ личильщиковъ, путемъ навыка пріобрѣвшій ловкость въ вытаскиваніи металлическихъ занозъ изъ глазъ. Операторъ вооружается гусинымъ перомъ, извѣстнымъ образомъ обрѣзаннымъ, и, приподнявъ вѣку своего паціента, сбрасываетъ перомъ съ глаза вонзившуюся пылинку. Эту операцію намъ пришлось видѣть и въ самой благоустроенной личильнѣ—земской. Какъ видите, все это убѣждаетъ въ существованіи глазныхъ болѣзней среди личильщиковъ. Грязь на рукѣ и перѣ оператора, также какъ и на пальцахъ самого паціента, который предъ операціей старается самъ вынуть занозу, смѣшивается съ слезами, текущими изъ больного глаза, и все это попадаетъ снова

въ глазъ, способствуя развитію всевозможныхъ глазныхъ болѣзней.

Та же металлическая пыль, которая награждаетъ рабочаго чахоткой и глазными болѣзнями, развиваетъ въ немъ еще одну болѣзнь—слюнной свищъ. Пыль разъѣдаетъ слизистую оболочку рта и слюнныя желѣзы, благодаря чему образовываются язвы съ постояннымъ слюноистеченіемъ. Предъ нами цифры призывныхъ списковъ по тумботинской волости. Количество оказавшихся негодными по отношенію ко всѣмъ забракованнымъ въ 1895, 96 и 97 гг. къ военной службѣ по 44-й статьѣ устава (застарѣлый слюнной свищъ) равно—для Вязовки, Хрѣнова и Санницъ 100%, для Тумботина въ 1895 году—66%. Въ числѣ бракованныхъ преобладаютъ личильщики, но есть слесаря и кузнецы. Занятія этихъ послѣднихъ, какъ и личильщиковъ, не гигіеничны. Металлическая пыль также садится на рабочихъ, проникая внутрь организма, хотя далеко не въ томъ количествѣ, какъ въ личильномъ промыслѣ. Изъ таблицы видно, что, напримѣръ, Вязовка, Хрѣново и Санницы, въ которыхъ болѣе всего занимаются личкой, нѣсколько лѣтъ подрядъ представляли молодыхъ людей для военной службы, и всѣ оказавшіеся негодными изъ нихъ браковались исключительно по болѣзни, называемой застарѣлый слюнной свищъ.

Во время работы въ личильнѣ, личильщикъ садится съ правой стороны станка, такъ какъ иначе огненныя брызги, получающіяся отъ соприкосновенія стали съ наждакомъ, обожгли бы его. Благодаря такому положенію, личильщики постоянно держатъ голову повернутою на лѣвую сторону. Это создало новую профессіональную болѣзнь—искривленіе шеи, которая также предусматривается воинскимъ уставомъ, какъ болѣзнь навсегда освобождающая больного отъ военной службы. Въ 1899 году, напримѣръ, всѣ молодые люди селеній: Тумботина, Вязовки, Хрѣнова, Санницъ и Щербинина, оказавшіеся негодными къ военной службѣ, были забракованы исключительно вслѣдствіе этого физическаго недостатка. Причемъ бракованными оказались только личильщики.

Тяжелыя условія труда и полное отсутствіе какихъ-либо разумныхъ развлеченій при очень низкомъ уровнѣ развитія создали благопріятную почву для пьянства. По собраннымъ врачомъ М. К. Медовщиковымъ свѣдѣніямъ оказалось, что ни одна волость въ горбатовскомъ уѣздѣ съ приблизительно одинаковымъ количествомъ народонаселенія не потребляетъ столько вина, какъ

тумботинская. Личильщикъ можетъ быть и правъ, когда говоритъ: „я жить безъ вина не могу, работа наша такая“.

Чтобы закончить перечисленіе болѣзней населенія, укажемъ на поразительно большую смертность дѣтей въ возрастѣ до пяти лѣтъ. Тутъ несомнѣнно вліяетъ и наслѣдственность, благодаря которой ребенокъ получаетъ отъ рожденія хилость надорваннаго организма отца, но не малую роль въ этомъ явленіи играетъ обычный въ нашей деревнѣ способъ кормленія ребенка чѣмъ попало: морковью, кренделями, чернымъ хлѣбомъ, предварительно пережеванными взрослыми, ухаживающими за ребенкомъ. Приводимъ въ процентахъ цифры смертности дѣтей до пяти лѣтъ по отношенію къ общему количеству умершихъ за 1895—96 гг.:

	Мужск. п.	Женск. п.
1895 г.	64,5	64,4
1896 г.	68,2	53,2

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ умирающихъ въ волости болѣе 60% умираетъ въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ до пяти лѣтъ. Необходимо пояснить, что въ 1895—96 гг. особыхъ дѣтскихъ эпидемій не наблюдалось,—значитъ, показанный процентъ смертности дѣтей присущъ нормальному году.

Всѣ перечисленныя болѣзни и злоупотребленіе алкоголемъ въ корень подрываютъ здоровье населенія тумботинской волости. Среди него даже мужчины болѣе здороваго возраста—21 года—являются настолько хилыми и съ надорваннымъ здоровьемъ, что часто бракуются при ставкѣ въ солдаты. За шесть лѣтъ (съ 1895—900 гг.) всѣ восемь селеній тумботинской волости дали 37,1% негодныхъ къ военной службѣ молодыхъ людей.

Нашъ очеркъ не являлся бы исчерпывающимъ вопросъ, если-бы мы ничего не сказали о тѣхъ мѣрахъ помощи страдающему населенію, которыя предпринимались въ послѣдніе годы. Исторія этихъ мѣръ не сложна. Въ концѣ 1898 года въ с. Тумботинѣ устроена земская личильня, задавшаяся цѣлью устранить вредныя вліянія личильной работы. Особенность устройства ея заключается въ томъ, что при каждомъ изъ личильныхъ станковъ имѣется особый желѣзный кожухъ, куда должна попадать пыль, въ массѣ получающаяся при шлифованіи металлическихъ издѣлій. Всѣ эти кожухи установлены на особыхъ трубахъ, соединенныхъ съ двумя вентиляторами, которые должны извлекать и выбрасывать наружу металлическую пыль и испорченный воз-

духъ. Для притока въ помѣщеніе личильни свѣжаго воздуха, вмѣсто извлекаемаго, устроены четыре воздухо-пріемныя камеры, въ которыхъ воздухъ, раньше чѣмъ попасть въ помѣщеніе, подогрѣвается, что необходимо для поддержанія въ зимнее время нужной температуры помѣщенія. Въ этихъ приспособленіяхъ заключается вся существенная разница земской *личильни* отъ личиленъ, устроенныхъ частными предпринимателями, въ которыхъ вентиляцій не имѣлось. За годы существованія земской личильни въ ней было занято, въ среднемъ, только 73—75 станковъ въ день, тогда какъ всѣхъ станковъ въ личильнѣ 104. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что большинство личильщиковъ находится въ долгу у содержателей личильныхъ заведеній, вслѣдствіе чего и не имѣютъ возможности перейти въ земскую личильню; другіе же хотя и задолжены, но не могутъ уплачивать за мѣста понедѣльно, какъ это требуется земствомъ, а нуждаются въ болѣе широкомъ кредитѣ, который и открываютъ имъ хозяева частныхъ личиленъ. Вскорѣ послѣ постройки земской личильни губернская управа сообщала въ своемъ докладѣ собранію слѣдующее: „Нѣсколько хозяевъ пожелало оборудовать свои личильни по образцу земской, и нѣкоторые изъ нихъ обращались съ заказомъ на вентиляторы въ земскую замочную мастерскую въ с. Павловѣ. Такимъ образомъ, земская личильня не только сама по себѣ давала возможность работать кустарямъ въ болѣе гигіеничной обстановкѣ, но и понудила частныхъ предпринимателей озаботиться благоустройствомъ своихъ заведеній“.

Такъ было въ первые годы существованія личильни. Но въ послѣднее время обнаружились недостатки постановки дѣла въ земской личильнѣ. Отсутствіе на мѣстѣ ученаго техника имѣло результатомъ то обстоятельство, что весь сложный механизмъ личильни былъ отданъ подъ руководство машинистовъ. А изъ послѣднихъ попадались лица, которыя и опустили земскую личильню до степени частной. Явились справедливыя нареканія со стороны земцевъ. Сами личильщики перестали чувствовать различіе ея отъ частныхъ личиленъ. Вентиляторы ея настолько слабы, что тяга незамѣтна даже для близъ находящихся станковъ, и пыль, благодаря этому, попадаетъ не въ кожухи, а, попрежнему, въ легкія рабочихъ.

Нужно думать, что это временное неустройство—легко устранимое, если обратить на это вниманіе. Полезнаго значенія земская личильня не теряетъ, хотя благотворное ея вліяніе можетъ сказаться на населеніи лишь впослѣдствіи. Въ настоящее время земская личильня не является опаснымъ конкуррентомъ для част-

ныхъ личиленъ, такъ какъ эти послѣднія и безъ усовершенствованныхъ вентиляторовъ (а онѣ ихъ теперь или совсѣмъ не имѣютъ, или имѣютъ дурно дѣйствующими) не знаютъ отбою отъ личильщиковъ. Даже частныя личильни с. Тумботина и Вязовки, находясь бокъ-о-бокъ съ земской, никогда не пустуютъ. Личильни же въ Хрѣновѣ и Санницахъ всегда полны и ихъ уже совершенно не затрогиваетъ конкурренція земской личильни: развѣ пойдетъ санницкій или хрѣновскій личильщикъ за 3—4 версты въ земскую личильню работать, когда у него въ деревнѣ есть личильня, въ которой плата одинакова съ платой земской личильни! Чтобы цѣнить всю пользу для здоровья земской и вредъ для него частной личиленъ, нужно имѣть извѣстное развитіе, котораго тумботинскіе личильщики лишены. Поэтому мы думаемъ, что благотворное вліяніе тумботинской земской личильни не идетъ далѣе тѣхъ личильщиковъ, которые въ ней работаютъ. Болѣе того, и для этихъ послѣднихъ это вліяніе ослабляется тѣмъ, что они часто переходятъ изъ одной личильни въ другую (въ Тумботинѣ, считая вплотную стоящую д. Вязовку, имѣются, кромѣ земской, еще двѣ частныхъ личильни) и нынѣ, напримѣръ, работая въ благоустроенной земской личильнѣ, завтра переходятъ въ Судаковскій „гробъ“, гдѣ можно задохнуться. Чтобы ослабить вредное вліяніе промысла на все населеніе, земству предстоитъ нелегкая работа, требующая большихъ средствъ: устроить нѣсколько личиленъ и при посредствѣ пониженной платы сравнительно съ платою частныхъ личиленъ перетянуть къ себѣ всѣхъ личильщиковъ. Надѣяться же на то, что тою конкурренціей, которая создалась для частныхъ предпринимателей съ постройкой одной тумботинской личильни, можно побудить этихъ предпринимателей дойти въ обстановкѣ личиленъ до высоты земской, едва ли можно, принимая во вниманіе равнодушіе рабочей массы къ гигіеническимъ условіямъ работы и, съ другой стороны, кулацкое, беззаботное отношеніе частныхъ предпринимателей къ здоровью рабочихъ. Словомъ, до тѣхъ поръ, пока личильщику не будетъ *выгодно* перейти въ благоустроенную личильню, онъ не оставитъ частныхъ „коптиленъ“, какъ бы вредно онѣ ни отзывались на его здоровьѣ. Есть, впрочемъ, другой путь—широкое умственное развитіе населенія, которое довело бы личильщика до яснаго сознанія своихъ пользъ,—но этотъ путь, при существующихъ условіяхъ общественной жизни, является пока заманчивымъ, но неосуществимымъ идеаломъ [1]).

[1]) Въ тумботинской волости на населеніе около 4.000 имѣется всего двѣ школы и кромѣ нихъ нѣтъ ни одного образовательнаго средства, а равно нѣтъ и разумныхъ

Нижегородское губернское земство идетъ по пути устройства новыхъ личиленъ; оно ежегодно включаетъ излишекъ дохода надъ расходомъ по тумботинской личильнѣ въ смѣту на составленіе капитала для устройства новой личильни. А пока, до постройки новыхъ личиленъ, надлежало бы принять другія мѣры, какъ, напримѣръ, организацію широкой медицинской помощи болѣющему населенію. Эту помощь сейчасъ представляютъ населенію только фельдшеръ, живущій въ с. Тумботинѣ, и врачъ, помѣщающійся въ другой волости, въ с. Павловѣ.

Въ заключеніе необходимо пояснить, что если мы съузили содержаніе даннаго очерка границами одной волости, то сдѣлали это потому, что имѣли въ своемъ распоряженіи рядъ цифръ, иллюстрирующихъ положеніе дѣла, относящихся только до тумботинской волости. На самомъ дѣлѣ, эта волость не является исключительной въ ряду другихъ мѣстъ павловскаго стале-слесарнаго района. Кромѣ тумботинской волости, личильнымъ промысломъ занимаются много другихъ селеній ворсменской и другихъ волостей горбатовскаго уѣзда, а также и въ вачскомъ районѣ муромскаго уѣзда. И вездѣ этотъ промыселъ соединяется съ ужасными условіями труда, вездѣ онъ губитъ молодыя рабочія силы, оставляя послѣ нихъ вдовъ, которымъ остается только проклинать судьбу, толкнувшую ихъ мужей на смертоносную работу.

А. Панкратовъ.

развлеченій. Хрѣново и Санницы совершенно не имѣютъ возможности учить своихъ дѣтей грамотѣ, за дальностью разстоянія отъ школы.

ОБВИНЕНІЯ и ОПРАВДАНІЕ

ЗЕМСТВА

Письмо въ Редакцію.

Въ сентябрѣ прошедшаго года, поздно вечеромъ, сидя на станціи „Грàница“, варшавско-вѣнской желѣзной дороги, послѣ таможеннаго осмотра багажа и въ ожиданіи поѣзда въ Варшаву, я, какъ впрочемъ и многіе другіе, пріобрѣлъ нѣсколько свѣжихъ нумеровъ нашихъ газетъ. Между ними былъ № 259 „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 19 сентября 1901 г. На первой же страницѣ этого нумера передовая статья начиналась такъ: „Печальное время, когда всѣмъ продовольственнымъ дѣломъ завѣдывали земскія учрежденія, привело, какъ извѣстно, къ накопленію такихъ продовольственныхъ долговъ за сельскими обществами, пополнить кои не только не легко, но иногда и прямо невозможно, безъ полнаго разстройства хозяйствъ“. Далѣе, газета разъясняетъ: „Произошло все это отъ того, что земства нисколько не заботились о пополненіи продовольственныхъ долговъ, и взыскивались они уже послѣ всѣхъ другихъ сборовъ. Такое отношеніе и давало поводъ крестьянамъ смотрѣть на продовольственныя ссуды какъ на простую, безвозмездную помощь. „Даютъ-де въ долгъ, а не взыскиваютъ, значитъ, даютъ даромъ, помогаютъ“. Это одно изъ самыхъ печальныхъ послѣдствій завѣдыванія земствами продовольственнымъ дѣломъ“. Статья заканчивалась увѣреніемъ, что отнынѣ въ рукахъ администраціи и эта сторона продовольственнаго дѣла будетъ упорядочена, „причемъ будутъ приняты во вниманіе всѣ мѣстныя условія платежеспособности должниковъ“. Статья была озаглавлена такъ: „Новыя льготы для сельскихъ обывателей“. Это заглавіе привлекло мое вни-

маніе, и вышеприведенная статья была первымъ печатнымъ русскимъ словомъ, прочтеннымъ мною въ отечествѣ послѣ шестинедѣльнаго заграничнаго лечебнаго путешествія. Оказалось для меня своего рода до нѣкоторой степени знаменательное совпаденіе: я именно ѣхалъ на мокшанское уѣздное земское собраніе, назначенное на 29-е сентября, и въ немъ засуха второй половины лѣта 1901 г., погубившая во всемъ почти уѣздѣ яровые хлѣба, должна была возбудить вопросъ если не о продовольствіи мѣстнаго сельскаго населенія, то о положеніи его до слѣдующаго урожая. Обвиненіе земства „Московскими Вѣдомостями“ по продовольственному дѣлу хотя само по себѣ ничего особеннаго не представляло, но заслуживало вниманія уже по своей типичности, а потому мы постараемся его разъяснить.

Съ самаго введенія земскихъ учрежденій, земство не пользовалось правомъ и не имѣло возможности взыскивать какъ свои земскіе сборы, такъ и всякіе другіе, въ коихъ оно принимало какое-либо участіе. До послѣднихъ законоположеній о порядкѣ взысканія всякаго рода сборовъ съ сельскихъ обществъ, это взысканіе производилось полиціей, которая въ этомъ дѣлѣ руководилась только распоряженіями губернской администраціи. Дѣятельность земства въ этомъ отношеніи ограничивалась только просьбами къ мѣстной и губернской администраціи. Послѣдняя не всегда могла исполнять поступавшія къ ней такого рода просьбы, потому что сама дѣйствовала согласно указаніямъ центральной, административной власти. Публикованныя тогда одобренія за успѣшное взысканіе казенныхъ сборовъ,—къ слову сказать,—были вполнѣ заслуженныя. По мѣрѣ обѣднѣнія сельскаго населенія, трудность взысканія такихъ крупныхъ платежей, какъ, напримѣръ, выкупные, росла ежегодно помимо недородовъ и неурожаевъ, при которыхъ это взысканіе до нѣкоторой степени смягчалось или даже пріостанавливалось. Разумѣется, сравнительно ничтожные земскіе сборы не взыскивались и недоимка по нимъ росла также ежегодно. При такомъ порядкѣ взысканія, преимущественное накопленіе одного сорта недоимокъ передъ другимъ нисколько не зависѣло отъ земства. Очень часто, передъ самымъ внесеніемъ платежей въ казначейство, полиція измѣняла ихъ назначеніе. Послѣдствіе такого порядка сказывается и до сихъ поръ. Помимо крупной недоимки земскихъ сборовъ, числящейся за сельскими обществами,—значительную часть недоимки страховыхъ платежей рано или поздно придется списать, какъ безвозвратную потерю земства. Страховые платежи чисто личные и произвольный ихъ зачетъ въ другіе сборы, взимаемые съ обществъ за круговою ихъ порукой, ввели такую путаницу въ этихъ спеціальныхъ платежахъ,

разъяснить которую нынѣ положительно невозможно. Если бы земство могло имѣть какое-либо вліяніе на взысканіе тѣхъ или другихъ слѣдующихъ ему сборовъ, оно несомнѣнно постаралось бы, по крайней мѣрѣ, чтобы счетъ недоимокъ по нимъ былъ веденъ правильно. Впрочемъ, правильность такого счета нисколько не облегчила бы прямого, непосредственнаго финансоваго положенія самого земства, и на немъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Земство не имѣетъ своихъ, такъ сказать, личныхъ средствъ, а удовлетворяетъ свои расходы земскими сборами, взимаемыми имъ съ предоставленныхъ ему по закону предметовъ обложенія. Въ чисто-земледѣльческихъ губерніяхъ почти единственнымъ такимъ предметомъ служитъ земля. Разъ эти сборы или совсѣмъ не поступали, или поступали въ недостаточномъ количествѣ, земству оставалось одно изъ двухъ: или, сообразно съ поступленіемъ, сокращать свои расходы, или также сообразно съ поступленіемъ дѣлать долги. Сокращать земскіе расходы не такъ легко въ дѣйствительности, какъ бы это казалось при одномъ только логическомъ выводѣ изъ недостаточнаго взысканія земскихъ сборовъ, отъ земства не зависящаго. Сошлюсь только на одинъ примѣръ. Расходъ на лекарства при земскомъ амбулаторномъ и больничномъ леченіи—одинъ изъ весьма крупныхъ въ каждомъ уѣздномъ земствѣ. При настоящемъ обѣднѣніи сельскаго населенія требовать отъ него какую-либо плату за лекарство, это значило бы уничтожить всякую медицинскую помощь въ деревнѣ; для нѣкотораго же сокращенія этого расхода нѣтъ никакой возможности выработать точныя, подходящія нормы, при которыхъ такое сокращеніе не сдѣлалось бы отказомъ въ медицинской помощи. То же самое повторилось бы при сокращеніи расходовъ на школы, ветеринарію и т. п., не говоря уже объ обязательныхъ расходахъ, какъ, напримѣръ, дорого-стоющее содержаніе лошадей для безплатнаго разъѣзда полиціи и судебныхъ слѣдователей. Впрочемъ, послѣднее сокращеніе навѣрное не было бы допущено мѣстной администраціей. Оставалось, слѣдовательно, одно—обязанность земства должать. При такой грустной обязанности необходимо принять въ соображеніе, что по недоимкамъ земскихъ сборовъ съ частновладѣльческихъ земель полагается извѣстный процентъ, извѣстная пеня; съ надѣльныхъ же земель сельскихъ обществъ никакой пени не взимается. Входя въ долги и платя по нимъ проценты, земство въ первомъ случаѣ не несло никакихъ убытковъ; платимые проценты покрывались взимаемыми. Относительно же недоимки съ надѣльныхъ земель, проценты по долгамъ для замѣны ея въ земскомъ бюджетѣ могли уплачиваться только увеличеніемъ общаго обложенія. Вполнѣ понятно, что земство не по своей винѣ, стѣсненное въ возможности удовлетворять мѣстныя нужды, т.-е. вести организованное

имъ земское хозяйство, прежде всего обратилось съ просьбами о ссудахъ къ центральному правительству. Ходатайства такого рода не всегда удовлетворялись; а если и удовлетворялись, то бо̀льшею частью въ меньшемъ противъ просимаго размѣрѣ. Правительственныя ссуды всегда разрѣшались не иначе какъ съ обязательствомъ земства уплаты не менѣе пяти процентовъ годовыхъ на полученныя суммы. При трудности полученія ихъ,—на что требовалось не мало времени,—правительственныя ссуды оказались вполнѣ недостаточными еще и потому, что плохое взысканіе администраціей земскихъ сборовъ не прекращалось. Результатомъ такого порядка вещей была, съ одной стороны, задолженность земства своимъ служащимъ и поставщикамъ, а съ другой—частные долги, по которымъ платилось уже болѣе пяти процентовъ годовыхъ. Якобы благонадежная печать, не пропускающая случая обвинять земство въ анти-правительственномъ направленіи, насколько мнѣ извѣстно, не указывала на рѣзкіе протесты земства противъ искусственно созданныхъ затрудненій для его дѣятельности. Дѣйствительно, въ это тяжелое время земство безропотно старалось только приладиться къ независящимъ отъ него условіямъ жизни и все-же вело свое хозяйство. Въ послѣднее время администрація стала удѣлять изъ взыскиваемыхъ ею нѣкоторую часть земству, да и самый порядокъ такого взысканія, какъ я уже говорилъ, былъ измѣненъ; способъ же полученія земствомъ прямо или косвенно слѣдующаго ему остался тотъ же. Теперь, какъ и прежде, земство получаетъ только то, что̀ администрація ему даетъ изъ взыскиваемаго ею. Теперь, какъ и прежде, само земство не можетъ взыскивать ничего и ни съ кого. Бывшій и настоящій порядокъ взысканія всякихъ сборовъ существовалъ и существуетъ явно на основаніи должнымъ образомъ опубликованнаго закона; обвиненіе земства въ накопленіи недоимокъ по продовольственнымъ ссудамъ можетъ быть объяснено сколько-нибудь удовлетворительно—только однимъ незнаніемъ обстоятельствъ самого дѣла.

Обвиненія земства со стороны якобы благонамѣренной и благонадежной печати многочисленны, и возражать противъ каждаго изъ нихъ —положительно непосильно для земскихъ дѣятелей, живущихъ преимущественно въ деревнѣ, вдали отъ населенныхъ центровъ общественной жизни. Полагаю, что намъ, земскимъ людямъ, слѣдуетъ болѣе всего остановиться на причинахъ нападокъ извѣстной печати на земство и на его дѣятельность. Очевидно, эта печать поставила себѣ цѣлью—уничтоженіе земства. Земская дѣятельность, какъ и всякая человѣческая, не безгрѣшна, и можетъ, да и должна подлежать критикѣ. Скажу болѣе,—это одна изъ симпатичныхъ сторонъ нашей обще-

ственной жизни, что малѣйшая ошибка въ земской дѣятельности можетъ вполнѣ и всецѣло, безъ какихъ-либо замаскированій, выставляться и обсуждаться. Обсужденіе, однако, той или другой ошибки того или другого учрежденія не ведетъ къ заключенію объ уничтоженіи самаго учрежденія. На судѣ или въ опубликованныхъ приказахъ начальства иногда выяснялись различные промахи полиціи; никто, однако, не выведетъ изъ такихъ фактовъ заключенія, что полиція должна быть уничтожена. Отчего же для земства требуется или полное его уничтоженіе, или, по крайней мѣрѣ, изъятіе изъ его вѣдѣнія главныхъ отраслей его дѣятельности, имъ же самимъ основанныхъ? Всякое явленіе имѣетъ свои причины; постараемся ихъ выяснить, по возможности, коротко.

Главныя, такъ сказать, основныя причины нападокъ „благонамѣренной“ печати можно выразить въ двухъ коренныхъ положеніяхъ: земство—такъ говорятъ—представляетъ собою „государство въ государствѣ“ и не соотвѣтствуетъ нашему общему государственному строенію. Дѣйствительно, изъ отношеній администраціи къ земству можно только вывести одно грустное заключеніе, что оно—какое-то особое учрежденіе, не безопасное, которое необходимо сдерживать, и съ которымъ, при случаѣ, необходимо бороться. Высшій представитель администраціи въ губерніи,—губернаторъ имѣетъ, однако, относительно земства, весьма широкую власть. Онъ можетъ остановить всякое постановленіе земскаго собранія и отвергнуть всякій расходъ, внесенный собраніемъ въ свою смѣту, а пожалуй и всю смѣту; онъ также имѣетъ полное право во всякое время ревизовать дѣлопроизводство и отчетность земскихъ управъ; онъ не можетъ только предписать земскому собранію сдѣлать то или другое постановленіе. Вотъ эту болѣе чѣмъ скромную независимость земства „благонамѣренная“ печать считаетъ въ высшей степени пагубной, такъ какъ она подрываетъ, будто бы, авторитетъ губернаторской власти. Какъ бы благотворна ни была дѣятельность губернаторовъ, но она въ законѣ ограничена извѣстными рамками, и они далеко не могутъ считаться неограниченными властителями ввѣренныхъ ихъ управленію губерній. Помимо земства, во всѣхъ губерніяхъ существуютъ и другія учрежденія, уже нисколько не подчиненныя губернаторамъ и гораздо болѣе независимыя отъ его власти, чѣмъ земство. Авторитетъ власти дѣйствительно зависитъ отъ размѣра ея; но мнѣніе о ней слагается и утверждается въ обществѣ согласно примѣненію ея. Право земскихъ собраній обсуждать губернаторскія предложенія никоимъ образомъ не можетъ подорвать авторитетъ власти высшаго представителя администраціи въ губерніи. Въ общемъ надо предположить, что таковое предложеніе должно имѣть въ виду ту или другую мѣстную потребность, и зем-

скому собранію останется только обсудить наилучшій способъ ея удовлетворенія. Поясню это примѣромъ. Губернаторъ, при своей ревизіи, нашелъ, напр., крупные безпорядки въ такой-то больницѣ и предложилъ мѣстной управѣ устранить замѣченное. Управа—только исполнительный органъ дѣйствительнаго хозяина, земскаго собранія—сообщила своему хозяину объ этомъ фактѣ. Собраніе, обсудивъ сообщеніе, постановляетъ или объ измѣненіи существовавшаго порядка въ больницѣ, или объ асигнованіи необходимой сумы для приведенія ея въ надлежащій видъ. Навѣрное, такой же, или близкій къ такому фактъ, въ любомъ административномъ учрежденіи, не только косвенно, но прямо зависящемъ отъ губернатора, потребовалъ бы съ его стороны гораздо болѣе времени, переписки и хлопотъ для его устраненія. Всякая мѣра для своего принятія требуетъ извѣстнаго подготовленія,—путемъ ли канцелярскаго производства, или гласнаго обсужденія въ той или другой коллегіи,—это, въ сущности, безразлично, когда разрѣшеніе дѣйствія этой мѣры нисколько не зависитъ отъ учрежденія, подготовившаго ее. Губернская администрація, въ общемъ, далеко не такъ плоха, чтобы нуждалась, какъ думаетъ извѣстная печать, въ сокрытіи ея дѣятельности отъ гласности.—Моя скромная служебная дѣятельность продолжается вотъ уже при пятомъ губернаторѣ, и съ каждымъ изъ нихъ я имѣлъ служебныя отношенія по земскимъ дѣламъ, какъ предсѣдатель уѣзднаго земскаго собранія. Ни отъ одного изъ нихъ я не слыхалъ жалобы на независимость земскихъ собраній; а многіе могли бы только выиграть отъ самаго широкаго гласнаго обсужденія ихъ дѣятельности. Помимо частныхъ мнѣній и служебной дѣятельности гг. губернаторовъ по земству, собственно въ печати врядъ ли возможно нынѣ говорить серьезно о независимости земскихъ собраній.

Укоряютъ еще земство, что оно пользуется правомъ, искони принадлежащимъ высшей власти, облагать, по своему усмотрѣнію, мѣстное населеніе. Тутъ—коренное недоразумѣніе. Не земство облагаетъ мѣстное населеніе, а выборные отъ этого населенія облагаютъ, такъ сказать, сами себя для удовлетворенія общихъ мѣстныхъ нуждъ сего населенія. Право это издревле принадлежало и нынѣ принадлежитъ всякому сельскому обществу,—какъ бы малочисленно оно ни было,—облагать себя каждогодно для удовлетворенія своихъ прямыхъ и непосредственныхъ нуждъ. Никто, однако, никогда не находилъ и не находитъ, что сельское общество представляетъ собою государство въ государствѣ и своимъ самообладаніемъ нарушаетъ права верховной власти. Правда, мірскія смѣты и раскладки черезъ земскихъ начальниковъ и уѣздные съѣзды доходятъ до губернскихъ присутствій; но вѣдь и земскія смѣты

и раскладки подлежатъ исполненію только по утвержденіи ихъ губернаторомъ. Никакого нѣтъ, мнѣ кажется, основанія признавать послѣдній контроль менѣе основательнымъ, чѣмъ первый, особенно въ настоящее время, когда земскія смѣты и раскладки сообщаются еще управлающимъ казенныхъ палатъ. Правда, нужды сельскихъ обществъ, удовлетворяемыя ихъ самообложеніемъ, мелки, а земскія обширнѣе; но общій ихъ характеръ вполнѣ тождественъ. Общество строитъ и содержитъ мостъ на рѣчкѣ или оврагѣ, находящихся на проселочной дорогѣ, проходящей по его землѣ; а земство строитъ и содержитъ мосты по почтовымъ трактамъ. Общество платитъ жалованье сельскому старостѣ, сельскому писарю, вахтеру запасного магазина, сборщику податей и пожарному старостѣ; а земство содержитъ управу, агента земскаго страхованія, доктора, ветеринара, фельдшера, акушерку и т. д. Принципіально никакой нѣтъ разницы между самообложеніемъ сельскаго общества и земскимъ, а также и между хозяйствами обоихъ. Кстати, не могу не сдѣлать одного замѣчанія. Нерѣдко сельскія общества, находящіяся вдали отъ почтовыхъ и торговыхъ трактовъ, просто разоряются отъ обязанности и необходимости устройства и содержанія мостовъ на своей землѣ. Крайне желательно бы было, чтобы администрація не препятствовала земству принимать такого рода мосты на счетъ дорожнаго капитала [1]).

Въ печати неоднократно указывалось, что, по Положенію 28 іюня 1890 г., земство получило сословную окраску. Выяснялось притомъ, что руководительство земства, отданное дворянству, при недостаточномъ представительствѣ въ немъ остального мѣстнаго населенія, легко можетъ придать земской дѣятельности одностороннее направленіе въ ущербъ большинству этого населенія. Нельзя не сказать, что отвлеченно, теоретически, замѣчаніе безусловно вѣрно, но практически пока оно не имѣетъ серьезнаго значенія. При прежнемъ безсословномъ земствѣ 1864 года большинство уѣздныхъ собраній, всюду, гдѣ только дворянство существовало, было дворянское; губернскія же были почти исключительно дворянскими собраніями. Несомнѣнно, авторитетъ дворянства возвышался оттого, что оно руководило земствомъ не

[1]) Дорожный капиталъ, собственно, предназначается только для торговыхъ трактовъ и подъѣздныхъ путей. Дорожныя сооруженія на почтовыхъ трактахъ и мосты въ сельскихъ обществахъ иногда принимаются земствомъ на счетъ этого капитала, и такія постановленія пропускаются администраціей. Желательно бы было, чтобы земство имѣло на то право. Общая наклонность всѣхъ земскихъ собраній строго наблюдать за равномѣрностью распредѣленія общихъ средствъ въ уѣздахъ и по уѣздамъ достаточно обезпечиваетъ правильность такого расхода.

по праву, а по избранію, по желанію мѣстнаго населенія. Крестьяне вполнѣ понимали и понимаютъ, что для дѣйствительной защиты ихъ интересовъ требуются самостоятельные люди, и прежде очень часто выбирали своими представителями въ земствѣ излюбленныхъ ими дворянъ. Я глубоко убѣжденъ, что и нынѣ, если крестьянству предоставить право свободнаго избранія своихъ представителей въ земскія собранія, оно бы поступало точно такъ же. Дѣйствительно, для успѣшнаго хода всякаго самоуправленія, требуются въ средѣ его самостоятельные, независимые люди, и таковыми пока показали себя дворяне. Законъ о такъ называемой фиксаціи земскаго обложенія съ полной ясностью доказалъ, что дворянство, руководя земствомъ, нисколько не преслѣдуетъ своихъ узко сословныхъ, эгоистическихъ интересовъ и цѣлей. Несомнѣнно, что при настоящемъ общемъ экономическомъ положеніи всего землевладѣнія, всякое обложеніе земли тяжело и, пожалуй, непосильно. Несомнѣнно также, что какъ бы ни обѣднѣло дворянство, все-же оно, сравнительно съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, представляетъ собою крупную земельную единицу, подлежащую земскому обложенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по уровню своей жизни и размѣру своихъ жизненныхъ потребностей, оно менѣе крестьянства пользуется расходами, производимыми земствомъ изъ этого обложенія. Если при такихъ условіяхъ, правительство признало необходимымъ ограничить дворянство въ его правѣ земскаго самообложенія, то врядъ ли дворянство заслуживаетъ порицанія за свою земскую дѣятельность. Очевидно, дворянство руководится въ ней желаніемъ принести общую пользу, не останавливаясь для того передъ жертвами, пожалуй и непосильными. Казалось бы, что при такомъ положеніи дворянство должно было встрѣчать только горячую поддержку со стороны извѣстнаго рода печати, всегда выставлявшей и выставляющей его какъ твердую и лучшую опору престола. Напротивъ, мы видимъ любопытное явленіе: съ тѣхъ поръ какъ земство, по закону, попало въ руки этой „опоры“, нападки на земство со стороны той же печати увеличились, обострились, и все яснѣе высказывается ею необходимость уничтожить это самое дворянское земство.

Обобщая зловредныя явленія земской дѣятельности, эта печать старается доказать, что земство составляетъ печальное наслѣдіе еще болѣе печальныхъ шестидесятыхъ годовъ и по самому своему существу противно основамъ государственнаго строя. Противопоставляя мѣстное самоуправленіе централизованной администраціи, которая, будто бы, одна помогла собрать и скрѣпить наше обширное отечество, эта печать выводитъ необходимость уничтоженія земства, такъ

какъ въ немъ, да и вообще во всякомъ самоуправленіи, кроется зародышъ, который неминуемо, въ своемъ логическомъ развитіи, приведетъ къ ослабленію правительственной власти. Постараемся выяснить какъ можно короче слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли одинъ административный механизмъ достаточенъ и необходимъ для устойчивости и неизмѣняемости общаго хода дѣлъ, а мѣстное самоуправленіе приноситъ одинъ вредъ, въ какой бы странѣ мы ни наблюдали за развитіемъ историческихъ судебъ различныхъ народовъ во всѣ времена?

Во Франціи, напримѣръ, еще при долголѣтнемъ царствованіи Людовика XIV мѣстное самоуправленіе было постепенно уничтожено и замѣнено централизованной администраціею. Французскими историками нынѣ съ полной убѣдительностью доказано, что всѣ послѣдующіе перевороты, въ корнѣ измѣнившіе весь складъ жизни во Франціи, оставили почти неприкосновенной административную централизацію, устроенную старой французской монархіей. Мѣстное древнее самоуправленіе болѣе не возродилось во Франціи, и потому ничто не мѣшало тамъ административному механизму проявить всю свою дѣятельность. Онъ ее и проявилъ блестящимъ образомъ и съумѣлъ самого себя сохранить въ продолженіе разнообразныхъ фазисовъ продолжительнаго, нерѣдко бурнаго времени, но не съумѣлъ охранить создавшую его правительственную власть. Наполеонъ I-й только наружно подновилъ существовавшую администрацію, оставивъ неприкосновеннымъ или даже усиливъ ея централизаціонный характеръ. Съ тѣхъ поръ французская администрація явила положительно замѣчательную живучесть. Она прекрасно уживалась въ продолженіе всего XIX вѣка съ разнообразнѣйшими формами государственнаго управленія. Послѣ геніальнаго полководца Наполеона I-го, она пережила бурбонскую легитимистическую монархію, буржуазную, строго конституціонную, орлеанскую республику 1849 г., абсолютную монархію Наполеона III, и наконецъ отлично и теперь ладитъ съ демократической республикой 1870 года. Въ сущности, ничего нѣтъ удивительнаго въ такомъ явленіи. Административный механизмъ, какъ и всякій другой,—одинаково живетъ и дѣйствуетъ независимо отъ того, чья рука приводитъ его въ движеніе и направляетъ его дѣятельность, а потому самъ собою онъ никогда и нигдѣ не обезпечивалъ устойчивости и твердости правительственной власти. Жизненность всякаго административнаго механизма гораздо болѣе сосредоточена на собственномъ движеніи, которое для него всегда есть и будетъ и средствомъ, и цѣлью.

Было бы, конечно, также натяжкой выдавать за безусловно вѣрную истину, что мѣстное самоуправленіе вполнѣ обезпечиваетъ устойчивость государственнаго быта; но, давъ всей странѣ возмож-

ность постоянно, безкорыстнымъ образомъ содѣйствовать правительственной власти, оно тѣмъ самымъ заинтересовываетъ всю страну въ охраненіи этой власти. Въ историческомъ развитіи всякой страны не одинъ только факторъ, даже важный, имѣетъ вліяніе на это развитіе. Нельзя, однако, не замѣтить, что хорошо развитое и исторически сложившееся мѣстное самоуправленіе представляетъ собою широкій и глубокій фундаментъ для устойчивости всякаго государственнаго устройства. Великая Екатерина прекрасно понимала интересы власти и, по личному почину, въ 1785 году, поручила дворянству все мѣстное самоуправленіе. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, свой собственный, долголѣтній опытъ мѣстнаго самоуправленія и можемъ вполнѣ фактически убѣдиться: заключается ли въ немъ тотъ опасный зародышъ, на который указываетъ якобы благонамѣренная печать? Говорятъ, что прежнее, до-реформенное, дворянское самоуправленіе было такъ плохо, что оно никоимъ образомъ не могло служить доказательствомъ въ пользу самаго принципа самоуправленія. Плохо или хорошо, собственно для порученнаго ему дѣла, пользовалось дворянство своими правами—это другой вопросъ. Всего важнѣе въ данномъ случаѣ, что эти права и самостоятельное ихъ примѣненіе уважались правительствомъ, и отъ этого ничего дурного, именно въ правительственномъ отношеніи, не происходило и не произошло. Надо еще припомнить, что Россія въ самомъ началѣ XIX столѣтія испытала весьма серьезныя затрудненія, и мѣстное самоуправленіе оказалось одинаково пригоднымъ и въ нормальныхъ, и въ исключительныхъ условіяхъ государственной жизни. Весь строй до-реформенной общей жизни наводитъ на печальныя размышленія, но ничего нѣтъ удивительнаго, что большинство дворянства жило этой жизнью. Однако, въ этомъ строѣ, въ этомъ дворянствѣ воспитались и созрѣли тѣ силы, тѣ элементы, которые оказались убѣжденными сотрудниками великихъ преобразованій имп. Александра II-го, и затѣмъ, съ 1864 года, тѣ же дворяне стали руководителями земства и его дѣятельности уже не по сословному праву, а по избранію мѣстнаго населенія. Сто пять лѣтъ послѣ Великой Екатерины, въ 1890 г., Александръ III закономъ закрѣпилъ за дворянствомъ его фактическое руководительство земствомъ. Какъ разъ съ тѣхъ поръ извѣстная печать, укрываясь знаменемъ, на которомъ она написала: „православіе, самодержавіе, народность“,—обвиняетъ земство, руководимое этимъ самымъ дворянствомъ, въ анти-правительственномъ направленіи!!!...

Укоряютъ земство, что оно своими ходатайствами передъ центральнымъ правительствомъ очень часто выходитъ изъ рамокъ, указанныхъ ему закономъ, и тѣмъ вмѣшивается въ общія мѣропріятія, имѣющія

государственное значеніе, а затѣмъ—что оно, при малѣйшей возможности, старается принять участіе въ общемъ законодательствѣ, т.-е. какъ будто стремится пріобрѣсти политическія права.

Вся дѣятельность земства заключается въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Дѣятельность эта чисто экономическая, но имѣющая безусловно государственное значеніе. Чѣмъ лучше и полнѣе удовлетворяются мѣстныя нужды, тѣмъ болѣе упрочивается благосостояніе мѣстнаго населенія, и вслѣдствіе того облегчается общегосударственная дѣятельность. Населеніе россійской имперіи—преимущественно земледѣльческое, сельское; уже давно на всѣ лады вполнѣ доказано, что это населеніе разоряется. Многочисленныя статистическія данныя вполнѣ убѣдительно доказали, что урожайность полей понизилась, скотоводство уменьшилось, крестьяне живутъ впроголодь и, при первой возможности, бѣгутъ изъ вѣками насиженныхъ мѣстъ своей осѣдлости. Близко стоящее къ сельскому населенію, земство прекрасно видитъ положеніе этого населенія и еще лучше понимаетъ, что необходимо безотлагательно помочь такому положенію,—иначе оно, развиваясь, потребуетъ все болѣе усилій и средствъ. Средства же помощи разоренному населенію и землевладѣнію земство получаетъ съ того же населенія и землевладѣнія. Истинно трагическое положеніе для земскаго собранія съ непритупившейся впечатлительностью,—и вотъ въ таковомъ возбуждаются и обсуждаются всякаго рода ходатайства къ центральной администраціи. Входящія въ центральныя учрежденія такого рода бумаги вполнѣ естественно затрудняютъ эти учрежденія; а потому нерѣдки категорическіе отказы по существу ходатайства или по формальной его сторонѣ, запоздалые уклончивые отвѣты, а то и полное отсутствіе всякаго отвѣта. Если къ такому положенію прибавить еще обвиненія извѣстной печати, въ родѣ вышеупомянутаго, въ накопленіи недоимокъ, то станетъ вполнѣ понятно и, пожалуй, извинительно стремленіе земства, чтобы голосъ его могъ достигать до высшей власти. Ничего новаго въ этомъ стремленіи нѣтъ; это все та же издревле существующая въ сельскомъ, чисто русскомъ населеніи вѣра, что все его спасеніе только въ молитвѣ Царю Небесному и царю земному.

Земство имѣетъ право ходатайствовать только о мѣстныхъ, такъ сказать, своихъ, своего района, нуждахъ. Это безусловно правильно; только такія нужды и извѣстны земскому собранію. Еслибы для успѣха земскаго ходатайства было достаточно указать на нужду и ея размѣръ, то, несомнѣнно, ни одно земское собраніе никогда не переступило бы указанныхъ ему границъ. Центральныя учрежденія не довольствуются однимъ только такимъ указаніемъ, а требуютъ, чтобы земскія ходатайства были подробно обоснованы въ предѣлахъ средствъ,

закономъ земству предоставленныхъ. Въ то время, когда полиція почти не взыскивала земскихъ сборовъ, а еще менѣе—земскихъ недоимокъ, многія земскія ходатайства о ссудахъ были отклонены за недостаточной ихъ обоснованностью. Казалось бы, по самому своему существу, дѣло было крайне просто и ясно: „земскіе сборы не поступаютъ; столько-то недоимки; служащіе и поставщики требуютъ уплаты должнаго имъ столько-то; пожалуйста, дайте взаймы хотя бы вотъ столько". Такая простота и ясность считалась недостаточною; требовались мотивы. А вотъ въ мотивахъ крайне трудно избѣжать общихъ вопросовъ и тѣмъ выйти изъ такъ называемой земской компетенціи. Не одно сельское населеніе пензенской губерніи обѣднѣло; а все таковое болѣе или менѣе во всей русской имперіи и преимущественно въ русскомъ центрѣ. Очевидно, существуютъ же общія причины, если существуетъ такое общее явленіе. Касаться же до нихъ земству нельзя,—извѣстная печать признаетъ такое касательство крамолой и, со свойственной ей авторитетностью, призоветъ кого слѣдуетъ къ ея искорененію. Земство, однако, приноситъ безспорно государственную пользу. Надо полагать, что для государства полезно имѣть сельское населеніе здоровое и грамотное, здоровый и производительный скотъ у этого населенія, хорошіе мосты на всякихъ дорогахъ, по которымъ во всякое время года полицейскіе чиновники и судебные слѣдователи могли бы всюду проѣхать на хорошихъ, сытыхъ земскихъ лошадяхъ и т. д. Нельзя не замѣтить, что если кто-нибудь напечатаетъ въ газетѣ или въ журналѣ, что вотъ, дескать, такъ какъ нашъ государственный бюджетъ построенъ почти исключительно на косвенныхъ налогахъ, прямые же налоги, хотя скромные, поступаютъ туго въ кассу земства, представляющаго собою только мѣстную отрасль государственнаго хозяйства,—то желательно бы было, чтобы, по примѣру Франціи, извѣстная доля (centimes additionnelles) государственныхъ налоговъ отчислялась въ пользу мѣстныхъ нуждъ, т.-е., по нашему, въ пользу земства, разумѣется, по мѣрѣ надобности въ полезныхъ расходахъ, удостовѣренной подлежащей властью. Легко можетъ быть, что такое предложеніе или, скорѣе, предположеніе, приправленное надлежащимъ соусомъ, заслужило бы одобреніе яко-бы благонамѣренной печати. Еслибы то же самое или подходящее было возбуждено въ земскомъ собраніи и послужило бы основаніемъ для ходатайства передъ высшимъ правительствомъ,—о, вопль тогда той же печати былъ бы праздничный. Появилась бы громоносная передовица съ подобающимъ вызовомъ тѣни конституціонализма и съ обычнымъ приглашеніемъ принятія мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію. Можно быть, однако, спокойнымъ. Стѣсненное въ средствахъ и въ дѣятельности, земство все болѣе теряетъ иниціативу и все болѣе отличается своей выносливостью.

Это безусловно жаль, такъ какъ такимъ образомъ теряется возможность путемъ земства узнать дѣйствительную мѣстную жизнь. Статистическія данныя—это цифры, дающія результаты жизни, но не условія ея. Какъ бы правильно и кѣмъ бы ни собирались эти данныя, но онѣ одни недостаточны, чтобы служить основаніемъ экономической политики государства, столь существенно вліяющей на благосостояніе страны.

Въ подтвержденіе того, что земство пользуется всякимъ подходящимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти себѣ политическія права, обыкновенно нынѣ указывается на то, какъ земство отозвалось на слово, сказанное въ Бозѣ почившимъ Царемъ-мученикомъ въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1878 года. Теперь легко истолковывать въ невыгодномъ для земства смыслѣ его тогдашнюю дѣятельность. Достаточно, однако, освѣжить въ памяти состояніе умовъ всей Россіи въ 1878 году и послѣдующихъ, и тогда выяснится, что земство, въ которомъ отразилось и не могло не отразиться это состояніе, не имѣло въ то время никакихъ анти-правительственныхъ замысловъ.

Императоръ Александръ II, въ своей рѣчи 1878 года, указалъ на необходимость содѣйствія администраціи со стороны общества для прекращенія смуты. Какъ въ земствѣ, такъ и во всей Россіи, во всѣхъ классахъ ея населенія, было одно только полное единомысліе—отдать всѣ свои силы на охрану престола. Очевидно, одного общаго, сердечнаго желанія для дѣйствительности такой охраны было недостаточно; надо было ее организовать. Ни одно отдѣльное земство не могло выработать вѣрнаго способа содѣйствія администраціи для совокупной дѣятельности къ прекращенію смуты, и потому необходимо было одно изъ двухъ: или чтобы администрація указала каждому изъ земствъ, что̀ отъ него потребуется для таковой дѣятельности, или чтобы всѣ земства черезъ своихъ выборныхъ сговорились и составили планъ, какъ предотвратить невидимое, но дѣятельное злоумышленіе и успокоить отечество. На первыхъ же порахъ возбужденное словомъ царя патріотическое движеніе было задержано и прекращено. Никакихъ указаній земствамъ со стороны администраціи не послѣдовало; а предложеніе земскихъ услугъ путемъ общаго обсужденія было опять истолковано какъ попытка воспользоваться печальнымъ положеніемъ отечества, чтобы потрясти государственный строй.

Въ какой формѣ вылилось бы содѣйствіе общества и земства, вызванное рѣчью 1878 года, осталось невыясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить въ искренности желаній земство и общество—послужить тогда отечеству. Впрочемъ, какъ бы широко и успѣшно ни были распространяемы обвиненія одной охранительной печати противъ земства, они могутъ повредить ему только

въ настоящемъ и, пожалуй, въ ближайшемъ будущемъ, но они безсильны вырвать изъ русской исторіи ту страницу, въ которой, навѣрное, будетъ когда-нибудь сказано правдивое и благодарное слово о земской дѣятельности. Дѣйствительно, худо ли, хорошо ли—земство, несмотря на всякія общія и мѣстныя затрудненія, всегда стремилось къ одной только цѣли: *принести пользу населенію*. Дѣятельность эта заслужила одобреніе съ высоты престола. Въ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату императора Александра III, въ іюнѣ 1890 года, между прочимъ сказано: „Дѣятельность сихъ (земскихъ) учрежденій во многомъ принесла пользу населенію, но двадцатипятилѣтній опытъ убѣдилъ, что въ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ учрежденій, есть недостатки, препятствующіе правильному ихъ развитію. Посему“, и т. д. Искренность и горячая любовь къ своей родинѣ покойнаго Государя никогда, никѣмъ и нигдѣ не вызывала сомнѣній; а онъ, одобряя земскую дѣятельность, говоритъ о *развитіи* ея, а не объ ея уничтоженіи. Вдумываясь въ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. безъ всякой предвзятой мысли, нельзя не придти къ заключенію, что цѣль его—дружной, согласной работой земства и администраціи принести пользу населенію. Дѣйствительно, не взаимными пререканіями между земствомъ и администраціей, а также и среди самой администраціи, достигается благосостояніе страны, а объективнымъ отношеніемъ къ нуждамъ населенія и дружнымъ содѣйствіемъ къ ихъ удовлетворенію. Дай Богъ, чтобы такъ и нынѣ было понято желанное Царемъ-Миротворцемъ *развитіе* земскихъ учрежденій.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

С. Знаменское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1902.

Кончина Д. С. Сипягина.—Рѣчь новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Задачи совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Проектируемые совѣщаніемъ губернскіе комитеты.—Вопросъ о мелкой земской единицѣ на кустарномъ съѣздѣ.—Угличское земство и начальная школа.—Земскія оцѣночныя работы.

2-го апрѣля, около часа дня, при входѣ министра внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина въ помѣщеніе комитета министровъ, въ Маріинскомъ дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до того въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской неизвѣстный человѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, причемъ двумя пулями тяжко ранилъ Д. С. Сипягина. Раненому, по перенесеніи его въ Максиміліановскую лечебницу, была немедленно подана медицинская помощь докторами Вельяминовымъ и Трояновымъ, но, несмотря на это, Д. С. Сипягинъ черезъ часъ скончался. Слѣдствіемъ установлено, что задержанный преступникъ, не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру.

4-го апрѣля, государственный секретарь, министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, сенаторъ статсъ-секретарь фонъ-Плеве назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіяхъ статсъ-секретаря и сенатора. Изъ послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій видно, что за В. К. фонъ-Плеве сохранено и званіе министра статсъ-секретаря вел. княжества финляндскаго.

6-го апрѣля, дѣйствительный тайный совѣтникъ фонъ-Плеве принималъ въ зданіи министерства, въ залѣ совѣта министра, представлявшихся ему высшихъ чиновъ министерства. По окончаніи представленія, министръ обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами:

„По волѣ Его Императорскаго Величества я замѣняю, въ положеніи министра внутреннихъ дѣлъ, безвременно погибшаго Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Имя Дмитрія Сергѣевича, незабвенное отнынѣ въ лѣтописяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вызываетъ представленіе о государственномъ дѣятелѣ, самоотверженно служившемъ Государю и беззавѣтно преданномъ кореннымъ основамъ русской жизни. Онъ обратилъ свое служеніе въ подвигъ и запечатлѣлъ этотъ подвигъ своею кровью. Миръ праху человѣка, оставившаго намъ назидательный примѣръ цѣльнаго міросозерцанія и непоколебимой преданности долгу. Становясь на его постъ, молю Всевышняго даровать мнѣ нравственныя силы слѣдовать этому примѣру. Историческій смыслъ нашего времени столь глубокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла. Въ порученномъ намъ Государевомъ дѣлѣ приглашаю васъ на разумную, благожелательную и спокойную работу, требую честнаго и умѣлаго сотрудничества. Зная большинство изъ васъ, увѣренъ, что мое требованіе будетъ исполнено“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи п. 1 ст. 17 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, призналъ необходимымъ дѣло объ убійствѣ 2-го сего апрѣля бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Д. С. Сипягина, передать на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени.

11-го апрѣля, состоялся Высочайшій рескриптъ на имя члена государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Ванновскаго, слѣдующаго содержанія:

„Петръ Семеновичъ. Призывая васъ къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я руководился увѣренностью, что опытъ и знанія въ области воспитанія юношества, входившаго въ кругъ вашей многолѣтней военной и государственной дѣятельности, помогутъ вамъ въ осуществленіи задачи, Мною вамъ довѣренной.

„Нынѣ по разстроенному отъ усиленныхъ трудовъ здоровью вы обратились ко Мнѣ съ просьбою объ увольненіи васъ отъ должности, Мною на васъ возложенной.

„Снисходя съ сожалѣніемъ къ вашей просьбѣ и увольняя васъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ сохраненіемъ всѣхъ прочихъ должностей и званій, Я въ то же время изъявляю вамъ Мою искреннюю благодарность за преданность вашу Мнѣ, побудившую

васъ, не взирая на преклонные ваши годы, принять на себя столь трудную дѣятельность.

„Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„и глубоко уважающій васъ НИКОЛАЙ“.

Того же 11-го апрѣля, тайный совѣтникъ Мѣщаниновъ Всемилостивѣйше уволенъ, согласно прошенію, отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи сенатора, а товарищу министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Зенгеру, повелѣно быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Глубокимъ сочувствіемъ проникнуты отзывы бо̀льшей части нашихъ газетъ о дѣятельности генералъ-адъютанта Ванновскаго, какъ министра народнаго просвѣщенія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ этихъ отзывахъ отразилось господствующее настроеніе русскаго общества, видѣвшаго въ бывшемъ министрѣ освободителя отъ бремени, болѣе четверти вѣка съ такою силой тяготѣвшаго и надъ дѣтьми, и надъ родителями. Нескрываемою радостью немногихъ еще рѣзче подчеркиваются сожалѣнія большинства. Противодѣйствуетъ унынію только надежда, что начатое дѣло будетъ доведено до конца. Въ одномъ отношеніи эта надежда имѣетъ прочныя точки опоры: главныя черты реформы средней школы установлены твердо, возвращеніе къ прежнимъ гимназическимъ порядкамъ немыслимо уже потому, что временными мѣрами, принятыми въ истекающемъ учебномъ году, они поколеблены въ самыхъ своихъ основахъ. Не столь опредѣленно положеніе вещей въ области высшаго образованія; и здѣсь, однако, проложена дорога и сдѣлано нѣсколько шаговъ, предрѣшающихъ, отчасти, дальнѣйшее движеніе. Всего меньше новыя вѣянія коснулись начальной школы; впрочемъ, она, въ рукахъ земства и городовъ, сдѣлала въ короткое время такіе успѣхи, что нуждается не въ реформѣ, а въ средствахъ къ дальнѣйшему распространенію. Коммиссія, учрежденная по этому предмету, едва успѣла приступить къ своимъ занятіямъ. Взятая въ цѣломъ, работа, исполненная бывшимъ министромъ, весьма велика; въ столь короткое время у насъ не часто было предпринимаемо и подготовляемо столь многое. Съ этой точки зрѣнія періодъ съ марта 1901-го по апрѣль 1902-го года превосходитъ собою другой, аналогичный промежутокъ времени—съ апрѣля 1880-го по мартъ 1881-го года: преобразовательные планы А. А. Сабурова развернулись менѣе широко

и менѣе быстро, чѣмъ преобразовательные планы П. С. Ванновскаго. Отчасти, безъ сомнѣнія, это объясняется и тѣмъ, что менѣе настоятельна, менѣе очевидна была тогда самая необходимость преобразованій.

Въ печати, какъ и въ жизни, особеннымъ удобствомъ отличаются такъ называемыя среднія позиціи, освобождающія отъ обязанности „показать свой цвѣтъ“ и облегчающія переходъ съ одной стороны на другую. Такую позицію, въ виду перемѣны, происшедшей въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія, старается занять одна изъ петербургскихъ газетъ, примѣшивая къ бочкѣ меду, т.-е. къ цѣлому ряду похвалъ, ложку дегтя, т.-е. оговорку, значительно уменьшающую ихъ цѣнность. „Очень можетъ быть“—такова первая часть оговорки, — „что почтенный государственный человѣкъ *нѣсколько торопился съ реформою, какъ вообще свойственно старому возрасту торопиться, чтобы увидѣть проектъ проведеннымъ въ жизни*; но трудъ этотъ, полный одушевленія, основывался на матеріалахъ важныхъ, на мнѣніяхъ испытанныхъ“. Несмотря на послѣднюю часть фразы, смыслъ подчеркнутыхъ нами словъ совершенно ясенъ: допущена возможность торопливости—а торопливость всегда предполагаетъ нѣкоторую долю легкомыслія или неосторожности. На самомъ дѣлѣ быстрота, съ которою велась гимназическая реформа, вовсе не была чрезмѣрной. Главныя положенія ея могли быть начертаны въ короткое время, потому что въ нихъ не было ничего безусловно новаго; каждое изъ нихъ подвергалось многолѣтнему, всестороннему обсужденію и въ печати, и въ педагогическомъ мірѣ, и въ оффиціальныхъ сферахъ (коммиссія Н. П. Боголѣпова). Около года продолжалась, затѣмъ, ихъ повѣрка и переработка, по окончаніи которой долженъ былъ сказать свое слово государственный совѣтъ. Если генералъ-адъютантъ Ванновскій желалъ ускорить этотъ послѣдній фазисъ дѣла, то объясненія его желанію нѣтъ надобности искать въ преклонномъ возрастѣ бывшаго министра: гораздо проще вспомнить, что въ школьномъ дѣлѣ болѣе чѣмъ гдѣ то ни было тягостны минуты, предшествующія коренной реформѣ, когда старое уже осуждено на смерть, а новое еще не вполнѣ призвано къ жизни. Скорѣйшей развязки, разъ что реформа рѣшена въ принципѣ, требуютъ самыя вѣскія педагогическія соображенія—а принципіальное рѣшеніе состоялось, въ данномъ случаѣ, еще лѣтомъ прошлаго года... Еще характернѣе вторая часть оговорки. „Не надо“—говоритъ газета—„терять изъ виду преемственность, систематичность, не надо допускать перерываться связи. Едва успѣваетъ что-нибудь народиться, едва начнетъ общество привыкать и приспособляться, какъ, смотришь, возникаетъ новый проектъ и начинаются осужденіе и порицаніе того, передъ чѣмъ еще вчера пре-

клонялись и что̀ считалось полезнымъ и хорошимъ". Замѣтивъ, далѣе, что отъ рѣзкихъ формъ Толстовской классической школы министерство народнаго просвѣщенія уже при Н. П. Боголѣповѣ „переходило къ болѣе мягкимъ и начинало прислушиваться къ основательнымъ и вѣскимъ требованіямъ жизни", газета полагаетъ, что „дѣло такъ и должно продолжаться, идеальные планы должны оставаться таковыми только въ идеѣ, а не вводиться въ жизнь во всей ихъ нагой отвлеченности и съ самонадѣянностью, что они сейчасъ же преобразуютъ жизнь и дадутъ ей желательное направленіе". Статья заканчивается выраженіемъ увѣренности, что при новомъ министрѣ предстоитъ „дальнѣйшая работа, которая не можетъ потерять своей связи съ общими положеніями уже приготовленной, но еще не оконченной реформы". Какъ ни извилиста эта аргументація, какъ ни плохо вяжутся между собою отдѣльныя ея части, заключеніе изъ нея можетъ быть выведено только одно: реформа, намѣченная бывшимъ министромъ, нарушала „преемственность" и „систематичность", грѣшила избыткомъ идеализма и самонадѣянности; нужно возстановить прерванную связь, т.-е. возвратиться къ системѣ частичныхъ поправокъ. Не въ такомъ тонѣ та же газета говорила еще недавно о коренномъ преобразованіи средней школы...

Въ недостаткѣ послѣдовательности нельзя упрекнуть нашу реакціонную печать, никогда не переставшую стоять на стражѣ ультраклассицизма въ средней школѣ; напрасно только она не знаетъ мѣры въ своемъ ликованіи, напрасно спѣшитъ нанести добавочный ударъ проигранному, какъ ей кажется, дѣлу. Вѣсть о назначеніи Г. Э. Зенгера—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—„несомнѣнно порадуетъ всѣхъ истинныхъ друзей русскаго юношества, такъ какъ воспитаніемъ и образованіемъ его отнынѣ будетъ завѣдывать человѣкъ, *основательно знающій это дѣло* (курсивъ въ подлинникѣ) и давно уже всецѣло ему преданный". Сколько въ этихъ словахъ деликатности и такта—понятно и безъ комментаріевъ. „Истинные друзья русскаго юношества", группирующіеся вокругъ г. Грингмута, остались, въ данномъ случаѣ, вѣрными своимъ обычнымъ пріемамъ... До Геркулесовыхъ столповъ дошла, въ томъ же направленіи, другая реакціонная газета—дошла уже тогда, когда еще только ожидалась желанная для нея перемѣна. То мѣсто „Дневника" кн. Мещерскаго (отъ 7-го апрѣля), гдѣ идетъ рѣчь о честномъ исполненіи служебнаго долга, исполнено беззастѣнчивости, рѣдкой даже въ „Гражданинѣ"...

Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности посвятило первыя засѣданія свои обсужденію вопросовъ объ

объемѣ работъ совѣщанія, о порядкѣ его занятій и о формахъ и предѣлахъ, въ которыхъ оно могло бы воспользоваться содѣйствіемъ мѣстныхъ учрежденій. По первому вопросу совѣщаніе нашло, что значительное расширеніе границъ, въ которыхъ должна вращаться его работа, было бы нецѣлесообразно. Опытъ удостовѣряетъ, что занятія коммиссій, задававшихся слишкомъ широкимъ обсужденіемъ общихъ темъ, не дали почти никакихъ практическихъ результатовъ. Не отрицая возможности возбужденія вопросовъ общегосударственнаго характера, совѣщаніе нашло, что въ этой сферѣ не слѣдуетъ идти дальше представленія его заключеній (или мнѣній отдѣльныхъ его членовъ) на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Всесторонней разработкѣ должны подлежать лишь тѣ вопросы, которые имѣютъ первостепенную важность для сельскаго хозяйства; этими же вопросами должна ограничиться и программа совѣщанія, составленіе которой возложено на товарища министра финансовъ В. И. Ковалевскаго. Порядокъ занятій совѣщанія установленъ только въ самыхъ главныхъ чертахъ: рѣшено, что по каждому изъ вопросовъ, включенныхъ въ программу, будетъ составлена краткая записка, а дальнѣйшая ихъ разработка, на основаніи данныхъ совѣщаніемъ руководящихъ указаній, будетъ происходить въ подготовительныхъ коммиссіяхъ. Обращеніе къ мѣстнымъ дѣятелямъ совѣщаніе признало вообще необходимымъ, но опросъ земскихъ учрежденій—излишнимъ, въ виду того, что отзывы ихъ о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности еще недавно (въ 1895—98 гг.) были сообщены министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а съ тѣхъ поръ не могли существенно измѣниться ни условія, ни взгляды. Желательно, притомъ, выслушать мнѣнія не только земскихъ дѣятелей, но и помѣстнаго дворянства, мѣстной администраціи, сельско-хозяйственныхъ обществъ и даже отдѣльныхъ знатоковъ того или другого предмета. Рѣшено, поэтому, образовать особые губернскіе и уѣздные комитеты: губернскіе, подъ предсѣдательствомъ губернатора—изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, управляющихъ казенною палатою и государственными имуществами, уполномоченныхъ по сельско-хозяйственной части и предсѣдателей сельскохозяйственныхъ обществъ; уѣздные, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства—изъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы. Сверхъ того, въ составъ комитетовъ—какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ,—могутъ быть приглашаемы другія лица, по усмотрѣнію предсѣдателя (а въ губернскіе комитеты—и по указанію совѣщанія). Губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ будетъ предложенъ общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и о

мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты на ея пользу; имъ же будетъ сообщена установленная совѣщаніемъ программа, съ просьбой указать ея пробѣлы. Въ дальнѣйшемъ ходѣ занятій, при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, совѣщаніе также имѣетъ въ виду пользоваться содѣйствіемъ мѣстныхъ силъ, путемъ приглашенія мѣстныхъ дѣятелей къ участію въ подготовительныхъ коммиссіяхъ.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, планъ дѣйствій совѣщанія. Пока не обнародована его программа, трудно опредѣлить, въ какія границы будетъ заключена его работа. „Вопросы общегосударственнаго характера", „вопросы, имѣющіе первостепенную важность для сельскаго хозяйства"—понятія до крайности эластичныя; для выдѣленія послѣдней категоріи вопросовъ изъ первой едва-ли можно найти какой-нибудь твердый, безошибочный критерій. Столь же неуловимой оказалась бы демаркаціонная черта, въ основаніе которой было бы положено болѣе или менѣе непосредственное, болѣе или менѣе прямое отношеніе между даннымъ вопросомъ и нуждами сельско-хозяйственной промышленности. Можно, напримѣръ, не видѣть *прямой* связи между земледѣліемъ съ одной стороны и народнымъ просвѣщеніемъ, юридическими нормами народной жизни и общею финансовою системой—съ другой; но нельзя отрицать, что школа, правопорядокъ, раціональное распредѣленіе податного бремени имѣютъ „первостепенную важность" для сельско-хозяйственной промышленности. Повидимому, это сознаетъ и совѣщаніе, допуская возбужденіе, въ его средѣ, вопросовъ „общегосударственнаго характера"; но почему же, въ такомъ случаѣ, не отвести имъ мѣста и въ программѣ? Разъ что признано необходимымъ содѣйствіе мѣстныхъ людей, почему же не дать имъ возможность высказаться о *всемъ* томъ, что вліяетъ, хотя бы косвенно, на положеніе сельско-хозяйственной промышленности? Различны *роли* центральной коллегіи и мѣстныхъ комитетовъ, но едва-ли должны быть различны ихъ *задачи*. Правда, мѣстнымъ комитетамъ предоставляется указать на пробѣлы программы; но чѣмъ больше будетъ съ самаго начала открываемый ею просторъ, тѣмъ удобнѣе и легче окажется ея дополненіе и исправленіе. Опасеніе, что слишкомъ широкое обсужденіе общихъ темъ приведетъ къ безплодности работы, едва ли оправдывается опытомъ. Въ подтвержденіе его можетъ быть приведенъ, какъ намъ кажется, только одинъ примѣръ—такъ называемой Валуевской коммиссіи, учрежденной въ 1872 г., „для разъясненія вопроса объ увеличеніи или уменьшеніи, въ общемъ итогѣ, производительнаго труда населенія Россіи и для провѣрки толковъ о бѣдственномъ положеніи народа". Несомнѣнно, задача этой коммиссіи была очень широка; столь же несомнѣнно и то, что дѣятельность ея осталась безъ всякихъ результатовъ—но мы не думаемъ, чтобы между

этими двумя фактами существовала причинная связь. Условія, при которыхъ работала Валуевская коммиссія, не были благопріятны. Въ семидесятыхъ годахъ крестьянскій вопросъ оффиціально считался покончennымъ, навсегда и вполнѣ разрѣшеннымъ; „бѣдственное положеніе народа“ признавалось выдумкой неблагонамѣренныхъ людей; изслѣдованіе предпринималось съ предвзятою мыслью, больше для опроверженія „толковъ“, чѣмъ для раскрытія истины. Если прибавить къ этому личныя свойства предсѣдателя коммиссіи, не отличавшагося ни самостоятельностью взглядовъ, ни энергіей въ ихъ проведеніи, то исходъ дѣла станетъ совершенно понятнымъ, и объясненія неудачи незачѣмъ будетъ искать въ поговоркѣ: qui trop embrasse, mal étreint. Нетрудно указать, съ другой стороны, такіе случаи, когда ни къ чему не приводила работа коммиссій, съ самаго начала поставленныхъ въ сравнительно тѣсныя и опредѣленныя рамки. Такова была, напримѣръ, судьба Кахановской коммиссіи, три съ половиною года безплодно подготовлявшей преобразованіе мѣстнаго управленія; еще болѣе продолжительной и столь же безуспѣшной была дѣятельность коммиссіи, учрежденной въ 1859 г. для пересмотра системы податей и сборовъ, а также многочисленныхъ коммиссій, составлявшихъ проекты уставовъ вексельнаго и опекунскаго. Все зависитъ, очевидно, отъ обстоятельствъ, при которыхъ предпринимается и совершается работа, и отъ энергіи ея участниковъ—а главными стимулами энергіи являются воодушевленіе и вѣра, растущія вмѣстѣ съ важностью дѣла. Въ воодушевленіи и вѣрѣ—разгадка успѣха, увѣнчавшаго, въ эпоху великихъ реформъ, труды обѣихъ незабвенныхъ редакціонныхъ коммиссій (крестьянской и судебной). Нѣчто подобное было бы возможно и теперь, еслибы вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ сразу раздвинутъ до своихъ естественныхъ границъ, т.-е. охватилъ бы собою всѣ насущныя нужды народной массы. Препятствіемъ такому расширенію едва-ли должны служить такъ называемыя „вѣдомственныя“ соображенія. Если совѣщаніе предполагаетъ разработать со всею подробностью техническую часть вопроса, входящую, при нормальномъ ходѣ вещей, въ сферу дѣйствій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, то почему же оно не могло бы остановиться съ такимъ же вниманіемъ на другихъ сторонахъ вопроса, непосредственно касающихся министерства внутреннихъ дѣлъ или министерства народнаго просвѣщенія? Обычныя перегородки между различными областями управленія теряютъ свое значеніе, когда на очередь ставится перерастающая ихъ задача и создается учрежденіе, стоящее внѣ вѣдомствъ.

Губернскіе комитеты, проектированные совѣщаніемъ, напоминаютъ комитеты конца пятидесятыхъ годовъ только по имени. Губернскіе

комитеты, подготовлявшіе крестьянскую реформу, вовсе не были административными учрежденіями; предсѣдателемъ комитета былъ губернскій предводитель дворянства, членами—выборные представители дворянства (по два или по одному отъ уѣзда) и только два лица по назначенію отъ правительства (да и эти лица обязательно избирались изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ). Такая коллегія представляла собою нѣчто до тѣхъ поръ небывалое въ русской жизни, нѣчто свѣжее и независимое, столь же новое, какъ и порученное ей дѣло. Въ составъ комитета всюду входили люди самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ взглядовъ; многіе изъ нихъ горячо сочувствовали реформѣ и, даже оставаясь въ меньшинствѣ, пускали въ оборотъ массу полезныхъ указаній. Какъ ни прочно царила тогда бюрократическая рутина, комитеты не подпали ея власти, потому что стояли внѣ проникнутаго ею оффиціальнаго строя. Если въ комитетахъ вовсе не было представлено сословіе, ради котораго предпринималась реформа, то это зависѣло отъ безправнаго положенія народной массы, находившей заступниковъ въ лучшихъ людяхъ тогдашняго дворянства. Новые губернскіе комитеты устраиваются по типу губернскихъ присутствій, соединяя въ себѣ высшихъ губернскихъ чиновниковъ съ тѣми представителями дворянства и земства, которые стоятъ на рубежѣ между областями самоуправленія и управленія. Въ настоящее время должностными лицами являются, въ бо̀льшей или меньшей степени, и предводители дворянства, и предсѣдатели и члены земскихъ управъ; совершенно самостоятельными членами комитета будутъ, поэтому, одни лишь предсѣдатели сельско-хозяйственныхъ обществъ—если только они не состоятъ на государственной службѣ. Практика губернскихъ присутствій—даже тѣхъ, гдѣ выборный элементъ сравнительно сильнѣе (напр. присутствій по дѣламъ земскимъ и городскимъ)—удостовѣряетъ, что перевѣсъ, въ спорныхъ вопросахъ, почти всегда остается на сторонѣ предсѣдателя (т.-е. губернатора); болѣе чѣмъ вѣроятно, что нѣчто подобное повторится и въ комитетахъ, составляющихъ слегка измѣненную копію съ губернскихъ присутствій. Другая черта, свойственная губернскимъ присутствіямъ — слабый интересъ большинства членовъ къ дѣламъ, имѣющимъ мало общаго съ ихъ обычными, главными занятіями,—также можетъ повториться въ губернскихъ комитетахъ.

Наибольшей отзывчивости къ задачамъ комитета слѣдуетъ ожидать, безъ сомнѣнія, отъ земскихъ его членовъ, т.-е. отъ предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ. И они, однако, легко могутъ оказаться не на высотѣ положенія. Въ предсѣдатели и, тѣмъ болѣе, въ члены управы избираются, сплошь и рядомъ, не тѣ гласные, которые лучше другихъ знаютъ и понимаютъ нужды насе-

ленія, лучше другихъ могутъ выставить ихъ на видъ и указать средства къ ихъ удовлетворенію,—а тѣ, которые обладаютъ способностью къ *исполнительной* работѣ и могутъ посвятить себя всецѣло текущимъ земскимъ дѣламъ. Есть члены управы, прекрасно ведущіе отдѣльную отрасль земскаго хозяйства—напр. дорожную, страховую,—но очень мало подготовленные къ тому дѣлу, которое предстоитъ губернскимъ комитетамъ. Къ участію въ этомъ дѣлѣ земскія собранія несомнѣнно призвали бы, во многихъ случаяхъ, другихъ своихъ членовъ, болѣе для него компетентныхъ... Есть у вновь образуемыхъ губернскихъ комитетовъ точки соприкосновенія и съ губернскими совѣщаніями, на обсужденіе которыхъ министерство внутреннихъ дѣлъ, при И. Н. Дурново и И. Л. Горемыкинѣ, нѣсколько разъ передавало вопросы, связанные съ пересмотромъ Положеній 19-го февраля и другихъ законовъ, касающихся крестьянскаго быта. Составъ совѣщаній былъ также смѣшанный, съ сильнымъ преобладаніемъ административнаго элемента—и это отразилось весьма замѣтно на содержаніи и характерѣ данныхъ ими отвѣтовъ, хотя предсѣдатели совѣщаній также имѣли право приглашать къ участію въ ихъ работѣ постороннихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ ея предметомъ. Совершенно другіе результаты могло бы дать возвращеніе къ образцу, завѣщанному пятидесятыми годами, но измѣненному согласно съ требованіями нашего времени. Та роль, которую тогда сыграло дворянство, теперь могла бы быть отведена земству; въ составъ комитета могли бы войти уполномоченные какъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній, представляющихъ собою различные классы населенія, такъ и отъ губернскаго, болѣе однороднаго по своему составу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе привыкшаго къ обсужденію общихъ вопросовъ. Еслибы въ составъ комитетовъ вошли, кромѣ земскихъ уполномоченныхъ, представители дворянства, то рядомъ съ ними слѣдовало бы дать мѣсто и представителямъ другого землевладѣльческаго и земледѣльческаго сословія—крестьянства, избраннымъ при такихъ условіяхъ, которыя обезпечивали бы за ними независимость отъ административныхъ вліяній.

Говоря, два мѣсяца тому назадъ, о задачахъ совѣщанія, мы имѣли уже случай замѣтить, что, даже при наилучшемъ составѣ губернскихъ комитетовъ, необходимымъ дополненіемъ къ ихъ работѣ—или, лучше сказать, необходимымъ ея основаніемъ,—должны были бы служить отзывы земскихъ собраній. Не отрицая, въ принципѣ, пользу обращенія къ земству, совѣщаніе признаетъ его *излишнимъ*—въ виду отвѣтовъ, данныхъ недавно всѣми губернскими земствами на вопросы министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, и *неудоб-*

нымъ—въ виду замедленія, которое повлекъ бы за собою новый опросъ земскихъ собраній. Намъ кажется, что задача совѣщанія существенно отлична отъ той, которую преслѣдовало, въ 1894-мъ г., министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Послѣдняя, по самому назначенію вѣдомства, которымъ она была поставлена, имѣла характеръ спеціальный, и именно такъ, въ большинствѣ случаевъ, была понята и разрѣшена земствами; первая уже теперь гораздо шире, а при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, расширится, вѣроятно, еще больше. Сообразно различію вопросовъ, различны могутъ и должны быть и отвѣты. Совѣщанію, поставленному наряду съ высшими государственными учрежденіями, земства могутъ указать на такія стороны народной жизни, которыхъ незачѣмъ было касаться въ представленіяхъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Измѣнились, притомъ, и многія изъ условій, при которыхъ, шесть-семь лѣтъ тому назадъ, писались эти представленія. Обѣднѣніе народа идетъ все дальше, и въ ширь, и въ глубь; въ цѣломъ рядѣ губерній еще нѣсколько разъ повторились неурожаи; переселенія принимаютъ болѣе крупные размѣры; изученія требуетъ вліяніе такихъ нововведеній, какъ напр. питейная монополія. Съ другой стороны, растетъ народное самосознаніе, образуются новые слои населенія, не такъ пассивно и апатично, какъ еще недавно, относящіеся къ своей судьбѣ; тревожное исканіе лучшаго проникаетъ въ инертныя прежде массы. Все это съ особенною ясностью видятъ мѣстные дѣятели—и на все это они могли бы именно теперь обратить вниманіе высшей власти. Предупредить медленность, которой опасается совѣщаніе, было бы очень легко. Если отвѣты губернскихъ земствъ на запросъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ были даны нескоро, это объясняется тѣмъ, что имъ предшествовала сложная предварительная работа въ уѣздныхъ и губернскихъ коммиссіяхъ и сельско-хозяйственныхъ совѣтахъ. Такой работы теперь можно было бы избѣжать, еслибы губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ было предоставлено высказать свое мнѣніе въ общихъ, главныхъ чертахъ, а для подробной его формулировки и защиты—избрать уполномоченныхъ въ губернскій комитетъ. Помимо ускоренія и упрощенія работы, это имѣло бы ту хорошую сторону, что земскіе уполномоченные явились бы выразителями взглядовъ цѣлаго собранія—и вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ личныхъ убѣжденій, такъ какъ при разногласіи между ними и собраніемъ они не были бы имъ выбраны или не приняли бы избранія.

При такомъ составѣ губернскихъ комитетовъ, какой обрисованъ нами выше, совершенно нормальнымъ являлось бы пріобщеніе ихъ, въ лицѣ избранныхъ ими депутатовъ, къ трудамъ самого совѣщанія. Прецедентомъ и здѣсь могъ бы служить призывъ депутатовъ, имѣв-

шій мѣсто во время работы редакціонныхъ коммиссій; разница заключалась бы только въ томъ, что теперь не было бы тѣхъ основаній для недовѣрія къ депутатамъ, какія существовали въ 1859 и 1860 гг.—и, слѣдовательно, ничто не мѣшало бы совмѣстной дѣятельности совѣщанія и депутатовъ [1]). Замѣнить выборныхъ депутатовъ „приглашенные мѣстные дѣятели“ не могутъ уже потому, что они выражаютъ *только* свое личное мнѣніе, о степени распространенности котораго нельзя сказать ничего опредѣленнаго; а распространенность мнѣнія—такой элементъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться. Далеко не одно и то же, наконецъ, участіе въ подготовительныхъ коммиссіяхъ и участіе въ самомъ совѣщаніи. Первыя ничего не рѣшаютъ, ни на чемъ не останавливаются окончательно; голосамъ, раздающимся только здѣсь, гораздо труднѣе быть услышанными и обратить на себя должное вниманіе. Въ подготовительныхъ коммиссіяхъ земскіе люди могутъ сослужить большую службу сообщеніемъ и группировкой фактовъ; въ совѣщаніи они могутъ способствовать правильному освѣщенію фактическаго матеріала и выводовъ, къ которымъ онъ приводитъ.

Какъ глубоко „общегосударственные вопросы“ проникаютъ въ сферу сельскаго хозяйства—объ этомъ даетъ наглядное понятіе небольшая статья землевладѣльца курской губерніи М. Балабанова, напечатанная недавно въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 98). „Давно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ“—говоритъ авторъ—„и ведя его самостоятельно (безъ управляющихъ, приказчиковъ и т. п.), имѣя дѣло непосредственно съ крестьянами и близко присматриваясь къ качеству ихъ работы, положительно прихожу къ заключенію, что крестьяне бѣдствуютъ отъ низкаго уровня своего развитія, обусловливаемаго огромнымъ процентомъ безграмотныхъ. Для меня, какъ для хозяина, это такъ ясно и неопровержимо, что я уже нѣсколько лѣтъ поставилъ себѣ за правило не нанимать рабочихъ неграмотныхъ. Всѣ мои рабочіе—грамотные, и я не боюсь имъ довѣрить рядовую сѣялку, запашники, смѣло даю имъ при рядовыхъ культурахъ (свекла, масличныя и древесныя посадки) конные и ручные полольники, и вполнѣ знаю, что случаи поломки будутъ незначительные, такъ какъ устройство и значеніе машинъ предварительно было объяснено и рабочими усвоено; ничего же подобнаго съ неграмотными рабочими достигнуть невозможно. То же самое и при ручной обработкѣ почвы лопатами. Неграмотнаго рабочаго вы никакъ не убѣдите, что онъ не умѣетъ

[1]) При томъ составѣ губернскихъ комитетовъ, который установленъ въ настоящее время, избраніе уполномоченныхъ могло бы быть предоставлено губернскимъ земскимъ собраніямъ, согласно съ недавнимъ ходатайствомъ орловскаго губернскаго земства.

держать лопату, что необходимо землю перевернуть, т.-е. сдѣлать обработку земли такой, какъ при обработкѣ плуговымъ отваломъ, когда производится оборачиваніе пласта. Такой рабочій плохо будетъ работать у землевладѣльца на огородѣ и у себя дома, и только потому у насъ крестьяне испытываютъ овощное голоданіе, и только потому у нихъ родятся всегда плохіе овощи. Нѣтъ желанія и умѣнья походить за своими посѣвами и посадками... Больше всего нашему крестьянину нужны школы, и хорошія школы. Выйдя изъ школы, крестьянскій мальчикъ долженъ быть настолько развитъ, чтобы самостоятельно могъ прочитать полезную книгу, участвовать въ разумной бесѣдѣ, понимать окружающія явленія въ природѣ, знать свои общественныя условія и задачи. Все это ему можетъ дать хорошо поставленная земская школа, если она помимо того имѣетъ еще и школьную библіотеку. Но большинство нашихъ земствъ не имѣетъ средствъ на постройку новыхъ школъ и на ихъ содержаніе. Напримѣръ, наше корочанское земство должно построить еще 120 школьныхъ зданій, а оно настолько стѣснено закономъ о предѣльности земскаго обложенія, что и 2—3 школъ въ годъ не можетъ выстроить и содержать". Мнѣніе г. Балабанова драгоцѣнно, въ нашихъ глазахъ, именно потому, что оно основано всецѣло на практическомъ опытѣ, на близкомъ знакомствѣ съ народною жизнью. Чуждое всякой теоретической, идейной подкладки, оно не можетъ навлечь на себя упрека въ тенденціозномъ расширеніи вопроса. Для г. Балабанова народное образованіе—такое же средство поднять хозяйство (и крестьянское, и помѣщичье), какъ и усовершенствованіе земледѣльческой техники: и то, и другое одинаково необходимо для развитія сельско-хозяйственной промышленности. Особенное значеніе пріобрѣтаетъ, въ связи съ этимъ, и указаніе г. Балабанова на застой, водворившійся въ земской дѣятельности вслѣдствіе закона о фиксаціи земскихъ смѣтъ.

Мѣсяцъ тому назадъ мы упомянули, мимоходомъ, о съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности, пренія котораго обратились, силою вещей, въ цѣлый рядъ выраженій довѣрія и сочувствія къ земству. Не всѣ постановленія, состоявшіяся въ этомъ смыслѣ, получили оффиціальную силу; нѣкоторыя изъ нихъ, принятыя въ засѣданіи секціи, были сняты съ очереди предсѣдательствовавшимъ въ общемъ собраніи съѣзда, не раньше, впрочемъ, какъ по одобреніи ихъ громаднымъ большинствомъ присутствовавшихъ [1]). Сюда относятся, ме-

[1]) Это могло случиться потому, что предсѣдательствовавшій на съѣздѣ пытался сначала убѣдить своихъ сочленовъ отказаться отъ резолюцій, выходившихъ, по его мнѣнію, за предѣлы компетенціи съѣзда, и воспользовался своею дискреціонною властью только тогда, когда эта попытка не удалась.

жду прочимъ, тѣ резолюціи съѣзда, которыя касаются земства и мелкой земской единицы. По мнѣнію съѣзда, „подъемъ и развитіе кустарной промышленности могутъ быть достигнуты исключительно при живомъ участіи учрежденій общественнаго самоуправленія. Дать наиболѣе плодотворные результаты эти учрежденія могутъ лишь при условіи широкаго, обнимающаго всѣ слои населенія избирательнаго права, самостоятельности, общественнаго и судебнаго контроля. Только при этихъ же условіяхъ могутъ оказать существенную пользу и болѣе мелкія, чѣмъ уѣздъ, самоуправляющіяся организаціи. Сверхъ сего, спеціально по отношенію къ мелкимъ земскимъ самоуправляющимся единицамъ, основнымъ условіемъ ихъ осуществленія и плодотворной дѣятельности является полное и всестороннее уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями въ правахъ вообще, въ порядкѣ суда и управленія—въ частности. Для подъема промышленнаго духа населенія и развитія въ немъ самодѣятельности необходимо прежде всего свободное развитіе личности, а для достиженія этого необходимы: а) широкое развитіе просвѣщенія, на основѣ всеобщаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія, б) обезпеченный правопорядокъ и в) свободное устройство образовательныхъ техническихъ и промышленныхъ союзовъ“. Раздѣляя пожеланія, выраженныя въ этихъ словахъ, мы не можемъ согласиться безъ оговорки лишь съ одною мыслью съѣзда: мы продолжаемъ думать, что хотя для вполнѣ *плодотворной дѣятельности* мелкой земской единицы и необходимы условія, намѣченныя съѣздомъ, но *осуществленіе* ея желательно даже при той неблагопріятной обстановкѣ, которая существуетъ въ настоящее время. Чтобы доказать этотъ тезисъ, обратимся къ аргументаціи его противниковъ, между которыми особенно выдается В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Сказанное имъ на кустарномъ съѣздѣ [1]) было повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ доводовъ, приведенныхъ имъ, въ ноябрѣ прошлаго года, въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Сообразно съ этимъ, наши возраженія будутъ дополненіемъ къ тѣмъ, которыя были сдѣланы нами, въ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи, противъ тверской рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева (напечатанной in extenso въ апрѣльской книгѣ нашего журнала).

Первая опасность, усматриваемая В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ организаціи, при нынѣшнихъ условіяхъ, мелкой земской единицы, заключается въ томъ, что пріуроченіе земскихъ выборовъ къ вновь созданной единицѣ неизбѣжно должно понизить *уровень личнаго со-*

[1]) Въ № 75 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ рѣчь В. Д. Кузьмина-Караваева воспроизведена хотя и сокращенно, но, повидимому, вѣрно.

става земскихъ собраній. Какъ ни неудовлетворительна нынѣшняя, основанная на сословности система выборовъ, она „все-же лучше, надежнѣе обезпечиваетъ общеземскіе интересы, чѣмъ еслибы выборы исходили изъ маленькой части уѣзда: образованному человѣку, энергичному земскому дѣятелю было бы тогда еще труднѣе попасть въ гласные, чѣмъ теперь". На эти опасенія мы уже отвѣчали раньше: между учрежденіемъ мелкой земской единицы и измѣненіемъ системы земскихъ выборовъ нѣтъ неразрывной связи. По категоріямъ избирателей, нынѣ существующимъ или вновь установленнымъ, выборы могутъ происходить и при наличности мелкой земской единицы. Вотъ что̀ мы писали по этому поводу болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда можно было вѣрить въ близость болѣе или менѣе коренной реформы мѣстнаго управленія: „трехстепенная избирательная система (дѣйствовавшая въ силу земскаго Положенія 1864-го года)—выборъ въ члены волостного схода, въ выборщики крестьянскаго избирательнаго съѣзда, въ земскіе гласные—падетъ (въ случаѣ созданія безсословной волости) сама собою, все равно, сохранится ли для избранія уѣздныхъ гласныхъ раздѣленіе избирателей на горожанъ, личныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, или двѣ послѣднія категоріи сольются въ одну, посредствомъ волостного собранія. Въ послѣднемъ случаѣ волостныя собранія будутъ избирать гласныхъ отъ всей волости, не различая крестьянъ и личныхъ землевладѣльцевъ; въ первомъ случаѣ каждая волость явится отдѣльнымъ избирательнымъ участкомъ, въ которомъ всѣ избиратели будутъ знать другъ друга, естественно намѣченными кандидатами явятся лучшіе крестьянскіе члены волостныхъ собраній и воля избирателей не будетъ стѣснена давленіемъ волостныхъ властей (въ безсословной волости по необходимости иныхъ, чѣмъ въ волости крестьянской). Свободно избранные, сильные опытомъ волостныхъ собраній, не отдѣленные больше отъ остальныхъ гласныхъ трудно устранимою перегородкой, гласные изъ крестьянъ могутъ совершенно измѣнить характеръ уѣздныхъ земскихъ собраній и сдѣлать ихъ именно тѣмъ, чѣмъ они должны быть по мысли закона—живымъ представительствомъ всего населенія уѣзда" [1]). Итакъ, мы предусматривали одно изъ двухъ: или выборъ гласныхъ волостнымъ собраніемъ, въ цѣломъ его составѣ, безъ различія сословій—или отдѣльный выборъ гласныхъ отъ крестьянъ, съ бо̀льшею лишь обезпеченностью ихъ независимости и свободы. Ту же альтернативу мы считаемъ возможной и теперь, хотя, конечно, правильная организація общихъ выборовъ по волостямъ была бы, при настоящихъ условіяхъ, гораздо труднѣе, нежели въ началѣ восьмидесятыхъ го-

[1]) См. „Вѣстн. Европы" за 1881 г., № 8, стр. 776—777.

довъ. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что въ настоящую минуту меньше чѣмъ когда-нибудь можно ожидать возстановленія безсословнаго земства—а слѣдовательно и переноса земскихъ выборовъ въ безсословную мелкую земскую единицу. Ходатайствуя объ устройствѣ мелкой земской единицы, можно, не рискуя ошибкой, быть увѣреннымъ въ томъ, что оно не повлечетъ за собою коренной перемѣны въ системѣ земскихъ выборовъ.

Неосновательной кажется намъ, по прежнему, и другая отправная точка В. Д. Кузьмина-Караваева: предположеніе, что мелкая земская единица понизитъ *уровень земской дѣятельности*. На кустарномъ съѣздѣ, какъ и въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, ораторъ утверждалъ, что земская школа, съ введеніемъ мелкой земской единицы, уступитъ мѣсто школѣ грамоты, правильно организованная медицинская помощь — фельдшерамъ и даже знахарямъ. Допустимъ, что нѣчто подобное могло бы произойти при *замѣнѣ* земскихъ учрежденій, губернскихъ и уѣздныхъ, мелкими земскими единицами; но вѣдь такой замѣны никто, сколько намъ извѣстно, не предлагаетъ. Мелкая земская единица должна войти въ составъ земства, а не стать на его мѣсто. Отношеніе ея къ уѣздному земству должно быть приблизительно такое, въ какомъ послѣднее находится въ настоящее время къ губернскому земству. Быть можетъ, иная мелкая земская единица открыла бы у себя школу грамоты, наняла бы фельдшера—но это было бы *дополненіемъ*, а не *упраздненіемъ* земской заботы о народномъ образованіи и народномъ здоровьѣ. Скажемъ болѣе: мы далеко не увѣрены въ томъ, что мелкая земская единица, предоставленная самой себѣ, ограничилась бы самыми элементарными формами обученія и леченья. Различіе между правильно организованными школами и школами грамоты крестьяне, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, очень хорошо понимаютъ. Сплошь и рядомъ они обращаются къ земству съ просьбой открыть у нихъ земскую школу, ассигнуя на нее, съ своей стороны, такія средства—деньгами или натурой (квартира, отопленіе, прислуга), — которыхъ хватило бы на устройство нѣсколькихъ школъ грамоты. Во многихъ мѣстахъ крестьяне назначаютъ добавочныя суммы на содержаніе врачебныхъ пунктовъ или пріемныхъ покоевъ—и если всего чаще такія суммы идутъ на содержаніе фельдшеровъ, то это объясняется просто непосильностью, для крестьянской волости, расхода на содержаніе врача. При нашихъ громадныхъ разстояніяхъ и рѣдкомъ населеніи нельзя, притомъ, обойтись безъ фельдшеровъ (или фельдшерицъ), которые, подъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ врачей, могутъ приносить и дѣйствительно приносятъ немало пользы. Съ точки зрѣнія, которая насъ теперь занимаетъ, вся разница между нынѣшнею крестьянскою

волостью и мелкой земской единицей сводилась бы къ тому, что послѣдняя, располагая бо̀льшимъ запасомъ матеріальныхъ и личныхъ силъ, оказывала бы земству гораздо бо̀льшую помощь и гораздо больше дѣлала бы для населенія.

„Земство"—говоритъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ—„и теперь основательно упрекаютъ за разнородность его элементовъ и дѣятельности. Развѣ эта разнородность—нормальное явленіе? Я имѣю честь состоять гласнымъ тверского земства и могу указать на результаты этой разнородности. Изъ двѣнадцати уѣздныхъ земствъ въ шести — большія, полныя смѣты, въ остальныхъ — маленькія, урѣзанныя; два уѣзда близко подошли если не къ всеобщему, то къ повсемѣстному обученію; въ другихъ значительно меньше школъ, въ нѣкоторыхъ совсѣмъ мало; обложеніе земли въ разныхъ уѣздахъ также сильно разнится. Эти явленія—прямо ненормальныя; но вообразите, что̀ же будетъ, когда въ губерніи будетъ не 12, а 100 земскихъ единицъ... И теперь трудно губернскому земству справляться съ разнородностью состава уѣздныхъ собраній; какъ же оно справится съ объединеніемъ сотни земскихъ единицъ"? Отвѣтъ на эти вопросы очень простъ: при существованіи мелкой земской единицы, какъ и при ея отсутствіи, губернское земство имѣло бы дѣло *только* съ уѣздными, которыя уже съ своей стороны вступили бы въ непосредственное общеніе съ волостями и взяли бы на себя по отношенію къ послѣднимъ такую же роль, какую губернское земство играетъ по отношенію къ уѣзднымъ... „Разнородность", указываемая В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самоуправленія. Разъ что мѣстному населенію, въ лицѣ его представителей, дана извѣстная свобода дѣйствій, разъ что оно въ правѣ предпринимать или не предпринимать ту или другую мѣру или совокупность мѣръ, затрачивать или не затрачивать тѣ или другія суммы, поднимать или понижать обложеніе, — между самоуправляющимися единицами не можетъ не образоваться различія, болѣе или менѣе существеннаго: даже при полномъ сходствѣ внѣшнихъ условій (пространства, населенности, достатка и т. п.), однѣ изъ нихъ неизбѣжно должны уйти впередъ, другія—занять средину, третьи — остаться далеко позади прочихъ. Равная скорость движенія возможна только тогда, когда оно совершается по командѣ; однообразіе результатовъ можетъ быть достигнуто только при бюрократическомъ строѣ, вездѣ и ко всѣмъ предъявляющемъ одни и тѣ же требованія. Нельзя не пожалѣть, конечно, что не всѣ уѣздныя земства (да и не всѣ губернскія) ведутъ свое дѣло одинаково усердно, умѣло и успѣшно; но это — оборотная сторона медали, лицевая сторона которой обнимаетъ собою все что̀ есть лучшаго въ земской дѣятельности. Еслибы земская программа была дана

извнѣ, еслибы всѣ земскіе расходы принадлежали къ категоріи обязательныхъ, не было бы рѣзкихъ контрастовъ между прогрессомъ и застоемъ, но не было бы и творческой иниціативы, благодаря которой земство, разсматриваемое какъ одно цѣлое, заняло столь высокое мѣсто въ русской жизни. Уничтожить или смягчить контрасты можетъ только время; только оно можетъ—при благопріятной общей обстановкѣ—поднять отсталыя земства на одинъ уровень съ передовыми. Мелкая земская единица, правильно поставленная, должна способствовать этому подъему, увеличивая силы и средства, которыми располагаетъ земство, внося движеніе въ тѣ глубокіе слои, которыхъ до сихъ поръ только слегка коснулась земская работа.

Въ пользу мелкой земской единицы, по словамъ В. Д. Кузьмина-Караваева, „существуетъ только одно положеніе—близость ея къ населенію; ни въ литературѣ, ни въ земскихъ собраніяхъ, ни на съѣздѣ ничего не было приведено, кромѣ этого единственнаго положительнаго аргумента". Относительно съѣзда ораторъ, быть можетъ, совершенно правъ; но въ литературѣ, въ докладахъ земскихъ управъ и коммиссій, въ преніяхъ и постановленіяхъ земскихъ собраній нетрудно найти множество другихъ доводовъ въ пользу мелкой земской единицы. Болѣе двадцати лѣтъ сряду отстаиваетъ ее и нашъ журналъ, далеко не ограничиваясь одною ссылкой на удобства, обусловливаемыя близостью. За мелкую земскую единицу говоритъ, въ нашихъ глазахъ, справедливость, требующая распредѣленія мѣстнаго (въ узкомъ смыслѣ слова) податного бремени между всѣми заинтересованными въ мѣстномъ благосостояніи и благоустройствѣ; говоритъ многочисленность мѣстныхъ нуждъ, полное, всестороннее удовлетвореніе которыхъ немыслимо безъ взаимодѣйствія силъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ; говоритъ, наконецъ, невозможность или крайняя трудность достигнуть инымъ путемъ сближенія и сплоченія различныхъ элементовъ мѣстнаго населенія. Первое изъ этихъ трехъ положеній мы мотивировали подробно, когда разбирали вопросъ о мірскихъ сборахъ [1]), второе—когда говорили объ общественномъ призрѣніи [2]), третье—почти каждый разъ, когда касались всесословной волости. Вотъ, напримѣръ, что̀ сказано въ одномъ изъ первыхъ обозрѣній, посвященныхъ нами этому вопросу: „совокупная дѣятельность различныхъ классовъ населенія начинается теперь въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Для сближенія классовъ эта почва никакъ не можетъ быть названа удобной. Крестьяне, землевладѣльцы, горожане встрѣчаются на ней рѣдко и не надолго. Нѣсколько дней въ году—такой короткій срокъ, въ продол-

[1]) См. Внутр. Обозрѣнія въ №№ 10 и 12 „Вѣстн. Европы" за 1893 г. и № 10 за 1897 г.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

женіе котораго не могутъ какъ слѣдуетъ спѣться люди, во все остальное время года не имѣющіе никакихъ или почти никакихъ точекъ соприкосновенія. Крестьянинъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, является въ уѣздное собраніе какъ чужой, чувствуетъ себя въ немъ какъ бы не на мѣстѣ, выходитъ изъ него равнодушнымъ къ земскому дѣлу. Предметы, обсуждаемые въ собраніи, часто для него непонятны и неинтересны. Съ устройствомъ безсословныхъ волостей и волостныхъ собраній всѣ эти неблагопріятныя условія должны измѣниться. Въ волостномъ собраніи крестьяне и личные землевладѣльцы будутъ сходиться между собою такъ часто и такъ близко, что это не можетъ не уменьшить разницы въ привычкахъ, въ пріемахъ, въ самыхъ взглядахъ на нѣкоторые предметы. Крестьяне прислушаются къ рѣчи образованнаго человѣка, который, въ свою очередь, научится говорить понятно для крестьянъ. Дѣла, могущія входить въ кругъ дѣйствій волостного собранія, по самому своему свойству доступны для крестьянъ въ такой же мѣрѣ, какъ и для личныхъ землевладѣльцевъ. Въ вопросѣ о лучшемъ способѣ починки проселочной дороги, о наиболѣе дешевомъ и прочномъ матеріалѣ для мостика черезъ ручей, крестьянинъ будетъ чувствовать себя, можетъ быть, даже болѣе компетентнымъ, чѣмъ помѣщикъ, врачъ или учитель. Онъ привыкнетъ высказывать и мотивировать свои мнѣнія, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, и перенесетъ эту привычку въ уѣздное земское собраніе, если будетъ туда призванъ“ [1]). Въ значительной степени эти слова примѣнимы и къ настоящему времени, хотя гласные изъ среды крестьянъ — тамъ, гдѣ условія для нихъ не слишкомъ неблагопріятны,—больше, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, освоились съ своимъ положеніемъ въ земскомъ собраніи.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что съ особенною силой подѣйствовала на кустарный съѣздъ—какъ и на тверское губернское земское собраніе—та часть аргументаціи В. Д. Кузьмина-Караваева, въ которой онъ доказываетъ *несвоевременность*, при настоящихъ условіяхъ, ходатайства о мелкой земской единицѣ. „Развѣ Россія“—восклицаетъ ораторъ — „переживаетъ теперь освободительную эпоху шестидесятыхъ годовъ или конца семидесятыхъ? Развѣ поставленъ вопросъ о реформѣ всей мѣстной жизни, ея самоуправленія? Тогда понятно было стремленіе къ *безсословной* волости, къ распространенію, расширенію благодѣтельнаго земскаго начала. Но развѣ мы имѣемъ теперь безсословное представительство, развѣ можемъ разсчитывать на безсословную низшую земскую единицу? Правда, всѣ нынѣшніе защитники проекта дѣлаютъ оговорку, что представители полиціи и

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ за 1881 г. № 8, стр. 775—776.

мѣстной администраціи не должны входить въ составъ исполнительныхъ органовъ будущей мелкой единицы. Но этого мало. Они будутъ въ составѣ собраній этой единицы на предсѣдательскомъ мѣстѣ. У насъ и теперь предсѣдательство на земскихъ собраніяхъ не предоставлено лицу, избираемому самимъ собраніемъ, а поручается лицу, такъ сказать, постороннему земству, предводителю дворянства. Кто же будетъ предсѣдателемъ въ мелкой земской единицѣ? Земскій начальникъ. Съ какимъ чувствомъ мы, землевладѣльцы, пойдемъ на выборы? Могу ли я отнестись къ крестьянину такъ же строго, какъ къ себѣ или мнѣ равнымъ? Какъ будетъ вотировать лицо, надъ которымъ предсѣдатель собранія имѣетъ дисциплинарную власть, можетъ оштрафовать, арестовать и вообще, по личному усмотрѣнію, наказать? Какое же это будетъ собраніе изъ подчиненныхъ? Какой иниціативы можно ждать отъ массы безправной, подавленной своимъ зависимымъ положеніемъ"? Укажемъ, прежде всего, фактическую неточность, допущенную ораторомъ. „Нынѣшнимъ защитникамъ" мелкой земской единицы онъ приписываетъ только одну „оговорку": исключеніе полицейскихъ и административныхъ чиновъ изъ состава *исполнительныхъ органовъ* мелкой земской единицы. На самомъ дѣлѣ московскій агрономическій съѣздъ, вновь выдвинувшій на сцену вопросъ о мелкой земской единицѣ, пошелъ гораздо дальше: онъ высказался за исключеніе изъ *собраній* мелкой земской единицы всѣхъ лицъ, занимающихъ на ея территоріи судебныя и административныя должности. Говоря о тверской рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева, мы выразили убѣжденіе, что „еслибы руководителемъ мелкой территоріальной единицы явился земскій начальникъ, то въ этой единицѣ не было ничего земскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего похожаго на истинное самоуправленіе". Чтобы *руководить* мелкой единицей, не нужно нести въ ней какія-нибудь исполнительныя функціи; достаточно стоять во главѣ собранія, направляющаго всю ея внутреннюю жизнь и выбирающаго ея исполнительные органы. На судебно-административный строй, созданный законами 1889-го г., мы смотримъ точно такъ же, какъ и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Мы всегда были и продолжаемъ быть противниками соединенія властей и административной опеки, сторонниками полноправности и равноправности всѣхъ классовъ населенія. Мы знаемъ, что та организація всесословной волости, за которую мы стояли двадцать лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время нежелательна и неосуществима; мы знаемъ, что самоуправляющаяся *административная* единица несовмѣстна съ полновластіемъ земскаго начальника. Иное дѣло—единица исключительно хозяйственная. Почему крестьянская волость потеряла почти всецѣло свой хозяйственный характеръ, потеряла его, въ значительной степени, еще раньше 1889-го года?

Съ одной стороны — потому, что волостное правленіе обратилось въ низшую административную инстанцію, подчиненную, зависимую, подавленную канцелярскими обязанностями; съ другой—потому, что въ составѣ волости не было элементовъ, способныхъ постоять за ея права и поддержать вѣрность ея настоящему призванію. Пускай административная служба, которую теперь несутъ волостной старшина и волостной писарь, отойдетъ къ низшимъ агентамъ власти, состоящимъ въ распоряженіи земскаго начальника и не имѣющимъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ самоуправленіемъ, ни крестьянскимъ, ни общимъ, всесословнымъ; пускай мелкая территоріальная единица, обнимающая собою все, безъ различія сословій, населеніе данной мѣстности, унаслѣдуетъ хозяйственныя функціи нынѣшней крестьянской волости, расширивъ и углубивъ ихъ соотвѣтственно новому своему составу—и многое, о чемъ теперь нельзя и мечтать, перейдетъ въ область дѣйствительности, подготовляя дальнѣйшій подъемъ народной массы. Непосредственный, миниминальный результатъ новаго порядка выразился бы въ облегченіи матеріальной и нравственной тяготы, лежащей на крестьянахъ: матеріальной — потому что содержаніе низшихъ агентовъ власти, какъ административной (нынѣшнихъ волостныхъ старшинъ), такъ и полицейской (сотскихъ и десятскихъ), было бы принято на счетъ казны (или на счетъ всесословной мелкой единицы); нравственной — потому что всякое внѣшнее давленіе на членовъ волостного собранія и на избранныхъ имъ должностныхъ лицъ могло бы встрѣтить отпоръ со стороны болѣе развитыхъ, болѣе обезпеченныхъ и вліятельныхъ обитателей волости. Прекратились бы, по меньшей мѣрѣ, явныя превышенія власти, въ родѣ оштрафованія всѣхъ членовъ волостного схода за несогласіе съ предложеніемъ начальства [1]); исчезла бы сама собою и дисциплинарная власть, которою теперь волостной старшина облеченъ по отношенію къ крестьянамъ... Все это отлично понимаютъ тѣ, кому нравится приниженное положеніе народной массы. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, самыми ревностными противниками всего похожаго на всесословную волость являются, въ печати, охранители интересовъ привилегированнаго меньшинства, не мирящіеся съ мыслью о новомъ сближеніи сословій и о привлеченіи личныхъ землевладѣльцевъ къ участію въ платежѣ волостныхъ сборовъ. Ничего общаго съ этой группой не имѣютъ, конечно, высокоуважаемые нами земскіе

[1]) Одинъ изъ земскихъ начальниковъ гдовскаго уѣзда (спб. губерніи) наложилъ, напримѣръ, на крестьянъ (въ числѣ свыше 2000), бывшихъ на сходѣ и не давшихъ приговора, требуемаго ст. 3 правилъ по обезпеченію продовольствія, штрафъ въ размѣрѣ 3 рублей съ каждаго, съ замѣной его, въ случаѣ несостоятельности, тремя днями ареста.

дѣятели, мнѣніе которыхъ выразилось особенно рельефно въ рѣчахъ В. Д. Кузьмина-Караваева. Цѣль у нихъ и у насъ одна и та же—но мы рѣшительно расходимся съ ними въ оцѣнкѣ одного изъ путей, ведущихъ къ этой цѣли. Много ли шансовъ успѣха имѣли бы, въ настоящее время, ходатайства объ устройствѣ мелкой хозяйственной земской единицы—этого мы рѣшить не беремся; для насъ несомнѣнно только одно—что, возбуждая такія ходатайства, земскія собранія дѣйствовали бы въ интересахъ массы населенія и не шли бы въ разрѣзъ съ настроеніемъ, одушевлявшимъ громадное большинство кустарнаго съѣзда.

Благодаря „С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ (№ 100), мы ознакомились недавно съ чрезвычайно интереснымъ „Очеркомъ дѣятельности угличскаго земства по народному образованію“, составленнымъ, по порученію ярославскаго губернскаго земскаго собранія, К. Е. Ливановымъ и представляющимъ собою приложеніе къ докладу ярославской школьной коммиссіи. Въ первые годы своего существованія угличское земство возлагало большія надежды на духовенство, находя, что оно могло бы взять на себя и заботу объ открытіи начальныхъ школъ, и самое преподаваніе въ школѣ, при небольшихъ только субсидіяхъ со стороны земства, сельскихъ обществъ и частной благотворительности. Надежды эти не оправдались: изъ всѣхъ сельскихъ обществъ уѣзда только *одно* пожелало открыть школу на основаніяхъ, предложенныхъ земствомъ—и число начальныхъ школъ стало расти лишь тогда, когда земство отказалось отъ мысли о соединеніи обязанностей преподавателя съ обязанностями священно- или церковнослужителя. Семидесятые годы были ознаменованы подъемомъ интереса къ народному образованію; число земскихъ училищъ достигло тридцати; возникалъ даже вопросъ о всеобщемъ обученіи, о введеніи въ курсъ начальной школы законовѣдѣнія, исторіи и географіи. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи совершился крутой поворотъ въ другую сторону. Угличская уѣздная земская управа пришла къ заключенію, что начальныя школы лучше передать въ духовное вѣдомство, а земству—ограничиться устройствомъ небольшого числа профессіональныхъ училищъ. Земское собраніе, согласясь съ управой, постановило увѣдомить сельскія общества, что оно отказывается отъ дальнѣйшаго содержанія земскихъ начальныхъ училищъ, но, въ случаѣ открытія церковно-приходскихъ школъ, готово выдавать каждой изъ нихъ по 100 руб. въ годъ на вознагражденіе священника, діакона или псаломщика. Отвѣтомъ на это извѣщеніе была, со стороны *всѣхъ* сельскихъ обществъ, просьба оставить школы въ вѣдѣніи земства. Изумленная управа отнеслась къ епархіальному училищному совѣту

съ вопросомъ, согласенъ ли онъ принять земскія школы въ свое вѣдѣніе? Епархіальный совѣтъ сообщилъ, что не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ ни одно сельское общество не обращалось къ нему съ соотвѣтственною просьбой. Полагая, что здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе, училищный совѣтъ командировалъ двухъ своихъ членовъ въ уѣздъ. Делегаты объѣхали всѣ сельскія общества, изложили имъ всѣ преимущества отъ передачи школьнаго дѣла въ руки духовенства и... возвратились въ Угличъ съ донесеніемъ, что поѣздка ихъ оказалась безрезультатной: общества твердо стояли на своемъ и ничего не хотѣли слышать о „школѣ безъ учителя“. Встрѣтивъ такое противодѣйствіе, земство уступило: все осталось по старому, только сельскія общества приняли на себя, въ добавокъ къ прежнимъ расходамъ, пріобрѣтеніе школьныхъ пособій. Итакъ, два раза въ теченіе двухъ десятилѣтій земскую школу въ угличскомъ уѣздѣ отстояли крестьяне; отстаиваютъ они ее, въ сущности, и теперь, потому что угличское земство (т.-е. большинство земскаго собранія) продолжаетъ, въ видахъ экономіи, склоняться на сторону церковно-приходской школы. Не достаточно ли одного этого факта, чтобы опровергнуть мнѣніе, усматривающее въ мелкой земской единицѣ опасность для правильной организаціи начальнаго обученія? Если крестьяне, въ составѣ сельскихъ обществъ, давно уже съумѣли оцѣнить по достоинству земскую школу, то гдѣ же основаніе думать, что они, въ составѣ мелкой земской единицы, предпочтутъ ей школу грамоты?.. Примѣръ угличскаго уѣзда—далеко не единственный въ своемъ родѣ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ кампанія противъ земской школы велась во многихъ земствахъ [1]), и если она, за немногими исключеніями, не привела къ намѣченной цѣли, то этому больше всего способствовали гласные отъ сельскихъ обществъ.

Мѣсяцъ тому назадъ мы выразили сомнѣніе въ достовѣрности газетнаго слуха о предстоящемъ концѣ земской статистики, отходящей, будто бы, въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Въ другой, нѣсколько смягченной версіи этотъ слухъ касался только оцѣночнаго дѣла. Теперь мы узнаемъ, что даже въ этой отрасли статистическихъ работъ не предстоитъ коренныхъ измѣненій. По словамъ московскаго „Курьера“, ссылающагося на вполнѣ компетентные источники, былъ, дѣйствительно, моментъ, когда шла рѣчь о передачѣ оцѣночнаго дѣла въ руки министерства финансовъ, но послѣднее съ этимъ не согласи-

[1]) Исторія одного изъ такихъ походовъ, въ мѣстности, недалекой отъ Петербурга, разсказана нами въ январьской общественной хроникѣ 1889-го года.

лось и предложило курскому земству, пріостановившему-было, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, оцѣночныя работы, продолжать ихъ на прежнемъ основаніи. На упрекъ въ медленномъ веденіи оцѣночныхъ работъ, часто дѣлаемый земству, весьма удачно возражаетъ „Саратовская Земская Недѣля". „Законъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами"—читаемъ мы въ мартовской книжкѣ почтеннаго журнала—„изданъ въ 1893 г. Въ развитіе и разъясненіе основныхъ его положеній была выработана и утверждена подробная инструкція ровно черезъ годъ (4 іюня 1894 г.). Съ этого времени только и могли начаться работы по оцѣнкѣ; но при примѣненіи этой инструкціи на практикѣ, во многихъ губерніяхъ встрѣчены были оцѣночными органами довольно существенныя затрудненія и недоразумѣнія, обусловливавшіяся частью недостатками самой инструкціи. 18-го января 1899-го года послѣдовало измѣненіе въ нѣкоторыхъ частяхъ закона 1893-го года. Сущность этихъ измѣненій заключается въ большемъ сосредоточеніи наиболѣе важныхъ и сложныхъ предварительныхъ работъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ губернскихъ учрежденій, т.-е. губернскаго земства и губернской оцѣночной коммиссіи, тогда какъ по закону 1893-го года дѣло оцѣночное должно было сосредоточиваться въ уѣздныхъ земствахъ, хотя допускалось и веденіе его губернскимъ земствомъ. И небезъинтересно отмѣтить, что тамъ, гдѣ съ самаго начала оцѣнку взяло на себя губернское земство, дѣло подвинулось впередъ, а гдѣ оцѣночныя работы вели уѣздныя земства, тамъ, кромѣ довольно большихъ затратъ, почти ничего не произошло. Кромѣ того, по закону 1899 г. въ составъ губернской оцѣночной коммиссіи введенъ былъ весь составъ губернской земской управы, тогда какъ раньше входилъ лишь предсѣдатель губернской управы. Такимъ образомъ, этими измѣненіями въ сущности была расширена и усилена компетенція земства въ оцѣночномъ дѣлѣ. Далѣе, тѣмъ же узаконеніемъ было опредѣлено для ускоренія оцѣночныхъ работъ пособіе земствамъ отъ казны. Наконецъ, въ прошломъ году созвана была особая коммиссія при министерствѣ финансовъ, съ земскими представителями и спеціалистами-статистиками, для пересмотра дѣйствующей инструкціи, и эта коммиссія приняла во многомъ то, что путемъ продолжительной практики выработано земствомъ и земскими статистиками. Послѣ этого совѣщанія прошло уже болѣе года, но пока новой инструкціи еще не опубликовано, а слѣдовательно земству и до сихъ поръ предоставляется во многомъ руководствоваться въ оцѣночныхъ работахъ собственными соображеніями. Очевидно, что оцѣночное дѣло, какъ въ высшей степени сложное и отвѣтственное, не могло сразу принять опредѣленныхъ формъ, и медленность производства оцѣночныхъ работъ, уже съ точки зрѣ-

нія тѣхъ законодательныхъ началъ, которыми должно было руководствоваться земство, не можетъ быть поставлена непосредственно въ вину самому земству". Что касается до конфликтовъ, неблагопріятно отразившихся, кое-гдѣ, на ходѣ оцѣночныхъ работъ—конфликтовъ между администраціей и земствомъ, между земскими управами и статистическими бюро, между завѣдующими этими бюро и занимающимися въ нихъ статистиками,—то причины ихъ весьма разнообразны и не могутъ быть сведены къ одному знаменателю. Оставляя ихъ разборъ до другого раза, замѣтимъ только, что обращеніе ихъ огульно въ орудіе противъ земства—пріемъ, не имѣющій ничего общаго съ полемическою добросовѣстностью.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1902.

Правительственное сообщеніе о манчжурской конвенціи.—Спорные вопросы и затрудненія на Дальнемъ Востокѣ.—Парламентскіе выборы во Франціи.—Политическія волненія въ Бельгіи.—„Избранная раса“ и военные обычаи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 30 марта, помѣщено слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Внезапно возникшія въ 1900 году во всемъ Китаѣ тяжкія внутреннія потрясенія, подвергшія опасности Императорскую мисію и русско-подданныхъ, вынудили Россію принять рѣшительныя мѣры для огражденія своихъ государственныхъ интересовъ. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, Императорскимъ Правительствомъ командированъ былъ значительной силы военный отрядъ по направленію къ Пекину, покинутому Богдоханомъ и правительственными властями, и введены россійскія войска въ пограничную Манчжурію, куда изъ Печилійской провинціи быстро распространились безпорядки, выразившіеся въ нападеніи мятежныхъ шаекъ и войскъ на русскіе предѣлы, съ формальнымъ объявленіемъ мѣстными китайскими властями войны Россіи.

„Тѣмъ не менѣе Императорское Правительство предупредило правительство Богдохана, что принятіе Россіею таковыхъ мѣръ отнюдь не имѣетъ враждебныхъ цѣлей противъ Китая, независимость и неприкосновенность коего положены были въ основу русской политики на Крайнемъ Востокѣ.

„Вѣрная этимъ началамъ, Россія, какъ только миновала непосредственная опасность, грозившая Императорской мисіи и русскоподданнымъ, ранѣе всѣхъ прочихъ державъ отозвала отрядъ свой изъ Печили и при первыхъ же признакахъ возстановленія спокойствія въ Манчжуріи заявила о готовности особымъ соглашеніемъ съ Китаемъ установить способъ и ближайшіе сроки эвакуаціи этой провинціи, конечно, съ нѣкоторыми гарантіями временнаго характера, которыхъ требовало смутное положеніе дѣлъ въ упомянутой области.

„Заключеніе такового соглашенія затянулось на многіе мѣсяцы, вслѣдствіе тяжелыхъ условій, въ кои поставлены были высшіе китайскіе сановники, не рѣшавшіеся, за отсутствіемъ Двора, дѣйствовать, какъ подобаетъ представителямъ вполнѣ независимаго государства.

„За послѣднее время однако умиротвореніе Китая сдѣлало значительные успѣхи. Вслѣдъ за подписаніемъ протокола 25-го августа (7-го сентября) 1901 года, Богдоханскій Дворъ возвратился въ столицу; центральная законная власть вступила въ свои права; во многихъ частяхъ имперіи возстановлены мѣстные административные органы. На первомъ пріемѣ дипломатическаго корпуса въ Пекинѣ китайская императрица, выразивъ иностраннымъ представителямъ благодарность

за оказанное державами содѣйствіе къ подавленію смутъ, завѣрила ихъ въ непоколебимомъ рѣшеніи принять всѣ мѣры къ водворенію въ странѣ существовавшаго до возстанія нормальнаго порядка вещей.

„Въ сущности, этимъ достигалась главная задача, которую Россія поставила себѣ съ минуты возникновенія безпорядковъ въ сосѣдней имперіи. Не преслѣдуя никакихъ завоевательныхъ цѣлей, Императорское Правительство настаивало на томъ, чтобы и другія державы не нарушили независимости и неприкосновенности Китая; чтобы законное правительство, съ которымъ Россія заключила многообразныя соглашенія, было возстановлено, и такимъ образомъ, по окончаніи смутъ, явилась бы возможность продолженія искони дружественныхъ отношеній съ Китаемъ.

„Имѣя въ виду, что лишь съ этими цѣлями посланы были россійскія войска въ предѣлы Поднебесной имперіи и что принятыми Китаемъ письменными обязательствами обезпечивается какъ сохраненіе порядка въ странѣ, такъ и полное возмѣщеніе Россіи матеріальныхъ затратъ, вызванныхъ военными дѣйствіями въ Китаѣ,—Императорское Правительство отнынѣ не видитъ болѣе надобности къ дальнѣйшему оставленію своихъ вооруженныхъ силъ въ предѣлахъ сосѣдней территоріи. Вслѣдствіе сего, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, 26-го сего марта, россійскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лессаромъ, совмѣстно съ китайскими уполномоченными, подписано было слѣдующее соглашеніе объ условіяхъ отозванія русскихъ войскъ изъ Манчжуріи:

„Его Величество Императоръ и Самодержецъ всея Россіи и его величество Императоръ Китайскій въ цѣляхъ возстановленія и укрѣпленія добрыхъ сосѣдственныхъ отношеній, нарушенныхъ происшедшимъ въ 1900 году возстаніемъ въ Поднебесной имперіи, назначили своихъ уполномоченныхъ для соглашенія по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся Манчжуріи. Означенные уполномоченные, снабженные полномочіями, найденными достаточными, постановили нижеслѣдующее:

„Статья I. Его Императорское Величество Императоръ Всероссійскій, желая явить новое доказательство своего миролюбія и дружественныхъ чувствъ къ его величеству Богдохану, не взирая на то, что съ пограничныхъ пунктовъ Манчжуріи сдѣланы были первыя нападенія на мирныя русскія поселенія, соглашается на возстановленіе власти китайскаго правительства въ названной области, которая остается составною частью Китайской имперіи, и возвращаетъ китайскому правительству право осуществлять тамъ правительственную и административную власть, какъ это было до занятія означенной области русскими войсками.

„Статья II. Приступая къ осуществленію правительственной и административной власти Манчжуріи, китайское правительство подтверждаетъ, какъ относительно срока, такъ и относительно всѣхъ прочихъ статей, обязательство строго исполнять постановленія контракта, заключеннаго съ русско-китайскимъ банкомъ 27-го августа 1896 года, и принимаетъ на себя (по силѣ 5-й статьи помянутаго контракта) обязательство всѣми мѣрами охранять желѣзную дорогу и

находящихся на ея службѣ лицъ, а равно обязуется оградить безопасность въ Манчжуріи всѣхъ вообще находящихся тамъ русскихъ подданныхъ и учреждаемыхъ ими предпріятій.

„Русское же Правительство, въ виду такого, принимаемаго на себя правительствомъ его величества Богдохана обязательства, съ своей стороны соглашается, буде не возникнетъ смутъ и образъ дѣйствій другихъ державъ тому не воспрепятствуетъ, вывести постепенно всѣ свои войска изъ предѣловъ Манчжуріи съ такимъ разсчетомъ, чтобы:

а) въ теченіе шести мѣсяцевъ по подписаніи соглашенія, очистить отъ русскихъ войскъ юго-западную часть Мукденской провинціи до рѣки Ляо-Хэ съ передачею Китаю желѣзныхъ дорогъ;

б) въ теченіе послѣдующихъ шести мѣсяцевъ очистить остальную часть Мукденской провинціи и провинцію Гиринъ отъ Императорскихъ войскъ;

в) въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ вывести остальныя русскія Императорскія войска, находящіяся въ провинціи Хейлунцзянъ.

„Статья III. Въ виду необходимости предотвратить на будущее время возможность повторенія безпорядковъ минувшаго года, въ коихъ принимали участіе китайскія войска, расположенныя въ пограничныхъ съ Россіею провинціяхъ, Императорское и богдоханское Правительства озаботятся предписать русскимъ военнымъ властямъ и цзянь-цзюнямъ совмѣстно условиться относительно численности и опредѣленія мѣстъ расположенія китайскихъ войскъ въ Манчжуріи въ теченіе того времени, пока не выведены русскія войска. При этомъ китайское правительство обязуется сверхъ установленнаго русскими военными властями и цзянь-цзюнями количества войскъ, каковое должно быть достаточнымъ для уничтоженія разбойниковъ и усмиренія страны, не формировать другихъ войскъ. По окончаніи полной эвакуаціи русскихъ войскъ, китайскому правительству предоставляется право обсудить численность находящихся въ Манчжуріи войскъ, подлежащую увеличенію или уменьшенію при своевременномъ о семъ оповѣщеніи Русскаго Правительства, ибо само собою разумѣется, что содержаніе таковыхъ въ названной области въ излишнемъ количествѣ неминуемо повело бы къ усиленію русскихъ военныхъ частей въ сосѣднихъ округахъ и такимъ образомъ вызвало бы крайне невыгодное для обоихъ государствъ увеличеніе расходовъ на военныя надобности.

„Для полицейской же службы и поддержанія внутренняго порядка въ сей странѣ внѣ земель, отведенныхъ обществу китайской восточной желѣзной дороги, при мѣстныхъ губернаторахъ (цзянь-цзюняхъ) образуется исключительно изъ подданныхъ его величества Богдохана китайская конная и пѣшая полицейская стража.

„Статья IV. Русское правительство соглашается возвратить собственникамъ занятыя и охраняемыя съ конца сентября 1900 года русскими войсками желѣзнодорожныя линіи Шанхайгуань—Инкоу—Синминтинъ. Въ виду сего правительство его величества Богдохана обязуется:

I—что если понадобится охрана названныхъ желѣзнодорожныхъ линій, то эта обязанность будетъ возложена лишь на китайское правительство, причемъ не должно приглашать другія державы участвовать въ охранѣ, постройкѣ и эксплоатаціи ихъ, или позволять иностраннымъ державамъ занимать возвращенную русскимй территорію;

II—что означенныя желѣзнодорожныя линіи будутъ достраиваться и эксплоатироваться на точномъ основаніи какъ соглашенія между Россіею и Англіею отъ 16-го апрѣля 1899 года, такъ и состоявшагося 28-го сентября 1898 года договора съ частною компаніею относительно займа на постройку означенныхъ линій, и кромѣ того при соблюденіи обязательствъ, принятыхъ на себя этою компаніей, а именно не вступать во владѣніе или какимъ бы то ни было образомъ распоряжаться линіею Шанхайгуань—Инкоу—Синминтинъ.

III—что если впослѣдствіи будетъ приступлено къ продолженію желѣзнодорожныхъ линій въ южной Манчжуріи или прокладкѣ къ нимъ вѣтвей, равно и къ сооруженію въ Инкоу моста или переносу существующаго здѣсь конечнаго пункта желѣзной дороги, то по этимъ вопросамъ надлежитъ вступить въ предварительное взаимное соглашеніе между Русскимъ и китайскимъ Правительствами;

IV—вслѣдствіе того, что затраты, произведенныя Русскимъ Правительствомъ на возстановленіе и эксплоатацію возвращаемыхъ желѣзныхъ дорогъ Шанхайгуань—Инкоу—Синминтинъ, не были внесены въ общую сумму убытковъ,—китайскому правительству надлежитъ возмѣстить таковыя, по обсужденіи съ Россійскимъ Правительствомъ суммы, подлежащей возвращенію.

„Постановленія всѣхъ прежнихъ договоровъ между Россіею и Китаемъ, не измѣненныя настоящимъ соглашеніемъ, остаются въ полной силѣ.

„Соглашеніе войдетъ въ законную силу со дня подписанія его уполномоченными того и другого государствъ.

„Размѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ С.-Петербургѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня подписанія соглашенія.

„Въ удостовѣреніе чего уполномоченные обѣихъ договаривающихся сторонъ подписали и скрѣпили своими печатями два экземпляра соглашенія на русскомъ, французскомъ и китайскомъ языкахъ. Изъ трехъ текстовъ, по сличеніи оказавшихся согласными, руководствующимъ при толкованіи соглашенія будетъ считаться французскій текстъ.

„Совершено въ Пекинѣ въ двухъ экземплярахъ 26 марта 1902 г.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лессаромъ была вручена китайскимъ уполномоченнымъ нота, въ коей отъ Имени Императорскаго Правительства заявляется, что передача гражданскаго управленія въ Нючжуанѣ въ руки китайской администраціи состоится лишь послѣ удаленія изъ названнаго порта иностранныхъ отрядовъ и десантовъ и возвращенія китайцамъ города Тянь-Цзиня, находящагося въ международномъ управленіи.

„Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что императорское правительство, строго придерживаясь неоднократно сдѣланныхъ заявленій, приступаетъ къ постепенной эвакуаціи Манчжуріи съ тѣмъ, чтобы завершить ее въ указанныхъ условіяхъ, если тому не воспрепятствуютъ какія-либо неожиданныя дѣйствія другихъ державъ или самого Китая; что передача гражданскаго управленія въ Нючжуанѣ въ руки китайской администраціи состоится, согласно переданному правительствомъ Богдохана письменному заявленію, лишь когда изъ названнаго порта удалены будутъ иностранные отряды и десанты и если къ тому же времени окончательно рѣшенъ будетъ вопросъ о возвращеніи китайцамъ Тянь-Цзиня.

„Китайское правительство, съ своей стороны, подтверждаетъ всѣ ранѣе принятыя имъ по отношенію къ Россіи обязательства, а стало быть и постановленія договора 1896 года, долженствовавшаго служить основаніемъ взаимныхъ дружественныхъ отношеній сосѣднихъ Имперій. Этимъ оборонительнымъ соглашеніемъ уже въ 1896 году Россія обязалась поддерживать начало независимости и неприкосновенности Китая, который, въ свою очередь, предоставилъ ей право постройки магистрали чрезъ Манчжурію и пользованіе существенными преимуществами, находящимися въ прямой связи съ означеннымъ предпріятіемъ.

„Послѣ поучительныхъ событій минувшихъ двухъ лѣтъ, представляется возможнымъ надѣяться на полное умиротвореніе Дальняго Востока и дальнѣйшее развитіе дружественныхъ сосѣдскихъ отношеній съ Китаемъ въ интересахъ обѣихъ Имперій. Но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы китайское правительство, вопреки даннымъ имъ положительнымъ завѣреніямъ, по той или другой причинѣ нарушило какое-либо изъ вышеупомянутыхъ условій,—то Императорское Правительство не считало бы себя болѣе связаннымъ ни постановленіями Манчжурскаго соглашенія, ни предшествующими по сему предмету заявленіями, и вынуждено было бы сложить съ себя отвѣтственность за всѣ могущія возникнуть послѣдствія“.

Приведенное соглашеніе относительно Манчжуріи, быть можетъ, устранитъ со сцены одинъ изъ важнѣйшихъ спорныхъ вопросовъ международной политики и внесетъ успокоительный элементъ въ общее положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Будучи результатомъ долгихъ и настойчивыхъ дипломатическихъ усилій и переговоровъ, конвенція 26-го марта является нѣкоторымъ опроверженіемъ двусмысленныхъ толковъ о завоевательныхъ планахъ и намѣреніяхъ Россіи по отношенію къ Китаю. Заявляя неоднократно о своемъ рѣшеніи очистить Манчжурію при первой возможности, русская дипломатія, вѣроятно, не руководствовалась на этотъ разъ ни преувеличеннымъ желаніемъ заслужить одобреніе другихъ державъ, ни стремленіемъ доказать свое безкорыстіе или великодушіе, какъ это бывало при князѣ Горчаковѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Исходной точкою могло быть въ данномъ случаѣ сознаніе невыгодности пріобрѣтенія новыхъ обширныхъ территорій, устройство которыхъ требовало бы огромныхъ матеріальныхъ затратъ, и которыя не только составляли бы тяжелую, непосильную обузу для государственнаго казначейства, но служили бы постояннымъ источникомъ замѣшательствъ и волненій въ будущемъ.

Многія иностранныя газеты, преимущественно англійскія, утверждаютъ, что манчжурское соглашеніе заключено подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ англо-японскаго союза, направленнаго къ охранѣ территоріальной цѣлости и неприкосновенности китайской имперіи. Противъ этого предположенія возражаетъ благорасполо-

женный къ намъ парижскій „Temps“. „Пусть не говорятъ, — замѣчаетъ названная газета, — что безъ англо-японскаго союза русское правительство не очистило бы теперь Манчжуріи. Очищеніе ея всегда лежало въ основѣ обсуждавшихся проектовъ конвенціи. Съ политической точки зрѣнія, новый договоръ состоялся въ точности на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя служили ему первымъ фундаментомъ. Россія достигла лишь того, чего хотѣла,—ничего болѣе и ничего менѣе. Всѣ вопросы о торговыхъ монополіяхъ, о которыхъ столько толковали, были лишь порожденіями частныхъ требованій и интересовъ, а вовсе не стремленій русскаго правительства. Достаточно было только устранить эти постороннія требованія, чтобы довести дѣло до конца. Напрасно велась необузданная агитація съ цѣлью помѣшать ходу переговоровъ. Въ извѣстные моменты казалось, что то или другое шумное разоблаченіе внезапно прекращало переговоры. Но этого не было въ дѣйствительности. Переговоры были прерваны только смертью Ли-Хунъ-Чжана. Англо-японскій союзъ, какъ говорили позднѣе, дѣлаетъ заключеніе трактата болѣе труднымъ, увеличивая силу сопротивленія китайцевъ. Однако и это оказалось невѣрнымъ. Впрочемъ, франко-русская декларація явилась вскорѣ послѣ англо-японскаго союза,—въ видѣ противовѣса. Въ результатѣ, Китай вступаетъ въ сдѣлку, вмѣсто того чтобы замкнуться въ предѣлахъ своего строгаго права. Съ другой стороны, Россія возвѣщаетъ эвакуацію вмѣсто завоеванія. Въ чемъ же истина? Истина въ томъ, что Россія желала упрочить за собою извѣстныя преимущества, безъ завоеванія. Она была права, съ своей точки зрѣнія. Это отличная политика. Такъ или иначе, по отношенію ко всѣмъ и противъ всѣхъ, Россія всегда стояла за status quo въ Китаѣ и была главною охранительницею неприкосновенности китайской имперіи. Она вновь доказываетъ это на дѣлѣ, не отрекаясь въ то же время отъ законной и неизбѣжной доли вліянія, пріобрѣтеннаго ея усиліями на Дальнемъ Востокѣ“.

Защищая столь горячо нашу политику относительно Китая, „Temps“ этимъ самымъ оправдываетъ и французскую дипломатію, которая еще недавно торжественнымъ формальнымъ актомъ заявила о своей солидарности съ Россіею въ китайскихъ дѣлахъ. Франція прямо заинтересована теперь въ скорѣйшемъ миролюбивомъ разрѣшеніи манчжурскаго вопроса, и она имѣетъ полное основаніе желать, чтобы этого вопроса вовсе не существовало. Въ принципѣ мы съ нимъ, повидимому, покончили благополучно, а на практикѣ многое будетъ зависѣть, конечно, отъ обстоятельствъ, надъ которыми мы не властны. Характерная особенность манчжурской конвенціи заключается въ томъ, что фактическое осуществленіе ея со стороны Россіи поставлено въ зависимость не только отъ поведенія Китая, но и отъ образа дѣйствій другихъ державъ, подъ

которыми слѣдуетъ прежде всего разумѣть Англію и Японію. Вполнѣ удалиться изъ Манчжуріи мы, къ сожалѣнію, уже не можемъ, послѣ того какъ съ ея судьбою мы связали сложные интересы великаго сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути. Намъ не удастся уже избавиться отъ спеціальныхъ китайско-манчжурскихъ заботъ, которыя будутъ преслѣдовать насъ всякій разъ, когда въ Китаѣ возникнутъ волненія и повторятся попытки возстанія противъ иностранцевъ; а повтореніе подобныхъ событій представляется неизбѣжнымъ, при расшатанности традиціоннаго государственнаго строя имперіи и при упадкѣ нравственнаго авторитета власти богдыхана. Китайскіе патріоты едва ли примирятся съ послѣдствіями иноземныхъ побѣдъ, что и неудивительно, если подумать о томъ, что французскіе патріоты до сихъ поръ не забыли германскихъ побѣдъ. Продолжающееся внутреннее броженіе въ Китаѣ можетъ превратиться въ хроническій кризисъ, съ которымъ такъ или иначе вынуждены будутъ считаться заинтересованныя культурныя націи. Въ этомъ смыслѣ манчжурская конвенція сама по себѣ не обезпечиваетъ намъ прочнаго мира на Дальнемъ Востокѣ, и основанныя на ней оптимистическія надежды должны быть признаны по меньшей мѣрѣ преждевременными. Благодаря подписанію конвенціи, наше международное положеніе сдѣлалось только болѣе яснымъ и опредѣленнымъ; но положеніе китайскихъ дѣлъ остается по прежнему темнымъ и запутаннымъ, и опасность дальнѣйшихъ замѣшательствъ въ Китаѣ и изъ-за Китая пока еще не уменьшилась.

Парламентскіе выборы, происходившіе 27 (14) апрѣля во Франціи, дали въ общемъ результатъ, благопріятный для республики и въ частности также для министерства Вальдека-Руссо. Избирательная борьба велась какъ будто на почвѣ отвлеченныхъ принциповъ: правительственные республиканцы неустанно громили сторонниковъ клерикальнаго цезаризма; клерикалы выступали защитниками свободы; націоналисты говорили и дѣйствовали отъ имени высшаго, безусловнаго и непогрѣшимаго патріотизма; соціалисты разныхъ оттѣнковъ воевали между собою и противъ буржуазныхъ идей, и среди всего этого хаоса мнѣній и программъ явственно выдѣлялись двѣ обширныя группы—приверженцевъ и враговъ существующаго республиканскаго режима.

Клерикалы, раздраженные суровыми мѣрами противъ духовныхъ конгрегацій, приняли дѣятельное участіе въ избирательномъ движеніи и старались соединить подъ своимъ знаменемъ различные элементы оппозиціи, начиная съ умѣренно-консервативныхъ и кончая ультрареакціонными. Главную силу этого лагеря составляютъ націоналисты,

смѣлые передовые бойцы, откровенно стремящіеся къ ниспроверженію парламентской республики во имя величія и славы старой Франціи; заодно съ ними, часто подъ тѣмъ же флагомъ націонализма, орудуютъ партіи, скрывающія большею частью свои истинныя цѣли,—бонапартисты, монархисты, консерваторы, номинально присоединившіеся къ республикѣ для болѣе успѣшной борьбы съ ея учрежденіями и порядками.

Образованіе этой сложной анти-республиканской коалиціи значительно облегчило задачу правительства и его союзниковъ. Министерскіе кандидаты обращали все свое краснорѣчіе противъ націоналистовъ, разоблачали ихъ опасные замыслы и тенденціи, выражали твердую рѣшимость охранять республику отъ грозящихъ ей бѣдъ и почти не вдавались въ обсужденіе тѣхъ прозаическихъ реальныхъ интересовъ, которые имѣютъ наиболѣе значенія для массы обывателей. Въ области общихъ политическихъ вопросовъ можно скорѣе разсчитывать на единодушіе значительной части населенія, чѣмъ въ сферѣ житейскихъ потребностей и взглядовъ, неизбѣжно связанныхъ съ сословными и экономическими разногласіями; то, что̀ желательно фабрикантамъ и крупнымъ промышленникамъ, не пользуется симпатіями ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и рабочихъ; то, что̀ привлечетъ однихъ, оттолкнетъ другихъ, и кандидатамъ приходится по неволѣ довольствоваться неопредѣленными фразами относительно практическихъ общественныхъ дѣлъ, для избѣжанія недоразумѣній и противорѣчій. Зато мысль о защитѣ республики отъ клерикальныхъ посягательствъ способна одинаково вызвать сочувствіе всѣхъ республиканцевъ, безъ различія классовъ,—хозяевъ и рабочихъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, крестьянъ и горожанъ. Отсюда то странное на первый взглядъ преобладаніе отвлеченностей въ избирательныхъ программахъ, о которомъ говоритъ Р. М. Блапкъ въ статьѣ, помѣщенной выше въ настоящей книгѣ журнала (см. 154 стр. и слѣд.).

Въ манифестѣ передовой республиканской партіи „радикаловъ-соціалистовъ“, послѣ жестокихъ и краснорѣчивыхъ обличеній націонализма, высказываются, напримѣръ, слѣдующія положительныя идеи: „Мы болѣе патріоты, чѣмъ кто бы то ни было. Мы любимъ Францію всѣмъ нашимъ сердцемъ и умомъ: это страна, гдѣ мы родились, гдѣ мы любили, страдали и надѣялись; но это также страна свободы, откуда вышли всѣ призывы къ эмансипаціи и человѣчности; наконецъ, она сіяетъ такою умственною славою надъ остальнымъ міромъ, что даже иностранцы смотрятъ на нее, какъ на второе отечество. Но нашъ патріотизмъ, при всей его реальности, не шумитъ о себѣ и рѣшительно отказывается увлекать Францію на путь приключеній. Мы, напротивъ, хотимъ видѣть ее сильною, цвѣтущею, еще болѣе

республиканскою, непрерывно возростающею среди плодотворнаго мира. Республика—это миръ; личная власть—это война. Оттого мы глубоко и непримиримо—антинаціоналисты... Подъ маскою націонализма скрываются всѣ реакціонныя силы. Мы побѣдимъ при помощи единенія всѣхъ республиканскихъ силъ". И это звонкое, безсодержательное фразерство освящается подписями такихъ выдающихся дѣятелей, какъ Леонъ Буржуа, Анри Бриссонъ, Камилль Пельтанъ. Противники пользуются тѣмъ же легкимъ оружіемъ, нападая на правительство. „Министерство"—восклицаютъ они—„унизило Францію и надѣлало столько ошибокъ, что приходится постоянно задавать себѣ вопросъ: безумно ли оно или преступно? Армія разстроена имъ систематически; правосудіе подчинено политическимъ страстямъ; государственныя средства расхищаются въ интересахъ партій, и свобода совѣсти, свобода обученія, свобода труда, свобода собственности, безстыдно попираются ногами".

Нападки на правительство, по традиціи, всегда нравятся французамъ и, при нѣкоторомъ остроуміи, могутъ имѣть широкій успѣхъ, несмотря на явную неосновательность и даже нелѣпость обвиненій. Неудивительно поэтому, что въ Парижѣ, обычномъ центрѣ всякой вообще оппозиціи, націоналисты восторжествовали на выборахъ; народныя массы въ провинціи отнеслись къ нимъ болѣе трезво и предпочли дать свои голоса представителямъ различныхъ республиканскихъ группъ, причемъ руководствовались, конечно, не краснорѣчіемъ ихъ воззваній и программъ.

Почти всѣ нынѣшніе министры вновь выбраны въ депутаты; одинъ только Мильеранъ, министръ торговли, долженъ еще подвергнуться перебаллотировкѣ. Изъ видныхъ дѣятелей реакціи не попали въ новую палату антисемитъ Дрюмонъ и бонапартистъ Кассаньякъ; съ другой стороны, выбранъ извѣстный ораторъ, соціалистъ Жоресъ, не имѣвшій званія депутата въ послѣдніе годы. Мезюреръ, бывшій вице-президентъ палаты, потерпѣлъ неудачу въ Парижѣ; Бриссону предстоитъ перебаллотировка. Окончательный составъ палаты выяснится только послѣ дополнительныхъ выборовъ или перебаллотировокъ, имѣющихъ состояться 11 мая (нов. ст.); предполагается, что весьма крупное большинство окажется на сторонѣ правительства. Однако, итоги выборной кампаніи, каковы бы они ни были, не рѣшаютъ еще вопроса о степени прочности или долговѣчности министерства; нѣкоторыя, хотя бы и незначительныя перемѣны въ распредѣленіи группъ и въ общемъ настроеніи большинства могутъ сразу привести къ министерскому кризису, тѣмъ болѣе, что всякая новая палата отличается наклонностью къ нововведеніямъ. Французы не любятъ долго оставлять у власти одно и то же министерство, даже при отсутствіи серьезныхъ противъ него нареканій и неудовольствій; недостаткомъ считается самый фактъ

продолжительнаго пребыванія однихъ и тѣхъ же лицъ во главѣ правительства, а трехлѣтній срокъ признается чуть ли не максимальнымъ для министерства по обычнымъ французскимъ понятіямъ. Положеніе кабинета Вальдека-Руссо выяснится только послѣ открытія новой парламентской сессіи.

Въ Бельгіи политическая жизнь, при внѣшнихъ либеральныхъ и парламентскихъ формахъ, давно уже идетъ какимъ-то неправильнымъ путемъ: правительство въ теченіе многихъ лѣтъ находится въ рукахъ клерикальной партіи, и народныя массы лишены возможности оказывать соотвѣтственное законное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, благодаря односторонней системѣ избирательныхъ правъ. Право участія въ парламентскихъ выборахъ составляло до 1894 года привилегію богатаго и образованнаго меньшинства: при населеніи въ шесть милліоновъ числилось избирателей всего 135 тысячъ. Послѣ тяжелой внутренней борьбы достигнуто было значительное расширеніе избирательныхъ правъ, причемъ число избирателей увеличилось до милліона; установленъ образовательный и имущественный цензъ, дающій отдѣльнымъ лицамъ право имѣть больше одного голоса, такъ что милліонъ избирателей обладалъ почти двумя милліонами голосовъ. Предполагалось также обезпечить избирательныя права меньшинства при помощи такъ-называемаго пропорціональнаго представительства; но это нововведеніе не было принято. Реформа 1894 года привела на практикѣ къ результатамъ, которыхъ не ожидала и оппозиція: клерикалы получили болѣе сильное и сплоченное большинство, чѣмъ прежде; старая либеральная партія доведена до ничтожества въ парламентѣ, гдѣ зато впервые появились соціалисты, въ числѣ тридцати человѣкъ. Сложная система избирательныхъ правъ дополнена еще болѣе сложнымъ принципомъ пропорціональныхъ выборовъ, получившимъ силу закона въ концѣ 1899 года. Первые выборы по новымъ правиламъ состоялись въ маѣ 1900 года. Клерикалы сохранили за собою численное преобладаніе въ палатѣ; имъ принадлежитъ восемьдесятъ-пять мѣстъ, тогда какъ либералы и клерикалы имѣютъ одинаково по 33 представителя и, слѣдовательно, въ совокупности не могутъ мѣшать практическому владычеству партіи католиковъ. Убѣдившись въ безплодности предпринятыхъ преобразованій и хитроумныхъ усовершенствованій избирательнаго права, бельгійскіе демократы энергичнѣе прежняго стали домогаться простого права всеобщаго народнаго голосованія, въ интересахъ дѣйствительной равноправности низшихъ и среднихъ классовъ населенія. Въ этомъ отношеніи прогрессисты нашли рѣшительныхъ союзниковъ въ соціалистахъ, опирающихся на многочисленную и хорошо дисциплинирован-

ную массу рабочихъ. Вскорѣ все движеніе перешло въ руки вождей рабочаго класса и приняло размѣры широкаго народнаго волненія, охватывающаго почти всѣ промышленные и фабрично-заводскіе центры. Болѣе умѣренные либералы отдѣлились отъ соціалистовъ, когда послѣдніе обнаружили готовность прибѣгнуть къ общей стачкѣ рабочихъ и къ шумнымъ уличнымъ манифестаціямъ и насиліямъ.

При такихъ условіяхъ внесенный въ палату проектъ пересмотра конституціи съ цѣлью введенія всеобщаго права голоса не имѣлъ шансовъ успѣха,—и послѣ горячихъ споровъ онъ былъ отвергнутъ въ засѣданіи 17 апрѣля, большинствомъ 86 противъ 64 голосовъ. Правительство категорически высказалось противъ реформы, которая, по словамъ министра-президента Смета де Найера, не соотвѣтствуетъ желаніямъ страны и способна была бы только усилить агитацію и придать ей хроническій характеръ. Предводители рабочей партіи, Вандервельде и Анзееле, грозили революціею въ случаѣ отклоненія проекта; прогрессисты убѣждали министровъ допустить по крайней мѣрѣ детальное обсужденіе реформы, чтобы успокоить взволнованные умы. Правительство настояло на своемъ и встрѣтило при этомъ поддержку въ нѣкоторой части либераловъ. На слѣдующій же день послѣ рѣшенія палаты возникли крупные безпорядки въ Брюсселѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ Бельгіи; во многихъ мѣстахъ произошли кровопролитныя схватки между толпами рабочихъ и вооруженными отрядами полиціи, причемъ употреблялось и огнестрѣльное оружіе; особенно серьезны были послѣдствія уличной борьбы въ Лувэнѣ, гдѣ восемь рабочихъ было убито и много полицейскихъ ранено. Идея всеобщаго голосованія, конечно, не могла бы сама по себѣ довести рабочихъ до такого ожесточенія; политическое недовольство осложнялось экономическими причинами—безработицею, какъ результатомъ промышленнаго кризиса, вызваннаго предшествующимъ періодомъ искусственнаго спекулятивнаго возбужденія. Забастовка, возвѣщенная комитетомъ рабочей партіи, продолжалась лишь короткое время и должна была прекратиться за отсутствіемъ денежныхъ средствъ; рабочіе повсюду возобновили занятія, и предположенный революціонный взрывъ оказался не столь опаснымъ для правительства, какъ предсказывали соціалисты.

Въ сущности и правительство, и оппозиція, въ Бельгіи находятся подъ вліяніемъ очевидной иллюзіи, придавая такую исключительную важность вопросу о всеобщемъ народномъ голосованіи. Жажда избирательныхъ правъ со стороны рабочихъ можетъ еще быть объяснена психологически: людямъ бѣдствующимъ свойственно увлекаться фантастическими ожиданіями и надеждами, которымъ не суждено осуществиться. Но просвѣщенные господствующіе классы отлично знаютъ

и понимаютъ, что всеобщее право участія въ парламентскихъ выборахъ откроетъ ряды избирателей не только для городскихъ рабочихъ, но и для сельскаго населенія, проникнутаго консервативными традиціями и вполнѣ подвластнаго мѣстнымъ землевладѣльцамъ и мѣстному духовенству. Сельскіе избиратели и теперь составляютъ главный оплотъ клерикализма въ Бельгіи, и всякое расширеніе избирательныхъ правъ сопровождалось до сихъ поръ усиленіемъ клерикальной партіи въ парламентѣ. Примѣръ Франціи наглядно показываетъ, что принципъ всенароднаго голосованія далеко не имѣетъ того чудодѣйственнаго значенія, какое приписывалось ему въ прежнее время; и еслибы французскіе клерикалы были организованы столь же прочно и дѣйствовали съ такимъ же единодушіемъ, какъ бельгійскіе, то они могли бы также располагать большинствомъ въ палатѣ, опираясь на милліоны сельскихъ избирателей. Французскіе республиканцы предчувствуютъ эту возможность, которая логически вытекаетъ изъ самаго принципа, — но безсильны придумать противъ нея другіе способы борьбы, кромѣ краснорѣчивыхъ разсужденій, не доходящихъ вовсе до крестьянской массы. Мы видимъ и въ Германіи, что тѣсно сплоченная католическая партія занимаетъ первенствующее мѣсто въ имперскомъ сеймѣ, благодаря искусству клерикаловъ въ пользованіи преимуществами всеобщаго избирательнаго права. Послѣднее является источникомъ опасностей не для реакціонныхъ силъ, а для прогрессивныхъ элементовъ общества, что̀ сознается уже многими мыслящими людьми во Франціи. Избирательныя права со временемъ будутъ, быть можетъ, предоставлены и женщинамъ, и противъ этого трудно было бы выдвинуть достаточно вѣскія принципіальныя возраженія; но женскій элементъ, безъ всякаго сомнѣнія, надолго обезпечилъ бы господство за клерикалами. Такого рода перспективы подготовляютъ для будущаго новую постановку вопроса о всеобщемъ народномъ голосованіи,—и, быть можетъ, снимутъ съ этого права тотъ ореолъ, который отнынѣ окружаетъ его въ глазахъ довѣрчивыхъ и увлекающихся идеалистовъ.

Англичане несравненно менѣе другихъ народовъ соблазняются отвлеченными политическими формулами и правами; они цѣнятъ только реальное и въ этомъ смыслѣ возводятъ на степень возвышенныхъ догматовъ такія понятія и стремленія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ идеализмомъ. Умершій недавно Сесиль Родсъ оставилъ часть своего колоссальнаго состоянія на цѣли британскаго имперіализма въ широкомъ смыслѣ этого слова; его щедрыя завѣщательныя распоряженія и сопровождающіе ихъ комментаріи произвели на англій-

скую печать такое впечатлѣніе, что лондонскій „Times“ счелъ возможнымъ сравнить Родса съ Юліемъ Цезаремъ. Родсъ проникнутъ былъ твердымъ сознаніемъ превосходства англо-саксонской расы надъ всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и выражалъ непоколебимую вѣру въ будущее міровое владычество этой избранной расы; мыслями такого рода онъ дѣлился, между прочимъ, съ извѣстнымъ журналистомъ Стэдомъ, который недавно напечаталъ подробный отчетъ объ интимныхъ бесѣдахъ и откровеніяхъ Родса.

Къ несчастію, вѣра въ особое великое призваніе своей націи обыкновенно соединяется съ пренебреженіемъ къ другимъ народамъ и племенамъ, а пренебреженіе влечетъ за собою цѣлый рядъ несправедливостей и конфликтовъ, которые въ концѣ концовъ не проходятъ безслѣдно и для прославляемой патріотами націи. Привычка относиться презрительно къ менѣе культурнымъ народностямъ проявляется нерѣдко въ фактахъ, возмущающихъ общественную совѣсть; подобные факты кажутся даже нормальными при исключительныхъ обстоятельствахъ, напр. во время войны. Нѣкоторые британскіе офицеры въ южной Африкѣ систематически разстрѣливали плѣнныхъ и раненыхъ буровъ, подъ прикрытіемъ какого-то подобія военнаго суда, и дѣло дошло до судебнаго процесса только потому, что былъ убитъ германскій миссіонеръ, протестовавшій противъ этихъ избіеній и грозившій донести о нихъ мѣстному высшему начальству. Изъ офицеровъ, преданныхъ суду по этому поводу, двое были признаны виновными и казнены въ свою очередь. Офицеры откровенно заявляли, что нечего церемониться съ бурами и что ихъ можно истреблять, какъ вредныхъ животныхъ; они просто смотрѣли на нихъ какъ на людей низшей расы и потому безправныхъ. Военный судъ надъ отдѣльными сторонниками такого взгляда не повліяетъ, конечно, на міросозерцаніе ихъ единомышленниковъ, ссылающихся на авторитетные примѣры и на нѣкоторыя заявленія и дѣйствія самого главнокомандующаго въ южной Африкѣ, лорда Китченера. Американцы въ этомъ отношеніи вполнѣ солидарны съ англичанами; въ Манильѣ назначенъ былъ военный судъ надъ майоромъ Уоллеромъ за приказы истреблять всѣхъ туземцевъ старше десятилѣтняго возраста, на островѣ Самаръ. Уоллеръ оправдывался тѣмъ, что такъ же точно поступали европейскія войска въ Китаѣ, британскіе офицеры въ Египтѣ и американцы на островѣ Кубѣ; наконецъ, онъ имѣлъ возможность опереться на подлинныя распоряженія своего начальника, генерала Смита, который велѣлъ не брать плѣнныхъ, а прямо избивать ихъ. Майоръ Уоллеръ былъ оправданъ, и начато судебное слѣдствіе для разбора и оцѣнки дѣятельности генерала Смита. Майоръ Уоллеръ, генералъ Смитъ и другіе герои

этого типа, очевидно, проникнуты убѣжденіемъ, что къ филиппинцамъ нѣтъ надобности примѣнять обычныя правила войны, такъ какъ это люди низшей расы. Распространеніе такихъ взглядовъ на цѣлые народы, даже культурные, но чуждые по языку и нравамъ,—достигается чрезвычайно легко при той атмосферѣ національнаго самопоклоненія, которая такъ усердно поддерживается патріотами и націоналистами разныхъ странъ, къ великому ущербу для истинныхъ интересовъ человѣчества.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1902.

— В. З. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ первый. Книга I. Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность Хомякова. Кіевъ. 1902. — Томъ I. Книга II. Труды Хомякова въ области богословія. Кіевъ. 1902.

Эти двѣ первыя книги перваго тома представляютъ собой каждая по большому тому, и первый томъ ими еще не законченъ; затѣмъ, вѣроятно, послѣдуетъ второй томъ съ такими же подраздѣленіями; можетъ быть, и третій, и т. д. Проще было бы избѣжать подобнаго дѣленія съ подраздѣленіями и называть томы—томами.

Какъ видно по началу, авторъ, извѣстный кіевскій профессоръ, задумалъ свой трудъ въ очень широкихъ размѣрахъ, которые должны соотвѣтствовать великому значенію изображаемаго имъ писателя. Дѣйствительно, г. Завитневичъ является великимъ поклонникомъ Хомякова. На заглавномъ листѣ поставленъ эпиграфъ изъ двухъ, не совсѣмъ удачныхъ стиховъ Ѳедора Глинки:

„Только пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ“...

Какіе „пасынки Россіи“? И если могъ говорить объ этихъ „пасынкахъ“ поэтъ, или стихотворецъ, Ѳедоръ Глинка, то какимъ образомъ служитель науки, профессоръ, который не можетъ не признавать свободы критической мысли,—какимъ образомъ онъ какъ бы впередъ предаетъ осужденію того, кто „не поклонился“ бы Хомякову, т.-е. разошелся бы собственно во взглядахъ на него съ г. Завитневичемъ? А разойтись, конечно, возможно; и въ прежнее время въ нашей литературѣ было уже не мало писателей, взгляды которыхъ въ этомъ случаѣ не были похожи на взгляды г. Завитневича; назовемъ для примѣра Бѣлинскаго, Кавелина, С. М. Соловьева, В. С. Соловьева: неужели это были все „пасынки“ Россіи?

И дѣйствительно, книга г. Завитневича проникнута страннымъ духомъ нетерпимости, который автору слѣдовало бы именно устранить, если онъ желалъ, чтобы его трудъ получилъ достоинство серьезнаго историческаго изслѣдованія, а не остался такимъ же, хотя и многотомнымъ полемическимъ трактатомъ, какіе уже бывали.

Излагая въ предисловіи сущность своего отношенія къ Хомякову, который ему не вдругъ „дался", авторъ говоритъ:

„Разсматривая, въ большинствѣ случаевъ, всѣхъ славянофиловъ *огуломъ*, литература не находила въ нихъ ничего другого, какъ только проявленіе *узкаго національнизма*, при чемъ самый національнизмъ понимался въ смыслѣ „колокольнаго патріотизма". Никому не было дѣла до того, что Хомяковъ, самый первый и самый крупный представитель славянофильства, всю зрѣлую пору своей жизни проработалъ надъ *записками* по Всемірной Исторіи, что онъ получилъ европейскую извѣстность своими богословскими трактатами, что онъ буквально умеръ надъ сочиненіемъ по философіи. О запискахъ по Всеобщей Исторіи, въ которыхъ чуть ли не каждая строка дышетъ мыслію, для большинства русскихъ современниковъ далеко не обычною, никто и не заикался. То же было бы и съ его богословскими трактатами, если бы спеціалисты въ области богословія не заинтересовались его своеобразнымъ методомъ и оригинальнымъ у насъ взглядомъ на церковь. О его философскомъ міровоззрѣніи и говорить нечего: тутъ его обыкновенно *пристегивали* (?) къ И. В. Кирѣевскому и, не идя дальше ихъ гносеологіи, разсматривали ее какъ-то отрывочно, путемъ набора случайно выхваченныхъ изъ сочиненій текстовъ безъ ихъ анализа и надлежащаго разъясненія. Но особенно любопытно то, что даже такой человѣкъ, какъ Влад. С. Соловьевъ, отъ котораго, казалось бы, можно было бы ожидать болѣе осмысленнаго отношенія къ вопросу, пресерьезно утверждалъ, что „для нихъ (славянофиловъ) всего важнѣе, дороже и существеннѣе *національный элементъ*, а все остальное, между прочимъ и *религія*, можетъ имѣть подчиненный характеръ". И это толковалось послѣ того, какъ Хомяковъ всѣмъ уши прожужжалъ своею проповѣдью о томъ, что „*корень и начало дѣла* (просвѣщенія)—*религія*, и только явное, сознательное и полное торжество Православія откроетъ возможность всякаго другого развитія" и что поэтому-то славянофилы и „посвятили себя великому и *всемірному труду христіанскаго воспитанія*", и что „*внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ*". Когда же нѣкоторые изъ его единомышленниковъ задумали было взглянуть на Православіе съ узконаціональной точки зрѣнія, Хомяковъ протестовалъ противъ этого и категорически заявилъ, что то Православіе, которое „имѣетъ характеръ слишкомъ мѣстный, подчиненный народности", существенно отли-

чается отъ его собственнаго Православія, и что вообще такая узконаціональная точка зрѣнія въ такомъ общечеловѣческомъ дѣлѣ *недостойна* его школы. Но особенно поразило насъ невѣжество, съ какимъ мы встрѣтились въ трудахъ, посвященныхъ вопросу о „разложеніи славянофильства". Послѣ внимательнаго изученія нами первоисточниковъ сдѣлалось непосредственно очевиднымъ, что авторы этихъ трудовъ, несмотря на всю свою развязность въ сужденіяхъ, не прочитали сами ни одной славянофильской книги и, повторяя бабушкины сказки, наглядно показали, что они имѣютъ весьма смутное представленіе о томъ, о чемъ толкуютъ съ такимъ апломбомъ. Имъ, напримѣръ, все еще мерещилось, что славянофильство именно и началось борьбою Хомякова съ гегельянствомъ и что первымъ условіемъ осмысленнаго присоединенія къ славянофильскому кружку было отреченіе отъ гегельянства, подобно тому, какъ необходимымъ условіемъ принятія Христіанства считается отреченіе отъ сатаны и аггеловъ его. Вообще же писатели этой категоріи напомнили намъ малыхъ дѣтей, которыя, чтобы отомстить нелюбимому человѣку, погребаютъ созданное ихъ фантазіей изображеніе его, наивно воображая, что они хоронятъ самого врага своего".

И въ другомъ мѣстѣ авторъ опять говоритъ въ томъ же тонѣ:

...„За серьезное изученіе славянофильства до послѣдняго времени у насъ, конечно въ печати, никто не принимался. Игнорируя, сознательно или безсознательно, почти всѣ центральные пункты въ системѣ славянофильскаго ученія, авторы *скользили по поверхности* трактуемаго предмета, варіируя на разные лады *когда-то пущенную въ обиходъ* извѣстную сумму избитыхъ, опошлѣвшихъ отъ времени понятій, не давая себѣ отчета въ томъ, въ какой степени эти понятія соотвѣтствуютъ истинному положенію вещей. Такому отношенію къ дѣлу соотвѣтствовала почти общепринятая система говорить о славянофилахъ *огуломъ*. На первый взглядъ система эта подкупала неопытнаго читателя широтою постановки вопроса".

Выходитъ, что всѣ, кто въ томъ или другомъ не соглашался съ Хомяковымъ, были или люди недобросовѣстные, судившіе „огуломъ", или поверхностные, только „скользившіе по предмету,—это были, между прочимъ, и тѣ писатели, которыхъ мы выше назвали.

Мы думаемъ, что, когда авторъ закончитъ свой трудъ, его книга встрѣтитъ внимательный разборъ. Не предпринимая такого разбора (онъ былъ бы и преждевременнымъ до завершенія труда), мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями. Во-первыхъ, авторъ совершенно напрасно дѣлаетъ обвиненіе противъ критиковъ славянофильства изъ того, что иногда они судили о славянофильствѣ „огуломъ". Это было совершенно естественно и во многихъ случаяхъ совершенно

правильно: начинатели и послѣдователи славянофильскаго ученія составляли дѣйствительно отдѣльный кружокъ, который держался особнякомъ, гордился своей отдѣльностью, цѣльностью своего ученія, солидарностью своихъ приверженцевъ, послѣдовательностью и связью своихъ взглядовъ, гдѣ и кѣмъ бы изъ нихъ ни примѣнялись они—въ богословіи, философіи, исторіи, предметахъ общественныхъ и т. д.; выдѣляя себя въ совсѣмъ особую въ тогдашней литературѣ группу, они выдѣляли и систему своихъ взглядовъ какъ „московское ученіе". Такимъ образомъ критики, которые говорили иногда цѣликомъ, „огуломъ", объ этомъ московскомъ ученіи, могли слѣдовать только примѣру самихъ славянофиловъ,—и новѣйшему историку славянофиловъ не понимать этого не подобаетъ.

Оставимъ далѣе обвиненія въ „невѣжествѣ", въ „поверхностномъ отношеніи" къ славянофильству у его противниковъ: эти обвиненія смѣшны, когда противниками были, напр., Кавелинъ или Владиміръ Соловьевъ. *Такого* рода полемическій тонъ намъ кажется пустословіемъ, ничего не доказывающимъ. Первое условіе правильной оцѣнки спора славянофиловъ и ихъ противниковъ должно состоять въ томъ, чтобы историкъ добросовѣстно вникнулъ въ *цѣлый* образъ мыслей *обѣихъ* сторонъ: недостойно и фальшиво было бы, напр., передавать взгляды противниковъ случайными фразами; могло быть даже, что съ ихъ стороны случались обмолвки, но въ особенности бывали недомолвки, конечно не добровольныя, и новѣйшему историку не слѣдуетъ гоняться за первыми, и слѣдуетъ умѣть сообразить вторыя: споръ касался весьма существенныхъ принципіальныхъ вопросовъ, — о нихъ и должна идти рѣчь. Авторъ въ правѣ быть панегиристомъ ученія или лица, которымъ онъ самъ придаетъ большое значеніе; но, какъ историкъ, онъ обязанъ со всею точностью изслѣдовать мотивы, по которымъ это ученіе и лицо вызывали антипатію или вражду противной стороны,— особенно въ тѣхъ условіяхъ суровой общественной дѣйствительности, въ какихъ споръ велся нѣкогда, да и въ новѣйшее время.

Изслѣдованіе, поставленное въ такой *правдивой* формѣ, можетъ быть въ высокой степени интересно; надо желать, чтобы таковымъ стало въ концѣ концовъ изслѣдованіе г. Завитневича,—но для этого автору нужно позаботиться о бо̀льшей долѣ исторической внимательности и безпристрастія, и меньшей долѣ панегирическаго самодовольства, чѣмъ то можно видѣть въ начальныхъ книгахъ его труда.—Д.

— *Маркъ Басанинъ.* Записки эмигранта въ южной Америкѣ. Спб., 1902. Стр. 326. Цѣна 1 р.

Интересныя приключенія, разсказанныя въ этихъ запискахъ, не имѣютъ прямой связи съ условіями южно-американской жизни; они могли бы случиться и во всякой другой отдаленной странѣ, куда пріѣзжаютъ иностранцы, незнакомые съ мѣстнымъ бытомъ и языкомъ. Русскій „эмигрантъ", отъ лица котораго ведется разсказъ, покинулъ родину по неизвѣстнымъ причинамъ и прибылъ въ Аргентину безъ опредѣленной цѣли. Нѣкоторыя подробности уже съ самаго начала вызываютъ недоумѣніе.

Имѣя въ карманѣ законный заграничный паспортъ, „эмигрантъ" рѣшается все-таки перебраться черезъ австрійскую границу контрабандным путемъ, рискуя подвергнуться выстрѣламъ пограничной австрійской стражи; это понадобилось, будто бы, потому, что паспортъ не былъ визированъ въ австрійскомъ консульствѣ въ Петербургѣ,— хотя проще было бы, кажется, проѣхать спокойно черезъ Германію, такъ какъ для дальнѣйшаго путешествія предстояло отправиться въ Гамбургъ. Билетъ на проѣздъ оттуда моремъ въ южную Америку былъ уже взятъ заранѣе; однако нашъ эмигрантъ почему-то долго не могъ попасть въ Гамбургъ и очутился тамъ только черезъ три мѣсяца „послѣ невыразимыхъ мытарствъ", сущность которыхъ остается, впрочемъ, загадочною. Деньги были у него въ достаточномъ количествѣ. Въ эмигрантскомъ домѣ въ Гамбургѣ онъ бѣдствовалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, среди жалкой толпы переселенцевъ, преимущественно евреевъ, въ ожиданіи парохода. Прибывъ, наконецъ, въ Буэносъ-Айресъ, онъ, по непонятной случайности, прямо попалъ въ притонъ низшаго разбора и нанялъ тамъ комнату, хотя съ первой же минуты долженъ былъ замѣтить спеціальныя особенности этого мнимаго „пансіона"; на слѣдующій же день ему пришлось быть свидѣтелемъ крайне тяжелой сцены между хозяевами заведенія и какою-то несчастною юною дѣвицею, которая ни за что не хотѣла выйти въ залъ къ гостямъ. Оказалось, что эта дѣвушка была привезена изъ Варшавы, гдѣ она училась въ гимназіи, и что ей обѣщано было мѣсто бонны въ Аргентинѣ. Авторъ записокъ чувствовалъ глубокую жалость къ судьбѣ этой юной еврейки, по имени Баси, которая сразу отнеслась къ нему съ полнымъ довѣріемъ; но онъ не пытался выкупить ее изъ плѣна, хотя имѣлъ къ тому средства: у него было тогда при себѣ около полуторы тысячи марокъ. Заплативъ потомъ хозяину-еврею половину этой суммы за знакомство съ Басею, онъ тутъ же въ домѣ теряетъ бумажникъ съ остальными деньгами, но никому не заявляетъ

объ этой потерѣ и уже совершеннымъ бѣднякомъ уходитъ съ своимъ чемоданомъ, чтобы поселиться въ квартирѣ одного изъ соотечественниковъ, нѣкоего Петрова. Симпатичную дѣвицу Басю онъ оставляетъ на произволъ судьбы, хотя живо интересуется ею. Онъ становится простымъ рабочимъ, ищетъ занятій, находитъ хорошее мѣсто въ одномъ предпріятіи, которое оказывается мошенническимъ, и попадаетъ на нѣкоторое время въ тюрьму; затѣмъ, послѣ разныхъ испытаній и болѣзней, онъ переѣзжаетъ въ пустынную область Аргентины, предназначенную для колонизаціи, и дѣлается настоящимъ колонистомъ.

Романъ съ Басею тянется на всемъ протяженіи разсказа, съ болѣе или менѣе значительными перерывами. Герой изрѣдка видится съ нею и, наконецъ, узнаетъ, что ей удалось бѣжать изъ притона; въ одну изъ поѣздокъ по дѣламъ своего земельнаго хозяйства, онъ неожиданно встрѣчаетъ ее въ положеніи прислуги, умиляется извѣстіемъ о родившемся у нея ребенкѣ и беретъ ее съ собою въ качествѣ жены. Вмѣстѣ съ нимъ хозяйничаетъ въ колоніи бывшій русскій ученый, нѣкій Лѣвша, идеалистъ и фантазеръ, и въ то же время отличный работникъ; другой русскій, Петровъ, пустой болтунъ и бездѣльникъ, продолжаетъ въ Лаплатѣ жить трудами своего сына, почти мальчика, котораго эксплуатируетъ и преслѣдуетъ съ неустанною жестокостью. Разговоры Петрова о будущихъ планахъ и дѣловыхъ затѣяхъ занимаютъ очень много мѣста въ книгѣ; собесѣдники ужъ слишкомъ долго принимаютъ въ серьёзъ его нелѣпое фантазерство. Болѣе жизненное впечатлѣніе производитъ сынъ Петрова, замѣчательно добросердечный и трудолюбивый юноша; живыми лицами являются въ разсказѣ также жена и дочь Лѣвши, пріѣхавшія къ нему изъ Россіи и уѣзжающія затѣмъ обратно въ полномъ разочарованіи.

Русскихъ считается въ Аргентинѣ около десяти тысячъ душъ, какъ сообщили автору въ русскомъ консульствѣ въ Буэносъ-Айресѣ; но—разъяснили ему далѣе—„русскими здѣсь называютъ себя евреи, и когда вамъ аргентинецъ будетъ говорить про русскаго, то знайте, что въ виду онъ будетъ имѣть еврея“ (стр. 98). Существуетъ и „русскій клубъ“, но онъ состоитъ сплошь изъ евреевъ, и главнымъ дѣятелемъ его оказывается нѣкій Шмульсонъ. Секретарь консульства—тоже еврей; русскій врачъ въ больницѣ—еврей, и т. д.; всѣ они рады случаю поговорить по-русски и съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ относятся къ каждому вновь прибывшему изъ Россіи, причемъ наиболѣе интересуются, повидимому, чисто русскими людьми, православными, которыхъ всего насчитывалось въ Буэносъ-Айресѣ три человѣка,—авторъ записокъ былъ четвертый. Настроеніе простыхъ евреевъ-переселенцевъ характеризуется любопытною сценою въ Гамбургѣ, когда музыка заиграла гимнъ „Боже, Царя храни“: „лица евреевъ вдругъ

приняли торжественное выраженіе, и всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, обнажили головы" (стр. 24). Интеллигентные евреи въ Аргентинѣ изображаются вообще симпатичными чертами; они искренно хлопочутъ о новомъ „русскомъ эмигрантѣ" и обнаруживаютъ удивительное гостепріимство.

Вторая часть записокъ, касающаяся пребыванія героя въ дикой странѣ, гдѣ онъ съ Лѣвшею заводитъ хозяйство, представляетъ уже спеціальный бытовой интересъ и даетъ нѣкоторое, хотя и неясное понятіе о природѣ и условіяхъ жизни въ Аргентинѣ. Если предположить, что г. Маркъ Басанинъ лично переживалъ описываемыя имъ впечатлѣнія и событія, то надо признать его талантливымъ разсказчикомъ, но недостаточно внимательнымъ и черезчуръ поверхностнымъ наблюдателемъ; многое въ его разсказѣ могло бы быть съ пользою исключено, остальное нуждалось бы въ разъясненіяхъ и дополненіяхъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ книга сообщаетъ сравнительно очень мало объ Аргентинѣ и о проживающихъ въ ней русскихъ эмигрантахъ, давая за то массу ненужнаго беллетристическаго балласта; но во всякомъ случаѣ, несмотря на нескладность нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, книга несомнѣнно заслуживаетъ прочтенія.

— П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Спб., 1902. Стр. 183. Ц. 1 р.

Книжка г. Ардашева принадлежитъ къ серіи историческихъ очерковъ, издаваемыхъ подъ редакціею проф. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго и имѣющихъ со временемъ составить общедоступную „Исторію Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время". Г-нъ Ардашевъ извѣстенъ въ спеціальной литературѣ какъ авторъ обширнаго изслѣдованія о „Провинціальной администраціи во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка" (т. I, болѣе 650 стр., преимущественно по архивнымъ даннымъ, вышелъ въ 1900 г. и удостоенъ полной преміи имени С. М. Соловьева). Соединяя большую эрудицію съ искусствомъ живого изложенія и освѣщенія фактовъ, авторъ представилъ яркую картину послѣдовательнаго развитія абсолютной монархіи въ трехъ романскихъ странахъ—Италіи, Испаніи и Франціи.

Идея абсолютизма выросла, по мнѣнію г. Ардашева, на почвѣ возродившихся традицій римской имперіи и римскаго права, въ связи съ разложеніемъ феодальнаго строя и вышедшей изъ него сословной монархіи. Прежде всего римскій типъ государства установился въ ломбардскихъ городахъ-республикахъ и въ отдѣльныхъ итальянскихъ княжествахъ; выразителями римской государственной идеи авторъ считаетъ и такихъ безпринципныхъ тирановъ, какъ Франческо Сфорца

и Цезарь Борджіа. Послѣдній, возвеличенный политическою философіею Макіавелли, „имѣетъ значеніе въ исторіи болѣе какъ образецъ и идеалъ, чѣмъ какъ конкретная историческая личность"; книга о „государѣ" сдѣлалась „руководствомъ политическаго деспотизма въ его наиболѣе рѣзкой формѣ—въ формѣ отождествленія государственнаго интереса съ интересомъ государя, и государства—съ личностью государя". Въ Испаніи, при королякъ изъ династіи Габсбурговъ, абсолютизмъ упрочился въ видѣ сознательной системы и достигъ своего апогея при Филиппѣ II; результатомъ было „безпримѣрное по своей быстротѣ и глубинѣ политическое и культурное паденіе Испаніи". Подъ вліяніемъ всепоглощающаго господства королевской власти число должностей и служащихъ умножается до колоссальныхъ размѣровъ; „центральная администрація, а за нею и администрація провинціальная, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе бюрократическій, канцелярскій характеръ, неизбѣжное свойство котораго—плодить чиновничество, плодя бумажное дѣлопроизводство, и плодить бумаги, плодя чиновниковъ". Въ половинѣ XVI вѣка, въ Кастиліи, чиновничество составляло уже „около двадцати процентовъ всего населенія страны". Совершенное истощеніе національныхъ силъ и полный упадокъ государства, какъ военной и міровой державы—таковъ „двойной результатъ, къ которому сводится болѣе чѣмъ полуторавѣковой гнетъ габсбургскаго абсолютизма въ Испаніи". То же самое повторяется и во Франціи, въ періодъ высшаго расцвѣта абсолютной монархіи при Людовикѣ XIV. Непомѣрная тяжесть налоговъ приводила къ разоренію народа; „общая совокупность лежащихъ на крестьянской землѣ повинностей часто поглощала большую часть всего чистаго дохода земледѣльца, а то и весь цѣликомъ, вслѣдствіе чего запашки сокращались, и прежнія пахатныя земли превращались въ пустырь". Были случаи, что въ нѣкоторыхъ областяхъ „крестьяне разбѣгались, оставляя свои дома и все свое имущество". Государственные расходы и долги увеличивались по мѣрѣ того, какъ ухудшалось управленіе. „Все болѣе и болѣе развивающаяся система правительственной опеки надъ всѣми сторонами народной жизни, расширяя поле дѣятельности администраціи, обусловливала тѣмъ самымъ и соотвѣтствующій ростъ арміи чиновничества. Этому росту, съ другой стороны, способствовала и постепенная бюрократизація администраціи, съ ея двумя неизбѣжными и взаимно неразлучными спутниками—размноженіемъ административныхъ инстанцій и увеличеніемъ канцелярщины и письменнаго дѣлопроизводства". Въ государствѣ водворился произволъ, не встрѣчавшій нигдѣ и ни въ чемъ преграды; всякій обыватель могъ, безъ суда и слѣдствія, попасть въ тюрьму или ссылку, благодаря злоупотребленію королевскими приказами, получившими печальную извѣстность подъ именемъ

„lettres de cachet“. Замѣтимъ кстати, что г. Ардашевъ не совсѣмъ точно переводитъ этотъ терминъ словами: *закрытыя письма;* lettres de cachet—собственно письма „за печатью“, то-есть, письма съ печатью короля. Величіе и слава монархіи Людовика XIV представляли собою нѣчто эфемерное, обманчивое: „монархъ богатѣйшей въ мірѣ державы принужденъ былъ (въ 1689—90 гг.) приступить къ реализаціи дорогой обстановки своего жилища; массивная серебряная мебель, вазы, балюстрады изъ королевской спальни, наконецъ, массивный серебряный тронъ короля, сидя на которомъ онъ давалъ торжественныя аудіенціи,—все это пришлось сдать на монетный дворъ для обращенія въ монету, которой негдѣ было достать для содержанія войскъ и для веденія войны“. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1709 г., въ разгаръ войны за испанское наслѣдство, „пришлось перечеканить въ монету золотую столовую посуду изъ королевскаго буфета и сѣсть за фаянсъ,—а дефицитъ не переставалъ расти, какъ движущаяся лавина“. За это долгое и тяжкое для страны царствованіе „окончательно сложился въ своихъ главныхъ чертахъ старый порядокъ во Франціи, причемъ окончательно установились и тѣ отрицательныя стороны послѣдняго, которыя роковымъ образомъ привели къ великому перевороту, начавшемуся въ 1789 году“.

Ограничивъ свое изложеніе исторіею абсолютизма въ трехъ романскихъ странахъ, г. Ардашевъ только въ одномъ мѣстѣ (стр. 23—24), какъ бы мимоходомъ, касается вопроса, весьма важнаго для его темы,—вопроса о томъ, почему судьбы монархіи были совершенно иныя въ Англіи, гдѣ абсолютная королевская власть имѣла такихъ представителей, какъ Генрихъ VIII, и такихъ теоретиковъ, какъ Гоббсъ. Замѣчанія, высказываемыя авторомъ по этому предмету, слишкомъ кратки и неопредѣленны, а потому и мало убѣдительны; между тѣмъ, безъ разсмотрѣнія этого вопроса нельзя было придти ни къ какимъ общимъ выводамъ, относительно причинъ и условій развитія и процвѣтанія абсолютизма на Западѣ. Этотъ пробѣлъ кажется намъ довольно существеннымъ недостаткомъ содержательной и поучительной книжки г. Ардашева.—Л. С.

— Данте Алигіери. Божественная Комедія. „Адъ“. Перевелъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника *Дмитрій Минъ.* Съ приложеніемъ комментарія, портрета и двухъ рисунковъ. Спб. 1902.

„Адъ“ Данте, въ переводѣ Д. Е. Мина, сдѣланномъ терцинами, появился впервые въ 1855 г. Переводъ „Божественной Комедіи“ былъ задушевнымъ дѣломъ всей жизни покойнаго поэта-переводчика. Еще

въ молодости началъ онъ работать надъ Данте (первый отрывокъ изъ его перевода „Ада“ былъ напечатанъ въ 1844 г. въ „Москвитянинѣ“); смерть застала Мина надъ тою же работой. Его мечтѣ—увидѣть въ печати свой переводъ всего творенія Данте со всѣми сдѣланными имъ примѣчаніями—суждено было такъ и остаться неосуществленною.

Переводъ Д. Е. Мина нѣсколько устарѣлъ по языку и не свободенъ отъ недостатковъ, которыми страдаютъ почти всѣ стихотворные переводы „Божественной Комедіи“. Стараясь точнѣе передать и разъяснить мысль Данте, а главное—преодолѣть трудности размѣра, переводчики нерѣдко позволяютъ себѣ дополнять Данте, и такимъ образомъ дѣлаютъ его сильный и сжатый стихъ тяжелымъ и растянутымъ, его величавую символику превращаютъ въ цвѣтистыя риторическія украшенія. Въ переводѣ Мина встрѣчаются дурные стихи, отдѣльныя неудачныя выраженія, произвольныя вставки. Въ первыхъ же трехъ стихахъ первой пѣсни „Ада“ вставлено, напримѣръ, четыре лишнихъ слова противъ подлинника: „Въ полудорогѣ нашей жизни *трудной*, въ *невѣдомый* я темный лѣсъ вступилъ, утративъ путь прямой *въ дремотѣ чудной*“; у Данте словъ, обозначенныхъ курсивомъ, нѣтъ. Сверхъ того, Минъ довольно часто употребляетъ устарѣвшія слова, въ родѣ *толикій* (I, 21); у него нерѣдки неудачные эпитеты, тяжелыя и малопонятныя фразы; напр.: „...лѣсъ густой, столь *лютый*, задичалый, что *въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ* (т.-е. при мысли о немъ возобновился мой страхъ). Такъ горекъ онъ, что *горше смерть лишь мало*“ (I, 5—7); „мысль моя, *съ обдуманьемъ, истлѣла*“ (II, 41); „я, *съ главою, ужасомъ повитой*, спросилъ...“ (III, 31); „загрохотавъ, громъ прервалъ сонъ могильный *въ моей главѣ*“ и др. При всемъ томъ, среди русскихъ стихотворныхъ переводовъ „Божественной Комедіи“, переводъ Мина остается однимъ изъ лучшихъ; терцины его, несмотря на всѣ свои недостатки, гораздо лучше терцинъ новѣйшихъ переводчиковъ, напр., г. Н. Голованова, напечатавшаго переводъ „Ада“ въ 1896 г. Съ другой стороны, прозаическій переводъ В. Чуйко (1894) ближе къ подлиннику и легче читается чѣмъ переводъ Мина.

Въ настоящемъ изданіи „Ада“ помѣщены также составленныя переводчикомъ подробныя примѣчанія; въ число „приложеній“ вошли: три историческіе очерка, заимствованные изъ перевода Филалета (короля саксонскаго Іоанна, † 1873) „Божественной Комедіи“; статьи Мина о Дантовой космологіи, о Дантовой системѣ міра (съ 2-мя таблицами) и о топографіи его ада. Книга издана роскошно и украшена (на заглавной страницѣ) орнаментомъ одной старинной рукописи „Божественной Комедіи“ и двумя портретами Данте.—А.

— Е. Д. Максимовъ. Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ. Спб. 1901.

Вопросъ о нищенствѣ и мѣрахъ борьбы съ нимъ имѣетъ особенное значеніе для нашего отечества, и если, несмотря на это, о немъ мало говорится въ общей печати, то въ значительной степени потому, что даже спеціальные изслѣдователи вопроса видятъ въ нищемъ не столько продуктъ соціальнаго быта, сколько результатъ индивидуально-моральныхъ и семейныхъ причинъ и благосклоннаго отношенія къ нищимъ простого народа и купечества. Авторъ выставленнаго въ заголовкѣ труда смотритъ на вопросъ иначе. Не отрицая ни индивидуальныхъ, ни семейныхъ, ни бытовыхъ причинъ разсматриваемаго явленія,—онъ имъ отводитъ, однако, второстепенное мѣсто; главную же причину нищенства въ Россіи онъ видитъ въ бѣдности огромной части русскаго народа, служащей самостоятельной причиной нищенства и лежащей въ основаніи многихъ случаевъ нищенства, происшедшаго, повидимому, вслѣдствіе индивидуальныхъ или семейныхъ причинъ. Въ петербургской губерніи, напримѣръ, непосредственное вліяніе экономическихъ условій на происхожденіе нищенства ничтожно, и, по изслѣдованіямъ гг. Яковенко и Петровскаго, экономическія причины нищенства составляютъ три—на сто. Хотя всякій, способный къ труду, можетъ найти себѣ здѣсь заработокъ, но „трудъ рабочаго оплачивается крайне скудно, никакія сбереженія для него немыслимы, положеніе его и семьи, въ случаѣ его увѣчья, старости, болѣзни, совершенно необезпечено; поэтому, какъ только умираетъ или теряетъ способность къ работѣ главный, а въ большинствѣ случаевъ и единственный работникъ въ семьѣ, таковая семья оказывается въ безвыходномъ положеніи и неизбѣжно выталкивается на путь нищенства“.

Но если для появленія нищаго въ семьѣ петербургскаго рабочаго человѣка, обезпеченнаго заработкомъ—и притомъ, сравнительно съ прочими мѣстностями, хорошо оплачиваемымъ,—требуется наличность серьезнаго семейнаго несчастья, то что̀ сказать о положеніи, напр., крестьянина центральной черноземной полосы, имѣющаго, въ среднемъ, очень недостаточный надѣлъ земли, который онъ можетъ дополнить арендой частновладѣльческихъ угодій лишь по крайне высокимъ цѣнамъ, гдѣ цѣны лѣтняго труда сбиты до-нѣльзя, а зимой не найти работы и за одно пропитаніе?

Е. Д. Максимовъ приводитъ въ примѣръ одну изъ такихъ губерній (почему-то не названную по имени, но, повидимому, симбирскую) и разсчитываетъ, что отъ всѣхъ работъ земледѣльческаго населенія—на собственномъ надѣлѣ, на арендованной землѣ, въ кустарномъ про-

мыслѣ, въ другихъ мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ—выручается сумма, достаточная для покрытія расходовъ на прокормленіе скота, пропитаніе населенія (однимъ только хлѣбомъ) и погашеніе текущихъ платежей, и сверхъ того остается на всѣ прочія потребности населенія по 28½ копѣекъ на душу! Допустимъ, что ничтожность доходовъ крестьянъ этой губерніи преувеличена. Но что средніе заработки населенія центральной черноземной полосы не очень много превышаютъ эту сумму, видно изъ другого, уже оффиціальнаго подсчета—курской казенной палаты о заработкахъ крестьянскаго населенія соотвѣтствующей губерніи. Въ благопріятномъ для земледѣльческаго населенія высокоурожайномъ 1899-мъ году доходы крестьянъ курской губерніи, въ совокупности всѣхъ источниковъ заработковъ, достигли такой суммы, что, при равномѣрномъ ихъ распредѣленіи, крестьянинъ имѣлъ бы возможность прокормить хлѣбомъ свою семью и уплатить подати, и у него осталось бы еще 6 р. 79 коп. на душу для всякихъ другихъ нуждъ. Въ трехъ уѣздахъ эта послѣдняя сумма опускается до 3 р. 20 коп., въ двухъ уѣздахъ—до 2 р. 50 коп. и въ одномъ (корочанскомъ) уѣздѣ средняя крестьянская душа имѣетъ, по разсчету, на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, сверхъ потребности въ хлѣбѣ, 1 р. 15 коп. [1])!

Средній остатокъ—въ 1 р. 15 коп.,—значитъ, цѣлая масса крестьянъ, не достигшихъ средняго уровня, не вырабатываетъ въ теченіе года даже на кусокъ хлѣба. А если принять во вниманіе, что населеніе не распоряжается своими доходами соотвѣтственно кабинетнымъ разсчетамъ, что оно не отлагаетъ въ запасъ—деньгами или натурой—сумму, необходимую для прокормленія семьи въ теченіе цѣлаго года—и не распредѣляетъ оставшіяся у него копѣйки соотвѣтственно степени настоятельности прочихъ его нуждъ; если вспомнить, что крестьянинъ, какъ и всякій другой человѣкъ, тратитъ деньги, по мѣрѣ ихъ полученія, что ему приходится скорѣе продать хлѣбъ, чтобы расплатиться съ кредиторомъ, купить дегтю, керосину, обувь, исправить земледѣльческое орудіе и т. п.,—то мы, кажется, безъ всякихъ обиняковъ можемъ утверждать, что средній корочанскій, напр., крестьянинъ мало того, что не имѣетъ ничего для удовлетворенія своихъ нуждъ, кромѣ прокормленія,—у него не хватаетъ и этого послѣдняго, онъ ходитъ голоднымъ и оборваннымъ, и если пока онъ и не состоитъ еще профессіональнымъ нищимъ, то живетъ все-таки въ нищетѣ, а слѣдовательно всегда можетъ (и вправѣ) надѣть суму (и по временамъ ее надѣваетъ) и просить Христа-ради. При такомъ среднемъ состояніи доходовъ производителя—всякое уклоненіе условій заработка

[1]) Обзоръ податного состоянія курской губерніи за 1899 г.

въ неблагопріятную сторону грозитъ ему нищенствомъ: онъ или долженъ идти тогда побираться, или получать прокормленіе на мѣстѣ, и въ томъ и другомъ случаѣ онъ обреченъ влачить полуголодное существованіе. Неудивительно, поэтому, если голодовки обратились въ постоянное учрежденіе нашего быта, а мѣры обезпеченія продовольствіемъ населенія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ общественныхъ заботъ, съ которымъ, однако, никакъ не умѣютъ справиться. „Передъ этими колоссальными причинами нищеты и нищенства,—говоритъ г. Максимовъ,—какими ничтожными и мелкими должны казаться тѣ „моральныя“ причины отдѣльныхъ лицъ, на которыя съ такимъ усердіемъ пытаются свалить нѣкоторые изслѣдователи всю вину этого соціальнаго зла“ (стр. 32).

Итакъ, нищета массы сельскаго населенія—вотъ что составляетъ главную основу развитія нищенства въ Россіи; а такъ какъ нищета эта ростетъ ежегодно, то расцвѣтъ нищенства въ нашемъ отечествѣ еще впереди. При такомъ взглядѣ на происхожденіе нищенства, изслѣдованіе о его причинахъ сводится къ изслѣдованію причинъ нищеты земледѣльца, а мѣры борьбы съ нищенствомъ естественнымъ образомъ обнимаютъ и мѣры борьбы съ нищетой населенія.

Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваемаго нами труда посмотрѣлъ и на практическую сторону своей задачи изслѣдованія о происхожденіи нищенства и мѣръ борьбы съ нимъ. Мѣры эти, главнымъ образомъ, должны состоять въ борьбѣ съ нищетой. „Еслибы эту задачу вполнѣ разрѣшить, хотя бы только теоретически, тогда бы такъ называемые „проклятые“ вопросы соціальной политики въ значительной мѣрѣ потеряли свою остроту“ (стр. 39). Разрѣшеніе, даже теоретическое, этихъ вопросовъ не можетъ быть, однако, дѣломъ одного лица, и тѣмъ болѣе лица, спеціализировавшагося на вопросѣ о нищенствѣ. Изслѣдованіе причинъ нищенства въ Россіи и указаніе мѣръ борьбы съ послѣднимъ сводится къ общему изслѣдованію экономической эволюціи страны, требующему совмѣстной работы массы лицъ. Практическому дѣятелю въ области борьбы съ нищенствомъ не остается ничего болѣе, какъ, указавъ въ общихъ чертахъ на основныя причины нищенства и вытекающія изъ нихъ мѣры борьбы съ нищетой земледѣльца-производителя,—обратиться, затѣмъ, къ мѣрамъ, „направленнымъ собственно противъ нищенства, т.-е. противъ ближайшихъ, кромѣ нищеты, причинъ, порождающихъ и питающихъ его“ (стр. 83). Въ этомъ отношеніи авторъ особенно внимательно останавливается на мѣрахъ предупредительнаго характера. Такъ, съ нищенствомъ дѣтей, понуждаемыхъ къ прошенію милостыни взрослыми, или выступающихъ на этотъ путь вслѣдствіе условій воспитанія, работы въ ремесленныхъ заведеніяхъ и т. п.,—авторъ предлагаетъ бороться учрежде-

ніемъ обществъ защиты дѣтей съ соотвѣтствующимъ данной цѣли законодательнымъ ограниченіемъ родительской власти. Такъ какъ значительный процентъ нищихъ женщинъ даютъ проституція и злоупотребленіе спиртными напитками, то для уменьшенія нищенства слѣдуетъ бороться съ тѣмъ и другимъ. Число нищихъ быстро увеличивается у насъ во время неурожаевъ; необходима поэтому раціональная постановка продовольственной части. Очень важна также раціональная организація врачебной помощи населенію, „предотвращающей потерю трудоспособности или сокращающей срокъ нетрудоспособности, и тѣмъ самымъ прямо вліяющей на уменьшеніе нищенства“: За этими мѣрами общаго предупредительнаго характера слѣдуютъ собственно мѣры помощи бѣдствующимъ, которыя должны видоизмѣняться соотвѣтственно каждому частному случаю и имѣть задачей также по возможности сдѣлать впавшее въ нищету лицо или семью способною къ трудовой жизни. Въ этихъ случаяхъ большое значеніе имѣютъ учрежденія такъ-называемой трудовой помощи. Помощь впавшимъ въ нищету требуетъ большого числа участвующихъ въ ней лицъ и не можетъ быть организована на бюрократическомъ началѣ. „Въ область правительственной дѣятельности входитъ прежде всего созданіе законодательныхъ нормъ по всѣмъ видамъ помощи... Осуществленіе этихъ видовъ возможно только при посредствѣ общественныхъ учрежденій и организацій... Законодательныя нормы не должны стѣснять узкими рамками общественнаго почина и извѣстной свободы его. Въ нашемъ обществѣ и населеніи такъ мало иниціативы, оно такъ часто встрѣчалось съ узкими для нея предѣлами, что предоставленіе извѣстнаго простора для общественнаго и частнаго почина представляется основнымъ условіемъ для оживленія дѣятельности общества и населенія въ оказаніи различныхъ видовъ помощи“ (стр. 133).

— Врачъ Н. И. Тезяковъ. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Спб 1902.

Несмотря на видимые успѣхи культуры, наша страна и въ XX-мъ вѣкѣ можетъ съ честью еще поддерживать характеристику „бродячей Руси“. Характеристика эта приличествуетъ ей и потому, что періодически совершающіяся передвиженія взадъ и впередъ ея населенія охватываютъ милліоны и, быть можетъ, десятки милліоновъ лицъ; и потому, что, несмотря на многія тысячи верстъ выстроенныхъ рельсовыхъ путей, массы этихъ лицъ вынуждены *брести* на мѣста работы пѣшкомъ, и, наконецъ, потому, что, побуждаемые только нуждою

въ заработкѣ, и не зная, какъ распредѣлилась масса ищущихъ работы по рынкамъ найма, крестьяне безплодно *бродятъ* съ мѣста на мѣсто, вынося холодъ и голодъ и добывая себѣ подчасъ кусокъ хлѣба именемъ Христовымъ. Терминъ „бродячая Русь“ въ особенности примѣнимъ къ той части населенія центральной черноземной полосы, которая ежегодно весною снимается съ мѣста и направляется потокомъ на югъ и востокъ, въ поискахъ за земледѣльческими заработками. Это по истинѣ цѣлый человѣческій потокъ, такъ какъ число лицъ, ищущихъ средствъ существованія въ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ заработкахъ, „по самому скромному разсчету“ опредѣляется г. Тезяковымъ „свыше пяти милліоновъ душъ обоего пола“. Уже одна эта количественная грандіозность явленія, повторяющагося изъ года въ годъ, ростущаго, а не уменьшающагося, дѣлаетъ его однимъ изъ наиболѣе важныхъ фактовъ нашей внутренней жизни. Важность эта, однако, удвоивается, если принять во вниманіе ту общественную роль, какая выполняется этимъ „броженіемъ Руси“. „Вся производительность нашего юга сосредоточена преимущественно на сельскомъ хозяйствѣ. Представляя хлѣбороднѣйшую часть Россіи, способную давать огромное количество хлѣба, южныя и юго-восточныя наши губерніи не могутъ обходиться безъ пришлыхъ рабочихъ“. „Гонимый крайней нуждою, сельско-хозяйственный рабочій людъ, въ поискахъ за заработками дѣлаетъ такимъ образомъ безсознательно государственное дѣло огромной важности, ибо даетъ возможность югу быть житницею Россіи. Если бы по какимъ-либо обстоятельствамъ прекратилось движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югъ, то государству пришлось бы создавать его искусственно и притомъ на льготныхъ и поощрительныхъ началахъ, на каковыхъ и происходило уже заселеніе юга пришлыми колонистами“ (кн. Н. Шаховской, „Отхожіе сельско-хозяйственные промыслы“, цитировано у г. Тезякова, стр. 5).

Несмотря на всю „государственную“ важность періодическихъ передвиженій рабочихъ съ сѣвера на югъ, движенія эти имѣютъ совершенно стихійный характеръ, и государство именно сдѣлало всего менѣе для того, чтобы это движеніе пріобрѣло хотя бы отдаленные признаки сознательности и, такъ сказать, культурности. Движеніе это чрезвычайно безпорядочно,—говоритъ екатеринославская губернская земская управа,—нецѣлесообразно, сопряжено съ громадными потерями крестьянскаго труда и съ чрезвычайными лишеніями въ главнѣйшихъ факторахъ, необходимыхъ для сохраненія человѣческой жизни—пищѣ, питьѣ, кровѣ... Мечущіеся нестройными толпами по степямъ въ поискахъ заработка, пришлые рабочіе обезсиливаются скуднымъ антигигіеничнымъ питаніемъ, томятся жаждой, страдая отъ грязи и край-

ностей непогоды, при несоотвѣтственномъ одѣяніи и отсутствіи крова" (Тезяковъ, стр. 24).

Если рабочіе слѣдуютъ на мѣсто назначенія пѣшкомъ—они, конечно, подвергаются всѣмъ случайностямъ состоянія погоды. Ѣдутъ они по желѣзной дорогѣ—„на станціяхъ, въ ожиданіи „дешевки" имъ приходится простаивать безконечное время; при этомъ ихъ не пускаютъ въ помѣщеніе III класса, а помѣщеній для IV класса нѣтъ". Пришла, наконецъ, давно ожидаемая „дешевка", и рабочіе попали въ вагоны! Но „безцеремонность, съ которою обращаются съ „живымъ грузомъ", не имѣетъ границъ,—пишетъ Е. Варбъ.—Ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, грузятъ въ товарные вагоны, лишенные всякихъ приспособленій для пребыванія людей... Въ вагонѣ IV класса видимъ какую-то неопредѣленную кучу котомокъ и платья, валяющихся другъ на другѣ рабочихъ и объѣдковъ всякаго рода". Ѣхать на пароходѣ—гдѣ отсутствуетъ всякая регламентація нагрузки—еще хуже. „Верхняя палуба, крыша вокругъ трубы, кожухи надъ колесами—все это унизано живымъ грузомъ. На каждой пристани прибываютъ, однако, новыя толпы. Повидимому, и безъ того негдѣ упасть яблоку, а пассажиры все входятъ и входятъ и какъ-то таинственно умѣщаются. Наконецъ, и лежать становится невозможно, и валяющихся на полу матросы усердно поднимаютъ пинками. Теперь вся масса истомленнаго, полуголоднаго и холоднаго люда буквально сидитъ человѣкъ на человѣкѣ"...

Вотъ, наконецъ, рабочіе добрались до перваго рынка найма, но „попадаютъ въ крайне неблагопріятныя условія. По своимъ анти-санитарнымъ условіямъ одинъ рабочій рынокъ поразительно похожъ на другой—будетъ ли то селеніе херсонской или самарской губ.". Вотъ, напр., с. Ровное, главный рабочій рынокъ новоузенскаго уѣзда. „Это богатое село характерно обиліемъ мусора, тряпья, мочалы, перьевъ, всякихъ отбросовъ хозяйства и проч., и улицы его — настоящее свалочное мѣсто. Пришлый людъ тысячами располагается подъ открытымъ небомъ, на кучахъ навоза, такъ какъ базарная площадь—мѣсторасположеніе рабочихъ — очищается только вѣтромъ". Въ Донской области, въ Александровскѣ, при маломъ скопленіи рабочихъ, они днемъ „слоняются по улицамъ, а ночью ютятся подъ навѣсами лавокъ, амбаровъ и другихъ построекъ. Прибывшимъ тоже приходится располагаться прямо на голой землѣ, несмотря на грязь въ случаѣ дождя". Такъ приготовляются хозяева къ пріему ежегодно ожидаемыхъ гостей, этихъ—по выраженію екатеринославской губернской земской управы—„истинныхъ созидателей хлѣбныхъ и иныхъ богатствъ юга"! Равнодушіе „государства" къ участи милліоновъ лицъ, выполняющихъ важное „государственное" дѣло, краснорѣчиво доказывается тѣмъ, что полиція не позаботится даже распорядиться очистить отъ грязи пло-

щади, служащія „помѣщеніемъ“ для рабочихъ. Не менѣе безучастны къ судьбѣ рабочаго степные хозяева, эксплоатирующіе ихъ трудъ,—хотя бы тѣ же обитатели богатаго села Ровнаго, отводящіе для рабочихъ заваленныя навозомъ площади и не выстроившіе даже навѣса для защиты ихъ отъ дождя. Немного стало дѣлать для рабочихъ въ послѣднее время земство, подъ напоромъ, съ одной стороны, того посторонняго (служащаго) элемента въ земствѣ, на которое такъ ополчились въ послѣднее время антагонисты живого земскаго дѣла; съ другой—тѣхъ чрезвычайныхъ бѣдствій—война, гладъ, моръ,—которыя не одинъ уже разъ служили воздаяніемъ за наши историческія прегрѣшенія, хотя и не всегда направленнымъ по адресу настоящихъ виновниковъ. Иниціатива осуществленія соотвѣтствующихъ мѣръ съ матеріальной стороны принадлежитъ, впрочемъ, не земству, а обществу Краснаго Креста. Еще двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, врачи херсонскаго земства подняли вопросъ о санитарномъ надзорѣ за пришлыми рабочими, главнымъ образомъ, въ видахъ предупрежденіи распространенія въ губерніи сифилиса; черезъ два года тотъ же вопросъ составлялъ предметъ обсужденія IV-го губернскаго съѣзда земскихъ врачей этой губерніи, а будучи оставленъ безъ практическихъ послѣдствій, поднятъ былъ вновь въ 1888 г., на XI-мъ съѣздѣ земскихъ врачей. Послѣ того, въ теченіе трехъ лѣтъ, санитарными врачами производились предварительныя изслѣдованія о положеніи и вліяніи пришлыхъ рабочихъ, а съѣзду врачей 1891 г. приготовленъ былъ докладъ о желательныхъ мѣропріятіяхъ по санитарному надзору за рабочими и помощи имъ, основанный на этихъ изслѣдованіяхъ. Вопросъ этотъ, однако, не допущенъ былъ медицинскимъ департаментомъ къ обсужденію на съѣздѣ, а, за недостаткомъ времени, не былъ разсмотрѣнъ и на очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи. Казалось бы, что практическое разрѣшеніе вопроса отлагается опять въ долгій ящикъ. Но тутъ подоспѣлъ „гладъ и моръ“, и идеи „посторонняго элемента“ получили неожиданную поддержку.

„Недородъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, сопровождаемый массовыми эпидеміями сыпного тифа, выдвинулъ въ 1892 г. вопросъ объ организаціи надзора за рабочими, прибывающими изъ сѣверныхъ губерній для найма въ херсонскую губ. и могущими занести сюда сыпной тифъ“. По предложенію земскаго врача г. Тезякова (автора разсматриваемаго нами труда), елизаветградскій комитетъ Краснаго Креста открылъ дешевую столовую и временную амбулаторію для пришлыхъ рабочихъ въ г. Елизаветградѣ и далъ средства губернскому земству на открытіе подобныхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Учрежденія эти были открыты на время весны, а затѣмъ прекратили свое существованіе. „Несмотря на блестящій успѣхъ первыхъ начи-

наній—кто знаетъ, какова была бы дальнѣйшая судьба столь насущнаго дѣла, если бы ему не помогло новое бѣдствіе въ видѣ неожиданно появившейся грозной холерной эпидеміи. Херсонское совѣщаніе врачей и предсѣдателей управъ по предмету борьбы съ надвигавшеюся холерой не могло обойти молчаніемъ вопроса о значеніи въ разносѣ эпидеміи передвигающихся рабочихъ массъ. Получивъ опять помощь Краснаго Креста, губернское земство устроило въ 1893 г. четырнадцать пунктовъ съ дешевыми столовыми и безплатной медицинской помощью для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, а съ слѣдующаго года сдѣлала эту организацію постояннымъ своимъ учрежденіемъ.

За херсонской губерніей, врачебно-продовольственные пункты стали открываться въ другихъ мѣстностяхъ. Вторымъ послѣдовало по этому пути самарское земство, гдѣ разрѣшеніе вопроса было ускорено ожидавшеюся въ 1898 г. чумою. Въ 1899 г., благодаря неурожаю, открыты были на средства Краснаго Креста врачебно-продовольственные пункты въ симбирской губ.; тогда же возникли они на земскія средства въ екатеринославской, затѣмъ въ нижегородской губ. Въ общемъ, въ настоящее время весною открывается отъ 40 до 50 врачебно-продовольственныхъ пунктовъ. Это, конечно, капля въ морѣ нужды въ этихъ учрежденіяхъ и на описанныя организаціи нельзя смотрѣть иначе, какъ на опытъ, имѣющій задачею выработать основанія для всеобщаго ихъ распространенія. Опытъ слѣдуетъ считать удачнымъ и въ смыслѣ выясненія нѣкоторыхъ важныхъ особенностей сельско-хозяйственнаго обихода, и въ смыслѣ довѣрія, пріобрѣтеннаго пунктами среди рабочаго люда, и въ отношеніи выясненія началъ, которыя должны быть положены въ основаніе организаціи. Теперь слѣдуетъ только ожидать повсемѣстнаго распространенія этого учрежденія, причемъ имѣются нѣкоторыя основанія полагать, что кромѣ прокормленія, леченія и регистраціи рабочихъ, при этихъ пунктахъ можно учредить и справочное бюро труда. Къ сожалѣнію, энергія херсонскаго земства, повидимому, начинаетъ ослабѣвать, и такъ какъ въ 1894—98 г.г. въ херсонской губ. дѣйствовало отъ 16 до 18 пунктовъ, въ 1899 г. ихъ было открыто всего 12, а въ 1900 г.—даже 11.

Приведенныя выше данныя взяты нами изъ выставленнаго въ заголовкѣ замѣтки труда д-ра Тезякова, одного изъ лицъ, участвовавшихъ въ первоначальной организаціи дѣла и занимающагося даннымъ вопросомъ вплоть до настоящаго момента. Кромѣ общей части, заключающей характеристику сельско-хозяйственнаго отхода вообще и исторію мѣропріятія по нѣкоторому упорядоченію санитарнаго состоянія рабочихъ на рынкахъ найма,—книжка г. Тезякова содержитъ описаніе дѣятельности отдѣльныхъ врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, собранныхъ ими данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ заключеній

относительно различныхъ сторонъ этого явленія, а потому этотъ трудъ не можетъ не представлять живого интереса для всякаго, интересующагося положеніемъ рабочаго люда въ Россіи.—В. В.

Въ теченіе апрѣля, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авентино.—По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Съ 5 фотограф. снимками. М. 902. Ц. 30 к.

Азбелевъ, Н. П.—Единство въ устройствѣ вселенной. Общедоступныя лекціи. Спб. 902. Ц. 3 р.

Андерсонъ, Ѳ. К.—Переводъ съ нѣмецкаго: Народныя сказки, собранныя братьями Гриммами. Съ 140 иллюстрац. Спб. 901. Ц. въ перепл. 1 р. 15 к.

Андреевъ, Леонидъ.—Разсказы Т. I. Изд. 2-е. 9-ая тысяча. Спб. 902. Ц. 1 р.

Андрусовъ, Н.—Матеріалы къ познанію прикаспійскаго неогена. Акчагыльскіе пласты. Съ 5 табл. и 1 картой. Спб. 902. Ц. 2 р. 70 к.

Аптекманъ, І. В.—Алкоголизмъ и борьба съ нимъ на западѣ. Рѣчь въ засѣданіи общ. врачей въ Симбирскѣ. Симб. 902.

Арнольдъ, В. Ф.—Общія черты агрономической техники и сельско-хозяйственной экономики крестьянскихъ хозяйствъ Херсонскаго уѣзда. Херс. 902.

Баженовъ, К. К.—Болѣзнь и смерть Гоголя. М. 902.

Березинъ, Н.—Въ когтяхъ Халифа. Разсказы плѣнныхъ европейцевъ о царствѣ Махди, съ иллюстр. Спб. 901. Ц. 50 к.

——— Приключеніе въ пустынѣ. Эпизодъ изъ путешествія Свенъ-Хедина по Средней Азіи. Съ 13 рис. и картой. Спб. 901.

——— Три мѣсяца среди людоѣдовъ Суматры. Съ нѣм. Спб. 901. Ц. 60 к.

Бехли, Д. Ю.—Мѣропріятія нижегородскаго губернскаго земства по воспособленію кустарной промышленности. 1895—1902 г. Спб. 902.

Божеряновъ, И. Н.—„Невскій проспектъ". 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX. Т. I, вып. 2-й. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Спб. 902. Подписн. цѣна на всѣ 5 вып.—15 р., съ перес. 18 руб.

Будищевъ, А. Н.—Разсказы. Спб. 902. Ц. 50 к.

Буксгевденъ, бар.—А. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. I. Пекинскій договоръ 1860 г. Портъ-Артуръ. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Бунинъ, Ив.—Разсказы. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р.

Бутенева, О. Н.—Разсказы о звѣряхъ. Съ англ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Бѣлявскій, Н. Н.—Школьныя сберегательныя кассы. Юрьевъ. 902. Ц. 30 к.

Бѣлый, Андрей.—Симфонія (2-я, драматическая). Книгоиздательство „Скорпіонъ". М. 902. Ц. 1 р.

Василенко, В. И.—Очерки кустарныхъ промысловъ Полтавской губерніи. Вып. I. Пряденіе и ткачество въ Зѣньковскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Полт. 900.

Герзуни, д-ръ Робертъ.—Врачи и больные. Практическіе совѣты тѣмъ и другимъ. Съ нѣм. перев. Д. Михайловскій, п. р. К. Снурховскаго. М. 902. Цѣна 60 к.

Гоголь, Н. В.—Сочиненія. Полное собраніе въ одномъ томѣ, съ біографи-

ческимъ очеркомъ, составл. В. И. Яковенко, портретомъ автора и матери его, 4 фотографіями и 180 иллюстраціями художниковъ Н. Зубчанинова и Н. В. Пирогова. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 2. Спб. 902. Изд. Ф. Павленкова.

Головачевъ, П.—Сибирь, Природа, Люди и Жизнь. 66 рис., 2 карты. М. 902. Ц. 1 р.

Гурко, В.—Устои народнаго хозяйства Россіи. Аграрно-экономическіе этюды. Спб. 902. Ц. 1 р. 40 к.

Дебольскій, В. Н.—Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. II. Спб. 902.

Дорофеевъ, Георгій.—Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Способы и пріемы творчества. Идеалы творчества. Гоголь, какъ юмористъ. Причины упадка его таланта. Значеніе Гоголя. Тифл. 902. Ц. 60 к.

Дьдловъ, В. Л.—Школьныя воспоминанія. Къ исторіи нашего воспитанія. Нѣмецкая школа.—Русская школа.—Какъ мы созрѣвали. Спб. 902. Ц. 1 р.

Дювернуа, Н. Л.—Чтенія по гражданскому праву. Т. I: Введеніе и Часть общая (вып. 2-й: Лица, Вещи). 4-ое изд. Спб. 902. Ц. 2 р. 60 к.

Завитневичъ, В. З.—Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Т. I. Кн. 1-я: Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность Хомякова. Кн. 2-я: Труды Хомякова въ области философіи. Спб. 902. Ц. каждаго тома—3 рубля.

Захарьинъ (Якунинъ).—Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Зварницкій, Д. И.—Какъ побѣждали запорожцы мусульманъ. Спб. 902.

Зиминъ, Н. П.—Къ вопросу объ устройствѣ городскихъ противопожарныхъ водопроводовъ. М. 902.

——— Новыя направленія въ дѣлѣ очищенія большихъ количествъ воды для городскихъ водоснабженій. М. 902. Ц. 30 к.

Змигродскій, I. I.—Памяти В. А. Жуковскаго. По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины В. А. Ж. 1852. 12/IV. 1902. Юрьевъ. 902.

Иноземцева, Анна.—Внѣ почвы. Др. въ 5 д. Н.-Новг., 902. Ц. 50 к.

Катуракинъ.—Въ Америку. Ком. въ 3 д. Съ литов. перев. А. К. Мацѣевскій. Вильна. 902. Ц. 25 к.

Качереци, Г.—Чеховъ. Опытъ. М. 902. Ц. 50 к.

Кечечеджи-Шаповаловъ. М. В. Женское движеніе въ Россіи и заграницей. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Ковальскій, К. А.—Вечернія пѣсни. Разсказы, очерки и наброски. Серіи: Пастели—Зимніе мелодіи—Тернистыя стези—Ищутъ—Изъ воспоминаній о жизни въ Закавказьѣ. М. 902. Ц. 1 р.

Козьминъ, Н. Н.—Аѳанасій Прокопьевичъ Щаповъ, его жизнь и дѣятельность. По поводу 25-лѣтія со дня смерти. Ирк. 902.

Кольченко, I.—Волки и овцы. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

Котляревскій, С. А.—Францисканскій орденъ и римская курія въ XIII и XIV вѣкахъ. М. 901. Ц. 2 р.

Кротковъ, А., ген.-м.—Морской кадетскій корпусъ. Краткій историческій очеркъ съ иллюстраціями. Спб. 901. (Съ портретами и иллюстраціями).

Крымскый, А. Е.—Изъ Повистокъ и Эскезовъ. Кынвъ. 902. Ц. 60 к.

Купчинскій, Ф. П.—Сочиненія. Въ 2 ч. I. Стихотворенія. II. Проза. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Лебедевъ, Н.—Роль коралловъ въ девонскихъ отложеніяхъ Россіи. Съ 5 табл. Спб. 902.

Лекки, Вильямъ.—Планъ жизни: характеръ и поведеніе. Съ англ. Л. Локіеръ. Спб. 902. Ц. 1 р. 35 к.

Лесевичъ, В. В.—Буддійскія легенды и ихъ соотношеніе съ буддійскими догматами. Въ пользу бѣднѣйшихъ дѣтей женской профессіональной школы, учрежденной М. И. Глазеръ. Од. Ц. 25 к.

Липпсъ, Т., проф. Мюнх. унив.—Основы логики. Съ нѣм. Н. О. Лосскій, пр.-д. спб. унив. Спб. 902. Ц. 1 р.

Лисенко, С. И.—Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. Вып. II. Роменскій уѣздъ. Од. 900.

Литке, А.—Альбомъ монограммъ для мѣтки бѣлья, гравированія, рѣзьбы, штампованія, выпиливанія, отливки, чеканки и проч. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Львовъ, Т. Н.—Дѣвчонки умнѣе стариковъ. Драма въ 3 д. М. 902. Ц. 60 к.

——— Народныя школы. Вып. 2-й: Первое знакомство съ географіей Россіи. Для воскресныхъ и начальныхъ школъ. Съ 54-ми рис., 12 карт. въ текстѣ и 1 на отдѣльномъ листѣ. М. 902. Ц. 1 р.

Максимейко, Н. А.—Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи. 1569 г. Харьк. 902.

Мачтетъ, І. А.—Послѣдніе разсказы и письма изъ Гонолулу. Житом., 902. Ц. 40 к.

Метерлинкъ, Морисъ.—Жизнь пчелъ. Съ франц., п. р. Н. К. Невзорова. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Мигулинъ, П. П.—Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ (1893—1902). Харьк. 902. Цѣна настоящей книги 2 руб. Для студент. Харьк. университета, у автора, 1 р.

——— Русскій государственный кредитъ (1769—1899). Т. III: Министерство С. Ю. Витте и значеніе будущаго. Вып. 2-й: Реформа денежн. обращенія 1896—1898 г. и связанныхъ съ нею кредитныхъ операцій. Харьк. 902. Ц. вып. 1 руб. 50 коп.

Мижуевъ, П. Г.—Школа и общество въ Америкѣ. Спб. 902. Ц. 75 к.

Миницовъ, С. Р.—Кладъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. Ц. 60 к.

Москвичъ, Григорій.—Иллюстрированный практическій руководитель по Крыму, съ приложеніемъ: алфавита, русско-татарскаго словаря (крымское нарѣчіе), 8 картъ Крыма, плановъ: Алупки, Севастополя, Симферополя, Ялты и Ѳеодосіи, росписанія рейсовъ пароходовъ и проч. Изд. 11-ое. Ц. 1 р. въ перепл. Од. 902.

Немировичъ-Данченко, В. И. Облетѣвшіе листья: 1. Мальчикъ простилъ. 2. Герой. 3. Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... 4. Такъ обыкновенно. 5. Кольцо. 6. Старый замокъ. 7. Разсказы о „бодрыхъ людяхъ“. 8. Телушка. 9. Сирокко. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Никитинъ, В. Н. проф.—Очерки частной терапіи болѣзней внутреннихъ органовъ. Спб. 901.

Новиковъ, Александръ.—Записки о Сельской школѣ. Спб. 902. Ц. 1 р. (автора „Записокъ земскаго начальника“).

Образцовъ, А.—Школьная реформа. Извѣстія, разсужденія и замѣтки по вопросамъ общаго образованія. Спб. 902. Ц. 20 к.

Оссовскій, С. А.—Стихотворенія: „На досугѣ“. Владикавказъ. 901. Ц. 50 к.

Плетневъ, Алексѣй.—Типы и картинки парижской жизни. Спб. 902. Ц. 1 р.

П—маевъ, Д.—Маргарита (св. Пелагія). Изъ поэмы „Жаждущіе Бога“. М. 902.

Покровская, М. И., ж.-врачъ.—Женщины и дѣти. Спб. 902. Ц. 30 к.

Порфировъ, П. Ф.—Лирическія стихотворенія Квинта Горація Флакка. Изд. 2-ое. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Ребиндеръ, В.—Фауна и возрастъ мѣловыхъ песчаниковъ окрестностей озера Баскунчакъ. Спб. 902. (Fauna und Alter der Cretaceischen Sandsteine in der Umgebung des Salzsees Baskuntschak. Inaugural Dissertation einer Philosoph. Facultät der Universität in Freiburg i. Br. zur Erlangung der Doctorwürde vorgelegt von Boris v. Rehbinder. St.-P. 902.

Рождественъ, А.—Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Каз. 902. Ц. 30 к.

Розенгеймъ, М. П.—Стихотворенія. Изд. 6-ое, дополн. (23-ье посмертное), съ портретомъ и біографич. очеркомъ, въ 2-хъ ч. Одобрен. Учен. Ком. мин. н. просвѣщ. для библіот. средн. учебн. заведеній. Спб. 902. Ц. 3 р.

Руданьскій, Степанъ.—Творы. Т. I. Кыивъ. 902. Ц. 50 к.

Рѣдинъ, Е. К.—О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ „Шестоднева“ Іоанна, экзарха болгарскаго. М. 900.

Сандарсъ, Ф.—Устройство водоснабженія С.-Петербурга ключевою водою. Спб. 902.

Скиталецъ.—Разсказы. Пѣсни. Т. I. Сквозь строй.—Композиторъ.—Спѣвка.—Любовь декоратора.—Ранняя обѣдня.—Газетный листъ.—Октава.—За тюремной стѣной. 2-я тысяча. Спб. 902. Ц. 1 р.

„Скорпіонъ“, книгоиздательство.—Сѣверные цвѣты на 1902 г. М. 902. Цѣна 2 руб.

Спасовичъ, В. Д.—Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 не-земскихъ губерній. Спб. 902.

Тарановскій, Ѳ. В.—Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка. Варш. 902. Ц. 25 к.

Тарасовъ, А. Т.—Очеркъ политической экономіи. М. 902. Ц. 1 р.

Тимирязевъ, К. А., проф.—Столѣтніе итоги физіологіи растеній. Рѣчь на актѣ москов. унив. 12 янв. 901 г. М. 901. Ц. 20 к.

Топоровскій, Б. И.—Опытъ характеристики Макса Нордау. Екатеринославъ. 902. Ц. 10 к.

Тураевъ, Б.—Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Спб. 902.

Фругъ, С. Д.—Сіониды и другія стихотворенія 1897—1902. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Хоткевичъ, Гнайтъ (Галайда).—Поэзія въ прозѣ (Збирныкъ). Харьк. 902. Ц. 75 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II, вып. 15 и 16: 1877—1884. Спб. 902. Ц. по 40 к. вып.

Черниховскій, М.—Ченэца. Разсказъ изъ русско-манчжурскаго быта. Портъ-Артуръ, 902. Ц. 50 к.

Чеховъ, Антонъ.—Островъ Сахалинъ. Изъ путевыхъ записокъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к. (Сочиненія А. Ч., т. X).

Шереметевъ, гр. Павелъ.—Зимняя поѣздка въ Бѣловерскій край. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Курсы гражданскаго права. Т. I: Введеніе. Вып. 2. Каз. 902. Ц. 2 р.

Шмидтъ, О. Э.—Павловскій столярный районъ Горбатовскаго уѣзда, нижегородской губ. Сравнит. итоги статистическихъ изслѣдованій. 1889 и 1901 гг. Вып. 1. Н.-Новг. 902.

Шнитцлеръ, Артуръ.—Часы жизни: Четыре одноактныхъ пьесы. Съ нѣм. О. Н. Поповой. Спб. 902. Ц. 1 р.

Шуфъ (Борей), Влад.—Гибель Шемахи (Сальфа). Поэма. Съ рис. художн. И. А. Владимірова. Въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ г. Шемахѣ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Щегловитовъ, С. Д.—Городовое Положеніе, съ законодательными мотивами, разъясненіями и дополнительными узаконеніями. Изд. 2-е, дополнен., исправлен. и переработанное. Спб. 902. Ц. 4 р. 50 к.

Ярмонкинъ, В.—Письма идеалиста. Письмо 2-е. Вторая серія. Спб. 902.

Яцимирскій, А. И.—Сказочное Сокровище забытаго уголка. Собраніе румынскихъ сказокъ и легендъ. Со множествомъ рисунковъ и фотографіей переводчика. М. 902. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

Энгельгардтъ, А. П.—Черноземная Россія. Очеркъ экономическаго положенія края. Сарат. 902. Ц. 2 р.

Энгельгардтъ, М. А.—Лѣса и климатъ. Разборъ легенды о вредномъ вліяніи лѣсоистребленія. Спб. 902. Ц. 40 к.

Eichhorn, Carl.—Die Geschichte der „St.-Petersburger Zeitung". 1727—1902. Zum Tage der Feier des 175-jährigen Bestehens der Zeitung, d. 3 Jan. 1902. Спб. 902.

Kircheisen, F.—Bibliographie Napoléons. Berl. 902. 5 Mrk.

Subert, Fr. Ad.—Moje wzpominky. W Praze. 902.

— Записки Историко-Филологическаго Факультета Имп. Спб. Университета. Ч. LXV. Вып. 1. Спб. 902.

— Изданіе Товарищества „Знаніе": 1) Эсхилъ, „Скованный Прометей"; съ портрет. Эсхила. Ц. 30 к. 2) Эвриппдъ, „Ипполитъ", съ портрет. автора. Ц. 40 к. 3) Его же, „Медея", съ портр. автора. Ц. 40 к. 4) Софоклъ, „Эдипъ въ Колонѣ", съ портр. автора. Ц. 40 к. 5) Его же, „Эдипъ-царь, съ портрет. автора. Ц. 40 к. 6) Его же, „Антигона", съ портр. автора. Ц. 40 к. Съ греческ. перев. Д. С. Мережковскаго, въ стихахъ.

— Кустари и ремесленники Полтавской губерніи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898—900 гг. Полт. 901.

— Литературное дѣло. Сборникъ. Спб. 902. Ц. 2 р. 25 к.

— Миссіонерскій календарь на 1902 г. Спб. 1902.

— Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію, подъ редакціей В. В. Битнера: 1) Доисторическій человѣкъ. Съ 80 рис., 6 карт., 2 хромолитограф. таблицами. Спб. 902. Ц. 1 р. 2) Мозгъ какъ органъ мышленія. Съ 18 рис. и 6 таб. Спб. 902. Ц. 50 к.

— Научно-популярная Библіотека для народа: № 1. Земля, съ 14 рис., ц. 14 к.—№ 2. Небо и звѣзды, съ 34 рис., ц. 14 к.—№ 3. Громъ и молнія, съ 24 рис., ц. 12 к.—№ 4. Жизнь въ каплѣ воды, съ 14 рис., ц. 8 к.—№ 5. Невидимые друзья и враги людей, съ 28 рис., ц. 16 к.—№ 11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ, съ 33 рис., ц. 16 к.—№ 30. Законъ жизни среди животныхъ и растеній, съ 50 рис., ц. 24 к.—№ 33. Исторія земли, съ 62 рис. ц. 28 к.—№ 34. Каменный уголь, съ 39 рис., ц. 20 к.—В. Лункевича. Спб. 902.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1900 г. Спб. 902.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1891 г. М. 902.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ училищъ въ Нижнемъ-Новгородѣ за 1901 годъ. Н.-Новг., 902.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Тт. 109, 110, 111 и 113, въ двухъ частяхъ. Спб. 902. Ц. по 3 рубля за каждый томъ.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. XI. Изд. п. р. Н. Дубровина. Спб. 1901.

— Сельскій Трудъ. № 1: А. Люстъ, Клеверъ и Тимофеевка, ц. 5 к.—№ 2. Ив. Поповъ, Выборъ молочной коровы, кормленіе и уходъ за нею, ц. 4 к.—№ 3. С. Дремцовъ, Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ, ц. 8 к.—№ 4. А. Ячевскій, Грибныя болѣзни хлѣбовъ, картофеля, капусты и яблони, ц. 8 к. Спб. 902. Изданіе Спб. Собранія сельскихъ хозяевъ.

— Сіонистская Библіотека:—№ 13. Рѣчь д-ра Герцля на 5-мъ конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ, ц. 3 коп.—№ 14. Рѣчь Макса Нордау на 5-мъ конгр. сіонист. въ Базелѣ, ц. 5 к.—№ 17. Пятый всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Харьк. 902. Ц. 25 к.

— Переселенія изъ Полтавской губерніи, съ 1861 г. по іюль 1900 года. Полт. 1900.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Hermann Bahr. Der Apostel. München 1902. Стр. 232.

Германъ Баръ—талантливый австрійскій писатель, очень разносторонній въ своемъ творчествѣ. Хорошо извѣстны его умные, блестящіе критическіе очерки: книга „Zur Kritik der Modernen“ и сборники статей о современномъ театрѣ. Пишетъ онъ также повѣсти, но въ послѣдніе годы больше всего работаетъ для театра. Его драмы и комедіи не отличаются большой оригинальностью замысловъ, и представляютъ скорѣе отголоски того, надъ чѣмъ задумываются первостепенные современные драматурги. Баръ умѣетъ довольно искусно иллюстрировать ходячія идеи и давать яркія характеристики общественныхъ нравовъ. Описаніямъ среды въ его произведеніяхъ отведено очень большое мѣсто, и этимъ главнымъ образомъ опредѣляется его успѣхъ. Онъ всесторонне изучилъ современное австрійское общество и представляетъ его на сценѣ въ разнообразныхъ живыхъ типахъ, рисуетъ свѣтскіе нравы, жизнь богатыхъ помѣщиковъ, народные типы и политическую среду. Въ пьесахъ Бара бытовая сторона часто перерастаетъ дѣйствіе и отвлекаетъ вниманіе отъ идеи пьесы, — но это служитъ отчасти на пользу автору, такъ какъ въ идейныхъ замыслахъ его нѣтъ ни глубины, ни самобытности, а въ бытописаніе онъ вноситъ много юмора и большую колоритность.

Съ легкой руки Ибсена, въ современной драматической литературѣ часто затрогивается вопросъ объ отношеніяхъ отдѣльной сильной личности къ обществу, о томъ, можетъ ли человѣкъ съ идеальными стремленіями оказаться побѣдителемъ, соприкасаясь съ эгоизмомъ и пошлостью окружающей его среды. Германъ Баръ написалъ на эту тему уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ драму „Атлетъ“. Тамъ вопросъ о человѣкѣ, идущемъ противъ общества, разрѣшается въ области личныхъ отношеній. „Атлетъ“ у Бара не признаетъ принциповъ традиціонной морали. Онъ вѣритъ въ свою силу, и думаетъ, что можетъ разбить неправящіяся ему рамки общественной жизни, передѣлать всѣхъ людей и перестроить жизнь по-своему. Въ своемъ помѣстьѣ онъ устроиваетъ школу на совершенно новыхъ началахъ и ведетъ упрямую оппозицію противъ мѣстныхъ властей. Затѣмъ ему готовится

испытаніе его нравственной силы на дѣлѣ, касающемся его личной психологіи. Онъ узнаетъ объ измѣнѣ своей жены. Его первый порывъ —дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ всѣ въ подобномъ случаѣ— отмстить за измѣну и во всякомъ случаѣ разойтись съ обманувшей его женой. Но когда онъ видитъ, что въ этомъ намѣреніи его поддерживаетъ братъ, съ которымъ онъ всегда велъ ожесточенную борьбу, когда онъ слышитъ пошлыя слова о „гнусномъ преступленіи“ жены,—въ немъ пробуждается мятежникъ, не признающій сужденій свѣта; онъ понимаетъ, что поступокъ жены, имѣющій навѣрное свое психологическое объясненіе, не можетъ служить осужденіемъ женщинѣ, съ которой его связывала долголѣтняя любовь,—онъ понимаетъ, что человѣкъ человѣку не судья, и разрѣшаетъ свою семейную драму не такъ, какъ этого требуютъ отъ него братъ и общественное мнѣніе. Онъ примиряется съ женой на томъ, что у нихъ есть общее дѣло— основанная ими школа, и что они должны идти рука объ руку, не судя другъ друга. Сильный и свободный человѣкъ — атлетъ—оказывается побѣдителемъ даже тогда, когда для торжества высшей свободы требуется побѣда надъ своей собственной душой.

Къ вопросу объ отношеніяхъ человѣка съ идеальными стремленіями къ обществу Германъ Баръ возвращается въ своей новѣйшей драмѣ „Апостолъ“. Она была поставлена въ Вѣнѣ съ огромнымъ успѣхомъ, но успѣхъ этотъ объясняется не столько внутреннимъ содержаніемъ, какъ опять-таки бытовой стороной пьесы. Баръ представилъ на сценѣ бурное засѣданіе австрійскаго парламента, и его описаніе закулисной стороны политической жизни заинтересовали публику, какъ очень мѣткая сатира на современное положеніе вещей. Драма написана бравурно, смѣло и колоритно, и должна была имѣть успѣхъ на сценѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней говорится много „горькихъ истинъ“ объ эгоизмѣ и корыстности политическихъ дѣятелей, о развращающемъ вліяніи партійной политики и т. д.,—все это должно звучать со сцены чрезвычайно эффектно и зажигательно. Но если вникнуть въ идейное содержаніе драмы, окажется, что въ немъ много навѣяннаго, а кромѣ того, много наивно-сентиментальнаго. Все-же драма Бара представляетъ несомнѣнный интересъ уже потому, что вмѣсто банальной любовной интриги въ ней задѣты болѣе серьезные вопросы о смыслѣ общественной дѣятельности, о томъ, какъ долженъ поступать человѣкъ, истинно желающій, чтобы восторжествовало добро.

По первому впечатлѣнію драма Бара кажется повтореніемъ „Доктора Штокмана“ Ибсена. Основное положеніе то же самое: человѣкъ съ идеальными стремленіями представленъ въ единоборствѣ съ толпой, которая роковымъ образомъ должна осилить его, потому что въ его рукахъ одно только слабое орудіе, безусловная правдивость и искрен-

ность, въ то время какъ многочисленные враги его дѣйствуютъ посредствомъ интригъ, клеветы и всего арсенала неправыхъ средствъ. Конечный выводъ Бара — приблизительно такой же, какъ у Ибсена: изъ союза съ толпой не можетъ выйти блага; нужно идти одинокими путями, и ужъ если любить людей, то вникать въ душу каждаго отдѣльнаго человѣка и помогать ему, насколько хватитъ силъ. Общественная дѣятельность, а въ частности политика, представлена Баромъ, какъ и Ибсеномъ, въ очень пессимистическомъ освѣщеніи. Побѣдителями въ ней оказываются люди съ корыстными побужденіями; „апостолы“ праваго дѣла должны погибнуть уже потому, что въ своемъ ослѣпленіи они не принимаютъ въ разсчетъ мелкихъ страстей толпы, на которую хотятъ вліять. Но „Апостолъ“ Бара въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Штокмана—въ немъ нѣтъ той простодушной наивности, которая у Ибсеновскаго героя граничитъ съ глупостью. Герой Бара—перевоплощенный Штокманъ: онъ уже не близорукій ученый, живущій въ маленькомъ городѣ, донкихотствующій въ мелкой буржуазной средѣ и наивно вѣрящій, что всякій, какъ и онъ самъ, думаетъ только объ общемъ благѣ, не считаясь съ личной выгодой. Онъ—вліятельный политическій дѣятель, австрійскій министръ, стоящій во главѣ оппозиціи и имѣющій за собой большинство въ палатѣ. Онъ искушенъ въ политической борьбѣ, отлично понимаетъ всѣ мелкіе корыстные интересы противниковъ, и ведетъ борьбу не въ слѣпую, какъ Штокманъ, а съ открытыми на зло глазами. Но онъ тоже, какъ и Штокманъ, апостолъ правды, и поэтому оказывается столь же близорукимъ, какъ и норвежскій донъ-Кихотъ. Онъ понимаетъ корыстность своихъ противниковъ, но твердо вѣритъ въ торжество истины, вѣритъ въ воспитательное значеніе добра и увѣренъ въ своихъ союзникахъ; отъ членовъ своей партіи онъ требуетъ безусловной преданности дѣлу, полнаго отреченія отъ личныхъ выгодъ, и въ выборѣ средствъ для политической борьбы не терпитъ никакихъ компромиссовъ. Въ правомъ дѣлѣ нужно дѣйствовать только правыми средствами—это основной принципъ его политики, и онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ услуги всѣхъ, кто предлагаетъ ему тайно агитировать противъ его враговъ, или же устранять ихъ неблаговидными средствами. Онъ вѣритъ въ правоту своего дѣла, и надѣется побѣдить въ честной, открытой борьбѣ. Но тутъ-то и ждетъ его разочарованіе и пораженіе. Въ его собственной партіи начинаются смуты. Онъ окруженъ вовсе не такими безкорыстными людьми, какъ ему кажется. Всѣ его союзники помогали ему въ борьбѣ, но когда торжество наступило, когда онъ сталъ министромъ, всѣ требуютъ награды, выгодныхъ мѣстъ, и ропщутъ на то, что онъ мало заботится о нихъ. Но министръ непреклоненъ. Онъ очень рѣзко отказываетъ всѣмъ такого рода просителямъ, и при всей своей мягкости

и сердечности становится крайне суровымъ, когда отъ него требуютъ награды за служеніе его дѣлу. Друзья совѣтуютъ ему въ интересахъ самаго дѣла быть болѣе уступчивымъ и не создавать себѣ враговъ, но онъ съ улыбкой отклоняетъ ихъ опасенія,—онъ вѣритъ въ воспитательное значеніе своего собственнаго примѣра, и хочетъ, чтобы его партія состояла только изъ такихъ же, какъ и онъ, преданныхъ и безкорыстныхъ служителей истины. Особенно настойчивъ въ своихъ требованіяхъ одинъ изъ членовъ его партіи—депутатъ Голь. У него очень запутанныя обстоятельства, которыя онъ надѣется поправить, получивъ мѣсто префекта. Объ этомъ мѣстѣ онъ усиленно хлопочетъ у министра, доказывая, что и для партіи выгодно имѣть въ администраціи своего человѣка, и что своей преданностью онъ заслужилъ награду. Но министръ ему отказываетъ и, возмущенный его настойчивостью и наглостью, говоритъ ему обидныя слова. Голь не сдается, такъ какъ у него есть оружіе противъ министра. Жена министра, Ирена, была очень стѣснена въ деньгахъ, но, не желая огорчать мужа, поглощеннаго общественными дѣлами, не говорила ему объ этомъ. Голь вкрался въ ея довѣріе и, узнавъ о ея денежныхъ заботахъ, взялся помочь ей — досталъ денегъ. Она, по женскому легкомыслію, не справлялась о происхожденіи денегъ и надѣялась, что, соблюдая большую экономію, скоро выплатитъ свой долгъ. Голь же взялъ деньги изъ Національнаго банка, охотно ссудившаго жену министра. Квитанцію съ подписью Ирены Голь сохранилъ. Когда министръ ему рѣшительно отказываетъ въ префектурѣ, онъ требуетъ заступничества у Ирены, грозя, что въ противномъ случаѣ онъ сильно повредитъ ея мужу. Квитанція Національнаго банка получила вдругъ очень важное значеніе. Въ парламентѣ идетъ борьба за концессію на постройку желѣзной дороги; конкуррентами являются съ одной стороны Національный банкъ, съ другой—одно американское общество. Министръ во имя національныхъ интересовъ поддерживаетъ банкъ; его противники—на сторонѣ американцевъ, причемъ вождь правой, Андри, дѣйствуетъ тоже не изъ корыстныхъ побужденій, а потому что предложеніе американцевъ кажется ему болѣе выгоднымъ для страны. Борьба между двумя партіями на этотъ разъ совершенно честная, и это еще болѣе убѣждаетъ министра, что онъ одержитъ побѣду надъ противникомъ, котораго вполнѣ уважаетъ. Но, конечно, если бы выяснилось, что онъ защищаетъ банкъ изъ корыстныхъ побужденій, что онъ получилъ отъ него подъ видомъ займа большую сумму денегъ, его дѣло было бы проиграно. Голь это понимаетъ, и потому такъ настаиваетъ на удовлетвореніи своей просьбы. Министру онъ, конечно, не смѣетъ грозить, такъ какъ тотъ ничего не знаетъ; но съ Ireной онъ говоритъ очень вызывающимъ тономъ, не объясняя ей, однако,

сущности дѣла. Ирена пробуетъ заступиться за Голя, но мужъ ея ласково, но рѣшительно проситъ ее не вмѣшиваться въ политику, и говоритъ ей, что намѣренъ удалить Голя изъ своей партіи, такъ какъ ему не нужны подобные соотрудники. На бурномъ собраніи комитета передъ началомъ парламентскаго засѣданія выясняется недовольство всѣхъ членовъ партіи. Министръ выказываетъ сначала много добродушія, защищаетъ своихъ противниковъ, въ особенности Андри, защищаетъ и Голя, до его прихода въ собраніе; онъ считаетъ его только легкомысленнымъ; затѣмъ онъ говоритъ о принципахъ своей политики, о томъ, что нужно воспитывать народъ, а не прислуживаться ему. Но на него всѣ нападаютъ за его излишнее безкорыстіе, и когда приходитъ Голь, дебаты принимаютъ все болѣе озлобленный, личный характеръ; когда же Голь опять при всѣхъ требуетъ префектуры, министръ выходитъ изъ себя и съ позоромъ прогоняетъ Голя. Всѣ расходятся въ смущеніи, а министръ въ разговорѣ со своимъ другомъ высказываетъ сожалѣніе о Голѣ; онъ его все-таки любилъ, и ему очень больно было разочароваться въ немъ. Потомъ онъ успокоивается и, до ухода въ парламентъ, весело играетъ съ дѣтьми и шутитъ съ женой, прося ее только не вступаться за Голя и не вмѣшиваться въ политику.

Во второмъ актѣ очень живо представлена сцена засѣданія въ австрійскомъ парламентѣ. Начинаются бурныя пренія по вопросу о концессіи. Вождь правой, Андри, въ искусной рѣчи сводитъ частный вопросъ къ вопросу общей политики, и нападаетъ на министра. Онъ прежде всего отдаетъ дань его благородству, называетъ его апостоломъ, а также мечтателемъ и поэтомъ, который могъ бы благотворно дѣйствовать на души людей своею проповѣдью, но которому нѣтъ мѣста на политической аренѣ, гдѣ требуется трезвое пониманіе условій жизни. Онъ заканчиваетъ свою рѣчь смѣлымъ обвиненіемъ не самого министра, а его партіи, говоря, что въ своемъ наивномъ идеализмѣ министръ не понимаетъ, что его окружаютъ люди очень сомнительной нравственности, преслѣдующіе мелкіе корыстные интересы, эксплуатирующіе общественные интересы для личныхъ выгодъ. Палата возмущена обвиненіями Андри, раздаются крики протеста, и президентъ дѣлаетъ короткій перерывъ, чтобы дать успокоиться умамъ до начала отвѣтной рѣчи министра. Во время перерыва, въ залъ засѣданія входитъ депутатъ Голь, къ великому удивленію своей партіи, возмущенной его наглостью. Всѣ отъ него сторонятся, но онъ держится очень вызывающе, и даже на виду у всѣхъ входитъ въ ложу, гдѣ сидитъ жена министра, Ирена, и здоровается съ нею. Затѣмъ онъ подходитъ къ Андри, шепчется съ нимъ, и очевидно предлагаетъ ему свои услуги. Но Андри очень рѣзко отказывается его слушать—ему

противенъ предатель, такъ какъ онъ высоко цѣнитъ своего противника. Тогда, не смущаясь презрѣніемъ, которое ему выказываютъ члены обѣихъ партій, Голь подходитъ къ представителю американскаго общества и начинаетъ съ нимъ переговоры. Они вдвоемъ уходятъ изъ залы засѣданія, вызывая насмѣшливыя замѣчанія присутствующихъ. Послѣ перерыва министръ говоритъ короткую рѣчь, всячески хваля своего противника Андри, и доказываетъ правоту своего дѣла тѣмъ, что, при всемъ своемъ умѣ и ораторскомъ талантѣ, его противникъ не привелъ никакихъ существенныхъ доводовъ противъ него. Министръ настаиваетъ на необходимости дать концессію Національному банку. Президентъ предлагаетъ приступить къ голосованію, и по настроенію палаты видно, что побѣда несомнѣнно будетъ на сторонѣ министра. Въ это время депутатъ Голь требуетъ слова и выступаетъ съ рѣзкимъ обвиненіемъ министра въ продажности. Съ документами въ рукахъ онъ доказываетъ, что министръ подкупленъ банкомъ. Въ палатѣ поднимается буря, всѣ готовы растерзать оратора, но Голь показываетъ квитанцію самому министру, спрашивая, будетъ ли онъ отрицать подпись своей жены. Министръ, совершенно уничтоженный, признаетъ подлинность подписи. Вина его доказана. Настроеніе палаты сразу мѣняется. Крики: „долой министра!“—оглушаютъ залу, всѣ бывшіе союзники министра отступаютъ отъ него и вторятъ общимъ крикамъ: „воръ, карманный воръ“! Въ внезапномъ припадкѣ безумія министръ самъ себя называетъ воромъ; начинается общая свалка, и вѣрному другу министра едва удается вывести его невредимымъ изъ залы засѣданія.

Въ третьемъ актѣ происходитъ развязка. Министръ вернулся домой. Его нервный припадокъ продолжается: онъ не знаетъ, какъ скрыть позоръ, закрываетъ окна и двери, но съ улицы раздаются голоса мальчишекъ, кричащихъ: „воръ!“—и въ комнату влетаютъ брошенные съ улицы камни. Министру кажется, что его всѣ покинули, что всѣ повѣрили; онъ такъ оглушенъ неожиданнымъ ударомъ судьбы, непонятнымъ предательствомъ жены, что считаетъ себя погибшимъ. Но къ нему приходитъ другъ, потерявшій его въ толпѣ, успокоиваетъ его, заставляетъ оправиться,—и къ апостолу понемногу возвращается сознаніе,—желаніе разъяснить недоразумѣніе и найти исходъ. Онъ требуетъ къ себѣ жену и говоритъ съ ней въ присутствіи друга—тогда для него все объясняется. Ирена разсказываетъ, какъ она попалась въ ловушку Голя, не зная, къ кому обратиться въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Другъ министра упрекаетъ ее, почему она не обратилась къ нему. Она говоритъ, что у нея не хватало смѣлости. „Однако Голю вы довѣрились“, говоритъ онъ ей, и она отвѣчаетъ: „Да, потому что онъ былъ внимателенъ ко мнѣ, и за-

мѣтилъ, что у меня есть забота. Онъ спрашивалъ меня, а вы—нѣтъ. Я васъ не обвиняю, а только объясняю, какъ все случилось. У меня не было никого, къ кому обратиться—кромѣ Голя". Министръ внимательно слушаетъ объясненіе жены; выраженіе его лица постепенно проясняется, становится безконечно мягкимъ. На него нисходитъ какъ бы внутреннее просвѣтленіе, и онъ обращается наконецъ къ женѣ со словами: „А гдѣ былъ я?"—Изъ дальнѣйшихъ словъ Ирены министръ понимаетъ свое заблужденіе. Занятый помыслами о благѣ всѣхъ, онъ не замѣтилъ страданій женщины, живущей въ его непосредственной близости. Она его щадила, хотѣла избавить отъ жизненныхъ заботъ, и была безконечно одинока въ обществѣ апостола, спасающаго человѣчество. Министръ вдругъ понимаетъ свою глубокую вину во всемъ случившемся. Ирена уходитъ примирившись съ мужемъ, и министръ говоритъ своему другу: „Теперь я все знаю, все понимаю". Пьеса заканчивается сценой съ Андри, который пришелъ къ министру покаяться передъ нимъ въ томъ, что онъ долго изъ зависти преслѣдовалъ его, но что теперь онъ понялъ нравственное величіе апостола, понялъ по общему поведенію толпы, что всѣми руководило низкое желаніе отмстить человѣку, превосходство котораго всѣ чувствуютъ. Андри говоритъ, что именно потому, что теперь всѣ на его сторонѣ, что ему устраиваютъ торжество изъ паденія министра,—ему опротивѣла политическая дѣятельность; онъ удалится куда-нибудь въ глушь, и постарается стать порядочнымъ человѣкомъ. Въ отвѣтъ на его искреннія слова министръ также искренно говоритъ ему о своей великой ошибкѣ, о своей винѣ передъ женою. „Она поступила опрометчиво,—говоритъ онъ,—но это моя вина. Эта женщина, которая много лѣтъ жила около меня и любила меня, мать моихъ дѣтей, не имѣла никого, кому довѣриться. Я не помогалъ ей ни однимъ совѣтомъ, ни однимъ словомъ. Мнѣ казалось, что у меня есть болѣе высокое дѣло. Мнѣ нужно было обращать народъ, нужно было говорить, всегда говорить. А слова—ничто. Люди слушали наши слова о свободѣ и справедливости, упивались ими,—а потомъ шли домой и продолжали жить въ неправдѣ, какъ и моя жена, которая внимала словамъ о гражданскихъ добродѣтеляхъ, и вѣрила имъ, а потомъ сама совершила проступокъ. Слова не имѣютъ силы и въ самую душу человѣка не проникаютъ. Мы, которые произносимъ слова, мы ихъ пережили въ нашей душѣ,—но внимающіе намъ слышатъ только звукъ, и до нихъ не доходитъ чувство, вызвавшее слова. Нужно стараться, чтобы слово стало дѣломъ". Министръ призываетъ своего друга къ новому дѣлу. „Нужно быть добрымъ—это гораздо больше, чѣмъ быть великимъ. Не говорить о свободѣ и справедливости, а ближе подходить къ людямъ, полюбить каждаго отдѣльнаго человѣка съ его слабостями и воспитать въ

немъ желаніе добра, любить людей, а не проповѣдывать, дѣйствовать, а не говорить. Нуженъ подвигъ любви".

Въ этомъ разрѣшеніи какъ бы сказывается вліяніе проповѣди Л. Н. Толстого. Намъ кажется, что Баръ намѣренно вернулся къ замыслу Ибсеновскаго „Доктора Штокмана", чтобы разрѣшить инымъ образомъ поставленную Ибсеномъ задачу. У Ибсена все сводится къ проповѣди индивидуализма, къ тому, что сила человѣка—въ разрывѣ съ толпой. Выводъ Бара—другой: дѣйствовать на толпу словами недостаточно, но все-же нужно идти къ ней, только инымъ путемъ,—путемъ живой любви, путемъ подвига. Драма Ибсена проникнута глубокимъ пессимизмомъ—она относится къ обличительному періоду Ибсена, когда онъ стремился разрушать существующія понятія о нравственности, служенію обществу и т. д. Драма Бара, напротивъ того, проникнута стремленіемъ придти къ болѣе свѣтлому рѣшенію. Его апостолъ не разочаровывается въ людяхъ, а, напротивъ того, полонъ истинной любви къ нимъ. Трагедія, которую онъ переживаетъ, не ожесточаетъ его, какъ ожесточаетъ Штокмана его близорукая вѣра въ людей,—а просвѣтляетъ его душу, открываетъ ему сознаніе своей вины и научаетъ его болѣе вѣрному пониманію своего долга. При всей смутности новаго идеала, который открывается „Апостолу" Бара, въ драмѣ все-таки намѣченъ вѣрный путь служенія людямъ. Въ этомъ—весь интересъ драмы, написанной съ большимъ подъемомъ.

II.

Edouard Estaunié. L'Epave. Roman. 1902. Стр. 242.

Эдуардъ Эстонье—авторъ нѣсколькихъ романовъ, въ которыхъ онъ главнымъ образомъ старается выяснить пагубное вліяніе католическаго духовенства на французскую молодежь, предоставленную его вліянію въ школьные годы, т.-е. на вредъ семинарій. Эстонье—не противникъ истинно религіознаго воспитанія. Онъ только показываетъ, что въ католическихъ семинаріяхъ религіозность замѣняется воинствующей политикой въ пользу католической церкви, и что изъ учениковъ стараются сдѣлать не искреннихъ служителей вѣры, а своего рода политическихъ агитаторовъ, умѣющихъ вести подпольную борьбу. Отношеніе къ самой религіи чисто формальное, сводящееся къ соблюденію обрядовъ,—главное же вниманіе обращено на дисциплину, на развитіе діалектики. Безсердечность и строгость семинарскаго режима, въ связи съ тѣми примѣрами, которые даются ученикамъ ихъ наставниками, приводитъ къ тому, что характеръ учениковъ навсегда полу-

чаетъ отпечатокъ преданности не внутреннему долгу, а опредѣленнымъ земнымъ цѣлямъ. Главная черта, которую вырабатываетъ семинарское воспитаніе — лицемѣріе, составляющее силу маловѣрныхъ. Если же сѣмена католическаго воспитанія падаютъ на чистую и сильную душу, они неминуемо будятъ въ ней горячее сопротивленіе. Это растлѣвающее вліяніе католическаго духа на молодежь, а также протестъ отдѣльныхъ мощныхъ натуръ, составляютъ тему лучшихъ романовъ Эстонье, обратившихъ на себя вниманіе силой и горячностью обличеній, также какъ и чисто литературными достоинствами. Эстонье далеко не первый затронулъ этотъ наболѣвшій вопросъ во Франціи. Уже Стендаль указывалъ въ „Rouge et Noir“ на воинствующій политическій характеръ французскаго духовенства и отмѣтилъ тѣ черты характера, которыя выработываются католическимъ воспитаніемъ. Въ новѣйшее время психологія служителей церкви, ихъ всепоглощающее честолюбіе, развиваемое семинарскимъ воспитаніемъ, послужило темой многочисленныхъ литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ „Abbé Tigrane“ Фердинанда Фавра, L'abbé Jules“ Октава Мирбо и др.; Анатоль Франсъ въ своей серіи „Histoire Contemporaine“ тоже нарисовалъ очень мощныя фигуры представителей католической церкви—опять-таки, занятыхъ чисто земными политическими интересами. Въ своихъ романахъ, „Le Ferment“ и „L'Empreinte“, Эстонье ближе всего къ Мирбо,—онъ старается показать неистребимость вліянія, наложеннаго католическимъ воспитаніемъ.

Въ настоящее время вышла новая книга Эстонье—„L'Epave“, которую даже въ сущности нельзя назвать романомъ, такъ какъ въ ней почти совершенно отсутствуетъ дѣйствіе. Это исторія одинокой души, занятой разрѣшеніемъ вопроса о правдѣ жизни. Въ „L'Epave“ только одно дѣйствующее лицо—немолодая уже дѣвушка, Тереза, переживающая тяжелый душевный кризисъ. У нея умеръ отецъ, знаменитый писатель, рѣзкій противникъ церкви, представитель крайнихъ общественныхъ теорій, имѣвшій при жизни многочисленныхъ послѣдователей и учениковъ. Тереза была всецѣло предана отцу, раздѣляла его взгляды, была его помощницей въ научныхъ трудахъ. Никого кромѣ отца она не имѣла въ жизни, и прожила до тридцати лѣтъ, не думая о будущемъ, не опредѣляя своихъ отношеній къ другимъ людямъ, поглощенная совмѣстной работой съ отцомъ. Но отецъ умеръ. Онъ былъ до нѣкоторой степени эгоистомъ; всецѣло поглощенный своимъ дѣломъ, проявленіемъ своей личности, онъ, не задумываясь, принялъ жертву дочери, отдавшей ему свою жизнь. При всей своей страстной любви къ дочери, онъ ни въ какомъ отношеніи не позаботился о ея судьбѣ, не помогъ ей найти опору въ самой себѣ. При немъ она жила какъ плющъ, обвивающійся вокругъ дуба,—и смерть его за-

стигла ее совершенно врасплохъ—она не знаетъ, какъ, чѣмъ и для чего жить. Матеріальныя средства ея чрезвычайно ограничены. Ей приходится все распродать, уѣхать изъ Парижа и поселиться въ давно покинутомъ ея отцомъ родовомъ „замкѣ“ (въ дѣйствительности это полу-разрушенный старый домъ) въ глухой провинціи, тамъ, гдѣ протекло дѣтство ея отца, и гдѣ она была лишь нѣсколько разъ въ жизни для свиданія съ своей бабушкой. Тереза возвращается на родину своего отца съ тѣмъ, чтобы тамъ навсегда поселиться. Она сначала рада тишинѣ и одиночеству, но съ каждымъ днемъ чувствуетъ себя все болѣе потерянной. Ей нужно осмыслить свою жизнь, рѣшить, какъ жить,—она ищетъ нравственной опоры. Такъ какъ при жизни отца она вѣрила только ему, то и теперь вся ея надежда на то, что въ мысляхъ о немъ, въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ его жизнью, по разсказамъ знавшихъ его на родинѣ людей, по воспоминаніямъ, сохранившимся въ родномъ домѣ, она его пойметъ до конца и найдетъ отвѣтъ на мучащіе ее вопросы. Такимъ образомъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ романѣ является умершій отецъ Терезы, тѣнь котораго витаетъ въ заброшенномъ старомъ домѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ, именно онъ, разрѣшаетъ ея сомнѣнія,—но совершенно не такъ, какъ она предполагала. Тереза сразу попадаетъ въ атмосферу борьбы. Отецъ ея былъ свободомыслящимъ,—вся его семья и все населеніе его родного города—строгіе и непримиримые католики. Эстонье опять имѣетъ случай изобразить узкость и безсердечіе католической среды, и дѣлаетъ это очень сжато и сильно. Всего нѣсколько отдѣльныхъ сценъ въ книгѣ рисуютъ отношенія католическаго общества къ страдающей одинокой дѣвушкѣ. Ее встрѣчаютъ съ предубѣжденіемъ, въ виду репутаціи ея отца. Единственная ея родственница въ городѣ не приходитъ навѣстить ее, а письменно назначаетъ ей свиданіе на утренней мессѣ въ церкви. Тереза, жаждавшая поговорить съ кузиной, знавшей ея отца въ молодости, возмущена и огорчена,—она видитъ въ ея письмѣ протестъ противъ убѣжденій отца. Въ церковь она, конечно, не собирается, считая это измѣной отцу. Затѣмъ къ ней является мѣстный священникъ, застающій ее въ моментъ душевной борьбы. Она только-что прочла найденныя ею въ письменномъ столѣ дѣтскія письма отца, и увидала, сколько въ немъ было искренняго религіознаго чувства, очевидно подавленнаго впослѣдствіи болѣе близкимъ знакомствомъ съ католическимъ духовенствомъ. Она перенеслась въ прошлое,—религія ея показалась чѣмъ-то близкимъ, и она выходитъ къ священнику съ открытой душой, почти готовая открыть ему нахлынувшія на нее сомнѣнія. Но формалистъ-священникъ, съ его неискренними разговорами, съ его рѣзкимъ осужденіемъ отца Терезы

и прославленіемъ благочестивыхъ членовъ ея семьи, сразу убиваетъ въ ней желаніе дѣлиться съ нимъ своими мыслями. Она видитъ, что патера вовсе не интересуетъ ея душа, что онъ вовсе не хочетъ вселить въ нее вѣру, такъ какъ и самъ холоденъ въ душѣ—а что онъ требуетъ посѣщенія церкви и соблюденія обрядовъ для того, чтобы ея примѣръ не совращалъ населенія города во вредъ интересамъ церкви. Ее возмущаетъ это формальное отношеніе священника къ своей миссіи; она очень рѣзко говоритъ ему о своей солидарности со взглядами отца—и они разстаются врагами, причемъ священникъ разсказываетъ ей въ видѣ угрожающаго примѣра, какъ ему удалось выселить изъ города одного жителя за то, что онъ женился гражданскимъ бракомъ. Для Терезы начинается тяжелое время, потому что священникъ исполняетъ свою угрозу, обличаетъ въ церкви дочь нечестиваго отца и запрещаетъ населенію что-либо доставлять въ домъ Терезы. Тереза сначала этого не знаетъ; она замѣчаетъ только, что ея вѣрная старая служанка чѣмъ-то раздражена и часто надолго отлучается. Изъ разговора со встрѣчнымъ рыбакомъ, который предлагаетъ ей рыбу, заявляя, что дѣлаетъ это несмотря на запрещеніе священника, она узнаетъ правду. Тогда уже служанка подробно разсказываетъ ей, что священникъ рѣшилъ побѣдить ее чуть ли не голодомъ, что теперь уже приходится доставать провизію издалека, и что скоро не будетъ возможности что-либо достать. Тереза совершенно подавлена; она и такъ страдаетъ въ своемъ одиночествѣ и все ищетъ отвѣта, вдумываясь въ жизнь отца. Узнать объ этой жизни она почти ничего не можетъ, такъ какъ съ кузиной она не видится, а старая служанка не хочетъ говорить о своихъ воспоминаніяхъ, которыя очевидно относятся къ борьбѣ отца Терезы съ католической семьей. Тереза не знаетъ, какъ ей поступить; уѣхать ей некуда—значитъ, весь вопросъ въ томъ, продолжать ли борьбу, или сдаться. Какъ бороться, не имѣя опоры? Служанка поддерживаетъ въ Терезѣ мужество, доказывая ей, что она не имѣетъ права идти противъ отца, и что должна остаться вѣрной его убѣжденіямъ. Тереза говоритъ, что не знаетъ, какъ бы отецъ посовѣтовалъ ей. О, если бы услышать голосъ его! И тогда служанка наводитъ ее на вѣрный путь. Тереса привезла изъ Парижа бумаги отца, но еще не рѣшалась къ нимъ прикасаться. Можетъ быть, въ нихъ найдется отвѣтъ. Ее убѣждаютъ слова преданной служанки; она открываетъ ящикъ съ бумагами отца, и въ самомъ дѣлѣ видитъ конвертъ съ надписью: „Моей дочери“. Она распечатываетъ его и находитъ философское завѣщаніе отца, которое и научаетъ ее правдѣ. Весь интересъ книги въ этомъ завѣщаніи, смыслъ котораго расходится съ обычной проповѣдью новыхъ французскихъ писателей. Это какъ бы протестъ противъ край-

няго индивидуализма. Отецъ учитъ Терезу искать правды не въ одиночествѣ, а въ общеніи съ другими. Не нужно отрекаться отъ людей, если даже ихъ дѣйствія вызываютъ въ насъ протестъ, потому что всѣ мы одинаково участвуемъ въ слабостяхъ и ошибкахъ другихъ. Одинъ человѣкъ безсиленъ, подобно щепкѣ среди потока. Одна она не можетъ бороться противъ воды, которая заливаетъ ее; но когда она прибиваетъ къ берегу, когда другія къ ней присоединяются, то постепенно образуется плотина, которая задерживаетъ потокъ и заставляетъ его отклониться въ сторону. Все дѣло въ солидарности, въ соединеніи общихъ усилій; для того, чтобы достигнуть этого, нужно не уклоняться отъ общаго потока жизни, а войти въ него, внести въ него всю сокровищницу своихъ душевныхъ чувствъ,—и отъ этого душа никогда не обѣднѣетъ, а только обогатится. Примѣръ солидарности старый ученый видитъ во всей природѣ, и изъ нея черпаетъ свою мудрость. Прежняя мораль говорила о милосердіи, но милосердіе основано на неравенствѣ дающаго и принимающаго, и потому принижаетъ обоихъ. Гораздо выше справедливость,—одинаковая для всѣхъ. Если сознать, что всѣ одинаково виновны во всѣхъ страданіяхъ и во всѣхъ преступленіяхъ человѣчества, то явится именно справедливое ко всѣмъ отношеніе, т.-е. первый шагъ солидарности, ведущій все къ большему и большему процвѣтанію жизни. Не нужно идти противъ теченія, а, объединяясь съ другими, измѣнять теченіе. Это завѣщаніе спасаетъ Терезу. Тотъ путь, на который ее зоветъ голосъ умирающаго отца, заключается не въ одинокомъ протестѣ противъ закона жизни, которому всѣ вокругъ нея подчиняются, а въ примиреніи и стремленіи внести свѣтъ путемъ единенія, активной любви, ведущей къ гармоніи.

„L'Epave“ уступаетъ прежнимъ романамъ Эстонье по силѣ психологическаго анализа. Безцвѣтная Тереза съ ея безпомощнымъ исканіемъ опоры въ другихъ менѣе интересна, чѣмъ герой „Empreinte“, страстный и сильный ученикъ іезуитовъ, которому удается сбросить ихъ иго—на время, такъ какъ, отмѣченный ихъ вліяніемъ, онъ въ жизни испытываетъ одни лишь разочарованія, и возвращается къ іезуитамъ, только съ угасшей вѣрой. Тамъ представлена глубокая трагедія духа,—здѣсь нѣсколько поверхностная проповѣдь „новой морали“, внесенная въ жизнь, въ которой ничего не происходитъ. Но романъ интересенъ, такъ сказать, симптоматически, какъ указаніе на новую „orientation“ умовъ во Франціи. Вмѣсто недавняго презрѣнія къ глухой толпѣ проповѣдь своего рода братства со всѣми, какъ единственнаго пути къ торжеству истины.

III.

André Beaunier. La Poésie Nouvelle. Paris, 1902. Стр. 400.

Андре Боньѐ, молодой французскій критикъ, извѣстенъ своими статьями о новой французской литературѣ въ „Revue Bleue", а также очерками о Россіи, написанными съ удивительнымъ для иностранца пониманіемъ русской дѣйствительности. Особеннаго вниманія заслуживала его статья о графѣ Львѣ Толстомъ, написанная послѣ пребыванія въ Ясной Полянѣ. Бонье довольно рѣзко оспариваетъ взгляды Толстого на современное искусство, но въ общихъ сужденіяхъ его сказывается болѣе вѣрное пониманіе Толстого, чѣмъ у большинства его соотечественниковъ.

Недавно вышедшая книга Бонье, „La Poésie Nouvelle"—сборникъ статей о новѣйшихъ французскихъ поэтахъ старшаго и младшаго поколѣнія. Въ предисловіи авторъ высказываетъ свой взглядъ на особенности и задачи новѣйшей поэзіи, дѣлая очень смѣлыя обобщенія, съ которыми далеко не всегда можно согласиться. Онъ—убѣжденный сторонникъ новой поэзіи,—таковой онъ называетъ поэзію, возникшую между 1885—1900 годомъ,—и старается выяснить ея высокое значеніе. Но критическій методъ, которымъ онъ пользуется, едва ли можно признать правильнымъ. Его привлекаетъ въ современной поэзіи новизна ея пріемовъ и мотивовъ, такъ какъ въ поэзіи онъ считаетъ самымъ главнымъ обновленіе. „Поэзія,—говоритъ онъ,—какъ все созидаемое человѣкомъ и какъ всякое твореніе природы, быстро старится и, состарившись, превращается въ ничто. Нужно постоянно обновлять ее, постоянно создавать другую поэзію". Уже это положеніе болѣе парадоксально, чѣмъ вѣрно; обновленіе, конечно, нужно, такъ какъ жизнь заключается въ движеніи, но въ поэзіи старое вовсе не есть мертвое,—напротивъ того, оно можетъ быть вѣчнымъ. Это даже не требуетъ доказательствъ. Можно только сказать, что, прославляя современность исключительно за ея новизну, критикъ оказываетъ ей плохую услугу и какъ бы заранѣе признаетъ ея бренность.

Для того, чтобы возвеличить значеніе новѣйшей поэзіи, Бонье принижаетъ парнасскую школу. Онъ говоритъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ по адресу Леконта-де-Лиля и Сюлли Прюдома, и затѣмъ ополчается противъ всѣхъ ихъ послѣдователей, занятыхъ, по его словамъ, исключительно повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же формулъ. Причину банкротства парнасской школы Бонье видитъ въ томъ, что это была именно школа, съ твердо установленными формами стиха и съ опре-

дѣленнымъ, предметнымъ, т.-е. большею частью описательнымъ содержаніемъ. Превосходство новой поэзіи Бонье видитъ въ переходѣ отъ неподвижнаго парнасскаго стиха къ новымъ, безконечно разнообразнымъ оттѣнкамъ „свободнаго стиха“ (vers libre), и въ замѣнѣ позитивизма парнассцевъ философскимъ отношеніемъ къ дѣйствительности. Новѣйшіе поэты, по мнѣнію Бонье, не составляютъ школы—и въ этомъ ихъ сила. У всѣхъ ихъ есть одна общая черта—стремленіе проявить свою индивидуальность, и въ осуществленіи своихъ идеаловъ они очень различны: есть между ними и спиритуалисты, и матеріалисты, скептики и католики, поэты съ безмѣрно возбужденной фантазіей и скромные изобразители будничной дѣйствительности. Въ этой параллели между парнассцами и новѣйшими французскими поэтами отсутствуетъ историческая перспектива. Бонье забываетъ, что всякая смѣна литературныхъ движеній сопровождается реакціей противъ существующаго, и что „разрушеніе старыхъ боговъ“ производится обыкновенно съ преувеличенной страстностью, вызванной борьбою. Судъ исторіи возстановляетъ справедливость, признавая истинное дарованіе, какимъ бы эстетическимъ воззрѣніямъ оно ни подчинялось. Въ той же Франціи романтики боролись противъ условностей классическаго театра, противъ неподвижности александринскаго стиха—однако, свобода и страстность драмъ Гюго не повредила славѣ Расина; реалистическая, а потомъ натуралистическая школа возстали противъ растрепанности и безпочвенной фантазіи романтиковъ—но Флоберъ и Зола не умаляютъ значенія поэзіи Ламартина и Альфреда де Виньи, повѣстей Меримэ и т. д. А Бонье какъ бы полагаетъ, что парнасская школа „убита“ новыми поэтами,—что совершенно невѣрно. Всякое литературное теченіе завершаетъ свой кругъ, даетъ все, что оно можетъ дать, и заканчивается эпигонствомъ, противъ котораго и возстаютъ новыя литературныя поколѣнія. Бонье правъ, говоря о благихъ начинаніяхъ новыхъ поэтовъ, о томъ, что они обновляютъ застывшія формы эпигоновъ парнасской школы; но, восхваляя новыхъ поэтовъ, такъ сказать, на счетъ парнассцевъ, онъ обнаруживаетъ узкую тенденціозность. Верленъ, Вергаренъ и нѣкоторые другіе—истинные поэты, но это не умаляетъ значенія ихъ предшественниковъ, также какъ дальнѣйшія обновленія не „убьютъ“ современную поэзію.

Отъ полемики съ парнассцами—какъ мы видѣли, очень односторонней—Бонье переходитъ къ общей характеристикѣ новѣйшихъ поэтовъ. Главное значеніе онъ придаетъ реформѣ стиха, развитію vers libre, съ его разнообразіемъ размѣровъ, освобожденіемъ отъ рабства строгой риѳмы, замѣненной внутренней мелодіей стиха. Въ книгѣ Бонье этой внѣшней сторонѣ поэзіи отведено слишкомъ много мѣста. Все-таки важнѣе всего выяснить, проявилось ли обновленіе, о кото-

ромъ Бонье говоритъ въ предисловіи, во внутреннемъ содержаніи новой поэзіи, сказались ли въ ней иные мотивы, иное отношеніе къ дѣйствительности, чѣмъ у ея предшественниковъ. Отвѣтимъ за Бонье: новая французская поэзія имѣетъ свое обособленное философское и эстетическое содержаніе, но объясненія Бонье относятся почти исключительно къ реформамъ стихосложенія; даже въ характеристикахъ отдѣльныхъ поэтовъ, которыхъ онъ прославляетъ за оригинальность мотивовъ и настроеній, онъ большею частью ограничивается краткими общими опредѣленіями и перечисленіемъ сюжетовъ, т.-е., вѣрнѣе, пересказомъ произведеній, а затѣмъ углубляется въ разборъ техническихъ особенностей стиха. Правда, что новѣйшіе французскіе поэты очень усердно занимаются выработкой новаго языка для поэзіи, продѣлывая всевозможные эксперименты надъ французскимъ стихомъ. Въ самомъ началѣ движенія, въ срединѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ, это привело даже къ эксцентрическимъ выходкамъ, грозившимъ скомпрометтировать все движеніе, превратить поэзію въ шалость. Тогда безпрерывно возникали новыя школы: много толковъ возбуждали „колористы“, для которыхъ каждая гласная имѣла свою окраску; они создавали симфоніи красокъ безъ всякой заботы о смыслѣ словъ. Ихъ символомъ вѣры былъ знаменитый въ свое время сонетъ Рембо, устанавливавшій цвѣта различныхъ гласныхъ. Были и „инструменталисты“, стремившіеся создавать симфоніи изъ буквъ, опять-таки помимо содержанія словъ и т. д. Но этотъ школьническій періодъ прошелъ, и лучшіе представители новѣйшей поэзіи, при всей своей заботѣ о разнообразіи и свободѣ стихосложенія, вносятъ идейное содержаніе въ свою поэзію, не насилуя смысла словъ во имя „новыхъ гармоній стиха“. Даже Густавъ Канъ, считающійся основателемъ и пророкомъ „новаго стиха“, только въ первыхъ своихъ сборникахъ былъ болѣе виртуозенъ, чѣмъ понятенъ, а теперь все болѣе и болѣе отражаетъ жизненныя настроенія и чувства въ иногда страстныхъ, иногда нѣжныхъ—очень художественныхъ и образныхъ стихахъ. Своимъ излишнимъ настаиваніемъ на побѣдахъ внѣшней свободы стиха Бонье, въ сущности, умаляетъ прославляемыхъ имъ поэтовъ. Ихъ значеніе въ томъ, что они стремятся къ внутренней свободѣ, такъ сказать, къ расширенію правъ поэзіи, къ тому, чтобы отвоевать ей новыя области, открывать въ природѣ и въ жизни еще не звучавшіе до того аккорды, обогатить поэзію чувствами, какихъ не испытывали поэты съ менѣе утонченной нервной организаціей, съ меньшимъ чутьемъ ко всѣмъ проявленіямъ жизни. Особенность и сила новѣйшей французской поэзіи заключается въ ея широтѣ и чуткости. Быть можетъ, никто изъ прежнихъ поэтовъ такъ глубоко не вникалъ въ поэтическій смыслъ всего тихаго и незамѣт-

наго въ природѣ и жизни, въ безконечное разнообразіе ощущеній, вызываемыхъ предметами, какъ Роденбахъ, воспѣвавшій тихія воды каналовъ, церковныя плиты, комнаты, гдѣ каждый предметъ хранитъ отпечатокъ протекшей около нихъ жизни. И ни одинъ изъ прежнихъ поэтовъ такъ чутко не возсоздавалъ поэзію бурной, страдальческой жизни народныхъ массъ, какъ Вергаренъ въ его описаніяхъ деревни и толпъ крестьянъ, идущихъ въ города, гдѣ ихъ ждетъ горе и мука. Никто такъ пламенно не возсоздавалъ трагедію современнаго человѣка, съ его жаждой вѣры и открытой всѣмъ страстямъ и всѣмъ порокамъ душой, какъ Верленъ въ своихъ полу-религіозныхъ, полускептическихъ стихахъ; въ нихъ звучитъ и горькая насмѣшка надъ испорченностью человѣка, и наивная, почти дѣтская чистая вѣра. А въ пониманіи связи каждой отдѣльной человѣческой души съ жизнью всей вселенной Метерлинкъ стоитъ въ своихъ драмахъ и пѣсняхъ выше всѣхъ родственныхъ ему поэтовъ. И много другихъ скрытыхъ нитей между чувствами человѣка и окружающимъ его міромъ открываютъ другіе современные поэты, соединяя стремленіе къ красотѣ съ желаніемъ какъ можно полнѣе отразить открывающіяся имъ богатства новыхъ, не испытанныхъ до того ощущеній. Покуда поэты видятъ въ самихъ ощущеніяхъ цѣль искусства, они остаются исключительными эстетами и, какъ таковые, имѣютъ лишь весьма ограниченное значеніе. Среди новѣйшихъ французскихъ поэтовъ есть, конечно, много такихъ эстетовъ. Но цѣль новой поэзіи заключается не въ чистомъ эстетизмѣ; противъ эстетизма вооружаются лучшіе писатели современности. Нельзя себѣ представить болѣе злой сатиры на эстетовъ, чѣмъ „A rebours“ Гюисманса; герой романа, сосредоточивъ всѣ свои душевныя силы на составленіи симфоній красокъ и звуковъ, на изощреніи вкуса, доведеннаго до извращенности и психопатіи, совершенно развѣнчанъ въ концѣ книги. Мораль Гюисманса сводится къ тому, что изощренность нервной организаціи, развитіе способности испытывать наитончайшія ощущенія—чрезвычайно важны и плодотворны, но лишь въ томъ случаѣ, если они являются только средствомъ къ осуществленію дѣятельнаго идеала жизни, а не самодовлѣющей цѣлью. И развитіе новѣйшей французской поэзіи идетъ именно путемъ, намѣченнымъ Гюисмансомъ. Отъ чистаго эстетизма она переходитъ къ большей содержательности, къ большей соприкосновенности съ жизнью. Бонье же обращаетъ наибольшее вниманіе на чисто-эстетическій элементъ въ творчествѣ новыхъ поэтовъ, и поэтому его характеристики недостаточно полны.

Изъ представителей старшаго поколѣнія поэтовъ Бонье останавливается на Артурѣ Рембо, Жюлѣ Лафоргѣ, Жанѣ Мореасѣ, почему-то обходя Верлена. Онъ разсказываетъ странную судьбу Рембо, одного

изъ первыхъ начинателей новой поэзіи во Франціи, не прибавляя, въ сущности, ничего новаго къ характеристикѣ поэта, славу котораго создалъ его другъ Верленъ. Интереснѣе другіе очерки Бонье о младшемъ поколѣніи новѣйшихъ поэтовъ, Густавѣ Канѣ, Вергаренѣ, Вьеле-Грефенѣ, Полѣ Форѣ, Франсискѣ Джемсѣ (Jammes) и др. Въ поэзіи Густава Кана Бонье отмѣчаетъ переходъ отъ сложной туманности его „Palais nomades“ къ большей опредѣленности, нѣжности и жизненности его позднѣйшей лирики. Говоря о Франсискѣ Джемсѣ, онъ отмѣчаетъ его стремленіе къ крайней простотѣ, къ точнымъ описаніямъ простыхъ жизненныхъ впечатлѣній, природы, обаянія предметовъ, окружающихъ человѣка. Любовь къ предметамъ и къ простой, тихой жизни роднитъ Джемса съ Роденбахомъ; подобно ему, Джемсъ любитъ воспоминанія, вѣчно тоскуетъ о чемъ-то безвозвратно прошедшемъ и оживающемъ въ предметахъ, во всемъ, что будитъ воспоминанія. Есть у него очаровательное стихотвореніе, гдѣ описывается комната со старинной мебелью. Поэтъ думаетъ о томъ, что старый шкафъ слышалъ еще голосъ его дѣда, его прадѣда, что старые часы съ кукушкой били еще при жизни давно умершихъ членовъ семьи; ему кажется, что во всѣхъ этихъ предметахъ скрыта живая душа:—„Я улыбаюсь, когда люди думаютъ, что я одинъ въ этой комнатѣ, и когда входящій мнѣ говоритъ: какъ вы поживаете, monsieur Джемсъ?“... Любовь къ прошлому питаетъ его фантазію, рисующую ему образы далекихъ временъ и далекихъ странъ; въ живомъ и близкомъ онъ видитъ отраженія далекаго, давно минувшаго, и это вноситъ въ его поэзію особый аккордъ нѣжности, обнимающей все живущее и порождающей почти религіозную любовь къ людямъ. Въ другомъ очеркѣ Бонье пространно разбираетъ творчество менѣе извѣстнаго за предѣлами Франціи Поля Фора, автора пѣсенъ въ чисто народномъ наивномъ духѣ. Бонье считаетъ Фора прежде всего эпикомъ, такъ какъ въ своихъ „Ballades françaises“ онъ охватываетъ всю цѣльность національной жизни, возсоздавая красоты природы, населенной трудящимися людьми, переходя затѣмъ къ миѳологіи, связанной съ преклоненіемъ и удивленіемъ человѣка передъ тайнами природы, и къ національной исторіи,—причемъ онъ останавливается преимущественно на исключительныхъ характерахъ, каковъ, напримѣръ, Людовикъ XI. Намѣченную общую схему Поль Форъ развиваетъ въ отдѣльныхъ сборникахъ съ большимъ проникновеніемъ въ подробности—есть у него отдѣльные сборники стиховъ подъ заглавіемъ „Горы“, „Лѣсъ“, „Долины“, „Античныя Идилліи“ и т. д. Во всѣхъ нихъ чувствуется наивное отношеніе къ природѣ, лишенное всякой лирической идеализаціи, но поражающее непосредственностью, пламенностью чувствъ и большой пластичностью описаній и образовъ. Говоря о Форѣ, Бонье

имѣетъ полное основаніе останавливаться съ большимъ вниманіемъ на его метрикѣ, такъ какъ языкъ Фора особенно оригиналенъ. Онъ упраздняетъ правильный стихъ: стихи его даже напечатаны какъ проза, хотя на самомъ дѣлѣ это проза, чередующаяся съ риѳмованными мелодичными стихами. Его идеалъ—ритмическая проза, и онъ владѣетъ ею съ исключительнымъ совершенствомъ. Замѣчанія Бонье о метрическихъ особенностяхъ новѣйшей поэзіи несомнѣнно очень цѣнны, также какъ и обстоятельное изложеніе содержанія и лирическихъ мотивовъ въ творчествѣ каждаго отдѣльнаго поэта.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Николай Карловичъ Шильдеръ.

† 6 апрѣля 1902.

Русское общество и литература, и именно исторіографія, понесли трудно замѣнимую утрату съ кончиной Н. К. Шильдера. Рѣдко слышались такія единодушныя и искреннія сѣтованія, какія вызваны были неожиданной и безвременной смертью этого замѣчательнаго писателя и добраго человѣка. Онъ умеръ всего пятидесяти-девяти лѣтъ, въ полномъ развитіи своей научной дѣятельности и, казалось, въ цвѣтущемъ состояніи здоровья.

Его жизненное поприще проходило частію въ военной службѣ, частію въ трудѣ педагогическомъ и научно-литературномъ. Онъ былъ сынъ знаменитаго генерала Николаевскихъ временъ, имя котораго пользовалось большою популярностью, какъ замѣчательнаго знатока инженернаго искусства, неустрашимаго воина и достойнаго характера: онъ кончилъ жизнь въ турецкую кампанію, завершившуюся Крымской войной, — при осадѣ Силистріи, 1854. Тотлебенъ, вскорѣ послѣ этого создавшій свою славу въ Севастополѣ, былъ и считалъ себя ученикомъ Шильдера, и первыя девятнадцать лѣтъ своей службы Н. К. состоялъ при Тотлебенѣ; затѣмъ его самостоятельная служебная дѣятельность совершалась уже на педагогическомъ поприщѣ. Сначала онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ директоромъ Николаевскаго сиротскаго института въ Гатчинѣ, затѣмъ, съ 1886 до 1899, онъ былъ директоромъ Николаевскаго инженернаго училища и академіи, и, наконецъ, послѣдніе годы онъ былъ директоромъ Императорской Публичной библіотеки. Одинъ изъ некрологовъ вспоминаетъ, какъ бы не случайный, фактъ, что „исторіографъ семьи Павла I“ много лѣтъ своей жизни провелъ именно въ Михайловскомъ инженерномъ замкѣ, „полномъ преданіями о несчастномъ коронованномъ строителѣ“.

„Пажомъ Шильдеръ жилъ въ зданіи Мальтійскаго ордена, затѣмъ, съ поступленіемъ въ инженерную академію, онъ перешелъ подъ своды Михайловскаго замка, съ которымъ еще болѣе сроднился за девятнадцать лѣтъ своего пребыванія при генералъ-адъютантѣ Тотлебенѣ, занимавшемъ квартиру въ этомъ же историческомъ зданіи.

„Съ перемѣной служебнаго положенія, Н. К. получилъ назначеніе

директоромъ сиротскаго института, расположеннаго въ Гатчинѣ—твореніи рукъ Павла I, въ районѣ дворцоваго парка, въ учрежденіи, созданномъ супругой того же императора. Изъ Гатчины Николай Карловичъ, въ 1886 г., опять переѣхалъ въ Михайловскій замокъ, на этотъ разъ уже въ роли хозяина и распорядителя.

„Эта фактическая близость Шильдера къ любимымъ мѣстопребываніямъ Павла I не могла въ извѣстной степени не содѣйствовать поддержанію особеннаго настроенія, такъ блистательно сказавшагося въ его историческихъ произведеніяхъ.

„Н. К. любилъ свою замковую квартиру и не выѣзжалъ лѣтомъ на дачу. Вообще къ дачной, бивачной жизни онъ относился скептически, и счастливъ былъ въ своей квартирѣ, наполненной книгами, художественными изданіями, картинами, гравюрами, бюстами, статуэтками историческихъ лицъ и моделями памятниковъ".

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ читаемъ: „Несмотря на свои пятьдесятъ-девять лѣтъ, красивый, стройный, съ свѣжимъ, цвѣтущимъ лицомъ и прекрасными мечтательными глазами, Шильдеръ выглядывалъ совсѣмъ молодымъ генераломъ. И по внѣшности, и по изысканнымъ манерамъ Н. К. походилъ на придворнаго военнаго кавалера временъ Павла I и Александра I. Казалось, онъ погруженъ былъ весь въ воспоминанія конца XVIII и начала XIX столѣтія".

Первымъ крупнымъ трудомъ Шильдера была біографія Тотлебена. Его вторая книга была монументальная исторія императора Александра I, которая быстро создала ему широкую извѣстность. Затѣмъ была написана имъ біографія императора Павла I и, наконецъ, начатъ былъ обширный трудъ по исторіи императора Николая I. Еще памятно, какое сильное впечатлѣніе произвела его исторія Александра I: это былъ трудъ, еще невиданный въ нашей литературѣ въ этой области; поражало богатство матеріала, частію старательно собраннаго изъ большой литературы русской и иностранной, а главнымъ образомъ впервые извлеченнаго изъ архивовъ, между прочимъ, не всѣмъ доступныхъ; поражало и самое исполненіе. Авторъ не только собиралъ факты, но изображалъ характеры, изученные имъ, во-первыхъ, съ большою психологическою наблюдательностью, во-вторыхъ, съ полнымъ знаніемъ нравовъ, обычаевъ и настроеній эпохи. Наконецъ, замѣчательными достоинствами отличалось самое изложеніе: книга читалась „какъ романъ"—лучшая похвала, какую могъ дать читатель этому легкому, оживленному разсказу, гдѣ авторъ умѣлъ рельефно выдвигать существенныя событія и обставлять ихъ характерными подробностями, тѣмъ болѣе любопытными, что онъ всегда особенно заботился объ ихъ точности. Біографія есть только часть исторіи, но понятно, что біографія могущественныхъ руководителей государства

очень близка къ его настоящей исторіи: Н. К. Шильдеръ всегда это чувствовалъ, и его разсказъ пріобрѣталъ особую внушительность. Но кромѣ этой чисто-исторической идеи, которая необходима для широкаго и правильнаго освѣщенія событій въ жизни государства, въ историческомъ взглядѣ писателя постоянно витала и другая идея или чувство—представленіе о высшемъ нравственномъ законѣ, который долженъ стать мѣриломъ для самой исторической оцѣнки.

Всѣ воспоминанія говорятъ единогласно о привлекательныхъ чертахъ его личнаго характера: всегда ровный, привѣтливый, доброжелательный, онъ казался исключеніемъ въ обычномъ тонѣ нашихъ отношеній,—какъ будто и здѣсь остался отголосокъ свѣтскаго изящества историческихъ эпохъ, какія были предметомъ его изученія. Среди многочисленнаго круга лицъ, его знавшихъ, онъ оставитъ по себѣ самыя теплыя воспоминанія. Но еще прочнѣе будетъ память его заслуги въ русской исторической наукѣ. Эта великая заслуга состоитъ въ небываломъ прежде расширеніи объема изслѣдованій, именно въ нашей новѣйшей исторіи съ конца XVIII вѣка, и въ той области русской жизни, которая до сихъ поръ оставалась почти или совсѣмъ недоступна для нашихъ историковъ. Еще очень недалеко время, когда исторія указаннаго періода отсутствовала въ нашей литературѣ: возможенъ былъ только безусловный панегирикъ, тѣмъ самымъ не имѣвшій никакого научнаго значенія и мало пригодный для того, чтобы общество могло отдать себѣ сознательный отчетъ въ своемъ прошломъ и извлечь изъ него историческое назиданіе. Не требуетъ особенныхъ объясненій, какой ущербъ происходилъ отсюда для цѣлаго, не только общественнаго, но національнаго сознанія, и какой прискорбный видъ имѣла въ этихъ условіяхъ наша историческая наука. Въ кругу самихъ историковъ, какъ и въ средѣ образованнѣйшихъ людей, сохранялся, конечно, живѣйшій интересъ къ этому историческому прошлому, но внѣшнія условія литературы не давали ему исхода, не давали возможности установить сколько-нибудь полное и правильное изученіе. Положеніе вещей нѣсколько измѣнилось только съ эпохой реформъ: улучшились цензурныя условія литературы; въ первый разъ становились болѣе доступными архивы, и историческіе интересы общества выразились появленіемъ въ литературѣ огромной массы историческихъ матеріаловъ изъ этого недавняго прошлаго; основались цѣлыя спеціальныя изданія, которыя посвящены были исключительно этимъ историческимъ матеріаламъ и встрѣчены были въ обществѣ съ жаднымъ любопытствомъ. Стали появляться, наконецъ, и историческія изслѣдованія; но большею частью, почти исключительно, онѣ посвящены были лишь частнымъ вопросамъ, разсказу отдѣльныхъ событій, біографіи отдѣльныхъ лицъ, не обнимая крупныхъ явленій и

цѣльныхъ періодовъ. Великая заслуга Шильдера состояла, во-первыхъ, въ рѣшимости предпринять огромный трудъ такого цѣльнаго, многообъемлющаго изслѣдованія. Его исторія императора Александра I была настоящимъ подвигомъ по массѣ переработаннаго матеріала литературнаго и архивнаго, къ которому онъ относился вообще съ величайшимъ вниманіемъ и точною критикой. Къ заслугѣ научной присоединились рѣдкія въ нашей исторіографіи литературныя достоинства: живое, наглядное, изящное изложеніе, — гдѣ, между прочимъ, отражался собственный глубокій интересъ писателя къ своей задачѣ,—сдѣлало трудъ Шильдера чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ литературы; этотъ трудъ, кромѣ непосредственнаго вклада, внесеннаго множествомъ новыхъ интересныхъ извѣстій, имѣлъ чрезвычайно цѣнное значеніе тѣмъ, что внушалъ или углублялъ историческое пониманіе въ широкихъ кругахъ общества, гдѣ въ прежнее время это пониманіе нерѣдко совсѣмъ отсутствовало. Имя Шильдера стало популярнымъ и любимымъ въ ту мѣру, какая принадлежитъ самымъ крупнымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ нашей литературы.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1902.

Пятидесятилѣтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго.— Планъ „раціональнаго устроенія“ русской жизни.—„Гражданинъ“ и свобода печати.—Рѣчь и письмо чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства. — Два рѣшенія Сената.—Г. П. Успенскій, В. П. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ †.

12-го апрѣля исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти В. А. Жуковскаго. Еще при жизни отодвинутый на второй планъ геніальными дарованіями его преемниковъ, онъ до сихъ поръ удержалъ за собою то самое мѣсто, которое занялъ въ зенитѣ своего поэтическаго поприща. Его творчество свѣтится до сихъ поръ неяркимъ, но ровнымъ, мягкимъ свѣтомъ; многія изъ его сочиненій можно не только изучать, какъ историческіе памятники, но и читать, какъ произведенія искусства. Горячая вѣра въ высокое призваніе литературы, всегда руководившая Жуковскимъ, внушила ему, въ его молодые годы, мечту о непосредственномъ вліяніи на общество, путемъ періодической печати. Отсюда рѣшимость поэта стать во главѣ журнала, незадолго передъ тѣмъ основаннаго Карамзинымъ. Быстро завоевавъ выдающееся значеніе, „Вѣстникъ Европы“ столь же быстро его утратилъ, когда перешелъ въ руки Сумарокова, Макарова и Каченовскаго. Возстановить потерянное намѣревался Жуковскій, принимая на себя редактированіе „Вѣстника Европы“. На что онъ надѣялся, къ чему онъ хотѣлъ стремиться— это видно изъ письма къ издателю, помѣщеннаго въ первой книжкѣ журнала за 1808-й годъ [1]). Благодаря усиліямъ новаго редактора, „Вѣстникъ Европы“ замѣтно оживился—но уже въ концѣ 1809 г. участіе Жуковскаго въ журналѣ становится почти номинальнымъ, а съ 1811-го года прекращается совершенно. Главную причину столь быстраго охлажденія слѣдуетъ искать, повидимому, въ условіяхъ времени, указанныхъ отчасти уже въ „Письмѣ къ издателю“. „Русскіе“—говоритъ авторъ письма—„любятъ читать, но читаютъ единственно для разсѣянія. О чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр.

[1]) Это „Письмо изъ уѣзда“, написанное самимъ Жуковскимъ, воспроизведено, въ извлеченіи, въ началѣ настоящей книжки, вмѣстѣ съ заглавіемъ и содержаніемъ „Вѣстника Европы“ за январь 1808-го года.

Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы, достоинство которыхъ почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, обманывающемъ любопытство". Крайнею скудостью литературы Жуковскій мотивируетъ преждевременность критики: „критика самая тонкая ничто безъ образцовъ—а много ли имѣемъ образцовъ великихъ"? Еще яснѣе та же самая мысль выражена въ одной изъ позднѣйшихъ статей Жуковскаго. „Наша словесность" — читаемъ мы здѣсь—„едва начинаетъ выходить изъ младенчества; оригинальныхъ (хорошихъ) русскихъ книгъ весьма немного; за то какое множество переводовъ, и какихъ переводовъ! Ихъ смѣло можно назвать *оригиналами*, ибо они совершенно никакого сходства не имѣютъ съ подлинниками. Что же дѣлать критику посреди сего наводненія, въ которомъ утопаетъ наша несчастная словесность? Говорить объ искусствѣ и слогѣ, разсматривая такія книги, въ которыхъ нѣтъ и слѣдовъ искусства и слога, значило бы сражаться съ вѣтренными мельницами".

Итакъ, критика исключается почти вовсе изъ задачъ журнала. Немногимъ лучше и положеніе публицистики: „въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, политика питаетъ одно любопытство и не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ". Неудивительно, затѣмъ, что интересъ Жуковскаго къ предпринятому имъ дѣлу исчезъ весьма скоро. Публицистика и критика—главныя точки опоры періодическаго изданія, главныя его raisons d'être; безъ нихъ немыслимо достиженіе той цѣли, которую ставилъ себѣ, въ минуту увлеченія, молодой редакторъ „Вѣстника Европы". „Пускай воспитаніе"—восклицалъ онъ—„перемѣнитъ понятія о чтеніи! Пускай оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: обращеніе съ книгами приготовляетъ къ обращенію съ людьми, въ обществѣ мертвыхъ друзей становишься достойнѣе живыхъ; то и другое требуетъ строгаго выбора". Строгій выборъ предполагаетъ критику; пока нѣтъ мѣста для послѣдней, невозможенъ или до крайности труденъ и первый. Объ эту трудность должны были разбиться воспитательные планы, вдохновлявшіе Жуковскаго — а рутинная работа въ узкой сферѣ не могла удовлетворить надолго его поэтическую натуру. Оставленный Жуковскимъ, „Вѣстникъ Европы" опять сталъ падать. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія нашей изящной литературы, а вмѣстѣ съ нею—и періодической прессы, на первый планъ стали выдвигаться тѣ журналы, въ которыхъ сравнительно высоко стояла литературная критика. Подъ ея флагомъ проникла въ журналы и политика, самостоятельная роль которой сдѣлалась возможной лишь гораздо позже.

„Миролюбивый", по основнымъ свойствамъ своей души, Жуковскій не былъ „беззаботнымъ", т.-е. равнодушнымъ. „Политика" мало зани-

мала его умъ, но находила доступъ къ его сердцу. Не даромъ же въ высшихъ кругахъ общества, по свидѣтельству его біографа [1]), его считали „страшнымъ либераломъ, якобинцемъ"—считали даже тогда, когда онъ уже стоялъ близко къ придворнымъ сферамъ. Переведя стихотвореніе Шиллера: „Die drei Worte des Glaubens", онъ не хотѣлъ печатать его безъ второй строфы („Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei, und wär' er in Ketten geboren"), устрашавшей тогдашнюю цензуру. Онъ выкупилъ крѣпостныхъ людей, которыхъ на его имя пріобрѣлъ книгопродавецъ Поповъ, и отпустилъ ихъ на волю. Хлопоча о литераторѣ Мещевскомъ, надъ которымъ стряслась бѣда, онъ писалъ А. И. Тургеневу (въ 1816 г.): „Мещевскій въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ. Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество. Если-жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это—что̀ это? Я не знаю, какъ назвать это? На что̀ же намъ толковать о добрѣ, о общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу стихахъ? На что̀ же смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, если способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ быть о жизни, а можетъ быть (что̀ еще важнѣе) о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя ввѣряетъ". Заступникомъ за пострадавшихъ Жуковскій продолжалъ быть и позже, въ эпоху своего служебнаго возвышенія: извѣстно, напримѣръ, что, благодаря его ходатайству, Герценъ былъ переведенъ, въ 1837 г., изъ Вятки во Владиміръ [2]). Тѣсно связанъ съ этими симпатичными чертами тотъ замѣчательный фактъ, что пожеланія, выраженныя Жуковскимъ почти сто лѣтъ тому назадъ, сохраняютъ свою силу до настоящаго времени. „Лишь *въ голосѣ отечества свободномъ* съ смиреніемъ дѣла свои читать"—эти по истинѣ золотыя слова вылились изъ сердца поэта, когда онъ, въ 1818 г., привѣтствовалъ рожденіе великаго князя Александра Николаевича—будущаго императора Александра II-го. Не напрасно Жуковскій руководилъ воспитаніемъ того, кто, освободивъ крестьянъ, оправдалъ завѣтъ поэта: „да на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ*".

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ газета, немало нашумѣвшая въ короткое время своей жизни, но теперь глубоко и заслуженно за-

[1]) См. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго", К. К. Зейдлица (Спб., 1883), стр. 125.

[2]) Въ „Русской Старинѣ" только-что напечатанъ интересный разговоръ Жуковскаго съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ которомъ поэту пришлось выслушать рѣзкіе упреки за ходатайство его о Н. И. Тургеневѣ и другихъ декабристахъ.

бытая—„Берегъ“ г. Цитовича,—пустила въ оборотъ выраженіе: *надпольная пресса*, подводя подъ это понятіе всѣ независимые органы печати и уравнивая ихъ, по направленію и зловредности, съ *подпольными* изданіями. Нѣчто подобное пытаются сдѣлать, пользуясь тяжестью переживаемаго нами момента, „Московскія Вѣдомости“—но онѣ идутъ еще дальше „Берега“, утверждая, что наша печать „*вся почти поголовно* проповѣдуетъ доктрины, не имѣющія ничего общаго ни съ православною церковью, ни съ самодержавнымъ строемъ“, и является „однимъ изъ главныхъ поприщъ преступной пропаганды“. Полетъ обвинительнаго усердія не останавливается и на этомъ: такими же „поприщами“, какъ и печать, оказываются *школа*, высшая, средняя и низшая; *рабочій людъ*, на фабрикахъ и въ деревняхъ; всѣ *общественныя собранія*, въ особенности земства, „содержащія на народныя деньги цѣлые легіоны антиправительственныхъ и антицерковныхъ агитаторовъ, приходящихъ въ самыя интимныя соприкосновенія съ народомъ“—и, наконецъ, „все ютящееся по окраинамъ и разселившееся по внутреннимъ губерніямъ инородческое населеніе Россіи“. Сообразно съ этимъ, на очередь ставится „раціональное устроеніе нашихъ школъ, нашего фабричнаго и сельскаго рабочаго класса, нашихъ общественныхъ собраній, нашего инородческаго населенія“. Въ чемъ должно заключаться „устроеніе“—объ этомъ можно судить по указаніямъ, разсѣяннымъ въ другихъ статьяхъ той же газеты. Нужно устранить изъ нашей жизни „все что внесено въ нее демократическими вѣяніями Запада“; нужно обуздать „либеральныхъ варваровъ, старающихся принизить уровень научнаго образованія Россіи до степени самыхъ ограниченныхъ умственныхъ способностей, дабы ради эгалитаризма у насъ уничтожить даже аристократію ума и образованія“ [1]); нужно руководствоваться при выборѣ преподавателей „не только ихъ педагогическими способностями, но и ихъ міросозерцаніемъ“; нужно выработать для деревни сельскій уставъ, соотвѣтствующій „общему міросозерцанію русскаго государства“, для „окраинной политики“—„опредѣленный планъ, строго согласованный съ русскою „государственною и національною идеею“; нужно имѣть въ виду, что въ печати „демократическія доктрины проповѣдуются въ самыхъ различныхъ формахъ подъ *безвластнымъ, равнодушнымъ, а иногда и сочувственнымъ контролемъ* лицъ, которыя по положенію своему ничего, казалось бы, общаго съ демократическими идеями имѣть не могутъ“.

Какой смыслъ всѣхъ этихъ навѣтовъ и извѣтовъ? Ужъ не господ-

[1]) Эта выходка противъ „либеральныхъ варваровъ“ получаетъ особое значеніе въ виду того, что она сдѣлана 15-го апрѣля, четыре дня послѣ личной перемѣны въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.

ствовала ли у насъ, въ послѣдніе годы, свобода, граничащая съ распущенностью? Ужъ не страдала ли наша общественная и государственная жизнь отъ слабости надзора, отъ недостатка сдерживающихъ, регламентирующихъ постановленій? Совершенно наоборотъ: вездѣ торжествовалъ принципъ авторитета, ограничивая или отметая все не укладывающееся въ тѣсныя, узкія рамки. Деревня, и безъ сельскаго устава, была подчинена „властной рукѣ"; на окраинахъ послѣдовательнѣе чѣмъ когда-либо проводился опредѣленный планъ, менѣе всего благопріятствовавшій „сепаратизму"; земство, каждый выборъ котораго требовалъ утвержденія администраціи, не могло, еслибы и хотѣло, замѣщать земскія должности „агитаторами"; общественныя собранія нерѣдко—и не по доброй волѣ—прекращали или пріостанавливали свою дѣятельность; изъ школы удалялись, по первому подозрѣнію, люди, „благонадежность" которыхъ удостовѣрялась, вслѣдъ за тѣмъ, допущеніемъ ихъ къ работѣ въ другой (иногда вполнѣ аналогичной) оффиціальной сферѣ; контроль надъ печатью меньше чѣмъ когда-либо былъ отмѣченъ „равнодушіемъ" или, тѣмъ болѣе, „сочувствіемъ" къ ея „увлеченіямъ". Требуется, слѣдовательно, обостреніе репрессіи, безъ того крайне напряженной, регресса, глубоко проникшаго въ жизнь. Если опасны земскіе врачи, земскіе статистики, земскіе агрономы, „приходящіе въ самыя интимныя соприкосновенія съ народомъ", то опасно и самое земство—или, лучше сказать, опасно вообще приближеніе къ народу интеллигенціи, не облеченной властью. Врачъ или агрономъ, *назначенный* администраціей, ничѣмъ существенно не отличается отъ врача или агронома, назначеннаго земской управой, но *утвержденнаго* губернаторомъ; если вредно вліять на народъ можетъ послѣдній, то нѣтъ никакихъ гарантій противъ такого же вліянія со стороны перваго. Нужно, значитъ, не только упразднить земство—нужно отмѣнить или свести на нѣтъ всѣ виды помощи народу, кромѣ тѣхъ, носителями которыхъ являются податные инспектора и земскіе начальники. Столь же логично вытекаетъ изъ тѣхъ же посылокъ уничтоженіе земской школы. Прибавимъ къ этому сельскій уставъ, составленный въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей"—и мы поймемъ, какая стѣна воздвиглась бы между „правящимъ классомъ" и „низшимъ родомъ людей". Безъ сомнѣнія, она была бы недолговѣчна: жизнь взяла бы свое, искусственное разобщеніе вновь уступило бы мѣсто сближенію—но слѣды отчужденности изгладились бы нескоро...

Въ примѣненіи къ среднему и высшему образованію система, рекомендуемая „Московскими Вѣдомостями", предполагаетъ инквизиціонное изслѣдованіе образа мыслей, т.-е. того, что всего легче можетъ быть замаскировано и прикрыто. Она ведетъ къ поощренію

лицемѣрія и посредственности, т.-е. къ пониженію нравственнаго и умственнаго уровня преподаванія. Однообразіе, при ея дѣйствіи, водворилось бы несомнѣнно—но это было бы однообразіе кажущееся, мнимое, за которымъ скрывались бы менѣе чѣмъ когда-либо примиренныя разногласія. То же самое зрѣлище представляла бы и печать, приведенная къ одному знаменателю по рецепту псевдо-охранительной газеты. Если въ настоящее время, несмотря на всѣ цензурныя строгости, печать „почти вся поголовно“ служитъ орудіемъ „преступной агитаціи“, то не остается ничего другого, какъ провозгласить монополію немногихъ „благонамѣренныхъ“ изданій, а всѣ остальныя запретить или поставить въ условія, при которыхъ они могли бы пѣть только съ чужого голоса... И этого не стыдится домогаться одинъ изъ органовъ печати—печати, для которой борьба мнѣній такъ же необходима, какъ дыханіе для жизни!

Не лучше понимаетъ значеніе печати и другая реакціонная газета—но подъ перомъ кн. Мещерскаго мысли, достойныя „Московскихъ Вѣдомостей“, принимаютъ неотразимо-комическій характеръ. Передавая, въ своемъ „Дневникѣ“ (8-го апрѣля), происходившій при его участіи „оживленный разговоръ“ о свободѣ печати, редакторъ „Гражданина“ высказывается за сосредоточеніе цензурныхъ обязанностей въ рукахъ одного лица, призваннаго быть не только органомъ предупредительной и карательной власти, но и *руководителемъ* (?!) печати. „Это лицо“—восклицаетъ кн. Мещерскій — „должно быть хозяиномъ міра печати, любезнымъ, лойяльнымъ, порядочнымъ, но хозяиномъ, т.-е. твердымъ обладателемъ яснаго пониманія того, что̀ нужно, и людей, съ которыми нужно имѣть дѣло... Онъ долженъ понимать, когда нужна предварительная цензура и когда она не нужна. Ему же надлежитъ понимать, что провинціальная печать должна быть совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ столичная, ибо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ газетъ порядочныхъ, вся печать въ провинціи въ рукахъ безусловно нецивилизованныхъ, и вслѣдствіе этого цензура должна быть не только предварительная, но должна быть весьма строгая... Безшабашность и безпринципность всегда берутъ верхъ въ нашей провинціальной печати“. Дальше кн. Мещерскій спрашиваетъ себя, „задыхается ли наша печать отъ лишенія свободы“?—и отвѣчаетъ: „по совѣсти скажу—нѣтъ, ибо знаю, что нѣтъ государственнаго вопроса, нѣтъ народной нужды, по поводу которыхъ печать была бы лишена возможности высказывать свободно и прилично свое мнѣніе“. Этихъ послѣднихъ словъ было бы достаточно, чтобы опредѣлить настоящую цѣнность разсужденій „Гражданина“. Какъ редакторъ газеты, кн. Мещерскій *не можетъ не знать*, что есть государственные вопросы, есть народныя нужды, относительно которыхъ печать обязана хранить

молчаніе: онъ не можетъ не знать какъ текстъ закона (Уст. о ценз. и печ. ст. 140), предоставляющаго министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати, *въ теченіе нѣкотораго времени*, того или другого вопроса *государственной важности*, такъ и установившуюся практику, въ силу которой этотъ законъ примѣняется, въ теченіе неопредѣленнаго времени, ко многимъ вопросамъ, не имѣющимъ и тѣни государственнаго значенія, и даже къ отдѣльнымъ фактамъ, съ государственной точки зрѣнія совершенно безразличнымъ. О *свободномъ* обсужденіи цѣлаго ряда вопросовъ не можетъ быть рѣчи и тогда, когда они не подведены, непосредственно и прямо, подъ дѣйствіе ст. 140-ой; слишкомъ великъ для этого арсеналъ карательныхъ мѣръ, которыми располагаетъ администрація... Кто не хочетъ видѣть столь несомнѣнныхъ фактовъ, тому лучше не говорить о положеніи печати; къ его словамъ все равно никто не отнесется серьезно. Пускай кн. Мещерскій взводитъ какія угодно небылицы на провинціальную прессу: никого изъ тѣхъ, кто съ нею хоть сколько-нибудь знакомъ, онъ не разубѣдитъ въ томъ, что значительно большая ея часть заслуживаетъ полнаго уваженія, и что ея дѣятели „цивилизованы“, въ большинствѣ случаевъ, ужъ конечно не меньше, чѣмъ столичные газетные обскуранты. Пускай кн. Мещерскій мечтаетъ о *„хозяинѣ печати“*: никого, кромѣ своихъ единомышленниковъ, онъ не заставитъ забыть, что эти два слова, по извѣстному французскому выраженію, hurlent de se voir accouplés ensemble. *Руководимы* могутъ быть, пожалуй, отдѣльные органы печати, хотя никогда и нигдѣ такое руководство не приносило пользы государству; *руководимая* вся въ своей совокупности, печать не имѣла бы никакого смысла. Никому не было бы нужно повтореніе, въ разныхъ формахъ, однѣхъ и тѣхъ же мыслей—повтореніе всего чаще неискреннее и уже по тому одному лишенное всякой внутренней силы. Печать не должна конкуррировать съ правительственными актами: у нея есть свое назначеніе, исполнять которое она можетъ только при отсутствіи „хозяина“, хотя бы самаго „любезнаго“. Ея двигателемъ можетъ служить только свобода мнѣнія, а ея регуляторомъ—только законъ.

Нашимъ читателямъ памятно, быть можетъ, имя г. Сухотина, разсылавшаго, въ бытность его земскимъ начальникомъ, любопытные циркуляры землевладѣльцамъ [1]) и оставшагося вѣрнымъ самому себѣ и въ новомъ званіи уѣзднаго (чернскаго) предводителя дворянства. Теперь онъ превзошелъ самого себя, сначала въ рѣчи, сказанной имъ волостнымъ

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1895 г.

старшинамъ и разосланной, въ литографированныхъ спискахъ, въ волостныя правленія, потомъ въ письмѣ на имя одного изъ земскихъ начальниковъ чернскаго уѣзда. Оба документа напечатаны цѣликомъ въ № 84 „Смоленскаго Вѣстника". Волостнымъ старшинамъ г. Сухотинъ преподаетъ, между прочимъ, слѣдующія наставленія: „самое важное— это вселеніе въ населеніе *сознанія*, что нѣтъ въ мірѣ равноправныхъ, а потому каждый изъ насъ долженъ оказывать должное уваженіе старшему себѣ по лѣтамъ, по положенію извѣстному и т. п. причинамъ. Кому изъ насъ неизвѣстно, что гдѣ если верхъ беретъ не происхожденіе, то беретъ верхъ капиталъ, образованіе и т. п., а потому *всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равные*, а потому другъ съ другомъ мы должны быть равны и быть за панибрата, есть ни что иное, *какъ одинъ пустой разговоръ*, что на каждомъ шагу вы можете видѣть у себя, даже между своимъ сословіемъ; такъ напримѣръ, *крестьянинъ нѣсколько зажиточный пользуется между своими односельчанами извѣстнымъ уваженіемъ и привилегіей*, почему же послѣ этого происхожденіе либо извѣстное общественное положеніе не можетъ требовать со стороны младшихъ себя и не пользующихся положеніемъ этимъ, извѣстнаго уваженія. Вы спросите меня, какимъ путемъ достигнуть этого. А вотъ какимъ: воспитаніемъ и образованіемъ ввѣреннаго вамъ населенія. Вы спросите меня, какъ же вы сдѣлаете теперь, когда воспитанія въ этомъ направленіи до сихъ поръ не было. А вотъ какъ: почаще вызывайте къ себѣ сельскихъ старостъ, читайте имъ ихъ обязанности, указанныя 58 и 60 ст. общ. пол., а также уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, правила, которыя проповѣдуете на каждомъ волостномъ сходѣ". За нарушеніе уваженія къ старшимъ сельскіе старосты должны подвергать крестьянъ наказаніямъ въ предѣлахъ дисциплинарной власти, предоставленной имъ Положеніемъ 19-го февраля... Цѣлесообразность и законность программы, преподанной въ рѣчи г. Сухотина, возбудила сомнѣніе въ земскомъ начальникѣ Карповѣ. Узнавъ объ этомъ, г. Сухотинъ, и раньше уже питавшій неудовольствіе къ г. Карпову, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ: „При посѣщеніи моемъ сукмановской школы вы, вѣроятно, видѣли, какъ духовенство, для примѣра темному крестьянскому люду, котораго они учатъ теоретически объ оказаніи должнаго уваженія старшимъ, чтобы это ученіе не шло въ разрѣзъ съ фактической стороной дѣла,—встрѣтило меня, какъ представителя высшаго сословія въ уѣздѣ, на коемъ лежитъ обязанность, въ силу закона, главнаго наблюденія за правильнымъ направленіемъ, даваемымъ въ школахъ. Вы же, свѣтская власть, а именно земскій начальникъ, который обязанъ по своей спеціальной обязанности воспитывать ввѣренное вамъ населеніе въ этомъ направленіи, мало того, что

не послѣдовали хорошему примѣру духовенства и не встрѣтили не меня, Сухотина, если онъ вамъ не любъ, а представителя дворянъ и власти, какъ бы это слѣдовало, а умышленно въ то время, когда заслуженный протоіерей вышелъ встрѣчать меня даже на подъѣздѣ,— ушли въ другую комнату и пришли уже послѣ того, когда я поздоровался съ мальчиками... Такое ваше отношеніе къ своимъ прямымъ обязанностямъ указываетъ либо на то, что, вы *не имѣете понятія о воспитаніи ввѣреннаго вамъ населенія*, либо на нежеланіе подчиняться требованіямъ, предъявляемымъ начальствомъ; и то, и другое явленіе очень грустное и вредно можетъ отзываться на населеніи, но я склоненъ думать, что послѣднее вѣрнѣе, ибо это доказываетъ мнѣ моя ревизія, изъ которой я усмотрѣлъ, что ваша дѣятельность относительно введенія порядка въ участкѣ ограничивается однимъ лишь требованіемъ взысканія повинностей... Что касается до моихъ требованій по отношенію введенія порядка и благочинія въ деревнѣ, которыя мною были объявлены старшинамъ въ присутствіи всѣхъ членовъ уѣзднаго съѣзда, то мнѣ очень хорошо извѣстно, что вы позволили себѣ разъяснять, что мои требованія неправильны и такимъ не слѣдовать. Находя такія ваши дѣйствія несоотвѣтствующими задачамъ, указаннымъ въ указѣ 1889 г. іюля 12 дня, считаю своимъ долгомъ, какъ представитель дворянъ, которые меня избрали большинствомъ болѣе $^2/_3$ голосовъ для водворенія порядка въ уѣздѣ, соотвѣтствующаго правительственнымъ взглядамъ, но нѣсколько поколебленнаго до меня, и какъ представитель власти въ уѣздѣ, на котораго закономъ 12 іюля 1889 г. возложена обязанность наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе реформы, а также и наблюденіе за правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ народа и юношества, указать на всѣ вышеприведенныя неправильныя ваши дѣйствія и предупредить васъ, что если вы будете и впредь продолжать дѣйствовать по своему, а не по требованію начальства и несогласно съ общими дѣйствіями остальныхъ земскихъ начальниковъ, то я буду вынужденъ просить его превосходительство тульскаго губернатора и губернскаго предводителя объ удаленіи васъ отъ должности земскаго начальника, какъ дѣйствующаго въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми правительствомъ. Зная же вашъ взглядъ на должность свою и ваше несочувствіе этой службѣ, который вы публично высказывали въ коммиссіи по рабочему вопросу, вмѣстѣ съ С. Л. Толстымъ, я увѣренъ въ томъ, что вы не послѣдуете моимъ указаніямъ, а потому я просилъ бы васъ не доводить меня до предполагаемаго моего рѣшенія“ [1]).

[1]) Замѣчательно своеобразенъ языкъ обоихъ приведенныхъ нами документовъ. Образцомъ для г. Сухотина служитъ, очевидно, слогъ кн. Мещерскаго, но у ученика разладъ съ грамматикой и логикой идетъ еще дальше, чѣмъ у учителя.

Получивъ это письмо, г. Карповъ представилъ его на усмотрѣніе правительствующаго Сената, который нашелъ въ немъ выраженія неумѣстныя даже въ сношеніяхъ начальника съ подчиненными; между тѣмъ, по закону земскіе начальники подчиняются надзору и руководству мѣстныхъ губернаторовъ и губернскаго присутствія и подвергаются удаленію отъ должности въ порядкѣ, указанномъ статьями 132—142 Положенія о земскихъ начальникахъ; уѣзднымъ же предводителямъ дворянства, по силѣ ст. 101 того же Положенія, предоставляется лишь ревизовать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ, съ представленіемъ въ подлежащихъ случаяхъ своего заключенія на усмотрѣніе губернскаго присутствія.

Засимъ, въ законѣ нигдѣ не установлено подчиненности земскихъ начальниковъ уѣздному предводителю дворянства, какъ начальнику, имѣющему право поставлять на видъ своимъ подчиненнымъ упущенія въ исполненіи ими своихъ обязанностей и предупреждать о возможности удаленія отъ должности. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Сенатъ призналъ, что предводитель дворянства Сухотинъ, обращаясь къ земскому начальнику Карпову съ вышеуказаннымъ письмомъ, тѣмъ самымъ вышелъ изъ предѣловъ возложенныхъ на него по закону обязанностей. Равнымъ образомъ представляются неумѣстными какъ тѣ разъясненія и наставленія, касающіяся ученія Православной Церкви, съ коими Сухотинъ обращался къ волостнымъ старшинамъ, ибо подобнаго рода поученія относится къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, но отнюдь не предводителей дворянства,—такъ и разсылка волостнымъ старшинамъ литографированныхъ экземпляровъ его рѣчи для прочтенія на волостныхъ и сельскихъ сходахъ, какъ программы его дѣйствій по должности предводителя дворянства, въ виду того, что основаніемъ дѣятельности всѣхъ состоящихъ на службѣ государственной или общественной должностныхъ лицъ, должны служить должностныя узаконенія, а также законныя распоряженія высшей власти и ближайшаго начальства. Не усматривая, однако, въ дѣйствіяхъ Сухотина состава преступленія по должности, наказуемаго въ судебномъ порядкѣ, Сенатъ опредѣлилъ: поставить чернскому уѣздному предводителю дворянства статскому совѣтнику Сухотину на видъ его неумѣстныя и неприличныя дѣйствія по отношенію къ земскому начальнику Карпову.

Не касаясь формальной стороны дѣла, достаточно разъясненной рѣшеніемъ Сената, мы остановимся только на нѣкоторыхъ чертахъ, особенно характерныхъ съ бытовой точки зрѣнія. Замѣчательно, прежде всего, какія метаморфозы претерпѣваетъ, на хорошо подготовленной почвѣ, идея *начальства*. Она разрастается въ ширь, захватывая собою отношенія, вовсе не подводимыя подъ нее закономъ; она разра-

стается въ глубь, вторгаясь въ частную жизнь, регламентируя не подлежащее регламентаціи. Предводитель дворянства, облеченный однимъ лишь правомъ контроля надъ земскими начальниками, разсматриваетъ ихъ какъ подчиненныхъ, обязанныхъ не только исполнять его распоряженія, законныя и незаконныя, но и оказывать ему особые внѣшніе знаки уваженія—выходить ему на встрѣчу, принимать его на подъѣздѣ зданія, которое онъ удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ. Предсѣдатель коллегіальнаго учрежденія (уѣзднаго съѣзда), имѣющаго закономъ опредѣленный кругъ дѣйствій, единолично декретируетъ для должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и для всѣхъ вообще крестьянъ правила жизни, не вытекающія изъ закона и идущія въ разрѣзъ съ основаніями нравственности. Удивительна уже сама по себѣ мысль о воспитаніи и образованіи народа черезъ посредство волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, съ помощью устава о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій; но что сказать о сущности воспитательной системы, считающей лжеученіемъ (!) равенство всѣхъ передъ Богомъ и рекомендующей, какъ нѣчто достойное подражанія, уваженіе ко всякому „нѣсколько зажиточному“ человѣку? Итакъ, стоитъ только возвыситься—все равно, какими средствами,—надъ уровнемъ деревенской бѣдноты, чтобы получить право на „привилегію“, о которой говоритъ г. Сухотинъ? Какимъ извращеніемъ понятій грозило бы распространеніе подобныхъ взглядовъ, еслибы они не встрѣчали отпора въ здравомъ смыслѣ народа, въ чувствѣ долга „подчиненныхъ“, не отказавшихся отъ „права смѣть свое сужденіе имѣть“, и, наконецъ, въ безпристрастіи Сената, доказавшаго еще разъ, что къ нему примѣнимы, mutatis mutandis, извѣстныя слова потсдамскаго мельника: „есть еще судьи въ Берлинѣ“!

Какое значеніе имѣетъ Сенатъ въ ряду нашихъ государственныхъ учрежденій—объ этомъ можно судить и по слѣдующему рѣшенію уголовнаго кассаціоннаго департамента. Крестьянка Скрынникова была признана присяжными засѣдателями виновной въ томъ, что, принадлежа къ сектѣ штундистовъ, она уговорами и убѣжденіями о томъ, что штундистская вѣра лучше православной, что у нихъ не ругаются, что иконъ почитать не слѣдуетъ и что лучше бросить православіе, склонила въ эту секту крестьянина Березнаго, бывшаго до того православнымъ. Харьковскій окружной судъ приговорилъ ее къ ссылкѣ на поселеніе. Въ кассаціонной жалобѣ было объяснено, что, по разъясненію Сената, при постановкѣ вопросовъ о виновности по 1-й ч. 196-й ст. Улож. [1]) должны быть указываемы какъ существенные признаки

[1]) Эта статья предусматриваетъ распространеніе существующихъ уже ересей и расколовъ и заведеніе новыхъ.

секты, къ которой обвиняемый принадлежитъ, такъ и способы и средства того нравственнаго насилія, которое выражалось въ подстрекательствѣ отпасть отъ православія и перейти въ указанную въ вопросѣ ересь. Въ данномъ случаѣ не были соблюдены ни то, ни другое требованія. Указаніе на то, что обвиняемая говорила о непочитаніи иконъ, не исчерпываетъ существенныхъ признаковъ штунды, указанныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 3-го сентября 1894 года, и не даетъ представленія о штундѣ, такъ какъ баптисты, протестанты и другіе также не почитаютъ иконъ. Изъ предложеннаго присяжнымъ вопроса не видно также, чтобы Березный подвергался подстрекательству обвиняемой именно отпасть отъ православія и перейти въ штунду, а указано лишь на высказанное обвиняемой убѣжденіе въ превосходствѣ штунды надъ православіемъ. Но свои убѣжденія сектантамъ не воспрещается высказывать и защищать, какъ это дѣлается даже открыто на диспутахъ сектантовъ съ миссіонерами, и въ дѣяніи обвиняемой нельзя, поэтому, признать и вообще какого-либо караемаго проступка. Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ приговоръ и все производство, за силой 1-й ст. Уст. уг. суд. и 1-й ст. Ул. о нак., т.-е. не усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Скрынниковой признаковъ преступленія.

Смерть Глѣба Ивановича Успенскаго воскресила въ памяти русскаго общества всю тяжесть потери, понесенной имъ десять лѣтъ тому назадъ, когда неизлечимая болѣзнь наложила молчаніе на писателя, какъ немногіе знавшаго и какъ немногіе любившаго русскій народъ. По истинѣ знаменательно совпаденіе фактовъ, на которое указалъ недавно В. Г. Короленко: Успенскій заболѣлъ именно тогда, когда надъ Россіей разразилось съ давно небывалою силой стихійное бѣдствіе неурожая. Безъ преувеличенія можно сказать, что почившій писатель жилъ одною жизнью съ народомъ, перенося его лишенія, испытывая его муки. Для Успенскаго онѣ усложнялись сознаніемъ темныхъ сторонъ народной массы. Проницательный наблюдатель, онъ былъ въ то же время правдивымъ лѣтописцемъ—лѣтописцемъ упадка нравовъ, не уравновѣшиваемаго умственнымъ подъемомъ. Хорошо понимая сложныя причины этого упадка, Успенскій не былъ и не могъ быть ни обвинителемъ народа, ни его судьею — но не хотѣлъ брать на себя и тенденціозную его защиту. Онъ изображалъ то, что видѣлъ, безъ негодованія, но съ глубокой скорбью — тѣмъ болѣе глубокой, чѣмъ живѣе былъ въ его душѣ идеалъ добра и истины. Этотъ идеалъ онъ видѣлъ отчасти въ прошломъ („власть земли“), отчасти въ будущемъ („народная интеллигенція“, раскрывающая высшую справедли-

вость). Вѣра въ идеалъ предохраняла Успенскаго отъ отчаянія, но обостряла его ужасъ при видѣ зла, господствующаго въ настоящемъ. „Знаю я“ — восклицалъ онъ, — „что духъ народный не умеръ и не умретъ; знаю я, что его работа идетъ и сейчасъ на глазахъ у всѣхъ насъ,—но я утверждаю, что она идетъ съ ненужнымъ зломъ, съ ненужными мученіями, идетъ безобразно, дико, нелѣпо“. Особенно тяжела, въ его глазахъ, отвѣтственность пассивныхъ и безучастныхъ зрителей работы: „народъ, идя къ разрѣшенію того или другого занимающаго его вопроса, бредетъ ощупью, не зная завтрашняго дня. Мы знаемъ этотъ день — и молчимъ“. Молчаніе, однако, не всегда бываетъ добровольнымъ—и это какъ нельзя лучше понималъ Успенскій. Указавъ на обязанность русскаго интеллигентнаго человѣка „отвоевать для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ“, онъ прибавляетъ: „конечно, сперва ему необходимо отвоевать это право и для себя“.

Въ самый расцвѣтъ дѣятельности Успенскаго ему часто ставилась въ вину широкая роль, отводимая имъ публицистическому элементу. Подобный упрекъ всегда казался намъ до крайности несправедливымъ. „Дѣленіе литературы на строго опредѣленные жанры“—говорили мы много лѣтъ тому назадъ [1])—„отжило свой вѣкъ; перегородки, нѣкогда установленныя эстетикою, потеряли свою обязательную силу. Важна не рамка —важно то, что̀ ее наполняетъ. Успенскій создалъ для себя особый литературный родъ—и совершенно правъ, оставаясь ему вѣрнымъ... Существуетъ преданіе о философскомъ спорѣ, въ которомъ одна сторона отрицала возможность движенія, а другая доказывала его, переходя съ мѣста на мѣсто. Нѣчто въ этомъ родѣ происходитъ на нашихъ глазахъ по поводу Успенскаго: критики, руководствующіеся старыми эстетическими взглядами, оплакиваютъ ошибку автора, перемѣшивающаго образы съ разсужденіями—а авторъ, не сходя съ однажды избраннаго пути, завоевываетъ все больше и больше, и по праву, вниманіе и сочувствіе публики“... Идея у Успенскаго—„такой же центръ, какимъ является въ психологическомъ романѣ—главное дѣйствующее лицо, въ романѣ интриги—главное событіе, обусловливающее всѣ остальныя [2]). Слѣдуетъ ли отсюда, что Успенскій—публицистъ, слегка усложненный беллетристомъ, и что это усложненіе—излишній балластъ, который всего лучше было бы выкинуть за бортъ? Нисколько. Діалектика и лиризмъ, обобщенія и конкретные, рѣзко освѣщенные факты, самостоятельная работа мысли и живое изобра-

[1]) См. статью: „Лѣсная правда и высшая справедливость“ въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1883 г. и замѣтку въ Литературномъ Обозрѣніи № 12 за тотъ же годъ (по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома сочиненій Успенскаго).

[2]) Яркій примѣръ такой идеи—*власть земли*, въ очеркахъ, соединенныхъ подъ этимъ заглавіемъ.

женіе возбуждающихъ ее данныхъ, своеобразный языкъ отступленій и мастерское воспроизведеніе рѣчи, свойственной крестьянину—и мастеровому, труженику-рабочему—и кулаку, земледѣльцу старой формаціи—и пролетарію, выброшенному изъ деревни въ городъ или на фабрику: все это сливается у Успенскаго въ одно цѣлое, гармоническое, свободное отъ неестественныхъ, кричащихъ сочетаній... Переходъ народныхъ массъ отъ одной формы экономическаго быта къ другой, колебанія въ народномъ міросозерцаніи, появленіе новыхъ общественныхъ классовъ, новыхъ видовъ эксплуатаціи и протеста—вотъ громадная тема, занимающая Успенскаго. Есть ли основаніе думать, что она скоро потеряетъ свой интересъ, скоро сойдетъ со сцены"? Тотъ же вопросъ, съ такимъ же правомъ, можно повторить и теперь, по прошествіи двухъ десятилѣтій... Сочиненія Успенскаго—въ высшей степени цѣнный историческій документъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ образовъ и картинъ, иногда высоко художественныхъ. Назовемъ, для примѣра, разсказы: „Неизлѣчимый", „Нужда пѣсенки поетъ", „Парамонъ юродивый", „Маленькіе недостатки механизма", „Свои средствія"—или такія фигуры, какъ Иванъ Босыхъ и Гаврила Волковъ („Власть земли").

Скончавшійся недавно В. П. Острогорскій принадлежалъ къ той группѣ педагоговъ, которую подготовила или выдвинула на сцену эпоха великихъ реформъ. Подобно Ушинскому, Стоюнину, Водовозову, Резенеру, Герду, онъ былъ не только талантливымъ учителемъ, умѣвшимъ внушить живой интересъ къ своему предмету, но и воспитателемъ, овладѣвавшимъ сердцами своихъ слушателей и направлявшимъ ихъ ко всему высокому и доброму. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ примкнулъ къ великодушному движенію, пытавшемуся создать, частными силами и средствами, широкую систему начальнаго обученія. Свои воспоминанія объ этомъ времени онъ изложилъ въ интересной книгѣ: „Изъ исторіи моего учительства" [1]). Горячая вѣра въ лучшее будущее, сознаніе долга передъ народомъ, стремленіе работать ему на пользу—таковы были чувства, одушевлявшія устроителей василеостровской безплатной школы. „Затѣянное въ студенческой комнатѣ нѣсколькими юношами"—говоритъ Острогорскій,—„скромное дѣло незамѣтно разросталось въ большое и серьезное. Уже довольно значительное количество мальчиковъ было обучено разумно грамотѣ и получило элементарное образованіе; нѣсколькихъ, болѣе способныхъ, приготовили мы и помѣстили на казенный счетъ, кого въ академію художествъ, кого—въ гимназію; нѣсколькихъ устроили въ мастерства,

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1895 годъ.

никого не оставляя своими заботами и за стѣнами школы. Но, несмотря на всѣ наши успѣхи, дни школы были сочтены. Въ 1866 г., подобно всѣмъ воскреснымъ и другимъ безплатнымъ училищамъ, она была закрыта по распоряженію администраціи, не нашедшей возможнымъ—хотя за насъ и просило министерство (народнаго просвѣщенія)—сдѣлать для нея исключеніе". Тою же любовью къ дѣлу, не умѣряемою годами, былъ проникнутъ Острогорскій и какъ учитель гимназіи. Вотъ что̀ разсказываетъ о его урокахъ одинъ изъ бывшихъ его учениковъ (С. Д. Протопоповъ, въ „Нижегородскомъ Листкѣ"): „съ Викторомъ Петровичемъ на насъ пахнуло совсѣмъ новымъ вѣяніемъ. Часы занятій стали проходить незамѣтно; уроки русскаго языка превратились въ оживленныя бесѣды. Острогорскій считалъ своею обязанностью помогать намъ разбираться въ волнующихъ насъ мысляхъ. Вопросы гимназистовъ сыпались и сыпались: учитель уходилъ изъ класса окруженный толпой, которая стремилась дослушать его отвѣты". Такимъ былъ Острогорскій до конца жизни, вездѣ, гдѣ соприкасался съ молодежью. На старости лѣтъ онъ возвратился къ своимъ раннимъ стремленіямъ и рѣшился сдѣлать что-нибудь прочное для образованія народа. Онъ основалъ въ Валдаѣ народную школу, построилъ для нея домъ, содержалъ ее на деньги, которыя зарабатывалъ частными уроками, и письмомъ, оглашеннымъ послѣ его смерти, завѣщалъ ее попеченію своихъ друзей и попечителей... Весьма разнообразной и полезной была и литературная дѣятельность В. П. Острогорскаго, особенно въ той ея части, которая была посвящена вопросамъ воспитанія и образованія [1]). Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ редакторомъ „Міра Божія", одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ.

Незадолго передъ кончиною В. П. Острогорскаго, 8 марта, педагогическій міръ лишился еще одного виднаго дѣятеля въ лицѣ Дмитрія Дмитріевича Семенова (род. 1834 г.). Изъ его почти полувѣковой дѣятельности, исключительно на поприщѣ педагогическомъ, какъ преподавателя и писателя-педагога,—послѣднія 20 лѣтъ принадлежали городу Петербургу и были посвящены трудамъ по начальному народному образованію, въ званіи эксперта по учебной части при городской коммиссіи по народному образованію. На его долю, какъ опытнаго, свѣдущаго и просвѣщеннаго наблюдателя, совѣтника и руководителя учащихъ—а въ этомъ-то и состоитъ главная и важная обязанность эксперта—выпадаетъ немалая часть заслугъ коммиссіи по народному образованію. Въ учащихъ

[1]) Въ „Вѣстникѣ Европы" В. П. Острогорскій напечаталъ некрологъ Ѳ. Ѳ. Резенера (1881, ноябрь) и статью: „Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій" (1883, апрѣль).

Д. Д., безъ сомнѣнія, оставилъ самую добрую память, и ихъ симпатіи къ покойному выразились вполнѣ при его похоронахъ; всѣ чувствовали, какую они понесли утрату въ немъ, и понимали, какъ трудно будетъ его замѣнить. Къ исполненію своихъ обязанностей эксперта по учебной части Д. Д. приготовлялся всею своею прежнею многолѣтнею педагогической карьерою и участіемъ въ педагогической литературѣ. Онъ былъ въ 50-хъ годахъ преподавателемъ въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ и на высшихъ педагогическихъ курсахъ, при второй гимназіи; затѣмъ около 15 лѣтъ провелъ на Кавказѣ, гдѣ устроилъ учительскую семинарію. Въ учебной литературѣ онъ оставилъ по себѣ память такими трудами, какъ „Уроки географіи“, „Даръ слова“, „Отечествовѣдѣніе“, въ 6 томахъ, и цѣлымъ рядомъ статей въ спеціальныхъ журналахъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ Д. Д. самъ редактировалъ педагогическій журналъ „Дѣтское Чтеніе“... Однимъ словомъ, городская коммиссія по народному образованію имѣла, лѣтъ двадцать тому назадъ, всѣ основанія пригласить въ помощники себѣ такое лицо, какъ Д. Д., и не ошиблась тогда въ своемъ выборѣ...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Спб. Городской Коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія по народному образованію, состоящая при Спб. Городской Думѣ, согласно состоявшемуся ея постановленію о чествованіи памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя, по случаю исполнявшагося въ 1902-мъ году 50-лѣтія со времени смерти этихъ великихъ писателей, отпечатала нынѣ сборникъ избранныхъ ихъ сочиненій, въ 2-хъ частяхъ, для раздачи оканчивающимъ 30-го мая с. г. трехлѣтній курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга. Отпечатанный подъ наблюденіемъ самой Коммиссіи, съ разрѣшенія цензуры, означенный сборникъ избранныхъ сочиненій Жуковскаго и Гоголя, и изъ нихъ извлеченій, доступныхъ дѣтскому пониманію, составленъ покойнымъ нынѣ, извѣстнымъ педагогомъ-литераторомъ В. П. Острогорскимъ, и имъ же подраздѣленъ, по содержанію сихъ произведеній, на отдѣлы съ объяснительными къ нимъ статьями и приложеніемъ біографическихъ очерковъ великихъ писателей, ихъ портретовъ и иллюстрацій.

Сборникъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Цѣна обѣихъ частей (страницъ 249 и 355) въ переплетахъ—*75 копѣекъ*; пересылка по почтовой стоимости.

Остающіеся отъ раздачи учащимся, 30 мая с. г., экземпляры можно пріобрѣсти въ складѣ изданія, помѣщающемся въ Канцеляріи Коммиссіи по народному образованію, въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Городской Думы (по Думской улицѣ, 3-и ворота отъ Невскаго пр.).

II.—Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможенія.

Цѣль Общества.

§ 1. С.-Петербургское Общество Взаимнаго Вспоможенія имѣетъ цѣлью:

а) оказывать своимъ членамъ во время болѣзни денежную и врачебную помощь;

б) содѣйствовать въ пріисканіи занятій;

в) выдавать деньги на погребеніе умершихъ членовъ;

г) выдавать постоянныя пособія тѣмъ изъ членовъ, кои по разстроенному здоровью или преклоннымъ лѣтамъ не въ состояніи будутъ личнымъ трудомъ пріобрѣтать средства къ существованію, а также круглымъ сиротамъ членовъ.

Примѣчаніе. Общество можетъ пріобрѣтать необходимое для цѣлей его недвижимое имущество, а также устраивать съ надлежащаго разрѣшенія богадѣльни, пріюты, школы.

Средства Общества.

§ 2. Средства Общества составляются:

а) изъ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ обязательныхъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ Общества;

б) изъ единовременныхъ и ежегодныхъ пожертвованій въ пользу Общества почетныхъ членовъ и членовъ-соревнователей;

в) изъ процентовъ съ капиталовъ Общества;

г) изъ доходовъ, получаемыхъ отъ устраиваемыхъ съ надлежащаго разрѣшенія публичныхъ чтеній, лекцій, концертовъ, спектаклей, семейныхъ баловъ, маскарадовъ, увеселительныхъ поѣздокъ и т. п., но не болѣе 4-хъ въ годъ.

Составъ Общества.

§ 8. Число членовъ не ограничивается никакою нормою.

§ 9. Въ число членовъ принимаются всѣ лица, занимающіяся частнымъ и служебнымъ трудомъ, всѣхъ профессій, а также состоящія на государственной службѣ, безъ различія пола и вѣроисповѣданій.

Примѣчаніе. Къ участію въ Обществѣ не допускаются: а) лица, не достигшія совершеннолѣтія; б) воспитанники учебныхъ заведеній; в) состоящіе на дѣйствительной службѣ нижніе воинскіе чины; и г) лица, подвергшіяся ограниченію правъ по суду.

§ 10. *Почетные члены* Общества избираются на Общемъ Собраніи (Собраніи Уполномоченныхъ) большинствомъ голосовъ изъ лицъ, оказавшихъ Обществу особыя услуги или пожертвовавшихъ Обществу значительныя суммы. Учредители Общества пользуются пожизненно правами почетныхъ членовъ.

§ 11. *Члены-соревнователи* вносятъ единовременно не менѣе десяти рублей.

§ 12. *Дѣйствительные члены*, сообразно производимымъ ими въ кассу Общества взносамъ, дѣлятся на три разряда:

Члены I-го разряда уплачиваютъ единовременно 3 руб. и ежемѣсячно 1 руб. 25 коп.;

Члены II-го разряда уплачиваютъ единовременно 2 руб. и ежемѣсячно 80 коп.;

Члены III-го разряда уплачиваютъ единовременно 1 руб. и ежемѣсячно 40 коп.

Помощь членамъ во время болѣзни.

§ 19. Для оказанія заболѣвшимъ членамъ врачебной помощи Общество имѣетъ безплатно или за вознагражденіе, опредѣляемое Общимъ Собраніемъ, врача.

§ 20. Въ случаѣ болѣзни дѣйствительные члены Общества обоего пола имѣютъ право на полученіе вспоможеній изъ суммъ Общества, а также могутъ пользоваться совѣтомъ врача на своей или его квартирѣ.

§ 23. Въ случаѣ появленія у члена острой болѣзни или эпидемической, при неотложной надобности въ пособіи, таковое выдается не позже, какъ на другой день по полученіи извѣщенія о болѣзни и недостаточности средствъ члена, и притомъ не за мѣсяцъ впередъ, а за одну недѣлю.

§ 24. Члены во время болѣзни получаютъ ежемѣсячно пособіе въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Члены I-го разряда—въ первые три мѣсяца по 24 р., слѣдующіе 3 мѣсяца—по 18 руб. и остальные 6 мѣсяцевъ—по 12 руб.;

II-го разряда—въ первые 3 мѣсяца по 16 руб., слѣдующіе 3 мѣсяца—по 12 руб., а остальные 6 мѣсяцевъ—по 8 руб.;

III-го разряда—въ первые 3 мѣсяца по 8 руб., въ слѣдующіе 3 мѣсяца—по 6 руб., а въ остальные 6 мѣсяцевъ—по 4 руб.

§ 25. По постановленію Общаго Собранія (Собранія Уполномоченныхъ), выдача пособія можетъ быть продолжена и по истеченіи года.

Разрабатывается проектъ похоронной кассы.

Лица, желающія записаться въ число членовъ Общества, могутъ обращаться въ помѣщеніе Общества (Могилевская ул., д. 18, кв. 13) по вторникамъ и четвергамъ отъ 8 ч. веч. до 10 ч. веч.; по субботамъ отъ 7—9 час. веч.; по воскресеньямъ, отъ 12—3 ч. дня.

ПОПРАВКИ:

Стран.:	*Строч.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
157	10 св.	десятилѣтія	пятидесятилѣтія
161	22 сн.	кандидатовъ	мандатовъ
172	7 „	50,6%	59,6%
174	2 „	Annales	Annexes

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.